

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ

МИР ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОМ ОСВЕЩЕНИИ

*Сборник научных статей
к 75-летию со дня рождения
профессора Э. Д. Фролова*

Под редакцией профессора А. Ю. Дворниченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

К 75-летию со дня рождения Эдуарда Давидовича Фролова

Заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Эдуард Давидович Фролов родился 1 марта 1933 года в Ленинграде. Во время войны его отец, военный летчик, погиб на фронте, а он сам вместе с матерью был эвакуирован в Красноярск. В 1950 г. окончил с золотой медалью 107 школу г. Ленинграда и поступил на исторический факультет Ленинградского университета. В качестве специализации он выбрал историю античности. Его учителями стали профессора С. И. Ковалев, К. М. Колобова и А. И. Доватур. После окончания университета в 1955 г. Э. Д. Фролов поступил в аспирантуру по кафедре истории древней Греции и Рима, после окончания которой защитил кандидатскую диссертацию «Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения». С этого времени Э. Д. Фролов работает на историческом факультете Ленинградского, а затем Петербургского университета. В 1971 г. он возглавляет кафедру, а в 1972 защищает докторскую диссертацию на тему: «Тирания в древней Греции в IV в. до н. э.».

Трудно переоценить вклад Э. Д. Фролова в развитие отечественного антиковедения. В научном плане он достойно продолжает традиции Петербургской историко-филологической школы. Круг научных интересов Э. Д. Фролова был всегда очень широк и разнообразен, но приоритетными направлениями являются проблемы, связанные с историей древнегреческой цивилизации: становление греческого города-государства (полиса), роль и значение тирании в античности, кризис гражданской общины в позднеклассический период и истоки эллинизма. Наряду с политической историей его интересуют и духовная жизнь античного общества — история античной общественной мысли, рождение социальной утопии в древнем

мире, возникновение христианства. Э. Д. Фролова всегда привлекали сюжеты, связанные с историей отечественной и западноевропейской науки об античности, философия истории и судьбы античного культурного наследия в новое время. Он является автором более 270 научных работ (не считая редактированных), в том числе 15 монографий, среди которых важнейшие — «Греческие тираны (IV в. до н. э.)», «Рождение греческого полиса», «Факел Прометея (очерки античной общественной мысли)», «Греция в эпоху поздней классики (общество, личность, власть)», а также «Русская наука об античности (историографические очерки)». Кроме того, Э. Д. Фролов занимался переводами древних авторов, в частности, им были изданы «Киропедия» Ксенофонта (совместно с В. Г. Боруховичем), речи Андокида и большая часть речей Исократ. Он также перевел с немецкого языка книгу выдающегося историка Г. Бенгтсона «Правители эпохи эллинизма».

Деятельность Э. Д. Фролова по развитию отечественного антиковедения получила заслуженное признание как в нашей стране, так и за рубежом. Его работы трижды удостоивались университетской премии за научные труды в 1983, 1993 и 2001 гг. В 1998 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Профессор Э. Д. Фролов неоднократно был участником крупнейших международных научных форумов в России, Германии, Швейцарии, Греции и др.

Э. Д. Фролов не только крупный ученый, но и признанный учитель и наставник, воспитавший не одно поколение историков-античников. Курсы лекций Э. Д. Фролова по истории древней Греции и историографии античной истории пользуются необыкновенной популярностью у студентов и аспирантов благодаря прекрасным качествам лектора, глубокому интересу к изучаемому предмету и сочетанию фактической полноты с идейной интерпретацией. Помимо этого, им был разработан целый ряд других специальных курсов и семинаров, которые теперь ведут его ученики и коллеги: «Введение в изучение античности», «Источниковедение античной истории», «Греческая эпиграфика», «Античная цивилизация», «История раннего христианства». С большим вниманием Э. Д. Фролов относится к сохранению традиций университетского образования. Им были подготовлены к переизданию курсы лекций С. Я. Лурье по истории древней Греции и С. И. Ковалева по истории Рима.

Пятидесятилетний юбилей вскоре отметит проводимый для ас-

пирантов и соискателей специальный семинар по греческому и римскому источниковедению, которым Э. Д. Фролов бесценно руководит все эти годы. Перевод и комментарии сочинений античных авторов, что составляет содержание этих занятий, позволяют развить навыки, присущие ученому-антиковеду. Под руководством Э. Д. Фролова подготовили и защитили диссертации около 40 кандидатов наук, многие из которых затем стали докторами наук и возглавили кафедры в других университетах России.

Э. Д. Фролов воплощает собой редкий пример прекрасного сочетания качеств ученого и организатора научной и учебной деятельности. Его усилиями кафедра истории древней Греции и Рима, которую он возглавляет, выросла в крупнейший центр изучения античности не только в России, но и на всем пост-советском пространстве. В 1994 г. при кафедре был создан университетский Центр Антиковедения, бессменным руководителем которого является Э. Д. Фролов. Можно без преувеличения сказать, что этот Центр выполняет важную функцию координации деятельности историков-антиковедов всей России. Важными направлениями его работы являются организация ежегодных конференций «Античное общество» и «Жебелевские чтения» и подготовка издающегося под редакцией Э. Д. Фролова с 2002 г. альманаха «Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира».

Видный ученый и педагог, Э. Д. Фролов активно участвует в общественной жизни факультета и университета: руководит работой учебно-методической комиссии Исторического факультета, принимает деятельное участие в работе Ученых советов факультета и университета, входит в состав Диссертационного совета. Он состоит членом редколлегий «Вестника Санкт-Петербургского Университета (серия “История”）」 и академического журнала «Вестник Древней Истории». За заслуги в области образования Э. Д. Фролову в 2004 г. было присвоено звание «Почетный работник Высшего профессионального образования российской Федерации».

Этот сборник, подготовленный друзьями, коллегами и учениками Э. Д. Фролова, является выражением самых добрых чувств, благодарности и глубокой признательности Ученому и Учителю.

*Д-р истор. наук, проф. А. Ю. Дворниченко,
д-р истор. наук, проф. О. В. Кулишова,
канд. истор. наук, доц. А. Д. Пантелеев*

**Список научных трудов Э. Д. Фролова
(1956–2007)**

1956

1. Экономические взгляды Ксенофонта // Ученые записки Ленинградского университета, № 192, серия ист. наук, вып. 21, 1956. С. 53–80.

1958

2. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Ученые записки Ленинградского университета, № 251, серия ист. наук, вып. 28, 1958. С. 41–74.

3. Аристотель и его греческие комментаторы // Вестник древней истории, 1958, № 2. С. 14–28 (совместно с К. М. Колобовой).

4. Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения (преимущественно по «Малым сочинениям»). Дисс. на соискание уч. степени кандидата ист. наук. ЛГУ. 1958. 294 с. (машинопись).

5. Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения (преимущественно по «Малым сочинениям»). Автореферат дисс. на соискание уч. степени кандидата ист. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. 19 с.

1961

6. Античная история и византиноведение в Петербургской Академии наук в 1803–1917 гг. // История Академии наук СССР в трех томах, т. II, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 546–557, 968–978, 1357–1378 (препринт).

1962

7. Беотия // Советская историческая энциклопедия. Т. II, 1962, стлб. 334–335.

7а. То же // БСЭ, изд. 3, т. 3, 1970. С. 203, стлб. 596.

8. Рец. на кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II, М., 1960 // Вопросы истории, 1962, № 3. С. 130–137 (совместно с Г. Л. Курбатовым и др.).

9. Ценный указатель литературы об античном мире (рец. на кн.: А. И. Воронков. Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель. М., 1961) // Советская библиография, 1962. № 2. С. 79–83 (совместно с И. И. Фроловой).

10. Речи Динарха. Перевод и комментарии // Вестник древней истории. 1962. № 2. С. 187–213.

11. Речь Эсхина «Против Тимарха». Вступительная статья, перевод и комментарии // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 217–252.

12. Жизнеописания Динарха, составленные Дионисием Галикарнасским, Псевдо-Плутархом и Свидой. Перевод и комментарии // Вестник древней истории. 1962. № 4. С. 243–244.

1963

13. Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах» // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сб. памяти акад. А. И. Тюменева. М.; Л., 1963. С. 204–221.

14. События 346/5–318/7 гг. до н. э. в отражении эпиграфических источников. Перевод ряда надписей с примечаниями // Вестник древней истории. 1963. № 1. С. 203–215.

1964

15. Обоснование тиранической формы правления в «Гиероне» Ксенофонта // Конференция по изучению проблем античности, 9–14.IV.1964, Ленинград. Тезисы докладов. М., 1964.

16. Античная история и византиноведение в Петербургской Академии наук в 1803–1917 гг. // История Академии наук СССР в трех томах. Т. II. М.; Л., 1964. С. 194–198, 442–445, 594–603.

17. Рец. на кн.: U. Hackl. Die oligarchische Bewegung in Athen am Ausgang des 5. Jahrhunderts v. Chr. München, 1960 // Вестник древней истории. 1964. № 1. С. 168–172.

18. Рец. на кн.: D. Lotze. Lysander und der peloponnesische Krieg. Berlin, 1964 // Вестник древней истории. 1964. № 4. С. 156–159.

19. Рец. на кн.: В. С. Сергеев. История древней Греции. изд. 3-е, М., 1963 // Вопросы истории, 1964. № 10. С. 165–168.

20. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. (материалы и документы). Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. 150 с.

21. Перевод трактата Ксенофонта «О доходах» и других материалов по греческой истории // Хрестоматия по истории древней Греции. М., 1964. С. 95–96, 100–102, 111–116, 175, 199–200, 246–247, 248–249, 302–303, 307–309, 327–329, 343–357.

1965

22. Рец. на кн.: А. С. Шофман. История античной Македонии, ч. I–II, Казань, 1960–1963 // Вестник древней истории, 1965. № 2. С. 131–137 (совместно с Т. В. Прушакевич и И. Ш. Шифманом).

23. Речи Исократы «К Демонику», «К Никоклу», «Никокл», «Эвагор», «Против софистов» и «Об упряжке». Вступит. статьи, перевод и комментарии // Вестник древней истории. 1965. № 3. С. 213–236; 1966, № 4. С. 235–247; 1968, № 1. С. 229–234 и № 4. С. 199–208.

1967

24. Обоснование тиранической формы правления в «Гиероне» Ксенофонта // Античное общество. М., 1967. С. 338–343.

25. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. 144 с.

1968

26. Монархическая идея у Исократы // Программа заседаний и тезисы докладов конференции по проблемам античности. Москва, 27–30. V. 1968. М., 1968. С. 32–34.

1969

27. Ксенофонт и поздняя тирания // Вестник древней истории. 1969, № 1. С. 108–124.

28. Публицистическая деятельность Исократы // Вестник древней истории. 1969, № 2. С. 200–220 (совместно с В. Г. Боруховичем).

29. Монархическая идея у Исократы // Проблемы отечественной и всеобщей истории, <вып. 1>, Л., 1969. С. 3–20.

30. Из истории университетской школы антиковедения // Вестник ЛГУ. 1969, № 2, серия истории, яз. и лит., вып. 1. С. 121–129.

1971

31. Выступление и приход к власти Дионисия Старшего // Вестник древней истории. 1971, № 3. С. 47–63.

32. Геродот // БСЭ, изд. 3-е, т. 6, 1971. С. 422, стлб. 1252–1254.

33. Культура великой эпохи. Рец. на кн.: Д. П. Каллистов. Античный театр. Л., 1970 // Театр. 1971, № 6. С. 103–105 (совместно с М. Н. Любомудровым).

1972

34. Из предистории младшей тирании (столкновение личности и государства в Спарте на рубеже V–IV столетий до н. э.) // Вестник древней истории, 1972, №2. С. 22–40.

35. Попытка установления тирании в Коринфе в 365 г. до н. э. // Вестник ЛГУ, 1972, №2, серия истории, яз. и лит., вып. 1. С. 56–65.

36. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 200 с.

37. Из предистории младшей тирании (выступление Гермократа Сиракузского) // Античный мир и археология, вып. 1, Саратов, 1972. С. 132–143.

38. Исократ // БСЭ, изд. 3-е, Т. 10, 1972. С. 495–496, стлб. 1473–1474.

39. Гераклея Понтийская (к проблеме социально-политического развития периферийного полиса) // Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории», 29–31.V.1972. Тезисы докладов. М., 1972. С. 76–77.

40. Изучение истории древней Греции. Раздел в статье «Греция древняя» // БСЭ, изд. 3-е, Т. 7, 1972. С. 300–301, стлб. 888–890.

41. Тирания в древней Греции в IV в. до н. э. Дис. на соискание уч. степени доктора ист. наук. ЛГУ. 1972. 521 с. (машинопись).

42. Тирания в древней Греции в IV в. до н. э. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора ист. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 41 с.

1973

43. Тирания // Советская историческая энциклопедия. Т. XIV, 1973. Стлб. 229–230.

43а. То же // БСЭ, изд. 3-е, т. 25, 1976. С. 568–569, стлб. 1692–1693.

44. Die ersten Unternehmungen und die Machtergreifung Dionysios' des Älteren // Klio, Bd. 55, 1973. S. 87–108.

45. Staat und Ökonomie im Lichte schriftlicher Quellen des 4. Jahrhunderts v.u.Z. // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, 1973, IV, S. 175–189.

1974

46. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // Вестник древней истории. 1974, №1. С. 45–63.

47. Тирания в Гераклее Понтийской (введение и часть I) // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 114–139.

48. Античное общество и религия // Атеизм и религия: проблемы истории и современность. Вып. 1, М., 1974. С. 228–239.

49. Фукидид // Советская историческая энциклопедия. Т. XV. 1974. Стлб. 457–459.

49а. То же // БСЭ, изд. 3-е. Т. 28, 1978. С. 122, стлб. 352–353.

50. Цветаев Иван Владимирович // Советская историческая энциклопедия. Т. XV. 1974. Стлб. 707.

51. 250 лет Академии наук СССР и изучение древней истории // Вестник древней истории. 1974. №2. С. 3–17 <за вычетом замечаний о древневосточной истории>.

52. Tyrannis und Monarchie im Balkanischen Griechenland // Hellenische Poleis / Hrsg. von E. Ch. Welskopf, Bd. I, Berlin, 1974. S. 231–459.

1975

53. Конституционный и тиранический моменты во власти Дионисия Старшего // Из истории античного общества. Вып. 1, Горький, 1975. С. 30–43.

54. Курсовая работа студента, принципы выбора и подготовки // Методические проблемы преподавания на первом курсе исторического факультета университета. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 60–69.

54а. То же <с некоторыми сокращениями> // Грозный: Чечено-ингушский ун-т. 1976. 10 с. <отд. изд.>.

55. Organisation und Charakter der Herrschaft Dionysios' des Älteren (I) // Klio. Bd. 57/I. 1975. S. 103–122.

56. Cicerostudien (рец. на кн.: С. Л. Утченко. Цицерон и его время. М., 1972) // Klio. Bd. 57/II, 1975, S. 501–510 (совместно с Б. Функом).

1976

57. Государство Дионисия в оценке историографии нового времени // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3, Л., 1976. С. 139–152.

58. Идеальное государство персов в «Киропедии» Ксенофонта // XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976. С. 453–455.

59. Религия и атеизм в античном мире // Вопросы научного атеизма. Вып. 20, 1976. С. 116–135.

60. Эврипид // Советская историческая энциклопедия. Т. XVI. 1976. Стлб. 400.

61. Эпаминонд // Советская историческая энциклопедия. Т. XVI, 1976. Стлб. 557.

62. Эсхил // Советская историческая энциклопедия. Т. XVI. 1976. Стлб. 635–636.

63. Эсхин // Советская историческая энциклопедия. Т. XVI. 1976. Стлб. 636.

63а. То же // БСЭ, изд. 3-е. Т. 30, 1978. С. 287, стлб. 848–849 <с сокращениями>.

64. Этолийский союз // Советская историческая энциклопедия. Т. XVI. 1976. Стлб. 672.

64а. То же // БСЭ, изд. 3-е, Т. 30, 1978. С. 306. Стлб. 904 <с сокращениями>.

65. О научной работе кафедры истории древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ // Вестник древней истории. 1976. № 2. С. 36–39.

66. Проблемы античного полиса // Ленинградский университет. № 89 (2559) от 12.XI.1976.

67. Ксенофонт. Киропедия. Перевод, статьи и примечания. М.: Изд-во «Наука», 1976. 334 с. (совместно с В. Г. Боруховичем).

68. Organisation und Charakter der Herrschaft Dionysios' des Älteren (II) // Klio. Bd. 58/II. 1976. S. 377–404.

1977

69. Гражданская община и ее представительные органы в Сиракузах при Дионисии Старшем // Античный мир и археология. Вып. 3. Саратов, 1977. С. 63–72.

70. Ф. Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // Вестник древней истории. 1977, № 1. С. 213–225.

71. Изучение истории древней Греции в СССР (50–70-е годы [XX в.]) // Вестник древней истории. 1977, № 4. С. 35–56.

1978

72. Греческий полис как историографический и исторический феномен // Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». 29.V–1.VI.1978. Тезисы докладов. М., 1978. С. 7–10 (совместно с Ю. В. Андреевым).

73. Развитие историко-филологического направления в русском антиковедении // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 4, Л., 1978. С. 113–126.

74. К 80-летию А. И. Доватура // Вестник древней истории. 1978, № 2. С. 230.

1979

75. Архе Дионисия // Вестник древней истории. 1979, № 1. С. 38–53.

76. Идеальное государство персов в «Киропедии» Ксенофонта // Проблемы античной истории и культуры. Т. I. Ереван, 1979. С. 300–307.

77. Гераклеийские мариандины // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (тезисы докладов). Тбилиси, 1979. С. 76–78.

78. Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 160 с.

79. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917–1975) // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 124–175.

80. Тема полиса в новейшей историографии античности // Античный полис. Л., 1979. С. 3–7.

1980

81. Изучение античности в России (1800–1890). Немецкая историография античности (1917–1975) // Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М.: «Высшая школа», 1980. С. 70–80, 124–138, 208–225, 296–307, 307–310.

82. Griechische Geschichte <обзор советской историографии> // Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung / Hrsg. von H. Heinen. Darmstadt, 1980. S. 69–123.

1981

83. О социальной структуре и социальной борьбе в архаических Сиракузах: гаморы и киллирии // VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории». 1–3.VI.1981. Тезисы докладов. М., 1981. С. 107–109.

84. Гераклеийские мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 22–33.

85. Факел Прометея (очерки античной общественной мысли). Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 160 с.

1982

86. Гаморы и киллирии // Вестник древней истории. 1982, № 1. С. 27–41.

86а. То же на франц. яз.: Gamoroi et Killyrioi // Esclavage et dependance dans l'historiographie sovietique recente. Traduction de J. Gaudy. Editeurs: M. M. Mactoux et E. Geny (Annales Litteraires de l'Universite de Besançon, 577. Centre de Recherches d'Histoire Ancienne, vol. 149). Paris, 1995. P. 73–91.

87. Рационализм и политика в архаической Греции // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 17–34.

88. Пелопоннесская война // История древнего мира. Кн. 2, М.: «Наука», 1982. С. 213–233.

89. Предэллинизм на Западе // История древнего мира. Кн. 2, М.: «Наука», 1982. С. 262–278.

90. Античная государственность на рубеже классики и эллинизма // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (тезисы докладов). Тбилиси, 1982. С. 93–96.

91. Г. Бенгтсон. Правители эпохи эллинизма. Перевод с нем. и вступит. статья. М.: «Наука», 1982. 391 с.

92. История одного поиска // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 3–9.

1983

93. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

94. Младшая тирания // Античная Греция. Т. II. М.: «Наука», 1983. С. 121–156.

95. Панэллинизм в политике IV в. до н. э. // Античная Греция. Т. II. М.: «Наука», 1983. С. 157–207.

96. Доктрина и политика у сицилийских греков в V–IV вв. до н. э. // Краткие тезисы докладов научной конференции «Древние культуры Евразии и античная цивилизация». 10–13.V.1983. Л.: Гос. Эрмитаж, 1983. С. 59–61.

1984

97. Огни Диоскуров (античные теории переустройства общества и государства). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 193 с.

98. У истоков сицилийской тирании (выступление Панэтия в Леонтинах) // Западное средиземноморье в I тыс. до н. э. Л.: Гос. Эрмитаж, 1984. С. 98–119.

99. Становление радикальной демократии в Афинах // Тезисы докладов IX Всесоюзной авторско-читательской конференции «Вестника древней истории». М., 1984. С. 2–3.

100. Кафедра истории древней Греции и Рима <историографический очерк> // Вопросы истории исторической науки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 80–103.

1986

101. Эсимнетия — выборная тирания // Проблемы античного источниковедения. М.; Л.: ЛОИИ АН СССР, 1986. С. 141–152.

102. Греки в Сицилии // Вестник ЛГУ. 1986. Сер. 2, вып. 2. С. 18–26.
103. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 8–99.
104. Античное свободомыслие и атеизм // Свободомыслие и атеизм в древности, средние века и в эпоху Возрождения. М.: «Мысль», 1986. С. 104–150 (совместно с В. Г. Боруховичем).
105. С. И. Ковалев и его «История Рима». Библиография римской истории // Ковалев С. И. История Рима, изд. 2-е, Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 3–16, 711–720.

1987

106. Развитие противоположности эллинов и варваров в архаическую эпоху // X Авторско-читательская конференция «Вестника древней истории». Тезисы докладов. М., 1987. С. 81–83.
107. Новейшие концепции рождения греческого полиса // Критика концепций современной буржуазной историографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 23–48.
108. Аристотель и марксистская концепция полиса // Тезисы докладов научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения А. И. Доватура. Л.: ЛОИИ АН СССР, 1987. С. 40–43.

1988

109. Рождение греческого полиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 232 с.
110. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Лениздат, 1988. 334 с. (совместно с Г. Л. Курбатовым и И. Я. Фрояновым).
111. Христианство в античном мире // Ленинградский рабочий от 13.V.1988. С. 10.
112. Античная культура и современность // Краткие тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Роль памятников античного искусства в решении проблем эстетического воспитания населения». Л.: Гос. Эрмитаж, 1988. С. 3–9.

1989

113. Актуальные проблемы античной цивилизации // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2, М.: «Наука», 1989. С. 174–182.
114. Социальная революция, тирания и демократия в античной Греции // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 4–15.
- 114а. То же // Вестник ЛГУ, 1990, № 9. Сер. 2, вып. 2. С. 33–40.

115. Преодоление античного язычества в контексте развития античной общественно-политической мысли // Теоретическая конференция «Религия и атеизм в истории культуры». 24–25.I.1990. Тезисы докладов. Л., 1989. С. 50–51.

116. М. И. Ростовцев и его место в науке об античности // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти акад. М. И. Ростовцева. Ленинград, 14–17.III.1989. Новочеркасск, 1989. С. 10–12.

1990

117. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М.: «Наука», 1990. С. 14–58.

118. Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990, № 3. С. 143–165.

118а. То же <в сокращенном варианте> // Портреты историков. Время и судьбы. Том II: Всеобщая история / Отв. редакторы Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. Москва–Иерусалим, 2000. С. 28–40.

118б. То же на немецком яз.: Schicksal eines Gelehrten: M. J. Rostovtzeff und sein Platz in der russischen Altertumswissenschaft // Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus, Bd. II / Übersetzt und hrsg. von H. Heinen. Stuttgart, 1993. S. 198–222.

119. Судьба гуманитарных наук // Вестник высшей школы, 1990, № 5. С. 12–17.

120. Проблемы гуманитаризации университетского образования // Вестник ЛГУ, 1990, № 16. Сер. 2, вып. 3. С. 3–11.

121. О преподавании и изучении древней истории и древних языков на историческом факультете ЛГУ // Вестник древней истории. 1990, № 4. С. 76–80.

1991

122. Факел Прометея (очерки античной общественной мысли). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 440 с.

123. Исторический опыт античности в свете нового времени // Античность и современность. Доклады конференции. М.: Ин-т всеобщей истории АН СССР, 1991. С. 1–6.

124. М. И. Ростовцев: социально-экономическое направление в русском антиковедении // История европейской цивилизации в русской науке. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 37–61.

125. Ed. Meyer und die russische (bzw. sowjetische) Altertumswissenschaft // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Geistes- und Sozialwissenschaften. Bd. 40, 1991, H. 9, S. 71–75.

1992

126. Развитие межполисных отношений в античном Причерноморье в VI–I вв. до н. э. // Межполисные отношения в Причерноморье в античную эпоху. Материалы к международной конференции. Севастополь, 1992. С. 3–12 (совместно с Я. В. Доманским).

126а. То же // Античный полис. СПб., 1994. С. 103–111.

127. Актуальные проблемы науки об античности // Классическое наследие и современность. Материалы и тезисы конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 8–11.

128. Вклад немецкой науки в развитие антиковедения в России // Русско-немецкие контакты в биографии С.-Петербурга, вып. 1. Тезисы докладов международной конференции. СПб., 1992. С. 27–29.

1993

129. Античная демократия // Вестник СПбГУ, 1993, № 2. Сер. 2, вып. 1. С. 3–11.

130. Проблемы традиционных оппозиций в греческой социальной терминологии // Вестник СПбГУ, 1993, № 9. Сер. 2, вып. 2. С. 14–18.

130а. То же // Социальные структуры и социальная психология античного мира. Доклады конференции. М.: Росс. Ассоциация антиковедов, 1993. С. 23–30.

131. Историкографические этюды С. А. Жебелева (вступит. статьи и публикация текста) // Вестник древней истории, 1993, № 1. С. 182–194; № 2, С. 172–201; № 3. С. 180–202; № 4. С. 187–209 (совместно с И. В. Тункиной).

132. Тернистый путь ученого: С. Я. Лурье и его «История Греции». Библиография греческой истории // Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993. С. 3–24, 649–661.

133. Римская история в трудах Г. Буассье. Приложения // Буассье Г. Цицерон и его друзья. СПб., 1993. С. 7–37, 399–446.

134. Предисловие редактора. Приложения // Буассье Г. Оппозиция при цезарях. СПб., 1993. С. 7–9, 331–364.

1994

135. Ольвия во взаимоотношениях с внешним миром в VI–I вв. до н. э. // Ольвия-200. Тезисы докладов международной конференции 5–9.IX.1994. С. Парутино. Николаев, 1994. С. 39–43 (совместно с Я. В. Доманским).

136. Проблемы методологии изучения античного мира. Раздел «Ста-новление и развитие полиса» // Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции. М.: Росс. Ассоциация антиковедов, 1994. С. 9–11.

137. Актуальные проблемы античной цивилизации // Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции. М.: Росс. Ассоциация антиковедов, 1994. С. 223–229.

1995

138. Греческий полис в отражении древнейших эпиграфических документов // Античное общество: проблемы истории и культуры–I. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1995. С. 17–19.

139. Предэллинизм на греческом Западе // Вестник СПбГУ, 1995, №1. Сер. 2, вып. 3. С. 13–20.

139а. То же // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3, ч. 1, Москва-Магнитогорск, 1996. С. 53–60.

140. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н. э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 1995. С. 78–99 (совместно с Я. В. Доманским).

140а. То же // Античное общество: проблемы политической истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 159–193.

141. Платон и тирания // Интеллектуальная элита античного мира. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1995. С. 31–39.

142. Русское антиковедение в послевоенный период // Вестник СПбГУ, 1995, №9. Сер. 2, вып. 2. С. 3–17.

142а. То же // Исторические записки (Москва), 3 (121), 2000, С. 7–29.

143. Эдуард Мейер и русская наука о классической древности // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2. Москва-Магнитогорск, 1995. С. 91–97.

144. Добрые традиции и сомнительные новации. К итогам обсуждения на историческом факультете новой системы многоуровневого образования // С.-Петербургский университет. №11 от 11.IV.1995. С. 3, 14.

1996

145. Фукидид и тирания (у истоков научного представления о древнегреческой тирании // Античное общество: проблемы истории и культуры–II. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1996. С. 16–21.

146. Ольвийский полис в контактах с внешним миром в доримское время (VI–I вв. до н. э.) // Вестник СПбГУ. 1996, №16, сер. 2, вып. 3. С. 36–43 (совместно с Я. В. Доманским).

147. Г. З. Байер и начало антиковедения в России // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 61–75.

147а. То же // Готтлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб., 1996. С. 7–21.

148. Новое русское издание Павсания // Павсаний. Описание Эллады, т. I. СПб.: Изд-во «Алтейя», 1996. С. 5–12.

148а. То же // Павсаний. Описание Эллады. Т. I. М.: «Ладомир». 2002. С. 5–11.

149. Андокид. Речи, или история святотатцев (с приложением параллельных свидетельств о процессе разрушителей герм в Афинах в 415 г. до н. э.). Вступит. статья, перевод и комментарии. СПб.: Изд-во «Алтейя». 1996. 251 с.

150. Zum Vorhellenismus im griechischen Westen: Überlegungen zum Verhältnis Polis — Monarchie, Hellenen — Barbaren // Hellenismus / Hrsg. von Bernd Funck. Tübingen, [1996]. S. 513–524.

151. Der Beitrag deutscher Wissenschaftler zur Entwicklung der russischen Altertumforschung // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Rußlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches / Hrsg. von B. Meissner und A. Einfeld (Der Göttinger Arbeitskreis Veröffentlichung Nr. 452). Köln, 1996. S. 159–169.

1997

152. Греческий полис в отражении древнейших эпиграфических документов // MNEMES CHARIN. К 100-летию со дня рождения профессора А. И. Доватура (Philologica classica, вып. 5). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 213–233.

153. Прибыль и предприниматели в античной Греции // Торговля и торговец в античном мире. Доклады Круглого стола 23.I.1997. М.: Росс. Ассоциация антиковедов, 1997. С. 3–28.

154. Фукидид и тирания (у истоков научного представления о древнегреческой тирании) // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. М.: Росс. Ассоциация антиковедов, 1997. С. 19–28.

154а. То же // Вестник СПбГУ. 1998, № 2, Сер. 2, вып. 1. С. 3–8.

155. Греческая тирания: слово — термин — понятие // Классические языки и индоевропейское языковедение. Материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения проф. И. М. Тронского. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. С. 67–71.

156. Ольвия во взаимоотношениях с внешним миром в VI–I вв. до н. э. (вопросы периодизации) // Археология (Киев), 1997, № 4. С. 123–127 (совместно с Я. В. Доманским).

157. Кавалер Ордена Белого Орла: Василий Васильевич Латышев — ученый-классик, педагог и общественный деятель старой России (1855–1921) // Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I, СПб.: «Алетейя», 1997. С. I–XXXI.

158. Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) // Античное общество: проблемы политической истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 194–212.

158а. То же <в сокращенном варианте> // Портреты историков. Время и судьбы. Том II: Всеобщая история / Отв. редакторы Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. Москва-Иерусалим, 2000. С. 16–27.

158б. То же на нем. яз.: S. A. Zebelev (1867–1941) // Historia, Bd. 46, 1997, N. 2, S. 227–246.

159. Предисловие с приложением перевода (с нем.) статьи К. Криста «Эдуард Гиббон (1737–1794)» // Гиббон Эд. История упадка и разрушения Римской империи. Т. I, СПб.: «Наука-Ювента», 1997. С. 5–18.

160. Предисловие с приложением перевода (с нем.) статьи К. Криста «Иоганн Густав Дройзен (1808–1884)» // Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. I, СПб.: «Наука-Ювента», 1997. С. III–XIV.

161. Гульельмо Ферреро — мастер актуализированного историописания // Ферреро Г. Величие и падение Рима. Кн. I, СПб.: «Наука-Ювента», 1997. С. VII–XV.

162. У истоков теоретического историописания (Гекатей Милетский, Геродот, Фукидид) // Гуманитарное знание на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции. Тезисы докладов. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1997. С. 161–163 с англ. резюме на с. 194.

163. О новом университетском Центре антиковедения // Вестник СПбГУ. 1997. № 2. Сер. 2, вып. 1. С. 121–125 (совместно с А. В. Петровым).

164. Дополнительная библиография // Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. II. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 310–317 (совместно с Е. В. Никитюк).

165. Перевод (с нем.) статьи П. Дюкре «Война в общественной жизни древней Греции» // Античное общество: проблемы политической истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 231–237.

166. Перевод (с франц.) статьи П. Дюкре «Швейцарские раскопки в Эретрии на Эвбее» // Античное общество: проблемы политической истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 237–242.

167. The Tradition of Russian Translations of Thucydides // 2nd International Colloquium on Thucydides, 10–14.IX.1997. [Тезисы докладов]. Municipality of Alimos [Greece], 1997. P. 21.

1998

168. Скифы в Афинах // Вестник древней истории, 1998, № 1/ С. 135–152.

168а. То же на нем. яз.: Die Skythen in Athen // Hyperboreus. Studia classica (Petropoli). Vol. VI. 2000, fasc.1. S. 3–30.

169. Скифы в Афинах (по изображениям на аттических черно- и краснофигурных вазах) // Жебелевские чтения–I. Тезисы докладов научной конференции 28–29.X.1997. СПб., 1998. С. 18–21.

170. Скифы в Афинах (по изображениям на аттических черно- и краснофигурных вазах) // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник научных статей, посвященных 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова (Проблемы археологии, вып. 4). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 132–140.

171. Присяга граждан Херсонеса (опыт исторической интерпретации) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова (СПб., 9–12.XII.1998). Тезисы докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 59–64 (совместно с Я. В. Доманским).

172. Ученая деятельность академика С. А. Жебелева (к 130-летию со дня рождения) // Жебелевские чтения–I. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1998. С. 3–5.

173. Жебелевские чтения (к работе Центра антиковедения на историческом факультете СПбГУ) // Вестник СПбГУ. Сер. 2, 1998, вып. 3 (№ 16). С. 137–141 (совместно с А. В. Петровым).

174. Кафедра истории древней Греции и Рима // Исторический факультет в прошлом и настоящем. Справочник для абитуриентов и студентов. СПб., 1998. С. 28–37.

1999

175. Демократия и империализм в Античной Греции // Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.). Вторые петербургские Кареевские чтения по новистике. Краткое изложение докладов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 12–17.

176. Интеллигенция в античном мире // Античное общество–III. Тезисы научной конференции 22–23.III.1999. СПб., 1999. С. 52–56.

177. История раннего христианства в контексте университетской науки об античности // Первые научные чтения «Университетская наука и исследования христианства». Тезисы докладов (СПбГУ, философский факультет). СПб., 1999. С. 5–11.

178. Фукидид и становление науки истории в Античной Греции // Фукидид. История. СПб.: «Наука», 1999. С. 10–30.

179. Русская наука об античности (историографические очерки). СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та. 1999. 544 с.

180. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II, СПб., 1999. С. 257–285.

181. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон-Штерн (1859–1924) // Жебелевские чтения–II. Тезисы докладов научной конференции 26–27.X.1999. СПб., 1999. С. 13–19.

182. Парадоксы науки истории // Философия истории и культуры. Научные доклады Ассоциации «Диалог культур». Вып. 1. СПб., 1999. С. 19–38.

2000

183. Философские содружества в Античной Греции как вид альтернативных социальных сообществ // АKADEMEIA. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Вып. 2, СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 111–149.

184. Традиции классицизма и петербургское антиковедение // Проблемы истории, филологии, культуры, вып. 8, Москва-Магнитогорск, 2000. С. 61–83.

185. Из плеяды учителей: профессор Ксения Михайловна Колобова (1905–1977) // Syssitia. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетей, 2000. С. 404–414.

186. Лекция в системе университетского образования. Выступление на торжественном акте, посвященном 276-й годовщине со дня основания университета в Санкт-Петербурге [28.02.2000] // Санкт-Петербургский университет, № 7 (3530), 31.03.2000. С. 7–8.

187. Опять блицкриг [о новой концепции модернизации образования]. Интервью газете «Советская Россия». № 70 (11965) от 22.06.2000, с. 5 (совместно с И. Я. Фрояновым).

188. Когда история становится политикой. Интервью Православному информационному агентству «Русская линия» 23.10.2000. Публикация в Интернете на сайте «Русская линия» <http://rusk.ru/Patriot/Polinf/po2.htm> (9 с.).

188а. То же // Государство и общество: история, экономика, политика, право. № 1. Санкт-Петербург-Ижевск, 2001. С. 239–251.

2001

189. Сообщества друзей в политической жизни Античной Греции // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 10. Москва-Магнитогорск, 2001. С. 3–24.

190. Античный Мусейон в его развитии от частно-правового института к государственному учреждению // Античное общество–IV: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7.03.2001. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 7–17.

191. Греция в эпоху поздней классики: общество, личность, власть (Серия «Studia Classica»). СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия». 2001. 602 с.

192. Христиан-Фридрих Грефе и развитие науки о классической древности в Петербурге // Исследования по русской истории. Сб. статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.-Ижевск, 2001. С. 286–298.

193. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон-Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3. Сб. статей в честь 70-летия Г. Л. Курбатова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 29–58.

194. Исповедь великого ученого: к публикации латинской автобиографии Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа // Жебелевские чтения–III. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 2001. С. 22–29.

195. Новая книга о Дельфийском оракуле // Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб.: «Гуманитарная Академия», 2001. С. 5–8.

196. Санкт-Петербургское антиковедение: конференции, публикации, интернет (о работе Центра антиковедения на Историческом факультете СПбГУ) // Санкт-Петербургский университет, № 22 (3576) от 27.09.2001, с. 22–25, и № 23-24 (3577–3578) от 5.10.2001, с. 43–46 (совместно с А. В. Петровым).

196а. То же // Вестник древней истории, 2002, № 1. С. 229–233.

196б. То же // Университетский историк. Альманах, № 1, СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 157–166.

197. Письменная работа студента-историка (курсовое и дипломное сочинение). Принципы выбора и подготовки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 21 с. (совместно с М. В. Белкиным).

198. Граф С. С. Уваров и наука классической древности // EPISTOLA. Сборник статей к 80-летию профессора Н. А. Чистяковой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 2001. С. 167–186.

199. Какая история нам нужна? (К современной полемике о науке истории). Доклад на научной конференции Исторического факультета СПбГУ 29.03.2001. Публикация в Интернете на сайте Центра антиковедения СПбГУ <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/frolov/frol05.htm> (15 с.).

2002

200. Древняя Греция — родина первой европейской цивилизации // Сергеев В. С. История древней Греции. Новое издание, исправленное и дополненное. СПб., 2002. С. 4–22 (предисловие).

201. Пелопоннесская война // Сергеев В. С. История древней Греции. Новое изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 299–323 (гл. XII).

202. Греция в первой половине IV в. до н. э. // Сергеев В. С. История древней Греции. Новое изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 385–416 (гл. XIV, § 1–2).

203. Коринфская лига // Сергеев В. С. История древней Греции. Новое изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 453–462 (гл. XVI).

204. Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрагантском тиране VI в. до н. э. // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 5–20.

205. Греческая тирания и римский принципат (опыт типологического сопоставления) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, <вып.1>, СПб., 2002. С. 91–98.

206. Власть и культура в древней Греции на стыке классики и эллинизма // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 12. Москва-Магнитогорск, 2002. С. 28–58.

207. Античный Мусейон в его развитии от частно-правового института к государственному учреждению // Университетский историк. Альманах. № 1, СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2002. С. 5–26.

208. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. Коллективная монография. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2002. 324 с. (совместно с Е. В. Никитюк, А. В. Петровым, А. Б. Шарниной). Разделы: Предисловие, гл. I — «Сообщества друзей», гл. III — «Философские содружества», гл. V — «Религиозные союзы», Заключение, соответственно с. 5–10, 11–48, 108–159, 201–216, 315–317.

209. К вопросу об официальной письменной традиции в греческом полисе // Мавродинские чтения. Сб. статей / Под ред. Ю. В. Кривошеева и М. В. Ходякова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2002, с. 449–453.

210. Петербургская кафедра античной истории // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, <вып.1>, СПб., 2002. С. 7–20.

211. Европейские центры антиковедения: Лозанна, Халле, Женева // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, <вып.1>, СПб., 2002. С. 400–418.

212. Исповедь великого ученого: к публикации латинской автобиографии Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа // Вестник древней истории. 2002, № 3, С. 191–199.

- 212а. То же // Вестник СПбГУ. 2002, № 8, сер. 2, вып. 2. С. 3–12.
213. Традиции античного Мусейона в новое время: Фонд Хардта в Вандевре (Женева, Швейцария) // Вестник СПбГУ. 2002, № 18. Сер. 2, вып. 3. С. 3–8.
214. К 65-летию профессора Гамбургского университета Юргена Дейнингера // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, <вып.1>, СПб., 2002. С. 395–400.
215. Соблазн научного поиска (по поводу книги Харийса Туманса о рождении демократии в древних Афинах) // Туманс Х. Рождение Афины: афинский путь к демократии — от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб.: «Гуманитарная Академия», 2002. С. 5–18.
216. Новый опыт историко-художественной интерпретации античности: фильм Ридли Скотта «Гладиатор» // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, <вып.1>, СПб., 2002. С. 385–390.
217. История античного мира. Программы основных курсов по специализации всеобщая история / история древней Греции и Рима. Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 109 с.
218. Практические занятия по истории древней Греции и Рима. Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 96 с. (совместно с М. В. Белкиным).

2003

219. «Сицилия для сицилийцев»: геополитическая программа Гермocrates Сиракузского в изложении Фукидида (IV, 58–65) // Scripta Gregoriana. Сборник в честь 70-летия академика Г. М. Бонгард-Левина. М.: «Восточная литература», 2003. С. 251–270.
220. Критий, сын Каллесхра, афинянин — софист и тиран // Вестник древней истории. 2003, № 4. С. 67–89.
221. Философ у власти: правление Деметрия Фалерского в Афинах (317–307 гг. до н. э.) // АКАДЕМЕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Вып. 5. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 197–221.
222. Древний Рим: история, культура, историография // Ковалев С. И. История Рима. Новое издание, исправленное и дополненное. СПб.: «Полигон», 2003. С. 3–20.
223. В. П. Бузескул — историк античной демократии // Бузескул В. П. История афинской демократии. Новое издание, исправленное и дополненное. СПб.: «Гуманитарная Академия», 2003. С. 5–29.
224. Греки и римляне учат нас, что без идеалов жизнь беспечна. М. И. Ростовцев // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах С.-Петербургского университета. Т. II. СПб., 2003. С. 208–223.

225. Буассье, Мари-Луи-Антуан-Гастон // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 292–293.

226. От Ромула до Болонского процесса: наука история в поисках самой себя // С.-Петербургский университет. № 3 (3625) от 4.02.2003. С. 5–10 (интервью журналу в записи И. Макарова).

227. Вместо предисловия: культура классицизма и современная антикультура // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 7–16.

228. Новый труд по истории ранней Греции - пример здравого консервативного подхода к античной традиции (рец. на кн: Koiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: the Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Korinth. Tallinn, 2003) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 335–342.

229. Искусство древней Греции в новом освещении (рец. на кн.: Борухович В. Г. Вечное искусство Эллады. СПб., 2002) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 343–348 (совместно с О. В. Кулишовой).

2004

230. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. 420 с.

231. Рождение греческого полиса. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 265 с.

232. Факел Прометея (очерки античной общественной мысли). Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. 521 с.

233. Религиозная политика греческих тиранов: у истоков культа властителя // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. Москва-Магнитогорск. 2004. С. 22–32.

234. Три века перемен: формирование научной традиции на Историческом факультете СПбГУ // Санкт-Петербургский университет. № 22–23, октябрь 14, 2004. С. 24–29 (интервью журналу в записи И. Макарова).

235. Становление научной традиции и формирование кафедры античной истории в Петербургском университете // Мавродинские чтения 2004. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004, с.121–123.

236. Кафедра истории древней Греции и Рима // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета 1934–2004. Очерк истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 159–198.

237. Сергей Иванович Ковалев (1886–1960) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и средние века. М.: Наука, 2004. С. 93–111.

238. Ксения Михайловна Колобова (1905–1977) // Там же. С. 112–125.

239. В канун двойного юбилея // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 7–10.

240. Памяти друга (к кончине петербургского археолога и историка Я. В. Доманского) // Там же. С. 515–518.

241. Пятые Жебелевские чтения (Санкт-Петербургский гос. университет, 19–21 ноября 2003 г.) // Вестник древней истории. 2004, № 3. С. 226–232 (совместно с О. В. Кулишовой).

2005

242. Гонорар историка в Античном мире (предварительное сообщение) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 173–182.

243. Культура классицизма, ее величие и падение (poleмические заметки) // История и культура (актуальные проблемы). Сборник статей в честь 70-летия проф. Ю. К. Руденко. СПб.: Наука. 2005. С. 9–22.

244. У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Вестник СПбГУ. Сер. 2, 2005. Вып. 4. С. 51–72.

245. Научное творчество профессора Владислава Петровича Бузескула (1858–1931) как живое олицетворение исторического синтеза // Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб.: Издат. дом «Коло», 2005. С. 9–38.

246. Вместо предисловия: В. В. Латышев как один из последних рыцарей классицизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 8–22.

247. К вопросу о французском влиянии на русскую науку об античности // *Albo dies notanda lapillo*: коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой. СПб.: Алетейя, 2005. С. 133–155.

248. Форпост античности против северных варваров (рец. на кн.: Горончаровский В. А. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 507–516.

249. Шестые Жебелевские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (26–28 октября 2004 г.) // Вестник древней истории. 2005, № 2. С. 197–2004 (совместно с О. В. Кулишовой).

250. Ярослав Витальевич Доманский (1928–2004) // Вестник древней истории. 2005, № 2. С. 205–207 (совместно с А. Н. Щегловым).

251. Равнодушие к гуманитарному образованию — это мина замедленного действия в фундаменте государства // Санкт-Петербургский университет. № 6-7 (3695–3696), апрель 11, 2005. С. 12–15 (интервью журналу в записи И. Макарова).

252. The first steps of St.Petersburg Classical Scholarship: An Academician Gottlieb Siegfried Bayer (1694-1738) // *Hyperboreus. Studia Classica*. Vol. 10, 2004, fasc. 1-2. P. 10–21.

2006

253. Проблема цивилизаций в историческом процессе (изложение доклада) // *Вестник СПбГУ*. 2006. Сер. 2. Вып. 2. С. 96–100.

254. История и историк в античном мире // *Вестник СПбГУ*. 2006. Сер. 2. Вып. 3. С. 91–102.

254а. То же // *Античный мир и археология*. Вып. 12. Саратов, 2006, С. 1–14.

255. Проблемы глобализации в античном мире // *Мнемон*. Вып. 5. СПб., 2006. С. 15–26.

256. Речи в «Истории» Фукидида, их художественное и теоретическое назначение // *Мнемон*. Вып. 5. СПб., 2006. С. 137–144.

257. Русская наука об античности (историографические очерки). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Гуманитарная Академия, 2006. 608 с.

258. Первые шаги петербургского антиковедения: академик Готлиб-Зигфрид Байер // *Вестник Тобольского гос. пед. института*, № 7, 2006. С. 49–62.

259. Вместо предисловия: к 120-летию виртуальной встречи поколений (две эпохи и два архегета) // *Мнемон*. Вып. 5. СПб., 2006. С. 8–14.

260. Из истории социально-экономического направления в русском антиковедении: римская аграрная история в трактовке И. М. Гревса // *Петербургские исследования. Сборник научных статей* / Отв. редактор Ю. В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 33–51.

260а. То же // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. XVII, Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2007. С. 146–156.

261. К 65-летию профессора Трирского университета Хайнца Хайнена // *Мнемон*. Вып. 5. СПб., 2006. С. 551–554.

262. Седьмые Жебелевские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (26–28 октября 2005 г.) // *Вестник древней истории*. 2006, № 2. С. 224–231 (совместно с О. В. Кулишовой).

263. Международный конгресс в Афинах, посвященный творчеству Фукидида (3–7 мая 2006 г.) // *Мнемон*. Вып. 5. СПб., 2006. С. 111–114.

264. Вернемся к теории (по материалам интервью с профессором Э. Д. Фроловым) // *Санкт-Петербургский университет*, № 6 (3728), апрель 5, 2006. С. 7–9. (Беседовал Игорь Макаров).

265. The Speeches in Thucydides' "History", Their Artistic and Theoretical Purpose // III International Symposium on Thucydides: The Speeches. Athens, 2006. P. 113–122.

2007

266. Аристократия в античном мире // Вестник СПбГУ, серия 2, 2007, вып. 4. С. 202–206.

267. Античный империализм: понятие, этапы развития, идеологическое обрамление, значение в жизни античного общества // Мнемон, вып.6, СПб., 2007, с.15–22.

268. Проблемы глобализации в античном мире // Санкт-Петербургский университет, № 7 (3755), апрель 30, 2007. С. 44–46 (совместно с А. Д. Пантелеевым).

269. Александр Великий — первотворец эллинизма // Александр Великий: путь на Восток. Каталог выставки Гос. Эрмитажа. СПб., 2007. С. 7–24.

270. Вместо предисловия: к 140-летию со дня рождения академика С. А. Жебелева // Мнемон, вып.6, СПб., 2007, с. 8–14.

271. Несколько штрихов к портрету А. И. Зайцева // *Traditio non explorata*. Исследования по классической филологии и истории антиковедения (*Philologia classica*, вып. 7). СПб., 2007, с. 263–274.

272. Памяти старшего друга и наставника: страницы воспоминаний о Я. В. Доманском // *EUCHARISTERION*. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 305–313.

273. Памяти ушедших друзей: к кончине А. А. Нейхардт и В. Г. Боровича // Мнемон. Вып. 6. СПб., 2007. С. 563–566.

274. Восьмье Жебелевские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (1–3 ноября 2006 г.) // Вестник древней истории, 2007, № 3, с. 229–237 (совместно с О. В. Кулишовой).

275. Афинская демократия и суверенный полис. Интервью, данное корреспонденту Proekt-ru 3.07. 2007 // Интернет-публикация <http://rus-proekt.ru/idea>. 11 с.

Научное редактирование

1. Залесский Н. Н. Очерки истории античной философии, вып. 1, Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 104 с.

2. Античный полис. Сборник научных статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 140 с.

3. Социальная структура и политическая организация античного общества. Сборник научных статей. Л: РИО ЛГУ, 1982, 196 с.

4. Проблемы античной государственности. Сборник научных статей. Л: РИО ЛГУ, 1982. 196 с.

5. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Сборник научных статей. Л: РИО ЛГУ, 1984. 176 с.

6. Зайцев А. И. Культурный переворот в древней Греции VIII-V вв. до н. э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
7. Проблемы политической истории античного общества. Сборник научных статей. Л.: РИО ЛГУ, 1985. 184 с.
8. Ковалев С. И. История Рима. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 743 с.
9. Античная гражданская община: проблемы социально-политического развития и идеологии. Сборник научных статей. Л.: РИО ЛГУ, 1986. 192 с.
10. Город и государство в античном мире: проблемы исторического развития. Сборник научных статей. Л.: РИО ЛГУ, 1987. 180 с.
11. Античное общество и государство: проблемы социально-политич. истории. Сборник научных статей. Л.: РИО ЛГУ, 1988. 183 с.
12. Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Сборник научных статей. Л.: РИО ЛГУ, 1989. 188 с.
13. Государство, политика и идеология в античном мире. Сборник научных статей. Л.: РИО ЛГУ, 1990. 200 с.
14. Лурье С. Я. История Греции. Изд. 2-е. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 675 с.
15. Буассье Г. Цицерон и его друзья. СПб., 1993. 448 с.
16. Буассье Г. Оппозиция при Цезарях. СПб., 1993. 368 с.
17. Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 169 с.
18. Павсаний. Описание Эллады. Перевод с древнегреческого С. П. Кондратьева, т. I-II, СПб.: Изд-во «Алетейя», 1996. 336+[15]. 538+[13] с. (переиздание: М.: Изд-во «Ладомир». 2002. 492+503 с.) (совместно с Е. В. Никитюк).
19. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Новое издание, ч. I-II. СПб.: «Алетейя», 1997. XXXI+345. 319 с. (совместно с Е. В. Никитюк).
20. Античное общество: проблемы политической истории. Сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 243 с.
21. Андреевская Т. П., Баранов П. А., Вишневская А. Г. Задания-тесты по истории древнего мира. Учебное пособие для учителей и учащихся. СПб.: Изд-во «Утро», 1997. 157 с.
22. Дройзен И.-Г. История эллинизма. Пер. с франц. М. Шелгунова и Э. Циммерманна, т. I-III, СПб.: «Наука», 1997-1999. XV+447+387+527 с. (совместно с М. В. Белкиным).
23. Фукидид. История. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева. СПб.: «Наука», 1999. 590 с.
24. Нефёдкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI-I вв. до н. э.). СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001. 528 с.

25. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб.: Гуманитарная Академия. 2002, 544 с.
26. Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2002. 211 с.
27. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. <Вып.1>. СПб., 2002. 424 с.
28. Университетский историк. Альманах, № 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 206 с.
29. Сергеев В. С. История древней Греции. Новое изд., испр. и доп. СПб.: «Полигон», 2002. 704 с., 96 л. илл. (совместно с С. М. Жестокановым).
30. Бузескул В. П. История афинской демократии. Новое изд., испр. и доп. СПб.: «Гуманитарная Академия», 2003. 480 с. (совместно с М. М. Холодом).
31. Ковалев С. И. История Рима. Новое изд., испр. и доп. СПб.: «Полигон», 2003. 864 с., 80 л. илл. (совместно с М. В. Белкиным).
32. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 424 с.
33. Университетский историк. Альманах, № 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 224 с.
34. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, вып.3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 525 с.
35. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб.: Издат. дом «Коло». 2005. 670 с.
36. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 554 с.
37. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, вып.5. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 562 с.
38. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, вып.6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 574 с.

Ю. В. Откупщиков

Этимология и устное народное творчество

Вопрос об этимологическом (точнее народноэтимологическом) влиянии на развитие отдельных аспектов мифотворчества поставил в середине XX столетия известный итальянский индоевропеист Витторе Пизани. Особенно часто это влияние проявляется при попытках этимологической интерпретации имен собственных. Но здесь, естественно, возникает сомнение: а как давно люди вообще стали задумываться над происхождением слов? К какому времени мы можем отнести первые шаги человека в области этимологических знаний? Возможно, что мой ответ на этот вопрос покажется во многом парадоксальным или, по крайней мере, сильно преувеличенным. И, тем не менее, нужно думать, что уже в ту отдаленную эпоху, которая называется «детством человечества», в эпоху, когда наши далекие предки жили в пещерах и охотились на мамонтов, в уме первобытных людей уже проявлялись первые проблески интереса к этимологии. Этот, казалось бы, совершенно произвольный и бездоказательный тезис может быть подкреплён двумя типами аргументов.

Первый тип — общие соображения. Ведь и на самой заре истории человеческого общества люди пользовались языком. Каким бы примитивным ни был язык на первых этапах своего развития, это был все же язык, в котором имелись определенные (пусть элементарные) связи между словами. Причем «элементарность» этого языка не следует преувеличивать, ибо исторические факты говорят нам о том, что так называемые «примитивные» народы обычно пользуются далеко не «элементарными» языками, а в историческую эпо-

ху языки часто не столько усложняются, сколько упрощаются.¹ Но в целом язык должен был *развиваться*, причем он постоянно пополнялся новыми словами. А в процессе словотворчества человек невольно опирался на те закономерности, которые были характерны для языка. Иначе говоря, наш древний предок *практически* вынужден был прибегать к своего рода методам этимологического анализа, устанавливать на базе имеющихся образцов этимологические связи между словами.

Возьмем пример, относящийся, конечно, не к эпохе мамонтов и пещерных медведей, но все же обладающий достаточно большой древностью (следы чередования *e:о* сохранились во всех или почти во всех индоевропейских языках).

Везу — воз, бреду — брод, беру — (с)бор и т. д. Допустим, что в языке был глагол *гребу*, но не было имени с огласовкой *о*. Опираясь на широко распространенную словообразовательную модель, можно было без труда создать новое слово *гроб* «могила», или *сугроб*. Современное значение слова *гроб* — вторично. Ср. д.-в.-нем. *grab*, чеш. *hrob* «могила» и др.

Разумеется, положение о более позднем происхождении слова *гроб* дано условно, чтобы проиллюстрировать, как человек, создавая новое слово по образцу той или иной словообразовательно-этимологической модели, вольно или невольно должен был *на практике* осознать наличие *этимологической мотивированности* в рамках этой модели. Но это — практическая сторона вопроса. В случаях подобного рода человека интересовала не этимология слова сама по себе, а лишь, выражаясь языком наших дней, *этимологическая модель*, по которой может быть образовано новое слово.

Но всегда ли интерес человека к этимологии слова носил характер чисто практического интереса? Думается, что нет. Нужно полагать, что уже в глубокой древности люди задумывались над происхождением отдельных слов, как они задумывались над происхождением Солнца и Луны, Земли и человека. Прямых доказательств этого у нас нет, так как в ту отдаленную эпоху люди не писали этимологических словарей, да и вообще ничего не писали. Но у нас имеются косвенные доказательства того, что люди с древнейших времен пытались этимологизировать непонятные им слова. Эти доказательства можно обнаружить в *устном на-*

¹Ср. модный в наши дни «принцип экономии» в истории развития языков.

родном творчестве, в мифологии самых различных стран и народов.

Взять хотя бы древнегреческий миф о рождении из морской пены прекрасной богини любви Афродиты. Это имя — финикийской богини — было также заимствовано в форме Астарта. Первый вариант имени появился после многократных заимствований. Самим грекам имя богини Ἀφροδίτη в этимологическом плане было непонятным. И вот, пытаясь как-то объяснить себе это темное по происхождению имя, они сопоставили его с хорошо известным греческим словом ἄφρος «пена». Уже Гесиод называет Афродиту ἀφρογενής «рожденная из морской пены». Именно на базе этимологического истолкования имени Афродиты и возник, по всей вероятности, красочный миф о рождении богини любви из морской пены. Возникновение этого мифа уходит своими корнями в далекое прошлое.

Другим примером подобного же рождения мифа из этимологии имени может служить миф о рождении богини Афины из головы Зевса. Среди многочисленных эпитетов Афины особым вниманием этимологов с самых древних времен пользовался эпитет Τριτογένεια. Вторая половина этого эпитета - γένεια не вызывает никаких сомнений. По-гречески она означает «рожденная». Но каково происхождение первой половины этого эпитета Афины? В эолийском диалекте древнегреческого языка имеется слово τρίτω «голова». По-видимому, именно стремление как-то осмыслить непонятный эпитет и привело к возникновению мифа о рождении Афины из головы Зевса, которую бог-кузнец Гефест расколол ударом молота. Следовательно, Τριτογένεια — «рожденная из головы». Есть и другие попытки (уже в античности) объяснить этимологию этого эпитета. Но каково действительное его происхождение мы не знаем и до сих пор. В данном случае для нас важно не установление «истинного» значения имени Τριτογένεια, а тот очевидный факт, что интерес человека к этимологии нашел свое отражение в древнем доисторическом мифотворчестве.

Правда, здесь могут возникнуть и некоторые сомнения. А не могло ли возникновение мифа, например, о рождении Афины из головы Зевса, предшествовать появлению эпитета Τριτογένεια «рожденная из головы»?

В этом случае предполагаемый интерес древнего человека к этимологии оказался бы всего лишь нашей фантазией. Остановимся для большей ясности еще на одном примере.

Имя знаменитого Эдипа Οἰδίπους, Οἰδίποδος уже в древности получило два различных истолкования. Причем оба объяснения основаны на сопоставлении со словом ποῦς, ποδός «нога, ступня». Согласно мифу, отец Эдипа фиванский царь Лаий получил предсказание о том, что он будет убит собственным сыном. Он приказывает своему рабу бросить младенца-Эдипа в лесу — на съедение зверям. При этом у Эдипа были проколоты ступни обеих ног. Для чего? Не все ли равно — будет Эдип съеден зверями с проколотыми ступнями или с целыми? С точки зрения мифа действия Лаия никак не мотивированы. Дело здесь, оказывается, не в мифе, а в стремлении дать этимологическое истолкование имени Οἰδίπους.

По-гречески οἰδέω значит «набухать, пухнуть». Отсюда имя Эдипа было понято как «пухлоногий», «с распухшими ступнями». А отчего они у него распухли? И вот в биографии Эдипа появляется новый штрих — совершенно излишний в рамках мифа. Как известно, выросший Эдип по дороге в город Фивы встречает своего отца Лаия и во время ссоры убивает его, даже не подозревая, что перед ним — его отец. По дороге в Фивы Эдип освобождает этот город от страшного чудовища Сфинкса, который (вернее, которая) задавала всем путникам, шедшим в Фивы, загадку и убивала всякого, кто не мог ее отгадать. Эдип первым решил загадку Сфинкса, после чего чудовище бросилось вниз с отвесной скалы и погибло. Что же за загадку сумел разгадать Эдип? Загадка эта следующая: «Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» (Человек). Очевидный ответ отнюдь не свидетельствует о какой-то особой мудрости Эдипа. Но почему именно эта загадка фигурирует в мифе об Эдипе? Здесь опять, видимо, не обошлось без попыток этимологизировать имя Οἰδίπους. Греческий глагол οἶδα означает «знаю». А поэтому имя Οἰδίπους было истолковано как «знающий ноги», то есть «знающий загадку о ногах».

Разумеется, все эти объяснения, как и другие народно-этимологические истолкования имен, являются ложными. Но главное здесь не в этом. Многочисленные примеры из мифологии, легенд и сказаний разных народов убедительно говорят нам о том, что «народная этимология является крупнейшим источником мифов».²

К сожалению, в более позднее время эта практика, восходящая

² Пизани В. Этимология. М., 1956. С. 142, прим. 3.

еще к доисторической эпохе, продолжает благополучно существовать даже в наши дни. Не касаясь научных исследований (это увело бы нас далеко от темы настоящей статьи), остановлюсь на имени святого Христофора, а также связанной с этим именем легенды о том, что этот святой взял на себя подвиг переносить через бурный поток путников и однажды перенес Христа-ребенка. Казалось бы, все хорошо: имя это образовано по той же модели, что и в современном русском языке: сема-фор, свето-фор и т. п. Но имя было дано святому не после его подвига, а при его обращении в христианскую веру. И истолковать это имя, действительно, следует как «несущий Христа», но не на плечах, а «в сердце своем». Между тем, легенда, основанная на неточном объяснении имени святого, получила широкое распространение главным образом в католической религии. В храмах Чехии (Кутна Гора, Чешские Будейовицы), в Вильнюсе и многих других местах изображения св. Христофора, несущего через реку Христа, имеют весьма широкое распространение. Причем, не только в храмах, но и в живописи ³.

Другим примером народно-этимологического истолкования христианского имени собственного может служить слово *Dominicani*. Здесь к слову *Dominus* «Господь», имеющему уже суффикс *-in-*, присоединилось еще два суффикса: *-ic-* (*Domin-ic-us*) и *-an-* (*Domin-ic-an-i*). С древнейших времен и до наших дней в народной этимологии наблюдается стремление суффиксальную часть слова интерпретировать как второй элемент словосложения. В итоге название ордена *Dominicani* было объяснено как *Dominicani canes* «псы Господа».

³Мифологический словарь М., 1991. С. 596.

Начало Железного века в Ионии

αὐτὸς ἐφέλλεται ἄνδρα σίδηρος

Само собой прилипает к рукам роковое железо

Гомер. Одиссея, XVI, 294.

(перевод В. А. Жуковского)

В работах отечественных и зарубежных антиковедов, исследующих переходный в истории древней Греции период XI — VIII вв. до н. э., начало производства и распространения железа в Греции конца II — начала I тыс. до н. э. всегда было темой, которую невозможно было обойти вниманием. При рассмотрении этой темы в общем плане неизменно подчеркивалось прогрессивное воздействие нового металла на все сферы экономической и социальной жизни¹.

Во второй половине XX в. оживленно обсуждались и такие дискуссионные вопросы начала Железного века в Греции как место и время изобретения нового металла, пути и способы распространения железа и технологий его производства, связь технологических изменений и миграционного движения, охватившего Эгеиду и Восточное Средиземноморье в конце II тыс. до н. э. (в том числе — проблема причастности к новому металлу дорийцев), и многие другие сопредельные проблемы².

¹См. например: *Чайлд Г.* Прогресс и археология / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1949. С. 76 слл.; *Андреев Ю. В.* 1) Раннегреческий полис. СПб., 2003. С. 195–196; 2) От Евразии к Европе. СПб., 2002. С. 689–691; *Фралов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 65–66; *Burton-Brown T.* The Coming of Iron to Greece. Wincle, 1954; *Snodgrass A. M.* Barbarian Europe and Early Iron Age in Greece // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. XXXI. 1965. P. 229–240.

²Об этих проблемах и основных тенденциях в развитии металлургии (включая производство железа) на Ближнем Востоке конца II тыс. до н. э. и в гомеровской Греции см.: *Согомонов А. Ю.* Ремесло и святилище в Греции на исходе «темных веков» // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987. С. 124–133; *Гюоргадзе Г. Г.* Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 238–261; *Pleiner R.* Iron Working in Ancient Greece. Praha, 1969; *Burkert W.* Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg, 1984. P. 21–29; *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. 2-d. ed. N. Y., 2000. P. 213–295, 324–327;

В контексте этой далеко еще не исчерпанной темы большое значение приобретает археологическое изучение тех регионов Греции и Ближнего Востока, которые имели непосредственное отношение к производству железа и его распространению. Среди них не последнее место принадлежит восточным областям греческого мира, среди которых особо выделяется Иония.

Ионийские поселения возникли на западном побережье Малой Азии в результате миграции многочисленных греческих племен Балканской и островной Греции в XII–XI вв. до н. э. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии признается приоритет ионийских полисов среди других греческих общин архаического периода в экономическом и культурном отношении. Что же касается предшествующего периода ионийской истории (начиная со времени миграции и до конца VIII в. до н. э.), то есть периода, когда должны были вызревать предпосылки будущего экономического и культурного расцвета, то это время обычно определяется как «темные века» их истории. Осветить мрак этих столетий из-за отсутствия аутентичных письменных источников, бедности археологических свидетельств и традиционного недоверия к легендарно-исторической традиции как правило не считается возможным³.

Цель настоящей статьи — рассмотреть особенности возникновения железоделательного производства в ионийских поселениях XI–VIII вв. до н. э., опираясь на опубликованные археологические материалы, а также легендарно-историческую традицию Ионии и поэмы Гомера. Необходимо также определить место ионийских поселений гомеровского периода в распространении в греческом мире

Lemos I. S. The Protogeometric Aegean. The Archaeology of the Late Eleventh and Tens Centuries B. C. Oxf., 2002. P. 100–134.

³Подробно об особенностях и итогах археологического изучения Ионии XI–IX вв. до н. э., проблеме достоверности ранней ионийской легендарно-исторической и эпической традиции, а также об ионийских корнях гомеровского эпоса: *Лантеева М. Ю.* 1) Политическое развитие ионийских греческих поселений XI–IX вв. до н. э. // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. Свердловск, 1984. С. 17–22; 2) Панионий: амфикиония, симмахия или этнический союз? // *Studia Historica.* Т. VI. М., 2006. С. 3–24; 3) Ионийская миграция в греческой традиции и археологии // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2006, Вып. XVI. № 4; 4) Аграрный строй гомеровской Ионии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История.* Вып. 3. СПб., 2007; 5) Ионийская базилика XI–VII вв. до н. э.: общегреческие черты и ионийские особенности // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира.* СПб., 2007.

новых технологий обработки железа, а также значение этого периода истории собственно ионийского ремесла в перспективе экономического прогресса архаического периода, во главе которого стояли полисы Ионии.

Начнем с обзора археологических свидетельств относительно использования ионийцами железа и других производственных металлов в XI–VIII вв. до н. э. Все археологические находки металлических изделий этого времени можно разделить на две группы. Первая — редкие артефакты, XI–IX вв. до н. э., то есть согласно археологической периодизации — протогеометрического и раннегеометрического периодов. Они представляют собой единичные изделия из железа и бронзы: оружие (мечи, ножи, наконечники копий и дротиков), бронзовые фибулы (иногда с посеребренными дужками), золотые кольца⁴.

Эти металлические изделия найдены, как правило, при раскопках погребений и святилищ ионийских поселений и представляют собой лишь незначительную часть больших погребальных комплексов и votивных даров, утраченных еще в древности, либо разграбленных в период войн XIX–XX вв.⁵

Общей особенностью этих остатков металлических комплексов является незначительное количество украшений и полное отсутствие привозных предметов роскоши: при раскопках найдено лишь несколько витых золотых колец и бронзовых фибул с покрытыми серебром дужками⁶.

Ближайшим по времени и месторасположению археологическим комплексом, который может дать представление об утраченных или еще не обнаруженных ионийских археологических памятниках гомеровского периода⁷, является протогеометрический некрополь, расположенный на Галикарнасском полуострове около современного Ассарлика (древняя карийская Термера). Здесь в толосных

⁴Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 224, 236–237, 267, 269, 273, 275, 277.

⁵Как, например, в Колофоне, где материал толосной гробницы, содержащей предметы позднебронзового и протогеометрического времени, был разграблен во время греко-турецкой войны 20-х гг. прошлого столетия. Аналогичной была участь некоторых погребений в Ассарлике, утраченных еще в конце XIX века.

⁶См. прим. 4.

⁷Следует отметить, что большая часть ионийских протогеометрических поселений (за исключением Смирны) еще не открыта. О них свидетельствуют лишь скопления протогеометрической керамики.

погребениях, содержащих кремнированные останки, вместе с протогеометрической керамикой, бронзовыми фибулами и золотыми кольцами было найдено много железного оружия и листового золота⁸. Этот комплекс археологи считают типичным для западной Анатолии и рассматривают обычно в одном контексте с ионийскими находками⁹.

В VIII в. до н. э. археологическая картина существенно меняется: раскопки ионийских храмов в Милете, Эфесе, на островах Самосе и Хиосе доставили много изделий из бронзы ионийского или фригийского происхождения, о которых мы еще будем говорить.

Археологическое изучение протогеометрических и геометрических слоев, к тому же еще незавершенное, не может дать исчерпывающей информации об особенностях технологии, ассортименте и типах изделий из металла, включая предметы роскоши, которые меньше всего могли сохраниться до наших дней. Этот пробел отчасти восполняют свидетельства ионийской легендарно-исторической традиции. Так, например рассказы о роскоши ионийской знати, выражающейся в стремлении носить дорогие одежды и украшения, в подражание моде лидийских аристократов (Xenophon., fr. 3 Diehl), можно отнести и к более древним, гомеровским временам. Это видно из истории свержения базилея Кнопа в Эрифрах¹⁰. Упомянутые Гипшием Эрифрским в рассказе об уничтожении царской власти в Эрифрах золотые, похожие на женские, украшения трех эрифрских тиранов, могут свидетельствовать и о бытовых привычках не только эрифрской, но также ионийской знати гомеровского периода в целом (Hipp. Eryth., FgrHist 421 F1=Athen., 74-75, p. 258 f – 259f). В ионийской традиции сохранились воспоминания о подобных же золотых украшениях древней самосской знати (браслеты, заколки для волос), обычаи которой описывает эпический поэт VII в. до н. э. Асий (fr. 13 Bernabè).

Начало железного века Ионии оставило след не столько в археологии (мы уже отмечали буквально единичные металлические

⁸Lemos I. S. The Protogeometric Aegean. P. 182–184; Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 224, 236–237.

⁹Lemos I. S. The Protogeometric Aegean. P. 182, 184.

¹⁰Эти события невозможно точно датировать, однако исторический контекст позволяет отнести их к гомеровскому периоду: Лаптева М. Ю. Тирания в архаических Эрифрах // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 55–56.

артефакты в слоях протогеометрического и раннегеометрического периодов), сколько в мифологии, легендарной традиции и поэмах Гомера. Особую ценность в поэмах Гомера представляют описания работ с железом, которые можно отнести к рассматриваемому времени — XI–VIII вв. до н. э. и, учитывая ионийское происхождение Гомера, считать ионийскими реминисценциями¹¹.

В греческих мифах Малая Азия и острова Восточного Средиземноморья воспринимались как области рождения железоделательного производства, откуда знания о новом металле и технология его изготовления распространились на другие области греческого мира. В ионийской мифологической традиции новый металл, секреты его производства связывались с именами Идейских Дактилей и их преемников — куретов, корибантов, кабиров и тельхинов.

Идейские Дактили¹², боговдохновенные и экстаические служители фригийской Матери богов, известной также под другими именами (Кибелы, Диндимены, Идеи), жили у подножья горы Иды в Троаде (Strab., X, 3, 7, p. 466; 12, p. 469; 22, p. 473). Имена Дактилей, которые первыми стали плавить железо, упоминаются в одном из фрагментов эпической поэмы «Форонида», датированной VII–VI вв. до н. э. (fr. 2 Bernabé):

Там чароден (γόητες)
Мужи Идейцы Фригийские в горных домах обитали –
Келмий и Дамнеменей, и огромный Акмон многомогущий,
В деле проворные слуги владычицы гор Адрастеи,
Первыми кои искусства обильного мыслью Гефеста
В рощах измыслили горных: фиалково-темные руды
(εὔρον ἐν οὐρέησι βάλας ἰβέντα σίδηρον)¹³
В огонь погрузили они и свершили прекрасное дело.

(Перевод О. Цыбенко)

Эллинистические и римские авторы, обобщив древнегреческую традицию об Идейских Дактилях, также признавали их приоритет в производстве железа (Schol. ad Apoll. Rhod., 1126–1131, Diod., V, 64–65; Strab., X, 3, 22, p. 473). Важно также отметить, что в греческой мифологической традиции Дактили и их ученики считались

¹¹О железе, технологии его изготовления и ассортименте изделий из него и в поэмах Гомера: Pleiner R. Iron Working in Ancient Greece. P. 9–10, 39.

¹²Об этимологии имени дактилей: Strab., X, 3, 22 p. 473.

¹³Дословный перевод: "... которые, найдя в горных лесистых ущельях темносинее железо...".

фригийцами (Phoronis. fr. 2 Bernabé; Soph. Coph. Sat., fr. 362-364 Radt = Schol. ad Apoll. Rhod., 1126-1131).

Все эти мифологические сведения вполне соотносятся с данными археологии, показывающими приоритет фригийцев в железнорудном производстве¹⁴ и о его влияние на ионийское ремесло¹⁵.

Учениками и преемниками идейских дактилей считались куреты, жрецы Артемиды Эфесской, чье святилище было основано в период миграции ионийцев в XI в. до н. э. на месте святилища азиатской Матери богов, ойкистом Эфеса, Андроклом (Paus., VII, 2, 7; Etym. Magn. s. v. Δακτίς, p. 252, vs. 11-29). Помимо Эфеса эпиграфическими данными эта коллегия подтверждается в Милете и Приене¹⁶. В ионийских мифах Эфеса куреты выступают преданными слугами Зевса и воинственными защитниками его детей, Аполлона и Артемиды, рожденными Лето в роде Ортигия вблизи святилища Артемиды Эфесской (Strab., X IV, 1, 20, p. 639-640). Как потомки Идейских Дактилей куреты знали секреты производства железа (Strab., X, 3, 22, p. 473).

Культы других экстатических служителей Матери богов, корибантов и кабиров, так же как и куреты, причастных к тайным знаниям и умениям дактилей, связанным с железом, прослеживаются по эпиграфическим и нумизматическим источникам в полисах северной Ионии, на Хиосе, Эрифрах и Фокее¹⁷.

Кабиры почитались и в раннеионийском Милете, как это видно из древнего предания о соперничестве двух представителей дина-

¹⁴При раскопках докimmerийского Гордиона было обнаружено более 130 предметов из железа, а также следы его производства: *Young R. S. Three Great Early Tumuli. Pennsylvania, 1981. P. 250.*

¹⁵*Моисеева Т. А.* К вопросу о характере Фригийского государства в VIII — начале VII в. до н. э. // ВДИ, 1986. №3. С. 22-24; *Копейкина Л. В.* Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в восточноионийской Греции // ВДИ. 1975, №1С. 103-116; *Cook J. M., Blackman D. J.* Greek Archaeology in Western Asia Minor // AR. Vol. 11. 1964-1965. P. 42-43; *Barnett R. D.* Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age // САH. V. 2. Part 2. Cambr., 1975. P. 429; *Kerschner M.* Die Ionier und ihr Verhältnis zu den Phrygern und Lydern. Beobachtungen zur archäologischen Evidenz // Neue Forschungen zu Ionien. Bonn, 2005. S. 113-146.

¹⁶*Parke H. W.* Oracles of Apollo in Asia Minor. L., 1985. P. 156-157; *Hüller von Gertringen F.* Inschriften von Priene. Berlin, 1906 (N 165); *Hesperia*. Vol. 16. 1947. P. 87-88 (N 13).

¹⁷*Graff F.* Nordionische Kulte. Religionsgeschichte und epigraphische Untersuchungen zu den Kulturen von Chios, Erythrai, Klazomenae und Phokaia. Rome, 1985. S. 107-121, 319-334, 418-419.

стии Нелеидов, Леодаманта и Амфитрета, сохраненного Николаем Дамасским (FgrHist 90 F 52).

Религиозный экстаз, танцы с оружием, характерные для ионийских куретов, корибантов и кабиров (Strab., X, 3, 7, p. 466; 3, 11, p. 468; 3, 21, p. 473), были вполне естественны в контексте оргиастического культа Великой Матери, воспринятого ионийскими греками, как в чистом виде¹⁸, так и синкретично, в соединении с духовно родственными ему культами, Геи, Реи и Артемиды¹⁹.

В греческом религиозном сознании гомеровского периода и времени ранней архаики богини, олицетворяющие земное плодородие и творческие силы земли, были органически связаны с появлением нового металла. Это хорошо видно в «Теогонии» Гесиода. Металлы в изображении Гесиода вызревают и рождаются, как плод в чреве матери, в дальних горах, в утробе матери Земли-Геи (861-867). Она же, как кузнец, делает из «седой стали» (πολύοι δάμωντος) серп (159-162).

Поздним отголоском ионийских мистических традиций, связанных с железом, являются упоминаемые Лукрецием Каром *Samothracia ferrea* — не поддающиеся реконструкции магические (возможно — очистительные²⁰) обряды, совершаемые с помощью железных колец в самосской колонии Самофракия (De Rer. Nat., VI, 1042-1047). Эти обряды совершались в святилище кабиров, часто отождествляемых с другими служителями идейской Матери богов — ку-

¹⁸О культе Кибелы в архаической Ионии: *Graff F.* Nordionische Kulte. P. 107-121, 319-334; *Ehrhardt N.* Die Ionier und ihr Verhältnis zu den Phrygern und Lydern. Analyse der literarischen, epigraphischen und numismatischen Zeugnisse // Neue Forschungen zu Ionien. Bonn, 2005. S. 98-99. Культ Кибелы получил широкое распространение и в ионийских греческих колониях Северного Причерноморья: *Руслева А. С.* Культ Кибелы в Ольвии // Археология. 1972, № 7. С. 35-45; *Шевченко А. В.* Культ Кибелы в античном Херсонесе // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2005. С. 13-21.

¹⁹Древние авторы считали, что культ Реи малоазийского происхождения и отмечали сходство духовной природы этой богини с Матерью богов (Strab., X, 3, 20, p. 472). Относительно близости «хтонической необузданности» культа Артемиды образу Кибелы: *Тахо-Гёди А. А.* Артемида // Мифологический словарь. М., 1991. С. 60-61. О религиозном синкретизме в оргиастическом культе Великой Матери богов в древней Малой Азии: *Богатова О. В.* Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности (К проблеме религиозного синкретизма в античности) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1998.

²⁰Об очищении приходящих в самофракийское святилище убийц и всех посвящаемых в мистерии, которому предшествовал обычай покаяния, рассказывают Плутарх (Apopht. Lac., Antal., 1; Lys., 10) и Гесихий (s. v. κοίης).

ретами, корибантами и тельхинами. Кабиры считались защитниками от опасностей на море и последователями дактилей в искусстве выплавки железа и железоделательном производстве (Strab., VII, fr. 50; X, 3, 7–22, p. 466–473)²¹.

Если перейти от общегреческой мифологии к поэмам Гомера, то можно заметить, что они отражают достаточно развитую стадию металлургии азиатских ионийцев. Железо как металл, изделия из железа, часто упоминаются в поэмах Гомера. Ионийцу Гомеру известны многие качественные характеристики этого нового для греков металла. Он использует различные эпитеты для обозначения качественных состояний железа: «седое» (πολύς — II., XXII, 261), «блистающее» (αἴτων — Od., I, 180), «темно-синее» (ίείεις — XXIII, 850), «неподвижное» (ἀτρεμής — Od., XIX, 211), «тщательно-отделанное» (πολύμητος — Od., XIV, 324) и, наконец — «грубоотлитое, неотделанное» (αὐτοχόωνος — II., XXIII, 826)²². Весь этот спектр «железных» эпитетов, а также многочисленные метафоры и сравнения, в которых упоминается железо («железное сердце», «железная душа и сила», «люди железные», «тела — не железо», «очи сковав как железо», «железное небо»), свидетельствуют о том, что новый металл к VIII в. до н. э. стал широко использоваться в повседневной жизни ионийцев. Появилась даже поговорка: «железо (оружие) само просится в руки человека» (Od., XVI, 294; XIX, 13).

В «Илиаде» и «Одиссее» можно найти более 50 упоминаний железа²³. Правда, большинство из них представляет собой метафоры

²¹Интересен в этой связи рассказ Николая Дамасского о помощи, которую оказали жрецы кабиров милетскому базилею Леодаманту, свергнутому своим братом Амфитрегом. Повинуясь оракулу, Леодамант призывает на помощь из Фригии двух жрецов, которые приносят заключенные в ларцы іερά кабиров (возможно их кумиры — cf.: Нег., III, 37). Эти іερά обратили войско Амфитрега в бегство (FgrHist 90 F 52). О кабирах: *Новосадский Н. И.* Культ Кабиров в древней Греции. Варшава, 1891; *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1899. С. 211–214. См. также о родственных очистительных, охранительных и других обычаях и обрядах, связанных с железом, по этнографическим материалам: *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь. Пер. с англ. Рыклина М. К. и др. М., 1998. С. 240–243, 504; *Элиаде М.* История веры и религиозных идей / Пер. с фр. Н. Н. Кулаковой и др. Т. 1. М., 2002. С. 30–31.

²²Cf.: Нег., Op., 742–743; Theog., 158–162, 859–867. См. также каталог упоминаний о железе и изделиях из него в поэмах Гомера: *Pleiner R.* Iron Working in Ancient Greece. P. 39.

²³*Pleiner R.* Iron Working in Ancient Greece. P. 9, 39.

и сравнения, но немало упоминаний, прямых и косвенных, об орудиях труда и оружии. Из орудий труда особенно часто называются топоры и тесла (II, IV, 485; V, 850). Из предметов вооружения — ножи, наконечники копий и дротиков, палицы, очевидно, окованные железом (II, IV, 123; VII, 141; VIII, 34). Железо является частью богатства базилеев, как и другие металлы (II, VI, 47–48; X, 378–379; Od., XIV, 323–326), оно ценный предмет обмена (II, VII, 473–474; Od., I, 179–180) и военная добыча (II, IX, 365–366; Od., XIV, 323–324). Железо — самый ценный приз на состязаниях (II, XXIII, 826).

Гомер знаком также с некоторыми технологиями изготовления железных орудий труда (Od., IX, 391–394): «... кузнец, большой топор или тесло, в холодную воду погружая с сильным шипением, закаливает металл: это ведь придает железу прочность...» (перевод наш). Как считает Р. Пляйнер, эта яркая и живая метафора не является эпической формулой, а отражает непосредственные впечатления очевидца²⁴. Можно отметить также, что закалка железа это — передовая по тем временам технология, с освоения которой началось широкое распространение железа.

Развитию металлургии в ионийских поселениях содействовало то, что они были расположены в регионе, издревле богатом металлами и славившемся традициями металлообработки. Основные месторождения меди, железа, драгоценных металлов находились в горных областях Малой Азии (главным образом, в горах Тавра и Антитавра), Армянского нагорья и Афганистана²⁵. В пределах Ионии или в непосредственной близости от нее протекали реки,

²⁴Ibid. P. 10.

²⁵О природных богатствах Анатолии и близлежащих регионов, а также местных древних традициях металлургии см.: Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. Кн. 2 / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1983. С. 48–50; Мажкуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии / Пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона. М., 1983. С. 5–16, 92–93; Ардзинба В. Г. 1) Послесловие к кн.: Герти О. Р. Хетты. М., 1987. С. 202–208; 2) Хеттское царство и Эгейский мир // История древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 125; Гиоргадзе Г. Г. Производство и применение железа в центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов... С. 238–261; Pleiner R. Iron Working in Ancient Greece. P. 12–13; Burkert W. Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg, 1984. P. 15–42; Greaves A. M. Miletos: A History. L.; N. Y., 2002. P. 36–37; Kerschner M. Die Ionier und ihr Verhältnis zu den Phrygern und Lydern. P. 113–146 (там же новейшая литература по этой теме).

несущие золото и электрон²⁶. Небольшие месторождения железа и золота были около Милета, Смирны и на Самосе²⁷.

До конца XIII в. до н. э. основные месторождения металлов в Малой Азии контролировались Хеттским царством, а после его падения — некоторыми анатолийскими племенами (в том числе племенем халибов или мосхов), позднее, в X–VIII вв. до н. э., Фригийским царством, а в VII–VI вв. до н. э. — Лидией. Естественно поэтому, что ионийские греки рано были вынуждены вступать в торговые отношения с восточными соседями, получая от них не только металлы, но и технологии.

Что же касается организации металлообрабатывающих ремесел, то, возможно, в этот период они находились под контролем ионийских святилищ, таких как Геры на Самосе или Артемиды в Эфесе, имевших глубокие доионийские религиозные корни. В архаический период эти святилища были известны как крупные центры изготовления металлических изделий. В слоях гомеровского периода на территории этих святилищ найдены следы металлообрабатывающих мастерских²⁸.

Эта особенность в организации металлургии была типична для древнего Ближнего Востока: экспедиции за металлами, последующее их распределение или обмен, а также металлообработка контролировались храмовой администрацией²⁹. В микенский период истории Греции, если судить по данным археологии и линейного письма Б, на территории «священных» зон в Микенах, Фивах, на Крите, Кипре, Фере существовали мастерские по производству медных и бронзовых изделий³⁰. В гомеровский период, как свидетельствуют немногие археологические артефакты, это, вероятно, было характерно и для некоторых греческих храмов Ионии: Геры на Самосе, Артемиды в Эфесе. Позднее в архаический период Самос,

²⁶ Например, река Пактол, впадавшая в реку Герм, которая проходила по северным пределам Ионии: Нег., V., 101.

²⁷ Roebuck C. *Ionian Trade and Colonization*. N. Y., 1959. P. 20; Greaves A. M. *Miletos: A History*. P. 36–37. В целом о металлах на территории Ионии: Roebuck C. *Ionian Trade*. . . P. 20–21.

²⁸ Согомонов А. Ю. Ремесло и святилище в Греции на исходе «темных веков». С. 127–128. Snodgrass A. M. *The Dark Age of Greece*. P. 275–278.

²⁹ Дьяконов И. М. 1) Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ, 1968, № 3; 2) Города-государства Шумера // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983. С. 51.

³⁰ Согомонов А. Ю. Ремесло и святилище в Греции. . . С. 128–131.

Эфес, Хиос стали центрами металлургического производства и ряда изобретений в области металлургии (Her., I, 25; Paus., III, 12, 10; VIII, 14, 8; IX, 41, 1; X, 16, 1; 38, 6).

Еще раз необходимо подчеркнуть, что появление и распространение железа в религиозном сознании (в первую очередь ионийских) греков было связано с экстатическим культом Кибелы, фригийской Матери богов, богини духовно родственной греческим Гее, Рее, Гере, Артемиде. Именно в святилищах Геры на Самосе и Артемиды в Эфесе (в нем среди прочих служителей жрецами были куреты, преемники дактилей, связанных с культом Кибелы) были найдены редкие для гомеровской Ионии металлические предметы³¹.

Следует отметить в этой связи мнение Ю. В. Андреева (с которым солидарны и другие отечественные исследователи) о «замирании» жизни греческих святилищ (в том числе Самосского Герайона) и в целом религиозной жизни греков в постмикенский период³².

Согласиться с этим тезисом относительно Ионии трудно, так как, судя по данным ионийской традиции, наблюдается не «замирание», а напротив — религиозная активность ионийцев в первые века после переселения их в Малую Азию. Согласно исторической традиции, в гомеровской Ионии происходит не угасание, а напротив — воссоздание привезенных греками-мигрантами из Балканской Греции культов Аполлона, Артемиды, Афины, Деметры, Посейдона (Her., I, 143, 148; IX, 97; Marm. Par. Epoch. 23–27, vs. 38–44; Strab., XIV, 1, 3, p. 633; Vitr., IV, 1, 4–5; Paus., VII, 2, 7; 3, 10; 4, 10; Etym. Magn. s. v. Δαίτις, p. 252, vs. 11–29).

Кроме того, ионийцы используют местные анатолийские святилища для служения как местным, так и греческим богам. Эти святилища в архаический период превращаются в места отправления новых синкретических культов (например, Аполлона в Дидимах или Артемиды в Эфесе). Наконец, венцом религиозной активности можно считать создание на полуострове Микале религиозного центра — Паниония, с авторитетным общеионийским культом Посей-

³¹ Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 267, 269, 273, 275, 277.

³² Андреев Ю. В. История Греции в XI–IX вв. // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 218; Он же. От Евразии к Европе. СПб., 2002. С. 224, 665; Куллишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). С. 71.

дона Геликонского³³. Археология и легендарная традиция также фиксируют непрерывность культовой практики в протогеометрических поселениях Ионии³⁴.

Ко всему сказанному выше добавим, что в VIII в. до н. э. начинается строительство первых ионийских каменных храмов (Геры на Самосе, Афины в Милете), в архитектуре которых мы видим зарождение ионийского ордера. В этой связи утверждение о замирании религиозной жизни в гомеровской Греции представляется совершенно ошибочным, во всяком случае, для Ионии XI–VIII вв. до н. э.

Помимо храмов в этот период в металлургическом ремесле могли занимать важные позиции странствующие кузнецы-профессионалы и межнациональные корпорации ремесленников, на свой страх и риск, организовывавшие экспедиции за металлом, производство и сбыт готовых изделий³⁵.

В современной литературе широко распространен тезис о резком возрастании самостоятельности и независимости индивидуальных хозяйств в связи с переходом к производству и обработке железа как основного металла³⁶. Это убеждение строится на двух положениях: 1) железо — легкий в обработке, более доступный и дешевый металл, чем медь и олово, компоненты бронзы 2) распад микенской дворцовой экономики высвободил частную инициативу отдельных домохозяйств, некогда составлявших зависимые от микенских дворцов и контролируемые дворцовой администрацией общины³⁷.

Не возражая в целом против восходящих к историографии первой половины XX в. представлений о демократизирующем воздействии железа на все стороны жизни греческих общин, отметим все

³³ *Лантеса М. Ю.* Панийон: амфиктиония, симмахия или этнический союз? // *Studia Historica*. Т. VI. М., 2006. С. 3–24.

³⁴ *Dietrich B. C.* Tradition in Greek Religion. Berlin, N. Y., 1986. P. 43–44, 47, 113–114, 119; *Lemos I.* Protogeometric Aegean. P. 222–223.

³⁵ *Согомонов А. Ю.* Ремесло и святилище в Греции... С. 130–131; *Pleiner R.* Iron Working in Ancient Greece. P. 36; *Burkert W.* Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. S. 24–29.

³⁶ *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. СПб., 2003. С. 195–196; Он же. От Евразии к Европе. 689–691; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. С. 65–66. Там же — основная литература относительно революционизирующего воздействия железа на экономический и социальный быт индоевропейцев.

³⁷ *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. С. 691.

же, что некоторые из этих общих положений нуждаются, на наш взгляд, применительно к истории ранней Ионии в конкретизации и уточнении, а в некоторых случаях — пересмотре.

Трудно представить, что рядовые члены ионийских общин, едва только обосновавшиеся на новых землях под руководством своих басилеев-ойкистов, имели прямой доступ к месторождениям железа, расположенным в отдаленных районах Анатолии, населенных местными племенами, которые к тому же (как, например, халибы) охраняли находящиеся на их землях месторождения. К тому же путешествия по анатолийским дорогам после крушения хеттской государственности и прошедшей по этим регионам волны народов моря, в XI–X вв. до н. э. были явно небезопасным предприятием.

Иное дело — хозяйства ионийской знати, которые прослеживаются в Ионии гомеровского периода по данным археологии и традиции³⁸. У ионийских ἀρχαί было больше возможностей получать металлические изделия и сам металл не только посредством торгового обмена и характерного для этой эпохи дарообмена между представителями греческой и местной аристократии, но также в результате организованных этой знатью военных и пиратских сухопутных и морских экспедиций. Эти ситуации часто описывает Гомер, поэтому они также могут характеризовать экономические возможности ионийской знати.

Приведем лишь некоторые характерные примеры: сын царя тафийцев меняет в южноиталийском Темесе железо на медь (Od., I, 175–180); подарок Телемаху от Менелая серебряного кратера с золотыми краями (Od., IV, 615–619); подарок Одиссею от Исмарского жреца Марона семи талантов золота и серебряного кратера (Od., IX, 202–203). Золотые таланты, меч с серебряной рукоятью, золотой кувшин, бронзовые котлы и треножники — подарки Одиссею от басилеев Схерии (Od., VIII, 400–405; 430–432, 439–440; XIII, 11–14, 19); золото, медь и «тщательно отделанное железо» как военная добыча Одиссея (Od., XIV, 321–324)³⁹. К этим же примерам можно

³⁸О хозяйствах ионийской знати в гомеровский период: *Лантсва М. Ю.* Аграрный строй гомеровской Ионии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 3. СПб., 2007.

³⁹В пиратских набегах и торговле, предметом которой часто бывают металлы и металлические изделия, в поэмах Гомера принимают участие не только финикийцы, но и греки (II, VII, 467–475; Od., I, 175–180; VIII, 159–164; XIV, 200–344; XV, 425–429).

отнести и «грубоотлитый железный диск»⁴⁰, который выставляется в качестве приза во время состязаний после погребения Патрокла. Обладатель этого приза может, по словам Ахилла, пять лет использовать его в своем хозяйстве (И., XXIII, 826–835)⁴¹. Запасы металлов (меди, железа, драгоценных металлов) наряду с продуктами припасами составляют богатство знатного человека (И., X, 314–315, 378–379; Од., II, 337–338; XXI, 10).

В связи с этим фактом непосредственной причастности к производству, обмену и распределению металлов ионийских басилеев⁴² и храмов, отметим, в качестве близкого по времени сюжета, что в хеттском государстве месторождения железа хранились в тайне, а вывоз его за пределы государства был запрещен. Первые изделия из него представляли собой сакральные символы царской власти, предметы культа, а также подарки царям и храмам⁴³.

«Недемократические» функции железа отмечаются и в новейших археологических интерпретациях погребального материала некрополей «темных веков»: металлические артефакты в погребениях этого времени (как и сам факт резервации мест погребений) призваны были подчеркнуть высокий социальный статус умершего⁴⁴.

⁴⁰ Или точнее: «глыба железа» — *σόλο αὐτοχθώνος*. В переводе Н. И. Гнедича: «круг самородный железа». Как считают некоторые исследователи, это было метеоритное железо.

⁴¹ Можно предположить, что этот пассаж является отголоском экономической зависимости незнатных ионийцев в отношении железа от басилеев своих общин. Анализовавший экономический контекст этого эпизода Ю. В. Андреев обратил внимание на то, что владелец этой глыбы железа (представляющей большую ценность) должен жить в сельской местности, а не за стенами протополиса (Раннегреческий полис. С. 80). Вполне возможно, что эта глыба железа могла быть использована не только работавшими в его хозяйстве «пахарем и пастухом», но и другими независимыми от басылея и живущими по соседству *ἄγροῖται* (как называет всех сельских жителей Гомер).

⁴² Жилище басылея могло выполнять и культовые функции (*Lemos I. S. The Protoegeometric Aegean*. P. 222–223) и поэтому подобно восточным храмам, как своеобразный запасной фонд, могло быть местом аккумуляции и распределения зерна и металлических изделий.

⁴³ *Ардзинба В. Г.* Послесловие к кн.: *Герни О. Р.* Хетты. С. 204–208; *Герни О. Р.* Хетты. С. 76–77; *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 118; *Гиоргадзе Г. Г.* Производство и применение железа в центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов... С. 242–246, 251–252.

⁴⁴ *Повалев Н. Л.* Некоторые проблемы социальной структуры общества протогеометрического периода в современной литературе // ПИФК. № 3, 1996.

Данные анатолийской (особенно хеттской и фригийской) археологии, греческая мифологическая, легендарно-историческая традиция, гомеровский эпос указывают на области центральной и северо-западной Анатолии как центры изобретения выплавки железа, откуда знания о новом металле и навыки его обработки растекались в другие малоазийские регионы и на острова Эгеиды, а затем на Балканский полуостров. Иония стала одной из таких областей. Причем вполне вероятно, что ионийские (и примкнувшие к ним под именем ионийцев) племена познакомились с железом еще до начала миграции в XII–XI вв. в Малую Азию, на Балканах, где первые образцы железа, используемые, вероятно, в магических или ритуальных целях, появились еще в XIV–XIII вв. до н. э.⁴⁵ Интересно в этой связи, что Паросская хроника, называя имена первооткрывателей железа — дактилей Дамнасилеонта и Кельмиса, помещает это событие между правлением Миноса на Крите и Пандиона в Афинах (Marm. Pap. Epoch. 11–12, vs. 22a–23a).

Согласно мифологической традиции островных и Балканских греков с железом познакомили проживавшие на Родосе тельхины, также как куреты, корибанты и кабиры, ведущие свое происхождение от идейских дактилей (Strab., X, 3, 7, p. 466; 3, 19, p. 472). Они считались искусными кузнецами и помощниками олимпийских богов. Именно они изготовили железный серп для оскопления Урана (Strab., XIV, 2, 7, p. 653–654. Cf.: Hes., Theog., 159–162).

Итак, греческая мифология и археологические свидетельства определенно указывают на заимствование греками Балканского полуострова железа и технологии его изготовления из северо-западных областей Малой Азии, Сирии и Финикии, а также островов юго-восточной Эгеиды и Восточного Средиземноморья (Кипр, Родос, Крит), которые получали восточные товары как морским путем, идущим вдоль южного побережья Малой Азии так и непосредственно из Малой Азии⁴⁶. Эти свидетельства, пополняемые

C. 5–10; *Morris I.* Burial and Ancient Society. Camb., 1987. P. 72–96, 173; *Whitley J.* Style and Society in Dark Age Greece. The Changing Face of Pre-literate Society 1100–700 B. C. Cambridge, 1991. P. 115–116. Ср.: *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. С. 664.

⁴⁵ *Pleiner R.* Iron Working in Ancient Greece. P. 8–9, 30, 33.

⁴⁶ *Pleiner R.* Iron Working in Ancient Greece. P. 12–13 (относительно невосточных гипотез происхождения железоделательного производства в Греции), 33; *Burkert W.* Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. S. 24–29; *Murray O.* Early Greece. 2-nd. ed. L., 1993. P. 73–74; *Osborn R.*

ежегодно благодаря интенсивному развитию анатолийской археологии, позволяют окончательно предать забвению гипотезу, связывающую появление железа на Балканах с миграцией дорийских или каких-либо иных племен Центральной Европы⁴⁷.

Действительно основные месторождения этого металла находились в Малой Азии, а его производство было широко налажено намного раньше гибели микенских государств — еще во времена Среднехеттского царства. Ассортимент изделий из железа, как показывают материалы хеттской археологии и хеттских архивов, включал большое количество предметов утилитарного назначения, не ограничиваясь ритуальными и сакральными нуждами. Железный век в Центральной Анатолии сосуществовал с позднебронзовой эпохой уже в XIV–XIII вв. до н. э. Широкое же освоение железа началось после гибели Хеттского царства в XII в. до н. э.⁴⁸.

Остается дополнить эту общую картину движения новых технологических достижений с Востока, интенсивно начавшуюся во второй половине II тыс. до н. э. ионийскими материалами. Они показывают если не лидирующую, то вовсе не последнюю роль Ионии в адаптации и передаче достижений в области металлургии на Запад.

В производстве бронзовых и медных изделий ионийские греки были наследниками преимущественно крито-микенских традиций, но в обработке железа они, без сомнения, были учениками анатолийских, и, прежде всего — хеттских и фригийских мастеров, раньше всех на Ближнем Востоке овладевших технологией обработки железа. Конечно, о хеттском влиянии на ионийское ремесло в целом и на ионийскую металлургию можно говорить опосредованно: ионийские племена мигрировали в Малую Азию, когда государство и основные экономические центры хеттов погибли под натиском «народов моря». Но некоторые археологические артефакты дают повод для размышлений о длительном сохранении многообразного хеттского наследия в центральных и западных областях Малой

Greece in Making... P. 27ff, 112-114; *Greaves A. M.* Miletos: A History. L.; N. Y., 2002. P. 34–38.

⁴⁷Критика этой концепции: *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису // Антикная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 118; *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. С. 669; *Coulson W. D. E.* The Greek Dark Ages. Athens, 1990. P. 15–16.

⁴⁸*Ардзинба В. Г.* Послесловие к кн.: *Герни О. Р.* Хетты. С. 206–207; *Герни О. Р.* Хетты. С. 76; *Pleiner R.* Iron Working in Ancient Greece. P. 8–11.

Азии и о возможном опосредованном, через Фригию, его заимствовании.

Речь идет об одной из находок в храме Артемиды Эфесской. Это — стоящий на треножнике круглый бронзовый сосуд, горлышко которого обнимает сидящая на корточках маленькая человеческая фигурка в юбке и шапочке, похожей на феску. Опубликовавший эту находку Г. Хэнфмэнн, подчеркивает негреческий, ближневосточный стиль этой группы. Он связывает ее с традициями хеттской металлургии и пластики, датируя временем ранее VIII в. до н. э.⁴⁹.

Традиции металлообработки хеттов, а также их контроль над месторождениями железа и других металлов унаследовали после гибели Хеттской державы фригийцы, расцвет государственности которых приходится на конец геометрического периода Ионии (VIII–VII вв. до н. э.).

Фригийские мастера славились своими изделиями из бронзы и железа⁵⁰. Как считают исследователи, знакомство ионийцев с фригийской металлургической техникой и изделиями металлического производства могло осуществляться в результате торговых контактов.

Можно также допустить и прямые контакты фригийских и ионийских мастеров в самих ионийских поселениях⁵¹. Фригийские металлические изделия попадают в Ионию и как посвящения в храмы: так например, много фригийских бронзовых котлов найдено при раскопках геометрических слоев храма Геры на Самосе⁵². Бронзовые пояса, фибулы, чаши — наиболее частые фригийские находки в геометрических слоях храмов Хиоса, Самоса, Эфеса, Смирны, Малета⁵³. Археологи отмечают фригийское художественное влияние, (выражающееся в имитации или адаптации ионийскими мастерами фригийских художественных идей) в бронзовых котлах, чашах,

⁴⁹ *Cook J. M., Blackman D. J. Greek Archaeology in Western Asia Minor. P. 49.*

⁵⁰ *Мусеева Т. А. К вопросу о характере Фригийского государства в VIII — начале VII вв. до н. э. С. 22–23; Roebuck C. Ionian Trade. ... P. 45ff.; Kerschner M. Die Ionier und ihr Verhältnis zu den Phrygern und Lydern. S. 118–119, 126–129.*

⁵¹ *Burkert W. Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. S. 24–29. Kerschner M. Die Ionier und ihr Verhältnis zu den Phrygern und Lydern. P. 123–129.*

⁵² *Мусеева Т. А. К вопросу о характере Фригийского государства. ... С. 22.*

⁵³ *Kerschner M. Die Ionier und ihr Verhältnis zu den Phrygern und Lydern. S. 116 (Abb. 1), 118–119, 126.*

фибулах и во фрагментах бронзовых поясов, найденных в геометрических слоях этих ионийских поселений⁵⁴. Формы и детали оформления фригийских бронзовых ваз заимствуются в VIII–VII вв. до н. э. ионийскими керамистами⁵⁵.

Металлургия представляла собой одну из самых развитых отраслей ремесленного производства в гомеровской Ионии. Поэтому не случайно в архаический период, когда появляются важные изобретения в этой области и выдвигаются такие уже известные в гомеровский период металлургические центры как Хиос, Самос и Эфес, она переживает подлинный расцвет (Her., I, 25; Paus., III, 12, 10; VIII, 14, 8; IX, 41, 1; X, 16, 1; 38, 6). Что же касается роли Ионии «темных веков» в распространении железа как нового металла и связанных с ним технологий, то, несомненно, эту область греческого мира можно поставить в один ряд с такими посредниками в передаче технологических новшеств в направлении Восток–Запад как Кипр, Родос, Крит, Эвбея.

⁵⁴ *Cook J. M., Blackman D. J. Greek Archaeology in Western Asia Minor.* P. 42–43; *Huxley G. L. The Early Ionians.* N. Y., 1972. P. 52; *Kerschner M. Die Ionier und ihr Verhältnis zu den Phrygern und Lydern.* S. 127–129.

⁵⁵ *Roebuck C. Ionian Trade...* P. 45.

Эпическая поэзия и раннегреческое историописание

О связи эпической поэзии и в частности гомеровского эпоса с раннегреческой историографией можно говорить, опираясь не только на устоявшееся предание, причислявшее дядю Геродота Паниасида, написавшего гекзаметром поэму о Греко-персидских войнах, к числу выдающихся поэтов, и признание Геродота, начиная с древности, «самым гомерическим» писателем¹. Тема эта стала особенно актуальной в XX в., когда под влиянием исследований В. Шадевальдта² начался перелом в пользу современного унитаризма. Благодаря В. Шадевальдту и его последователям на Гомера стали смотреть не только как на «сказителя полуполюгендарного прошлого», но как на творца художественного текста, поэта, отмеченного печатью личного авторства и индивидуального творчества.

Это делало его привлекательным не только для филологов и лингвистов, но и для историков. Благодаря открытиям древнейшей Эгейской цивилизации, дешифровке документов из архивов хеттских царей, многочисленным раскопкам в Малой Азии, выявившим картину массового проникновения греков-ахейцев с XV в. на побережье этого полуострова, а также дешифровке линейного слогового письма «Б», пролившей свет на многие стороны жизни греков XIV–XIII вв. до н. э., и раскопкам Трои экспедицией К. Блегена в 30–50-е гг., уточнившим картину потрясений, пережитых городом в конце XIV–XIII вв. до н. э., проблема «Гомер и история» оказалась в центре внимания учёных как зарубежных, так и отечественных³.

Одной из наиболее дискуссионных тем стала тема историзма гомеровского эпоса. Представители скептического направления в ис-

¹См. Бузескула В. П. Введение в историю Греции / Общ. Ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2005. С. 108 прим 1.

²Schadewalt W.: 1) Iliasstudien. Lpz., 1938; 2) Von Homers Welt und Werk. Stuttg. 1965; 3) Der Aufbau der Ilias. Frankfurt am Main. 1975; См. также Erbse H. Betrachtungen über das 5 Buch der Ilias// Rh. M. 1961. Bd. 104.; Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 6 и сл.

³Webster I. B. L. From Mycenae to Homer. Lond., 1964; Kick G. 1) The Songs of Homer. Cambr., 1962; 2) Homer and Epic. Cambr., 1965; 3) The Homeric Poems as History// САН. Zed. Vol. II Pt 2. Cambridge, 1975; Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л. 1976; Гиндин А. А., Цымбурский В. Л. Ук. Соч. С. 3 и сл. Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тб., 1978.

торической науке, делая акцент на мифолого-поэтических моментах в гомеровском эпосе, утверждают, что ни о каком историзме эпоса не может идти и речи, поскольку до появления исторической литературы не существовало и исторического мышления⁴. Прежде всего следует отметить, что миф, сказка, или любая фантазия не могут быть абсолютно лишены какой-либо реальности, поскольку их творил человеческий разум. Человеческое творчество, сколь бы фантастическим оно ни было, не может выйти за пределы реальности. Поэтому, если миф — это вымысел, то вымыслить — это значит извлечь из суммы реальностей основной смысл и воплотить его в определённый мифологический образ. Это тем более имеет отношение к гомеровскому эпосу. Эпос возникал у народов в дописьменный или раннеписьменный период на стадии уже достаточно длительного времени формирования государственности. Это прежде всего касается греческой эпической поэзии, представляющей собой воспоминание о ранее существовавших государственных образованиях и о Троянской войне, которая из множества других войн наиболее отчётливо отложилась в памяти человеческой. Поэтому многие исследователи и рассматривают эпос как своего рода историю, которая рассказывается по эпическому канону⁵.

В гомеровском эпосе благодаря творческой индивидуальности поэта обнаруживается уже не простое воспоминание или рассказ о прошлых событиях, составленный по эпическому канону, а переход к осмыслению отдельных индивидуальных событий прошлого. Таким образом гомеровский эпос на раннем этапе развития греческого общества мог выполнять ту роль, которая позже досталась греческим историографам⁶.

Весьма интересные наблюдения, относящиеся к взаимодействию эпоса и историографии в Греции VII–V вв. до н. э. высказал

⁴Finley M. The Trojan War // JHS. 1964. Vol. 84; См. также *Клейн Л. С.* Анатомия «Илиады». СПб, 1998. С. 6 и сл. См. также указания автора на другие работы М. Финли (*Клейн Л. С.* Ук. соч. С. 21, прим. 4; 134, прим. 33)

⁵Bowra C. M. 1) Heroic Poetry. Lond., 1952. P. 508 ff; 2) Homer and his Followers. Edinburg, 1955; 3) Homer. Lond., 1972; *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974; *Гиндин Л. А.* Гом. Κῆρυξ в конкретно-исторической интерпретации. Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 508 и сл.; *Путтилов В. Н.* Типология фольклорного историзма. Типология народного эпоса. М., 1975; *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Ук. соч. С. 19 и сл.

⁶Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Ук. соч. С. 17

Г. Штрасбургер⁷, хотя не со всеми его суждениями можно согласиться. Так он утверждал, что появление исторической прозы в Древней Греции лишь спустя 2 столетия после возникновения гомеровского эпоса было обусловлено исключительной популярностью гомеровских поэм, что и задерживало переход к историческим прозаическим текстам. Это далеко не так, поскольку любой литературный жанр, будь-то мифология, эпос, лирика или историческая проза, возникает тогда, когда он востребован обществом и соответствует конкретному уровню развития общественных отношений и общественного сознания. Как мы увидим ниже, автор, следуя идеям современного скептического направления в исторической науке, представленного работами Х. Берве, А. Хейса, М. Финли и Ч. Старра⁸, не учитывал всей совокупности изменений, происходивших в постгомеровский и раннеархаический периоды. Поэтому в дальнейшем будет показано, что историческая проза возникла в греческом обществе по мере преодоления консервативных аристократических отношений вместе с соответствующим им уровнем общественного сознания, развития товаро-денежных отношений, индивидуализма и связанных с этим демократических тенденций.

Вместе с тем Г. Штрасбургер вслед за Х. Берве указывает на необходимость принять за основу понятие «героически-агональное мышление», которое, по его мнению, охватывало частную и общественную жизнь греков и римлян на протяжении всех эпох античной истории. Он считал, что агональное мышление отличало древнюю историю от современности, где мотивы действий людей определяются только социальными и экономическими факторами. В древности, по его мнению, эти факторы вообще не играли никакой роли. Это свидетельствует о приверженности Штрасбургера концепциям современных историков-скептиков. Вместе с тем следует признать, что его высказывание об агональном характере мышления весьма плодотворно, разве что его понятие «героически-агональное мышление» едва ли можно распространить на все периоды античности. Этот термин скорее всего присущ героическому веку или времени господства аристократии. Что же касается в целом агонального, т.е. состязательного мышления, то несомненно, начиная по крайней мере с архаического периода, им были пронизаны

⁷ *Strasburger H. Homer und Geschichtsschreibung. Heidelberg. 1972. S. 24ff*

⁸ Исследования сочинений этих авторов и критический анализ их концепций см. в кн. Э. Д. Фролова «Рождение греческого полиса». Л., 1988. С. 18–42.

все сферы жизни античного общества как духовные, так и материальные⁹. В противном случае трудно было бы объяснить быстрый рост в Древней Греции, уже начиная с VIII в. до н. э. индивидуального самосознания, ремесла, торговли, мореплавания, колонизации и укрепления вследствие всего этого частной собственности. Тем не менее нельзя согласиться с тем, что агональный состязательный характер мышления был присущ только античности. На протяжении всего периода Возрождения европейское общество оказалось пронизано различными тенденциями античной светской культуры. Гуманисты внедрили в европейскую культуру античные идеи о приоритете личности в обществе, частного права над публичным. Поэтому агональный, состязательный дух мышления европейского человека, начиная с XV–XVI вв., фактически мало чем отличается от античного агонального мышления¹⁰.

Как в древности, так и сегодня деяния и поступки людей определяются социально-психологическими их качествами. Что же касается социально-экономических факторов, то они как тогда, так и теперь являются производными. Античные историки объясняют действия и поступки конкретных лиц прежде всего психологическими мотивами, не исключая при этом роли экономических и социально-политических факторов, хотя и у них они выступают как второстепенные. Примером такого рода могут служить у Геродота объяснения причин возникновения Ионийского восстания, у Фукидида действия и поступки людей накануне и в ходе Пелопоннесской войны.

Главное внимание в своей работе Г. Штрасбургер уделит проблеме влияния гомеровского эпоса на греческих историков. Фактически он возводил к Гомеру геродотову формулировку цели исторического труда и полагал, что в двенадцати первых строках «Илиады» заключено всё последующее учение Фукидида о причинах

⁹Об этом более подробно см. *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V в. до н. э. Л., 1985. С. 75 и сл.

¹⁰К сожалению, российское общество, начиная с Московской Руси (XV в.), т. е. с того времени, когда идеи Возрождения широко распространялись по всей Европе, не было ими пронизано. Знакомство российских образованных людей, число которых тогда было крайне ограничено, с некоторыми традициями античной светской культуры началось только с XVIII в. и имело чисто внешний, формальный характер. Этим, кроме всех прочих причин, в значительной степени и обусловлены все последующие беды нашей страны, мышление российских людей в основе своей характеризуется чувством зависти, а не состязательности.

и следствиях. Против выводов немецкого учёного резко возражает А. И. Немировский¹¹. Он считает, что Г. Штрабургер чрезмерно преувеличивает влияние Гомера на греческую историографию, в результате чего, по его мнению, «смывается всякая грань между мифологическим и историческим мышлением и греческая историография поэтому теряет свою жанровую специфику». Учитывая категоричность выводов Г. Штрабургера, его замечание о том, что Гомер был чуть ли не наставником последующих греческих историков, несомненно заставляет согласиться с А. И. Немировским в излишнем преувеличении немецким исследователем роли Гомера. Тем не менее вопрос о грани между мифологическим и историческим мышлением не настолько прост, как его понимает А. И. Немировский.

Выше мы уже отмечали, что Гомера нельзя ставить в один ряд с певцами-аэдами, сказителями легендарного прошлого. Несомненно он был поэтом, творцом художественного текста. Вместе с тем и сам гомеровский эпос является своеобразным воспоминанием о прошлой исторической эпохе. Поэтому представляется вполне оправданным то, что упомянутые выше зарубежные и отечественные исследователи отличают эпос от мифа и считают его своего рода историей. Гомеровские поэмы безусловно представляли завершающий этап в развитии эпического творчества древних греков. Следствием этого вполне логичным является вывод учёных о том, что в гомеровских поэмах достигнута высшая форма эпического историзма. Отсюда нельзя говорить, как это делает А. И. Немировский, о резкой грани между мифологическим и историческим мышлением. Поэтому безусловно прав Г. Штрабургер, обнаруживающий прежде всего у Геродота сильное воздействие концептуальных схем эпоса. К этому следует отнести принципиальную убеждённость Геродота в исторической важности мифа, интерпретируемого с точки зрения здравого смысла; представление о возможности двоякого выбора темы для рассказа — это либо эпическое повествование о достойных и великих делах героев, либо рассказ о великих и тяжёлых бедствиях; трактовка исторических конфликтов в «героически-агональном духе», сводящая борьбу к состязанию, к цепи взаимных обид и возмездий¹²; наконец, непредвзятое отношение к борющимся-

¹¹ Немировский А. И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж. 1986. С. 18–21.

¹² К этому более подробно см. нашу работу: *Строгоцкий В. М.* Возникнове-

ся сторонам, восприятие их как равноправных протагонистов¹³. Не менее важным для данной темы замечание М. Л. Гаспарова о том, что эпический поэт, как и историк начального периода греческой историографии, выбирая между версиями мифа, обычно наряду с предпочитаемым им вариантом указывал на существование и других вариантов¹⁴.

Что же касается Фукидида, то в этом случае с полным основанием можно возразить немецкому исследователю, поскольку труд греческого историка показывает, что греческая историография к его времени и в значительной степени благодаря его творчеству окончательно вышла из-под опеки эпического историзма и обрела свой исторический метод.

Критикуя выводы Г. Штрасбургера, А. И. Немировский отмечает, что понимание причин человеческих действий свойственно поэту и историку, но поэтическая и историческая каузальность — разные вещи¹⁵. Это безусловно так, но только в том случае когда сопоставляется уже сложившаяся греческая историография с поэзией, в том числе и эпической, как это делает Аристотель в своей «Поэтике». Но в данный момент речь идёт пока только о становлении греческого историописания, происходившего под влиянием эпического историзма, и как уже отмечено выше, у Гомера и у Геродота можно найти точки соприкосновения также и в том, что касается причинности свершения тех или иных событий. Поэтому можно согласиться с теми учёными, которые утверждают, что устный эпос — это модель истории в самых своих основах¹⁶.

А. И. Немировский признаёт, что Гомер был первым критиком мифологического мышления, однако никакого исторического мышления и связанного с ним понятия развития он у Гомера не на-

ние и развитие исторической мысли в древней Греции/ на материале изучения Исторической библиотеки Диодора Сицилийского. Горький, 1995. С. 10.

¹³То, что Геродот объективно и непредвзято говорит о греках и о персах — это аргумент в пользу того, что он испытывал воздействие эпической концепции, но то, что он между самими греками чаще всего отдавал предпочтение Афинам, выдаёт в нём уже историка, освобождающегося из-под опеки эпического историзма.

¹⁴Гаспаров М. Л. «Введение» к кн. Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография. М., 1984.

¹⁵Немировский А. И. Ук. соч. С. 19.

¹⁶Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 63 и сл.; Гиндин Л. А., Цымбургский В. Л. Ук. Соч. С. 19.

ходит¹⁷. Гомер действительно был первым критиком мифологического мышления, но признавая это, логика требует выявления у него по крайней мере истоков какого-либо другого мышления, но этим мышлением может быть только историческое, правда, у Гомера оно могло проявляться только в форме рефлексии над легендой, мифом или новым пониманием традиции. Это великолепно раскрыл А. Ф. Лосев в своей монографии о Гомере¹⁸, показав, что Гомер несомненно понимал существование прошлого, настоящего и будущего, детально их изображая и стараясь их соединить в одном художественном обозрении. В связи с этим очень важной является проблема взаимоналожения в эпосе динамического и статического принципов¹⁹. Исследователи обнаружили, что статический принцип проявляется в тексте эпоса в виде вычленения отдельных композиционных блоков, связанных между собой отношениями смыслового и повествовательного параллелизма и симметрии. В этом отношении проведено уже немало исследований²⁰.

Но наряду с этим в гомеровском эпосе прекрасно отражается и динамическая организация его сюжета. Её обнаружение стало возможным благодаря открытому В. Шадевальдтом приёму сквозной подготовки одних событий другими, так что ни один шаг не оказывается без последствий и в итоге создаётся впечатление о незавершённости поэмы. Этот принцип «infitino» (незаконченность) стал впоследствии важнейшей чертой искусства эпохи Возрождения. Так в «Илиаде» не достаёт финала, к которому она стремится — смерти Ахилла²¹. Ожидание этого финала создаёт своеобразную напряжённость поэмы, характеризующую динамическую организацию сюжета эпоса.

В заключение необходимо отметить ещё один аспект, указывающий на серьёзное влияние гомеровского эпоса на раннюю греческую историографию. Аристотель отмечает важное индивидуально-

¹⁷ *Немировский А. И.* Ук. Соч. С. 20.

¹⁸ *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1996. С. 242–244.

¹⁹ *Webster I. B. L.* Op. cit. P. 259; *Гундин Л. А., Цымбурский В. Л.* Ук. Соч. С. 25 и сл.

²⁰ *Myres J.* The Last Book of the Iliad // JHS. 1932. Vol. 52. P. 264–304; *Stählin F.* Der geometrische Stil in der Ilias // Philologus. 1923. Bd. 78. S. 280–301; *Whitman C. H.* Homer and the Heroic Tradition. Cambridge, 1958. P. 257–259; *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960. С. 134 и сл.; *Клейн Л. С.* Ук. Соч. С. 218 и сл.

²¹ На это впервые указал *У. Виламовитц-Мёллендорф (Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Die Ilias und Homer. B., 1916. S. 77 ff)

авторское открытие Гомера, заключающееся в том, что он взялся за сочинение поэмы не обо всей войне, которая имела начало и конец, но выделил из массы троянских событий один высокодраматичный сюжет, а остальными событиями Троянской войны пользовался как вставками. Тем самым поэма, не расплываясь на множество не связанных друг с другом эпизодов и оставаясь стройным драматическим действием, переросла рамки конкретного сюжета и представила образ Великой войны в целом²².

Следующая особенность сюжета «Илиады», свидетельствующая о преднамеренном решении поэта, заключается в том, что в поэме существуют две разномасштабные темы: явная — рассказ об Ахилле и подспудно проводимая тема трагической участи Ахейской Греции и Трои²³. Этот же принцип обнаруживается и у Геродота. Главной и явной темой у него является описание походов Дария и Ксеркса, но он не выдвигает её на передний план, а раскрывает на фоне, хотя и неявной, но более масштабной темы, а именно: рассказ о деяниях эллинов и персов, создающий у читателя представление о трагической участи тех и других и позволяющий Геродоту показать глубокие причины этих драматических событий.

Итак, завершая рассмотренную нами тему влияния эпической поэзии на становление греческой историографии, можно прийти к следующим заключениям. Поскольку гомеровский эпос безусловно является своеобразным воспоминанием о прошлой исторической эпохе, изложенным в соответствии с требованием эпических канонов, поэтому его можно рассматривать как своеобразную модель истории в самих её истоках.

Так как гомеровские поэмы представляли завершающий этап эпического творчества, поэтому в гомеровском эпосе мифологическое мышление постепенно вытеснялось эпическим историзмом, предусматривающим новую интерпретацию мифа и новое понимание традиции.

По этой причине возникновение греческого историописания лишь спустя два века после гомеровского эпоса обусловлено вовсе не тем, что авторитет Гомера и его поэм сдерживал появление исторической прозы. Это объяснялось постепенным формированием

²²Аристот. Поэтика 1459a (пер. М. Л. Гаспарова); соответствующий комментарий этого сюжета см. Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Ук. соч. С. 27–28.

²³Войта С. М. Homer. London, 1972. P. 98; Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Ук. соч. С. 28.

условий, при которых жанр исторической прозы становился востребованным обществом и соответствовал определённому уровню развития общественных отношений и общественного сознания.

К числу этих условий можно отнести постепенный переход от этико-художественного восприятия мира у Гомера и рационалистически-религиозного и философского его понимания у Гесиода к индивидуализированному творческому отношению к прошлой и современной действительности, нашедшему своё отражение в циклической поэзии и раннегреческой лирике; в материалистическом и натурфилософском объяснении космоса ионийскими философами. В результате этого и возникло у эллинов циклическое восприятие исторического процесса и историзма и нелинейное понимание исторического времени.

Итак, формирование древнегреческой исторической науки происходило в результате освобождения исторического мышления из-под влияния эпического историзма благодаря глубоким изменениям в области социальной психологии, экономических и политических отношений. К VII–VI вв. до н. э. в Древней Греции сложился достаточно высокий уровень рационалистических философских теорий и возникла потребность с их помощью объяснять процессы и явления, появилась заинтересованность общества в развитии науки. Среди процессов, протекавших в это время, наиболее значительными были развитие товаро-денежных отношений и частной собственности в большей части полисов, борьба между демосом и аристократией. Именно в это время у греков стала остро ощущаться общественная потребность осмысления самих себя, своего места в общечеловеческой истории и как совершенно правильно подчёркивал Р. Дж. Коллингвуд, «у них не историк выбирал предмет описания, а предмет — политизированный греческий мир — искал своего историка»²⁴.

²⁴Более подробно об этом см. нашу статью *Строгецкий В. М. Проблемы становления истории как науки в античности // Античный мир и археология/ Межвузовский сб. науч. Труд. Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 351–362.*

Квази-Солон, или Крез в персидском плену
(К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота)*

Эдуард Давидович Фролов, юбилею которого посвящен этот сборник, на протяжении своей многогранной научной деятельности постоянно занимался и занимается различными проблемами древнегреческой общественной мысли, в том числе мысли исторической. Затрагивал он и творчество «отца истории»: так, ряд ярких и глубоких мыслей о нем мы встречаем в книге «Факел Прометея». В частности, Э. Д. Фролов пишет, что Геродот «доставил историописанию... художественность, поскольку драматизм реальной исторической коллизии естественным образом способствовал вторжению в историческое повествование эмоционального момента, а вместе с ним и стремления к этико-эстетическому переосмыслению свершившегося»¹. Это суждение представляется абсолютно верным и в высшей степени плодотворным. Действительно, насколько можно судить о предшествующих Геродоту историках — так называемых «логографах» — по дошедшим от них фрагментам, в их сочинениях художественность не занимала еще сколько-нибудь значительного места. Они ориентировались на простой и безыскусственный, фактически деловой стиль изложения. На этом фоне произведение Геродота сияет ярким светом, расцвечено блесками самого разнообразного мастерства.

Говоря о труде галикарнасского историка, Э. Д. Фролов справедливо подчеркивает «тесную взаимосвязанность его тематических, композиционных и стилистических особенностей»². Повествование его может показаться во многих отношениях почти столь же простым, спокойным, едва ли не наивным, как у «логографов» (достаточно сравнить с напряженным пафосом и риторической изысканностью некоторых пассажей Фукидида!). Но, в отличие от самых первых «служителей Клио», для которых такая простота бы-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 07-01-00050а «Геродот и Фукидид: зарождение исторической науки в Древней Греции и специфика античного историзма».

¹ Фролов Э. Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 104.

² Там же. С. 108.

ла, так сказать, «первичной», нерerefлектированной, которые писали именно таким образом только потому, что иначе писать еще не умели, — в случае с Геродотом обнаруживаем совершенно иную ситуацию. Э. Д. Фролов характеризует ее так: «Видимая безыскусственность оказывается отражением высоко уже развитого вкуса и техники слова. . . В самой простоте его изложения современные ученые справедливо видят то особенное искусство, которое состоит в умении не выставлять себя с внешней стороны»³.

Мы полностью солидарны с процитированными соображениями и хотели бы, со своей стороны, проиллюстрировать их верность анализом одного цикла эпизодов из «Истории», а именно того, в котором описан последний период биографии Креза, его пребывание в Персии в качества пленника Кира. Нам уже неоднократно приходилось писать об этом малоазийском царе⁴. Но в данной статье, следует специально оговорить, речь пойдет не о реальном историческом лице, последнем правителе независимой Лидии, а о Крезе как литературном персонаже — одном из главных среди множества героев, населяющих труд Геродота.

Дело в том, что, как можно на сегодняшний день считать вполне доказанным, в действительности Крез в персидский плен не попал. Он погиб в огне при пожаре дворца в Сардах, когда персы брали лидийскую столицу, или, возможно, даже совершил ритуальное самосожжение, чтобы не попасть в руки врагу⁵. Эта связь Креза с огнем в измененной форме отразилась и в геродотовском труде. Согласно «отцу истории» (I. 86 sqq.), Кир будто бы вначале хотел сжечь Креза заживо, но затем, когда тот уже стоял на горящем костре, помиловал его и сделал своим советником. Не говорим уже о том, что вся эта сцена с помилованием, с внезапной сменой «гнева на милость» (плюс чудесное вмешательство Аполлона, потушившего пламя дождем) представляет собой не что иное, как столь

³Там же. С. 111.

⁴*Суриков И. Е.* 1) Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79; 2) Лидийский царь Крез и Балканская Греция // *Studia historica*. Т. 1. М., 2001. С. 3–15; 3) Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // *Античная цивилизация и варвары*. М., 2006. С. 47–72.

⁵Данная проблематика наиболее подробно, на нескольких десятках страниц, рассмотрена в работе: *Грантовский Э. А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 210 слл.

характерное для Геродота внедрение сказочного мотива в рассказ о реальных событиях. Не менее важно то, что маздеистские религии Древнего Ирана (даже если и не говорить о зороастризме в строгом смысле слова, поскольку наличие его как сформировавшейся системы верований уже ко времени Кира остается дискуссионным) с их почитанием огня категорически запрещали осквернявшее эту божественную силу сожжение людей.

Итак, всё, что относится к судьбе Креза после гибели Лидийской державы, является не изложением исторических фактов, а плодом вымысла. Разумеется, мы имеем в виду не вымысел самого Геродота⁶, который, насколько можно судить, неукоснительно придерживался правила — добросовестно передавать то, что ему сообщали (λέγειν τὰ λεγόμενα, Herod. VII. 152); но он, безусловно, подверг художественной обработке полученную им информацию. В любом случае перед нами — новеллистический элемент⁷ в «Истории», на примере которого как раз и уместно рассмотреть ряд аспектов внутренней сложности, продуманности, четкой структурированности геродотовского повествования — черт, которые сочетаются с отмечавшейся выше внешней кажущейся простотой и потому на первый взгляд, без специального и пристального контекстного прочтения, могут остаться незамеченными.

История Креза у Геродота часто привлекала внимание исследователей⁸, однако, если не ошибаемся, до сих пор осталось неза-

⁶Ср. *Pedley J. G. Sardis in the Age of Croesus*. Norman, 1968. P. 81 ff.: рассказ о Крезе обрел свои основные черты уже в конце VI в. до н.э.

⁷О новеллистических элементах в труде Геродота см. в наиболее общей форме в классической работе: *Досатур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота*. Л., 1957.

⁸См., например: *Regenbogen O. Die Geschichte von Solon und Krösus: Eine Studie zur Geistesgeschichte des 5. und 6. Jahrhunderts* // *Herodot: Eine Auswahl aus der neueren Forschung*. München, 1962. S. 375–403; *Krischer T. Solon und Kroisos* // *Wiener Studien*. 1964. Bd. 77. S. 174–177; *Oliva P. Die Geschichte von Kroisos und Solon* // *Das Altertum*. 1975. Bd. 21. Ht. 3. S. 175–181; *Parke H. W. Croesus and Delphi* // *GRBS*. 1984. Vol. 25. No. 3. P. 209–232; *Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore, 1994. P. 169 ff.; *Hellmann F. L'esposizione del logos di Cresos* // *Aevum antiquum*. 1996. Vol. 9. P. 14–48; *Visser E. Herodots Kroisos-Logos: Rezeptionss- teuerung und Geschichtsphilosophie* // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. 2000. Bd. 24. S. 5–28; *Kindt J. Delphic Oracle Stories and the Beginnings of Historiography: Herodotus' Croesus Logos* // *CIPh*. 2006. Vol. 101. No. 1. P. 34–51; *Мещерякова Д. И. Новелла о встрече Солона и Креза у Геродота* // *Поэтика жанра*. Барнаул, 1995. С. 129–145.

меченным (или, по крайней мере, не акцентированным в должной мере) следующее немаловажное обстоятельство. Эта история достаточно четко распадается на две части, не схожие друг с другом в структурно-композиционном отношении. Первая из них — «Крезов логос» в собственном смысле слова (Herod. I. 6–85), рассказ о жизни, деяниях и невзгодах последнего Мермнада, от его восшествия на престол до гибели его царства. Этот рассказ, хотя и перемежается, как обычно у Геродота, рядом экскурсов (о предшественниках Креза; о приходе Писистрата к власти в Афинах; о войне Спарты с Тегеей), тем не менее представляет собой единое, целостное повествование. Этого никак нельзя сказать о второй части истории Креза, где речь заходит о событиях после его пленения. Здесь никакой целостности уже не наблюдается; Крез появляется в нескольких разрозненных, разбросанных по тексту «Истории» пассажах (Herod. I. 86–91; I. 153–156; I. 207–211; III. 14; III. 34–36). Нас в рамках данной статьи будут интересовать преимущественно эти пассажи. Но, прежде чем перейти к ним, необходимо — в целях наилучшего понимания контекста — вкратце остановиться и на самом «Крезовом логосе».

Как справедливо подмечено в историографии⁹ и, кажется, почти никем не оспаривается¹⁰, этот логос имеет дельфийское происхождение. Его источником послужила для Геродота какая-то из круга устных прозаических легенд, циркулировавших в Дельфах и содержавших рассказы о прорицаниях оракула Аполлона и их исполнении. Не случайно столь большое место в этой части геродотовского труда занимает изложение отношений Креза с Дельфами¹¹. Однако необходимо учитывать, что дельфийскому жречеству в данном случае принадлежит лишь общая сюжетная схема, а «отец истории», восприняв ее, насытил рассказ о лидийском царе яркими и сочными деталями, равно как и оригинальными идеями.

Нельзя не заметить, что «Крезов логос» занимает в труде Геродота особое место. Он является самым первым из десятков вхо-

⁹Kindt J. Op.cit.

¹⁰За редчайшими исключениями. См., например: Мещерякова Д. И. Ук. соч. В этой работе предполагается, что рассказ о встрече Солона и Креза сформировался в Афинах.

¹¹Об этих отношениях см.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 219–255.

дящих в «Историю» логосов и следует непосредственно за кратким введением (I. 1–5), в котором говорится о происхождении вековой вражды эллинов и варваров. Иными словами, именно «Крезовым логосом» открывалась основная часть произведения, и это, следует сказать, блистательное начало! Такое положение логоса не могло не обязывать. Он стал одним из самых важных в концептуальном отношении фрагментов «Истории». Разумеется, у Геродота (в отличие, скажем, от Фукидида) историко-философские концепции¹² чаще всего не эксплицитны, а имплицитны, они как бы искусно вплетены в ткань повествования. Уже отмечалось¹³, что в логосе о Крезе в сжатом, концентрированном виде содержатся практически все те основные мотивы, которые в дальнейшем получают более развернутое освещение в труде, проходят через него «красной нитью».

Какие же это мотивы? Упомянем некоторые из них, представляющиеся наиболее важными. Среди них — мотив надменной дерзости (ὑβρις), за которой обязательно последует расплата (νέμεσις)¹⁴; мотив наказания (τίσις) потомков за деяния предков — подобно тому, как Крез понес кару за преступление своего отдаленного предшественника Гигеса; мотив неизбежности судьбы (χρῆών); мотив неверного толкования изречения оракула, приводящий к краху; мотив нарушения существующих границ, которое тоже чревато возмездием (как Крез перешел Галис, так в последующих частях «Истории» Дарий переходит Дунай, а Ксеркс — Геллеспонт, и никого из них ни к чему хорошему это не приводит); мотив «зависти богов»; мотив «круговорота человеческих дел» (κύκλος τῶν ἀνθρώπων πραγμάτων).

Но на одном из базовых мотивов подобного же рода нам хотелось бы остановиться подробнее, поскольку он особенно принципиален для нашего исследования. Это — мотив предостерегающего советчика. Такой советчик предупреждает кого-либо из героев

¹²Об историко-философских концепциях Геродота, которые у него теснейшим образом переплетены с концепциями религиозными, см.: *Lachenaud G. Mythologies, Religion et philosophie de l'histoire dans Hérodote. Lille, 1978; Shimron B. Politics and Belief in Herodotus. Stuttgart, 1989; Mikalson J. D. Herodotus and Religion in the Persian Wars. Chapel Hill, 2003.*

¹³*Defradas J. Les thèmes de la propagande delphique. P., 1954. P. 217; Solmsen F. Two Crucial Decisions in Herodotus. Amsterdam – L., 1974. P. 5.*

¹⁴См. к этой проблематике в целом: *Cairns D. L. Hybris, Dishonour and Thinking Big // JHS. 1996. Vol. 116. P. 1–32.*

«Истории» о неправильном образе мыслей или действий со стороны последнего и чаще всего предлагает более продуманную альтернативу. Как правило, хорошим советом пренебрегают, но советчик оказывается пророком, и его собеседник обязательно попадает в какую-нибудь беду. Если бы автор этих строк не опасался показаться чрезмерно претенциозным, он назвал бы данный мотив «мотивом Кассандры».

Советчиками описанного типа просто-таки переполнен труд Геродота. Достаточно привести несколько взятых почти наугад примеров: советы Фалеса Милетского и Бианта Приенского ионийцам (I. 170) и совет Гекатея Милетского тем же ионийцам (V. 36) могли бы, если бы им последовали, уберечь этих греков от персидского порабощения. Совет Мильтиада разрушить мост через Дунай в то время, как Дарий с войском находился в Скифии (IV. 137) тоже не был принят, что позволило персидскому царю возвратиться и продолжить свою территориальную экспансию в Европе. Один из наиболее известных примеров аналогичного характера (III. 40) — совет фараона Амасиса самосскому тирану Поликрату пожертвовать богам какую-нибудь ценную и дорогую для него вещь, дабы искупить свою «чрезмерную» удачливость (строго говоря, в этом эпизоде мы имеем вариацию базового мотива: Поликрат последовал рекомендации Амасиса, но его это все-таки не спасло). Замечательный образец предостерегающего советчика являет собой также знатный перс Артабан, дядя Ксеркса. Он настойчиво и доказательно убеждает своего племянника не отправляться в поход на Элладу, демонстрируя возможные негативные последствия этого поступка (VII. 10), но, естественно, успеха тоже не достигает. Перечень схожих ситуаций в «Истории» можно было бы и продолжать, но, думается, уже названных вполне достаточно. Сочинение даже завершается (IX. 122) сценой с советчиками — Артембаром и Кином.

В «Крезовом логосе» тоже есть предостерегающий советчик — первый из всех появляющихся у Геродота. Эта роль вверена не кому иному, как знаменитому афинскому мудрецу, поэту и законодателю Солону¹⁵. Прибыв к сардскому двору, он произносит перед Крезом пространную и глубокомысленную речь о сущности человеческого

¹⁵ *Fehling D. Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989.* Следует оговорить, что, принимая данный конкретный тезис Д. Фелинга, в целом мы отнюдь не разделяем его гиперкритический подход к историческому труду Геродота.

счастья (Herod. I. 30–32), направленную на то, чтобы умерить ὕβρις лидийского царя. Далее всё развивается по известному нам сценарию: «эти слова Солона были, как я думаю не по душе Крезу, и царь отпустил афинского мудреца, не обратив на его слова ни малейшего внимания. Крез счел Солона совершенно глупым человеком, который, пренебрегая счастьем настоящего момента, всегда советует ждать исхода всякого дела (τὴν τελευτὴν παντὸς χρημάτων)», — пишет «отец истории» (I. 33). Но ведь счесть мудреца глупцом — проявление того же ὕβρις'а, и даром оно Крезу не проходит. Лишь лишившись своего пресловутого счастья, ввергнутый в пучину бедствий, последний Мермнад вспоминает слова своего афинского собеседника — но уж теперь решительно признает их правоту (I. 86).

Согласно мнению, которое на сегодняшний день преобладает в историографии¹⁶ и с которым мы также вполне согласны¹⁷, Геродот в речи Солона адекватно передал круг основных идей, характерных для мировоззрения последнего, и, кстати, сам вполне солидаризировался с большинством этих идей. Такая солидарность выглядит вполне закономерной, если учитывать, что посредующим звеном, несомненно, служили Дельфы. С одной стороны система религиозно-этических взглядов Солона была по своему духу дельфийской, «аполлонической», что отразилось как в его поэзии, так и в его законодательстве¹⁸. С другой стороны, можно считать безоговорочно доказанным, что и на взгляды Геродота Дельфы имели очень большое, едва ли не решающее влияние. Всё это не могло не породить большое количество точек соприкосновения в идейной сфере. К тому же ведь и сам «Крезов логос», а следовательно — и включенный в него эпизод с Солоном, имел, как отмечалось выше, дельфийское происхождение¹⁹.

¹⁶ Chiasson Ch. The Herodotean Solon // GRBS. 1986. Vol. 27. No. 3. P. 249–262; Lloyd M. Cleobis and Biton (Herodotus 1, 31) // Hermes. 1987. Bd. 115. Ht. 1. S. 22–28; Shapiro S. O. Herodotus and Solon // Classical Antiquity. 1996. Vol. 15. No. 2. P. 348–364.

¹⁷ Суриков И. Е. Гостеприимство Креза... С. 73–74. В этой статье мы высказываем мнение (которого придерживаемся и по сей день), что Геродот мог опираться на какое-то не дошедшее до нас стихотворение Солона. Отмечалось, кстати, что именно в этом месте «Истории» в прозаическое повествование вторгаются ямбы (Myres J. L. Herodotus Father of History. Oxf., 1953. P. 77).

¹⁸ О чем нам уже неоднократно приходилось писать. См.: Суриков И. Е. 1) Солон и Дельфы // Studia historica. Т. 3. М., 2003. С. 38–52; 2) Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 79 слл.

¹⁹ Достаточно отметить, что в этой новелле Крез устраивает своеобразный

Как бы то ни было, речь Солона перед Крезом явно имеет для «отца истории» программное значение²⁰. Она помещена в первом, открывающем труд логосе, причем представляет собой его кульминацию — как в композиционном, так и в содержательном отношении. То, что было сказано выше о «Крезовом логосе» в целом — что он является квинтэссенцией базовых мотивов всего геродотовского произведения, — к речи Солона должно быть отнесено a fortiori. В результате, хотя Солон появляется на страницах «Истории» всего несколько раз, он с полным основанием может быть признан одним из главных ее героев, выразителем излюбленных мыслей автора.

Имея в виду всё вышесказанное, мы переходим теперь ко второй части повествования Геродота о Крезе. Не может не броситься в глаза, что после поражения и пленения лидийского царя в корне меняется весь его имидж. Только что перед нами был надменный восточный монарх, не желавший прислушиваться к хорошим советам. А теперь, преобразившись в мгновение ока, он вдруг сам становится советчиком и в дальнейшем неоднократно выступает в этой роли перед Киром, позже — перед его преемником Камбисом. Запоздалое осознание правоты Солона приводит к тому, что Крез стремится отныне уподобиться афинскому мудрецу.

Он объясняет свое превращение следующими словами: «Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой (τὰ δὲ μοι παθήματα ἔβουτα ἀχάρτα μαθήματα γέγονε)» (Herod. I. 207). Это суждение звучит весьма веско, тем более что оно коррелирует с известным эхиловским выражением *πάθει μάθος* и, возможно, не независимо от него. Поэтому существует мнение²¹, что геродотовский Крез реально изменился к лучшему после своего пленения, что рассказ «отца истории» об этом периоде его жизни отражает традицию, дружественную к лидийскому царю. Мы, однако, не можем согласиться с этим мнением и попытаемся ниже привести аргументы в пользу того, что Крез-советчик изображен Геродотом отнюдь не в позитивном свете.

конкурс между греческими оракулами, и победителем в состязании выходит, разумеется, оракул дельфийский (Herod. I. 46–49). Ср.: *Funke P.* Herodotus and the Major Sanctuaries of the Greek World // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004. P. 165; *idem.* Die Nabel der Welt: Überlegungen zur Kanonisierung der «panhellenischen» Heiligtümer // *Gegenwärtige Antike – antike Gegenwart*. München, 2005. S. 2.

²⁰ *Shapiro S. O.* Op. cit. P. 362.

²¹ *Solmsen F.* Op. cit. P. 6.

Прежде всего рассмотрим, какие же советы он подает ахеменидским владыкам и к чему это приводит. Только что помилованный Киром, Крез сразу же советует ему прекратить разграбление персидскими воинами Сард (Herod. I. 88–89). Он говорит Киру: «Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня больше ничего: они расхищают твоё достояние». Кир просит Креза разъяснить, что он имеет в виду. Разъяснение, казалось бы, должно быть предельно простым: после захвата Лидии Кир стал её хозяином, и с этого момента любой ущерб, наносимый стране, автоматически становится ущербом уже не вражескому, а собственному имуществу. Но вместо этого Крез пускается в замысловатое рассуждение: «Персы, будучи по натуре непокорными (ὀβρισταί), бедны. Если ты позволишь им грабить и овладеть великими сокровищами, то вот что из этого выйдет: кто из них больше всего награбит, тот (ты можешь ожидать этого) поднимет против тебя восстание».

Аргументация совета, как видим, не очень хорошо его подкрепляет, поскольку слабо с ним связана. Кроме того, нельзя считать, что Геродот здесь устами Креза выражает собственную точку зрения. Напротив, сам историк, насколько можно судить, считал совершенно по-другому. Это видно на примере одного из ключевых пассажей «Истории» — её заключения (IX. 122). В нём, между прочим, не кто иной, как сам Кир (!), выражает противоположное мнение — о том, что персы, разбогатев в результате завоеваний, «не будут больше владыками, а станут рабами. Ведь... в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными». Геродот, комментируя эти слова, подчеркивает, что персы «предпочли, сами владея скудной землей, властвовать над другими народами, чем быть рабами на тучной равнине».

Таким образом, автор солидарен именно с данной позицией — богатство расслабляет и изнеживает (аналогичная идея встречается и в других местах его произведения). А у Креза получается совсем иначе: богатство заставляет людей поднимать восстания. Для грека времен Геродота эти слова, пожалуй, звучали близкими к абсурду. Кроме того, позволительно усомниться, искренен ли бывший лидийский царь, говоря их. Создается впечатление, что за софистическими доводами он скрывает истинную цель — не допустить разграбления своего города, Сард (а вдруг удача вновь повернется к нему лицом и он еще вернется к власти!). Бросается в глаза

еще и то, что Крез, только что подвергшийся божественной каре за собственный ἔβρις, теперь уже называет персов ἔβρισται.

Следующий совет Креза Киру (I. 155–156) тоже имеет прямое отношение к Лидии. Вскоре после персидского завоевания лидийцы во главе с Пактием подняли мятеж. Кир был разгневан и хотел обратить всё население страны в рабство. Отговорил его опять же Крез, предложивший следующее: «Лидийцам окажи снисхождение. Для того же, чтобы они вновь не подняли мятежа и тебе не нужно было опасаться, сделай так: пошли вестника и запрети им иметь боевое оружие и прикажи носить под плащами хитоны и высокие сапоги на ногах. Затем повели им обучать своих детей игре на кифаре и заниматься мелочной торговлей. И ты увидишь, царь, как скоро они из мужчин обратятся в женщин, так что тебе никогда уже не надо будет страшиться восстания».

А вот здесь последний Мермнад уже совершенно точно лукавит. В данном случае это не наше предположение, как в предыдущем, а эксплицитно выраженное мнение самого Геродота: «Крез дал Киру этот совет, полагая, что такая участь предпочтительнее лидийцам, чем продажа в рабство. Крез был убежден, что без веской причины нельзя заставить Кира изменить свое намерение». Персидский царь и на этот раз принял совет своего бывшего врага и последовал ему.

Разумеется, весь этот рассказ представляет собой не отражение реальных исторических фактов, а переданную Геродотом этиологическую легенду, объясняющую, почему лидийцы стали, с греческой точки зрения, изнеженными и расслабленными (за что их, собственно говоря, и презирали эллины). Можно ли назвать процитированный выше совет Креза полезным для тех, помочь кому он был предназначен, то есть для его соплеменников? С одной стороны, вроде бы как да: лидийцы не были истреблены или поголовно порабощены. Но какой ценой далось их спасение? Ценой полного изменения их образа жизни, в результате которого они превратились, по выражению самого «отца истории», из мужчин в женщин (γυναιχας ἀντ' ἀνδρῶν... γέγονοντας, Herod. I. 155).

Надо знать отношение греческого мужчины-гражданина к женщинам²², чтобы почувствовать язвительный, издевательский ха-

²²См. по этому поводу: *Just R. Women in Athenian Law and Life.* L.; N.Y., 1989. P. 153 ff.; *Cartledge P. The Greeks: A Portrait of Self and Others.* Oxf., 1993. P. 63–89; *Суриков И. Е.* Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей

рактер этого замечания. Ясно, какую реакцию вызывало оно у греческих читателей Геродота, привыкших ценить личную и государственную свободу даже выше жизни. Совет Креза никак не мог показаться им благим и полезным.

Центральное место среди эпизодов, связанных с пребыванием лидийского царя при ахеменидском дворе, занимает рассказ о военном совете у Кира перед началом войны с массагетами (I. 206–208). В то время как персидские вельможи, по словам Геродота, единогласно выступали за то, чтобы принять оборонительную тактику и встретить массагетское войско на собственной территории, Крез — единственный из всех — высказал иное мнение. В пространной и замысловатой, как всегда, речи он доказывал необходимость самим первыми напасть на противника. В дополнение ко всему он еще и рекомендовал прибегнуть к откровенно запрещенному приему, более чем сомнительному с этической точки зрения: напоить врагов и перебить их, когда они уснут. Кир и на сей раз встал на его точку зрения. Чем это закончилось — известно: не только массагеты не были покорены, но в битве с ними погиб сам основатель могущества Ахеменидов.

Впоследствии в повествовании Геродота сын покойного Кира, Камбис, так упрекает Креза (III. 36): «Ты, который так «хорошо» управлял своей страной и дал такой «удачный» совет моему отцу, побудив его перейти реку Аракс и напасть на массагетов, в то время как они сами хотели перейти на нашу землю. Ты погубил и себя, дурно управляя своей страной, и Кира, который внимал твоим советам». Камбис даже хочет собственноручно убить Креза. Кстати, эта ссора между ними возникает по поводу очередного совета, который хочет дать бывший лидийский царь. По ходу изложения эти его постоянные советы начинают производить все более назойливое впечатление. И теперь: желая умерить жестокость Камбиса, Крез достигает только противоположного эффекта, и персидский царь приходит в настоящее иступление.

Итак, геродотовский Крез, желая уподобиться Солону, в реальности остается лишь «квази-Солоном». Его многочисленные советы не оказываются ни продуманными, ни удачными. Более того, в каких-то отношениях Крез выступает даже «анти-Солоном». И

в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2006. № 12. С. 23–47.

действительно: Солон (как и другие советчики у Геродота) высказывает полезные предложения, и когда ими пренебрегают, это приводит к негативным последствиям. В случае с Крезом — всё наоборот: негативные последствия влечет именно *исполнение* его советов! Перед нами — советчик-неудачник.

После своего спасения от гибели на костре Крез немедленно начинает говорить сентенциями — высокопарными и на вид глубоко-мысленными, а в действительности довольно пустыми и банальными: «Нет на свете столь неразумного человека, который предпочитает войну миру. В мирное время сыновья погребают отцов, а на войне отцы — сыновей» (Herod. I. 87). «Существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы» (Herod. I. 207). «Благоразумие — благотворно, а предусмотрительность — свойство мудреца» (Herod. III. 36).

Пронизана сентенциями и речь Солона перед Крезом. Суждения афинского мудреца даже вступают в прямое созвучие с только что приведенными словами Креза о «круговороте человеческих дел». Есть, однако, и существенное различие. Суждения Солона не только сентенциозны, но и тщательно аргументированы. Как раз этого-то нельзя сказать о суждениях Креза. Они выглядят не собственными, обдумантыми и прочувствованными мыслями, а поверхностно усвоенными плодами чужой мудрости.

Одним словом, на наш взгляд, никак нельзя говорить о том, что геродотовский Крез, попав в плен, становится положительным героем, «новым Солоном», выражающим авторскую точку зрения. Нет, фигура лидийского царя в последний период его жизни получает у «отца истории» скорее комическую окраску. Здесь необходимо оговорить следующее обстоятельство.

В первой части повествования о Крезе, в «Крезовом логосе», он изображен, мы бы сказали, в трагикомическом свете. С одной стороны, с ним связаны эпизоды, пронизанные юмором и иронией. Упомянем, например, намерение Креза построить флот и покорить островитян, от которого он отказался после остроумного возражения какого-то эллинского мудреца — Бианта или Питтака (Herod. I. 28). А чего стоит знаменитая сцена, где лидийский царь испытывает греческие оракулы, проверяя, какой из них самый правдивый (Herod. I. 46–49)! Не может даже быть и речи о том, чтобы Геродот, демонстративно благочестивый по отношению к прорицалищам, одобрял этот поступок Креза.

Но, с другой стороны, имеются в «Крезовом логосе» и места вполне серьезные, драматичные и даже трагичные по духу. Такковы рассказы о гибели одного из сыновей Креза (Herod. I. 34–45)²³ и о чудесном исцелении другого, глухонемого сына, который обрел дар речи, видя, как персидский воин хочет убить его отца (Herod. I. 85). Одним словом, Крез до своего пленения выступает как достаточно сложная и неоднозначная личность. А в повествовании о его дальнейшей судьбе его образ резко упрощается, для трагических аспектов в нем уже не остается места, зато комические элементы выступают на первый план.

О чем просит Крез, когда Кир, помиловав его, обещает своему пленнику исполнить любое его желание (Herod. I. 90)? Крез желает не более и не менее как препираться с Дельфийским Аполлоном, обвиняя его в том, что тот, дав дурное прорицание, привел Лидию к поражению. Судиться с богом — поступок воистину достойный «мудреца»! У читателей Геродота это опять же ничего, кроме здорового смеха, вызвать не могло. Смеется даже геродотовский Кир, услышав из уст Креза подобные слова. Разумеется, бросать упреки божеству даже и в голову не пришло бы Солону, которому так тщится подражать лидийский царь. Ситуация становится особенно пикантной, если припомнить, что несколькими главами раньше именно Аполлон спас Креза от гибели на костре. И, конечно же, дельфийские жрецы популярно разъясняют Крезовым послам правоту бога и неправоту его оппонента.

Несколько раз по ходу повествования мы встречаем Креза в слезах (Herod. I. 87; III. 14). Тут следует отметить, что нормативные герои у Геродота не плачут²⁴. Значительно чаще плачут в «Истории» женщины (I. 112; III. 32). Плачет Ксеркс на вершине своего могущества (VII. 46), но в геродотовском характере Ксеркса — пере-

²³В этом эпизоде Крез предстает в весьма позитивном свете: он отказывается казнить убийцу сына и прощает его. В «Истории» есть еще несколько эпизодов, где образ сардского владыки обрисован в благоприятных тонах, без какого-либо оттенка иронии по отношению к нему (VI. 37–38; VI. 125), но они никак не относятся к «Крезову логосу» и не имеют дельфийского происхождения. Мы считаем, что они восходят к традиции афинского знатного рода Филаидов и планируем показать это в специальной работе.

²⁴Лишь в греческом романе эллинистического и римского времени герои начинают активно проливать слезы. См. к этой проблематике: *Стуриков И. Е.* Греческий роман и греческое понимание характера // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. 9. С. 22–28.

менчивом, неуравновешенном, чрезмерно эмоциональном — вообще много «женских», в представлении греков, черт. Выступает бывший лидийский царь и в роли льстеца (перед Камбисом) — тонкого и искусного, но все же льстеца (Herod. III. 34).

В связи с отношениями между Крезом и Камбисом отметим, наконец, самый последний эпизод, в котором появляется герой этой статьи и после которого о его судьбе никаких сведений нет (да и не может быть, поскольку, как мы знаем, на самом деле Креза уже давным-давно не было в живых).

«Камбис схватил лук, чтобы застрелить Креза, но тот успел отскочить и выбежал из покоя. Так как Камбис не смог поразить Креза стрелой, то приказал слугам схватить и казнить его. Слуги, однако, зная царский нрав, скрыли Креза. Они надеялись, что Камбис раскается и станет разыскивать Креза и тогда они получат награду за то, что сохранили жизнь лидийскому царю. Если же царь не пожалеет о своем поступке и не спросит о Крезе, тогда они успеют его умертвить. И действительно, спустя немного времени Камбис потребовал к себе Креза, а слуги, узнав об этом, объявили ему, что лидийский царь еще жив. Тогда Камбис сказал, что очень рад этому, но тех, кто его спас, он все же не оставит без наказания и казнит. Так царь и сделал» (Herod. III. 36).

Этот рассказ, пронизанный комическим, направлен в первую очередь на то, чтобы продемонстрировать безумие Камбиса. Однако же и Крез представлен в нем, мягко говоря, не в лучшем виде. Изображая семидесятилетнего старца²⁵, убегающего подобно зайцу, историк, несомненно, рассчитывал вызвать смех у своей аудитории.

Итак, геродотовский Крез в лидийском плену никак не может считаться воплощением мудреца, «вторым Солоном», несмотря на всё свое желание стать таковым. Если уж кто-то в истории и может претендовать на подобную роль, так это перс Артабан, один из самых симпатичных персонажей сочинения Геродота. Он неоднократно высказывает мысли, вполне аналогичные солоновским, дельфийским — о превратностях человеческой судьбы, непрочности счастья, необходимости умеренности во всем (Herod. VII. 10; VII. 16; VII. 18; VII. 46; VII. 49; VII. 51)²⁶. Причем, в отличие от Креза и

²⁵По Геродоту (I. 26), Крез родился в 595 г. до н. э. А эпизод с Камбисом относится ко времени незадолго до смерти последнего в 522 г. до н. э.

²⁶Схожие идеи встречаем также в письме Амасиса Египетского Поликрату Самосскому (Herod. III. 40).

в параллель Солону, персидский вельможа всегда тщательно аргументирует свою точку зрения. Было подмечено даже²⁷, что один из метафорических образов, использованных Артабаном («Так, говорят, порывы ветров обрушиваются на море, самую полезную людям стихию, и не позволяют использовать его природные свойства, так что оно не может показать свою истинную сущность», Herod. VII. 16), напрямую соотносится с одним из фрагментов Солона («Ветром волнуется море, когда же ничто не волнует / Глади морской, тогда нет тише ее ничего», Sol. fr. 11 Diehl)²⁸.

Это удивительное, почти дословное совпадение, конечно же, никак не может быть случайным. Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что Геродот намеренно вложил аутентично солоновские слова в уста Артабану, чтобы подчеркнуть близость этих двух персонажей. Для этого он даже не побоялся пожертвовать исторической достоверностью. Ведь трудно представить себе, чтобы перс, представитель типично сухопутного народа, назвал вдруг море «самой полезной людям стихией», в то время как от грека слышать такое более чем естественно. В обоих случаях — и у Солона, и у Артабана — образ моря появляется не как самоцель, а в политическом контексте²⁹. Артабану с помощью убедительнейших доводов почти удается отговорить Ксеркса от пагубного намерения пойти на Элладу. Но тут вмешиваются сверхъестественные силы (знаменитая сцена с призраком, Herod. VII. 12 sqq.), и перед ними бессилён уже и царский дядя. Это, пожалуй, единственный элемент ущербности геродотовского Артабана по сравнению с геродотовским Солоном

²⁷ Solmsen F. Op. cit. P. 13.

²⁸ К интерпретации этого фрагмента см.: Gentili B. La giustizia del mare: Solone fr. 11 D., 12 West. Semiotica del concetto di *dike* in greco arcaico // Quaderni urbinati di cultura classica. 1975. Vol. 20. P. 159–162.

²⁹ Солоновский фрагмент 11 Diehl необходимо читать в совокупности с фрагментом 10 Diehl (судя по всему, являющимся его непосредственным продолжением), в котором после еще одного яркого образа, взятого из природы (град, низвергающийся из тучи), говорится: «А от великих людей гибнет город...» и т. д. Оба фрагмента, таким образом, следует воспринимать в контексте «анти-тиранической» лирики Солона (об этой части его поэтического наследия см.: Rihll T. E. Lawgivers and Tyrants (Solon, fr. 9–11 West) // Classical Quarterly. 1989. Vol. 39. No. 2. P. 277–286; Stehle E. Solon's Self-reflexive Political Persona and his Audience // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden, 2006. P. 99 ff. О политических стихах Солона в целом см. недавнее исследование: Mülke Chr. Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West). Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Lpz., 2002.

(а ввести такую ущербность было необходимо, поскольку даже лучший из «варварских» мудрецов не мог быть поставлен на один уровень с мудрецом эллинским).

Подведем некоторые итоги. Геродот, получив в Дельфах обильную информацию для своего «Крезова логоса», не только художественно обработал эти данные, но и добавил к истории Креза продолжение (разумеется, тоже не выдумав его из головы, а опираясь на какую-то традицию). Правда, продолжение это, повествующее о деяниях бывшего лидийского царя в Персии, носит дисперсный, а не концентрированный характер. Тем не менее все эпизоды с Крезом-советчиком, хоть и далеко отстоят друг от друга, но с большим мастерством связаны единством образа персонажа. Однако сам этот образ претерпевает изменения по сравнению с «Крезовым логосом»: в нем в значительно большей, чем раньше, степени нагнетаются негативные и комические черты. Но заметить это можно, лишь читая рассмотренные эпизоды не изолированно, а в контексте всего труда, подмечая многочисленные ассоциативные связи, которыми, как невидимыми нитями, пронизаны различные части «Истории», соединены в единый (но не равнозначный) ряд фигуры Креза, Солона, Артабана... Всё это, конечно, результат тщательнейшей работы автора над своим произведением, высоко-го композиционного и повествовательного искусства, подчиняющего максимально разнородный материал единой цели³⁰. Приемы, о которых идет речь, приходится «дешифровать», при беглом прочтении в глаза они не бросаются, прячась за видимой простотой и непринужденностью рассказа: *ars est celare artem*.

³⁰Ср. Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 37.

Ранние греческие тираны и персы

В период царствования персидского царя Дария I большинство греческих полисов, подвластных персам, были во власти тиранов. В связи с деятельностью этих проперсидских тиранов возникает вопрос: наблюдаем ли мы здесь преемственность с более ранними тираническими режимами, особенно в полисах Малой Азии и островной Греции, или же речь должна идти о новом возрождении тираний под непосредственным контролем и даже прямым содействием персидской монархии в качестве одного из направлений политики Великого царя и сатрапов. Для решения этого вопроса предполагается исследовать следующие проблемы: во-первых, особое внимание уделить происхождению проперсидских тиранических режимов в греческих полисах; во-вторых, рассмотреть основные аспекты взаимоотношения тиранов с персидской царской администрацией и с царем; в-третьих, проследить судьбы проперсидских тираний в греческом мире.

До недавнего времени было общепринятым мнение, что персидские монархи второй половины VI — начала V в. до н. э. обеспечивали контроль над подвластными им греческими полисами Малой Азии и островами Эгеиды при помощи назначаемых тиранов, которые были ответственны за сбор подати и набор войск из своих собственных граждан. Эти проперсидские тираны, как полагали, управляли без поддержки демоса или аристократии и таким образом отличались от тиранов архаической эпохи, которые им предшествовали¹. Так, например, по мнению Э. Эндрюза, «персидская система контролирования городов посредством тиранов их собственного назначения была простой и не нуждается в долгом объяснении»². А. Р. Берн говорит о системе персидского управления греческими полисами посредством тиранов³. Г. Берве в своем обстоя-

¹Если это мнение признать верным, то проперсидские тираны дают нам первый пример установления в греческих полисах автократических режимов при внешней поддержке — со стороны персов.

²*Andrewes A. The Greek Tyrants. Oxford, 1956. P. 123–124; cf. P. 8, 117.*

³*Burn A. R. 1) Persia and the Greeks. The Defence of the West. L., 1962. P. 195; 2) Persia and the Greeks // CHI. 1985. Vol. 2. P. 295. Ср. также аналогич-*

тельном исследовании феномена греческой тирании также считает тиранов в полисах Малой Азии и в других подвластных персам регионах персидскими ставленниками — «вассальными тиранами» (*Vassalentyrannen*)⁴. Одни исследователи, которые придерживаются указанной точки зрения, связывают установление тираний в греческих полисах под персидской властью с политикой Кира Велико-го, другие, однако, считают, что тираны были утверждены у власти только Дарием I. Так, например, Дж. Хаксли полагал, что уже при Кире началась персидская политика насаждения тиранов в подчиненных греческих городах⁵. Однако, П. Джордж в новейшей работе, посвященной Ионийскому восстанию против Персии, утверждает: «Хотя монархия была универсальной формой правления в восточных частях империи, назначенные тираны не процветали в Ионии при Кире и Камбизе. . . . Век вассальных тиранов начинается с узурпатора Дария, так как тираны были естественным продолжением тех методов, которые он и его окружение применяли в остальной части империи. Эти методы требовали, прежде всего, замену все тех, кто был связан с прежним режимом, людьми, зависимиыми от него самого»⁶. Таким образом, П. Джордж связывает становление системы проперсидских тираний с политикой Дария, который везде, где, как ему казалось, было необходимым, ставил своих сторонников в Ионии, в том числе, и на островных полисах. Исследователь видит отличие этих тираний от тех тиранических режимов, которые возникали в более ранний период: «Прежде в Ионии тирании возникали внутри самих городов в результате соперничества за престиж и власть среди знати. Эти тирании вероятно должны были отражать расстановку социально-политических сил в полисе. . . . Но клиенты Дария нарушили эти правила игры в городах. Взамен привлечения народной поддержки своими благодеяниями и прочими общественными мероприятиями, эти тираны

ные точки зрения, выраженные в работах: *Starr C. G. A History of the Ancient World. Oxford, 1965. P. 263; Birstain M. S., Donlan W., Pomeroy S., Roberts J. T. Ancient Greece: A Political, Social, and Cultural History. Oxford., 1999. P. 181.*

⁴*Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. I. S. 85, 90; 96, 115; см. русский перевод: Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 128, 131, 109–113.*

⁵*Huxley G. L. The Early Ionians. L., 1966. P. 121.*

⁶*George P. B. Persian Ionia under Darius: The Revolt Reconsidered // Historia. 2000. Bd. 49. Ht. 1. S. 19–20.*

отвечали за совершенно противоположную задачу — сбор подати и выполнение заданий, которые теперь установил Дарий»⁷.

Впервые точку зрения в отношении персидского назначения греческих тиранов оспорил Д. Граф, который полагал, что даже в период персидского господства тираны все еще оставались «обычной и приемлемой формой правления и персы не нуждались в том, чтобы изменить эту систему». Исследователь доказывал, что и на других завоеванных территориях персы предполагали иметь дело с местной системой организации управления⁸. Это мнение получает все большее принятие в историографии. Так, например, К. Янг, в соответствии со своей концепцией «партнерства» в Персидской империи, замечает: «Со времени завоевания Ионии при Кире царская политика состояла в том, чтобы управлять регионом посредством местных тиранов, которые находились у власти, когда пришли персы. Кир поддерживал этих тиранов не потому, что он особенно одобрял тиранию, но так как персы пытались, где возможно, управлять посредством существующих форм правления»⁹. Однако, во-первых, К. Янг не называет ни одного тирана, который правил в Ионии «к моменту прихода персов»; во-вторых, он ни приводит и примеров поддержки Киrom каких-либо тиранических режимов в Малой Азии. Это мнение заявлено также в монографии Дж. Коквелла, который высказывается в пользу независимого от персидской власти существования тирании в Малой Азии и отдельные известные случаи назначения тиранов он также считает исключением из правила¹⁰.

Особой точки зрения по вопросу взаимоотношения персидских царей и греческих тиранов придерживается М. М. Остин. Исследователь также подверг критике довольно распространенное мнение о целенаправленной персидской политике поддержки греческих тиранов в Малой Азии и выразил солидарность с мнением Д. Графа, что не было вообще такой политики. Сам исследователь доказывал, что в период от Кира Великого до Дария I отношения гре-

⁷ *George P. B.* Persian Ionia under Darius. S. 21.

⁸ *Graf D.* Greek Tyrants and Achaemenid Politics // *The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr* / Ed. by J.W. Eadie & J. Ober. Lanham, 1985. P. 99. Примеры прямого назначения персами тиранов, которые замечает Д.Граф, он считает исключениями.

⁹ *Young C. T.* The Consolidation of the Empire and Its Limits of Growth under Darius and Xerxes // *САH²*. 1988. Vol. 4. P. 42f, 68.

¹⁰ *Cawkwell G. L.* The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 33–34.

ческих тиранов с персидскими царями носили характер личных связей.

М. М. Остин полагает, что взаимоотношения, построенные на обмене услугами между царем и его приближенными были присущи социальным институтам Ахеменидской монархии. Таким образом, по мнению М. М. Остина, отдельные греки по своему собственному побуждению искали персидской поддержки для утверждения себя, в обмен на оказанные царю услуги, тиранами в подвластных персам греческих полисах¹¹. З. Арчибалд развивает указанную точку зрения: «Поощряя и поддерживая представителей наследственных правящих семейств, которые были лично лояльны ему, Дарий усиливал связи между центром державы и нижними провинциальными эшелонами независимо от структуры управления сатрапов, которая также зиждилась на принципах личной лояльности»¹². В. Б. Горман, как и некоторые другие исследователи, также отрицает существование принципиальной политики персидской администрации по отношению к греческим тиранам, и склоняется к тому, что в основе взаимоотношения тиранов и царей Персии были личные связи. Исследователь полагает, что, в отличие от более ранних греческих тиранов, которые достигли власти при помощи своей группировки или в результате народной поддержки, ионийские тираны в конце VI в. были заняты главным образом тем, что искали расположения персов (*with pleasing the Persians*) для поддержания своего собственного положения. По мнению В. Горман, неверно будет говорить, что все греческие города под персидским контролем получили тиранов, или что все тираны в этих городах были приведены к власти персами. В свою очередь, она считает вероятным, что персидский царь поддерживал некоторых тиранов в городах, которые уже там правили, или приводил к власти других.

¹¹ *Austin M. M. Greek Tyrants and the Persians, 546–479 BC. // CQ. 1990. Vol. 40. NS. № 2. P. 289–306.* М. Остин в своем исследовании разделяет основные теоретические подходы, заявленные в монографии Г. Хермана, посвященной личным связям как в греческом мире, так и среди негреков (*Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987*). Р. Осборн, очевидно основываясь на выводах М. М. Остина, полагает, что персы были вовлечены во внутренние дела греческих полисов группировками или отдельными лицами, которые рассчитывали при персидской поддержке занять ведущее положение в собственном городе (*Osborn R. Greek History. L., 2004. P. 78*)

¹² *Archibald Z. H. The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford, 1998. P. 80.*

Но тот факт, что некоторые города остались свободными от тирании (например, Эфес), предполагает, что царь по своему собственному усмотрению не изменял управления подвластными ему греческими городами¹³. Недавно Дж. Андерсон поддержал это мнение, обратив внимание на отдельные случаи назначения тиранов персами (Силосонт на Самосе, Кой в Митилене), которые он считает исключениями¹⁴.

И, наконец, еще одно мнение представил Н. Лураги, который полагал, что тираны при персах занимали особенное положение в структуре Ахеменидской монархии, отличное как от положения «имперского чиновника», так «местного правителя»¹⁵. Этот исследователь также придерживается точки зрения о том, что персидские цари назначали греческих тиранов.

В отечественной историографии обнаруживаются также неоднозначные суждения в отношении сущности тиранических режимов в подвластных персам полисах. Например, В. М. Строецкий называет тиранов персидскими ставленниками и считает, что «в период персидского господства фактически автономия ионийских городов, существовавшая во времена Креза, была полностью уничтожена»¹⁶. Иного мнения придерживается М. А. Дандамаев, который утверждает: «Завоевав греческие города Малой Азии, персы не тронули там традиционные институты местного самоуправления и не чинили никаких препятствий экономическому и культурному развитию этих городов»¹⁷. Далее исследователь замечает, что такой традиционной формой «местного самоуправления» была тирания: «Когда за сорок с лишним лет до Ионийского восстания персы захватили Малую Азию, в греческих городах преобладающей формой государственного управления была тирания. . . Персидская администрация, как правило, безразлично относилась к внутренне-

¹³ *Gorman V. B.* Miletos, the Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B.C.E. Michigan, P. 132.

¹⁴ *Anderson G.* Before Turannoi were Tyrants: Rethinking a Chapter of Early Greek History // CA. 2005. Vol. 24. № 2. P. 211, not. 91.

¹⁵ *Luraghi N.* Un Gran Re e I tiranni. Per una volutazione storica delle tirannida in Asia Minore durante il regno dei primi Achemenidi // Klio. 1998. Bd. 80. Ht. 1. S. 22-46.

¹⁶ *Строецкий В. М.* Ионийское восстание и позиция Спарты // ВДИ. 1973. № 3. С. 130.

¹⁷ *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 112.

му политическому устройству покоренных народов в тех случаях, когда им была дарована автономия во внутренних делах. Поэтому персы и в Малой Азии не стали менять традиционные политические порядки и оказывали поддержку тиранам, а последние постепенно превратились в преданных слуг персидского царя»¹⁸.

Итак, суммируя вышесказанное, следует заметить, что в современной историографии можно выделить несколько основных подходов к проблеме взаимоотношения тиранов и персов: 1) тираны были прямыми персидскими ставленниками; 2) тираны правили независимо от персов, будучи таким образом связаны со внутриполитической жизнью в полисах; 3) тираны входили в греческое окружение персидских монархов и их приход к власти определялся личными отношениями с царем; 4) положение тиранов в греческих полисах под персидской властью было в чем-то особенным, отличающимся от положения как «имперского чиновника», так и местного династа.

На мой взгляд, несомненно, личностный фактор, о котором говорят М. М. Остин и ряд других исследователей, имел подчас определяющее значение в отношениях персидских царей и проперсидских греческих тиранов. В связи с этим, необходимо учитывать, что, в большинстве известных случаев, тиранами становились представители местной политической элиты, которые действительно по своему побуждению искали подходы к персидскому царю, ибо только таким способом надеялись не только на сохранение своих политических позиций в полисе, но и на дальнейшее укрепление их. В общем, следует заметить, что у аристократических кругов полисов не было другого выбора, как только путь сотрудничества с персами, особенно после покорения их городов военной силой. Однако, нередко, при персидской поддержке тиранами становились и лица, не имеющие отношения к местной политической элите, даже представители других полисов, и здесь выбор царя имел решающее значение и определялся личными отношениями с претендентом на тиранию.

Кроме того, объективно, что, как до Ионийского восстания, так и после него, персы были готовы поддерживать любые *автократические режимы* в греческих полисах просто на том основании, что они как нельзя лучше вписывались в систему управления сатра-

¹⁸ Дандамаев М. А. Политическая история... С. 115.

пиями в Ахеменидской державе, основанную на строгой вертикали власти. Но принимая этот принципиальный тезис, что персидские цари были заинтересованы в установлении единоличной власти в подвластных им греческих полисах, мы должны допустить, что в целом существовал только один способ утверждения этих тиранов у власти: прямое назначение их персидским царем. Даже в своих попытках завоевания Греции персы делали ставки на авторитарных лидеров, которые вероятно предназначались на роль персидских наместников на подчиненных территориях (Гиппий, Демарат, Алевады). Поэтому едва ли целесообразно согласиться с мнениями Д. Графа и М. Остина об отсутствии принципиальной персидской политики в отношении тиранов. Когда Д. Граф и другие исследователи доказывают, что персы на подчиненных территориях стремились к сохранению традиционных институтов власти, они, несомненно, правы в этом. Но следует иметь в виду, что в большинстве стран, которые оказались во власти персов, включая Киренаику, Кипр и Карию, эти местные институты власти, во-первых, были представлены *наследственными династиями*¹⁹, а, во-вторых, их легитимизация с персидской точки зрения была обеспечена их статусом «имперского чиновника» (сатрапа или гипарха). Для граждан же полиса тиран в любом случае воспринимался как персидский ставленник, и это способствовало росту ненависти демоса к тирании. Но, хотя авторитарные лидеры — греческие тираны и были подчинены персидской царской администрации, они, конечно, должны были обладать и некоторой степенью самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики²⁰. Наконец, справед-

¹⁹Геродот называет имена многих таких династов, подчинявшихся персам. В Киренаике — персам подчинился Арксеилай III из династии Баттиадов (Hdt., IV, 165). На Кипре «отец истории» называет саламинского царя Горга, сына Херсия из местной династии (Hdt., V, 104), Стесенора, тирана Куриона (Hdt., V, 113), солийского царя Аристокипра, сына Филокипра (Hdt., V, 113). В городах Карии и Ликии также правили представители местных династий (о карийских династах V в. до н.э. см.: *Hornblower S. Mausolus. Oxford, 1982. P. 21ff*; о ликийских династах того же периода см.: *Bryce T. R. 1) A ruling Dynasty of Lycia // Klio. 1982. Bd. 64. Ht. 2. S. 329–337; 2) Political Unity of Lycia during the «Dynastic» Period // JNES. 1983. Vol. 42. № 1. P. 33–34; Childs W. A. P. Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Reexamined // AnSt. 1981. Vol. 31. P. 55ff; Keen A. G. Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers. C. 545–362. B. C. Leiden, 1998. P. 71–96).*

²⁰Например, в том, что касается назначения своего преемника, однако, и в

ливости ради следует отметить, что в составе Персидской державы были города, которые не являлись подотчетны тирану, а по различным причинам сохраняли полисное самоуправление, и конечно, можно найти тиранов, которые пришли к власти независимо от персов, но эти примеры могут рассматриваться как исключение из общего правила.

Поскольку персидское господство в Малой Азии в середине VI в. до н. э. сменило собой господство лидийцев, то представляется целесообразным кратко рассмотреть основные принципы взаимоотношения местных греческих тиранов с лидийскими царями. Определенно, что расцвет тиранических режимов в греческих полисах Малой Азии и прилегающих островах приходился на VIII — первую половину VI в. до н. э. В одних случаях источники сохранили упоминание о единичных тиранах, в других — о целых династиях²¹. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что цари династии Мермнадов проводили политику поддержки тиранов, как позднее делали персы; другие, однако, полагают, что лидийские правители не вмешивались во внутренние дела греческих полисов, которые они стремились поставить под свой контроль. На этот счет М. М. Остин замечает: «Лидийцы имели близкие и разнообразные отношения с греческими городами в их сфере влияния. . . Но поддержка тирании как таковой не была одним из их методов контроля, и, действительно, отдельные греческие тираны находились часто в оппозиции к лидийцам. . . »²². Несомненно, это мнение следует признать верным, хотя, отчасти и упрощающим ситуацию.

Наверняка, существование независимых от царей Лидии тиранических режимов должно было служить препятствием для этих царей в осуществлении их цели — установлению политического контроля над малоазийскими греческими полисами, против которых

данном случае ничего не мешает предположить, что делались такие назначения по согласованию с персидской администрацией — высшестоящим сатрапом или даже самим царем Персии.

²¹В VIII—VII вв. до н. э. известны тираны во многих полисах материковой и островной Ионии и Эолиды. Подробнее об этих тиранических режимах см.: *Berve H. Die Tyrannen bei den Griechen. Bd. I. S. 78–122; Bd. II. S. 565–592; De Libero L. Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996. S. 235f.*

²²*Austin M. M. Greek Tyrants and the Persians. P. 294.*

они предпринимали регулярные военные действия. В источниках мы находим соответствующие примеры, что лидийские правители периодически враждовали с тиранами²³. Но едва ли отмеченные факты могут быть показателем общей тенденции — целенаправленной борьбы лидийских правителей против тиранов²⁴. Однако, они явно не свидетельствуют о том, что лидийские цари в своей деятельности следовали политике поддержки тиранов в греческих полисах Малой Азии. Наиболее взвешенным может быть объяснение, что отношения лидийской монархии с тираниями определялись своеобразием текущего момента времени.

В то же время возникает закономерный вопрос: почему лидийские монархи не добились успеха в том, чтобы осуществлять контроль над греческими полисами при помощи своих ставленников — тиранов, если они действительно могли преследовать такую цель. Ответ очевиден. Лидийские правители династии Мермнадов, в отличие от более поздних персидских Ахеменидов, очевидно, не имели реальной возможности для насаждения в подчиненных им полисах преданных им тиранов, и прежде всего, потому, что они не обладали никаким сравнимым с персами значимым военным потенциалом.

В отношении периода первоначального персидского завоевания Малой Азии при Кире Великом отсутствуют необходимые сведения о том, какая форма правления была наиболее распространена

²³См. свидетельство поэта Алкея о денежных средствах полученных его группировкой от лидийцев для борьбы против тирана Мирсила (Alc. F. 69 L–P) (о позиции лидийцев в социально-политической борьбе на Лесбосе см. *Bowra C. M. Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides*. Oxford, 1936. P. 158ff; *Борухович В. Г.* Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н. э. // *Античный полис / Под ред. проф. Э. Д. Фролова*. Л., 1979. С. 40); конфронтация Алиатта с милетским тираном Фрасибулом, правда, после многих лет войны благополучно завершившаяся примирением, — установлением $\xi\epsilon\nu\acute{\alpha}\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ (Hdt., I, 17–22; Polyaeu. VI, 47, 1); война Креза против эфесского тирана Пиндара, которая окончилась изгнанием последнего по соглашению с эфесянами (Aelian. III, 26; Polyaeu., VI, 50, 1; cf. Hdt., I, 26); наконец, захват Крезом Сидены (памфилийского города Сиды), куда бежал в поисках убежища тиран Главкий (Strabo, XIII, 1, 42 p.601)

²⁴Установление родственных связей Алиатта с династией тиранов Эфеса — возможная попытка использовать эти связи для утверждения своего контроля над полисом (таковым мог оказаться Милас, зять Алиатта и отец тирана Пиндара: Aelian., III, 26).

в греческих полисах этого региона. Геродот, однако, предоставляет возможность для предположения, что таковыми все же не были тиранические режимы, а формы правления, которые современники историка определяли как демократии. Последние же могли утвердиться после устранения или демосом этих городов, или лидийцами малоазийских тиранов в VII — первой половине VI в. до н. э.

Вообще, как говорилось, тирания в Ионии и Эолиде, расцвет которой приходился, вероятно, на VIII — середину VI вв. до н. э., ко времени персидских завоеваний в середине VI в. до н. э. стала уже вырождаться как явление. Такой вывод проистекает из нескольких факторов. Во-первых, конечно, это *argumentum ex silentio*. Так, например, Геродот не упоминает ни одного тирана в своем рассказе о подчинении греков Малой Азии военачальниками Кира Великого — Мазаресом и Гарпагом; он говорит о милетянах (I, 143, 169), кимейцах (I, 157–160), митиленцах (I, 160), хиосцах (I, 160–161, 165), приенцах (I, 161), фокейцах (I, 163–167), теосцах (I, 168), книдиянах (I, 174) и др. Во-вторых, это сообщения «отца истории» о решимости граждан ионийских и эолийских городов бороться за свою свободу, проявленной по различным случаям: от посольства в Спарту (I, 141, 152) и решений собрания в Панионии (I, 170), до готовности граждан некоторых полисов покинуть свою родину, чтобы избежать порабощения и ограничения их свободы (фокейцы: I, 163–168; теосцы: I, 168), и, наконец, военного сопротивления. Вообще, надо заметить, что политика военного противостояния Персия в принципе не была типична для тиранов; но даже, если какие-то тираны и решились возглавить борьбу своих сограждан против персов, то наверняка, это решение должно было стать роковым для них, но и жизни. В-третьих, существуют также отдельные данные, что в ряде полисов Малой Азии и островов Эгеиды ко времени персидского завоевания действительно не было никакой тирании²⁵.

²⁵В середине VI в. до н. э. в Колофоне не было никакой тирании (Xenophon., fr. 3 DK). На Лесбосе, в Митилене, также не было тирании после сложения с себя полномочий Питтаком в начале VI в. до н. э. и до установления проперсидской тирании Коя, сына Эрксандра в 513 г. (Hdt., V, 11). В Милете, также, после падения тирании в начале VI в. до н. э. начался долгий период гражданских смут до посредничества паросцев, примиривших между собой милетян (Hdt., V, 28–29; cf. Plut. Mor. 298d; См.: *Лантева М. Ю.* Плутис и хейромаха. К проблеме социально-политических противоречий в архаической Ионии // Вестник ЛГУ. 1986. Сер. 2. Вып. 3. С. 15–18), и установления проперсидской

Но способствовала ли возрождению тираний политика Кира Великого? Можно назвать практически единичные примеры, которые позволяют усмотреть некоторую взаимосвязь общественной жизни в греческих полисах с персидской политикой при Кире. В античной традиции сохранились сведения об эфесце Эврибате, который в период Лидийско-персидской войны 547 г. был направлен Крезом в Пелопоннес с некоторой суммой денег для набора наемников, однако перешел на сторону Кира и передал ему деньги Креза (Ephor. FGrHist. 70. F. 58a-d). Впрочем, дальнейшая судьба Эврибата не известна; вероятно, он вошел в число греческих приближенных персидского царя²⁶.

Примечателен эпизод с кизикенцем Пифархом, который сохранился в изложении Афиней (Agathocles FGrHist. 472. F. 6 = Athen., I, 54): «Кир Великий своему другу Пифарху, уроженцу Кизика, подарил семь городов, как говорит вавилонец Агафокл²⁷: Педас, Олимпий, Акамантий, <Тий>, Скептру, Артипс, Тортиру²⁸. Тот

тирании Гистиея. Хиосская надпись ок. 600–550 гг. демонстрирует функционирование в полисе демократических институтов власти, причем, упоминавшиеся в надписи «цари» (βασιλεῖς) представляют собой пережитки аристократического строя (Tod, I, 1 = ML, 8; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. 2-е изд. СПб., 2004. С. 243–244); в любом случае, надпись не дает возможность усмотреть признаки деятельности тиранов на Хиосе, где к концу VI в. до н. э. установилась продолжительная проперсидская тирания Страттиса (Hdt., IV, 138; VIII, 132).

²⁶Источники со ссылкой на Эфора, употребляют следующие выражения в отношении цели миссии Эврибата: ὅστε στρατίαν συναγαγεῖν, ἐπὶ ζευκοῦ μίσθωσιν, ἐπὶ ζευροῦσαν (Ephor. FGrH 70. F.58a-d = Hagnocrat. s.v. Εὐρύβατον; Suid. s.v. Εὐρύβατον; Diod. IX. 32). Эврибат стал известен как πρῶβης и λωηρός (Ephor. FGrH 70. F.58a-d) and в последующий период греки даже употребляли выражение «дело Эврибата» (Dem., XVIII, 24; Hesych., s.v. Εὐρύβατου πρῶβης) в качестве метафоры, означающей ситуацию, когда одновременно ведется призыв к войне с врагом и направляются послы к врагу для переговоров о мире; негодяи-предатели стали называться «эврибатами» (Suid. s.v. Εὐρύβατον ἄνδρα: εὐρυβατεῦσθαι Zonar., s.v. εὐρυβατεῦσθαι; Eustath. Comm. ad. Hom., II, vol.I, p.171; ad. Od., vol.II, 201–202) (*Функ Б.* Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. N 2. С. 21).

²⁷Этот отрывок взят Афинеем из труда Агафокла «О Кизике» (Περὶ Κυζίκου); тот же Афиней в другом месте называет Агафокла «Кизикенцем» (Ἀγαθοκλήης ὁ Κυζικηνός), написавшим произведение о своей родине (Περὶ τῆς πατρίδος) (Athen. XIV. 62). М. Остин называет Агафокла «местным эллинистичесим историком» из Кизика (*Austin M. M.* Greek Tyrants and the Persians. P. 296).

²⁸Дж. Хаксли обращает внимание, что текст Афиней явно несет на себе следы коррупции. Исследователь следующим образом восстанавливает перечень городов, пожалованных Киrom Пифарху: Педас, Асс, Лампоний, Скамандрия,

же вследствие гордости и безрассудства, собрав войско, стремился стать тираном над своим отечеством. Кизикенцы выступив против него, поспешили на крик о помощи, и строем бросились в опасность». На этом рассказ обрывается, но судя по всему, попытка захвата власти Пифархом вопреки ожиданию провалилась. Личность Пифарха неоднократно привлекала внимание исследователей²⁹. Для нас важно подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, следует обратить внимание, что Агафокл называет Пифарха «другом Кира» (φίλος). Это подчеркивает его социальный статус в окружении персидского царя, более, чем личные отношения. То обстоятельство, что Кир обзавелся греческим окружением недвусмысленно подчеркивает Геродот в своем рассказе о переговорах спартанского глашатая Лакрина с персидским царем в Сардах: именно эллинам из своей свиты (τοὺς παρεόντας οἱ Ἑλλήνων τίνες ἕδοντες), по словам «отца истории», Кир задал вопрос: «Что это за люди лакедемоняне и сколь они многочисленны, что осмеливаются говорить такие речи» (Hdt., I, 153). Во-вторых, тот факт, что Пифарх вознамерился стать тираном в Кизике, городе, который, если верить Агафоклу, не входил в число пожалованных ему Киrom, с большим основанием может свидетельствовать о непричастности персидского монарха к предпринятию его «друга»; об этом говорит также и использование для захвата власти вооруженной силы — наёмников. Сам Агафокл, как представляется, объясняет неудачную попытку Пифарха захватить власть в своем родном городе Кизике его гордыней и безрассудством (ὕβρις καὶ ἄνοια), а не персидской под-

Скепис, Астира, Гаргар (*Хаксли Дж.* О городах, переданных Киrom Пифарху // ВДИ. 1993 № 2. С. 83–85).

²⁹Так, часто отмечается, что случай с Пифархом — первый известный пример персидского пожалования греку городов и земель, которые в дальнейшем станут распространенной практикой вознаграждения царями своих приближенных (Об этой персидской практике см.: *Briant P.* Dons de terres et de villes: l'Asie Mineure dans le contexte achemenide // REA. 1985. Т. 87. Р. 53–72). Далее, исследователи часто ссылаются на граффити второй половины или конца VI в. до н. э., обнаруженную на скале в известняковом карьере в окрестностях Персеполя — λυδάλοιο εἶσι — «я принадлежу Пифарху» (Fornara, 46); возможно чисто совпадение имен, однако, не исключено также, что следы нашего Пифарха таким образом обнаруживаются в одной из столиц Персидской державы (См.: *Murray O.* The Ionian Revolt // САН². 1988. Vol. 4. Р. 479; *Momigliano A.* Alien Wisdom. The Limits of Hellenization. Cambridge, 1990. Р. 125; возможность отождествления с Пифархом из Кизика см.: *Hornblower S.* Asia Minor // САН². 1994. Vol. 6. Р. 213; *Хаксли Дж.* О городах... С. 84).

держкой. Можно с некоторой долей вероятности предполагать, что Пифарх действовал по крайней мере с одобрения Кира Великого, но не более того.

Более определенно о вмешательстве Кира во внутренние дела греческого полиса может говорить фрагмент Гераклида Понтийского о том, что этот персидский царь сверг прежнее государственное устройство в Кимах и поместил граждан под управление монарха — *Kῦρος δὲ καταλύσας τὴν πολιτείαν μοναρχεῖσθαι αὐτοὺς ἐποίησε* (Heraclid. Pont. Peri politeias. 11. 5 = FHG. II, 217). Под монархом несомненно понимался тиран, что вполне соответствует распространенной практике в архаической Греции, когда оба термина были взаимозаменяемые³⁰. К сожалению, никакие особые подробности переворота, как будто бы учиненного Киrom в Кимах, нам не известны.

Некоторые исследователи называют случай Эфеса в качестве примера, что город был под властью тиранов при Кире Великом, но свободен от тирании при Дарии³¹. Действительно, лексикон Суды называет эфесских тиранов Афинагора и Кому, которые отправили в изгнание ямбического поэта Гиппонакса, принудив его поселиться в Клазоменах (Suid., s.v. Ἴπλώνωχ). Другие сведения об этих тиранах отсутствуют, однако, время жизни Гиппонакса датируется серединой VI в. до н. э.³² Сохранившиеся фрагменты этого ямбографа показывают, что основная часть его жизни проходила в общении с лидийцами (Hipponax. F. 3a, 42, 92, 104 IEG), и, таким же образом, Афинагор и Кома могли застать еще «лидийский» период; что с ними произошло, когда ионийские города оказались во власти персов при Кире невозможно точно установить³³. Не ис-

³⁰ См.: *Высокий В. Ф.* Тирания: К вопросу о терминологии // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 191 сл.

³¹ *Gorman V. B.* Miletos. P. 132; *Graf D.* Greek Tyrants... P. 84, not. 20.

³² Плиний Старший (NH, XXXVI, 11) датирует Гиппонакса 60-й олимпиадой — 540–537 гг. до н.э. Если его информация верна, то Гиппонакс был современником персидского завоевания малоазийских греков. Однако, даже в таком случае, первая часть его жизни должна была приходиться на «лидийский» период. Возможно, он родился ок. 580 г. до н.э.

³³ Г. Берве и Й. Гоффстеггер предполагают, что Афинагор и Кома были утверждены тиранами Киrom (*Berve H.* Die Tyranis bei den Griechen, Bd. I. S. 100, Bd. 2. S. 577; *Hofstetter J.* Die Griechen in Persien. Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. Berlin, 1978. S. 106, № 182a). Однако, по мнению П. Джорджа, свидетельства не заявляют непосредственно об этом (George P.

ключено, однако, что эти тираны продолжали править в Эфесе уже и при персах; примечательно, что Геродот не упоминает граждан Эфеса среди тех греков, которые оказали сопротивление военачальникам Кира. Так что, Афинагор и Кома могли подчиниться персам без борьбы и тем самым обеспечили преемственность своей династии. Клемент Александрийский сообщает, что Гераклит Эфесский убедил тирана Меланкому сложить с себя власть (Clem. Alex., Strom., I, 65); к философу обратились эфесцы с предложением составить для них законы (Diog. Laet., IX, 2). Таким образом, после «отставки» тирана в конце VI в. до н. э., в полисе должно было утвердиться демократическое правление. Имя тирана Меланкомы может предполагать, что он относился к той же самой династии эфесских тиранов, что собственно и Афинагор и Кома, или же, как можно предположить, Кома и Меланкома могли быть именами одного и того же лица. В последнем случае Кома (Меланкома) мог сложить с себя тиранию еще до воцарения в Персии Дария I или же в первые годы его правления, еще до того времени, как этот царь приступил к целенаправленной политике поддержки тиранических режимов в греческих полисах³⁴. Таким образом, возможно, после 520 г. до н. э. в Эфесе уже не было тирании, и, не известно, возродилась ли она в этом полисе в последующий период. Однако, не исключено, что проперсидские тираны не были утверждены в полисе, в таком случае, прежде всего, благодаря установившимся личным взаимоотношениям Гераклита Эфесского и царя Дария. Но пример Эфеса в таком случае может быть исключением из общего

Persian Ionia under Darius. P. 19–20, not. 72). Конечно, нам неизвестны подробности правления этих тиранов в Эфесе, но, если данные о том, что они оба изгнали Гипноакса верны, то следует предположить, что они властвовали одновременно; таким образом, речь должна идти о корпоративной тирании в Эфесе (близки пример такой тирании дают Афины, где после смерти Писистрата власть удерживали вместе Гиппарх и Гиппий). Вообще за период VII — первой половины VI столетия до н. э. Эфес мог пережить несколько тираний. В VII в. до н. э. в Эфесе была тирания Пифагора, в начале VI столетия до н. э. властвовали в полисе сначала Милас, зять Алиатга, а затем его сын Пиндар. Последний был свергнут Крезом в самом начале своего правления, т. е. около 560 г., когда, по данным Геродота (I, 26), он предпринял нападение на Эфес. Остается более 10 лет до прихода персов в Малую Азию и возникновения тирании Афинагора и Комы.

³⁴Этот вывод может быть основан на годах правления Гераклита Эфесского. По данным Диогена Лаэртского (IX, 1, 3), акме Гераклита приходилось на 69 олимпиаду — 504–500 гг.

правила оказания персами помощи отдельным грекам в утверждении их тиранической власти в ряде полисов. Однако, не удивительно, что в целом Кир лично мог уделять гораздо меньше внимания делам греков, чем, например, последующие цари династии Ахеменидов. Полностью поглощенный своими завоеваниями на Востоке, этот персидский монарх поручил заниматься отношениями с греками двум своим военачальникам — Мазаресу и Гарпагу (Hdt., I, 156–169). Подобным образом впоследствии действовал и Камбиз, делом жизни которого стало завоевание Египта; при нем практически неограниченную власть приобрел Оройт, сатрап Сард, приказавший, в частности, умертвить знаменитого самосского тирана Поликрата (Hdt., III, 120–125)³⁵.

И только Дарий I, вплотную занятый административным обустройством Персидской державы, имел возможность обратиться к построению отношений с греками, входившими в состав его государства. В источниках, прежде всего у Геродота, греческие тираны на Востоке ассоциируются с персидской монархией именно применительно ко времени правления Дария. Эти тираны входили в близкое «греческое окружение» этого персидского монарха. И одним из первых таких греческих подданных Дария I стал Силосонт, сын Эака, изгнанный брат Поликрата Самосского, утвердившийся в качестве тирана Самоса при прямой персидской военной поддержке уже в 516 г. до н. э. (Hdt., III, 139–149). Геродот передает новеллу о том, как Силосонт оказал услугу Дарию (подарил ему свой плащ) в Египте в то время, когда тот не был еще царем, а находился при Камбизе в качестве телохранителя (Hdt., III, 139). Когда же Дарий вззошел на престол, то, по словам «отца истории», самосец отправился в Сузы, сел перед воротами дворца и назвался царским благодетелем — εὐεργέτης³⁶. Дарий предложил ему золото в награду, однако, Силосонт от него отказался, но попросил сделать его тираном Самоса: «Не дари мне, царь, ни золота, ни серебра, но освободи и пожалуй мне родной город Самос, где ныне после уби-

³⁵Об Оройте см.: *Vargyas P. Darius and Oroites // ANB. 2000. Vol. 14. N 4. P. 155–161.*

³⁶То, что Геродот здесь воспроизводит точное положение Силосонта (возможно, которое тот все же получил уже после того, как был вознагражден царем) кажется довольно вероятным. В другом месте, «отец истории» комментирует, что за подвиги в битве при Саламине персы записали в список «благодетелей» (оросангов) царя другого самосца — Филака, сына Гистиея, и наделили земельными владениями в Малой Азии (Hdt., VIII, 85).

ения Оройтом брата моего Поликрата властвует наш раб. Отдай мне этот город, но только без кровопролития и не обращая жителей в рабство» (Hdt., III, 140). Таким образом Силосонт был назначен тираном Дарием и перед смертью передал власть своему сыну Эаку.

Пространный перечень проперсидских тиранов впервые появляется у Геродота только при рассказе о Скифской экспедиции Дария I в 514/3 г. до н. э. (IV. 138): тираны геллеспонтийцев Дафнис из Абидоса, Гишокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика, Аристон из Византия; ионийские тираны Страттис из Хиоса, Эак из Самоса, Лаодам из Фокеи, Гистией из Милета; из эолийских тиранов Аристагор из Кимы. «Отец истории» подчеркивает, что он назвал далеко не всех тиранов, а только тех, которые обеспечивали охрану наведенного Дарием моста через Истр [Дунай] (Hdt., IV, 138). В этой связи Геродот делает одно важное замечание: Гистией, тиран Милета, на совещании ионийских тиранов объяснял свой отказ от предложения скифов разрушить мост тем, что «каждый из них в настоящее время является тираном *вследствии Дария*» (λέγοντος ὡς νῦν μὲν διὰ Δαρεῖον ἕκαστος αὐτῶν τυραννεύει πόλιος). Если же могущество Дария будет сокрушено, то, по словам Гистиея, ни он сам и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом, поскольку каждый город предпочитает народное правление господству тирана (γὰρ ἕκαστην τῶν πόλιων δημοκρατεῖσθαι μᾶλλον ἢ τυραννεύεσθαι)» (Hdt., IV, 137)³⁷. Таким образом, Гистией в представлении Геродота очевидно считал, что греческие тираны на Востоке зависели от поддержки Дария и боялись её потерять.

Надо сказать, что и Корнелий Непот в биографии Мильтада (I, 3) на свой манер передает ту же самую традицию о назначении

³⁷По мнению Д. Графа, можно увидеть в речи Гистиея некоторые очевидные анахронистические элементы, которые предполагают политическую атмосферу времени Геродота, в частности противопоставление тирании и демократии (*Graf D. Greek Tyrants and Achaemenid Politics*. P. 81). Конечно это может быть верным, однако это не ставит под сомнение верное понимание «отцом истории» социально-политической ситуации в полисах Малой Азии и не меняет сути дела: демос по-видимому в основном был враждебно настроен по отношению к любым проперсидским тиранническим режимам.

персами греческих тиранов, которую он мог воспринять у Геродота: тираны стали благодаря Дарию бессменными правителями своих городов. Непот замечает, что царь считал, что легче всего удержит в своей власти население Азии, говорящее на греческом языке, поверив надзор за городами своим друзьям, ни имеющим в случае своего поражения ни малейшей надежды на сохранение своего благоденствия (*sic enim facillime putavit se Graeca lingua loquentes, qui Asiam incolerent, sub sua retenturum potestate, si amicis suis oppida tuenda tradidisset, quibus se oppresso nulla spes salutis relinqueretur*).

Но что можно сказать о тиранах, которые упомянуты Геродотом в его рассказе о эпизоде на мосту. Ничего не известно об обстоятельствах, при которых сам Гистией стал тираном Милета, города, который более полувека не знал тирании. П. Юр считал, что поскольку Гистией был другом и вассалом царя Персии, основа его власти не должна быть только во внутренних условиях Милета. Хотя, тот же исследователь далее признает, что персы были свободны от тенденции «персианизировать» народы, которые они подчинили³⁸. Общепринято считать, что Гистией мог быть местного, милетского происхождения. Так, П. Джордж допускает связь Гистиея и его зятя Аристагора со жречеством храма Аполлона в Дидимах. Это может подтверждать, с одной стороны, посвящение Гистиея в этот храм (Tod, I, 9), а с другой — имя отца Аристагора — Мольпагор (Hdt., V, 30) (производное от «мольпов» — членов жреческого объединения в Милете, которые служили Аполлону Дидимскому)³⁹. Наконец, Дж. Коуквелл также пишет, что «Гистией определенно не был назначен персами»⁴⁰. Однако, крайне любопытно встретить у одного из раннесредневековых авторов указание на то, что Гистией был родом самосец — Ἰστιαῖος Σαμῖος μὲν ἦν τὸ γένος (Ps-Nonnus, Schol. Myth., 5, 5). Эта информация не выглядит так уж невероятной, даже, более того, она может найти некоторое подтверждение у Геродота, который упоминает о заслугах в битве при Саламине самосца Филака, сына Гистиея (Hdt., VIII, 85): в последнем соблазнительно видеть сына или, как минимум, близкого родственника знаменитого тирана Милета (хотя, конечно, следует учитывать и довольно большую распространенность имени

³⁸ Ure P. The Origin of Tyranny. Cambridge, 1922. P. 270

³⁹ George P. B. Persian Ionia under Darius. S. 11–12, Anm. 47.

⁴⁰ Cowkwell G. L. The Greek Wars. P. 33

Ἰουδαῖος среди восточных греков). С другой стороны, хорошо известно, что именно самосцы, вероятно так или иначе связанные с тираном Силосонтом, а затем и его сыном Эаком, отчасти могли составлять греческое окружение Дария I⁴¹. Однако, если сведения о самосском происхождении Гистиея верны, то они могут подтверждать, что милетский тиран был прямым ставленником царя Дария I, и, хорошо объясняют мотивы, которые побудили его породниться с одним из влиятельных милетских родов, выдав свою дочь замуж за Аристагора, сына Мольпагора.

Но что известно об Эантиде, сыне Гишокла, который был тираном в Лампсаке, когда туда прибыл изгнанный из Афин Гиппий, сын Писистрата, и пользовался большим влиянием у царя Дария — μέγα παρὰ βασιλεῖ Δαρείῳ δύνασθαι (Thuc., VI, 59, 2). Эантид стал зятем Гиппия, женившись на его дочери Архедике. Вероятно, сыновья Эантида и Архедики также сохраняли тиранию в Лампсаке, как можно судить по строкам её эпитафии, приписываемой Симониду Кеосскому и сохранившейся в изложении Фукидида (Thuc. VI. 59. 3). Эак был сыном Силосонта (Hdt., VI, 13), который пришел к власти как тиран на Самосе при персидской военной поддержке (Hdt., IV, 138)⁴².

В ряде других свидетельств Геродот дает непосредственный пример того, каким образом могло происходить утверждение у власти тиранов при Дарии I. В частности, «отец истории» (V, 11) сообщает, что после завершения Скифского похода, к Дарию в Сарды прибыли Гистией и Кой из Митилены. Гистией, будучи уже тираном Милета, в награду за оказанную услугу (спасение персидского войска при переправе через Истр во время возвращения из скифского похода) не просил никакой тирании (τυραννίδος μὲν οὐδέμιῃς προσεχρήϊζε), а только местечко Миркину в земле эдонян для ос-

⁴¹Кроме самого Силосонта и его сына Эака, в близкое греческое окружение Дария мог входить «архитектор» Мандрокл (Hdt., IV, 87–89), Ликарет — позднее назначенный правителем на Лемносе (Hdt., V, 27), и вероятно не без их содействия некий самосец сопровождал персидских глашатаев, которые в 491 г. до н. э. объезжали греческие полисы и требовали землю и воду в качестве символов покорности (Schol. Aesch. Pers. 19).

⁴²Об Эаке из Самоса см. подробнее: Shipley G. A History of Samos 800–188 В. С. Oxford, 1987. P. 106; Лантвева М. Ю. Посвящение Эака в храм Геры Самосской (проблема интерпретации) // *Μυήματα*. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 149–156.

нования там города⁴³. Однако Кой, который не был еще тираном, а был простым гражданином (во время скифского похода Дария он служил стратегом митиленцев и подал совет царю сохранить мост через Истр — Hdt., IV, 97), просил сделать его тираном в Митилене — οὐ τύραννος δεμότης τε ἐὼν, αἰτέει Μιτιλήνης τυραννεύσαι. И хотя в ряде случаев Геродот подразумевает, что тираны были прямыми ставленниками персов, все равно не следует упускать из виду, что их назначение также могло принять вид награды за оказанную царю услугу. После завоевания Лемноса, как говорит «отец истории», персы *поставили* правителем (Πέρσαι ὑπαρχὸν ἐπιστάσι) Ликарета, «брата Меандрия, царствовавшего на Самосе» (Hdt., V, 27). Конечно, Ликарет стал тираном лемносцев, однако, термин ὑπαρχος недвусмысленно подразумевает, что он был прямым персидским наместником⁴⁴. Характерен пример Феоместора, сына Андродоманта, который стал тираном Самоса после правления Эака, сына Силосонта (Hdt., IX, 90). Здесь Геродот определенно говорит, что его поставили персы — τὸν κατέστησα Σάμου τύραννον οἱ Πέρσαι. Правда, следует принять во внимание, что Феоместор был одним из

⁴³ Миркин продолжал принадлежать Милету даже после того, как Гистией отправился в Сузы. Уже в ходе Ионийского восстания в 497/496 гг. Аристагор поручил управление Милетом знатному гражданину Пифагору, а сам также с некоторыми своими согражданами выселился в Миркин, где и погиб при попытке захвата какого-то фракийского города (Hdt., V, 124, 126).

⁴⁴ См.: LSJ, s.v. ὑπαρχος, где дается два значения слова: 1) subordinate commander, lieutenant; 2) subordinate governor. Геродот использует термин ὑπαρχος и применительно к персидским сатрапам; историк называет гипархами Сард (ὁ Σαρδίων ὑπαρχος) Оройта, назначенного Киром (III, 120) и Артаферна при Дарии (V, 25, 73, 123; VI, 2, 30, 42), гипархами Даскилия (ἐκ Δασκυλείου ὑπαρχος) Митробата (III, 127) и Мегабаза (VI, 33); Арианда — гипархом Египта (τῆς Αἰγύπτου ὑπαρχος) (IV, 166). В ряде случаев «отец истории» называет сатрапов термином στρατηγός, а гипархами именует чиновников более низкого ранга, подчиненных сатрапа (Артакт, гипарх Сеста: VII, 33; IX, 116). Следует обратить на то обстоятельство, что Геродот ни разу не употребляет термин «сатрап», это при том, что он дважды употребляет слово «сатрапия» (Hdt., I, 192; III, 89). В свою очередь также и Фукидид называет некоторых персидских наместников гипархами: Стаг — гипарх сатрапа Тиссаферна (VIII, 17, 1); Тамос — гипарх Ионии (VIII, 31, 3; 87, 2); Арсак, наместник в Адрамиттии, — гипарх Тиссаферна (VIII, 108, 4). Демосфен (XIII, 142), сообщая о Филиске, подчиненном сатрапа Ариобарзана, называет его словом τύραννος, но далее говорит о нем как о «могущественнейшем из гипархов» — μέγιστος τῶν ὑπαρχῶν. Далее, Кипрофемид, правителя Самоса в 366 г. до н.э., захватившего власть при поддержке перса Тиграна, античные авторы называют фрурархом и гипархом царя (Diod., XV, 9 cum schol.; Harpocr., s.v. Κυρόθεις; Phot., s.v. Κυρόθεις).

командиров ионийского контингента в составе персидского флота в битве при Саламине за проявленные личные качества был награжден тиранией на Самосе (Hdt., VIII, 85).

Показательна также история косской тирании. Геродот сообщает, что Скиф был на хорошем счету у царя Дария I, и, в конечном итоге, после утраты своей тирании в сицилийском полисе Занкла, прибыл в Азию и оказался при дворе этого царя, где он наслаждался великим богатством и умер в глубокой старости (Hdt., VI, 23–24; cf. Aelian., VII, VIII, 17). В 480 г. до н. э. Гелон Сиракузский направил в Дельфы косца Кадма, сына Скифа (Κάδμου τὸν Σκυθῆω ἄνδρα Κῶνον) на кораблях, нагруженных сокровищами с дружественным предложением к персидскому царю (ἔχοντες χρήματα πολλὰ καὶ φίλους λόγους). По мнению «отца истории», Кадм должен был выждать конца войны, и в случае персидской победы, передать царю сокровища, а также землю и воду как символические знаки покорности (Hdt., VII, 163). Вслед за этим рассказом Геродот замечает, что Кадм воспринял от отца прочное владычество над Косом (παράδεξιαιμενος παρὰ πατρός τιραννίδα Κῶων εὔ βεβηκυῖον) (Hdt., VII, 164). Принимая во внимание положение Скифа при персидском дворе Дария, представляется весьма вероятным, что последний получил власть из рук царя над Косом, а затем, вероятно еще при своей жизни, передал ее сыну Кадму⁴⁵. Таким образом, и в этом случае можно предположить факт назначения тирана персами. В итоге Геродот подразумевает, что многие тираны (если и не все) были прямыми ставленниками персов в городах.

Данные эпизоды подтверждают правоту тех исследователей, что при возникновении проперсидских тираний решающее значение приобретали личные отношения тиранов и персидского монарха; само назначение тираном кого-либо могло быть царской наградой и представлять собой разновидность обмена услугами между эллинами и царем. Греки, находившиеся при дворе Великого царя и сатрапов, оказывались в эпицентре дворцовой жизни. Взаи-

⁴⁵ Последовательность событий во многом не ясна и представляет собой тему для дискуссии, которая выходит за рамки нашей работы. См. подробнее: *Высокий М. Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. СПб., 2004. С. 277–298, 279, прим. 54 (с дополнительной литературой). Исследователь, однако, на мой взгляд, необоснованно полагает, что Скиф сначала сверг демократию на Косе и установил тиранию, и, только затем стал тираном Занклы (с.280). Представляется вероятным, что он был назначен Дарием тираном на Косе еще до начала Ионийского восстания 500/499 г. до н. э.

отношения царя со своим греческим окружением определенно строились по принципу отношений с подданными, независимо от их этнической принадлежности. Исследователи справедливо считают, что в основе взаимоотношений царя со своими подданными в Персидской державе находился традиционный обычай дарообмена, причем действовал принцип неравноценного обмена дарами и услугами: подарки и услуги кого-либо царю заметно уступали тем, которые он получал взамен от царя. На это обстоятельство справедливо обращали внимание Х. Саншизи-Веерденбург и Л. Митчелл в своих работах, посвященных обычаям дарообмена у персов и греков⁴⁶. В частности, Л. Митчелл замечает: «У греков был установлен равный обмен, у персов неравный. Царь давал больше, чем кто-либо еще, и это создавало дисбаланс во взаимоотношениях, так как получатель был в долгу у царя. Царь доминировал во взаимоотношениях и был способен управлять отношениями. . . Тот, кто получал дары от царя, получал не только обмен ценностями, но также и статус и это было знаком признания царем и влияния при дворе»⁴⁷. В этом смысле предоставление царем Персии какому-либо греку управление полисом в качестве тирана сопоставимо с другими почестями, которые греки наиболее часто получали от царя за оказанные услуги: предоставление почетного титула царских эвергетов (Hdt., III, 140; VIII, 85; Thuc., I. 129, 3), различные царские дары (Hdt., IV, 88; VII, 117), пожалование дома и жены-персиянки (Hdt., VI, 39). Но среди таких наград особое место занимает предоставление царем «городов и земель» как в управление, так и право получения с них определенной части доходов в свою личную пользу.

Уже было упомянуто о предоставлении Киrom Великим своему «другу» Пифарху семь городов в Малой Азии (Agathocles FgrHist. 472. F.6 = Athen., I, 54). Геродот сообщает о пожалованиях городов и земель различным грекам, которые оказывались при царском дворе: Дарий I предоставил вероятно бывшему афинскому тирану Гиппию, сыну Писистрата в дар Сигей, город, тираном которого в свое время Писистрат поставил другого своего сына Гегесистрата

⁴⁶*Sancisi-Weerdenburg H. Gifts in the Persian Empire // La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Décembre 1986 / Ed. par P. Briant et C. Herrenschmidt. Paris, 1989. P. 140–141; Mitchell L. G. Greek bearing gifts. The public use of private relationship in the Greek World, 435–323 BC. Cambridge, 1997. P. 111–113.*

⁴⁷*Mitchell L. G. Greek bearing gifts. P. 113.*

(V, 94); этот царь дал также спартанскому царю Демарату, прибывшему к его двору, $\gamma\tilde{\rho}\nu \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ (Hdt., VI, 70); он предоставил в дар город Алабастру Аминте, сыну Гистии, дочери македонского царя Аминты I, и перса Бубара (VIII, 136). Фукидид (I, 138, 5–6) говорит о том, что царь Артаксеркс I дал Фемистоклу города Магнесию, приносящую пятьдесят талантов «на хлеб», Лампсак — «на вино», Миунт — «на приправу» (Афиней добавляет еще два города — Перкоту и Палескепис — «на кровать» и «на одежду» — Athen. I. 54). Этот же царь очевидно пожаловал спартиату Павсанию, сыну Клеомброта Колоны в Троаде (Thuc. I. 131. 1; Themistocl. Ep. 14). Согласно Ктесию Книдскому, царь Дарий II дал Ликону, также афинского происхождения, $\pi\acute{o}\kappa\eta\iota\varsigma \lambda\alpha\iota \chi\acute{o}\rho\alpha\varsigma$ за то, что он, хотя и участвовал во главе греков в восстании сатрапа Писсуфна против царя Дария II после 423 г. до н.э., но затем перешел на сторону царских военачальников (Ctesias FgrHist. 688. F. 15. 53). Некоторые «греческие династии» в Персидской державе сохраняли свои владения еще в IV в. до н. э. (Демаратиды и Гонгилиды: Xen. Hell. III. 1. 6; Anab. VII. 8. 8–19) (таким образом, они благополучно должны были пережить период Афинской архэ) и их судьбу отчасти можно проследить и в эллинистический период (см.: SIG³. I. 381)⁴⁸. Однако, в чем состояло главное отличие греков, которые владели целыми городами и областями на правах царских пожалований, от проперсидских тиранов, и почему эти «греческие династии» могли сохранять контроль над своими владениями как минимум в течение столетия, несмотря на различные пертурбации, выпавшие на долю Малой Азии в классический и эллинистический период, а век тиранов, как говорится, был относительно краток? Ответ на эти вопросы следует искать в характере личной власти, с одной стороны, обладателя «городов и земель», а с другой — греческого тирана. Первые могли обладать статусом персидского чиновника, подчинявшегося сатрапу (чаще всего их греки определяют как $\beta\lambda\alpha\sigma\chi\omicron\varsigma$), ответственного за сбор подати, не претендуя на установление тотального личного контроля над общественной жизнью в полисе.

Наиболее показателен пример Фемистокла, про которого Фуки-

⁴⁸См.: Pareti L. Per la storia di Alcune Dinastie greche dell' Asia Minore // Pareti L. Studi Minori di storia antica. Roma, 1961. Vol.2. P. 259–277; Hornblower S. 1) Mausolus. Oxford, 1982. P.; 2) Asia Minor. P. 213; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 148–150.

дид сообщает, что он «властвовал над страной» — ἥρχε τῆς χώρας (Thuc., I, 138, 5). Едва ли можно согласиться со стремлением П. Бриана и ряда других исследователей поставить под сомнение сведения о том, что Фемистокл осуществлял административные функции в отношении предоставленных царем ему городов⁴⁹. Как известно, в Магнесии-на-Меандре Фемистокл выпускал монеты от своего личного имени, что, как подчеркивает Г. Берве, не было типично для греческого тирана⁵⁰. Эмиссии монет были характерны именно для персидских сатрапов и местных династов, и афинский политик в изгнании, нашедший пристанище в Персии, вероятно представлял себя в качестве «восточного правителя», что он также подчеркивал ношением персидской одежды и восприятием персидского языка и персидских обычаев. В то же время и Ксенофонт (III. 1. 6) сообщает, что Эврисфен и Прокл — потомки Демарата, управляли (ἥρχον) городами Тевфранией и Галисарной (они едва ли также рассматривались гражданами как тираны). В отличие от них собственно тираны конца VI — начала V в. до н. э., насколько известно, не ограничивались осуществлением полномочий персидского чиновника, при котором полисы могли обладать внутренней автономией, а в свою очередь претендовали на подчинение своей воли гражданского коллектива полиса, а, кроме того, некоторые из них утвердились у власти также при прямой персидской военной поддержке (что едва ли сопровождало пожалования царем городов и земель отдельным грекам) и не прибавляло тиранам авторитета среди сограждан.

Между тем, в основе появления враждебного отношения тиранов к персам следует видеть также личностный фактор. Два известных примера враждебности тиранов к Персии представлены случаями Гистией и Аристагора — знаменитых лидеров Ионийского восстания. Причем, на примере двух милетских тиранов наглядно проявляется быстрое изменение их личного отношения к персам — от проявлений персофильства до враждебности.

Так, Гистией, по данным Геродота (V, 23–24), занятый строительством города во Фракии, получил вскоре приказ оставить Миркину, а также Милет, прибыть ко двору царя и в дальнейшем постоянно находиться в Сузах в качестве царского сотрапезника и

⁴⁹ Briant P. Dons de terres et de villes... P. 59.

⁵⁰ Берве Г. Тираны Греции. С. 219.

советника — σύσσιπτος καὶ σύμβουλος⁵¹. Сообщая о тайном письме Гистиея к Аристагору с призывами к восстанию, которое было написано на голове его слуги, Геродот замечает: «А Гистией поступил так, потому что вынужденное пребывание в Сузах было для него великим несчастьем» (Hdt., V, 35). Дело вероятно заключалось в том, что жизнь при дворе Дария I не давала Гистиею возможности в полной мере реализовать свои амбиции, которые он связывал с освоением фракийского региона. И не случайно Геродот сообщает об опасениях Мегабаза, сатрапа Даскилия (которые он сообщил царю), что Гистией, осваивая земли, богатые корабельными лесами и серебряными рудниками, может приобрести могущество и стать предводителем местных эллинов и варваров в войне против персов (Hdt., V, 23). Что касается Аристагора, сына Мольпагора, зятя и двоюродного брата тирана Гистиея⁵², то Геродот называет несколько причин для его решения поднять восстание, причем, также субъективного свойства: невозможность выполнить свое обеща-

⁵¹Возможно Гистией занимал при дворе царя такое же положение, какое занимали Гиппий, Демарат, Фемистокл и некоторые другие именитые греки (о царских сотрапезниках и советниках см.: *Wiesehüfer J. Die «Freunde» und «Wohltäter» des Grosskönigs // Studio Iranica. 1980. Bd. 9. S. 7–21*).

⁵²Официальное положение Аристагора в Милете после отъезда Гистиея весьма трудно определить. Геродот (V, 30, 106) называет Аристагора ἐπίτροπος Милета. Дж. Эванс именно так характеризует Аристагора, не употребляя по отношению к нему слова «тиран» (Evans J.A.S. *Histiaeus and Aristagoras: Notes on the Ionian Revolt // AJPh. 1963. Vol. 84. № 2. P. 117ff*). Д. Граф полагает, что Аристагор с формальной точки зрения не был тираном (Graf D. *Greek Tyrants... P. 82*). Слово ἐπίτροπος имеет значения: «управляющий», «правитель», «наместник» (*Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Стк. ἐπίτροπος*). Ср.: LSJ. s.v. ἐπίτροπος, где даются следующие основные значения этого слова: 1) one to whom the charge of anything is entrusted; steward, trustee, administrator; 2) procurator; 3) governor; viceroy; 4) executor... guardian, protector. Таким образом, слово ἐπίτροπος может предполагать, что Аристагор формально не был тираном Милета; таковым все-еще оставался Гистией. Однако, Геродот называет Аристагора и тираном Милета (V, 49, 98). Кроме того, в тексте Геродота слова ἐπίτροπος, ἐπίτροποςῶ могли применяться для обозначения или опекуна царя (I, 65, 108; IV, 76, 147; IX, 10), наместника тирана (VII, 170), персидского сатрапа, т. е. наместника Великого царя Персии (VII, 7, 62). Поэтому, терминология “отца истории” вряд ли помогает сделать вывод о точном статусе Аристагора в Милете. Гораздо более важно, что Аристагор управлял городом во время пребывания Гистиея в Сузах при дворе царя Дария и он мог быть в большей степени ἐπίτροπος, чем тиран, тем более, что Геродот говорит об упразднении им самим тирании в Милете. Впрочем, «отец истории» называет тираном Милета даже Гистия применительно ко времени Ионийского восстания (Hdt., VI, 1–2).

ние сатрапу Артаферну захватить Наксос, главным образом, ввиду противодействия его коллеги по командованию, персидского военачальника Мегабата; расходы на содержание войска, которые было нужно оплачивать, и как следствие, тяжелое состояние этого войска; опасение, что он потеряет власть в Милете ввиду его ссоры с Мегабатом (Hdt., V, 35). Понятно, что «отец истории» здесь предлагает читателю свои собственные объяснения причин, по которым оба милетских правителя решились на восстание, и, насколько эти объяснение адекватны, трудно судить с уверенностью. Однако, то, что именно личные мотивы подтолкнули Гистиея и Аристагора к восстанию против Персии, в этом не может быть сомнения. Однако, в каждом случае это могли быть разные мотивы. Гистией мог тяжело переживать крушение своих планов, а Аристагор — опасаться царской кары⁵³.

Особый пример взаимоотношений с персами показывает случай Мильтиада Младшего—тирана на Херсонесе Фракийском. Как известно, его приход к власти произошел независимо от персов. Мильтиад, сын Кимона, стал тираном после гибели своего брата Стесагора около 516 г. до н.э. (Hdt., VI, 39)⁵⁴. Вероятно, он выразил готовность подчиниться персам сразу же после перехода персидских войск в Европу еще в самом начале скифского похода Дария (ок. 514 г. до н. э.). Об этом, в частности, свидетельствует присутствие Мильтиада на военном совете малоазийских тиранов (Hdt., IV, 137).

Впоследствии Дарий наградил оказавшегося в его власти Метиха, сына Мильтиада, захваченного в плен финикийцами во время бегства его отца с Херсонеса, домом, поместьем и женой-персиянкой (Hdt., VI, 41). Это также предполагает, что персидский

⁵³ Дж. Эванс подчеркивает личные мотивы Аристагора в связи с восстанием, однако, он считает их частично эгоистическими, частично идеалистическими (partly self-interested, partly idealistic). В числе последних исследователь называет защиту Греции против Персии (sic!) со столь высокими идеалами, которые двигали Мильтидом и Фемистоклом (*Evans J. A. S. Histiaeus and Aristagoras*. P. 119–120). Э. Кивни полагает, что основным импульсом к восстанию Аристагора и Гистиея была ненависть, которую к ним испытывали высшие персидские военачальники. Именно их козни (в случае Гистиея — это Мегабат, а Аристагора — Мегабат) вынудили двух милегян занять враждебную политику по отношению к персам вообще и отложиться от Дария (*Keaveney A. The Attack on Naxos: A 'Forgotten Cause' of the Ionian Revolt // CQ. 1988. N.S. Vol. 38. N 1. P. 76–81*).

⁵⁴ О дате см.: *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History, Oxford, 1958. P. 156.*

царь мог считать самого Мильтада и его сыновей своими подданными. Однако, Мильтиад вероятно считал свое подчинение персам чистой формальностью. Во-первых, он не был связан с персидским монархом никакими личными узами, а во-вторых, чувствовал себя чужим и среди малоазийских тиранов, а, с некоторыми из них мог иметь явно враждебные отношения (например, с лампсакским тираном Гиппоклом). Эти два фактора вполне обоснованно объясняют то обстоятельство, почему Мильтиад занял сразу же открыто враждебную позицию к Дарию в событиях у моста через Истр, и ту реакцию, которую он получил со стороны Гистиея Милетского на свое предложение поддержать инициативу скифов разрушить мост, чтобы тем самым погубить персидское войско и освободить Ионию (Hdt., IV, 137). Поэтому, едва ли следует согласиться с предположением ряда современных исследователей, что Геродот говорит о враждебности Мильтиада к персам в большей мере с учетом его последующих действий, особенно, когда тот снискал славу победителя в битве при Марафоне⁵⁵. Однако, как сообщает историк (VI, 41, 104), Мильтиад покинул Херсонес Фракийский, преследуемый финикийскими кораблями, и это может быть показателем его опасений мести со стороны персов⁵⁶. Итак, несмотря на то, что взаимоотношения тиранов с персидской администрацией часто принимали характер личных связей, это не меняет сути дела: как уже говорилось, для демоса этих полисов тираны все равно должны были быть *персидскими ставленниками*.

Понятно, что пребывание тиранов у власти в малоазийских полисах не отвечало интересам широких слоев демоса, которые ранее оказывали прямое военное сопротивление персидским попыткам подчинения их городов. Приход тиранов к власти при помощи внешней военной силы, разумеется, еще более должен был способствовать их враждебному восприятию демосом как прямых персидских ставленников. Геродот описывает персидские военные акции в Малой Азии и на островах против греческих городов в про-

⁵⁵Об этом мнении см., например: *Суриков И. Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 304.

⁵⁶Б. Айзек, на мой взгляд, совершенно справедливо замечает, что «бегство Мильтиада показывает снова, что он проводил антиперсидскую политику» (*Isaac B. The Greek Settlements in Thrace Until the Macedonian Conquest.* Köln-Leiden-Boston, 1986. P. 175). Частью этой политики, как считает исследователь, были его действия на Лемносе и Имбросе вскоре после подчинения этих островов персами (об этих действиях: Hdt., VI, 137–140).

цессе приведения к власти тиранов. В частности, историк сообщает, что, хотя персидский сатрап Отан имел повеление Дария «не убивать и не продавать в рабство ни одного самосца, но отдать остров Силосонту неразоренным» (μήτε κτείνειν μηδένα Σαμίων μήτε ἀνδραποδίξεισθαι ἀπαθέα τε. κακῶν ἀποδοῦναι τὴν νῆσον Συλοσῶντι), тем не менее, в ответ на нападение на персов самосских наёмников, совершил жестокое избиение граждан полиса. По словам Геродота, Отан приказал войску убивать всех, кто попадется, взрослых и детей (ὁ δὲ παρήγγειλε τῇ στρατιῇ πάντα ἄν λάβωσι, καὶ ἄνδρα καὶ παῖδα). Часть персов принялась осаждать крепость, а другая — убивала всех встречных, кто искал убежище в святилище и вне его» (οἱ ἔκτεινον πάντα τὸν ἐμποδῶν γινόμενον, ὁμοίως ἐν τε ἱερῷ καὶ ἔξω ἱεροῦ) (Hdt., III, 147). В отношении завоевания Лемноса, которое также предпринял Отан, назначенный преемником Мегабаза в управлении Даскилейской сатрапией, Геродот (V, 27) замечает: «Лемносцы хорошо сражались, но обороняясь, они затем были уничтожены» (οἱ μὲν δὴ Λήμνιοι καὶ ἐμαχέσαντο εὖ καὶ ἀμυνόμενοι ἀνὰ χρόνον ἐκαχώθησαν); примечательно здесь употребление глагола κακῶς со значениями «уничтожать, обижать, притеснять». После сообщения об утверждении Ликарета у власти, историк продолжает свой рассказ о судьбе греков, покоренных Отаном: «Причина же была следующая: всех он продавал в рабство и покорял (πάντας ἤδραποδίξετο καὶ κατεστρέφετο), одних обвинив в уклонении от похода против скифов, а других в том, что они нападали на войско Дария при его возвращении назад». Геродот, как уже было замечено, непосредственно в речи Гистиея подчеркивает противоречие между властью тирана, опиравшегося на персидскую поддержку, и демоса (Hdt., IV, 137). Это противоречие подтверждается и приводимым «отцом истории» фактом, что накануне Ионийского восстания против Персии в 500 г. милетский правитель Аристагор демонстративно упразднил тиранию в Милете, учредив за место нее тот политический строй, который Геродот называет исономией (Hdt., V, 35). Он также содействовал гражданам других полисов в смещении своих собственных тиранических режимов⁵⁷. Эта его

⁵⁷По словам Геродота (V, 37), Аристагор в Ионии одних тиранов изгнал, а других выдал тем городам, чтобы снискать их расположение, откуда тираны были родом. В частности, он передал митиленцам захваченного по его приказу их тирана Коя, которого те вывели за городские ворота и побили камнями; кимейцы отпустили своего тирана, также поступило и большинство других го-

тираноборческая политика, как признает Геродот (V, 37–38), была направлена на привлечение массы демоса к восстанию против персов⁵⁸. Таким образом, отмеченные факты доказывают правоту тех исследователей, которые традиционно видели отличие проперсидских тираний конца VI — начала V в. до н. э. от тираний, которые возникали в результате социально-политической борьбы в большинстве греческих полисов архаического периода от Южной Италии и Сицилии до Малой Азии. После же разгрома Ионийского восстания в 494 г. персидские сатрапы, как представляется, восстанавливали тиранов, устраненных от власти Аристагором. Эти тираны находили убежище у персов и даже участвовали в составе персидского войска в походе против Милета (Hdt., VI, 9). Известно, что была восстановлена тирания Эака, сына Силосонта, на Самосе (Hdt., VI, 13–14, 25). Тот факт, что тираны искали спасение у персов может доказывать, что они в большинстве своем не стали враждебны Персии даже в период Ионийского восстания 500/499 — 494 гг. до н. э., и позиция Гистиея и Аристагора, таким образом, в некотором роде исключение, а не правило.

О судьбе тиранических режимов Малой Азии после поражения Ионийского восстания дает важную информацию Геродот в связи с рассказом о реформе Мардония, сына Гобрива в 493/2 г. Отец истории сообщает: «Мардоний между тем плыл вдоль побережья Азии и достиг Ионии. Здесь то и произошло нечно такое, что я назову самым поразительным событием для тех эллинов, которые не желали верить, будто Отан предложил самим персам ввести демократию в Персии. И действительно, Мардоний низложил всех

родов (Hdt., V, 38). Дж. Эванс полагает, что Аристагор упразднил не столько свою тиранию, сколько тиранию своего тестя Гистиея, поскольку сам в то время был все-еще его представителем. Также, по мнению исследователя, милетяне восстали не только против Персии, но и против своего тирана Гистиея (*Evans J. A. S. Histiaeus and Aristagoras*. P. 120–121). Эти два замечания можно прокомментировать следующим образом. В Милете могло быть официально сразу два тирана — Гистией и Аристагор; в том, что Аристагор не был тираном, как уже говорилось, нельзя твердо быть уверенным. Поэтому, существует возможность, что Аристагор сложил с самого себя власть тирана с тем, чтобы занять не менее важное положение предводителя восстания.

⁵⁸Впрочем, Аристагор избегал тех мер, которые не только не были популярными, но могли привести к его отторжению демосом. В частности, вероятно по этим основаниям, он отклонил предложение Гекатея Милетского взять на военные нужды посвященные дары Креза из святилища Аполлона в Бранхидах (Hdt., V, 36) (*Evans J. A. S. Histiaeus and Aristagoras*. P. 120).

ионийских тиранов и установил в городах демократическое правление (τοὺς γὰρ τυράννους τῶν Ἰώνων κατατεύσας πάντας ὁ Μαρδόνιος, δημοκρατίας κατίστα ἐς τὰς πόλεις)» (Hdt., VI, 43). Исследователи обычно принимают это сообщение Геродота, хотя и не обходятся без дополнительных комментариев. По мнению У.Хау и Дж.Уэллса, Геродот преувеличивает и неверно представляет действия Мардония: об этом говорит факт продолжающегося существования тиранов в ряде городов под персидской властью. Установление же демократий, по мнению авторов комментариев к труду «отца истории», может означать не более, чем восстановление местных свобод, приписываемых Диодором Артаферну⁵⁹. Сами же действия Мардония, как считают У. Хау и Дж. Уэллс, продиктованы более недоверием к тирании, чем предпочтением к демократиям⁶⁰. А. Берн ограничивается следующим комментарием к этому сообщению Геродота: «Заявление явно не относится к каждому ионийскому городу в империи»⁶¹. По мнению З. Арчибальд, введение более представительных форм управления в Ионии посредством вмешательства Артаферна и Мардония преследовали цель отделить большое количество греческих граждан от тех аристократических лидеров и семейств, которые довольно цинично подталкивали их к восстанию⁶². Вообще, следует заметить, что в историографии преобладает точка зрения, что действия персов по устранению тиранов были продиктованы сомнениями в их надежности после свершившегося факта Ионийского восстания. Однако, как я стремился показать, политика Гистиея и Аристагора была скорее исключением из общей тенденции, а далеко не правилом. В основном тираны оставались на стороне персов.

⁵⁹ Согласно Диодору, Артаферн установил законы для городов и определил подати по возможностям каждого (ὁ Ἀρταφέρνης ἀπέδωκε τοὺς νόμους ταῖς πόλεσι καὶ τάχτους φόρους κατὰ δύνασιν ἐπέταξεν) (Diod., X, 25, 4). Однако, Геродот (VI, 42) сообщает, что Артаферн приказал прислать к нему вестников от ионийских городов и заставил их заключить между собой договоры: споры должны решаться впредь мирным путем, грабить и разорять друг друга городам было запрещено. Затем сатрап приказал произвести обмер их земли парасангами и назначил каждому городу подать, которая почти не превышала размер прежних податей, уплачиваемых ионийскими городами. Эти меры, по замечанию «отца истории» принесли мир Ионии.

⁶⁰ How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Oxford, 1912. Vol.1. ad. VI, 43.

⁶¹ Burn A. R. Persia and the Greeks: The Defence of the West. L., 1962. P. 222.

⁶² Archibald Z. H. The Odrysian Kingdom of Thrace. P. 81.

Таким образом, необычность всей ситуации в отношении реформы Мардония заключается в том, что персидский военачальник должен был устранить тех самых тиранов, которые пришли к власти при помощи персов год или два ранее, после поражения Ионийского восстания и, более того, к самому восстанию бывших неприсяжными и в некотором роде его жертвами. И если все же допустить, что Мардоний действительно устранил тиранов в греческих городах Ионии, поступил ли он таким же образом по отношению к полисам, например, Эолиды или Троады⁶³. При этом, все равно остается неразрешенным вопрос о том, в чем была причина «конституционной» реформы Мардония. С одной стороны, описание событий великого похода Ксеркса против Греции Геродотом показывает, что в ряде ионийских островных полисов Малой Азии продолжали править тираны и в 480–479 гг. до н. э. Так, например, в 480 г. на Хиосе все-еще правил прежний тиран Стратис (Hdt., VIII, 132); на Самосе в то же самое время тираном был назначен Феоместор, сын Андродоманта (Hdt., IX, 90), который не был прямым потомком Эака, сына Силосонта⁶⁴. Сведения Геродота предполагают, что при Ксерксе некоторые греческие полисы находились под управлением не тиранов, но уже персидских наместников. Здесь следует назвать пример эолийской Кимы, где в 480 г. правит перс Сандок, сын Фамасия в качестве ὑπαρχος (Hdt., VII, 194). С учетом этих данных можно высказать предположение, что сущность реформы Мардония заключалась в том, что под прикрытием восстановления полисного самоуправления, могла произойти смена власти в городах Ионии и Эолиды: окончательная замена через определенное время прежних тиранов, хотя и лояльных персам, прямыми персидским ставленниками.

⁶³М. Ф. Высокий считает, что реформа Мардония затронула и карийские города; в частности, он считает, что в этих условиях в изгнание в Сицилию вынужден был отправиться косский тиран Кадм, сын Скифа, который, как полагает исследователь, пришел к власти при персидской поддержке после разгрома Ионийского восстания (*Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху*. СПб., 2004. С. 293). В отношении такой интерпретации событий следует сделать принципиальное возражение. Геродот непосредственно заявляет, что Кадм добровольно передал власть в полисе косскому народу. Надо думать, что если бы в событиях в связи с Кадмом оказались замешены персы, то Геродот не пренебрег бы упомянуть об этом.

⁶⁴Г. Шипли полагает, что прежний самосский тиран Эак умер своей смертью, а не был низложен Мардонием (*Shipley G. A History of Samos 800–188 BC*. Oxford, 1987. P. 108).

Смещение же тиранов, в свою очередь, также было одним из мер, для того, чтобы окончательно подавить последние очаги восстания и устранить недовольство в греческих городах Малой Азии как персидской политикой террора, так и собственными тиранами⁶⁵. Между тем, кажется довольно примечательным, что Геродот не говорит ни о методах смещения Мардоном тиранов Ионии, ни об их дальнейшей судьбе. Поэтому, следует предположить, что ради сохранения стабильной ситуации в регионе и лояльности местной греческой аристократии к персам, смещение тиранов произошло отнюдь не насильственно. Вероятно, Мардоний уготовил тиранам, так сказать, «почетную отставку». В этом убеждает глагол, примененный «отцом истории» в своем сообщении о реформе Мардония — *καταλαύειν*. В своем обычном употреблении у Геродота этот глагол обозначает «прекращение деятельности» или же «смещение с должности», а не насильственное свержение, которое более часто выражает глагол *καταλαμβάνειν*. Так что бывшие тираны могли, по примеру Гистиея Милетского, отправиться в Сузы, чтобы там занять престижное положение при дворе, а возможно получить новые назначения.

Падение режимов проперсидских тиранов в первой половине V в. до н.э. так или иначе связано с теми наступательными действиями против Персии, которые вели греки в рамках Эллинского союза, а затем и Делосской симмахии в 479–450 гг. до н. э. Новое возрождение поддерживаемых персами тираний можно с уверенностью отнести даже не к концу V в. до н.э. когда на заключительном этапе Пелопоннесской войны распад Афинской державы и политика Спарты дали возможность персам начать укрепление собственного контроля над греческими полисами Малой Азии, периодом после Анталкидова мира 387/6 г. до н. э., когда эти города перешли под власть Персии

Итак, подведем некоторые итоги. Рассмотрение взаимоотношения греческих тиранов и персов позволяет прийти к следующим основным выводам. Во-первых, возникновение тираний во второй половине VI — начале V в. до н. э. несомненно связано с персидской политикой. Имеющийся в нашем распоряжении материал дает еди-

⁶⁵Вероятно Артаферн и Мардоний в полной мере осознали такие настроения эллинов. Геродот (VI, 5) сообщает, что после гибели Аристагора, сами милезяне присекли попытку их тирана Гистиея вернуться в город, так как не желали принимать к себе в страну другого тирана, ибо уже вкусили блага свободы.

ничные примеры приемственности доперсидских греческих тираний с тираниями при персах. Напротив, мы имеем довольно много примеров того, что тираны в действительности были персидскими ставленниками. Во-вторых, мнение ряда исследователей о личностном характере взаимоотношений тиранов и царя Персии, разумеется, находит полное подтверждение в источниках. Для персидского царя греки были такими же подданными, как например, представители восточных народов. Соответственно на греков также распространялись все обычаи, присущие взаимоотношениям подданных и царя в Персидской державе, в том числе, и обычаи дарообмена. Таким образом, предоставление грекам «тираний» в ряде случаев (хотя все еще оставались возможны и прямые назначения) были «даром» царя за оказанные услуги и преданность. Это была та разновидность «царского дара», к получению которого, несомненно, должны были стремиться многие греки, находящиеся при дворе или контактирующие с царем.

Коллегия эфетов в архаических Афинах

Известно, что в классических Афинах судебная власть была распределена между множеством учреждений, каждое из которых имело строго определённые судебные полномочия.¹ Характер деятельности этих учреждений в классический период в значительной своей части может быть восстановлен по имеющимся источникам.

Гораздо сложнее проследить процесс зарождения и становления афинской судебной системы, происходивший в эпоху архаики. Немногочисленные и порой противоречащие друг другу источники позволяют делать лишь очень осторожные предположения, ограничиваясь по большей части гипотетическими построениями. И тем не менее обращение к раннему этапу формирования в Афинах судебной ветви власти представляется необходимым для понимания ряда особенностей афинского судопроизводства, поскольку уже на этом этапе, а именно — к концу VII до н. э., проявились некоторые тенденции, получившие затем развитие в VI–V вв. до н. э.

В этой связи обращает на себя внимание коллегия эфетов — институт, в самом факте создания которого, равно как и в дальнейшей его эволюции, находят отражение некоторые характерные черты афинского правосудия и правосознания. В настоящей работе мы обратимся к начальному периоду деятельности эфетов, вызывающему наиболее значительные разногласия среди учёных. Эти разногласия касаются прежде всего вопросов о времени появления коллегии эфетов, а также о характере их деятельности и объёме полномочий до проведения реформ Солона. Между тем, от того или иного решения этих вопросов во многом зависит и общая реконструкция Афинского государства в досолоновский период.

Для суждения о коллегии эфетов мы располагаем немногочисленными источниками, которые дают нам, по большей части, сведения об эфетах конца классического периода. Это, прежде всего,

¹Подробнее об устройстве судебной власти в Афинах см., напр.: *Bonner R. J., Smith G. Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. I-II. Chicago, 1930–1938; Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution to the end of the V century B. C. Oxford, 1952; Harrison A. R. W. The Law of Athens. Vol. I–II. Oxford, 1968–1971; Sealey R. The Athenian Courts for Homicide // Classical Philology. Vol. 78. № 4. Oct., 1983. P. 275 ff.*

«Афинская полития» Аристотеля, где содержится достаточно подробный очерк о судебной деятельности эфетов в IV в. до н. э. (Arist. Athen. Polit., 57, 2–4). В речах Демосфена, в особенности в известной речи против Аристократа (Demosth., XXIII, 22–99) даётся обширная информация об афинском законодательстве и судопроизводстве по делам об убийствах, определяющая место эфетов в этих процессах. Из более поздних источников для нас особенно важно свидетельство Плутарха об афинском суде до Солона (оно содержится в цитируемом им законе об амнистии — Plut. Sol., 18), а также сведения Поллукса (Pollux., VIII, 118–120) о коллегии эфетов, почерпнутые, по-видимому, из разновременных источников.

Помимо литературных источников, большое значение для решения интересующих нас вопросов имеет известная надпись 409/8 г. до н. э., воспроизводящая закон Драконта об убийстве (IG. I. № 115 = ML. № 86).² Содержащиеся в надписи сведения о деятельности эфетов дают нам представление о полномочиях этого органа в классический период. Вместе с тем, поскольку законы об убийстве со времён Драконта не претерпели значительных изменений,³ надпись чрезвычайно важна для реконструкции судебной системы Афин в конце VII в. до н. э., и в том числе — для определения места эфетов в этой системе.

Но прежде чем мы обратимся к этому времени, необходимо, используя данные названных выше источников, представить в общих чертах функции эфетов в период классики.

Очевидно, что в эпоху Аристотеля и Демосфена коллегия эфетов занимала не самое заметное место в судебной системе Афин. Дела, связанные с убийствами, в это время рассматривались в пяти судебных инстанциях. Наиболее тяжкие преступления были под-

²Текст надписи неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. См, напр.: *Шушова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 56 сл.; *Ruschenbusch E.* ΦΟΝΟΣ Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden athenischen Staates // *Historia*. 1960. Bd. IX. H. 2. S. 129 ff.; *Stroud R. S.* 1) *Drakon's Law on Homicide*. Berkeley; Los Angeles, 1968; 2) *The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon*. Berkeley; Los Angeles, 1979; *Gagarin M.* *Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Heaven, 1981; *Gallia A. B.* *The Republication of Drako's Law on Homicide* // *Classical Quarterly*. Vol. 54.2. 2004. P. 451 ff.

³Обзор дискуссии по вопросу о соответствии надписи 409/8 г. до н. э. первоначальному закону Драконта об убийстве см.: *Gagarin M.* *Early Greek Law*. Berkeley; Los Angeles; London, 1986. P. 86.

судны Ареопагу, а именно: предумышленные убийства, нанесение ран и увечий с целью лишения жизни (т. е. покушение на убийство), поджоги и отравления, приведшие к гибели людей (Arist. Athen. Polit., 57; Dem., XXIII, 22; Pollux., VIII, 117).

На долю эфетов приходились дела менее значительные с точки зрения интересов общественной безопасности. Судебные заседания этой коллегии могли происходить в разных местах, в зависимости от того, какого рода дело подлежало рассмотрению.

Суд эфетов при храме Афины Паллады (ἐπὶ Παλλάδιῳ) рассматривал дела, связанные с непредумышленным убийством, с подстрекательством к убийству гражданина Афин, а также с убийством раба, метека или чужестранца.

При храме Аполлона Дельфиния (ἐπὶ Δελφινίῳ) эфеты судили тех, кто совершал так называемое дозволенное убийство, т. е.: убийство при самозащите, убийство преступника (вора или прелюбодее), застигнутого на месте преступления, случайное убийство соперника во время состязаний или сотоварища во время сражения.

Судебные заседания эфетов могли происходить также на морском берегу в Пирее (в местности Фреатто). Здесь происходил суд над людьми, изгнанными из Аттики за совершение убийства и совершившими после этого новое убийство.

Наконец, к рассмотрению дел об убийстве была причастна ещё одна судебная палата, заседавшая у Пританея (ἐπὶ Πρυτανείῳ). Сюда поступали дела особого рода, связанные с убийством, причинённым неодошевлённым предметом или животным, а также те случаи, когда убийца был неизвестен. Решение в Пританее выносили архонт-басилей и четыре филобасилея.⁴ Суд царей в Пританее был, по-видимому, одним из древнейших судилищ Аттики. Как многие древние учреждения, к IV в. до н. э. он подвергся значительной реорганизации с сокращением первоначальных функций до наименее значимых.

Обратившись вновь к трём судебным палатам эфетов, мы вправе задать себе вопрос — в какой степени коснулась их эта общая для Афин тенденция? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к источникам, проливающим свет на дея-

⁴Busolt G. Griechische Staatskunde. 3-te Aufl. 2-te Hälfte. Bearb. von H. Swo-boda. München, 1972 (Nachdruck). S. 793; Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution ... P. 76; Ruschenbusch E. ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons... S. 133; Sealey R. The Athenian Courts ... P. 275.

тельность эфетов в ранний период существования этого судебного органа.

В VIII книге «Ономастикона» Поллукса, содержащей сведения об афинских судах, даётся, казалось бы, прямой ответ на вопрос о времени учреждения суда эфетов. В начальной части свидетельства Поллукса читаем следующее (Pollux., VIII, 125): «ἐφέται τὸν μὲν ἄριθμὸν εἰς καὶ πεντήκοντα, Δράκων δ' αὐτοὺς κατέστησεν ἀριστίνδην αἰρεθέντας» («Эфетов в количестве пятидесяти одного, избираемых из знати, учредил Драконт»). Хронологическое указание Поллукса вызвало, однако, сомнение у некоторых учёных, доказывавших, что должность эфетов появилась в Афинах ещё до Драконта.

Так, Г. Бузольт, вслед за И. Миллером, высказывает сомнение в достоверности сообщения Поллукса, считая, что оно основано на неверном толковании текста Демосфена.⁵ В речи против Аристократа (Dem., XXIII, 65–77) оратор цитирует закон Драконта об убийстве и говорит, в частности, об избрании эфетами десяти членов фратрии из числа наиболее знатных (ἀριστίνδην) для процедуры примирения преступника с родственниками жертвы. Скорее всего, однако, в данном случае мы имеем дело с незначительным лексическим совпадением, которое едва ли следует понимать как свидетельство заимствования текста. Зависимость Поллукса от Демосфена — лишь предположение, прямых свидетельств в пользу которого не имеется. Кроме того, следует принять во внимание, что в эпоху Драконта все общественно значимые функции возлагались на людей аристократического происхождения, поэтому избрание из числа знати в одном случае эфетов, в другом — примирителей из членов фратрии, не могут быть отнесены на счёт заимствования. В таком случае нет оснований подвергать сомнению и ту часть пассажа Поллукса, где он говорит об учреждении Драконтом коллегии эфетов.

Довольно шатким представляется и другой аргумент, нередко выдвигаемый в пользу рассматриваемой точки зрения.⁶ Суть его состоит в том, что в надписи с текстом закона об убийстве эфеты упоминаются как уже существующая коллегия, поскольку закон не содержит специальных положений о создании нового судебного

⁵ Miller J. Ephetai (ἐφέται) // RE. Bd. V. 1905. Sp. 2824–2826; Busolt G. Griechische Staatskunde. S. 803.

⁶ Busolt G. Griechische Staatskunde. S. 803; Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution... P. 310.

института. Но, наверное, мы и не должны ожидать предписаний такого рода от закона, регулирующего конкретную область уголовного права — непредумышленные убийства. Учреждение коллегии с судебными функциями относится к иной сфере деятельности законодателя — реформе судопроизводства, положения которой должны были определяться специальным законодательным актом, а не входить в качестве составной части в издаваемые законодателем законы. Следовательно, их отсутствие в законе об убийстве не может служить подтверждением тезиса об использовании Драконтом уже существующего судебного института.

Не менее сомнительной представляется нам и высказывавшаяся некогда мысль о том, что эфеты составляли древний аристократический совет Афин, преобразованный Драконтом в судебную коллегию.⁷ При нынешнем состоянии источников эта точка зрения является недоказуемой.

Гораздо более убедительной представляется позиция той группы учёных, которые связывают появление коллегии эфетов с законодательной деятельностью Драконта.⁸ Безусловно, при решении данного вопроса следует исходить из того, что наиболее раннее упоминание об эфетах встречается именно в законе Драконта, и этот факт, подкреплённый недвусмысленным заявлением Поллукса, следует признать решающим.

Возникает, однако, вопрос — с какой целью афинский законодатель создал новую судебную коллегию? Ведь судопроизводство осуществлялось в Афинах и до 620 г. до н. э., а следовательно, существовали и необходимые судебные институты. С этим вопросом тесно связан другой — каков был объём полномочий коллегии эфетов при Драконте? Насколько он сопоставим с теми функциями, которые эта коллегия выполняла в IV в. до н. э.?

Надпись 409/8 г. до н. э., дополняемая цитатами из законов Драконта, сохранившимися в речах Демосфена, позволяет частично восстановить характер полномочий эфетов в делах об убийстве.⁹

⁷ См.: *Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution...* P. 309.

⁸ *Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy.* Berkeley; Los Angeles, 1962. P. 164; *Ruschenbusch E. ΦΟΝΟΣ Zum Recht Drakons...* S. 153; *Sealey R. The Athenian Courts...* P. 291.

⁹ В настоящее время имеется несколько реконструкций надписи, которые различаются в деталях, не затрагивающих исследуемого нами вопроса. Ср., напр.: *Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide.* P. 31 ff.; *Gagarin M. 1) Drakon and Early Athenian Homicide Law.* P. XVI–XVII; 2) *Early Greek Law.* P. 87 f.

Помимо эфетов, надпись называет также царей как особую судебную корпорацию, имеющую юрисдикцию в делах об убийстве. В состав этой корпорации входили, как уже отмечалось ранее, архонт-царь и четыре филобасилея, судебные полномочия которых восходили, надо полагать, к древнейшим временам. Обязанности царей законодатель обозначает глаголом $\delta\iota\alpha\acute{\alpha}\zeta\epsilon\upsilon\upsilon$, в то время как функции эфетов во всех случаях определяются глаголом $\delta\iota\alpha\gamma\upsilon\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\chi\epsilon\upsilon\upsilon$ (стк. 12–13). В позднейшем словоупотреблении оба глагола в соответствующем контексте могли использоваться практически в одинаковом значении — «судить, выносить решение по делу», однако во времена Драконта, скорее всего, существовало определённое различие в их значении, а значит, и в функциях царей и эфетов. Это с достаточной очевидностью вытекает из нашей надписи.

Эфетам закон вменяет в обязанность принятие решения по принципиальному вопросу о наличии умысла в действиях убийцы — этим, видимо, предопределялся весь дальнейший ход процесса (стк. 16–17: $\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\iota\ \delta\grave{\epsilon}\ \lambda\epsilon\nu\tau\acute{\eta}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \omicron\iota\ \epsilon\phi\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota\ \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\ \chi\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$). Эфеты выбирают десятерых членов фратрии для участия в процедуре прощения убийцы (стк. 18–19: $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\grave{\epsilon}\ \omicron\iota\ \lambda\epsilon\nu\tau\acute{\eta}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\nu\delta\eta\nu\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\acute{\iota}\sigma\theta\omega\nu$). Они же выносят решение в случае убийства человека, обвиняемого в убийстве, т. е. в случае рецидива кровной мести (стк. 29: $\delta\iota\alpha\gamma\upsilon\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\chi\epsilon\upsilon\upsilon\ \delta\grave{\epsilon}\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \epsilon\phi\acute{\epsilon}\tau\alpha\varsigma$). В последнем случае следовало, видимо, оценить, выполнял ли убитый налагавшиеся на него до суда ограничения — не посещать агору, не участвовать в состязаниях и т. п.¹⁰ Решение эфетов по этому вопросу определяло, по-видимому, возможность привлечения мстителя к суду по закону об убийстве.

Всё вышеперечисленное относится к первому аксону, за которым, по восстановлению Р. Страуда, следовал второй (стк. 56). Это позволяет предположить, что в несохранившихся частях надписи (а общее количество аксонов нам неизвестно) были перечислены и другие обязанности эфетов. Но даже на основе сохранившейся информации можно составить общее представление о круге их должностных обязанностей. Прежде всего, становится очевидно, что деятельность эфетов не ограничивалась участием в судебном заседании, но включала также и досудебные действия, суть которых

¹⁰ Введение ограничений, перечисленных в законе, заставляет предположить, что человек, объявленный убийцей, фактически подвергался атимии, и при этом мог до суда находиться на свободе.

хорошо увязывается с основным значением глагола γίγνωσθω (δι-αγίγνωσθω) — узнавать, раз узнавать, определять.

Задача эфетов на этом этапе заключалась, как видно из вышеизложенного, в выяснении обстоятельств дела и оценке доказательств, что должно было дать суду основания для вынесения приговора.¹¹ Необходимость указанных действий возникла, надо полагать, в связи с введением таких категорий, как предумышленное, непредумышленное и дозволенное убийство, что требовало создания гарантий правильной квалификации каждого конкретного случая. Ко времени Драконта, по-видимому, уже доказал свою неэффективность практиковавшийся ранее критерий оценки доказательств — клятва обвиняемого. В новых условиях гораздо более надёжным инструментом получения объективной информации по делу мог стать специальный коллегияльный орган, члены которого, исходя из своего жизненного опыта, давали бы оценку ситуации. Такова, по-видимому, одна из возможных причин создания Драконтом коллегии эфетов. Обращает на себя внимание большой численный состав коллегии (51 человек), что засвидетельствовано надписью и литературными источниками,¹² а также возраст её членов — по сведениям лексикографов, эфетов избирали из людей старше пятидесяти лет (Phot., Suid., Etym. M., s.v. ἐφέται). Оба фактора должны были, видимо, обеспечить максимальную объективность и компетентность при рассмотрении дела.

Таким образом, при Драконте впервые в истории Афин судопроизводство как бы разделилось на два этапа: досудебная фаза сбора и оценки доказательств и собственно судебное заседание, в котором, кроме эфетов, принимали участие архонт-царь и филобасилей (итого 56 человек).

Закон Драконта об убийстве, дошедший до нас в виде надписи, касается, как известно, только непредумышленных убийств (стк. 10).¹³ Между тем можно полагать, что полномочия эфетов во времена Драконта распространялись и на предумышленные убийства,

¹¹Ср.: *Ruschenbusch E.* ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons... S. 153.

¹²С чем связана численность эфетов, невозможно сказать с уверенностью. В своё время по этому вопросу высказывались разные точки зрения, но все они малоубедительны. См.: *Miller J.* Ephetai (ἐφέται). Sp. 2824; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. S. 804.

¹³Мы не затрагиваем здесь вызвавшего дискуссию вопроса о том, был ли в первоначальном варианте законов Драконта закон о предумышленных убийствах.

т. е. на ту сферу уголовного права, которая позднее отошла в ведение Ареопага. Рассмотрим некоторые данные, которые говорят в пользу этого предположения.

Плутарх в биографии Солона цитирует закон об амнистии, в котором перечислены судебные органы, действовавшие до Солона, и указана область их компетенции. Закон предусматривает восстановление гражданских прав для тех, кто был лишён их до архонства Солона «за исключением лиц, которые были осуждены Ареопагом, эфетами, или в Пританее царями, за убийство, участие в массовых кровопролитиях или за стремление к тирании, и находились в изгнании во время издания этого закона» (Plut. Sol., 19). В аутентичности закона об амнистии трудно усомниться (Плутарх даже точно указывает, что это восьмой закон, записанный на 13-м аксоне!). В связи с исследуемым вопросом мы остановим своё внимание лишь на некоторых моментах. Закон об амнистии, как уже не раз отмечалось, раскрывает перед нами структуру судебной власти досолоновских Афин. При этом, как верно заметил Э. Рушенбуш, закон разделяет судебные органы на две группы с помощью относительного местоимения ὅσοι: «ὅσοι ἔξ Ἀρείου πάγου ἢ ὅσοι ἐκ τῶν ἐφετῶν ἢ ἐκ πρυτανείου καταδικασθέντες ὑπὸ τῶν βασιλέων». Точно также дважды повторяемый предлог ἐπὶ подразделяет на две категории названные в законе правонарушения: «ἐπὶ φόβῳ ἢ σφαγῶσι ἢ ἐπὶ τυραννίδι».¹⁴ Убийство и массовые кровопролития, таким образом, отнесены к одной категории преступлений, стремление к тирании — к другой. Остаётся решить, каким из названных в законе судебных органов были подсудны дела той и другой категории. Принимая во внимание закон Драконта, который связывает дела об убийстве с эфетами и царями, следует, видимо, аналогичным образом решать вопрос и относительно закона об амнистии. В таком случае можно заключить, что во времена Драконта эфетам и царям были подсудны дела об убийствах и массовых кровопролитиях, а Ареопагу — дела, связанные с попыткой установления тирании, то есть преступления, затрагивающие основы государственной власти.¹⁵ Как нам представляется, σφαγαί, обычно понимаемые как

¹⁴Ruschenbusch E. ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons... S. 134.

¹⁵Ср.: Ruschenbusch E. ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons... S. 135; Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution... P. 90; Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, Los Angeles, London, 1986. P. 7, 9.

массовые убийства во время смут, едва ли могли быть квалифицированы как непредумышленные убийства. Включение этого вида преступлений в сферу компетенции эфетов (вкуче с царями) можно рассматривать как свидетельство широких полномочий коллегии эфетов в делах, связанных с убийствами.

В этой связи интересным представляется наблюдение Р. Сили, который обратил внимание на то, что в IV в. до н. э. один из судов эфетов, а именно суд, судивший во Фреатто, имел расширенные полномочия. Здесь суду эфетов подлежали люди, изгнанные из Аттики за совершение убийства и совершившие новое убийство, вне зависимости от того, было ли оно умышленным или непредумышленным. Р. Сили объясняет это тем, что суд эфетов во Фреатто сохранил черты древнего полновластного суда эфетов¹⁶, и в свете приведённых выше данных это мнение кажется достаточно убедительным.

Возможно, в пользу данного предположения говорит и высказывание Поллукса, объясняемое обычно ошибкой или неверной интерпретацией источника, которым он пользовался. Говоря об эфетах, Поллукс, вслед за цитированной выше фразой, заявляет: «Они судили преследуемых за убийство в пяти судебных палатах» (Pollux., VIII, 125). Скорее всего, здесь имеет место несколько искажённая в поздней передаче информация о том, что во времена Драконта эфеты были наделены судебными полномочиями примерно в том объёме, которым обладали пять судов по делам об убийствах в IV в. до н. э.

В заключение вернёмся к вопросу о значении нового судебного института, введённого Драконтом. Афинский законодатель провёл судебную реформу, во многом предопределившую дальнейшее развитие афинского правосудия. Суть реформы заключалась в изменении структуры судебной власти, сложившейся в древнейшие времена, когда суд вершили базилеи с их ближайшим окружением, составлявшим совет знати. В несколько трансформированном виде эта структура, пришедшая из глубины веков, дожила до времени Драконта (воплощением её можно считать суд «царей» и Ареопага). Коллегия эфетов явилась принципиально новым судебным органом, с появлением которого была решена задача получения более надёжной доказательной базы для вынесения судебных решений.

¹⁶ *Sealey R. The Athenian Courts ... P. 286.*

Создав новый институт судебной власти, представленный большим количеством выборных судей, Драконг тем самым проложил дорогу для дальнейших новаций в сфере суда, которые не замедлили явиться спустя сравнительно недолгое время (мы имеем в виду гелию Солона). Таким образом, проведённая в конце VII в. до н. э. реформа, изменившая структуру судебной власти в Афинах, положила начало созданию довольно сложной и громоздкой судебной системы классического периода.

Мильтиад Младший — военачальник: Марафонская битва и Паросская экспедиция

Мильтиад Младший, сын Кимона Коалема, предводитель афинян при Марафоне, принадлежал к роду Филаидов, одному из самых знатных родов в архаических Афинах.

Он был назван по имени своего дяди, Мильтиада Старшего, который не пожелал оставаться в Афинах под властью Писистрата и, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, основал поселение афинян на Херсонесе Фракийском, став там единоличным правителем¹. Позднее, окло 516 г. до н. э., после смерти Мильтиада Старшего и Стесагора, Мильтиад Младший сам стал править Херсонесом Фракийским (Her., VI, 39). Там, по свидетельству Геродота, он вел себя как тиран: брал заложников, содержал наемников, женился на дочери фракийского царя, от брака с которой родился Кимон, будущий афинский политик (ibid.). Во время правления Херсонесом Мильтиад захватил о.Лемнос (Her., VI, 140), а также участвовал в походе Дария против скифов и вместе с другими греческими правителями Малой Азии охранял мост через Дунай (Her., IV, 97–98). Когда истекли дни, установленные Дарием для ожидания, и скифы посоветовали ионянам разрушить мост, бросив Дария на произвол судьбы, Мильтиад подал совет послушаться скифов и освободить Ионию (Her., IV, 136–137), что, впрочем, не нашло поддержки у большинства греческих тиранов.

В 493 г. Мильтиад был вынужден оставить Херсонес и возвратиться в Афины, так как приближался финикийский флот, посланный с карательными целями Дарием для наказания городов, принявших участие в Ионийском восстании. Говоря о Мильтиаде Младшем до его возвращения в Афины, мы должны отметить, что уже в начале своего политического пути он проявил себя гибким политиком, умеющим пользоваться обстоятельствами текущего момента. Так, он занимал пост архонта во время правления Писистратидов

¹Подробнее о Мильтиаде Старшем см.: Владимирская О. Ю. Мильтиад Старший — ойкист: к вопросу о взаимоотношении аристократов и тиранов // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб, 2002. С. 33–42.

в 524/23 г. до н. э. (Dion. Hal., VII, 3)², но, как только представился удобный случай, покинул свой полис и продолжил укрепление владений Филаидов на Херсонесе Фракийском, предпочтя не быть под властью тиранов, даже дружественно к нему настроенных. По отношению же к варварам он сам проявил себя жестким политиком, и афиняне в какой-то степени справедливо обвиняли его потом в тирании. Однако в условиях единоличного правления смогли развиться и те его качества, которые впоследствии помогли ему выиграть Марафонскую битву: самостоятельность, решительность, умение трезво оценить ситуацию и извлечь из нее максимум пользы. Позднее стечение обстоятельств и критическая ситуация, в которую попала вся Греция, поставили Мильтиада во главе афинской политической жизни, где он смог полностью проявить свой талант полководца.

По возвращении в Афины Мильтиада привлекли к суду по обвинению в тирании на Херсонесе, но он был оправдан и, по-видимому, смог приобрести влияние в родном полисе (Her., VI, 104).

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение истории войны и самой Марафонской битвы³, мы остановимся в основном на роли Мильтиада. Как отмечали еще Ю. Белох и Р. Пельман, главной его заслугой было то, что афиняне встретили врага не за стенами города, а вышли ему навстречу и сразились в открытом бою⁴.

Обратимся к Геродоту, главному источнику по этим событиям. Отправляясь походом на Элладу, Дарий послал глашатаев греческим полисам с требованием «земли и воды», то есть покорности царю. Некоторые города подчинились, а спартанцы и афиняне умертвили послов (Her., VII, 133). По сообщению Павсания (III, 12, 7), «виновником убийства афинянами пришедших в Аттику послов был Мильтиад», за что его поразил гнев Талфибия, легендарного глашатая Агамемнона. Геродот говорит, что этот гнев был направлен только против лакедемонян и выражался в неблагоприятных

²Ср.: *Meritt B. D. Greek Inscriptions: An Early Archon List// Hesperia. Vol. 8, 1939. P. 60–61; A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the fifth Century B.C./ Ed. by R. Meiggs and D. Lewis. Oxford, 1969. P. 9–11; Cadoux T. J. Athenian archons from Kreon to Hysichides// JHS. Vol. LXVIII, 1948. P. 110.*

³Подробнее об этом см.: *Hammond N. G. L. The Expedition of Datis and Artaphernes// САН. Vol. IV. 2-nd. ed., 1988. P. 506–517.*

⁴*Белох Ю. История Греции / Пер. М. Гершензона. Т. 1, М., 1897. С. 283; Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. С. А. Князькова. СПб., 1910. С. 123.*

предзнаменованиях, Павсаний же прибавляет к ним еще и Мильтиада, однако не уточняет последствий.

«После подчинения Эретрии персы простояли там несколько дней и затем отплыли дальше к Аттике. <...> Наиболее удобным местом для действий конницы в Аттике был Марафон, к тому же находившийся ближе всего к Эретрии. Туда и вел их Гипший, сын Писистрата. Узнав об этом, афиняне также двинулись к Марафону. Во главе их войска стояло десять стратегов. Десятый был Мильтиад» (Her., VI, 102–103).

«Между тем мнения афинских стратегов разделились: одни высказывались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой. Когда мнения так разошлись и верх стало брать худшее предложение, Мильтиад обратился к одиннадцатому участнику голосования, избранному афинянами по жребию полемархом <...>. Полемархом же был тогда Каллимах из Афин» (Her., VI, 109). Далее Геродот приводит пламенную речь Мильтиада, убеждающего Каллимаха принять его сторону и дать сражение, ибо в противном случае брожение среди афинян может привести к предательству (ibid.). Полемарх был убежден этими словами и поддержал Мильтиада; было решено дать бой персам. Затем стратеги один за другим передали свое право на командование войском Мильтиаду, который пользовался среди них наибольшим авторитетом, и выполняли все его распоряжения (Her., VI, 110; Plut. Arist., 5).

Таким образом, греки по настоянию Мильтиада дали бой врагу и одержали победу, а затем раньше варваров достигли Афин и не дали захватить незащищенный город приплывшему от Марафона персидскому флоту (Her., VI, 116).

Марафонская битва имела, наряду с военным, огромное моральное значение. Геродот пишет по этому поводу, что афиняне «первыми из всех эллинов <...> напали на врагов бегом и не утрапились вида мидийского одеяния и воинов, одетых по-мидийски. До сих пор даже ведь одно имя мидян приводило в страх эллинов» (Her., VI, 112). Добавим, что эллины не испугались, в первую очередь, персидских лучников и атаковали бегом, стремясь быстро сократить расстояние и лишить персов того преимущества, которое давал лук.

Что касается Мильтиада, то он «и прежде был в почете у афи-

нян, теперь же, после поражения персов при Марафоне, приобрел еще больше влияния» (Her., VI, 132). Плутарх упоминает о том, что «после сражения с варварами при Марафоне <...> у всех на устах были речи о стратегическом искусстве Мильтиада», и что «трофей Мильтиада» не давал спать Фемистоклу (Them., 3). Павсаний называет Мильтиада «первым благодетелем всего эллинского народа» (Paus., VIII, 52,1), поясняя, что до него герои «действовали каждый в интересах своего отечества, а не всей Эллады в целом». О почестях, оказанных Мильтиаду, есть сообщения у Корнелия Непота и Павсания. Непот пишет, что «когда в так называемом Пестром портике была написана картина, изображающая Марафонскую битву, то среди десяти полководцев на первом плане изобразили Мильтиада, ободряющего воинов и подающего знак к сражению» (I, 1). Павсаний упоминает находящуюся в Дельфах статую Мильтиада, поставленную из десятины добычи, полученной после победы при Марафоне (Paus., X, 10,1).

Однако Плутарх замечает, что Мильтиад все же не получил масличного венка, которого он домогался, услышав «хотя и не слишком умные, но все же понравившиеся народу слова»: «Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного» (Plut., Cim., 8). Эти слова, прислушайся к ним Мильтиад, могли бы послужить ему предупреждением: теперь в Афинах политик не должен был слишком возвышаться, забывая при этом, что он живет при демократии, где главную роль играет демос. Но аристократы, служа народу (а иначе они не могли бы существовать в демократических Афинах)⁵, продолжали преследовать личные цели, направленные на укрепление своего положения, пользуясь для этого теми средствами, которые давала им демократия и новая политическая обстановка. Однако положение их, поскольку заключало в себе определенную двойственность, было непрочным: истинные цели и стремления могли проявиться, народ подозрительно относился к чрезмерному усилению любого политика⁶, да и борющиеся друг с другом аристократические группировки следили за возможными промахами своих соперников.

Находясь на вершине своей славы и пользуясь огромным вли-

⁵ Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 14.

⁶ Там же. С. 15.

янием после победы при Марафоне Мильтиад, по слова Геродота, он «потребовал у афинян 70 кораблей, войско и деньги, не сказав, однако, на какую землю собирается в поход. Мильтиад объявил только, что афиняне разбогатеют, если последуют за ним, а он, по его словам, поведет их в такую землю, где они легко добудут много золота. <...> Афиняне же прельстились такими посулами и дали корабли Мильтиаду» (Нер., VI, 132). С этими кораблями он отправился на остров Парос, осадил город и потребовал 100 талантов контрибуции за то, что «паросцы первыми начали войну, отправив свои триеры вместе с персами к Марафону» (Нер., VI, 133).

Представленная Геродотом картина весьма интересна. Поведение Мильтиада явно противоречит принципам демократического общества, где важное значение имеет отчетность лидера перед демосом. Здесь же полководец, принимая все на свою ответственность, сулит народу большие выгоды от неизвестного дела, и характерно, что народ безропотно предоставляет ему все требуемое. Эта ситуация дает нам представление как о становлении народовластия в Афинах, так и о положении военного времени, когда полководец, пользуясь своей славой и общественным настроением, мог существенно влиять на политику государства.

Корнелий Непот излагает иной план этого похода, такой, каким он и должен был быть по законам демократии. «После Марафонского сражения афиняне опять поручили Мильтиаду флот из семидесяти кораблей для наказания островов, помогавших варварам. Командуя этими силами, многие острова он снова привел к повинности, а некоторые завоевал. Среди прочих не принял его мирных предложений остров Парос, гордый своими богатствами», и Мильтиад стал его осаждать (Нер., I,7). Но именно описание Геродота является наиболее значимым, так как оно, как нам кажется, описывает ситуацию ближе к той, какой она была, а не к такой, как должна была быть.

Осада Пароса продолжалась 26 дней (Нер., VI, 135) и закончилась полным провалом Мильтиада: города он не взял, денег не получил и, раненый, отплыл в Афины. Относительно неудачного окончания экспедиции Геродот передает следующую анекдотическую историю: чтобы взять Парос, Мильтиад должен был войти в один из храмов перед городом и что-то там совершить (что именно, Геродот не знает). Но у дверей святилища его охватил страх, и, не исполнив должного, Мильтиад поспешил назад. Поскольку

ограда была заперта, он вынужден был через нее перелезть, но, спрыгнув, вывихнул себе бедро (Her., VI, 134) и после этого отплыл домой. «Судьба определила ему печальную кончину», — заключает Геродот (Her., VI, 135).

Корнелий Непот приводит также довольно курьезное объяснение этой неудачи. «Когда город был уже почти взят, однажды ночью неизвестно почему загорелась вдали на материке роща, видимая с острова. Узрев этот огонь, и горожане, и осаждающие приняли его за сигнал, поданный царскими моряками. По этой причине и паросцы воздержались от сдачи, и Мильтиад, опасаясь прибытия царского флота, сжег осадные сооружения и возвратился в Афины...» (Her., I, 7).

Некоторые ученые (например, Ю.Белох) рассматривают эту экспедицию как попытку Афин принудить Киклады к отложению от персов и тем самым укрепить свои позиции перед повторным нападением варваров⁷. Ю.Белох датирует этот поход следующим годом после Марафонской битвы, то есть 489 г. до н. э.

Несколько по-иному трактуют эту историю Дж.Мунро и Е.Уолкер. Они разбирают три вопроса: дату экспедиции, ее цель и повод к возвращению. Авторы пересматривают устоявшуюся дату (489 г.) и склоняются в пользу осени 490 г., сразу после Марафонской битвы. Целью могла быть организация внешней линии обороны против персов, и, если бы задача Мильтиада была выполнена, такая оборона существовала бы еще до открытия военной кампании в следующем сезоне. Подчинившийся персам Парос был опасным соседом Наксоса, центра антиперсидской оппозиции Киклад, разграбленного Датисом и Артаферном на пути к Марафону (Her., VI, 95–96). Покорив Парос и имея на своей стороне два этих острова, Мильтиад смог бы, по мнению авторов, надеяться на приведение всех Киклад в союз с Афинами. Но этот план разрушило сопротивление Пароса, а начавшаяся зима вынудила Мильтиада снять осаду и вернуться в Афины⁸.

Конечно, такая версия имеет право на существование, и цель экспедиции, указанная авторами вслед за Корнелием Непотом, весьма вероятна, но хотелось бы высказать некоторые возражения их теории относительно ее даты и повода к возвращению. Нам не

⁷ Белох Ю. Указ. соч. С. 286.

⁸ Munro J. A. R., Walker E. M. Marathon // CAH. Vol. IV, 1926. P. 252–253.

кажется уместным пересматривать дату Паросской экспедиции и считать, что Мильтиад спешил подчинить острова сразу после Марафонской битвы. Во-первых, была осень, и Мильтиад, как опытный полководец, не мог не задумываться о предстоящих зимних бурях и о возможных продолжительных осадах. Во-вторых, следует обратить внимание на важное замечание Плутарха: «все считали поражение варваров при Марафоне концом войны», тогда как прозорливый Фемистокл был скорее исключением из всеобщего умонастроения (Plut., Them., 3). В такой ситуации кажется более вероятным, что экспедиция Мильтиада состоялась в следующем, 489 г., когда улеглась эйфория по поводу Марафонской победы, и трезвый взгляд Фемистокла, что борьба с персами еще впереди, стал находить все больше сторонников. В этой связи и возвращение вследствие надвигающейся зимы отпадает, и экспедиция могла закончиться, как пишет Геродот, из-за раны Мильтиада.

Что касается повода для Паросской экспедиции, то, на первый взгляд, сообщение Корнелия Непота вносит в этот вопрос совершенную ясность: наказание островов, подчинившихся персам, и именно для этого афиняне предоставили флот. Но этот поздний автор мог быть не до конца осведомлен в данных событиях и построить рассказ, исходя из своих представлений о необходимых в данной ситуации действиях. В этой связи обращает на себя внимание молчание Геродота о целях похода и указание на то, что Мильтиад не сообщил афинскому народу, куда и зачем он направляется. Отсюда, а также из характера личности самого Мильтиада возникает другое предположение о назначении экспедиции на Парос. Лишившись владения на Херсонесе, Мильтиад решил захватить новое, пользуясь славой победителя персов и доверием афинян. Как отмечает Э. Д. Фролов, у аристократических лидеров афинской демократии существовало стремление, «опираясь на мощь собственного государства, обзавестись личным доменом, как это пытался сделать Мильтиад Младший, предпринявший в 489 г. — за счет и силами афинского государства — нападение на Парос с целью создать себе здесь новое княжество взамен утраченного на Херсонесе Фракийском»⁹.

По возвращении в Афины Мильтиада привлекли к суду. Обви-

⁹ Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии. С. 16; ср.: Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Gestaltende Kräfte der Antike, 2 Aufl., München, 1966. S. 247–249.

нителем выступал представитель влиятельной аристократической семьи — Ксантипш, сын Арифрона, отец Перикла, женатый на племяннице Клисфена Агаристе и принадлежавший через нее к Алкмеонидам. «Он обвинил Мильтиада перед народом за обман афинян. Мильтиад хотя и присутствовал на суде, но сам не мог защищаться, так как бедро у него было поражено воспалением. Он лежал на ложе перед народным собранием, а друзья выступали в его защиту. Они подробно говорили о Марафонской битве и о взятии Лемноса: Мильтиад захватил остров и передал его афинянам. При голосовании народ поддержал Мильтиада, отклонив смертную казнь, но признал виновным и наложил пеню в 50 талантов. После этого Мильтиад скончался от гнойного воспаления бедра¹⁰. А 50 талантов уплатил его сын Кимон» (Her., VI, 136). Корнелий Непот уточняет, что 50 талантов — та сумма, в которую обошлось снаряжение предоставленного Мильтиаду флота.

Корнелий Непот так объясняет мотивы демоса, характеризуя при этом Мильтиада: «афиняне боялись всякого своего влиятельного гражданина; им казалось, что Мильтиад, часто занимавший те или иные должности, не вынесет положения частного человека, поскольку привычка властвовать должна была возбудить в нем жажду верховной власти. Ведь за все время жизни своей на Херсонесе он был там бессменным повелителем и назывался тираном <...>. Мильтиад пользовался большим авторитетом во всех иноземных государствах, обладал знатным именем и величайшей воинской славой. Учитывая все это, народ решил, что лучше Мильтиаду понести незаслуженную кару, чем афинянам жить в страхе» (Nep., I, 8).

Подводя итог сказанному о Мильтиаде в его взаимодействии с молодой афинской демократией, отметим следующее. Мильтиад — харизматическая личность, лидер, привыкший к решительным действиям, риску и личной ответственности. Благодаря этим качествам, которые в полной мере оформились во время его правления Херсонесом Фракийским, он получил командование в обеих упомянутых кампаниях. Однако они имели противоположный исход: победа в Марафонской битве была залогом спасения отечества, а

¹⁰Мильтиад был похоронен на Марафонской равнине; его могилу Павсаний видел рядом с местами захоронения павших в битве афинян: «эти могилы воздвигнуты на месте сражения в честь их выдающейся храбрости» (Paus., I, 32, 3–4; 29,4).

полный провал Паросской экспедиции привел к позорному суду и смерти.

Можно сказать, что Мильтиад до конца оставался верен себе: отправляясь на Парос, он ни в чем не обманул афинян, ведь те дали ему флот под залог будущих выгод. Можно также предположить, что в случае удачного исхода экспедиции Афинское государство действительно выиграло бы: приведя Парос под афинское влияние, Мильтиад и сам мог остаться на острове, сохраняя связи с родным полисом и, в то же время, не участвуя в его бурной политической жизни. Но обстоятельства сложились иначе; Мильтиад потерпел поражение и был смертельно ранен, а государство понесло расходы. Нам хочется здесь обратить особое внимание именно на то, как в этой ситуации стала действовать только что оформившаяся афинская демократия. Она сочла необходимым взыскать расходы по суду с умирающего полководца, чьи прежние заслуги перед полисом были неоспоримы.

На такой исход повлиял целый ряд факторов, таких как борьба среди аристократических группировок, не желавших усиления Мильтиада, прошлое стратега и то, что он был «чужим» своему полису, а также яркое проявление основного принципа демократии — главенства народа и, наконец, страх неокрепшего еще строя перед слишком сильным лидером, не привыкшим подчиняться и способным поколебать устои нового порядка. Это последнее обстоятельство, на которое так ярко указал в приведенном отрывке Корнелий Непот, можно было бы отнести к процессу становления демократии, если бы мы не знали судьбы стратегов-победителей при Аргинусских островах в 406 г. до н. э. И в этом последнем процессе, и в событиях, связанных с Мильтиадом можно усмотреть, так сказать, врожденный порок развития такой системы, как демократия. Он заключается в том, что и при главенстве народа оказывается необходимым дальновидный политик, лидер, пользующийся доверием сограждан и способный, по меньшей мере, отвратить народ от принятия недальновидных решений, а по большому счету активно взаимодействующий с народом не ради собственной выгоды, а ради блага государства. Такой лидер у афинской демократии был только однажды — это Перикл, при котором она достигла своего «золотого века» — баланса между демосом и его лидером. Но афинская демократия так и не научилась давать своим лидерам право на ошибку, и в том числе и эта особенность привела ее впоследствии к кризису.

Сокровищницы Дельфийского святилища: религия и политика

Среди множества значительных и интересных проблем, связанных с историей Дельфийского святилища и оракула, тема приношений, священных даров в Дельфы занимает важное место. Особым видом посвящений в крупнейшие панэллинские религиозные центры были сокровищницы различных греческих общин, где преимущественно и хранились разнообразные священные дары, предназначенные, прежде всего, главному божеству святилища. Однако, как мы попытаемся показать, сокровищницы не были простыми хранилищами посвящаемых ценностей, эти сооружения, несомненно, играли важную роль в самоидентификации греческих общин, имели своеобразные представительские функции того или иного гражданского коллектива, были действенным средством демонстрации богатства и могущества, а следовательно, и орудием политической пропаганды. Так как эти функции сокровищниц вполне отчетливо проявляются уже в ранний период, то мы обратимся, прежде всего к архаической эпохе истории Эллады, на которую приходится процесс становления общегреческих святилищ и роста их авторитета в греческом мире и за его пределами.

О приношениях в Дельфы и тамошних сокровищницах мы знаем как по описаниям античных авторов, так и по археологическим и эпиграфическим материалам. Хотя сообщения о посвящениях в Дельфы в античной литературной традиции и многочисленны, но в основном делаются по случаю и носят отрывочный характер. Наиболее пространственные и значимые указания мы встречаем у Геродота, в труде которого, как известно, Дельфы занимают особое место. В качестве прекрасного примера назовем подробное описание Геродотом посвящений в Дельфы, сделанных лидийским правителем Крезом, или самими эллинами после Греко-персидских войн. Множество сведений сохранили и авторы более позднего времени, из которых важнейшими являются писатели II в. н. э. — Плутарх, в последние годы своей жизни исполнявший обязанности жреца в Дельфах, и ученый путешественник Павсаний, труд которого содержит подробный рассказ о святилище Аполлона.

В последние десятилетия тема священных даров и сокровищниц активно исследовалась на основе различных методологических подходов. Из наиболее значимых работ, посвященных описанию священного участка Аполлона в Дельфах и его памятников с учетом новейших археологических и эпиграфических материалов¹ и их интерпретации, следует назвать «Путеводитель по Дельфам» (1991), составленный французскими учеными, и работу М. Мааса, сотрудника музея в Карлсруэ (Германия) — «Античные Дельфы. Оракул, сокровища и памятники» (1993)². Кроме традиционных в последние годы намечены и разработаны также новые подходы к исследованию этого материала на основе междисциплинарных исследований, социологических штудий, в контексте культурной антропологии³.

Сокровищницы, которые сооружались в самых знаменитых греческих святилищах — в Олимпии и Дельфах, представляли собой, как правило, уменьшенное подобие античного храма. Очень часто фасад такой постройки украшали колонны или статуи, хотя зачастую здания сокровищниц были очень простыми и строгими. Они возводились на средства посвяtitеля — общины или правителя, при этом очень часто источником таких средств становилась десятина военной добычи (см., например, многочисленные примеры подобного рода у Павсания — X, 11, 5). В Дельфах количество сокровищниц было особенно значительным⁴: на территории священного участка насчитывается 28 фундаментов (в самой Олимпии нет и половины

¹Результаты раскопок в Дельфах регулярно публикуются, прежде всего, в выходящей с 1902 г. серии «Fouilles de Delphes», в ряде не вошедших в эту серию монографических исследований, в журнале «Bulletin de correspondance hellénique»; дельфийские надписи включены в собрание В. Диттенбергера, а с 1977 г. начато издание корпуса дельфийских надписей — «Corpus des Inscriptions de Delphes».

²Guide de Delphes: Le site / Ed. par J.-F. Bommelaer, D. Laroche. Paris, 1991; Guide de Delphes: Le musée / Ed. par O. Picard. Paris, 1991; *Maass M.* Das antike Delphi. Orakel, Schätze und Monumente. Darmstadt, 1993. Из работ отечественных исследователей см.: *Соколов Г. И.* Дельфы. М., 1972.

³См., например: *Godelier M.* Das Rätsel der Gabe. Geld, Geschenke, heilige Objekte. München, 1999; *Jaquemin A.* Offrandes monumentales à Delphes. Athènes; Paris, 1999; *Rosenberger V.* Griechische Orakel: Eine Kulturgeschichte. Darmstadt, 2001 и др.

⁴Первое обобщение материала о сокровищницах в Дельфах см.: *Dinsmoor W. B.* Studies of the Delphian Treasuries // BCH. Т. 36. 1912. P. 439–493; BCH. Т. 37. 1913. P. 5–83.

этого количества!⁵). Хотя лишь для малой части этих сооружений может быть точно названо имя посвяtitеля, определено местоположение и восстановлено внешнее и внутреннее устройство, даже сохранившиеся полуразрушенные остатки весьма выразительны и дают материал для заключений. Основное время возведения сокровищниц — VII–IV вв. до н. э., время расцвета строительства этого типа сооружений — VI и начало V вв. Особенно активно сокровищницы возводились в период после пожара в храме в 548/7 г.⁶

Возведение подобного типа строений, к которым прилагалось наименование *θησαυρός*, было вызвано к жизни, прежде всего, обилием священных даров (как правило, изделий из драгоценных металлов и редких дорогих материалов, к тому часто настоящих произведений искусства), которые нужно было где-то хранить и выставлять, то есть потребностями в представительстве в Дельфах тех общин, которые имели участие и отношение к отправлению дельфийского культа. Перевод слова *θησαυρός* как «сокровищница» является традиционным для множества новых языков (сокровищница — англ. *treasury, treasure-house*, нем. — *Schatzhaus* и др.). И в античности слово «сокровищница», прежде всего, связывалось с темой хранения ценностей. Страбон, описывая Дельфийское святилище, замечает: «Храм [Аполлону. — *О. К.*] . . . в прежние времена был в исключительном почете. Доказательством этого служат сокровищницы, построенные народами и властителями, где они хранили не только посвященные богу драгоценности, но и произведения лучших художников . . .» (IX, 3, 4 пер. Г. А. Стратановского). Эту тему продолжает Павсаний. Описывая священный участок Аполлона, он рассказывает о строительстве сокровищницы жителей Сифноса: «Устроили сокровищницу и сифнийцы по следующему поводу: у сифнийцев на острове открылись золотые россыпи, и бог велел им из доходов вносить десятую часть в Дельфы. Они выстроили сокровищницу и стали привозить сюда десятину» (X, 11, 2, пер. С. П. Кондратьева). Чуть ранее относительно сокровищницы сикионцев ученый путешественник однако несколько иронично замеча-

⁵*Herrmann K.* Die Schatzhäuser in Olympia // *Proceedings of an International Symposium on the Olympic Games.* Athen, 5–9 September 1988 / Ed. W. Coulson, H. Kyrieleis. Athen, 1992. S. 25 ff.

⁶П. де Ла Кост-Месельер пишет о, «по меньшей мере, 15 новых постройках между 586 и 548 гг. до н. э.». См.: *La Coste-Messelière P. de.* Topographie delphique // *VCH.* Т. 63. 1969. P. 741, ill. 3.

ет, что к его времени «сокровищ не увидишь ни здесь, ни в других сокровищницах» (X, 11, 1, пер. С. П. Кондратьева).

Итак, первоначальная и сохраняющаяся на всем протяжении существования античного святилища в Дельфах функция — хранение священных даров. Отметим, однако, что безопасность, которую должно было гарантировать размещение ценностей на территории священного участка, на деле не всегда могла быть обеспечена. Из истории архаического и классического времени нам известны неоднократные попытки захвата святилища Аполлона, которые нередко завершались успехом и зачастую сопровождались грабежами дельфийских сокровищ. Прежде всего, подобные обстоятельства связываются античными авторами с событиями так называемых Священных войн. Суровые исторические реалии, как представляется, нашли своеобразное воплощение в художественной традиции античности: мифологический сюжет борьбы за дельфийский треножник между Аполлоном и Гераклом — распространенный сюжет вазописи и рельефов⁷.

Однако понятие *θησαυρός* «сокровищница»), как и функции подобного типа строений, были связаны не только с темой хранения посвящаемых в святилище ценностей⁸. В частности, из источников нам известно, что *θησαυρός* служили не только для размещения сокровищ, но и для хранения других, весьма прозаичных и практических материалов⁹. К тому же, кроме размещения и хранения священных даров сокровищницы выполняли множество иных важных функций.

Сокровищницы, являясь посвящениями божеству, в более широком религиозном и социальном контексте играли важную посредническую функцию в отношениях человека с божеством. Любопытными для нашей темы являются результаты обращения к более общей проблеме обмена дарами в античном обществе, который трактуется как механизм социальной интеграции и создание системы отношений, посредством которой устанавливался и обеспечивался социальный мир и спокойствие¹⁰. Этот подход, по мнению Ф. Розенбергера,

⁷См., например, о связи этого мифа с традицией о Первой священной войне: Parke H. W., Boardman J. The Struggle for the Tripod and the First Sacred War // JHS. Vol. LXXVII. 1957. Pt. 2. P. 276–282.

⁸См. об этом, например: Maass M. Das antike Delphi... S. 152.

⁹Подбор этих свидетельств см.: Ziehen L. Thesaurus // RE. Bd. VI A 1. 1936. Sp. 1 ff.

¹⁰См. подробнее: Wagner-Hasel B. Wissenschaftsmythen und Antike. Zur Funk-

mutatis mutandis вполне приложим и к священным дарам, которые являлись важнейшим регулятором отношений человека с миром богов¹¹: посвяtitель (как индивидуум, так и община в целом) с помощью даров выказывает божеству (в нашем случае — Аполлону) свое почтение, а эти дары, в свою очередь, должны обеспечить посвяtitелю благоприятное прорицание. Таким образом, в посвящениях ярче всего проявляется принцип античной религии: тот, кто делает подарок, ожидает поддержки бога и его оракула, и чем больше подарок, тем на большую благосклонность можно рассчитывать.

Укажем в этой связи на то значение, которое придавал посвящениям в Дельфы один из самых главных авторитетов античной эпохи в этом вопросе — Плутарх, исполнявший в конце жизни обязанности жреца в Дельфах. Этот автор, живший в эпоху ранней Империи, в одном из своих Пифийских трактатов рассуждает о смысле и значении посвящений и подчеркивает, что божественный покровитель Дельф — Аполлон — сам незримо присутствует в каждом изделии из камня и бронзы, выставленном для его прославления в знаменитом святилище. То есть, по сути, античный писатель понимает священные дары в качестве своеобразных «посредников» в осуществлявшемся в Дельфах общении пришедших сюда паломников с божеством (то, что современная социология называет *Medien*). Особенно ярко в этом качестве священные дары выступают в ситуации посвящений эллинов в общегреческие святилища после особенно значимых военных побед. Упомянем лишь в этой связи богатые приношения греков в Дельфы после решающих побед в Греко-персидских войнах.

В заключение этого сюжета подчеркнем также, что вопрос об этой, «посреднической», функции посвящений тесно связан с более общей проблемой коммуникации в древнегреческом обществе, которая активно разрабатывается в социологических штудиях последних десятилетий¹².

В исследованиях, авторы которых используют подходы куль-

tion von Gegenbildern der Moderne am Beispiel der Gabentauschdebatte // *MythenMächte – Mythen als Argument* / Hrsg. A. Völker-Rasor, W. Schmale. Berlin, 1998. S. 33–64; ср.: *Mitchel L. G. Greeks Bearing Gifts*. Cambridge, 1997; Brandt H. *Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen* // *Chiron*. Vol. 28. 1998. S. 194.

¹¹ *Rosenberger V. Griechische Orakel*. S. 155.

¹² См., например: *Куле К. СМИ в древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия...* / Пер. с фр. С. В. Кулланды. М., 2004.

турной антропологии (M. Godelier, V. Rosenberger), подчеркнем указания на амбивалентную природу даров в святилище: вещь, отправленная в качестве священного дара, в то же время до известной степени по-прежнему сохраняет связь с посвятителем¹³. Чаще всего материализация этой связи осуществлялась посредством фиксации имени дарителя. В этом отношении особенно говорящими являются известные нам из античной традиции случаи, когда посвящения намеренно приписывались другим лицам. Широко известен пример с золотой чашей, который передает Геродот (I, 51). Перечисляя разнообразие посвящения, которые отправил в Дельфы царь Лидии Крез, он упоминает среди прочего две кропильницы — золотую и серебряную, которые, на его взгляд, безусловно принадлежали к подаркам лидийского правителя. Однако на золотой кропильнице находилась надпись, которая называла ее посвящением лакедемонян. Геродот считает эту надпись подделкой, сообщая, что ее вырезал какой-то дельфиец. Историк даже известно имя этого дельфийца, но Геродот, по его собственному заявлению, не желает называть его, осуждая на забвение автора фальшивки¹⁴.

Таким образом, надпись должна была увековечить имя посвяителя, но уже в античности мы встречаем примеры изменения имени дарителя, и делалось это, прежде всего, по политическим основаниям. В уже упомянутом пассаже Геродота фальсификатор сделал это, «желая угодить лакедемонянам» (I, 51). Зависимость текста посвячительной надписи от политической ситуации демонстрирует и другой пример, связанный с сооружением сокровищницы коринфян в Дельфах (Hdt., I, 14; I, 50 sq.; Plut. Quaest. conviv., VIII, 4, 724 b; De Pyth. or., 12, 399 f; Sept. sap. conviv., 21, 164 a; Paus., X, 13, 5). Фундамент сокровищницы коринфян, который относится к середине VII в. до н.э. — самое раннее основание сооружения подобного рода в Дельфах¹⁵. Плутарх сообщает, что коринфский тиран Кипсел воздвиг здание сокровищницы, на котором было начертано его имя. После свержения ненавистной тирании наследников Кип-

¹³ Godelier M. Das Rätsel der Gabe; Rosenberger V. Griechische Orakel. S. 155.

¹⁴ Возможно, что Геродот умалчивает об этом и для того, чтобы не скомпрометировать автора фальсификации, см. подробнее: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 314.

¹⁵ La Coste-Messelière P. de. Au musée de Delphes. Paris, 1936. P. 479; Bousquet J. L'inscription du trésor de Corinthe // BCH. 1970. T. 94. P. 669–673; Guide de Delphes: Le site. P. 95; 140; 153–155; Maass M. Das antike Delphi. S. 153.

села коринфяне обратились в Дельфы с вопросом, можно ли им стереть имя Кипсела и заменить его именем общины, и, получив согласие, исполнили это (Plut. De Pyth. or., 400 e). Отметим также любопытное продолжение этой истории. В то время как дельфийцы пошли навстречу желанию коринфской общины, элейцы, контролировавшие святилище Зевса в Олимпии, не пожелали удовлетворить подобную же просьбу коринфян, и последние из-за этой обиды не стали с этого времени принимать участие в Олимпийских играх.

В связи с последним примером становится очевидно, что значение сокровищницы той или иной общины не ограничивалось лишь функцией хранения ценных подношений Аполлону, хотя эта роль, которую в современном мире играют банки, и составляет важный экономический аспект исследуемой темы. Случай с Кипселом говорит о том, что сокровищницы, как и другие монументальные посвящения, имели, прежде всего, «представительские функции», не только прославляя богатством приношений ту или иную общину, но и являясь в некотором смысле воплощением самосознания граждан.

Отметим, что иноземные правители и государства не имели в Дельфах подобного представительства — их пожертвования хранились в сокровищницах греческих общин. Первым из таких посвящений Геродот называет царя Фригии Мидаса I, сына Горгия I, принесшего в дар святилищу свой трон, восседая на котором, он творил суд (I, 14). Здесь же «отец истории» поясняет, что этот трон в его время находился в сокровищнице коринфян. По свидетельству того же Геродота, подношения Аполлону Пифийскому правителей Лидии из династии Мермнадов (Гигеса и Креза) также хранились в сокровищнице коринфян (Hdt., I, 14, 2; I, 51). Геродот рассказывает, что дары Креза (описание этих посвящений см. — I, 50–52, 1; 92; ср.: Diod., XVI, 56, 6; Plut. De def. or., 1, 401 e; Paus., X, 13, 5) обрели известное ему местоположение лишь после пожара 548/7 г. Г. Парк высказывает предположение, что в это же время в сокровищницу коринфян были перенесены и посвящения Гигеса¹⁶. Сам Геродот ничего об этом не говорит. Возможно, дары Гигеса (так называемые Гигады — 6 золотых кратеров), находились там если не с самого момента их посвящения (оно, вероятно, относится к

¹⁶ Parke H. W. Croesus and Delphi // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. XXV. 1984. P. 210. Ср.: Crahay R. La littérature oraculaire chez Hérodote. Paris, 1936. P. 206.

1-й трети VII в.), то с довольно раннего времени, ведь сооружение коринфской сокровищницы датируется, как уже упоминалось, серединой VII в. до н. э. — временем Кипсела.

По мнению Г. Парка, выбор сокровищницы коринфян в данном случае диктовался лишь практической необходимостью поместить уцелевшие после пожара ценные посвящения в ближайшее, относительно безопасное место. Однако для целого ряда других исследователей то, что коринфяне, по выражению Павсания, в своей сокровищнице «держали ... золото из Лидии» (X, 13, 5), позволяет сделать вполне обоснованное, на наш взгляд, предположение об особых отношениях правителей Лидийской державы с Коринфом. Важно также отметить, что лидийские цари, будучи чужеземцами, нуждались в посредничестве при обращении к греческому оракулу. По мнению С. М. Жестоканова, такими посредниками для них были именно Кипселиды¹⁷. В связи с последней гипотезой укажем, что хотя официальными представителями вопрошавших перед Дельфийским богом и их проксенами обычно были дельфийцы, однако это вполне допускает и некоторую посредническую роль коринфской знати (ср., например, указание Геродота о помощи лидийскому посольству афинянина Алкмеона — VI, 125). Мы подробно остановились на разборе данного сюжета, так как он особенно ярко демонстрирует возможности сохранившихся свидетельств о посвящениях в Дельфы в качестве материала для восстановления и уточнения истории Дельфийского святилища, в частности его связей и роста его авторитета как в греческом мире, так и за его пределами. Кроме того, передаваемые античными авторами сведения о сокровищнице коринфян вполне отчетливо показывают основания и возможности рассматривать сокровищницы как средства пропаганды и прославления богатства и могущества.

Уже сами античные авторы отмечали эту возможность использования сокровищниц в пропагандистских целях. Так, Павсаний говорит о сокровищнице книдян: «... я не знаю, построили ли они свою сокровищницу в память какой-нибудь победы, или просто, чтобы показать свое богатство» (X, 11, 5, пер. С. П. Кондратьева). С течением времени красота и пышность сокровищниц все возрастала, прежде всего посредством новых богатых посвящений, которые

¹⁷ Жестоканов С. М. Внутренняя политика Кипселидов при Периандре // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1995. С. 49–50.

получают все более разнообразные значения в коммуникативном процессе. Дельфы постепенно сделались своеобразной ареной для агона греческих общин в их претензиях на общэллинскую славу и отражением политической ситуации в Элладе, по образному выражению Ф. Розенбергера, своего рода сейсмографом потрясений в греческом мире¹⁸. Пропагандистские функции сокровищниц, их участие в политике, прежде всего в политической пропаганде, особенно ярко проявятся в период расцвета полисного мира греков, в V в. до н. э., между Греко-персидскими и Пелопоннесской войнами, когда речь может идти о настоящей «войне сокровищниц».

¹⁸ *Rosenberger V. Griechische Orakel. S. 157.*

Коринф и Спарта: старые союзники на грани войны

Сообщения Фукидида о событиях в период между Архидамовой и Декелейской войнами в пятой книге «Истории» не получили такой же детальной разработки, как изложение материала в предшествующих разделах его сочинения. Во многих случаях намерения государств или партий в этот период вполне определены, но все же здесь, чаще, чем в других частях своей работы, автор оставляет своих читателей гадать о мотивах, лежащих в основе межполисных отношений, о которых он упоминает. Имеющиеся здесь пробелы можно объяснить разными причинами. Во-первых, численность государств, вовлеченных в события, была слишком велика, чтобы можно было определить цели каждого из них при всех поворотах внешнеполитической ситуации и не перегрузить рассказ. Во-вторых, осторожность Фукидида позволяла ему детально останавливаться на объяснении мотивации только тогда, когда его источники несомненно заслуживали доверия, да и в этом случае трудность получения информации об интригах, чьи цели умышленно скрывались была значительной. В-третьих, Фукидид, как правило, давал сжатые сообщения о планах, которые оказались неудавшимися или не имели большого влияния на последующие события¹. Цель нашей статьи показать какие факторы определяли ход коринфской дипломатии в ближайшие годы после окончания Архидамовой войны.

Заключение Никиева мира, а затем и союза между Спартой и Афинами весной 421 г., вызвало недовольство среди многих влиятельных союзников Спарты. Коринф, Беотия, Мегары а также некоторые пелопоннесские полисы отказались подписать мир на предложенных условиях (Thuc., V, 17,2; 22, 1–2; 25, 1). После того, как Спарта взяла на себя обязательство заставить пелопоннесцев присоединиться к Никиеву миру, Коринф решил использовать возможность, представленную скорым окончанием² тридцатилетнего мира между Спартой и Аргосом. Коринфские послы, которые на-

¹ Westlake H. D. Corinth and the Argive Coalition // AJA. Vol. 61. 1940. P. 413.

² Salmon J. B. Wealthy Corinth. A history of the city to 338 BC. Oxford, 1984. P. 324.

ходились в Спарте при обсуждении Никиева мира, не вернулись домой сразу; а отправились в Аргос, чтобы побудить его к созданию оборонительного союза (Thuc., V, 27, 2-3). Амбиции Аргоса были хорошо известны Фукидиду, и он их полностью отмечает, так как они в конечном итоге привели к вооруженному конфликту 418 г. Аргивяне не были склонны к возобновлению договора со Спартой, потому что надеялись воспользоваться плодами своего нейтралитета в Архидамовой войне и стать лидерами Пелопоннеса (Thuc., V, 28, 2; 40, 3; 69, 1; cf. Aristoph. Pax, 475-7).

Мотивируя необходимость создания оборонительного союза, коринфяне объявили некоторым аргосским должностным лицам, что лакедемоняне заключили мир и союз со своими исконными злейшими врагами не с добрыми намерениями, а с целью порабощения с помощью афинян пелопоннесских полисов и поэтому Аргосу следует объединить всех недовольных политикой Спарты для предотвращения угрозы (Thuc., V, 27, 2). После возвращения коринфян домой, аргивяне участвовавшие в переговорах сделали официальное предложение народному собранию. Последнее одобрило идею создания союза и избрало 12 уполномоченных, с которыми все эллины могли заключить союз (Thuc., V, 28, 1). Фукидид сообщает, что у многих пелопоннесских государств возникло желание присоединиться к коалиции (V, 29, 2-4). Первыми государствами, которые вступили в союз с Аргосом были Мантинея и её союзники (Thuc., V, 29, 1). Причина вступления мантинейцев в союз заключалась, вероятно, в том, что еще во время войны они подчинили себе часть Аркадии (Thuc., IV, 134, 1; V, 29, 1) и теперь опасались, что спартанцы потребуют освободить захваченные земли.

Спартанские власти, узнав о коринфской инициативе, отправили послов в Коринф, чтобы предотвратить его присоединение к союзу. Лаконские посланники убеждали коринфян не нарушать клятву, которую они дали как члены Пелопоннесского союза, и утверждали, что Коринф уже поступил несправедливо, отказавшись принять решение Союза в пользу Никиева мира (Thuc., V, 30, 1). В ответ коринфяне, не упоминая реальной причины отказа от Мира, заявили, что приняв его они нарушат клятву, которую дали своим союзникам во Фракии, когда восстала Потидея; а что касается союза с Аргосом, то они еще не приняли окончательного решения (Thuc., V, 30, 2-4). Вскоре после этого в Коринф прибыло посольство из Элиды, которое сначала заключило союз

с коринфянами, а затем направилось в Аргос и присоединилось к Аргосской коалиции (Thuc., V, 31, 1). Поступить таким образом элейцев заставила их ссора со Спартой из-за Лепрея. Еще до Пелопоннесской войны лепрейцы, подвергшиеся нападению аркадян, призвали на помощь Элиду, передав ей часть своих земель. По окончании войны элейцы вернули землю Лепрею с условием выплаты за нее одного таланта в пользу святилища Зевса Олимпийского. Когда же лепрейцы нарушили это условие и между ними и элейцами началась борьба, спартанцы встали на защиту Лепрея (Thuc., V, 31, 1-5)³. Фактически сразу же после Элиды в новый союз вступил и сам Коринф, а также фракийские халкидяне (Thuc., V, 31, 6).

Опасение утратить автономию, распространившееся в других пелопоннесских городах (Thuc., V, 29., 3-4), было, по-видимому, лишь продуктом коринфской пропаганды⁴. Фукидид нигде не говорит, что оно имело какое-либо основание, и по его мнению цель спартанцев при заключении ими союза с афинянами преследовала только интересы обороны (V, 22, 2). Как Афины так и Спарта были слишком истощены войной и слишком обременены трудностями, возникшими после заключения мира, чтобы обратиться к проведению совместной империалистической политики. Под руководством Никия Афины едва ли приняли бы амбициозные планы такого рода, а если бы его место заняли радикалы, результатом несомненно был бы разрыв со Спартой. Таким образом иные соображения, помимо опасения за независимость, должны были повлиять на решение коринфян сыграть ведущую роль в инициировании и организации Аргосской коалиции. Действительно проворство с которым они приступили к реализации своего плана свидетельствует о том, что он возник еще до того как союз между Афинами и Спартой был подписан⁵.

Последствием союза между Аргосом, Коринфом, Мантинеей и Элидой могла стать военная компания против Спарты, на что, по крайней мере, рассчитывали аргивяне. Успех в этом рискованном предприятии существенно помог бы трем партнерам Коринфа, осо-

³Ferguson W. S. Sparta and the Peloponnese // CAH. Vol. V. 1927. P. 255; Andrewes A. The Peace of Nicias and the Sicilian expedition // CAH. Vol. V. 1992. P. 434.

⁴Salmon J. B. Op. cit. P. 326.

⁵Westlake H. D. Op. cit. P. 414f.

бенно Аргосу, чье стремление к лидерству в Пелопоннесе было бы обеспечено, но самим коринфянам, хотя это и принесло бы определенное удовлетворение, не предоставляло ничего более конкретного. Коринфяне конечно имели основательную причину для недовольства Спартой: Никиев мир оставил коринфские колонии Соллий и Анакторий в руках акарнанцев (Thuc., V, 30, 2), другие их потери также не были возмещены и не было никакой гарантии для достижения целей из-за которых они бросились в Архидамову войну⁶. Однако эти чувства, вызванные только обманутой надеждой, были легко забыты впоследствии, когда изменившаяся ситуация привела их к восстановлению дружеских отношений со Спартой (Thuc., V, 36-8; 48). Желание отомстить Спарте за предательство их интересов не было ни единственным, и ни важнейшим мотивом коринфян в их энергичном содействии созданию Аргосской коалиции.

Враждебность Коринфа к Афинам в это время была более острой, что признают практически все современные исследователи, но степень ее влияния на определение коринфской политики, возможно, получила недостаточное внимание⁷. Нападение коалиции на Спарту должно было вовлечь в конфликт афинян, которые взяли на себя обязательство оказывать полную поддержку спартанцам по условиям недавно заключенного союза (Thuc., V, 23, 1). Но, как указывает Фукидид, аргивяне знали о трениях между двумя государствами, которые вскоре могли усилиться. Они даже надеялись на союз с Афинами (*ibid.*), и, по крайней мере, имели основание надеяться, что афинская помощь Спарте не будет значительной. Кроме того афиняне не могли оказать существенного влияния на операции, которые должны были развернуться в пределах самого Пелопоннеса. События 420–418 гг. показали как точно аргивяне оценивали ситуацию в 421 г. И надежды Аргоса несомненно разделяли Мантинея и Элида (*cf.* Thuc., V, 44,2). Коринфяне же, по видимому, имели совершенно другие намерения. Они, скорее всего, стремились ни к чему иному, как к возобновлению Пелопоннесской войны с заменой Спарты Аргосом в качестве формального лиде-

⁶ *Meyer Ed.* GdAI. IV. S. 468; *Ferguson W. S.* Op. cit. P. 255; *Westlake H. D.* Op. cit. P. 415; *De Sanctis G.* Storia dei Greci dalle origine alla fine de secolo V. Vol. II. Firenze, 1940. P. 296.

⁷ *Ferguson W. S.* Op. cit. P. 259; *Westlake H. D.* Op. cit. P. 415.

ра противников Афин⁸. Спартанцы, возможно, выступили бы на стороне Афин, но если бы все наиболее влиятельные государства Пелопоннеса вошли в Аргосскую коалицию, Спарта была бы отрезана противниками от остальной Греции и не смогла бы помешать вторжению в Аттику и предотвратить попытку уничтожить афинскую империю. В то время, как аргияне в данный момент рассматривали войну со Спартой как главную цель коалиции, коринфяне, вероятно, надеялись заставить спартанцев изменить свою внешнюю политику или, по крайней мере, нутриализовать ее в предстоящей войне с афинянами. Из-за опасности оттолкнуть многих аргосцев, которые симпатизировали Афинам (Thuc., V, 44,1), эти коринфские цели пока не могли быть разглашены. Это можно было сделать только после того как другие враги Афин — беотийцы, мегаряне, фракийские халкидяне — будут привлечены в союз, аргосские сомнения будут побеждены и мощь всей коалиции будет направлена против Афин⁹. Традиционный лозунг освобождения греков, поработанных афинянами, мог быть восстановлен, и если успех был бы достигнут, коринфяне получили бы наибольшую выгоду. Такая интерпретация их намерений согласуется с неизменным направлением их политики с середины V в., когда их торговля и колониальная империя в Западном Средиземноморье оказались под ударом усиливающегося здесь влияния Афин¹⁰. Это подтверждается и той ролью, которую они играли в дипломатических переменах 421–420 гг. Заявление, приглашающее государства присоединиться к Аргосской коалиции, было сделано Аргосом, но составлено Коринфом. Тогда как другие государства могли получить доступ в союз через переговоры с 12 аргосскими уполномоченными, Афины и Спарта могли присоединиться только с согласия всего аргосского демоса (Thuc., V, 28, 1). Эта формулировка была хитро составлена. То что Спарта не исключалась из членства аргиянам должно было казаться простой формальностью, предназначенной для подтверждения формально оборонительного характера коалиции, и неизбежно вытекало из-за спартанского союза с Афинами. Но коринфяне должно было быть умышленно составили заявление таким образом, чтобы дать возможность Спарте вступить в коалицию, если союз с Афинами будет разорван и враждебные чувства к Афинам станут доминиру-

⁸ Westlake H. D. Op. cit. P. 416.

⁹ Salmon J. B. Op. cit. P. 324f.

¹⁰ Westlake H. D. Op. cit. P. 416–417.

ющими в Спарте. Весьма значительным в это время было внимание коринфян к фракийскому региону. Когда Коринф формально вступил в Аргосскую коалицию, халкидяне, злейшие враги Афин, тотчас же последовали за ними (Thuc., V, V, 31,6), и всякий раз когда Фукидид упоминает халкидян в этот период, они всегда появляются в тесной связи с коринфянами (V, 30,2; 35,3; 38, 1, 4), которые, очевидно, представляли себя в качестве защитников народов преданных Спартой и подвергавшихся угрозе быть атакованными Афинами. Беотия и Мегары также были врагами Афин, но они не действовали так активно, как коринфяне, и держались в стороне от коалиции, желая избежать открытой конфронтации со Спартой¹¹. Следующим шагом коринфской дипломатии была попытка получить поддержку Тегей. Однако она закончилась неудачей и это уменьшило энтузиазм коринфян (Thuc., V, 32, 3-4). Причина их разочарования ясна: Тегея имела важное стратегическое положение в Пелопоннесе и была существенным звеном в цепи государств, с чьей помощью они надеялись изолировать Спарту¹². Как позднее покажут военные действия в 418 г., лояльность тегейцев даст Спарте возможность осуществлять наступления на Мантинею и Аргос.

После неудачных переговоров с Тегеей коринфское посольство было отправлено в Беотию и, когда заручиться поддержкой беотийцев прямым убеждением не удалось, коринфяне предприняли маневр, цели которого Фукидид полностью не раскрывает (V, 32, 5-7). Беотийцы по просьбе коринфян согласились отправить с ними своих послов в Афины и добиться для них той же системы 10-ти дневных перемирий, которую использовала сама Беотия в отношениях с афинянами. При этом была достигнута договоренность, что в случае неудачи посольства беотийцы откажутся от собственных перемирий с Афинами (Thuc., V,32,5). В Афинах отклонили предложение, которое означало бы признание отпадения Коринфа от Спарты и таким образом вызвало бы гнев последней в отношении афинян (Thuc., V, 32, 6). Коринфяне, вероятно, ожидали такого результата изначально, и их дипломатия, по-видимому, имела целью посорить беотийцев с Афинами и таким образом победить колебания беотийцев относительно вступления в Аргосскую коалицию. Но

¹¹ Salmon J. B. Op. cit. P. 328.

¹² Westlake H. D. Op. cit. P. 417.

беотийцы, которые теперь, вероятно, поняли намерения коринфян, не сдержали свое обещание (Thuc., V, 32, 7).

Включение как Беотии, так и Мегар в Аргосскую коалицию было необходимо для коринфского плана, так как иначе вторжение в Аттику оказалось бы затруднительным, и продолжающиеся колебания этих государств несомненно разочаровали коринфян гораздо больше, чем полный отказ Тегеи¹³. К этому времени Аргос, Мантинея и Элида договорились, что их союз будет не только оборонительным, но и наступательным. Но коринфяне отказались поддерживать их в этом решении¹⁴. Они, очевидно, осознали, что любые военные действия, которые могут начаться будут направлены против Спарты и, что их собственные амбиции не имеют перспективы осуществиться без вступления в союз Беотии и Мегар. Коринфяне, вероятно, уже собирались отойти от активного участия в коалиции, когда в конце 421 г. два вновь избранных спартанских эфора, Клеобул и Ксенар, не одобрявших Никиев мир, предложили тайный план, который будучи осуществленным, вызвал бы новую расстановку сил в Греции (Thuc., V, 36, 1-2). Этот план предполагал вступление в Аргосскую коалицию беотийцев и мегарян с последующим заключением союза между коалицией и Спартой. В результате этого сложного процесса все союзники Спарты в Архидамовой войне должны были вновь объединиться под руководством Спарты с полезным добавлением Аргоса, и результатом несомненно должно было стать возобновление вражды с Афинами (Thuc., V, 36, 1)¹⁵. Коринфяне с радостью объединились с присутствовавшими в Спарте послами Беотии, Мегар и халкидян для осуществления этого плана (Thuc., V, 38, 1), и их действия показывают, как уже говорилось, что их негодования в отношении Спарты не были очень глубокими. То что Спарта могла стать их союзником вместо того, чтобы быть их врагом было приятной перспективой. Планы над которыми они работали с весны 421 г. должны были осуществиться в более привлекательной форме, чем до сих пор казалось возможным¹⁶. Но вследствие трудностей, возникших из-за особенностей беотийской конституции, план не был осуществлен (Thuc.,

¹³Ibid. P. 418.

¹⁴Salmon J. B. Op. cit. P. 325; 329.

¹⁵Westlake H. D. Op. cit. P. 418; Salmon J. B. Op. cit. P. 325.

¹⁶Westlake H. D. Op. cit. P. 418f.

V, 38, 2-3)¹⁷, и неудача оставила ситуацию неизменной. Последующее заключение союза между Спартой и Беотией встревожили аргосцев: они боялись, что столкнутся в лице Спарты, Афин, Беотии и Тегеи, с объединением более сильным, чем их собственная коалиция (Thuc., V, 40, 3). Подозрительные дипломатические лавирования Коринфа, чьи мотивы не были вполне понятны им, вероятно, дали другую причину для беспокойства. После этого в начале 420 г. аргивяне начали переговоры со Спартой, сожалея об отказе возобновить перемирие, которое истекло в прошлом году (Thuc., V, 40, 3-41, 3). Однако вскоре, рост антиспартанских настроений в Афинах (Thuc., V, 25, 2; 42, 2-43, 1) и дипломатические шаги Алкивиада (Thuc., V, 43, 2-3)¹⁸ подали надежду на то, что афиняне могут присоединиться к Аргосской коалиции, и эта перспектива позволила аргосцам прекратить их переговоры со Спартой. Давние симпатии демократического Аргоса к Афинам (Thuc., V, 44, 1) и надежда аргивян использовать напряжение между Афинами и Спартой (Thuc., V, 42, 2) были угрозой для коринфского плана. Наконец резкое обострение напряженности между Спартой и Афинами и активная антиспартанская деятельность Алкивиада и его сторонников подтолкнули Афины к сближению с Аргосской коалицией, и это в корне изменило ее характер. Олигархический Коринф оказался в одном блоке с ненавистными ему Афинами и демократическими государствами, которые готовились не к дипломатическому давлению на Спарту, а к вооруженному конфликту с ней¹⁹. Когда летом 420 г. до н. э. Аргос, Афины, Мантиния и Элида подписали договор о создании антиспартанского по своей сути военного союза (Thuc., V, 47, 1-12), Коринф отказался войти в него и начал поиск примирения со Спартой (Thuc., V, 48, 2-3). Более поздняя попытка аргивян убедить Коринф присоединиться к новому блоку, которая показывает, что Аргос не осознавал остроты антагонизма коринфян к Афинам, потерпела неудачу (Thuc., V, 50, 5). Последующие действия коалиции, затрагивающие интересы Коринфа в северо-восточном Пелопоннесе, привели

¹⁷Беотархи одобрили предложение о создании антиафинской коалиции, которое послы получили в Лакедемоне, но члены совета Беотийского совета отказались его принять, и беотархи не стали настаивать на рассмотрении этого вопроса.

¹⁸*Salmon J. B.* Loc. cit.

¹⁹*Salmon J. B.* Op. cit. P. 326.

к окончательному охлаждению его отношений с бывшими союзниками²⁰.

Таким образом коринфская дипломатия потерпела полную неудачу. Единственной компенсацией новой расстановки сил было то, что вступление Афин в Аргосскую лигу увеличило их трения со спартанцами, но едва ли можно было рассчитывать на то, что спартанцы начнут открытую войну с Афинами пока Аргос, Мантинея и Элида оспаривают их лидерство в Пелопоннесе²¹. Коринфяне могли только ждать более благоприятного момента и тем временем сопротивляться попыткам афинян унижить их еще больше (Thuc., V, 52, 2; 53; 55,1). Битва при Мантинее в 418 г. существенно улучшила их положение, и в 416 г., когда афинские отношения со Спартой едва не переросли в вооруженный конфликт, коринфяне объявили войну Афинам (Thuc., V, 115, 2-3), надеясь вскоре втянуть в конфликт весь Пелопоннеский союз.

²⁰В 418 г. по инициативе Алкивиада жители Патр возвели длинные стены, тогда же Алкивиад попытался построить близ ахейского Риона крепость, которая должна была контролировать вход в Коринфский залив. Чуть позже Аргос при поддержке афинян начал войну с Эпидавром. По мнению Фукидида все эти действия были направлены на нейтрализацию Коринфа.

²¹Westlake H. D. Op. cit. P. 419.

Афины после свержения тирании Тридцати в 403 г. до н. э.

В конце V в. до н. э. Афины переживали очень сложный и драматический период своей истории. После окончательного поражения афинян в Пелопоннесской войне к власти в городе в августе 404 г. пришли с помощью спартанцев тридцать правителей, которых принято называть Тридцатью тиранами¹. А в январе 403 г. демократы уже вернулись в город после их низвержения, а окончательное соглашение было принято при архонте Эвклиде (403/402 гг.). К сожалению, реконструкции данного этапа не может помочь документальная традиция, поскольку надписи, обнаруженные до сегодняшнего дня, касаются, в основном, конфискации и продажи полетами имущества самих тиранов и их сторонников.² До 1890-х годов в распоряжении исследователей был только один контекстный источник — «История Греции» Ксенофонта (II, 3, 1–4,43) — и отдельные замечания Андокида в речи «О мистериях» (I), Лисия в речи «Против Эратосфена» (XII) и Исократ в речи «Против Каллимаха» (XVIII).

Так, в 403 г. Аттика оказалась разделенной между демократами, обосновавшимися в Пирее, и городской партией, «теми, кто оставался в городе», а затем с помощью спартанцев было достигнуто формальное примирение. Это примирение можно условно назвать первым. По словам Ксенофонта оно состоялось на следующих условиях: «1) обе партии должны отныне не враждовать между собой; 2) каждый получает свое прежнее имущество, кроме Тридцати правителей, коллегий Одиннадцати и Десяти бывших начальников Пирея; 3) кто из владевших городом боится народного мщения, может поселиться в Элевсине» (II, 4, 38; пер. С. Я. Лурье).

Оставшиеся в живых члены коллегии тридцати, по-видимому, ушли в Элевсин, там к ним присоединились их сторонники, покинувшие вновь ставшие демократическими Афины. Еще ранее они практически завладели этим городом, казнив часть его жителей (Хен., II, 4, 8-10). Затем, по словам Ксенофонта, «через некото-

¹ Впервые такое обозначение встречается у Диодора (XIV, 32).

² Walbank M. B. The confiscation and sale by the poletai in 402/1 B.C. of the property of the Thirty tyrants // *Hesperia*. Vol. 51, 1981, № 1. P. 74–98.

рое время» жившие в Элевсине пригласили к себе наемников, в ответ на что из Афин было послано всенародное ополчение. В состоявшемся сражении победили афинские демократы, после чего «обе стороны дали клятвы, что не будут помнить прошлого зла». И далее Ксенофонт сообщает о современном ему положении бывших противников: «засевшие в Элевсине по сию пору пользуются гражданскими правами, и народ не нарушает своих клятв» (II, 4, 43). Это примирение можно назвать вторым. Таким образом, по Ксенофону, при первом урегулировании, согласно принятому соглашению, свергнутые правители просто полностью исключались из договора, причем в этой его части речь шла только о восстановлении прав на имущество. И только при втором соглашении после окончательного примирения в 401/400 г. в его текст была включена клятва «не припоминать зла» ($\mu\eta\ \mu\eta\sigma\iota\chi\alpha\chi\epsilon\iota\nu$), причем в этом случае уже без всяких исключений. Ксенофонт не уточняет и мы можем только предполагать, что объектом ее были, в том числе, и тридцать тиранов, если кто-нибудь из них еще оставался жив и находился в Элевсине.

В отличие от Ксенофонта, Андокид говорит в своей речи, произнесенной через несколько лет после описываемых событий, в 400 или 399 г., что целый город после свержения тирании поклялся «не припоминать зла» ($\mu\eta\ \mu\eta\sigma\iota\chi\alpha\chi\epsilon\iota\nu$) никому, кроме Тридцати, Десяти, да и им нельзя «припоминать», если они сдадут отчет о пребывании их у власти (I, 90). Андокид, судя по контексту, приписывает как саму клятву, так и исключение из нее, непосредственно первому урегулированию 403 г.

Таким образом, до 1890-х гг., т.е. до обнаружения и издания Лондонского папируса с «Афинской политией» Аристотеля, исследователи так и не смогли прийти к единому мнению, к какому именно соглашению все же принадлежала формулировка этой клятвы, и к какому — исключения из нее, было ли в действительности одно всеобъемлющее соглашение или их было два.

Аристотель сообщает (39, 1-5), что первое примирение состоялось при архонте Эвклиде, т.е., по всей видимости, в конце лета 403 г., на следующих условиях: 1) любой афинянин из «городской партии» по своему желанию может переселиться на постоянное место жительства в Элевсин «с сохранением всех гражданских прав, полной свободы, личной независимости и правом пользоваться доходами от своего имущества»; 2) доступ в элевсинский

храм Деметры и Коры формально открыт одинаково для афинян и элевсинцев, а попечительство над ним остается по-прежнему за родами Кериков и Эвмолпидов; 3) но приходит афинянам в Элевсин, а элевсинцам в Афины разрешается исключительно только в дни мистерий; 4) подати с доходов в казну Пелопоннесского союза элевсинцы и афиняне должны платить на одинаковых основаниях; 5) переселяющийся в Элевсин может занять там любой дом с согласия владельца, в ином случае — за цену, которую назначат шестеро оценщиков, по трое со стороны продавца и покупателя; причем из элевсинцев в этом же доме могут остаться только те, которых новые хозяева захотят принять; 6) желающие переселиться должны записаться в течение десяти дней после принесения клятвы соблюдать условия примирения, а выселиться должны в последующие двадцать дней; отсутствующие в городе афиняне должны также решить этот вопрос в течение месяца после своего возвращения; 7) проживающий в Элевсине «не имеет права занимать никакой должности в Афинах, пока не запишется снова на жительство в городе»; 8) дела по убийствам, «если кто-нибудь собственноручно убил или ранил человека», должны подвергаться судебному разбирательству согласно «отеческим заветам»; 9) «За прошлое никто не имеет права искать возмездия ни с кого, кроме членов коллегий Тридцати, Десяти, Одиннадцати и правителей Пирея, да и с них нельзя искать, если они представляют отчет»; 10) пирейская партия должна отчитаться перед судом в Пирее, городская — перед собранием лиц, «могущих показать имущественный ценз»³; только после этого приверженцы олигархов имеют право выселиться в Элевсин; 11) деньги, взятые каждой партией в долг на войну, должны быть выплачены по отдельности.

О втором примирительном соглашении Аристотель не приводит вообще никаких подробностей и только говорит, что оно состоялось на третий год после выселения олигархов в Элевсин.

Таким образом, Аристотель явно приписывает как принятие самой клятвы $\mu\eta\ \mu\upsilon\eta\sigma\iota\alpha\chi\eta\epsilon\upsilon\nu$, так и исключения из нее, сделанное для тиранов и их сторонников, первому примирительному соглашению 403 г. После изучения текста «Афинской политики», несмотря на от-

³Используется чтение без учета дополнения первого издателя «Афинской политики» Ф. Кениона относительно городской партии — что она должна отчитываться в городе ($\epsilon\nu\ \tau\acute{\omega}\ \alpha\sigma\tau\epsilon\iota$) перед согражданами, которые могут показать ценз.

меченные неточности,⁴ среди исследователей возобладало мнение, что специально оговоренный отчет для тиранов предусматривался уже урегулированием 403 г.⁵ Однако, в научной литературе продолжают высказываться мнения об ошибочности такой интерпретации. Так, например, в опубликованной недавно статье Эд. Кароана автор настаивает, что версия, передаваемая Аристотелем, не совсем точно описывает события 403 г. Эд. Кароан считает, что клятва «не припоминать» и обязательный отчет для всех исполнявших должность были среди пунктов первого соглашения, но исключения для Тридцати тиранов — не было. Аристотель, с его точки зрения, включает в описание первого примирительного соглашения одно условие, относящееся ко второму урегулированию, в частности — исключение для Тридцати.⁶ Таким образом, отсутствие общепризнанной интерпретации событий этого краткого периода афинской истории делает необходимым вновь обратиться к этой теме, тем более, что отечественное антиковедение активно ее не разрабатывало.

Прежде чем перейти к рассмотрению условий примирения необходимо сначала разобраться, во-первых, в самом термине, которым в источниках характеризуется соглашение 403 г., во-вторых, в том, как афиняне понимали свои обязательства согласно этому соглашению, и, в-третьих, как в него вписывался пункт об особенных правах группы лиц по сравнению с остальными. Итак, Аристотель называет первое примирительное соглашение *διαλύσεις*⁷, у Ксенофонта используется совсем другой термин — *διαλλάγαι*⁸. Эти термины можно принять за синонимы, но некоторая специфика все же есть: *διαλύσεις* обычно подчеркивает завершение конфликта как такового, разделение противоборствующих сторон и их обязательство в будущем не поднимать вопросов, которые считаются уже окончательно решенными этим соглашением. Другой термин — *δι-*

⁴Rhodes P. J. A commentary on the Aristotelian Athenaiion Politeia. Oxford, 1993. P. 456–474 (Комментарий к главам 38–39).

⁵См., например, из более новых работ: Loening T. The reconciliation agreement of 403/2 B.C. in Athens. Stuttgart, 1987; Todd S. C. Athenian internal politics 403–395 B.C. with particular reference to the speeches of Lysias. Cambridge, 1985.

⁶Carawan E. Amnesty and accountings for the Thirty // Classical Quarterly. Vol. 56, 2006, № 1. P. 57–76.

⁷LSJ, s.v. *διάλυσις* — преимущ. pl. — прекращение враждебных действий, заключение мира, примирение (Arist., Dem., Plut.).

⁸LSJ, s.v. *διαλλάγη* — преимущ. pl. — заключение мира, примирение (Her., Eur., Xen., Isocr., Plat., Dem.).

ἀλλάγαι — обычно обозначает прекращение конфликта с помощью решения имущественных и юридических проблем, обязывая стороны обменять или разделить «определенные активы».⁹

Таким образом, оба термина обозначают купирование конфликтной ситуации и заключение каких-либо соглашений и при такой интерпретации использование Ксенофонтом, Андокидом и Аристотелем различных терминов может и не иметь особого значения, если бы не совпадало с другими отличиями в описании этими авторами последовательности событий 403–400 гг. Исходя из этого, еще П. Клоше в свое время предположил, что в 403 г. было заключено два соглашения: собственно мирный договор (εἰρήνη), затрагивающий все противоборствующие стороны, и примирение (διαλύσεις), т. е. согласование интересов политических группировок в самих Афинах. В этом случае свидетельство Ксенофонта относится к миру, а Аристотеля — к согласованию.¹⁰ Аргументы П. Клоше сводятся к тому, что после описания двух первых пунктов урегулирования, переходя к договоренности относительно городской партии и ее перемещения в Элевсин, Ксенофонт пишет «они решили» (ἔδοξεν αὐτοῖς), как будто эта мера могла быть отдельной от согласования, возможно даже определялась конкретной псефизмой.¹¹

С первого взгляда текст Аристотеля поддерживает такую интерпретацию, так в его описании условий соглашения 403 г. нет пункта, который был бы обязателен для единого всестороннего урегулирования, т. е. первого пункта Ксенофонта — соблюдать мир. Но, с нашей точки зрения, это скорее свидетельствует не в пользу существования двух отдельных договоров, а в пользу того, что Аристотель, определяя примирение уже самим термином διαλύσεις, далее сосредотачивает все свое внимание на конкретных следствиях этого соглашения. В целом эта теория с двумя соглашениями, принятыми после свержения тирании в Афинах, современным исследователям, к мнению которых мы присоединяемся, кажется надуманной.¹²

Что касается термина ἀλλάγαι у Ксенофонта, то стороны, связанные этим соглашением, предоставляют друг другу и, соответственно, получают определенные преимущества в материальном и

⁹ Carawan E. Amnesty ... P. 59–60, nn.7-8.

¹⁰ Cloché P. La restauration démocratique a Athènes en 403 avant J.C. Paris, 1915. P. 239–244.

¹¹ Ibid. P. 244.

¹² Rhodes P. J. A commentary ... P. 463; Carawan E. Amnesty... P.59.

юридическом аспектах, т.е. по сути, выступают в качестве своеобразных партнеров. Само понятие «примирительное соглашение» подразумевает как минимум две стороны, и если с одной все более определено, то состав другой может быть неодинаков на различных этапах подготовки согласительного договора. Так, под «пирейской партией» надо подразумевать тех, кого Фрасибул привел из Филы в Пирей и затем в город, а также всех демократов, сумевших пережить тиранию в самих Афинах. Под «городской партией» подразумевались, конечно же, все олигархически настроенные афиняне, участвовавшие или поддерживавшие правление Тридцати, все те, которые по условиям соглашения получают возможность переселиться в Элевсин. К городской партии на момент заключения этого соглашения относятся и сами Тридцать (собственно говоря, максимум двадцать восемь, так как двое, по словам Ксенофонта (II, 4, 19), погибли незадолго до этого; по словам же Лисия во время функционирования комиссии Десяти в городе из Тридцати правителей остались только Фидон и Эратосфен (XII, 54)), Одиннадцать и десять пирейских правителей (один из них также погиб одновременно с тиранами). Свидетельством тому является оговорка «кроме», учитывающая их участие в соглашении, но на особых условиях, как главных виновников как самого гражданского конфликта, так и его последствий.

Однако равноправными партнерами они, безусловно, не были, поскольку одна сторона являлась победившей, другая проигравшей. И передаваемая Ксенофонтом речь Фрасибула хорошо это иллюстрирует: он, обращаясь к представителям городской партии, убеждает их дать отчет в своих действиях и, ссылаясь на различные аргументы, доказывает, что они с самого начала не имели никаких преимуществ перед остальными согражданами, чтобы претендовать на власть в Афинах (II, 4, 40-42). Но условия примирительного соглашения отличаются от условий военной капитуляции, т.е. действительно можно говорить об обмене некоторыми «активами». Так, пирейская партия получает возврат к прежнему положению, т.е. к господству в политическом плане и владению всем своим прежним имуществом (Xen., II, 4, 38). Ксенофонт не уточняет, каким именно образом должен осуществляться этот возврат. Можно только предположить, что собственность, захваченная самими Тридцатью и их приверженцами, ныне переезжавшими в Элевсин, просто переходила обратно к прежним владельцам. Иму-

щество, движимое и недвижимое, конфискованное во время тирании и официально проданное городскими властями третьим лицам (Хен., II, 3, 21), должно было, по-видимому, выкупаться у новых владельцев. У Аристотеля подобный пункт соглашения вообще отсутствует — есть только конкретные указания на права представителей городской партии, переселяющихся в Элевсин.

По этому же соглашению олигархи получают в свое полное распоряжение Элевсин. Еще раз подчеркнем, как Аристотель (39,1) подробно описывает их новый социальный и имущественный статус: они получают гражданские права жителя Элевсина в полном объеме, им гарантируется неограниченная свобода и личная независимость, а также право самостоятельно распоряжаться своим имуществом, приобретенным в этом городе (ἐπιτίμους ὄντας καὶ κυρίους καὶ αὐτοκράτορας ἑαυτῶν καὶ τὰ αὐτῶν καρπομένους). При этом ни о каком исключении в тексте «Афинской политики» не говорится, т. е. формально под условия этого параграфа соглашения подпадали и Тридцать, и Одиннадцать, и пирейские Десять. О специальном исключении для них Аристотель говорит ниже, когда рассказывает о клятве μὴ μνησικαχεῖν (39, 5).

По мнению Эд. Кароана все эти привилегии в Элевсине представлялись им в обмен на отказ от их господствующего положения в Афинах.¹³ Но согласно описанию Ксенофонта и Аристотеля к моменту заключения соглашения Тридцать были уже низложены и власть в городе принадлежала комиссии из десяти человек, поэтому, как нам представляется, платой за эти привилегии в Элевсине скорее должен был стать отказ от организации сопротивления восстановленной демократии и объединения сил сторонников олигархии для повторных попыток изменения государственного строя Афин. Возможно, что этим соглашением также подразумевалось их обязательство не претендовать в дальнейшем на пересмотр дел об их имуществе в Афинах, которое, как мы знаем из эпиграфических памятников, вскоре после заключения этого соглашения было конфисковано¹⁴ и продано.¹⁵

¹³ Carawan E. Amnesty ... P. 62.

¹⁴ Подробный анализ текстов с отчетами полетов в 403 г. о продаже ими различного имущества, в том числе и принадлежащего бывшим Тридцати правителям, см.: Walbank M. B. The confiscation ... P. 74–98.

¹⁵ Эти деньги могли пойти, в том числе, и на восстановление Пникса — места народных собраний — как символа афинской демократии. По заключению ис-

При этом с Элевсином как с подвластным городом обращается как одна, так и другая сторона. Олигархи, почувствовав, что их положение в Афинах пошатнулось, устроили там под видом переписи настоящую резню, чтобы, по словам Ксенофонта, при необходимости иметь надежное убежище (II, 4, 8-10). Демократы законодательно закрепили в тексте соглашения право выселявшихся в Элевсин захватить там любой понравившийся им дом. И хотя элевсинцам гарантируется возмещение стоимости, они могут быть и принуждены его покинуть, поскольку обязаны взять сумму, определенную оценщиками. Каких оценщиков выбрали бы себе вновь прибывшие олигархи — очевидно, но и на оценщиков со стороны элевсинца вполне можно было оказать как физическое, так и психологическое давление. Таким образом, это практически завуалированная конфискация домов и, соответственно, земли по официальному постановлению афинских властей.

После вступления этого соглашения в силу появление афинских жителей в Элевсине и элевсинцев в Афинах разрешалось только в период празднования Элевсинских мистерий (39, 2). При этом Элевсин был очень значимым для Аттики религиозным центром и отлучение афинян от святилища почти на весь год являлось стратегически верным, но, по-видимому, болезненным решением, поскольку разделение противоборствующих сторон и гражданское примирение на данном этапе было крайне важно.

Формально предоставлялись широкие возможности для выселившихся вернуться впоследствии в Афины, но трудно себе представить, что олигархи в подобных обстоятельствах решились бы на это. По словам Аристотеля после повторной регистрации в Афинах и, по-видимому, получения подтверждения гражданских прав, можно было занимать любую должность. П.Родс возражает против попыток интерпретировать этот пункт как исополитию и указывает, что такая привилегия часто упоминается в надписях относительно отношений колонии и метрополии, но считает, что ситуация в Афинах в 403 г. была совсем

следователей второй строительный период Пникса можно датировать как раз началом 402 г., а в стесненных финансовых условиях после окончания войны и потери Афинами лидирующего положения в средиземноморской торговле эти деньги являлись чуть ли не единственной возможностью, см.: *Moysey R. A. The Thirty and the Pnyx // American Journal of Archaeology. Vol. 85, 1981, № 1. P. 31-37; esp. P. 31.*

иной.¹⁶ Кроме того, остальные пункты соглашения резко контрастируют с «такими дружескими отношениям» бывших политических врагов. По мнению же Эд. Кароана, этот пункт имеет в виду не тех, кто должен переселиться после заключения договора из числа городской партии, а тех, кто уже к этому моменту жил в Элевсине, т. е. это параллельный процесс регистрации тех, кто бежит от прибывающих олигархов.¹⁷ По его мнению, они бежали в свое время во время Декелийской войны в Афины, а в 404 г. сразу после заключения мира вернулись в Элевсин. Такая интерпретация, в принципе, вполне возможна, но она не находит никакого подтверждения в источниках и поэтому может рассматриваться только как гипотеза.

Еще один пункт соглашения представляет определенные трудности. По словам Аристотеля — «за прошлое никто не имеет права искать возмездия ни с кого, кроме членов коллегий Тридцати, Десяти,¹⁸ Одиннадцати и правителей Пирея, да и с них нельзя искать, если они представят отчет» (τῶν δὲ παρεληλυθότων μηδενὶ πρὸς μηδένα μνησικαχεῖν ἐξεῖναι, πλὴν πρὸς τοὺς τριάκοντα καὶ τοὺς δέκα καὶ τοὺς ἑνδέκα καὶ τοὺς τοῦ Πειραιέως ἄρχοντας, μηδὲ πρὸς τούτους, ἐὰν διδώσιν εὐθύνας; 39,5). Этот параграф содержит термин *μη μνησικαχεῖν*, который обычно переводится как «не припоминать зло».¹⁹ По мнению Эд. Кароана, термин (*μη μνησικαχεῖν*) не должен иметь исключений по самой своей природе, кроме того, не соответствует сути соглашения, принятых в 403 г.²⁰ Поэтому он выдвигает предположение, что в 403 г. было принято соглашение, условиями которого предусматривалась клятва «не припоминать зло» и отчет всех, исполнивших должность в период правления тиранов, но не было сделано никакого исключения — ни для самих Тридцати, ни для их сподвижников. И только после неизбежного пересмотра условий первого соглашения при воссоединении города и Элевсина в 401/400 гг. были внесены изменения и, таким образом, формулировка, в той форме, в которой ее приводит Аристотель, относится именно ко второму соглашению.

¹⁶ *Rhodes P. J.* A commentary ... P. 264–265.

¹⁷ *Carawan E.* Amnesty ... P. 64–65.

¹⁸ Ни Ксенофонт, ни Андокид, не называют в связи с этим соглашением членов комиссии Десяти, избранной уже после низвержения Тридцати тиранов.

¹⁹ cf. *Carawan E.* The Athenian amnesty and the scrutiny of the laws // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 122, 2002. P. 1–23.

²⁰ *Carawan E.* Amnesty ... P. 57; cf. 58, 69.

Нам представляется, что любой термин для гибкого греческого ума мог иметь исключения, и политический контекст тут не помеха. Что же касается соответствия, то клятва «не припоминать зло» тоже является своего рода примирительным соглашением, по условиям которого сторонам запрещаются дальнейшие жалобы и требования по проблемам, которые определенно признаны и к этому моменту уже считающимся решенными. Для включения же в текст соглашения этого «исключения с исключением», с нашей точки зрения, как раз больше подходила политическая ситуация первого примирения, поскольку кажется нелогичным в 403 г., когда еще очень свежи и болезненны воспоминания обо всех бесчинствах тиранического режима прощать всех без исключения, а три года спустя, когда и накал страстей уже значительно затих и из Тридцати и их сподвижников немногие остались в живых, делать относительно них специальную оговорку.

Таким образом, обязательства налагаются на обе стороны — одна должна отчитаться, другая обещает «не припоминать зла» после этого. Поскольку ситуация в Афинах была очень непростой, условиями соглашения оговаривались разные инстанции для прохождения отчета. Аристотель фиксирует два различия — региональное (между Пиреем и Афинами) и имущественное (между теми, кто может показать имущественный ценз и теми, кто не может).²¹ Как отбирались судьи не сообщает ни один автор, поэтому, например, П. Родс вполне резонно считает, что магистраты, исполнявшие должность в городе, должны были отчитываться перед состоятельными судьями обеих партий — как пирейской, так и городской.²² В принципе отчитаться, видимо, было возможно — тот же Аристотель сообщает, что вторая коллегия Десяти во главе с Риномом,²³ «хотя члены ее взяли дела в свои руки при олигархии, им удалось благополучно сдать отчет при демократии, и никто не выставил против них никакого обвинения, ни из тех, которые оставались в городе, ни из тех, которые вернулись из Пирея» (38, 4). Пирейская же партия должна была, по-видимому, без затруднений отчитаться в Пирее,

²¹ В оригинале — *τιμίματα παρὰ ἑξέμενοι*. Об имущественной квалификации магистратов см.: Arist. Pol., 1318b 30-32; cf. *Cloché P.* La restauration ... P. 268-272.

²² *Rhodes P. J.* A commentary... P. 470.

²³ Об этой второй комиссии ничего не сообщают, ни Ксенофонт, ни Лисий; cf. *Fuks A.* Notes on the rule of the Ten at Athens in 403 B.C. // *Mnemos.* Vol. 6, 1953. P. 202.

поскольку в этом торговом и военном порту основная масса населения придерживалась демократических взглядов.

Таким образом, нужно говорить не только о том, когда появилось в согласительном документе это «исключение с исключением», а почему оно появилось. Если допустить, что спартанцы диктовали условия этого соглашения, то следовало бы ожидать более твердых гарантий для Тридцати, а не исключения их из общего списка. С другой стороны, если этот параграф был призван укрепить общую амнистию, то он должен был иметь и другую формулировку — все магистраты, которые исполняли должность или пребывают в ней в данный момент, обязаны сдать отчет, включая даже наиболее преступных среди них; все оправданное после этого свободно от дальнейших исков и запрещается вновь «припоминать зло». В этом случае формула имела бы обычное значение завершения дела без последующего оспаривания раз принятого решения, причем без каких-либо исключений.

Сам термин $\mu\eta\ \mu\upsilon\eta\sigma\iota\alpha\chi\eta\epsilon\upsilon\nu$ не амнистия в обычном понимании — т. е. прощение и гарантия неприкосновенности, а именно в буквальном смысле «не припоминание». В сложных политических условиях 403 г. $\mu\eta\ \mu\upsilon\eta\sigma\iota\alpha\chi\eta\epsilon\upsilon\nu$ было действенным средством урегулирования гражданского конфликта и уменьшения возможности его повторения из-за возбуждения ненависти за старые обиды. В соответствии с рассказом Аристотеля к соблюдению этой меры восстановленная демократия относилась очень серьезно и когда кто-то из пирейской партии, вернувшись в город, попытался искать возмездия за прошлые преступления олигархов, он был арестован и приведен в Буле. Выступив перед членами совета, представитель умеренной демократии Архин убеждал их, что теперь им «предстоит показать, хотят ли они спасти демократию и соблюдают присягу: если отпустят этого человека, то это будет поощрением и для остальных, если же казнят, это будет примером для всех» (40, 2). Этот человек был казнен без суда как государственный преступник и после этого, по словам Аристотеля, уже никто никогда не искал возмездия за прошлое.

Как нам представляется, в непосредственной связи с параграфом с клятвой $\mu\eta\ \mu\upsilon\eta\sigma\iota\alpha\chi\eta\epsilon\upsilon\nu$ находится и предыдущий параграф: «Дела об убийстве должны вестись по отеческим заветам — в случае, если кто-нибудь собственноручно убил или ранил человека» (39, 5). Прямого отношения к акту гражданского примирения эта

статья уголовного права (*δίκη φόνου*) не имела, но, тем не менее, оказывалась чрезвычайно важной именно в этом согласительном документе, поскольку за восемь месяцев тиранического правления было, по меньшей мере, полторы тысячи человек убито и пятьсот изгнано. Насколько этот параграф был актуален, свидетельствует частота упоминаний Ксенофонтom о казненных афинянах (Хен., II, 3, 12, 14, 15, 21, 22, 24, 32, 40, 42, 43; 4,1). Кроме того, оговорка Аристотеля «по отеческим заветам» свидетельствует, что в кодекс законов были внесены некоторые изменения во время правления тиранов (cf. Хен., II, 3, 53).

Относительно закона об убийстве рассуждает и Андокид в своей речи «О мистериях». Андокид говорит, что старый закон, в соответствии с которым замысливший столь же виновен, что и сам убийца, все еще в силе, но с поправкой — от архонта Эвклида. Приводит он также фрагмент клятвы всего города после примирения в 403 г.: «И не буду помнить зла ни на кого из граждан, за исключением Тридцати, Десяти²⁴ и Одиннадцати; и даже из них ни на кого, кто пожелает представить отчет в исполнении той должности, которую он занимал» (I,90). По сути он говорит о трех различных присягах: о присяге для граждан всего города, о присяге для буле и о присяге для дикастов, т. е., по-видимому, приводит версию, применяемую в 400/399 г.²⁵ Но на самом деле его интересуют только особенности собственного дела — напоминая о клятве, он тем самым объясняет, почему именно сыновьям Леона нельзя преследовать по суду Милета, его обвинителя на этом судебном процессе, за соучастие в смерти их отца в 404 г. Кроме того, приводит этот инцидент в качестве аналогии, почему и его, Андокида, нельзя в 400 г. обвинять по старым преступлениям 415 г., по которым он уже был оправдан.²⁶

И, наконец, последний пункт о выплате денег нужно расценивать как еще одну меру по консолидации общества. Аристотель с похвалой отзывается о том, что демократия после ее восстановления в Афинах взяла на себя полностью финансовые обязательства всех сторон гражданского конфликта и выплатила полностью из государственной казны долг спартанцам именно в качестве меры укрепления солидарности (40, 3), поскольку афиняне «видели

²⁴Имеются в виду десять правителей Пирея.

²⁵Andokides. *On the mysteries* / Text ed. with introd., comm. and append. by D. M. MacDowell. Oxford, 1962. P. 194–195.

²⁶Ibid. P. 130–131.

в этом первое, что должно служить началом для взаимного согласия» и затем добавляет, что «в остальных государствах демократия в случае своей победы не только не добавляет своих денег на общие расходы, но еще и производит раздел земли».²⁷

Ранее Аристотель напрямую не говорит о займе, сделанном самими тиранами, только о деньгах, которые получила коллегия Десяти, избранная уже после низложения Тридцати.²⁸ Намек на этот заем можно усмотреть только в словах Аристотеля, что после казни Ферамена они отправили послов в Лакедемон с просьбой о помощи. В ответ спартанцы прислали отряд в семьсот человек во главе с гармостом Каллибием. Не исключено, что тираны одновременно с военной просили и финансовую поддержку. Если же нет, то Аристотель, по-видимому, считает этих Десять прямыми последователями Тридцати, тем более что они правили совершенно в том же духе. Они, например, казнили видного афинянина Демарета без каких-либо очевидных причин, лишь с целью навести на всех страх, и так же, как Тридцать, опирались на поддержку пелопоннесцев (38, 2). Но, по всей видимости, в 403 г. афиняне только согласились выплатить деньги по отдельности, но поскольку Тридцати как корпорации уже не существовало, и платить они могли только опосредованно — своим конфискованным имуществом, городским властям пришлось вынужденно отдать спартанцам всю сумму долга. Согласно Демосфену эта выплата состоялась уже после воссоединения города с Элевсином (XX, 11-12).

Воссоединение, по Аристотелю, состоялось на третий год при архонте Ксененете, т. е. в 401/400 г. (40,3). Перед этим произошло серьезное обострение отношений, когда элевсинские олигархи начали составлять наемное войско, но афиняне быстро отреагировали и, собрав ополчение, вышли к Элевсину. Стратеги элевсинцев были убиты, а остальных через родственников и друзей уговорили заключить мир, в соответствии с условиями которого они получали полную амнистию, но обязывались подчиняться афинским законам, а сам Элевсин возвращался в состав афинского государства (Хен., II, 4, 43).

Итак, подведем некоторые итоги. С нашей точки зрения не стоит отвергать ни одного сообщения античного автора, при учете спе-

²⁷Видимо, Аристотель намекает на события на Самосе в 412 г.; Cf. Thuc. VIII, 21.

²⁸О них подробно рассказывает Лисий (XII, 59–60).

цифики каждого из них они оказываются вполне совместимыми и дополняющими друг друга. Как нам представляется, включение пункта об амнистии (т.е. $\mu\lambda\ \mu\nu\eta\sigma\iota\chi\omega\sigma\eta\epsilon\upsilon\nu$) в общий текст соглашения в 403 г. вполне мог соответствовать линии поведения восставленной демократии, подчеркивающей таким образом торжество демократического принципа исполнения обязанностей, т.е. обязательный для всех государственных магистратов отчет. Исключение из общего правила составляли тираны, пирейские правители и члены комиссии Одиннадцати, но их не обязывали проходить этот отчет в законодательном порядке — они имели право сдать отчет в том случае, если только захотели бы, чтобы им «не припоминали зла» в Афинах. В Элевсине же большинство населения было настроено олигархически, что и проявилось в попытке призвать наемников против установившейся в Афинах демократии, поэтому трудно себе представить, чтобы кто-нибудь из вышеперечисленных решился бы покинуть относительно безопасный для них город. Одновременно этот параграф мог быть демонстрацией умеренно-демократической комиссией Десяти своей лояльностью спартамцам, доказательством, что никто не ущемлен в правах, даже тираны, ибо сдача отчета — это обычная нормативная процедура. По-видимому, многие из приверженцев Тридцати так и остались жить в Элевсине, поскольку, согласно Ксенофону, они «до сих пор» пользуются полными гражданскими правами, а афиняне соблюдают договор (II, 4,43). Безусловно, нельзя и идеализировать афинскую демократию, но, с другой стороны, не стоит преувеличивать и ожесточенность против друг друга рядовых членов пирейской и городской партий. Так, Ксенофонт пишет, что даже после решающего сражения накануне свержения власти Тридцати тиранов, «многие солдаты воюющих сторон подходили друг к другу и дружелюбно разговаривали» (Xen., II,4,20).

Источники часто сообщают о том, что и олигархия, и демократия, позволяли себе ожесточенные выходки, но афинское демократическое общество было единым только формально, поскольку всегда оставалось дуалистичным, и поэтому ему приходилось постоянно искать компромиссы между демократами и аристократами для сохранения гражданской корпоративности. В тяжелый же период конца Пелопоннесской войны, в 403 г., точно также как и в 411 г., гражданский конфликт был спровоцирован скорее не внутренними, а внешними причинами.

Процессы стратегов по исангелии в IV в. до н.э. и афинская демократия

Исангелия (εἰσαγγελία — букв. «объявление, донесение») — особого рода жалоба, или донос о государственном преступлении, т. е. тяжком преступлении, угрожавшем безопасности государства, — была самым опасным для обвиняемого видом политического процесса в Афинах и единственным, который мог проходить не только в гелиэе, но и в экклесии. Предположительно в конце V в. до н. э.¹ был принят особый закон о чрезвычайных заявлениях — νόμος εἰσαγγελτικός, четко формулировавший, в каких случаях следовало подавать чрезвычайную жалобу: попытка ниспровержения демократии и составление заговора (гетерии) с этой целью; измена отечеству и дружественным городам; речи или предложения продажного политика, направленные против блага народа или обманывающие народ (содержание данного закона см. в: Нур., IV, 7–8; Pollux, VIII, 51; Lex. Rhet. Cantabrigiense, s.v. εἰσαγγελία).

По утверждению наших источников (Dem., VIII, 28–29; XIII, 5; Нур., IV, 27), главными жертвами исангелий были стратеги. Подробный анализ процессов, проведенный М. Хансеном и Р. Синклэром, подтверждает эти сведения²; Л. Сэмонс пишет о «шокирующей частоте», с которой привлекались стратеги к суду³. Как Дамоклов меч, над головой афинского полководца висела угроза обвинения в государственном преступлении: в случае неудачи, «если бы он потерял один город или только десяток кораблей... сразу бы на него донесли, обвинив в предательстве», потащили в суд и осудили бы на смерть» — эту душераздирающую картина рисует

¹Аргументы в пользу датировки 411/10 г., которой придерживается большинство исследователей см.: Thalheim Th. Zur Eisangelie in Athen // Hermes. Bd. 37. 1902. S. 339–345; idem. Eisangelie-Gesetz in Athen // Hermes. Bd. 37. 1902. S. 306–309.

²Hansen M. H. Eisangelia. The Sovereignty of the People/s Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians // OUCS. Vol. 5. 1975. P. 59–60, 68–120; Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambr., 1993. P. 146–152.

³Samons L. J. What's Wrong with Democracy? From Athenian Practice to American Worship. Berkeley; Los Angeles; L., 2004. P. 146. Также: Mossé C. Athens in Decline 404–86 B.C. L.; Boston, 1973. P. 24.

Демосфен (XX, 79 — пер. В. Г. Боруховича). В первой филиппике великий оратор сокрушается: «А сейчас у нас дела дошли до такого позорного состояния, что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью, с врагами же ни один их них не имеет решимости сразиться с опасностью быть убитым; смерть охотников за рабами и смерть грабителей они предпочитают почетной смерти: злодею ведь подобает смерть по приговору суда, а полководцу смерть в бою с врагами» (IV, 47 — пер. С. И. Радцига). Парафразируя Демосфена, можно сказать, что для стратега риск быть приговоренным к смертной казни по обвинению в государственном преступлении был более весом и реален, чем риск погибнуть в бою. Если этот и подобные ему риторические пассажи хоть в какой-то степени основаны на реальных фактах, есть серьезный повод для обвинения в адрес афинской демократии. Из источников нам известны имена 143 стратегов (432–355 гг.), из них более 30 обвинялись по исангелиям, если прибавить сюда другие виды процессов, эта цифра еще более возрастет. Всего из 37 привлеченных к суду стратегов только 5 были оправданы, 6 отделались штрафом, 21 были приговорены к смерти (10 — *in absentia*).⁴ За тот же период погибло в сражениях или было казнено врагами 24 стратега (из них 21 в Пелопоннесскую войну).

В нашей статье мы остановимся на некоторых процессах по исангелии IV в. до н. э., фигурантами которых были главным образом афинские стратеги или политики — ораторы, послы, выполнявшие различные поручения демоса. Их анализ позволит нам сделать некоторые наблюдения относительно особенностей афинской прямой демократии.

В 389 г. (или 388) по исангелии был обвинен Эргокл, участвовавший в походе Фрасибула к берегам Малой Азии и, вероятно, бывший стратегом 390/89 г. вместе со своим погибшим другом.⁵

⁴Эти 143 «покрывают» 289 стратегий из общего количества 770 (за 77 лет). Подсчеты — М. Хансена: *Eisangelia*. P. 60–63; *idem*. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology*. Norman, 1999. P. 217 (уточнены). Синклер (*Democracy*... P. 148) полагает, что относительно некоторых примеров, приведенных Хансеном, нет уверенности, что обвинение было именно по исангелии; это могли быть и другие процессы, в частности *euthynai*.

⁵Фрасибул был убит нападавшими на афинский лагерь жителями малоазийского г. Аспеда, разгневанными грабежами афинских солдат (*Xen. Hell.*, IV, 8, 25). Эргокл вместе с Фрасибулом (из Стерийского дема) освобождал когда-то

Против него были выдвинуты обвинения во взяточничестве, растрате и измене (δωλοδοκία, κλοπή, προδοσία — Lys., XXVIII, *passim*). Он был приговорен к смерти, а спустя какое-то время был привлечен к суду Филократ, приятель и казначей Эргокла, обвиненный в присвоении 30 талантов из собранных Эргоклом денег (Lys., XXIX); исход его процесса неизвестен.

Два раза под суд попадал стратег Фрасибула из дема Колит — в 387/6 и 382 г. (Dem., XXIV, 134). Судя по словам Лисия в речи, написанной им для одного клиента, Фрасибул обвинялся в том, что будучи подкупленным, передал врагам два афинских корабля, за мзду выкупал афинских пленных и опять же за взятку устроил переворот в Фивах (имеются в виду захват спартанцами Кадмеи и приход в Фивах к власти аристократической партии в 383 г.) (XVI, 23–24). Очевидно, что истина здесь плотно упрятана за инсинуациями обвинителя. Во всяком случае, Ксенофонт ни слова не говорит о том, что Фрасибул за взятку передал триеры спартанцам, рассказывая в пятой книге «Греческой истории» о том, как в 387 г. спартанский командующий Анталкид захватил у Абидоса афинскую эскадру, которой командовал Фрасибул (V, 1, 26–27): обвинение в измене на первом процессе Фрасибула вполне возможно явилось следствием данного поражения и потери кораблей. Смехотворно обвинение в устройстве переворота в Фивах (второй процесс), но какие именно действия Фрасибула дали повод связать его с несомненно неприятным для Афин инцидентом в Беотии, — неясно. Скорее всего стратег был дважды оправдан, иначе он не смог бы, как следует из той же речи Лисия, оспорить докимасию Леодаманта и ходатайствовать за своего протеже Евандра (XXVI, 21–23).

Фрасибул был не единственным стратегом, расплачивающимся за фиаско у Абидоса. Дионисий, стратег 387/6 г., как вероятно, и его коллеги Деменет, Леонтих и Фаний,⁶ был обвинен за неудачные действия против вышеупомянутого Анталкида (об этих действи-

Афины от тирании Тридцати (Lys., XXVIII, 12). О возможной стратегии — см.: Hansen M. H. *Eisangelia*. P. 88.

⁶Упоминаний о судебном процессе Деменета, Леонтиха и Фания в источниках нет, но после данной истории они уже никогда не исполняли должности стратегов, поэтому высказывались предположения, что их также привлекли к суду (тогда же или позже): Roberts J. T. *Accountability in Athenian Government*. Madison, 1982. P. 104.

ях — Xen. Hell., V, 1, 26) и приговорен к смерти или к большому штрафу: Демосфен приводит этот пример в своем реестре стратегов, подвергнутых подобной каре (XIX, 180).

Вскоре после исполнения стратегии (около 387) был обвинен в растрате государственных средств известный политик Агиррий,⁷ имевший большие заслуги перед демосом, что особенно подчеркивает Демосфен (XXIV, 134) (он восстановил теорикон, ввел плату за посещение народного собрания, увеличил её до трех оболов — Aristot. Ath. pol., 41, 3; Schol. Aristoph. Eccles., 102; Harp., s.v. θεωπιχά). Агиррий был присужден к штрафу и некоторое время провел в тюрьме как государственный должник (Dem., XXIV, 134).⁸

Зимой 379/8 г. два стратега (их имена неизвестны), возглавлявшие афинский контингент на границе Аттики и Беотии, были преданы суду по исангелии за то, что по просьбе фиванских изгнанников помогли восставшим сторонникам демократии изгнать спартанский гарнизон из Кадмеи и таким образом освободиться от спартанской оккупации, — очевидно, не столько за сам факт оказания помощи (действия фиванских демократов не могли не вызвать сочувствие в Афинах), сколько за то, что принимали решение и действовали без санкции демоса. На решение народа мог повлиять и страх перед возможными ответными мерами со стороны спартацев, для которых афинское содействие в деле изгнания спартанского гарнизона из Кадмеи не осталось незамеченным (Xen. Hell., V, 4, 19).⁹ Один из стратегов, успевший бежать, спас таким образом свою жизнь, а его коллега был осужден и казнен (Xen. Hell., V, 4, 19).

Одним из лучших афинских полководцев IV в. до н. э. был Тимофей, сын Конона. Он был выбран стратегом в 378 г., а в 375 г. во время известного «западного похода» одержал победу над спар-

⁷П. Клоше полагает, что обвинение против известного политика могло быть и не связано с его стратегией (Les procès des stratèges athéniens // REA. T. 27. 1925. P. 106); напротив, Дж. Робертс не исключает связи между исполнением обязанностей стратега (в частности, ведением боевых действий в Малой Азии) и обвинением против Агиррия, отсюда и предлагаемая ею датировка данного процесса (в источниках прямых сведений о его дате нет) (Roberts J. T. Accountability... P. 105).

⁸Демосфен утверждает, что много лет, но возможно, это риторическое преувеличение (см.: Roberts J. T. Accountability... P. 105).

⁹На этом особенно настаивает: Roberts J. T. Accountability... P. 82–83, 165–166.

танским флотом в Ионийском море у Акарнании (Nep. Tim., 2). В середине 70-х наряду с Хабрием он был самым популярным стратегом в Афинах. В 373 г. Тимофей по поручению демоса готовил экспедицию на Керкиру (для освобождения её от спартанской осады), но прежде он отправился в Фессалию и на о-ва Эгеиды, чтобы привлечь союзников, набрать экипажи и получить поддержку для этого предприятия. Полководец вынужден был расплачиваться с наемниками из своих собственных средств, полученных в том числе через займы. Все эти приготовления и хлопоты вызвали задержку с отправлением экспедиции, чем воспользовались его противники. Тимофей был отстранен от командования и привлечен к суду по обвинению в измене Ификратом (сменившим, кстати, Тимофея в должности стратега) и оратором Каллистратом (Dem., XLIX, 9, 13; Xen. Hell., VI, 2, 11–13; Lys., fr. 228; Diod., XV, 47, 2–4). Решение по исангелии принимала экклесия; к этому времени керкиряне одержали убедительную победу над спартамцами, и опасность для афинского союзника миновала. Тимофей был оправдан,¹⁰ однако его казначей Антимах был приговорен к смерти (по обвинению в κλοπή), а его имущество конфисковано. На оправдательный вердикт мог повлиять тот факт, что свидетельствовать в пользу Тимофея в Афины прибыли Ясон Ферский и эпирский царь Алкет (Dem., XLIX, 9–10).¹¹ Тимофей покинул Афины и несколько лет, как когда-то его отец, служил наемником за границей (у персидского царя — Dem., XLIX, 25–30).

Афинские посланники, отправляемые с различными дипломатическими миссиями, оказывались в той же «зоне риска», что и

¹⁰ Аполлодор в своей речи «Против Тимофея о долге» говорит, что Тимофея, за которого просили его близкие и родные, а также царь молоссов Алкет и ферский тиран Ясон афиняне «с трудом согласились оправдать» (Dem., XLIX, 10). Псевдо-Плутарх, напротив, заявляет, что Тимофей был осужден по обвинению Ификрата (Vita X orat., 836d = Lys., fr. 228, Sauppe). Хансен доверяет больше этому сообщению (Eisangelia. P. 91), что странно — ведь Аполлодор приносил речь лишь примерно 11 лет спустя после процесса Тимофея и едва ли солгал бы относительно бесспорного факта, которого не могли не помнить его слушатели.

¹¹ Предположение американской исследовательницы Дж. Робертс о том, что обвинение, инициированное против Тимофея, было делом рук проспартанской мирной партии, возглавляемой Каллистратом, привлекшим Ификрата (Roberts J. T. Accountability... P. 44–45), кажется фантастическим, особенно в виду того, как рьяно Ификрат, избравший себе в помощники Каллистрата (sic!) и Хабрия, отправившись к Керкире, стал воевать со спартамцами (см. Xen. Hell., VI, 2, 14–39).

стратегии. Так, еще в 392/1 состоялся процесс Андокида и других послов (Эпикрата, Кратина, Евбулида), вернувшихся из Спарты с неприемлемыми условиями мира; по предложению Каллистрата их отдали под суд.¹² Демосфен перечисляет длинный список выдвинутых против них обвинений: действия вопреки постановлениям собрания (XIX, 278 — *παρά τὰ νόμιμα... ἐπρέσβευσαν ἔκείνοι*), неточный доклад в Совет, сообщение неправильных сведений о союзниках и принятие даров (XIX, 279 — *καὶ ἠλέγχθησαν τινες αὐτῶν ἐν τῇ βουλῇ οὐ τἀληθῆ ἀπαγγέλλοντες... καὶ καταψευδόμενοι τῶν συμμάχων καὶ δῶρα λαμβάνοντες*). Не дожидаясь решения суда, обвиняемые добровольно удалились в изгнание. In absentia им был вынесен смертный приговор (Dem., XIX, 277, 289; Philoch., FgrHist., F 149A; Ps.-Plut. 835a). В 367 г. был возбужден процесс против Тимагора, обвиняемого в измене и подкупе во время посольства к персидскому царю (в 368/7 г.); Демосфен называет даже сумму взятки — 40 талантов (Dem., XIX, 137). Возможно, ему инкриминировалось в вину то, что он сговорился с фиванским посланником Пелопидом и действовал в ущерб интересам Афин на этих переговорах (Xen. Hell., VII, 1, 38; Plut. Pel., 30, 9–12). Дело слушалось в собрании (Dem., XIX, 31 — *κατεχειροτόνησεν ὁ δῆμος*), что и дает повод отнести его к процессам по исангелии.¹³ Тимагор был приговорен к смерти (Dem., XIX, 31, 137; Xen. Hell., VII, 1, 38).

В 366/5 г. Хабрий привлекался к суду как стратег, а Каллистрат — как оратор за сдачу Оропа¹⁴ Фивам; официальным обвинением была продосия (Schol. Dem., XXI, 64); обвиняемые были оправданы (Aristot. Rhet., 1364a19–23, 1411b6–10; Dem., XXI, 64; Plut. Dem., 5). Однако в 361 г. Каллистрат был обвинен, а когда он самовольно вернулся в 355 г. в Афины, смертный приговор был приведен в исполнение (Нур. IV, 1–2; Лус. I, 93) (см. ниже).

Бывали периоды особенно урожайные на обвинения — тогда, когда афиняне испытывали трудности в осуществлении своей политики. Например, серия неудач во Фракии и северной Эгееде, воспринимавшаяся особенно болезненно после успеха Тимофея на Самосе и возрождения имперских амбиций в середине 60-х гг. IV в., по-

¹²Подробнее об этом процессе — см.: *Pertman S. On Bribing Athenian Ambassadors // GRBS. Vol. 17. 1976. P. 230–231; Roberts J. T. Accountability... P. 88–93.*

¹³См.: *Hansen M. H. Eisangelia. P. 92.*

¹⁴Маленький городок на северо-восточной границе Аттики с Беотией — постоянное яблоко раздора между афинянами и фиванцами.

влекла за собой ряд процессов по исангелии в конце 60-х — начале 50-х гг.¹⁵ В речи «О преступном посольстве» Демосфен приводит список тех стратегов, которые не смогли удержать Херсонес Фракийский и были за это наказаны по чрезвычайной жалобе: Эргофил, Кефисодот, Тимомах, еще раньше — Эргокл, Дионисий и другие (ἄλλοι) (XIX, 180). Список стратегов (вместе с риторам), против которых выдвигалось обвинение в исангелии приводит и Гиперид, правда, его герои не захотели искушать судьбу и удалились в добровольное изгнание (IV, 1): Тимомах, Леосфен, Филон, Феотим (также с пометкой — «и другие»). Что же послужило причиной (или поводом) для выдвижения обвинений против перечисленных в этих двух списках афинских полководцах?

Эргофил, стратег 363/2 г., был смещен с должности и предан суду (в 362 г.) за то, что не помешал отпадению фракийского царя Котиса, но он хотя бы сумел избежать крайней меры наказания. (Dem., XXIII, 104; Aristot. Rhet., 1380b11). Его коллеге Каллисфену, действовавшему в р-не Амфиполя, повезло меньше: он заключил перемирие с македонским царем Пердиккой, которое тот впоследствии нарушил, — за свою излишнюю доверчивость афинский полководец поплатился смертным приговором по исангелии (официальное обвинение — в подкупе) (Aeschin., II, 30–31; Aristot. Rhet., 1380b13). Правда, Эсхин утверждает, что подлинная причина осуждения стратега была иной. По свидетельству Аристотеля, демос осудил Каллистрата на смерть за день до того, как оправдал Эргофила (Rhet., 1380b10–13) — последнему улыбнулось счастье, ибо афиняне уже удовлетворили свою ярость, отправив первого к палачу.¹⁶ Процесс Эргофила — последний из известных нам, который имел место в народном собрании.

Леосфен, потерпевший поражение от тирана Александра Фер-

¹⁵См.: *Cloché P. Les procès des stratèges...* P. 108; *Sinclair R. K. Democracy...* P. 149.

¹⁶См.: *Cloché P. Les procès des stratèges...* P. 109. Какое все же наказание понес Эргофил — загадка: Демосфен включает его в «черный список» стратегов, наказанных смертью или большим штрафом (XIX, 180), а по Аристотелю выходит, что ему удалось выйти практически сухим из воды (Rhet., 1380b10). Дж. Робертс предположила, что в том и другом случае мы имеем дело с риторическим преувеличением, и стратегу, скорей всего, был определен небольшой штраф (*Roberts J. T. Accountability...* P. 113, 218, note 27) — сущий пустяк по сравнению с той участью, которая постигла Каллисфена. М. Хансен полагает, что штраф был велик (*Eisangelia*. P. 86).

ского и потерявший пять трирем, в результате чего 600 афинян попали в плен, был обвинен по исангелии в предательстве, заочно осужден на смерть, а его имущество конфисковано (около 361 г. — Dem., LI, 9; Aeschin., II, 124; Нур., IV, 1; Diod. XV, 95, 2–3). Эсхин намекает на то, что он пал жертвой происков сикофантов (Ibid.). Аналогичная судьба (исангелия, предположительно смертный приговор in absentia) постигла Филона (Нур., IV, 1).¹⁷

О незавидной участи Автокла, преемника Эргофила на театре военных действий во Фракии и Геллеспонте (362/1 г.), несколько раз упоминается в речах Демосфенова корпуса (Dem., XXIII, 104; XXXVI, 53; L, 12). Афиняне не решились поддержать Мильтокиита, восставшего против фракийского царя Котиса (последний угрожал афинским владениям на Херсонесе; Мильтокиит же предложил афинянам Херсонес в обмен на помощь). Было принято соответствующее постановление, сковавшее инициативу Автокла. В результате кампания закончилась неудачно; вина за это была возложена на стратега; он был обвинен Аполлодором и привлечен к суду по обвинению в измене, тогда как авторы рокового постановления остались безнаказанными (Dem., XXIII, 104; Lex. Can., s.v. ῥητορικῆ). Синегором или, быть может, логографом Автокла был Гиперид (Нур., fr. X, 59–69; Lex. Can., s.v. ῥητορικῆ). Исход процесса, датированного М. Хансеном зимой 360 г., неясен.¹⁸ Сменивший Автокла Менон в свою очередь пал жертвой обвинений все того же Аполлодора (Dem., XXXVI, 53; L, 12 — подробности этого дела неизвестны¹⁹).

Тимомах (стратег в 367/6 и 361/0 гг.) избежал наказания за неудачу во Фракии, отправившись в добровольную ссылку (Dem., XXIII, 115; XXXVI, 53; L, passim; Aeschin., I, 56; Нур., III, 1). В качестве его обвинителя с исангелией выступил Аполлодор, как и против других стратегов конца 60-х гг. Тимомах был заочно приговорен к смертной казни (Schol Aeschin., I, 56). Видимо, данное дело, как и привлечение к суду Феотима примерно в то же время

¹⁷Филон, вероятно, тоже был стратегом, но неизвестно точно какого года (см.: Hansen M. H. Eisangelia. P. 95).

¹⁸Hansen M. H. Eisangelia. P. 96 (там же аргументы в пользу предложенной датировки).

¹⁹На основании того, что Менон был опять стратегом в 357/6 г., Хансен делает вывод, что он либо был оправдан, либо присужден к небольшому штрафу (Eisangelia. P. 98).

(Нур., III, 1), было связано с занятием фракийским царем Котисом Феста (Schol. Aeschin., I, 56), вызвавшим обвинение в измене против афинских военачальников. Как и Тимомах, Феотим предпочел пуститься в бега, чем дожидаться приговора гелиэи (Нур., III, 2).

Стратег Кефисодот осаждал в Алопеконнесе пиратов, которым шел на выручку Харидем. Афинский военачальник заключил с ним договор, условия которого вызвали недовольство демоса. В результате (в 359 г.) он почти чудом — большинством в три голоса — избежал смерти по обвинению в измене и был приговорен дикастами к штрафу в 5 талантов (Dem., XXIII, 167; Нур., s.v. Κηφισόδωτος; Schol. Aeschin., III, 51). Судя по реплике Эсхина, Демосфен имел некое отношение к исангелии против Кефисодота — возможно, он был синегором или логографом обвинителя (III, 52).

В 60-х гг. возвращается в Афины Тимофей и вновь становится влиятельной политической фигурой, особенно после того, как из-за потери Оропа были обвинены Хабрий и Каллистрат. Хотя последние были оправданы, их престижу был нанесен урон. Тимофей весьма успешно действует между 365 и 362 гг., устанавливает контроль над Сестом и Критотой на Херсоне Фракийском и многими городами Халкидики (Нер. Tim., 1). Эти победы, возможно, породили у его соотечественников завышенные ожидания по поводу возвращения Амфиполя и расширения влияния во Фракии, невольной жертвой которых стал сам полководец. В 360 г. он был обвинен небезызвестным Аполлодором, кажется, специализировавшимся на преследованиях неудачливых стратегов (Dem., XXXVI, 53). Результат процесса неизвестен.

В конце 60-х гг. Тимофей породнился со своим старым соперником Ификратом: сын Ификрата Менесфей женился на дочери Тимофея. Все трое были выбраны в коллегию стратегов на 356/5 г. и вместе с Харесом командовали флотом, действующим против мятежных союзников в восточной Эгейде. У Эмбаты Харес вступил в бой, но его коллеги не поддержали его, сославшись на шторм. Харес (в одиночку одержать ему победу не удалось) отправил в Афины письмо, обвиняя их в продосии.²⁰ Обвинения были подхвачены оратором Аристофонтом, сотрудничавшим с Харесом на протяжении

²⁰ Античная традиция рисует Хареса как жестокого, алчного и беспринципного демагога (см., например Diod., XV, 95, 3 — о его поведении на Керкире).

нескольких лет. Он обвинил Тимофея в измене и в том, что его подкупили хиосцы и родосцы, Ификрата — в измене, Менесфея — в распоряжении деньгами, выплаченными флоту (Lys., fr. XV; Isocr. XV, 129; Din., I, 14; Diod. XVI, 21; Nep. Tim., III; Iphicr., 3, 3). Судя по утверждению Дионисия Галикарнасского, обвинения были выдвинуты в форме исангелии и последовали за отчетом стратегов (Dion. Hal. De Lys., 12, 480; Din., XIII, 667; об εἴθυναι упоминает также Исократ — XV, 129). Ификрат и его сын были оправданы, Тимофей — оштрафован на 100 талантов (Isocr. XV, 129). Будучи не в состоянии выплатить эту гигантскую сумму, он удалился на Халкиду, «изгнанный ненавистью неблагодарных сограждан» (odio ingratae civitatis exactus — Nep. Tim., 3, 5), где вскоре и умер.

Как объяснить столь различные приговоры фигурантам данного «громкого» процесса? Исократ, бывший когда-то учителем Тимофея, дает понять, что в постигшей того судьбе отчасти виноват сам его ученик, точнее особенности его нрава и поведения: он не угождал афинянам; его мнение по вопросам общегреческой политики и отношений с союзниками часто расходилось с мнением демоса; многочисленные войны он вел на свои средства и на свой страх и риск, без соответствующих псефизм; его дипломатичное и мягкое обхождение с врагами и союзниками разительно отличалось от поведения других стратегов (XV, 116–125). Ритор специально подчеркивает, что Тимофей не был народоненавистником (μισόδημος) или высокомерным (ὕπερήφανος), но его отличала μεγαλοφροσύνη (131). Последняя может означать как «величие духа, возвышенный образ мыслей», так и «гордость, надменность». Исократ имеет в виду скорее всего и положительную, и отрицательную коннотацию: μεγαλοφροσύνη в целом достоинство, но иногда неуместное в повседневной жизни похвала, приведшее к неверному представлению о Тимофее как о высокомерном человеке, смотрящем на демос сверху вниз.²¹ В целом же, по мнению оратора, мы имеем дело с известной проблемой: народ (οἱ πολλοί) склонен к лести и больше любит тех, кто угождает ему, а не совершает нечто великое (132–133); если бы Тимофей искал его расположения (εὖνοια), ему бы возносили хвалу и прощали ошибки, а так как он этого не делал, его ставили ниже,

²¹См.: Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 2002. P. 271.

чем бездарных и ничего не совершивших полководцев и политиков (134–138).

Похоже, отмечаемую Исократом у Тимофея гордость, нежелание заискивать перед демосом афиняне воспринимали как высокомерное и антидемократическое поведение, что и сыграло свою роль в решении судей наложить на него штраф, который а priori невозможно было выплатить.²² Что касается Ификрата (выходца из низов, его отец — сапожник), ему было легче найти общий язык с афинскими дикастами. Дополнительный штрих в вырисовывающуюся картину добавляет рассказ Полиена, правда, носящий анекдотичный характер: будто бы, Ификрат запугал судей, расставив рядом с дикастериями молодых людей, ненавязчиво демонстрирующих проходящим мимо дикастам спрятанные кинжалы (Polyaen., III, 9, 15; 29).

В 348 г. был привлечен к суду стратег Гегесилей, посланный на помощь тирану Эретрии на Эвбее и не сумевший её толково оказать; его родственник, известный афинский политик Евбул, отказался свидетельствовать в его защиту (Демосфен это специально подчеркивает); исход процесса неизвестен (Dem., XIX, 290 et schol.)

В 343 г. против Филократа, принимавшего участие во всех трех посольствах к Филиппу Македонскому в 346 г. (Dem., XIX, 13; 229; Aeschin., II, 18; 91), обвинение в виде исангелии выдвинул Гиперид с формулировкой «если кто, будучи оратором, говорит вопреки интересам афинского народа, получая деньги и подарки от врагов демократии» (IV, 29 — пер. Л. М. Глускиной). Дело слушалось в дикастерии, Филократ вынужден был удалиться в изгнание, чтобы избежать смерти; ему был заочно вынесен смертный приговор (Нур. IV, 29–30; Aeschin., II, 6).

В 338/7 г. (после поражения при Херонее) Ликург обвинил члена коллегии стратегов Лисикла, вероятно, за продосию; стратег был осужден и казнен (Luc., fr. 75–76; Diod., XVI, 88, 1–2). В последние годы существования демократии (336–322 гг.) еще несколько раз случались процессы по исангелии,²³ однако, насколько можно судить по имеющейся у нас информации, стратегов, осужденных, так сказать, в связи со своей профессиональной деятельно-

²²См.: Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. P. 168.

²³Перечень дел (достоверных и не очень) по исангелии за период с 336 по 322 г. — см в «Каталоге» М. Хансена: Eisangelia. P. 104–111.

стью, среди обвиняемых по чрезвычайной жалобе в этот период не было.

Возвращаясь к броской фразе Демосфена, предпосланной нашему обзору: «А сейчас у нас дела дошли до такого позорного состояния, что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью... etc.» (IV, 47 — пер. С. И. Радцига), — решимся утверждать, что, хотя великий вития несколько преувеличивал, все же он был очень недалек от истины. Парадоксально, но факт: с особой суровостью афинское народное собрание обходилось со своими стратегами в периоды, когда особенно велика была нужда во взвешенном и квалифицированном руководстве, будь то в годы Пелопоннесской войны или в середине IV в.

Как объяснить такое невероятное количество осужденных стратегов? Иногда указывают на то, что стратеги, недостаточно опытные и искушенные в военном искусстве, допускали серьезные ошибки и поэтому заслуживали смещения и обвинения: «военными любителями» называл афинских стратегов Чарльз Форнара; Дженнифер Робертс посвятила целую главу своей книги промахам и злоупотреблениям смещенных и осужденных военачальников.²⁴ Подобный тон задаю, пожалуй, первое специальное исследование на данную тему — статья Поля Клоше «Процессы афинских стратегов». Французский историк полагал, что зачастую обвинения, выдвигаемые против стратегов, были обоснованы. Последние допускали и ошибки, и промахи, не брезговали мздоимством; правда, наказания бывали неадекватными — слишком суровыми; в то же время есть примеры, когда приговор не очень повлиял на моральное или материальное благосостояние осужденного или его близких и не мешал его дальнейшей карьере.²⁵

Однако, если мы посмотрим на обвинения, выдвигаемые против стратегов, то это — государственное преступление, чаще всего изме-

²⁴ *Fornara C. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. *Historia*, Einzelschriften 16. Wiesbaden, 1971; *Roberts J. T.* Accountability... Ch. VI. Guilt and Inadequacy. P. 107–123.

²⁵ *Cloché P.* Les procès des stratèges athéniens. P. 97–118, особенно — P. 113–116. В отдельных делах автор допускает наличие политической подоплеки (P. 116–117).

на, но не профессиональная некомпетентность или вызванные ею ошибки. Предлагалось и такое объяснение: афинские военачальники в первые десятилетия IV в. до н. э. частенько испытывали острую нужду в средствах из-за прекращения поступления в казну дани с союзников после распада архэ и необходимости платить наемникам; во время операций вдали от Афин они вынуждены были «просить» о помощи афинских союзников или насильственно изымать деньги в округе, что давало впоследствии повод к обвинению.²⁶ Поведение афинских полководцев нередко сравнивалось с деятельностью кондотьеров во главе получастных наемнических армий.²⁷ Клод Моссе считает участвовавшие процессы стратегов в 362–357 гг. следствием резко обострившейся в этот период политической борьбы в связи с возрождением «империалистической» политики, соответственно, усилением давления на союзников и выводом новых клерухий. Французская исследовательница неоднократно обращала внимание на то, что исангелия в IV в. использовалась как орудие в политической борьбе различных группировок, имеющих противоположные мнения относительно направлений афинской внешней политики: сторонники и противники активной эгейской политики (исангелия против Аристофана, Эргокла); группировка Каллистрата, считавшая после Левктр главной угрозой не Спарту, а Фивы, и группировка Аристофонта Азенийского, враждебная к лакедемонянам; затем — анти- и промакедонская партии.²⁸

Сходного мнения придерживается и Дженнифер Робертс, усматривающая во многих «impeachment trials» «партийную» подо-

²⁶См., например: *Hager H.* On the Eisangelia // *Journal of Philology*. Vol. 4. 1871. P. 83; *Mossé C.* Athens in Decline. P. 26. О поборках с купцов из союзнических городов — см. подробнее Dem., VIII, 24–25 с колоритным началом: «все военачальники, какие когда-либо выходили от вас в море (за правильность этого я готов отвечать каким угодно наказанием), берут деньги и с хиосцев, и с эрифрейцев, и вообще со всех, с кого только могут взять...» (пер. С. И. Радцига). С другой стороны, стратеги часто тратили собственные средства на выплату жалованья наемникам и снаряжение: *Lys.*, XIX, 22 (Аристофан, потративший и свои и одолженные деньги); Dem., XVIII, 114 (Навикл, Диотим, Харидем); XLIX, 6–8 (Тимофей, залезший из-за этого в долги).

²⁷См., например: *Hansen M. H.* The Athenian Democracy... P. 234; *Пёльман фон Р.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 266.

²⁸*Mossé C.* Athens in Decline. P. 31; eadem. Politique et société en Grèce ancienne. Le «modèle» Athénien. P., 2003. P. 164–166.

плеку.²⁹ Американская исследовательница объясняет действия демоса также сугубо рациональными соображениями: народ таким образом осуществлял свой контроль над военачальниками, не допуская каких-либо поползновений к власти с их стороны, блокируя угрозу демократическому строю со стороны военных. Она вспоминает Рим, где отсутствие такого контроля и то, что одни и те же люди были и политическими лидерами, и военными героями, привело к вековому кровопролитию в гражданских войнах.³⁰ Хочется возразить американской коллеге: непонятно, почему контроль подразумевал *уничтожение* стратегов; кроме того в предыдущем веке все афинские политики были по совместительству и стратегами; судя по тому, что выбирались они в качестве последних именно демосом, перспектива «хунты» последнего тогда не пугала.

Иррациональное, точнее психоаналитическое, объяснение политике демоса в отношении своих стратегов (и вообще ярких лидеров) предлагает Эли Саган: он усматривает в ней глубоко укорененную в психе примитивную иррациональную потребность «поедания богов», особенно когда они обманули ожидания насчет своей всемогущности.³¹ «Как ребенок, демос стремится вверить себя целиком своим лидерам, приходя в ярость, когда лидерам, как родителям, не удается проявить всемогущество, всезнание или моральное совершенство».³²

Не чувствуя себя такими знатоками индивидуальной и коллективной психе, как американский психоаналитик, нам, тем не менее, также кажется, что одними тактическими промахами афинских военачальников или их поборами, а также идеологической или политической борьбой и соображениями «народного контроля» не объяснить столь сурового отношения демоса к своим лидерам. Афиняне всегда ожидали успеха от своих командиров. Как заметил Р. Синклер: «Склонные к высоким ожиданиям, афинские граждане были далеки от благородства, когда сталкивались с неудачей или

²⁹ Roberts J. T. Accountability... Passim. Особенно — ch. 4 «Factional Strife» (P. 55–83) и ch. 5 «The Impeachment Trials of the Corinthian War» (P. 84–106).

³⁰ Roberts J. T. Accountability... P. 174.

³¹ Sagan E. The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. N. Y., 1991. 168–185 (с примерами того, как эта потребность выливалась у разных народов — ацтеков, племен Таити и т. п. — в соответствующие магическо-религиозные обряды; как одно из её проявлений рассматривается остракизм).

³² Sagan E. The Honey and the Hemlock. P. 195.

поражением».³³ Стратеги отвечали за все, что не соответствовало этим ожиданиям. Демос, осуществляя свою власть и требуя отчетности от всех должностных лиц, был немилосерден к своим лидерам, за военный или внешнеполитический провал предъявляя стандартное обвинение в измене (τροδοσία). Таким образом, не иррационализм и шараханье из стороны в сторону, присущие толпе, а производные от прямой демократии всевластие и безнаказанность демоса, не несущего ответственности за собственные ошибки, но не прощающего чужие, не терпящего разочарования и склонного к поискам «козла отпущения», — были причиной судебных расправ над стратегами, и неважно осуществлялись ли они на Пниксе или в залах гелиэи.

О пагубности практики, когда только политики отвечали за свои предложения, а народ не нес никакой ответственности за свои решения, писал еще Фукидид (речь Диодота в знаменитых митиленских дебатах, осветивших главные проблемы и пороки афинской прямой демократии): «Если бы тот, кто вас убедил, и тот, кто последовал совету, испытывали одинаково дурные последствия, то вы выносили бы решения более осмотрительные. Теперь же в случае неудачи вы при первой вспышке гнева караете одно только предложение лица, натолкнувшее вас на решение, но не караете ваши собственные решения, хотя бы последние, несмотря на то что они приняты народной массой, оказались также ошибочными» (III, 43, 5 — пер. Ф. М. Мищенко и С. А. Жебелева).

Свою долю ответственности за подобного рода настроения среди афинян несут и афинские риторы — политики, которые в своих речах науськивали демос на своих политических противников, не стесняясь в обвинениях, и таким образом создавали благоприятную обстановку для «охоты за ведьмами». Тот же Демосфен, так сокрушавшийся о беспочвенных преследованиях стратегов, в речи «Против Тимократа», написанной им для Диодора, позволяет себе такие упрёки в адрес противников: «Один из вас, Тимократ и Андроцион, уже более тридцати лет занимался политической деятельностью. За это время многие стратеги и ораторы, совершившие государственные преступления, были осуждены этими судьями, причем одни из них за свои преступления заплатились жизнью, другие, мучившиеся раскаянием, добровольно ушли в изгнание. Почему же ни один

³³ Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. P. 146.

из вас ни разу не проявил и тени негодования по поводу ущерба, нанесенного государству?» (XXIV, 173 — пер. В. Г. Боруховича). Выходит, что оратор упрекает Тимократа и Андротиона в недоносительстве и отсутствии рвения в судебном преследовании стратегов и риторов. Стоит ли говорить, что пестуемый Франкенштейн обрушивался прежде всего на своих создателей, и жертвами чрезмерного рвения доносчиков становились в первую очередь афинские риторы и самый великий из них — Демосфен, неоднократно бывший мишенью всевозможных исков и преследований (XVIII, 249–250). Хотя и в меньшей степени, чем стратеги, риторы также могли опасаться обвинений по исангелии.³⁴ По подсчетам М. Хансена из около 130 обвинений по исангелии, известных нам а период с 492 по 322 гг. до н. э., 17 были направлены против ораторов, выступавших в собрании.³⁵

Дилемма, которая неумолимо встает после анализа процессов по исангелии и другим государственным преступлениям, была сформулирована самым видным современным апологетом афинской демократии М. Хансеном: либо мы признаем, что афинский народ выбирал в качестве своих военачальников огромное количество неумелых, вероломных и коррумпированных стратегов, либо признаем, что афиняне осудили огромное количество честных и невинных людей по лживым обвинениям.³⁶ Выбор предопределен: как ни пытались историки найти хоть какие-то основания для тех серьезных обвинений, которые выдвигались в адрес афинских военачальников, ничего кроме невезения, неопытности, или на худой конец, некомпетентности, обнаружить не удалось.³⁷ Иначе говоря, неумелые или неуспешные действия стратегов назывались изменой или подкупом и подпадали под действие закона об исангелии. С грустью М. Хансен признает, что, судя по количеству политических процессов, афинская политическая система имела серьезный дефект. Оказывается, прямая демократия может использовать те же судебные методы, что и тоталитарное государство, и афинский демос вел себя подобно тирану не только по отношению к союзникам, но и по от-

³⁴ Более распространенным, т.е. «коронным» обвинением против политика-ритора, было обвинение по жалобе на противозаконие.

³⁵ Hansen M. H. *The Athenian Democracy...* P. 216.

³⁶ Hansen M. H. *Eisangelia*. P. 65; idem. *The Athenian Democracy...* P. 217.

³⁷ См.: Knox R. A. «So Mischievous a Beaste?» *The Athenian «Demos» and Its Treatment of Its Politicians // G&R*. Vol. 32. №2. 1985. P. 145.

ношению к собственным лидерам.³⁸ Подобное сравнение пришло на ум и К. Доверу: «Греческая демократия, знающая из своего опыта о внешних врагах, угрожавших существованию народа, и о том, что демократический строй находится под угрозой свержения как изнутри, так и извне, часто говорила и вела себя таким образом, который напоминает больше тоталитарные государства, чем известные нам парламентские демократии».³⁹

³⁸*Hansen M. H.* Eisangelia. P. 65; idem. *The Athenian Democracy...* P. 217.

³⁹*Dover K. J.* *Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle.* Berkeley; Los Angeles, 1974. P. 159–160.

Новое о снабжении Афин зерном (Закон Агиррия 374/3 г. до н. э.)

Для научного творчества Э. Д. Фролова характерным является особое внимание к проблемам экономического развития античного, в первую очередь древнегреческого общества. Сейчас, когда эта проблематика почти исчезла из сферы внимания отечественных антиковедов, его исследования становятся особенно ценными, напоминая нам о том, что без глубокого понимания этих проблем адекватное постижение всех остальных сторон жизни античности невозможно. В силу этого в сборник, посвященный юбилею Э. Д. Фролова, мною представлен небольшой этюд, в котором обсуждается один из эпизодов в истории снабжения Афин хлебом.

В основу статьи положена надпись, открытая на афинской агоре в ее юго-западной части, около Царской стон в 1986 г. во время раскопок Американской школы классических исследований¹. Она найдена вблизи того места, где в 1970 г. был обнаружен афинский закон 375/4 г. до н. э. о серебряных монетах². Текст 1986 г., выбитый на мраморной плите, содержит 61 строку, он находится в хорошем состоянии, повреждены только несколько букв в конце каждой строки и отдельные буквы в строках 25 и 26.

Надпись весьма интересна, она содержит новую информацию об экономике, топографии, общественных финансах Афин эпохи поздней классики. Это — один из редких случаев, когда закон дошел до нас в подлинном виде, вырезанным на камне, а не в изложении античных авторов.

Надпись относится ко времени, когда четко различались законы (номой) и декреты (псефисмата)³. В данном случае мы имеем дело

¹Опубликована Р. Страудом с подробным комментарием: *Stroud R. S. The Athenian Grain-Tax Law of 374/3 B.C.*, Princeton, New Jersey, 1998. Включена в сборник надписей: *Greek Historical Inscriptions 404-323 BC*. Edited with introduction, translations, and commentaries by P. J. Rhodes and R. Osborne. Oxf., 2003.

²Опубликована Р. Страудом: *Stroud R. S. An Athenian Law on Silver Coinage // Hesperia*. Vol. XLIII. № 2. См. также: *Стрелков А. В.* Афинский закон о серебряных монетах 375/4 г. до н. э. // *Нумизматика и эпиграфика*. Вып. XVII, М., 2005. С. 10–43.

³Этим понятиям и различиям между ними посвящена значительная литера-

с законом. Однако, в отличие от обычной практики, данный текст не имеет полного прескрипта, а начинается просто с обращения к богам — Θεοί имени архонта — Сократид и краткого изложения содержания: «Закон о двенадцатой (части) хлеба с островов» (Νόμος περὶ τῆς δωδεκάτης τοῦ σίτου τῶν νήσων. Под островами имеются в виду Лемнос, Имброс и Скирос, которые находились тогда во власти афинян (Andoc. III, 12; Xen. Hell. V, 1, 31). Ксенофонт, в частности, приводит текст Анталкидова, или царского мира 378 г. до н.э., согласно которому эти острова по-прежнему остаются во власти афинян.

Имя архонта известно по другим источникам, и они дают дату — 374/3 г. до н. э.

Имя лица, предложившего закон, — Агиррий. Он был известен еще до открытия данной надписи, к нему я вернусь позднее, сейчас же обращусь к содержанию самого закона — «Агиррий предложил: чтобы хлеб был для демоса в общественном пользовании, продавать двенадцатую часть хлеба, который происходит с Лемноса и Имброса, и Скироса» (ὅπως ἂν τῶι δήμῳ σίτος ἤ ἐν τῶι κοινῶι τῆν δωδεκάτην πωλεῖν τῆν ἐν Λήμνωκαὶ Ἴμβρω καὶ Σκύρω). Тем самым закон имеет в виду сдавать на откуп налог на хлеб в размере двенадцати процентов. Под хлебом имеются в виду пшеница (πυροί) и ячмень (κριθαί), как уточняется далее в тексте.

Сбор налога сдается на откуп долями (ἡ μερίς), каждая из которых должна включать в себя 500 медимнов (в том числе пшеницы — 100 и ячменя — 400) (II. 8–10).

Покупка налога означала получение права на его сбор. Сдача государством налога на откуп была уже известна ранее по источникам, в частности она упоминается в «Афинской политике» Аристотеля (47, 2), согласно которому полеты передают Буле сведения о податях, отданных на откуп⁴.

Что касается выражения «в общественном пользовании», то здесь, как отметил Страуд⁵, мы видим определенный контраст с обычным способом снабжения Афин зерном, который был сферой частной деятельности. Хотя афиняне регулировали ввоз зерна за-

тура, ограничимся указаниями на работы: Hansen M. H. Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens // GRBS. Vol. 19, 1978. P. 315–330; Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 328–329.

⁴Для общей ориентации см: Rhodes P. J. A Commentary... P. 552.

⁵Stroud R. S. The Athenian Grain-Tax Law ... P. 26.

конами⁶, за соблюдением которых наблюдали специальные магистраты, сама эта торговля находилась в значительной мере в руках судовладельцев и купцов.

Лицо, купившее налог (в надписи — ὁ πρῶξιμος), то есть откупщик, должно было доставить зерно в Пирей на свой страх и риск, перевести его в город за собственный счет и поместить в Эакейон. Поскольку зерно с названных островов перевозили по морю, понятно, почему говорится о риске (возможность кораблекрушения, нападения пиратов и другие опасности). Что касается Эакейона, то здесь имеется в виду святилище героя Эака, которое, как утверждает Геродот (V, 89), он видел на агоре. Это — первое свидетельство о существовании в Афинах классического периода хранилища для общественного зерна, расположенного на агоре. Полис предоставляет это помещение защищенным от воды («непротекаемым») и снабженным дверью. Лицо же, купившее налог, должно было взвесить пшеницу и ячмень для полиса в течение тридцати дней после того, как доставит их в город за свой счет, держа сухими и без плевел, а также приведя весы в порядок, как другие купцы (II. 15–26). Откупщик также должен представить двух заслуживающих доверие поручителей, которых одобрит Буле.

Демос будет выбирать из всех афинян в экклесии 10 человек (именно тогда, когда выбирают стратегов), и эти десять афинян будут заботиться о хлебе (II. 36–40). Тем самым закон сообщает нам о создании новой коллегии магистратов. Ко времени принятия закона Агиррия действовало несколько категорий рыночных надзирателей — ситофилаки, агораномы, эпимелеты эмпория⁷, но в надписи о них не упоминается.

Они же, взвесив хлеб, согласно записи, пусть продают его на агоре, когда демос решит, но не разрешается принимать решение о продаже раньше месяца Анфестериона (II. 40–44). Следователь-

⁶ Анализ этих законов см. *Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis.* New-York e. a., 1988. P. 139 ff.

⁷ *Gauthier Ph. De Lysias a Aristote (Ath. pol., 51,4): le commerce du grain a Athènes et les fonctions des sitophylakes // Revue historique de droit français et étranger, 59e année, № 1. 1981. P. 5–28; Figucira T. Sitopolai and Sitophylakes in Lysias' «Against the Graindealers»: Governmental Intervention in the Athenian Economy // Phoenix. Vol. XL. № 2. 1986. P. 149–171; Whitby M. The Grain Trade of Athens in the Fourth Century BC // Trade, Traders and the Ancient City. Edited by H. Parkins and Ch. Smith. L. - N.Y., 1998. P. 120–121; Bresson A. La cite marchande. Bordeaux, 2002, passim.*

но, зерно находилось в зернохранилище по крайней мере до Анфестериона (эквивалентного февралю-марту), когда цена достигала максимума. Демос устанавливает и цену пшеницы и ячменя, за которую выбранные лица должны продавать зерно. Возможно, закон (наряду с другими целями) имеет целью предотвратить манипуляции хлебных торговцев, сведения о которых приводятся, например, в 22 речи Лисия против хлебных торговцев. Высказывалось даже соображение, что новый закон создавал климат, благоприятный для спекуляций⁸, что однако представляется мало вероятным, учитывая роль еkkлeсии.

Купившие двенадцатипроцентный налог обязаны доставить хлеб до месяца Маймактерион, выбранные же на заседании еkkлeсии магистраты должны заботиться, чтобы хлеб доставлялся в указанное время (ll. 51–55). После того как они продадут хлеб, «пусть дадут отчет перед демосом и придут в народное собрание, неся деньги от продажи хлеба», которые поступают в военную казну.

Наиболее вероятной причиной передачи этих денег в военную казну представляется необходимость охраны кораблей, везущих хлеб, военным конвоем⁹. Так, об охране торговых судов упоминается в речи Демосфена «Против Поликла о сверхсрочной триерархии». Корабли с хлебом стратег Тимомах приказал сопровождать триерарху Аполлодору — истцу в названной речи (Dem. L., 17). Далее выясняется, что жители Византия и Халкедона захватывали корабли и заставляли их выгружать зерно в своих полисах (L., 17).

В последних строках речь идет о финансовых магистратах аподектах, деятельность которых делится на две части: в текущем году и в будущем (ll. 55–61).

Текст закона обрывается несколько неожиданно, нет никаких указаний (как обычно) об изготовлении стелы, оплате изготовления надписи и месте ее установки.

Данный текст дает новый материал для решения старой проблемы снабжения Афин зерном. Мы, в общем, мало знаем о роли

⁸ *Stroud R. S.* The Athenian Grain-Tax Law... P. 24.

⁹ Для более широкого знакомства с темой см.: *Jardeé A.* Les céréales dans l'antiquité grecque. P., 1925. P. 197–198; *Isager S., Hansen M. H.* Aspects of the Athenian Society in the Fourth Century B. C. Odense. 1975. P. 57; *Hopper R. J.* Trade and Industry in Classical Greece. L., 1979. P. 83; *Vélissaropoulos J.* Les naulères grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève-Paris, 1980. P. 135–136.

полиса в снабжении Афин зерном и его продаже. Сведения, которые содержатся в законе Агиррия, являются, очевидно, самыми ранними свидетельствами непосредственных действий государства по регулярному обеспечению своих граждан пшеницей и ячменем. Предполагается, что Агиррий ввел «новую концепцию в афинскую экономику»¹⁰, создав систему постоянного снабжения граждан общественным зерном (δημόσιος σίτος) в дополнение к тому зерну, которое продавалось на «открытом рынке» частными торговцами и которое, как отметил П. Готье¹¹, обычно обозначалось как ὁ ἐν ἀγορῇ σίτος.

Как мы видим, согласно закону Агиррия, государство непосредственно вмешивается в транспортировку, хранение и торговлю пшеницей и ячменем, ввезенными в Афины. Хлеб, о котором говорится в данном законе, принадлежит афинским гражданам, являясь налогом, установленным полисом. Он происходил с принадлежащих тогда Афинам островов Лемнос, Имброс и Скирос. Именно это зерно новая коллегия магистратов, избранная на заседании экклесии, должна была взвешивать, хранить и продавать демосу.

Наиболее важной чертой закона Агиррия считают¹² изменение характера налога: ранее выплачиваемый деньгами, он был заменен натурой, то есть отныне он вносился пшеницей и ячменем, которые доставлялись в Афины, где и продавались. Выгода новой системы ясно выражена в начале закона (II. 5-6) — хлеб привозят в Афины, и их гражданам тем самым гарантирована его покупка, поскольку он предназначен демосу. К тому же цену определяет сам демос на заседании экклесии. В общем, цель закона ясна, но механизм его действия не всегда ясен.

Обратимся теперь к самому Агиррию¹³, ни имя отца, ни демоктон которого не названы в надписи. Замечательно, что о нем было известно антиковедам ранее, еще до открытия данного закона.

¹⁰Предположение, высказанное Р. Страудом (*Stroud R. S. The Athenian Grain-Tax Law...* P. 116).

¹¹*Gauthier Ph. De Lysias a Aristote (Ath. pol., 51, 4): le commerce du grain...* P. 18.

¹²*Rhodes P. J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions...* P. 122-123.

¹³Литературу об Агиррии см.: *Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600-300 B.C., Oxf., 1971, no. 8157; Osborne M. J., Byrne S. G. A Lexicon of Greek Personal Names, II, Attica. Oxf., 1994. P. 8; Stroud R. S. The Athenian Grain-Tax Law ... P. 17.*

Агиррий принадлежал к дему Коллит филы Эгеиды (Dem., XXIV, 134). Он родился, вероятно, в 450–440 гг. до н. э.

Сведения об Агиррии в источниках позволяют охарактеризовать его как финансиста и предпринимателя, а также политика. Пожалуй, наиболее интересная для нас область его деятельности (насколько вообще можно о ней судить) — финансовая. Как следует из речи Андокида «О мистериях»¹⁴ (датируемой 399 г.), Агиррий — человек, «несомненно превосходный» (ὁ καλὸς καὶ γαυρός). Третий год подряд он является архоном двухпроцентной пошлыны¹⁵. Агиррий «взял эту пошлыну на откуп за тридцать талантов, а с ним в долю вошли все эти люди, которые собирались тогда у белого тополя» (где происходила сдача на откуп государственных доходов). «Заработав в общем шесть талантов и сообразив, какое это выгодное дело, они составили компанию и, дав другим отступного, снова стали торговать эту пошлыну за тридцать талантов» (And., I, 133–134).

Из речи Демосфена «Против Тимократа»¹⁶ (написана, вероятно, в 353 г.) мы узнаем, что Агиррий за долг государству был заключен в тюрьму. Оратор относится к нему доброжелательно, называя «человеком честным и демократичным (ἄνδρα χρηστὸν καὶ δημοτικόν), имевшем большие заслуги перед всеми нашими согражданами» (XXIV, 134). Приходившийся Агиррию племянником Каллистрат, «бывший тогда в силе», не облегчил участи дяди. Агиррий должен был подчиниться законам «наравне с рядовыми гражданами». Это выражение, как представляется, позволяет считать, что по своему положению Агиррий отличался от рядовых граждан. Ему пришлось провести в тюрьме «много лет», пока не выплатил государству сумму, которую, согласно решению, был должен уплатить (XXIV, 134–135).

Около 393 г. Агиррий появляется в суде в качестве свидетеля по делу известного банкира Пасиона, который послал к истцу Агиррия — «человека, нам обоим преданного», как сказано в речи (Isocr. XVII, 31).

¹⁴Я пользовалась следующим изданием речи: Андокид. Речи или история святогтагцев. Перевод и комментарии Э. Д. Фролова. СПб., 1996.

¹⁵Архон — самостоятельный откупщик (или глава компании откупщиков), приобретавший у государства право на сбор какого-либо налога в течение одного года. Двухпроцентная пошлына взималась с ввозимых и вывозимых товаров. См. Фролов Э. Д. Андокид. Речи ... С. 204, 222.

¹⁶Перевод И. Г. Боруховича (Демосфен. Речи. Т. I. Отв. ред. Л. П. Мариневич. М., 1994).

Единственно надежно датированное свидетельство о военной службе Агиррия относится к 389 г. до н. э., когда его выбрали на место Фрасибула, командующего афинским флотом и «стяжавшего славу доблестного мужа», погибшего у побережья Малой Азии (Xen. Hell. IV, 8, 31). Возможно, с этим эпизодом связан отрывок из неизвестной комедии Платона о выборе демосом Агиррия стратегом (Plut. Moral. 801 A-D). Стратегом называет Агиррия «Суда», отмечая, что он ἄπλζας на Лемносе. Не исключено, что с Агиррием связаны строки в «Лягушках» Аристофана (367–368): «Кто в отместку за шутки на играх святых, на веселых пирах Диониса, На собранье потребует хлеба кусок у поэтов отгрызть комедийных»¹⁷, поскольку по его инициативе была уменьшена плата комическим поэтам.

После восстановления демократии в Афинах около 395 г. по предложению Агиррия возобновляется выплата денег за посещения заседаний народного собрания (на этот раз — в размере трех оболов, Aristot., Athen. polit. 41, 3) и вновь вводится раздача зрелищных денег. Восстановление епископата нашло отклик в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании». По словами ее героини Праксагоры, «ведь щеголяет в бородинце Пронома Агиррий. Прежде был он просто женщиной, а в городе, смотри, какую шишкой стал!» (102–105). «И Агиррия считали мы за плута. Ныне же кормимся в собранье, Кто грош урвал, доволен всем; Кто не добыл, кричит: пускай повесят тех, кто обратил собрание в поденщину» (184–188).

Упоминания об Агиррии в комедиях, как мне кажется, — признак того, что для зрителей он, по-видимому, широко известная фигура.

Финансово-предпринимательская деятельность, в том числе по откупам, которая занимала, очевидно, значительное место в жизни Агиррия, дала ему заметный опыт, нашедший отражение в его законе 374/3 г. до н. э. Итак, перед нами афинский гражданин, очевидно, успешный в предпринимательской деятельности и политике, которые принесли ему известность и, возможно, состояние (хотя сведений об его принадлежности к литургическому классу нет). Содержание закона о налоге на хлеб, многие детали и уточнения о перевозке пшеницы и ячменя, их хранении, механизме взвешива-

¹⁷Перевод А. Пиотровского (Аристофан. Комедии. Фрагменты. М., 2000).

ния, необходимости контроля над состоянием зерна — все это свидетельствует об опытности Агиррия в деле снабжения родного полиса хлебом. Видимо, он приобрел нужные знания, много лет занимаясь предпринимательской деятельностью, в том числе и снабжением полиса зерном. Агиррий, с нашей точки зрения, принадлежал к тому миру, который с легкой руки Веллсаропулоса называют теперь нередко «миром эмпория»¹⁸.

Как известно, один из наиболее активно обсуждаемых вопросов в рамках изучения торговли (прежде всего хлебной) — вопрос о том, кто был участником торговли. Можно ли говорить о преобладании среди навклеров и эмпоров метеков и иностранцев? Проблема степени участия (или неучастия) афинских граждан в морской торговле имеет уже весьма значительную литературу¹⁹. Высказываются две основные точки зрения. Согласно одной, наиболее распространенной до недавнего времени, афинские граждане весьма мало занимались этим видом деятельности, который был уделом, главным образом, метеков и иностранцев²⁰. Итак, мы видим, участие граждан в морской торговле недооценивалось, тогда как роль метеков и чужеземцев часто переоценивалась. Другая точка зрения, которая становится все более популярной, — морская торговля

¹⁸ *Véllsaropoulos J. Le monde de l'emporion // Dialogues d'histoire ancienne*, 3, 1977. P. 61–85.

¹⁹ Для более широкого знакомства с разработкой этой темы, начиная с книги И. Хазебрека (*Staat und Handel im alten Griechenland*. Tübingen, 1928), см. *Hansen M. V. Athenian Maritime Trade in the 4th Century B.C. Operation and Finance // Classica and Mediaevalia*. Vol. XXXV, 1984. P. 71–93. (Согласно самому Хазебреку, в морской торговле Афин преобладали метеки и иностранцы).

²⁰ Приведу весьма показательный пример: «Судя по литературным источникам, афинские граждане были редко вовлечены в торговлю (то есть заморскую коммерцию)» (*Hopper R. J. Trade and Industry*. . . P. 109). Сходные взгляды высказаны, например, в работах: *Erxleben E. Die Rolle der Bevölkerungsklassen im Aussenhandel Athens im 4. Jahrhundert v. u. Zeit // Hellenische Poleis. Krise – Wandlung – Wirkung / Hrsg. von E. Ch. Welskopf*, I. B., 1974. S. 460 ff.; *Finley M. I. The Ancient Economy*. Berkley, Los Angeles, London, 1999. P. 60, 144–145. Из более новых исследований назову: *Reed C. M. Maritime Traders in the Ancient Greek World*. Cambridge, 2003. P. 27 ff., см. также *Stroud R. S. The Athenian Grain-Tax Law*. . . P. 25. В отечественной литературе см. *Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи. Том II. Отв. ред. Л. П. Маринович. М., 1994. С. 433, 443; она же. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 68. По мнению Л. М. Глускиной, подавляющее большинство участников морской торговли составляли метеки и чужеземцы.*

была той сферой деятельности, в которой афинские граждане занимали весьма заметное место²¹. Ранее мне уже приходилось писать, основываясь на анализе речей «Корпуса Демосфена», что традиционное мнение о малом участии афинских граждан в торговле вряд ли справедливо²². Данный закон, как мне кажется, подтверждает в известной степени этот вывод. Стремление к «выгоде» (χέρδος) было одним из мощнейших стимулов в деятельности афинского гражданина, как неоднократно указывал Э. Д. Фролов²³.

²¹См., например, *Isager S., Hansen M. H. Aspects of Athenian Society...* P. 70–72; *Thompson W. E. The Athenian Entrepreneur // L'Antiquité classique*, 51, 1982. P. 53–85; *Hansen M. V. Athenian Maritime Trade...* Вместе с С. Исагер и Моргенс Х. Хансеном Марианна Хансен считает, что граждане принимали участие в морской торговле Афин в большей мере, чем антиковеды полагали ранее (С. 75).

²²*Маринович Л. П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. Москва-Магнитогорск, 1998. С. 6–9, 23.*

²³*Фролов Э. Д. Вечная тема свободного общества: прибыль и предпринимательство в античной Греции // Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. С. 36–57.*

«История» с географией:
порядок перечисления топонимов
Фукидидом и Ксенофонтом*

Освоение пространства, ориентация в нем — одна из важных характерных черт любой культуры. Известно, например, что для древних греков было естественным движение слева направо, выражаясь современной терминологией, против часовой стрелки. Во всяком случае, этикет греческого симпозия предписывал именно это: «Пусть каждый из нас, справа по кругу, скажет как можно лучше похвальное слово Эроту», — говорит Эриксимах в платоновском «Пире» (177d). Уже под утро, ближе к завершению пира, Сократ, Агафон и Аристофан пьют из большой чаши, передавая ее по кругу слева направо (т. е., выражаясь на языке современной культуры, против часовой стрелки) (Plat. Symp. 223c)¹.

Можно предположить, что при перечислении не только объектов, но и субъектов (например, участников пира) древние греки чаще всего (хотя и не всегда) руководствовались принципом *эпидексии* (перечисления по направлению к сидящему по правую руку). Так, и в «Пире» Ксенофонта (II. 27) слуги, «передающие чаши направо быстрее», сравниваются с опытными возничими.

Но распространялся ли этот принцип на описание пространственных объектов вообще, в частности, географических? В настоящей статье будет предпринята попытка анализа порядка перечисления топонимов в сочинениях Фукидида и Ксенофонта, афинских авторов V–IV вв. до н. э. В «Истории» Фукидида содержится немало мест, где перечисляются топонимы — названия городов, островов и других географических объектов. Порядок перечисления в подав-

* Данная работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 07–01–00050а «Геродот и Фукидид: зарождение исторической науки в Древней Греции и специфика античного историзма»).

¹ *Wecowski M.* Towards a Definition of the Symposium // *EYEPΓEΣIAC XAPIN. Studies Presented to Benedetto Bravo and Ewa Wipszycka by their Disciples* / Ed. T. Derda, J. Urbanik, M. Wecowski. Warsaw, 2002 (The Journal of Juristic Papyrology. Supplement I). P. 337–361, в особенности P. 341 ff. См. также: *Подосинов А. В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 224–245.

ляющем большинстве подобных описаний определяется смыслом повествования. Так, например, при описании перемещения населения в ранний период истории Греции сначала упоминается Фессалия, затем — Беотия, а в конце — Пелопоннес (I. 2. 3; ср. I. 12), что соответствует передвижению с севера на юг. Смыслового порядка при перечислении топонимов историк придерживается и при описании городов и событий в Сицилии (VI. 2–5). Подобных описаний в труде Фукидида можно найти немало.

Однако для исследования географических представлений историка (и древних греков вообще) важны перечисления географических объектов, в которых сам порядок перечисления не задан смыслом повествования. При этом, чтобы исключить элемент случайности, число топонимов должно быть не меньше, а лучше — больше трех. Анализ подобных мест фукидидовского повествования позволит дать ответ на вопрос: руководствовался ли историк при перечислении географических объектов какой-либо схемой, и, если да, то какой? Подобных перечислений в труде Фукидида сравнительно немного, и поэтому имеет смысл рассмотреть их все.

В первой книге Фукидид перечисляет коринфских союзников, пославших корабли для похода в Эпидамн. Мегарцев и жителей Палы на Кефаллении историк перечисляет отдельно, а затем союзные Коринфу города и острова перечисляются в следующем порядке: Эпидавр — Гермиона — Трезен — Левкада — Ампракия (I. 27. 2). Следом перечисляются другие союзники, не пославшие корабли с экипажами. Порядок перечисления — от Коринфа (с востока) на запад, по часовой стрелке.

Еще более показательна одна из начальных глав второй книги, в которой Фукидид перечисляет основных союзников Спарты и Афин (II. 9). Данный пассаж выделен самим автором, имеет кольцевое обрамление: в начале (II. 9. 1) и в конце его (II. 9. 6) отмечается, что это — перечисление союзников воюющих сторон. Фукидид пишет: «За пределами Пелопоннеса в союзе с ними [лакедемонянами. — С. К.] были мегаряне, беотяне, локры, фокидяне, ампракиоты, левкадяне, анакторийцы. Из них доставляли флот коринфяне, мегаряне, сикионцы, пелленяне, элейцы, ампракиоты и левкадяне, конницу — беотяне, фокидяне и локры. . . » (II. 9. 2–3)². Порядок пе-

²Здесь и далее цитируется классический русский перевод Мищенко — Же-

речисления — с востока (от Коринфа или Беотии) на запад, против часовой стрелки.

Союзники афинян также перечисляются тремя «потоками»: «В союзе с афинянами состояли хиосцы, лесбосцы, платейне, мессеняне в Навпакте, большинство акарнанов, керкиряне, закинфяне и другие государства, обложенные данью и принадлежавшие к следующим народностям: приморская часть Карики, смежные с карийцами доряне, Иония, Геллеспонт, Фракийское побережье, все Кикладские острова, лежащие к востоку между Пелопоннесом и Критом, кроме Мелоса и Феры. Из них корабли доставляли хиосцы, лесбосцы и керкиряне...» (II. 9. 4–5). Перечисление во всех трех случаях идет с востока на запад, против часовой стрелки. Ремарка «к востоку» в данном случае означает, очевидно, «к востоку от Афин».

Совершенно периферийным кажется описание Липарских («Эоловых») островов, причем постоянное население есть только на Липаре; «отправляясь отсюда они [липарты. — С. К.] обрабатывают остальные острова: Дидиму, Стронгилу и Гиеру» (III. 88. 2). Описание подвластных липарцам островов идет с запада на восток, по часовой стрелке.

Не совсем понятен принцип порядка перечисления озольских локров, присоединившихся к спартанскому походу на Навпакт (III. 101. 2): жители Амфиссы, мнонеяне (их соседи), затем — ипнеяне, мессапии, тритеи, халеи, толофонии, гессии и занфяне. К сожалению, точно локализовать указанные выше этносы не представляется возможным.

Перечисление городов полуострова Акте осуществляется Фукидидом с севера, начиная от «царского» канала, на юг по западному побережью («обращенному к Эвбее»), а затем — по восточному побережью — на север (Сана — Фисс — Клеоны — Акрофон — Олофикс — Дий) (IV. 109. 2–3). Описание идет по часовой стрелке.

Особый интерес представляют официальные документы, которые цитируются Фукидидом. Тексты договора о перемирии между Афинами и Спартой и Никиева мира 421 г. дают возможность сравнить географические представления историка с воззрениями его современников. В тексте перемирия перечисление географических

белева — Фролова (Фукидид. История / Пер. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1999).

объектов идет с запада на восток, возможно, по часовой стрелке: Пилос — Кифера — Мегара — Трезен (IV. 118. 4). Сложнее обстоит дело с Никиевым миром. Халкидские города перечисляются в нем с востока на запад, вдоль побережья, по направлению к Афинам: Аргил — Стагир — Аканф — Скол — Олинф — Спартол (V. 18. 5) и Скиона — Торона — Сермилий (V. 18. 8). Пункты, которые афиняне должны вернуть спартам, перечисляются с запада на восток, по направлению от спартанских владений к Афинам и далее, по часовой стрелке: Пилос — Кифера — Метана — Птелей — Аталанта (V. 18. 7). Места расположения стел с текстом мирного договора также перечисляются с запада на восток, а затем на юг, по часовой стрелке: Олимпия — Дельфы — Истм — Афины — Спарта (V. 18. 10).

Вообще порядок перечисления топонимов в одном и том же договоре может быть разным, что, очевидно, объясняется стремлением подчеркнуть равенство сторон. Показательный пример — инспирированный Алкивиадом антиспартанский союз Аргоса, Элиды и Мантиней (именно в таком порядке перечисляет союзные города сам Фукидид — V. 45. 3). В самом тексте договора стороны перечисляются многократно и в разном порядке: афиняне, аргосцы, мантинейцы и элейцы (V. 47. 1, 4, 5), аргосцы, элейцы и мантинейцы (V. 47. 2 и 3), афиняне, аргосцы, элейцы и мантинейцы (V. 47. 3), аргосцы, элейцы, мантинейцы и афиняне (V. 47. 3) и т. п. Несмотря на вариации, чаще всего встречается следующий порядок: Афины — Аргос — Элида — Мантиней, причем Афины почти всегда ставятся на первом месте (при отсутствии Афин — Аргос). Перечисление в данном случае идет от центра союза на запад, а затем на юг, против часовой стрелки.

Вообще перечисление от центра союза характерно и для самого Фукидида. В качестве примера можно привести перечисление афинских союзников, принимавших участие в Сицилийской экспедиции, — от Афин на восток, хотя и с некоторыми вариациями: Эвбея (Эретрия, Халкида, Стира и Карист) — острова (Кеос, Андрос, Тенос) — Иония (Милет, Самос, Хиос) (VII. 57. 4). Перечисление сиракузских союзников дается Фукидидом по направлению от самих Сиракуз, на запад, а затем — на север, по часовой стрелке: Камарина — Гела — Селинунт — Гимера (VII. 58. 1–2).

В целом в авторском тексте Фукидида перечисление с востока на запад, от центра союза — к периферии (от Афин — на восток, от Коринфа или Сиракуз — на запад). Взгляд Фукидида «афино-

центричен»: если просто говорится, что «простирается к востоку» (πρὸς ἤλιον ἀνίσχοντα — II. 9. 4), то подразумевается «от Афин».

По иному обстоит дело с текстами мирных договоров, которые цитируются в труде Фукидида. В них, понятно, нет афиноцентризма, а топонимы перечисляются как с востока на запад, так и с запада на восток. В тексте соглашений «равновеликих» сторон (Афин и Спарты) не прослеживается «первоочередности» одной из сторон. Однако в тексте союзного договора Афин, Аргоса, Элиды и Мантиней Афины и Аргос почти всегда перечисляются соответственно на первом и втором месте, и только Элида и Мантиней чередуются. На основании только этого факта можно судить о сравнительной значимости полисов — участников союза.

Таким образом, хотя у Фукидида не было строгого порядка перечисления топонимов, перечисление с востока на запад и от Афин (либо другого центра союза) к периферии преобладало. Исключение (перечисление афинских союзников в девятой главе второй книги), возможно, объясняется тем, что историк воспроизводил традиционный порядок нумерации афинских податных округов. Этот не слишком ярко выраженный афиноцентризм «оттеняется» цитируемыми историком текстами договоров, в котором порядок перечисления топонимов был иным, причем чаще всего — подчеркнуто нейтральным. Направление перечисления по часовой стрелке в целом не является у Фукидида однозначно преобладающим; вряд ли «культурно» обусловленная древнегреческая традиция передачи чаши с вином направо во время пира хоть как-то повлияла на порядок описания топонимов историком.

Интересно посмотреть, насколько «продолжатель» Фукидида Ксенофонт воспроизвел фукидидовскую традицию описания топонимов. «Греческая история» вообще содержит немного подобных перечислений, причем в основном порядок перечисления определяется смыслом повествования: так, например, Агесилай послал гонцов к ионийцам, эолийцам и жителям побережья Геллеспонта, чтобы они прислали к нему в Эфес войсковые контингенты (III. 4. 11). Понятно, что в данном случае перечисление идет от Эфеса с юга на север, вдоль малоазийского побережья. Или: сатрап Тивфраст отправляет в Грецию родосца Тимократа для подкупа политиков и создания антиспартанской коалиции. Подкуп Тимократ осуществлял в Фивах — Коринфе — Аргосе (III. 5. 1); подобное перечисление можно воспринимать как маршрут этого персидского агента.

Перечисление союзников Афин в «алкивиадовском» антиспартанском союзе дается по тексту договора (цитируемого Фукидидом): «Лакедемоняне давно негодовали на элейцев за то, что они заключили союз с афинянами, аргосцами и мантинейцами» (III. 2. 21).

Перечисление топонимов, не заданное смыслом повествования, встречается у Ксенофонта крайне редко. Важное исключение — перечисление контингентов сторон в Коринфской войне. Перечисление союзников спартанцев идет скорее согласно убыванию численности воинских контингентов, но в целом (исключая саму Спарту) с запада на восток: Элида — Сикион — Эпидавр, Трезен, Гермiona (IV. 2. 16). Впрочем, в данном случае географический порядок может быть обусловлен случайным совпадением. У антиспартанской коалиции вначале выделены Афины, а затем — по убыванию численности воинских контингентов: (Афины) — Аргос — Беотия — Коринф — Эвбея (IV. 2. 17). В данном случае явно никакой географический принцип не просматривается.

Таким образом, в «Греческой истории» Ксенофонт, в отличие от Фукидида, не использовал или почти не использовал географический принцип при перечислении топонимов.

Со всей очевидностью пренебрежение Ксенофонта к географическому принципу перечисления топонимов проявляется в «Киропедии». В перечислении покоренных Киром народов (Хен. Сугор. I. 1. 4) нет особого географического принципа, хотя частично и прослеживается движение некоего взгляда по виртуальной карте (против часовой стрелки). Иногда у Ксенофонта может прослеживаться определенная тенденция перечисления по направлению к центру империи, с запада на восток (Лидия — Великая Фригия — Каппадокция — Аравия — II. 1. 3), причем даже при перечислении противников персов. В целом же топонимы в «Киропедии» играют скорее иллюстративную роль.

В «Анабасисе» географическое местоположение также не влияет на порядок перечисления топонимов (если это не определяется смыслом повествования (см., например, VII. 8. 25)). При перечислении греческих изгнанников, которых Кир вызвал в Сарды, определяющим признаком является величина воинского контингента, а отнюдь не место, из которого он прибыл (Хен. Анаб. I. 2. 2–3).

Как и в других отношениях (например, в использовании хро-

нологической схемы лето–зима)³, Ксенофонт не стал продолжателем фукидидовской традиции. Порядок перечисления топонимов Ксенофонтом либо был задан смыслом повествования (к примеру, численностью воинских контингентов), либо носил случайный характер.

³См.: *Карпюк С. Г.* Зима и зимние кампании в «Истории» Фукидида // ВДИ. 2006. № 3. С. 14–22.

Межполисные религиозные связи (феоры и феородоки)

Общеизвестно, что в религиозной и общественной жизни Эллады многочисленные празднества, местные, региональные и общеэллинские, сопровождавшиеся различными состязаниями, играли очень важную роль. Можно сказать, что это одна из отличительных, даже уникальных черт греческой культуры. Обычай посещать святилища других общин и участвовать в проводившихся там обрядах был частью образа жизни эллина. Конечно, больше всего собирали зрителей и участников праздники общееллинского значения.

Естественно, что празднества в Элладе рано стали формой межполисных связей. Фукидид сообщает, что афиняне и лакедемоняне, заключив 50-тилетний мир, постановили возобновлять клятву ежегодно, «для чего лакедемонянам надлежит являться в Афины на Дионисии, а афинянам — в Лакедемон на Гиакинфии» (Thuc. V. 23, 4). Многолюдные собрания эллинов на общегреческих играх часто использовались не только для чтения поэтических произведений, но и для политических деклараций. Как известно, Тит Фламиний объявил на Истмийских играх о даровании эллинам свободы¹.

Значение празднеств возросло в эпоху эллинизма, когда повсеместно началась реорганизация местных обрядов в праздники общееллинского значения. Это способствовало более интенсивному общению между полисами, между полисами и монархами.

С другой стороны, именно необходимость установления дружеских отношений с полисами и монархами, с вытекающими отсюда экономическими и политическими благами, такими как, например, асия *ασυλία* (неприкосновенность) святилища и полиса, перемирие на время празднества, и побуждала города объявлять свои праздники общегреческими и призывать к участию в них всех эллинов.

Важнейшим звеном в этой межполисной религиозной и дипломатической деятельности были священные послы — феоры (*φεωροί*). О важности этих послов и значении религиозных празднеств

¹ Gebhard E. R. The Evolution of a Pan-Hellenic Sanctuary: From Archaeology towards History at Isthmia // Greek Sanctuaries. New Approaches. 1993. P. 154–177.

говорил Платон (Leg. 950d). Считая, что гражданам нужно разрешить путешествовать только по государственной надобности, он перечисляет тех, кому это дозволено, а именно, глашатаев, вестников и феоров. Кроме того, по его мнению, надо посылать как можно больше людей на общегреческие празднества.

Но, к сожалению, источники, в которых упоминаются священные посольства, в основном относятся уже к эпохе эллинизма. Это многочисленные надписи об утверждении праздников общеэллинского значения.

Священные посольства, *θεωρικά* в зависимости от их целей, можно разделить на три типа². Во-первых, это делегации полисов для участия в празднествах других общин и в общегреческих играх. Демосфен (XIX, 128) упомянул священных послов (феоров), которых посылали от лица Совета в Дельфы на Пифийские игры. Города, принимая новые праздники других полисов, обычно говорят и о том, что будут посылать на них своих представителей. Этолийцы, например, принимают решение отправить феоров на праздник Никефории в Пергаме (Syll³ 629, l. 24-25).

Во-вторых, это послы, которые развозили по греческому миру приглашения на общеэллинские праздники, в том числе и мистерии, обычно в сочетании с просьбой признать перемирие (*σπονδῆ*) на время проведения праздника. Поэтому такие послы назывались также *σπονδοφόροι* (Aeschin. II, 133). Полибий (XXVIII, 19) сообщает, что при дворе Антиоха III Великого оказалось несколько посольств. Среди них было два афинских посольства, одно — с сообщением о Панафинейях, и другое — о мистериях. Между прочим, то, что Афины посылают два разных посольства в одно место и в одно время, возможно, говорит о том, что сам ритуал требовал, чтобы о каждом празднестве объявляло особое посольство. Дельфийцы посылали своих феоров с объявлением о празднике Пифий (CID. 10).

Как ни странно, в источниках довольно редки упоминания о посольствах, объявляющих об Олимпийских играх, и совсем не встречаются сведения о феорах, приглашающих на Истмийские и Немейские игры. Однако, в постановлениях эллинистической эпохи о признании того или иного праздника общеэллинским, когда говорится о священных послах, иногда за образец берется давно сложивша-

²Boesch P. Θεωρικός. Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste. Berlin. 1908.

яся традиция приема послов Олимпийских или Пифийских игр. В декрете этолийцев о признании праздника Афины Nikeфории в Пергаме, очевидно, повторяется формула из письма Эвмена II: «послам, объявляющим о Nikeфориях назначить феородоков из граждан... и дать деньги (ἐκέρχερον) и такие же подарки, какие даются феорам, объявляющим об Олимпийских играх» (Syll³ 629, l. 25–27).

И, наконец, феоры передавали гражданам полисов и царям решения того или иного полиса об установлении у него праздника общегреческого значения и просьбу признать этот праздник и прислать на него своих представителей. Обычно к этому присоединялась просьба признать либо сам полис, либо только святилище божества, в честь которого устанавливалось празднество, священным и неприкосновенным³. В III–II вв. до н. э. многие полисы и даже монархи развернули такую деятельность.

Найдены надписи о реорганизации как минимум тринадцати праздников⁴.

От этих феоров требовалось в большей степени дипломатическое искусство, чем от феоров первых двух типов. Если делегациям на празднике было достаточно самим своим присутствием продемонстрировать дружеское расположение, как говорили, «к богу и городу», то феорам, которые развозили документы об утверждении нового праздника, нужно было убеждать народное собрание, монархов принять этот праздник. Феоры, приглашавшие на праздник, похожи на обычных гонцов, но и они вряд ли ограничивались только передачей приглашения. Иногда им приходилось, наверно, убеждать граждан принять перемирие. А то, что на него не все могли согласиться, говорит вторжение лакедемонян в земли Аргоса во время священного перемирия (Xen. Hell. IV, 7.2).

Состав и численность посольств, отправлявшихся для участия в празднестве, зависели от масштаба празднества, его популярности и значимости в данный момент для полиса. Наряду с представителями власти, туда ехали и многочисленные зрители. Они во многом

³Надписи о принятии праздника Сотерии в Дельфах (Nachtergaeel, N 1, 21–26), Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре (Syll³ N 557–562; Welles. 31, 33, 34), Афины Nikeфории в Пергаме (Syll³ N 629–630, Welles. 49), Асклепия на Коце (Welles. 26, 27, 28).

⁴См. перечень в работе: Boesch P. Θεωρός. Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste. P. 14–16.

отличаются от двух других типов посольств и должны рассматриваться особо.

В дальнейшем речь пойдет о посольствах, развозивших приглашения на праздник или просьбы о признании праздника.

Для успешной деятельности священных посольств были необходимы защита от насилия во время путешествия, иногда очень далекого, по опасным горным тропам и морским дорогам, гарантии безопасности в месте назначения, а также хотя бы минимальные бытовые условия: крыша над головой, еда. Кроме того, кто-то должен был ввести феоров в народное собрание, представить монарху и вообще оказывать всяческое содействие в чужом городе.

Возможность деятельности священных посольств гарантировалась древними религиозными обычаями. К ним относится неприкосновенность святилищ и паломников, направлявшихся туда. Насилие в священных местах, у алтарей считалось святотатством. А обычай гостеприимства, основанный на почитании Зевса Ксения, требовал радушно принимать гостя в своем доме, угощать и дарить ему подарки⁵.

Но постепенно, даже в такой сфере, как религиозная, где роль неписанной традиции была особенно велика, все большее значение приобретает писаное право. Наряду с институтом гостеприимства — ксений *ξενία*, появляется проксения (*προξενία*), которая дается уже народным собранием⁶. Испокон веков существовавшая неприкосновенность святилищ теперь подтверждается дополнительно официальными постановлениями общин о признании асилии конкретных святилищ⁷.

В полисах также стали принимать специальные законы и поста-

⁵О ритуальном гостеприимстве — ксении см. Philippe Gauthier. *Notes sur l'étranger et l'hospitalité en Grèce et à Rome* // *Ancient Society*. 4. 1973. P. 1–21; Herman G. *Patterns of Name Diffusion within the Greek World and beyond* // *The Classical Quarterly*, New Series, Vol. 40, N 2. (1990), P. 349–363. К сожалению, нам осталась недоступной монография этого же автора: *Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City*. Cambridge, 1987. См. рецензию — *Thomas W. Galant. Ritualised Friendship and the Greek City*. Cambridge // *The Classical Journal*. Vol. 85. N 4. (Apr.-May, 1990). P. 357–358.

⁶Самая ранняя надпись, посвященная проксену, датируется 625–600 гг. до н. э. (IG IX, I, 8671). Но основная масса таких памятников относится к эпохе эллинизма, когда этот институт получил большое развитие.

⁷*Глушкина Л. М.* Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. № 1. С. 82–94.

новления, дающие неприкосновенность послам, и оговаривающие их привилегии и дары.

В середине III в. до н. э. Сотериям, празднику в Дельфах в честь победы над галлами⁸, был придан статус общегреческого агона. И во все уголки греческого мира разъехались дельфийские феоры с поручением добиться признания этого праздника у общин, полисов и монархов. Дельфийцы, этолийцы и амфиктионы принимают почетные декреты и в честь городов, признавших праздник, и в честь послов. В свою очередь в ответных постановлениях городов и монархов⁹ оговариваются права и привилегии дельфийских феоров, которые будут оповещать о начале праздника.

Вслед за Дельфами и другие города, принимая новые праздники, в том числе праздник Артемиды Левкофриены Магнесии-на-Меандре (конец III — начало II вв. до н. э.), или праздник Коса в честь Асклепия (около 240 г. до н. э.)¹⁰, включали пункт о привилегиях феоров, приглашающих принять в нем участие.

Все эти надписи позволяют реконструировать и практику приема послов, и их маршруты, и как следствие сделать выводы о месте и роли священных посольств в общественной жизни Эллады.

Посольства, развозившие приглашения на праздники, отправлялись примерно за полгода до начала празднества. По крайней мере, это можно с уверенностью сказать о феорах, объявляющих о Пифиях¹¹. В надписи 380 г. до н. э., так называемом «Законе амфиктионов», записано, что дельфийцы обязаны послать феоров с объявлением о празднике, который должен состояться в месяц Букарий (сентябрь), в месяц бисий (февраль/март), т. е. за полгода до начала праздника. Если они не пошлют, то должны заплатить штраф¹².

Посольства, приглашающие на праздник, или предлагающие принять новый праздник, были небольшими. Обычное число — три, но иногда и два. Один из них является архифеором, двое — феоры¹³. В Эпидамн пришли три посла от Магнесии-на-Меандре с

⁸*Flaceliere R.* Les Aitoliens a Delphes. P. 1937; *Nachtergaeel G.* Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes. Bruxelles, 1977.

⁹*Nachtergaeel.* NN 21–27.

¹⁰*Syll*³ 557–562, 629–630; Welles. N 26–35, 49.

¹¹*Nachtergaeel.* Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes. P. 349.

¹²*Corpus des Inscriptions de Delphes (CID)*, v. 1. N 10, l. 44–47.

¹³В постановлениях граждан Итаки и граждан Эпидамна называются одни

просьбой признать праздник Артемиды Левкофриены равным по статусу Пифийским играм (Syll³ 560, l. 6–7). А к царю Атталу I магнетяне послали только двух феоров (Welles. 34, l. 3–4). Царь Пергама Эвмен II послал к Этолийскому союзу трех послов с просьбой признать праздник Афины Никефории (Syll³ 629, l. 8, 30–31). Милет отправил двух послов к гражданам Коса (Syll³ 590, l. 45).

О социальном статусе священных послов в источниках слишком мало прямых свидетельств, чтобы можно было делать какие-то выводы. Вероятно, в разные периоды и в разных полисах к подбору послов относились по-разному. Очевидно, что полисы, если хотели, чтобы послы успешно выполнили поручение, должны были выбирать людей достойных и внушающих уважение. Как поступил, например, царь Эвмен II.

В своем письме с просьбой о признании праздника Афины Никефории в Пергаме к какому-то карийскому городу он подчеркивает, что послы, которые посланы Пергамом, люди высокого статуса. Один из послов Мегон ефесянин «из друзей и в почете», второго — Калана Пергамского «и царь посчитал достойным и народ избрал» (Welles. 49, l. 2–5).

Но какое бы социальное положение послы не занимали у себя дома, в других полисах их принимали как людей высокого ранга.

По прибытии в город, феоры выступали в народном собрании. Они не только передавали послание своего города в письменной форме, но и рассказывали о его содержимом. Частая формула в постановлениях о феорах: «передали постановление и сами рассказали согласно написанному» *τό τε ψάφισμα ἀπέδωκαν καὶ αὐτοὶ διαλέχθησαν ... ἀκολούθως... ἐν τῷ ψηφίσματι*¹⁴. Например, постановление жителей Мегалополя о принятии праздника Магнетян начинается словами: «когда послы и феоры пришли от народа Магнесий-на-Меандре... и передали решение... и рассказали обо всем остальном согласно письму родного города и тому, что написано в псефизме» (*πρεσβευτῶν καὶ θεα[ρῶν παρ]αγεγο[νότων]... καὶ ἀποδόντων τὸ ψάφισμα... περὶ τῶν λοιπῶν... πάνσιν διαλεχθέσσι, καθὰ εἶχον τὰς ἰντολὰς... καὶ ἄρμοζόντ[ω]ς... τοῖς ψαφίσματι γεγραμμένοις*) Syll³ 559, l.1–11).

и те же архифеор Сосикл и феоры Аристодем и Диотим (Syll³ 558, l. 25; 560. l. 34–35).

¹⁴См. Welles.N. 31. l. 10; 34. l. 5–10; 35. l. 4–5; Syll³ 558, l. 7–8.

В своем выступлении послы, прежде всего те, кто призывали принять новый праздник, не ограничивались только передачей содержания постановления города, но и обращали внимание участников собрания на разные заслуги своего полиса перед данным городом или перед всеми эллинами. Феоры магнетян, выступая в разных общинах, видимо, использовали какой-то общий текст, хотя в постановлениях разных городов пересказ его несколько отличается. Наиболее подробно их аргументация изложена в выступлении перед гражданами Эпидамна. Они произнесли там яркую речь, ссылаясь на оракулы бога, на поэтов, цитируя историков, описавших деяния магнетян. Они напомнили гражданам о помощи святилищу в Дельфах их предков, победивших варваров, которые хотели похитить деньги бога, и об услуге, которую магнетяне оказали союзу критян, прекратив междоусобную войну, указали и на благодеяния другим эллинам (Syll³ 560, l. 9–15).

В постановлении Халкиды феоры Магнесии-на-Меандре доказывали (ἀπολογίαίμενοι), что было явление богини, говорили о благодеяниях, оказанных их родиной эллинам, и призывали, приняв праздник, совместно воздавать установленные почести богине (Syll³ 561, l. 13–16).

Милетяне послали феоров к гражданам Коса с просьбой принять праздник в Дидимах в честь Аполлона. Они поручили послам рассказать о том, что происходило благодаря оракулу у «царей и всех остальных эллинов» (περὶ τῶν διὰ τοῦ μαντείου γεγονότων τοῖς βασιλεῦσι καὶ τοῖς ἄλλοις Ἑλλησι), а также «о совершенных народом (Милета) благодеяниях по отношению к ним» (Syll³ 590, l. 30–34).

Феоры использовали свое выступление в собрании и для передачи других просьб или постановлений своего полиса. Жители Самофраки решили передать постановление о почестях трагическому поэту Диманту в его родной город Иасос «с первыми оказавшимися послами» (Michel. 352, l. 32).

В постановлении Смирны о признании Сотерий в Дельфах содержится напоминание и об асии своего полиса и святилища Афродиты Стратоникеи¹⁵.

Ритуал приема послов соответствовал древнему обычаю гостеприимства, который предполагал приглашение гостя на риту-

¹⁵Nachtergaeel. N 25, l. 21–22; cf. P. 354.

альную трапезу¹⁶, обмен подарками¹⁷. Возможно, общины, которые стали придавать своим местным обрядам статус общеэллинических празднеств, брали за образец прием дельфийских феоров и стали давать священным послам почести, аналогичные дельфийским¹⁸.

Послы приглашаются в пританей для участия в общей трапезе. Для этого им дается жертвенное животное¹⁹. В постановлении Эпидамна даже оговаривается, что феорам отдают руно и бедра овцы (Syll³ 560, l. 41–42). Иногда в связи с трапезой употребляется слово ξεία буквально значащее «подарки», оно прямо указывает на связь с обычаем гостеприимства²⁰.

Феоры получают дары и в денежной форме. В постановлении Мегалополя предписывается, чтобы казначей выдал феорам деньги на жертву ὁ ταμίης... σσιφόρος ἰστίον (Syll³ 559, l. 41). В надписях в основном называются два типа денежных выплат феорам: ἀταρχή и ἐνεχέχειρον (ἐχέχειρον). Эти деньги предназначались, вероятно, на разные виды жертвоприношений. Ἀταρχή — первоначально это начатки плодов, которые приносятся в жертву богам, но в надписях о признании праздников говорится о деньгах на эту жертву. Граждане Итаки постановили дать «на жертву начатков плодов богине 15 драхм» Syll³ 559, l. 20–21).

Денежная сумма — ἐνεχέχειρον (ἐχέχειρον)²¹ также выдается казначеем (Syll³ 562, l. 54), или в надписи прямо указывается сумма (Syll³ 560, l. 42–43). В словаре Гесихия указывается, что это слово означает τὸ ἀργύριον — «серебро». Очевидно она связана с екехейрией, которая объявлялась феорами от имени полисов, учреждавших праздник общеэллинического значения и перемирие на время его проведения²². По мнению Боша, эти деньги давались феорам для жертвоприношения²³. Вероятно, они предназначены для совершения обряда общиной при принятии перемирия. Таким образом, эти

¹⁶John Rundin. A Politics of Eating: Feasting in Early Greek Society // *AJPh*, Vol. 117, N 2 (Summer, 1996). P. 179–215.

¹⁷Philippe Gauthier. Notes sur l'étranger et l'hospitalité en Grèce et à Rome // *Ancient Society*. 4. 1973. P. 1–21.

¹⁸Boesch P. Θεωρός. Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste. P. 80.

¹⁹Syll³ 558, l. 20–21; 559, l. 55.

²⁰Syll³ 558, l. 22; 562, l. 67.

²¹Syll³ 559, l. 45; 560, l. 43; 562, l. 55.

²²Никитский А. Исследования в области греческих надписей. Юрьев. 1901. С. 47.

²³Boesch P. Θεωρός. Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste. P. 74–75.

деньги фактически предназначены общине. А ἀπαρχή, по мнению Боша, дается самому феору, для того, чтобы он сам мог почтить божество²⁴.

Помимо жертвенного животного и денег послам давались и нематериальные почести, в частности, венки (Syll³ 562, l. 60).

Почти во всех постановлениях полисов феоры провозглашались проксенами и эвергетами (благодетелями) полиса. Например, послам Коса и их потомкам дельфийцы дают почести как проксенам и эвергетам (Syll³ 566). Помимо званий проксена и эвергета в дельфийских надписях повторяется стандартный набор почестей, которые даются благодетелям святилища и священным послам.

Граждане Пароса называли проксенами и эвергетами паросцев трех послов Магнесии-на-Меандре и их потомков (Syll³ 562, l. 63–64). В постановлении жителей Итаки повторяется то, что записано в декрете паросцев: «чтобы они (послы) были проксенами и эвергетами полиса итакийцев и пусть у них будут все блага, какие есть и у остальных проксенов и эвергетов города» (καὶ ὑπάρχειν αὐτοῖς παρὰ τῆς πόλιος πάντα τὰ φιλόνηρα, ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις (Syll³ 558, l. 26–29).

Привилегии проксенов в III в. до н. э. были, видимо, уже закреплены законами или традицией, так как эта формула «назвать проксенами и пусть будет им всё, что есть у остальных проксенов» повторяется в разных надписях²⁵. Что именно давали феорам эти почести кроме удовлетворенного тщеславия, сказать трудно. В источниках это не раскрывается. Но не хочется переносить современное отношение к некоторым почетным званиям и думать, что в древности это тоже была пустая формальность. Получение такого звания в Дельфах, вероятно, было престижно и поднимало человека в глазах своих земляков, а также давало какие-то преимущества в знаменитом святилище, когда он туда приезжал. Возможно, что и по приезду в тот город, проксеном или эвергетом которого он назван, человек имел какие-то блага, вроде обеда в пританее и даров.

Вся процедура приема феоров в полисах к III в. до н. э. была уже зафиксирована в законах. Ссылки на закон встречаются в надписях неоднократно: «и дать феорам то, что записано в законах — τὰ ἰν τοῖς νόμοις γεγραμμένα» (Syll³ 559, l. 43), или «дать феорам, послан-

²⁴Boesch P. Θεωρός. Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste. P. 77.

²⁵Syll³ 558, l. 29; 562, l. 65.

ным магнетянами, ἀπαρχῆ το, что по закону ἐκ τοῦ νόμου» (Syll³ 561, l. 28).

Возможно, законами также предусматривалось, где должны жить феоры во время пребывания в городе. Примечательно, что, несмотря на то, что в полисах существовал формальный институт проксении для приема чужеземцев, повсеместно наряду с проксенами стали назначаться особые люди — феородоки, которые должны были принимать у себя священных послов.

В постановлениях полисов о принятии праздника есть не только пункт об избрании феородока (θεωροδόχος для послов, которые будут объявлять о празднике²⁶, но часто указывается, и кто именно избран феородоком²⁷. Во всех надписях говорится об избрании только одного феородока. Таким образом, феородок должен был принимать у себя и кормить двух, трех феоров. Это, вероятно, требовало больших расходов.

По свидетельству Афиней (IV, 173 с) феородоки «оказывали им (послам) надлежащую заботу: крышу, хлеб-соль, масло, укусу, еще светильник, ложе, постель, стол, дрова».

Но феородокия рассматривалась и как почеть. В постановлении Пароса о признании праздника Магнесии-на-Меандре говорится о назначении феородока, который должен в будущем принимать феоров (θεωροδοκ[η]σει, объявляющих об агоне Артемиды. А избранному «пусть будет феородокия и ему и его потомкам — εἶναι τῷ ἀρεθέντι θεωροδοκίαν αὐτῷ καὶ ἐγγόνοις» (Syll³ 562, l. 51–53). Таким образом, здесь феородокия выступает в двух функциях: и как обязанность принимать послов и как почеть, которая дается ему и потомкам. Феородокия часто называется также среди почестей, которые дают Дельфы²⁸, в частности феородокия Пифий и Сотерий, которая дается также потомкам²⁹.

Александр Никитский допускал, что феоров могли принимать и частные лица или даже, что «феорам приходилось обходиться городским приемом или жить на собственные средства»³⁰. Однако, все перечисленные декреты об установлении новых праздников говорят о том, что вместе с признанием праздника предусматривает-

²⁶Syll³ 558, l.23; 560, l. 46; 562, l. 51–52.

²⁷Syll³ 558, l. 24; 559, l. 54–55; 562, l. 74–75.

²⁸Никитский А. Исследования в области греческих надписей. С. 31–46.

²⁹Nachtergaele. N 31, l. 2; 32, l. 3; 33, l.3, 36, l. 11.

³⁰Никитский А. Исследования в области греческих надписей. С. 37.

ся и избрание феородока для феоров города, установившего праздник. Таким образом, люди, которые принимали у себя чужеземных послов, действовали не в частном порядке, по своей собственной инициативе, а назначались городом, хотя, вероятно, назначение с ними предварительно согласовывалось. В почетных постановлениях дельфийцев, например, говорится, что «он принял феородокию» (τὸν θεωροδοκίαν ἀνεδέξατο, т. е., гражданин согласился стать феороδοком по просьбе дельфийцев³¹.

Можно предположить, что полисы имели таких феородоков, назначенных городом, во всех центрах, где признали их праздник. И послы, которые объезжали несколько селений, на всем пути своего следования находили приют в их домах³².

О том, что Дельфы имели феородоков во всех уголках эллинского мира, убедительно свидетельствует стела со списком феородоков³³, составленным по географическому принципу. Сохранился и список феородоков Эпидавра. Среди городов и областей, где принимали его послов, есть Коринф, Дельфы, Амфисса, Навпакт, Калидон, Акарнания, Коркира и другие³⁴.

Таким образом, деятельность феородоков приобретает вполне официальные формы и становится частью дипломатических отношений между полисами.

Феородоки, вероятно, были влиятельными людьми у себя в городе, и они могли оказывать и другие услуги, кроме тех, что требовались от них «по должности». К сожалению, официальные документы слишком кратки и не позволяют увидеть за сухими строками постановления реальных людей, понять, какое положение они занимали в родном городе. На фоне такой скудной информации о феородоках в надписях, особого внимания заслуживают постановления дельфийцев о некоем Биайе из Навпакта и Селевке из Александрии. Надпись о Биайе датируется 150/49 г. до н. э. Биай, сын Аристодама из Навпакта «принял феородокию Пифий и Сотерий и сам был агонистом»³⁵. Однако он, видимо, не ограничивался толь-

³¹Nachtergaele. *Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes*. P. 346.

³²Nachtergaele. *Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes*. P. 345.

³³*G. Dawe. La grande liste delphique des thearodoques // AJPh*, v. 101, N 3. 1980. P. 318–323. Nachtergaele. *Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes*. P. 349.

³⁴*Boesch P. Θεωροός. Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste*. P. 36–37.

³⁵Nachtergaele. *Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes*. App. N. 39, 4–5.

ко традиционными обязанностями феородока, а еще добровольно помогал тем из граждан, кто в нем нуждался, «и словом и делом», по мере своих возможностей. Ему за это благодарны феоры и многие другие люди (л. 6–8). За эти благодеяния Дельфы награждают его венком, приглашают участвовать в жертвоприношении римлян в Пританее (л. 13). Биай объявляется проксеном и эвергетом храма и города (л. 13–14).

Ему дается также набор почестей, ставший стандартным в Дельфах: промантия, продикия, проэдрия (л. 14–16) — это привилегии в самих Дельфах, приносящие в основном моральное удовлетворение. А вот освобождение от всех налогов (*ἀτέλεια*) и асилия (*ασυλία*) (л. 14) дают к тому же материальные выгоды и гарантируют безопасность. Но особое внимание среди привилегий этого напактца привлекает дарование ему исополитии и права владеть землей и домом (*εἶμεν δὲ αὐτοῦ καὶ ἰσοπολιτεῖαν πάντων ὄσων καὶ Δελφοῖς, καὶ γὰρ καὶ οἶαζ ἔγχετησιν*) в Дельфах (л. 15–16). Такое право редко встречается среди множества почетных постановлений дельфийцев в честь различных благодетелей. Оно в некотором смысле исключительно³⁶. Это говорит о том, что Биай, вероятно, действительно щедро принимал дельфийских феоров и других граждан Дельф и содействовал им в каких-то важных делах, используя свое влияние.

Безусловно, влиятельным человеком был Селевк из Александрии, который, как это видно из надписи, мог обратиться к самому царю. Дельфы принимают решение даровать почести Селевку за то, что он среди прочего всячески помогал дельфийцам, приходящим к царю Птолемею по делам святилища и полиса, просил за них перед царем. (*καὶ λέγει καὶ πράττει τὰ συμφέροντα*) διὰ παντὸς παρὰ τῷ βασιλεῖ περὶ τε τοῦ ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος τῶν Δεφῶν)³⁷.

Любопытно, что среди почестей, которыми дельфийцы удостоили Селевка, так много сделавшего для них, нет феородокии. В этой надписи есть еще одна примечательная деталь, за Селевка перед советом Дельф просили феоры, которые были посланы к царю Птолемею³⁸. Таким образом, эта надпись приоткрывает нам завесу

³⁶Исополития и право владения землей и домом даются также Диэту из Теноса (Nachtergael. N 32, l. 7). Дионисию из Элиды (Nachtergael. N 35, l.9-10) и некоему феородоку из Антикиры (Nachtergael. N 32, l. 41, l. 7) дается только право владения землей и домом, но не упоминается исополития.

³⁷Nachtergael. N 29, l. 9-11.

³⁸Nachtergael. N. 29, l. 4-5.

над тем, как происходила процедура принятия решений о феородоках, хотя бы в Дельфах. Косвенно о такой же процедуре говорит и надпись в честь Биайя из Навпакта: «ему благодарны феоры и многие другие»³⁹. Вполне естественно, что именно феоры должны были свидетельствовать перед властями своего города о том, как их приняли феородоки.

Таким образом, надписи в честь Селевка и Биайя позволяют предположить, что люди, которые становились феородоками, опекали не только послов, приходивших из дружеского города, но и других его граждан в случае необходимости. Оба они фактически выполняли обязанности проксенов. Вообще, трудно резко разграничить обязанности проксена и феородока. А. Никитский предполагал, что проксения, постепенно превратившись в почесть мало к чему обязывавшую, требовала гораздо меньших затрат и хлопот, чем феородокия⁴⁰.

Скорее всего, резкого различия между проксенами и феородоками не было. Это могли быть одни и те же люди. Очевидно, что феородоками соглашались быть те, у кого были дружеские связи с кем-нибудь из другого полиса, а может быть они уже были проксенами этого города. Конечно, это не исключает того, что такие связи могли устанавливаться уже во время исполнения феородокии. В отличие от проксена у феородока более четко ограничен круг лиц, которых он должен принимать. Но ему не запрещается помогать и другим гражданам дружественного полиса.

Помимо подарков, денежных выплат и теплого приема в доме феородока, послы получали дорожные деньги (эфодия) и от своей общины. Свидетельства об эфодии, которая дается обычно послам, отправлявшимся в далекое путешествие с поручениями о войне и мире, о заключении союза и т.д., позволяют предположить, что деньги послам давались из расчета одна-две драхмы на день⁴¹. Послы в комедии Аристофана «Ахарняне» (Ach. 64–65) говорят: «Отправили вы нас к царю великому/ С тем, чтоб платить нам по две драхмы суточных».

Маршруты феоров пролегали по всем странам Средиземноморья. В постановлении Магнесии-на-Меандре о реорганизации

³⁹Nachtergael. N 39, l. 7–8.

⁴⁰Никитский А. Исследования в области греческих надписей. С. 22, 37.

⁴¹Westermann W. L. Notes upon the ephodia of greek ambassadors. // Classical Philology, V. 5, No. 2 (Apr. 1910). P. 207.

праздника Артемиды в общеэллинский сообщается, что его «приняли цари и все эллины, к которым посылали послов», «по народам и городам» (κατὰ ἄστυ καὶ πόλεις) (Syll³ 557, l. 31-32).

Добирались феоры и до берегов Черного моря⁴².

В дельфийском списке феородоков представлены в основном греческие полисы и общины: от Марселя до Кипра и от Византия до Кирены. Города и местности, которые были завоеваны Александром Великим, не встречаются в них. Исключением является только Александрия Египетская и другие дворы эллинистических монархов. В основном же феоры не проникают вглубь азиатского материка⁴³.

Таким образом, эта «дипломатическая сеть» охватывала весь эллинский мир.

Деятельность феоров, связанная с религиозной сферой, возможно, была даже важнее, чем обычных дипломатов. Ведь они призывали эллинов принять участие в совместных обрядах и предлагали освященный религией мир, такой желанный среди бесконечных войн. Они способствовали установлению дружеских отношений между полисами, монархами и союзами.

Так что, на самом деле единство эллинского мира, может быть, в большей степени обеспечивалось этими мирными депутациями полисов, чем военными походами и даже торговыми связями.

⁴²См. надпись в честь жителей Херсонеса, спасших дельфийских феоров, захваченных, вероятно, пиратами — Syll³. 281.

⁴³Nachtergael. Les Galates en Grece et les Soteria de Delphes. P. 350.

О хронологических границах эпохи эллинизма

Со времени И. Г. Дройзена, который первым сформулировал и обосновал сущность и понятие эллинизма, ведутся споры, как обозначить временные границы этого явления всемирной истории. Сам Дройзен доводил историю эллинизма до 222 г. до н. э., поскольку это обуславливалось рамками его труда, посвященного исключительно политической истории эпохи Александра Македонского, диадохов и эпигонов¹. Другой крупнейший немецкий историк античности К. Белох нижней границей эллинизма считал 217 г. до н. э., когда, как он полагал, со вступлением римлян в Иллирию начался новый период в истории античного мира². Предлагался и 146 г. до н. э., когда в результате войны Ахейского союза против римлян пал Коринф и вся Греция перешла под их власть³. В настоящее время эти даты окончания эллинистической эпохи справедливо отвергнуты, поскольку с падением независимости Эллады продолжали существовать эллинистические государства в Египте, Сирии, Малой Азии. Однако поиск временной границы конца эллинистического периода в связи с возвышением Рима в целом справедлив, так как падение эллинистического мира и расширение границ Римской республики предвосхитили создание Римской империи, поглотившей большинство эллинистических царств в Средиземноморье. Очевидные искусственность и условность этих хронологических вех не отражают сущности самого эллинизма, который охватывает очень широкий ареал — не только области, завоеванные Александром Великим и его преемниками, но и земли за их пределами, в том числе и сам Рим. Большая часть исследователей сходится на том, что годом окончания эллинистической эпохи правомернее считать 31 или 30 г. до н. э., когда с падением эллинистической монархии Птолемеев начался отсчет лет существования Римской империи. Таким образом эллинизм, по выражению А. Б. Рановича, это «целая эпоха в истории древности», которая «обнимает три столетия — от 336 г. до н. э. (год воцарения Алек-

¹ *Droysen I. G. Geschichte des Hellenismus. Bd I–III. Gotha, 1877. Русское издание: Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893.*

² *Beloch K. Griechische Geschichte. Bd IV. Abt. 1–2. Leipzig, 1925.*

³ *Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 BC. L., 1932.*

сандра) до 30 г. до н. э.»⁴. Соглашаясь в целом с такой датой конца эллинизма, ученые расходятся по вопросу о его начале: ряду с 336 г. до н. э., чаще всего предлагается брать 323 г. до н. э. — год смерти Александра Македонского, или 334 г. до н. э. — начало восточных походов Александра⁵. Дата смерти полководца как начальная для эпохи эллинизма выглядит более правомерной, поскольку только после его смерти начался передел мира и образовались новые государства, впоследствии известные эллинистические царства.

Начальная дата эллинизма, несмотря на ее кажущуюся основательность, также вызывала неоднозначное отношение. Некоторые исследователи считали, что ко времени прихода к власти Александра в ряде регионов, таких, например, как Кария, Фракия, Боспор Киммерийский, сложились предпосылки к образованию нового типа государств, которые напоминали эллинистические царства, образовавшиеся на развалинах державы Александра. Там якобы уже в первой половине — середине IV в. до н. э. наблюдалось тесное взаимодействие местных и эллинских черт во всех сферах жизни государства и общества, что позднее имело место на обломках империи Александра. Поэтому применительно к таким областям и государствам предлагалось ввести в обиход понятие «протоэллинизм», сформулированное, главным образом, на примере истории Боспорского государства при Спартокидах⁶. Впрочем, в настоящее время идея о протоэллинизме подвергается справедливой критике⁷. Ведь социально-экономическая основа государства — земельная собственность на Боспоре в IV—I вв. до н. э. являлась не царской, а полисной, потому и характер власти пра-

⁴ *Ранович А. В.* Эллинизм и его историческая роль. М., Л., 1950. С. 10. См. также *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. Vol. I–II. Nancy, 1966–1967.

⁵ *Ковалев С. И.* Предисловие // Тарн В. В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 9; *Тарн В. В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 19; *Кощеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 27; он же. Послесловие // Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 242. Из последних работ см. *Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003. S. 13–41.

⁶ *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 109–122.

⁷ *Шелов-Коведнев Ф. В.* О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 321–333. Автор необоснованно ограничивает значение полисов на Боспоре, не учитывая их ведущей роли в формировании там государства и власти.

вителей, т. е. политическая надстройка, оставался полисным, так как режим Археанактидов и Спартокидов был по сути тираническим⁸.

Если оставить в стороне спорную идею о протоэллинистическом периоде и суммировать взгляды исследователей о начале эллинизма, то можно убедиться, что они отражают одно конкретное историческое явление — образование мировой греко-македонской монархии под властью Александра и ее распад на составные части во главе с его сподвижниками. Поэтому все произошедшее в конце IV — начале III в. до н. э. — суть родственные по характеру процессы: завоевание новых территорий, миграции больших групп населения, в основном, эллинов и македонян, эллинизация, основание военных колоний и новых полисов, создание царской земельной собственности или ее трансформация от исконных восточных к новым греко-варварским формам, образование новых элит, формирование государств во главе с властителями, в той или иной мере связанными с греко-македонской династией Филиппа и Александра, а также персидскими царями династии Ахеменидов или их наместниками. Конкретные даты начала и окончания эллинистического периода должны увязываться с сущностью самого понятия «эллинизм». Мы исходим из того, как оно сформулировано К. К. Зельиным: это конкретно-историческое явление, для которого характерно «взаимодействие эллинских и местных начал (главным образом восточных) в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре... социально-экономическое содержание периода эллинизма является результатом развития не только греческого общества, но и развития многих, преимущественно восточных стран древности». Такое взаимодействие во многом стало следствием греко-македонского завоевания Востока⁹. Если отталкиваться от этой концепции, принятой большинством отечественных антиковедов, то конкретная дата начала

⁸ Сейчас об этом подробно см. *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11–35; он же. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // *Античная цивилизация и варвары.* М., 2006. С. 171–180; *Saprykin S. Ju.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic Periods // *Chora und Polis.* Schriften des Historischen Kollegs. Kolloquien 54. München, 2004. P. 85 suiv.

⁹ *Зельин К. К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. XXII. С. 99–108; он же. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1955. 4. С. 145–156.

эллинизма в общем ясна. Между предложенными годами разница всего в десять лет, но спор, в основном, касается того, в какой степени осуществлялись взаимодействия и взаимовлияния эллинских и восточных черт в жизни государств, которые играли ведущую роль на мировой арене на протяжении IV–I вв. до н. э. Что до самого явления и понятия «эллинизм», то оно воспринимается в целом верно, будь то культурологическая, политическая или социально-экономическая его сторона¹⁰.

Однако вопрос о конце периода эллинизма более существенный. Установить дату окончания эпохи эллинизма гораздо сложнее, ибо исторические события, которые связывают с окончанием эллинизма, разбросаны в более длительном временном диапазоне. Против общепризнанной даты — 31 или 30 г. до н. э. выдвигаются во многом справедливые возражения. Во-первых, не только Рим завоевал государства эллинистического мира, в его гибели существенную роль сыграли Парфия и кушанские племена; во-вторых, возникает резонный вопрос — почему только захват римлянами Птолемеевского Египта принимается за окончание эллинизма, ведь до этого (и отчасти после) Рим поглощал и другие эллинистические государственные образования¹¹. Это связано с тем, что за основу датировки конца эллинизма берутся совершенно разные по значению события из истории греко-римского мира. К тому же нижняя граница эпохи тесно увязана с территорией античной ойкумены, на которую распространилось явление, принятое именовать «эллинизмом». Еще М. И. Ростовцев, исходивший в определении территориальных границ эллинистического мира из традиционного постулата считать таковыми те области, которые входили в державу Александра Македонского, включал в пределы его границ государства, не подпавшие под македонское завоевание — Боспор, ряд царств в Малой Азии, Сицилию, но исключал при этом фракийцев, скифов, сар-

¹⁰См., например, *Розовский А. А.* Понятие эллинизм: цивилизационный подход (постановка проблемы) // *Методология и методика изучения античного мира.* М., 1994. С. 22–28; *Фролов Э. Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. *Правители эпохи эллинизма.* М, 1982. С. 3 сл.

¹¹Об этом подробнее см.: *Лорджитанидзе О. Д.* «Эллинизм», «эллинистический мир», «эллинистическая культура» (трудности дефиниций) // *Причерноморье в эпоху эллинизма.* Тбилиси, 1985. С. 8, 9; *Кошелевко.* Послесловие. С. 242; он же. *Эллинизм: к спорам о сущности* // *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 8.

матов, другие племенные образования¹². Представители французской историографии П. Пети, П. Левек, некоторые ученые из других стран, расширяют границы эллинистического мира от Ирана до Карфагена и Италии, включая в их состав балкано-дунайские области, кельтов-галатов, Мероэ, Парфию, Среднюю Азию, Южную Аравию, Индию, Китай и даже внутреннюю Африку¹³. Все чаще ставится вопрос об эллинизме в Риме, что в общем справедливо, если бы такой подход не ограничивался исключительно культурным влиянием и наследием греков¹⁴. Здесь важно выявить не столько культурные контакты, установленные с самого основания Вечного города и просуществовавшие до конца античности¹⁵, сколько социально-экономические отношения, особенно в восточных провинциях Римской империи и на ее границах с вассальными царствами, где сохранялись пережитки эллинистических традиций.

В этом плане существенный вклад в изучение проблемы сохранения эллинизма после падения эллинистического Египта в 31 г. до н. э., в том числе на землях, не вошедших в состав империи Александра, внесли семинары по эллинистической культуре на Востоке, состоявшиеся в Ереване в 1980-х годах. Там было высказано, на наш взгляд, удачное предложение называть эпоху после 31/30 г. до н. э. «постэллинизмом». При неоднозначности и условности этого термина, как и вообще понятия «эллинизм», это название применительно к периоду существования периферийных государств на Востоке после принятой даты конца эллинизма достаточно точно отражает структуру сложившихся в них социально-экономических, политических и культурных взаимовлияний между варварами и эллинами. Ведь они во многом напоминали, а часто и повторяли, пути развития отношений при взаимодействии греческого

¹²*Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941.

¹³*Petit P.* La civilisation hellénistique. P., 1965; *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989. С. 161 сл.; *Levi M. A.* L'ellenismo e l'ascese di Roma. V. IV. Torino, 1970.

¹⁴*Peters F.* Harvest of Hellenism. A History of Near East from Alexander the Great to the Triumph of Christianity. N. Y., 1970; *Gruen E.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley, Los Angeles, London, 1984. P. 251 suiv.; *Swain S.* Hellenism and Empire: Language, Classicism and Power in the Greek World, AD 50-250. Oxf., 1996; *Штаерман Е. М.* Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140 сл.

¹⁵*Bowersock G. W.* Hellenism in Late Antiquity. Cambridge, 1990.

и восточного начал, которые сложились в так называемых «классических» греко-македонских монархиях эллинистического мира¹⁶. Термин «постэллинизм» прижился в науке, однако в зарубежной и отечественной историографии он понимается в основном как отражение культурного взаимовлияния¹⁷.

На основании вышеизложенного можно выделить две фазы в истории эллинизма: 1 — период собственно греко-македонского господства (323–31 гг. до н. э.), когда на подвластных грекам и македонянам территориях и в областях, которые не вошли в пределы границ державы Александра, на разном уровне происходило взаимодействие местных и греческих традиций в социально-экономической и политической жизни государств; 2 — период после 31/30 г. до н. э., когда на землях, как входивших прежде в империю Александра, так и не попавших в ее пределы, также имело место взаимовлияние греко-македонских и местных традиций. При этом на смену греко-македонской власти (или скорее внешнему влиянию греков и македонян) пришло господство римлян. Многие области, прежде составлявшие эллинистические царства, были включены в Римскую империю, другие стали вассальными или «буферными» государствами со своими царями, зависимыми от римской власти. Этот второй период в истории эллинизма можно условно называть постэллинизмом. Поскольку в научной литературе об этом сказано очень мало, необходимо раскрыть его значение, чтобы установить, можно ли доверять постулируемому утверждению об исключительно культурной сущности постэллинизма. В нашу задачу входит также связать его с конкретно-историческим явлением, коим, согласно концепции К. К. Зельина и его последователей, можно считать эллинистическую эпоху в целом. Указанная концепция делится как бы на две части: первую, согласно которой эллинизм это сочетание местного и эллинского начал, которое было подготовлено всем ходом развития греческого общества и невозможно без греко-македонского завоевания; второе — эллинизм это результат влияния определенных условий, сложивших-

¹⁶Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май, 1980 г. Ереван, 1980; Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май, 1984 г. Ереван, 1984; Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на востоке. Май, 1988 г. Ереван, 1988.

¹⁷*Кочеленко*. Эллинизм: к спорам о сущности. С. 13.

ся в странах Востока, что предопределило вышеназванный симбиоз. Если применить эти концептуальные положения к государствам Передней Азии, Закавказья и Причерноморья, которые существовали после 30 г. до н. э., то сформировавшиеся у них социальные, экономические, политические и культурные отношения в большей мере соответствуют второй части изложенной концепции. Учитывая эту особенность, попытаемся определить, можно ли вписать постэллинистический период в хронологические рамки эпохи эллинизма.

Период, который называют «постэллинизмом», связан с историей так называемых «малых» государств в Средиземноморье, Причерноморье и на Переднем Востоке на рубеже и в первые века нашей эры. Среди них царства Понт, Каппадокия, Пафлагония, Киликия, Мидия Атропатена, Софена, Армения, Кавказская Албания, Иберия, мелкие царства западно-грузинских племен в Колхиде, Фракия, Боспор, Скифское царство в Таврике, сарматские царства, известные как Великая Аорсия, Дакия и самое большое из них — Парфянское государство. К такого рода государствам можно отнести Кушанское царство, царство Юбы II в Мавритании, Иудейское государство Ирода Великого и Ирода Агриппы, Пальмиру, Набатею. При наличии общих схожих черт (влияние греко-римской культуры, формирование эллинизированной или отчасти романизированной местной аристократии, восточный деспотизм, в ряде мест впитавший в себя эллино-македонские принципы царского управления) эти государства отличались друг от друга уровнем взаимодействия местных (восточных, в т.ч. иранских), греческих и римских традиций, включая использование греческого языка и эллинизацию (а также романизацию) населения, формами государственного управления и социально-экономических отношений — от развитой царской собственности на землю и активной градостроительной политики до племенных общинных отношений и пережитков военной демократии. Различались они по характеру проведения внутренней и внешней политики, глубине связей с Римской империей¹⁸, по степени использования эллинистических традиций, заложенных в предшествующую эпоху, по удельному весу туземных

¹⁸ *Millar F.* The Roman Near East 31 BC – AD 337. Cambridge, L., 1993. P. 27–80; *Braund D.* Copying with the Caucasus: Roman Responses to Local Conditions in Colchis // *The Eastern Frontier of the Roman Empire*. P. I. BAR Int. Ser., 553(1). Oxf., 1989. P. 31 *suiv.*

институтов в общественной жизни, по продолжительности существования на мировой арене того времени. История некоторых государств прекратилась в конце I в. до н. э., другие доживают до I в. н. э., третьи — до II–III вв. н. э., а ряд царств существует даже в IV в. н. э.

Из перечисленных государств Боспор, Иберия, Колхида, Кавказская Албания, Армения, варварские скифо-сарматские образования в Северном Причерноморье оказались вне македонского завоевания. Другие государства, такие как Понт, Пафлагония, Каппадокия, не испытав сильного воздействия походов Александра, оказались яблоком раздора между его диадохами и эпигонами, и успешно отразили попытки установить над собой греко-македонское господство. Поэтому наряду с эллинским влиянием, которое концентрировалось в городах, не меньший, а то и больший удельный вес имели у них местные анатолийские и иранские традиции. Что касается Каппадокии, то эллинская культура пустила там глубокие корни только на черноморском побережье и отчасти в некоторых городах внутри страны, например, в Амасии, древней столицы Понтийского государства, или в Анисе, одном из центров Каппадокийского царства¹⁹. На протяжении почти всего эллинистического периода (III–I вв. до н. э.) в Восточной Анатолии укреплялись прежде всего местные элементы в государственном устройстве, экономике и культуре. Греческий язык стал официальным в Каппадокии только в середине III в. до н. э., а во внутренней политике местные правители, как и в соседнем Понте, опирались на мощный бюрократический и военный аппарат, созданный во многом по образцу и подобию Персидской монархии Ахеменидов. Это проистекало оттого, что первые властители этих государств были преемниками бывших персидских сатрапов Каппадокии, поэтому иранское начало в их политике оставалось преобладающим. Оно выражалось в наличии централизованной системы управления обширными земельными владениями при крайне ограниченном функционировании городских центров. Верховными собственниками всей земли изначально выступали цари, всячески старавшиеся преумножить объем царских земель за счет сокраще-

¹⁹Ср. надпись I в. до н. э. из Анисы о соотношении полисной и царской форм земельной собственности: *Cumont F. A propos d'un decret d'Anisa en Cappadoce // REA. 1932. Vol. 34. N 2. P. 135–138.*

ния и без того скудных полисных и храмовых территорий²⁰. Они же считались верховными жрецами ирано-анаатолийских божеств, почитавшихся в храмовых общинах Понта и Каппадокии. Царская власть и местная аристократия опирались на мощный слой военно-хозяйственных поселенцев и военно-административный аппарат, многие представители которого получали от царей обширные земельные владения²¹.

Подобная система в целом характерна для эллинистических монархий Переднего Востока, которые образовались после распада державы Александра и войн диадохов. Однако там государственные институты сформировались на основе взаимодействия греко-македонских и восточных социально-экономических отношений вследствие прямого македонского завоевания, при том что решающим в эллинизации населения выступали новооснованные полисы, инкорпорированные в госструктуру вследствие подчинения полисной земельной собственности верховному собственнику всей земли в государстве — царю²². В отличие от них в эллинистических «малых» государствах Восточной Малой Азии и Закавказья преобладали местные, исконно существовавшие там социально-экономические структуры. В Армении, например, для укрепления локальных отношений и форм собственности создавалась специальная сетка административно-территориального деления, в которой использовалась македонская, точнее селевкидская система²³. В Понтийской Каппадокии цари стремились захватить прибрежные греческие полисы исключительно из стремления обеспечить рост богатств и внутривластных позиций правящей, негреческой по преимуществу, верхушки. И только не ранее середины II в. до н.э., но в особенности при Митридате Евпаторе, процесс эллинизации и укреп-

²⁰ Jones A. H. M. *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxf., 1940. P. 25–27, 41.

²¹ Rostovtzeff M. I. *Ponto* // *Enciclopedia Italiana*. Vol. 37. Roma, 1935. P. 901–905; idem. *Social and Economic History*. . . P. 571–578; Jones A. H. M. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford, 1937. P. 155–157.

²² Bikerman E. *Institutions des Seleucides*. P., 1938. P. 79–81; *Kreissig H.* *Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich*. B., 1978. S. 47, 48; *Cohen G.* *The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization*. Wiesbaden, 1978. P. 22–24.

²³ Ср. свидетельства Страбона о территориально-политическом делении Армении при Антиохе III (Strabo XI. 14. 5, 15). О роли городов в Армении как проводников эллинизации см. Der Nersessian S. *The Armenians*. L., 1969. P. 26, 27.

ления полисных форм землевладения и собственности значительно усилился, при том, что царь оставался верховным собственником всей земли, включая полисную. В результате филэллинской политики и желания Митридата предстать освободителем греков от римского господства греческие города прочно вписались в социально-экономическую и военно-политическую структуру государства. Но военно-хозяйственные поселения остались главной опорой царя как верховного собственника земли. Они стали ведущей силой при формировании боеспособной армии. В основе развития государственно-правовых институтов традиционно ведущую роль продолжали играть восточные, точнее иранские и анатолийские, формы землевладения с опорой на общину, а земельная собственность полисных коллективов, в том числе и греко-македонские принципы государственно-политического устройства, существенно им уступали²⁴. Правящая элита, несмотря на усиление в ее составе эллинского элемента, оставалась в этническом и культурном отношении ирано-каппадокийской, что наглядно показывают имена некоторых митридатовских наместников и ведущих чиновников²⁵.

Эллинизация и распространение греческой культуры в Понте, Каппадокии, Иберии и Армении затронули сравнительно незначительный слой населения, главным образом правящую верхушку, и насаждались как бы «сверху вниз», т. е. от местной элиты к широким слоям населения. Это же относится к социальной и экономической политике, созданию собственности и административно-территориального устройства, поскольку градостроительство в этих государствах активно осуществлялось только со II в. до н. э., несколько усилившись, как в Понте, при Митридате Евпаторе. Большая часть городов, основанных при Митридате VI, являлась по характеру военно-хозяйственными поселениями или получившими от царя права полисной автономии царскими катойкиями. Подобная структура обеспечила Понтийскому царству и его союзнику — Великой Армении возможность военным путем долгое время противостоять римской экспансии, сохраняя традиционные ирано-эллинические

²⁴ *Сапрыкин С. Ю.* Особенности земельных отношений в Понтийском царстве Митридатидов // ТАВ. 1986. I. P. 113–120; он же. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 96 сл.; он же. Понтийское царство. М., 1996. С. 206–247.

²⁵ *Olshausen E.* Zum hellenisierungsprozess am Pontischen Königshof // Ancient Society. 1974. Bd 5. P. 153–168.

черты в государственном управлении и социально-экономических отношениях²⁶.

После падения царств Митридата Евпатора и Тиграна II Армянского римляне в лице Гнея Помпея, Юлия Цезаря и Марка Антония принялись укреплять позиции Римской республики на Востоке. Наученные горьким опытом Митридатовых войн, когда греки и варвары на Востоке сумели воспользоваться промахом римлян, отказавшихся от провозглашенных после завоевания Македонии принципов свободы и автономии греков, римские власти изменили подходы к восточной политике. В ее основу были теперь положены принципы филэллинизма²⁷, что в свое время удачно использовал Митридат Евпатор. Но в отличие от него римляне предоставляли греческим городам и союзным царям более широкие привилегии по сравнению даже с теми, которые давал своим вассалам Митридат. Это делалось для того, чтобы уничтожить основы могущества прежнего царства Митридата — царское землевладение восточного «иранского» типа с опорой на военно-хозяйственные поселения и племенные образования варварских и полуварварских народов, подданных этого царя. При создании новой провинции Вифиния-Понт и образовании клиентных государств римляне пошли на расширение полисных форм собственности и городского самоуправления. При этом они старательно, особенно при Помпее, разрушали прежние митридатовские царские катойкии и крепости, а городам и храмовым общинам предоставляли дополнительные земельные владения за счет перераспределения бывшей царской земельной собственности. Параллельно с этим в бывших родовых владениях понтийских царей вводилось новое административное деление, с помощью которого Помпей и Цезарь рассчитывали поделить царскую земельную собственность между полисами, новыми союзными Риму династиями и местной элитой, в свое время обделенной царями и их приближенными. При Помпее и в чуть меньшей степени при Цезаре были установлены новые законы, по которым граждане греческих полисов получали политические, административные и гражданские права, в том числе расширение прерогатив полисных органов управ-

²⁶ Weimert H. *Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: Die Antike Landschaft Pontos*. Frankfurt am Main, 1984. S. 37–39.

²⁷ Badian E. *Foreign Clientelae (264–70 BC)*. Oxf., 1958. P. 85 suiv.; Ferrary J.-L. *Philhellénisme et imperialism. Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique*. Rome, 1988.

ления и большую самостоятельность гражданских коллективов²⁸. На землях, где еще не закрепились римская власть и влияние, была создана система вассальных государств во главе с проримскими правителями, которые опирались на прежние социально-экономические структуры (государство Дейотара и галатских тетрархов, Киликия, Армения, Кавказская Албания, Каппадокия, Пафлагония и другие)²⁹. Эллинизированные, зависимые от римлян династы должны были ликвидировать племенные общинные формы землевладения в Восточной Анатолии и в центральных ее районах, не подвергшихся сильной эллинизации. Достигнуть этой цели можно было только путем создания новой царской земельной собственности и передачи ее в руки эллинизированной местной знати, желательного греческого, а не ирано-анатолийского происхождения.

Политика, направленная на закрепление эллинских и местных традиций, а точнее эллинистических отношений и институтов государственного управления, в том числе иранских по своему характеру, как в Каппадокии, где у власти оставалась ирано-каппадоко-македонская династия Ариаратидов, напоминала собой мероприятия, проводившиеся на Востоке Александром Македонским и диадохами. Единственное исключение — насаждение эллинизма осуществлялось постепенно и главным образом в странах и регионах, где греко-македонское влияние было крайне слабым или не ощущалось вообще³⁰. А филэллинические реформы воплощались в жизнь под наблюдением римских цензоров или квесторов-корректоров, своего рода наблюдателей за соблюдением римских интересов. Но последнее ни в коей мере не затрагивало социальных и экономических отношений, остававшихся по сути восточными, но кое-где с незначительной примесью эллинистического влияния. Путем сохранения

²⁸ *Bernhardt R.* Polis und Römische Herrschaft in der späten Republik (149-31 v. Chr.). В., N. Y., 1985. S. 159–161; *Harris B. F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW II, 7, 2. P. 868; *Dreizehnter A.* Pompeius als Städtegründer // Chiron. 1975. V. S. 213–217; *Ameling W.* Das Archontat in Bithynien // EA. 1984. Ht 3. S. 19–31.

²⁹ *Sands P. C.* The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambr., 1908. P. 79 suiv.; *Wellesley K.* The Extent of the Territory added to Bithynia by Pompey // R.M. 1953. 96. P. 294–314; *Holmes T. R.* The Roman Republic and the Founder of the Empire. Vol. 3. N. Y., 1967. P. 205–306.

³⁰ *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Ithaca-N.Y., 1968. P. 82; *Hoben W.* Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden Römischen Republik. Mainz, 1969. S. 96–102.

царской земельной собственности, теперь уже в руках у новых династий и их окружения, Помпей и Цезарь сумели привязать к себе местную знать. В городах, где по законам Помпея и Цезаря (последнее особенно ярко проявилось в Пергаме) полисная аристократия также добилась больших земельных владений, в том числе власти над полузависимыми земледельцами на хоре, римских полководцев поддерживала большая часть местной полисной элиты, например, Бритагор и Сатир в Гераклее Понтийской, Митридат в Пергаме, Теофан в Митилене, Феопомп на Книде и другие. Неслучайно, что Помпея даже сравнивали с Александром Македонским³¹.

Главным элементом эллинизма на римском Востоке с I в. до н. э. стала градостроительная политика, которую начал Помпей³², а продолжили Август и Агриппа и зависимые от них цари, в частности, Ирод Агриппа в Иудее, Полемон I, Пифодорида и Полемон II в Понте, Архелай в Каппадокии, Митридатиды в лице Динамии и Аспурга на Боспоре и др. Основанные при Помпее новые города вырастали из местных анатолийских общин, бывших митридатовских укреплений или римских военных колоний ветеранов, организованных по подобию эллинистических катойкий, либо из небольших эллинистических городков, не получивших в свое время статуса полиса³³. Иногда цари, например, Пифодорида в Понте и Динамия на Боспоре, не основывали новые, а просто переименовывали старые греческие города в честь своих покровителей — Августа и Агриппы, оставляя неизменными их полисный статус и земельные владения (Кесария и Агриппия на Боспоре, Себаста и Себастея в Понте, Цезареи=Кесарии в Каппадокии)³⁴. А основание города Полемониума на месте бывшего митридатовского укрепления Сида в Понте³⁵

³¹ *Seager R.* Pompey. A Political Biography. Oxf., 1979. P. 54; *Greenhalgh P.* Pompey – The Roman Alexander. L., 1980. P. 147–149; *Sullivan R. D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 BC. Toronto, 1990. P. 158–160; *Freber Ph.-St. G.* Der Hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar. Stuttgart, 1993. S. 83–90.

³² *Gelzer M.* Pompeius. München, 1959. S. 97–100.

³³ *Saprykin S. Ju.* Poleis of Mithridates VI Eupator and Politeiai of Pompey the Great in Eastern Anatolia: Methods of Comparison // Index. 1992. 20. P. 164–167; *Сапрыкин С. Ю.* «Полисы» Митридата VI Евпатора и «политии» Помпея Великого в Восточной Анатолии // ПИФК. 1997. Т. 4, 1. С. 203–212.

³⁴ *Syme R.* Anatolica. Studies in Strabo. Oxf., 1995. P. 296, 297; ср. *Ander-son J. G. C.* Some Questions bearing on the Date and Place of Composition of Strabo's «Geography» // Anatolian Studies pres. To Sir W. M. Ramsay. Manchester, 1923. P. 8–10.

³⁵ *Besmier M.* Lexique de Géographie ancienne. P., 1914. P. 615.

было призвано расширить объем полисного землевладения за счет сокращения царской земельной собственности, сохранявшейся со времени Митридата Евпатора. Возникшие при римлянах полисы являли собой не источники романизации, а очаги распространения эллинизма. Характерно, что выведенная при Цезаре в Синопу колония италиков не ограничивала полисные привилегии этого греческого города, так как римским колонистам принадлежала только часть земельных участков и квартал в городе и они как бы составляли там свою собственную общину³⁶. Римляне и зависимые от них цари старались основывать города в тех местах, где преобладало аграрное население, существенную роль играли сельские общины, а жители в свое время не подверглись эллинизации. Это показывает, что римляне поддерживали социально-экономические, политико-административные и культурно-религиозные отношения, характерные для местных обществ³⁷. Но они содействовали взаимовлиянию греческих и варварских элементов, внедряя именно эллинские, а не италийско-латинские принципы и отношения в местную варварскую среду, где эллинистические традиции в греко-македонском обличье напрочь отсутствовали или ощущались крайне слабо.

Цель политики Помпея и Цезаря в Малой Азии и на востоке вообще — сочетать интересы греков и местных эллинизованных династий была воспринята Марком Антонием и Августом, завершившими создание вассальных Римскому государству царств во главе с представителями местной знати³⁸. Следует обратить внимание, что, если в Понте Антоний поначалу сохранил у власти прежнюю ирано-митридатовскую элиту во главе с Дарием и Аршаком, сыновьями Фарнака II, внуками Митридата Евпатора, то затем начал отнимать у нее рычаги управления, передав их представите-

³⁶ Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М., Л., 1956. С. 302; ср. *Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Vol. II. Princeton, 1950. P. 1267.*

³⁷ *Anderson J. G. Two Anatolian Notes: Pompey's Treatment of Pontus // Anatolian Studies pres. To W. H. Buckler. Manchester, 1939. P. 3-7; о реорганизации Помпеем восточноанатолийских городов по греческой модели см. Sinclair T. Eastern Turkey: an Architectural and Archaeological Survey. Vol. 2. L., 1989. P. 360-370.*

³⁸ *Bertinelli M. G. Roma e l'Oriente. Roma, 1979. P. 50-53; Kennedy D. The East // The Roman World. Ed. By J. Wachter. Vol. 1. L., N. Y., 1987. P. 274-277; Sartre M. L'orient romain. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 a. j.-c. -235 après j.-c.). P., 1991. P. 16-92.*

лям новой греческой знати во главе с Полемоном из Лаодикеи. То же произошло и в Каппадокии, где старая ирано-каппадокийская династия Ариаратидов и ее окружение лишились властных полномочий, а новый царь — грек Архелай и его супруга гречанка Пифодорида, царица Понта, приступили к созданию нового властного слоя знати, по своему характеру более проримского, а значит и более эллинизованного, нежели тот, что прежде окружал тамошних царей. Такая политика была продолжена и в других регионах Малой Азии и Переднего Востока. Заменяя местных династов, как, к примеру, в Армении и Малой Армении, где во времена ранней Империи власть получили греки — представители правящего дома Зенонидов-Полемонидов, римские императоры династии Юлиев-Клавдиев создавали себе опору в лице греко-варварской знати, которая воспринималась в качестве носителя традиций эллинизма, прежде всего, в политической и социально-экономической области. Аналогичным образом римляне действовали и в малоазийских провинциях, создавая себе опору в лице знати в провинциальных, греческих по преимуществу, городах³⁹. Но закрепиться у власти без расширения земельной собственности и опоры на города и царские крепости новые династы были не в состоянии. Поэтому римские власти сохранили на Востоке прежнюю основу социально-экономических отношений — полисную, храмовую и царскую земельную собственность, заменив лишь собственника — старую местную элиту на новую, более восприимчивую к эллинской культуре и образу жизни⁴⁰. Благодаря такой политике и римское общество, носитель латинской и италийской культуры, стало более открытым для греческих и восточных традиций и религии. Создание новой эллинизованной знати, опиравшейся на эллинистические принци-

³⁹О стремлении римлян в эпоху поздней Республики и ранней Империи опереться на Востоке на греческие города и местную эллинизованную знать см. *Ramsay W. H. The Social Basis of Roman Power in Asia Minor*. Amsterdam, 1967. P. 101–106; *Sartre M. L'Asie Mineure et l'Anatolie d'Alexandre a Dioclétien* (IVe s. Av. J.-c. – IIIe s. Ap. J.-c.). P., 1995. P. 133–173. Cp. *Langer P. N. Power and Propaganda: Relations between Rome and Bithynia under the Empire, 27 BC – 260 AD*. Virginia, 1981.

⁴⁰*Broughton T. R. S. Roman Asia. An Economic Survey of Ancient Rome*. Baltimore, 1938. P. 581–645. Целью римской градостроительной политики в прежде бедных на городские центры регионах Малой Азии было «привнести цивилизацию и улучшить жизнь в неримском и негреческом мире» (*Mitchell S. Anatolia. Land, Men, and Gods in Asia Minor*. Vol. 1. Oxf., 1993. P. 98).

пы землевладения и государственного управления, проводившей угодную римлянам политику⁴¹, впоследствии облегчало римлянам включать наиболее эллинизованные области Переднего Востока в состав Империи.

Все перечисленные особенности постэллинистических государств сложились в районах, тесно соприкасавшихся с классическими эллинистическими царствами греко-македонского происхождения. А каковы были тенденции развития эллинистических отношений в указанный период в других регионах, например, на Боспоре, который совершенно не подвергся греко-македонскому воздействию?

Развитие этого государства во многом определялось сложившейся в конце V–IV в. до н. э. симмахией — союзом городов — колоний греков и политикой тиранической власти, установленной в Пантикапее при Археанактидах. Пантикапейские тираны, именовавшие себя официально архонтами Боспора, опирались на аристократическую верхушку полисов, составлявших это понятие — «Боспор». Их власть, не утрачивая полисного характера, со временем распространилась на союзы синдо-меотских племен Прикубанья, которые по традиции, идущей еще от времени скифского и синдского господства, воспринимали ее в качестве царской. Приблизительно с III в. до н. э., когда в результате ослабления экономических позиций городов и давления варваров Боспор стал терять свое прежнее могущество, боспорские тираны попытались укрепить власть за счет усиления хоры, ресурсы которой составляли основу их власти. По примеру эллинистических монархов они даже объявили себя царями, но это не изменило сущности их власти, остававшейся полисной⁴², ибо она базировалась на полисном характере землевладения⁴³. Но укрепить положение Боспорского государства в полной мере не удалось, так как социально-экономическая сущность тира-

⁴¹О создании римлянами нового слоя знати в городах малоазийских провинций на примере Вифинии см.: *Fernoux H.-L.* Notables et elites des cites de Bithynie aux époque hellénistique et romaine (IIIe siècle av. J.-C. IIIe siècle ap. J.-C.). Lyon, 2004.

⁴²Об этом подробно см.: *Сапрыкин.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. С. 11–35; *Saprykin S. Ju.* The Chora in the Bosporan Kingdom // *Surveying the Greek Chora: The Black Sea Region in a Comparative Perspective.* Aarhus, 2006. P. 273–288; *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 42 сл.

⁴³Сапрыкин. Этюды... С. 171–180.

нической власти уже не отвечала новым реалиям. Усиление варваров на периферии и на хоре в совокупности с внешней угрозой, исходившей от скифов и сарматов при сохранении традиционной опоры власти тиранов на утрачивавшие свои богатства зажиточные полисные слои, делали позиции правящей династии Спартокидов все более и более слабыми. Дело усугубляло активное проникновение в среду полисной аристократии варварских, в основном скифских, элементов, что усиливало угрозу падения династии, полисной по характеру и устоям (но фракийской по происхождению)⁴⁴.

Переход в конце II в. до н. э. власти от тиранов Спартокидов в руки эллинистического царя Митридата Евпатора, который проводил филэллинскую политику, поначалу укрепил позиции полисов на Боспоре, так как их ресурсы были востребованы для материального снабжения войск и родовых владений понтийского монарха. Такая политика содействовала подъему экономического благосостояния полисной верхушки, но длительная борьба с римлянами требовала от царя еще больших расходов. Их можно было покрыть только за счет ресурсов обширных земельных владений, в том числе и на Боспоре. Приблизительно с 70–60-х годов до н. э. Митридат все чаще стал обращать взоры на соседние с Боспором местные племена и на аграрную периферию, которая могла обеспечить его армию и государство хлебом. Для реорганизации хоры по образцу отношений, сложившихся в родовом царстве, Митридат Евпатор, а позднее Фарнак II и Асандр, стали активно создавать царский земельный фонд, в который вошли прежде всего хлебородные районы Боспора, куда стали проникать местные племена, оседавшие на земле для ее обработки. Этот процесс привел к образованию царских земель, включавших в свой состав, как и в других эллинистических монархиях, значительную долю полисных и храмовых владений. Благодаря строительству укреплений и катойкий, как на царской земле в эллинистических государствах, укрепились позиции царской власти, что стало прямым следствием воздействия тех отношений, которые ранее сформировались в самом Понтийском царстве⁴⁵.

⁴⁴ Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // Северное Причерноморье. М., Л., 1953. С. 82.

⁴⁵ Saprykin S. Ju. Bosphorus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // TALANTA. 2000–2001. Vol. 32/33. P. 91–102; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 266–279.

Примерно со второй четверти — середины I в. до н. э. Боспор окончательно превратился в эллинистическое царство, базисом которого стали социально-экономические отношения ирано-кашпадокийского происхождения, а не греко-македонского характера. Здесь, на берегах Боспора Киммерийского, основу могущества эллинистической по духу династии Тибериев Юлиев, которая вела происхождение от Митридата Евпатора и его ирано-македонских предков, на долгие годы составило царское землевладение, укреплявшееся за счет эксплуатации аграрных поселений общинно-племенного типа и царских крепостей-катоикий, обитатели которых представляли собой осевших на земле бывших кочевников из ираноязычных племен. Помимо них некоторую долю земельной собственности удерживали полисные гражданские коллективы, но она была опосредована верховной собственностью царя на землю. Незначительную часть составляло храмовое землевладение, главным образом на азиатской стороне пролива. Эллинизация, как в Восточной Анатолии и Армении, осуществлялась через греческие города и инспирировалась царской администрацией, поскольку это облегчало проведение политики, направленной на привлечение местного населения для обработки царских земель⁴⁶. Поэтому взаимодействие местного и эллинского, свойственное эллинизму в целом, выражалось на Боспоре в том, что ираноязычные элементы проникали во все структуры государства, где впитывали греческие традиции. Но этот процесс являлся не «сарматизацией», как предполагали некоторые исследователи, а скорее «эллинизацией» варварской прослойки, втягивавшейся в экономику, политику и культуру государства, остававшегося по сути эллинистическим⁴⁷.

Становление эллинистических отношений, как выше говорилось, началось с правления Митридата и его ближайших преемников. Поначалу римские власти, начавшие активно проводить свою политику в Причерноморье после побед над Митридатом, стремились ликвидировать эллинистические «митридатовские» отношения, сформировавшиеся под воздействием Понтийского царства. Они попытались сделать это усилиями своих ставленников Скри-

⁴⁶ Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 125–203; он же. Аспург, царь Боспора // ДВ. 2002. 5. С. 207 сл.

⁴⁷ Сапрыкин С. Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006. С. 236–244.

бония и царя Полемона I, в задачу которых входило уничтожить социально-экономические устои власти преемников Митридата на Боспоре и саму их власть, как это было сделано в Восточной Малой Азии при Помпее и Цезаре. Они должны были передать земельную собственность и власть в руки новой проримской эллинизированной знати, концентрировавшейся в полисах. Однако это не удалось, наоборот, поражение римских ставленников выразилось в усилении митридатовских традиций в правление Динамии и Аспурга, что послужило толчком к серьезному углублению эллинистических отношений и, прежде всего, к созданию собственности на землю проримской местной аристократии. Царская и племенная общинная собственность на землю, развивавшаяся через племенные союзы — *ἔθνη* и контролировавшаяся самой царской властью и ее наместниками, как в Восточной Анатолии, просуществовала на Боспоре до середины III в. н. э. Длительность этого процесса явилась следствием поддержки Римом сложившихся в Боспорском царстве эллинистических отношений, так как это вассальное государство рассматривалось в качестве заслона римских восточных границ от вторжений кочевников степей и варварских народов Прикубанья, Прикаспия и Южного Приуралья. И только после готских войн новые племенные союзы, оседавшие на боспорской хоре после разрушений прежних опор царского, полисного и сарматского общинно-племенного землевладения, стимулировали захват власти полуварварскими (или скорее варварскими) династиями, которые вместо политики эллинизации углубляли процессы сарматизации. Поэтому развитие Боспора по эллинистическому пути замедлилось, а вскоре вообще прекратилось. Гуннское и аланское вторжения в IV в. н. э. окончательно погубили Боспорское царство как эллинистическое государственное образование, вернув его к общинной и племенной формам собственности на землю⁴⁸.

Если обратиться к придунайским областям, то там местные племена также сумели отстоять свою самостоятельность от македонского вторжения. Поэтому греко-македонское влияние во Фракии и Гетике было минимальным по причине недолгого господства в этих районах царя Лисимаха. На протяжении всего доримского периода Фракия и область гето-даков делилась на территории по этно-

⁴⁸ Сапрыкин С. Ю. Эллинистические города и государства Западного и Северного Причерноморья в эпоху Римской империи // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 628, 629.

племенному принципу, что приводило к кратковременному возвышению локальных племенных вождей, сумевших объединить вокруг себя небольшие племенные союзы. Даже под властью царей Севта III, Амадока, других одрисских и сапейских династов, создавших видимость объединения разрозненных племенных союзов, Фракийское государство было внутренне непрочным, сохранявшим пережитки племенного деления, о чем свидетельствуют институт парадинов и административное деление на стратегии по этническому принципу. Еще большая племенная раздробленность наблюдалась у северофракийских племен, причем общинно-племенная форма власти не была преодолена у них даже в правление гетских царей Дромихета и Бурбисты, пытавшихся объединить племена гетов. Установление более — менее прочного централизованного государства во Фракии под властью одрисско-сапейской династии во главе с царем Реметалком I относится только к эпохе принципата Августа. Эллинизация в этом регионе осуществлялась благодаря влиянию греческих городов черноморского побережья, но этот процесс был ограничен, поэтому внутренние районы страны дольше сохраняли свой первоначальный этнический облик. Попытки посадить на престол проримски настроенных романизированных или эллинизированных правителей и сформировать вокруг них новую элиту наталкивались на противодействие со стороны родовой фракийской племенной знати, опиравшейся на пережитки общинных структур. Это наглядно проявилось начале I в. н. э. в правление царей Котиса III и Реметалка III, которые восприняли греческую и римскую культуру, но были коварно убиты. Попытки посадить на трон Фракии эллинизированных местных династов, открыто проводивших политику в интересах римлян, стали причиной ряда восстаний фракийских племен. Они, в частности, выступали против представителей династии Зенонидов и их римских опекунов, пытавшихся внедрять среди некоторых фракийских племен эллинические и римские порядки. Так что эллинистические социально-экономические отношения развивались у фракийцев исключительно на основе внутренних тенденций генезиса общины и племенной формы собственности на землю. Слабая и рыхлая экономика, неразвитая царская земельная собственность, ставшая таковой по причине господства общинных и племенных отношений, фактическое обособление греческих полисов от общепракийских государственно-политических структур затрудняли становление эллинистических отно-

шений и вели к нестабильности внутривластной власти. Такое положение заставило римлян вскоре отказаться от идеи создания во Фракии вассального государства эллинистического типа с прочной структурой военно-административного управления. Поэтому уже в 46 г. н. э. Фракия стала римской провинцией, а Дакия была завоевана в начале II в. н.э. и также превращена в провинцию⁴⁹.

Таким образом на первом этапе — в конце IV—I вв. до н. э. — основой для взаимодействия эллинского и местного начал в государствах Переднего Востока стало греко-македонское завоевание, давшее толчок новому этапу развития ранее сложившихся восточных традиций через их эллинизацию. В государствах, не испытывавших македонского завоевания и господства, социально-экономические отношения и формы земельной собственности основывались на ранее сложившемся фундаменте, поэтому эллинское влияние не являлось базисным и оставалось фактором вторичным. На втором этапе развития эллинистической цивилизации, который принято называть постэллинизмом, решающими стимулами стали влияние и политика римлян, направленные на закрепление и поддержание в силе греческого (или местного) начала в основном в тех странах, которые ранее не входили в состав империи Александра. Это было не простое культурное воздействие Рима на греков, помноженное на политические интересы Римской империи, а явление, охватившее социально-экономические и политические отношения в этих государствах. При этом целью римского воздействия было вовлечь в процессы эллинизации как можно более широкие слои греков и варваров. Основу экономики таких государств составляла царская земельная собственность, которая кое-где сочеталась с полусвободным землевладением. Там, где такого взаимодействия не было, как во Фракии, то эллинистическая государственность была нежизнеспособна. Следовательно эллинизм как конкретно-историческое явление вполне приемлем и для Римской империи и вассальных ей государств, так как основополагающие процессы его развития в греко-македонскую и постэллинистическую эпохи в целом совпада-

⁴⁹ Сапрыкин С. Ю. Фракия до образования римской провинции // История Европы. С. 516–522; он же. Фракия как эллинистическое государство // МННМА. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В. Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 247–263; он же. Гето-дакийские царства эллинистической эпохи // Сборник в честь проф. Х. Хайнена. Саратов (в печати).

ют. Поэтому есть веские основания пересмотреть хронологическую границу окончания эллинизма, отодвинув ее как минимум к середине III в. н. э., а может быть и к более позднему времени. Это тот рубеж, когда со стороны Римской империи прекратилась открытая поддержка эллинистических отношений в соседних государствах в связи с ее ослаблением и углублением общего экономического кризиса.

Гарнизоны Александра Великого в греческих полисах Малой Азии

По представлениям греков античной эпохи полис не мог считаться свободным, если в нем размещался иностранный воинский отряд, гарнизон: свободный полис должен был быть непременно *ἀφροῦρητος*. Поэтому для решения проблемы статуса греческих городов Малой Азии при Александре Великом, — проблемы, вокруг которой ведется острая дискуссия в современной историографии¹, — важно выяснить: контролировались ли эти города, извлеченные македонянами от персидской власти либо зависимости, гарнизонами Александра или нет.

Из наших источников известно, что в ряде греческих городов Малой Азии македонские гарнизоны были установлены.

Если говорить о греческих полисах малоазиатского побережья, то, согласно имеющимся у нас сведениям, гарнизоны Александра находились в Галикарнассе (сведения для 334–332 гг. до н. э.: *Arr. Anab.*, I, 23, 6; II, 5, 7; *Curt.*, III, 7, 4; ср.: *Diod.*, XVII, 27, 6), в Сиде (333 г. до н. э.: *Arr. Anab.*, I, 26, 5) и в Солах (333 г. до н. э.: *Arr. Anab.*, I, 26, 5; *Curt.*, III, 7, 2)². При этом очень может быть (хотя у нас и нет конкретной информации на данный счет), что гарнизон был установлен также в Аспенде (333 г. до н. э.): действительно, поскольку этот город по специальной просьбе его жителей был сперва освобожден македонским царем от постоя его воинов (*Arr. Anab.*, I, 26, 2 sq.), кажется маловероятным, чтобы позднее, когда Аспенд отказался выполнять условия ранее заключенного с Александром соглашения, за что в итоге, сдавшись, и понес нака-

¹По поводу состояния изучения данной проблемы см.: *Мартинович Л. П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 155 слл.; *Холод М. М.* Александр Великий и греческие полисы Малой Азии: историографический аспект проблемы // *Античный мир и археология*. 2006. Вып. 12. С. 406 слл. [= ПИФК. 2007. Вып. 17. С. 232 слл.]; определенный интерес в этой связи представляет и соответствующий обзор, составленный Я. Зейбертом (*Seibert J. Alexander der Grosse*. Darmstadt, 1972. S. 85 ff.).

²Согласно переводу «Анабасиса» Арриана, выполненному М. Е. Сергеевко, получается, что гарнизон был установлен еще и в Приапе (I, 12, 7). Но на самом деле в оригинальном тексте о гарнизоне в данном случае не говорится ни слова: *κατὰ δὲ τὴν πόρον Πρίαπον ἐνδοθεῖσαν πρὸς τῶν ἐνοικοῦντων τοὺς παραληφόμενους ἀπέστειλε σὺν Πανηγύρῳ τῷ Λυχαγόρου, ἐνὶ τῶν ἐταίρων.*

зание (Агг. Anab., I, 27, 3 sq.), он избежал размещения в нем гарнизона³.

Кроме того, не исключено, что гарнизон располагался и в Приене (на ее акрополе — Телонее) (334 г. до н. э.), на что, возможно, указывает упоминание его в тексте экстракта эдикта Александра приенцам (Heisserer, p. 146⁴, стк. 15 — καὶ τῆμ φρουρ[ᾶ]ν ἐφ[...])⁵. Впрочем, ввиду сильного повреждения концовки надписи, не позволяющего понять, в какой точно связи о нем здесь идет речь, полностью допустимо и иное предположение: в утраченной части документа могло говориться не о вводе, а наоборот — о предоставлении полису иммунитета от размещения в нем гарнизона. Как бы там ни было, нельзя согласиться с К. Навоткой, который, не сомневаясь в присутствии в Приене гарнизона в 334 г. до н. э., заявляет, что он не обязательно должен был быть собственно македонским. Не исключено, пишет исследователь, что гарнизонную службу в полисе несли сами приенцы, избавление которых от выплаты синтаксиса (Ibid., сткк. 13–15)⁶, вероятно, предполагало выделение ими вза-

³Сходно считают, в частности: *Bosworth A. B.* 1) *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. *Commentary on Books I–III*. Oxford, 1980. P. 168; 2) *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge, 1988. P. 255; *Green P.* *Alexander of Macedon, 356–323 B.C. A Historical Biography*. Berkeley; Los Angeles; London, 1991. P. 208; *Cartledge P.* *Alexander the Great: The Hunt for a New Past*. Woodstock; New York, 2004. P. 121.

⁴*Heisserer A. J.* *Alexander the Great and the Greeks. The Epigraphic Evidence*. Norman (OK), 1980. Другие публикации надписи: Hicks–Hill, N 155; OGIS, № 1; IvP, № 1; Tod², № 185; *Sherwin-White S. M.* *Ancient Archives: The Edict of Alexander to Priene, a Reappraisal // JHS*. 1985. Vol. 105. P. 80 ff.; Rhodes–Osborne, № 86 B.

⁵Как убедительно доказала С. М. Шеруин-Уайт, дошедшая до нас надпись — не оригинальный эдикт Александра, а его экстракт, опубликованный приенцами в храме Афины Полиады, богини-покровительницы города, в более позднее время, при Лисимахе, когда в создавшихся условиях у граждан Приены появилась острая необходимость, обратившись к прошлому, обнародовать в камне некоторые на тот момент особо важные для них положения подлинного эдикта македонского царя (*Sherwin-White S. M.* *Ancient Archives*. . . P. 69 ff.). О времени составления оригинального текста этого документа см.: *Холод М. М.* Надписи из Приены и Александр Великий: к проблеме датировки двух эпиграфических текстов // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. 2005. Вып. 1. С. 10 слл.

⁶Подробно о проблеме синтаксиса, упомянутого в эдикте Александра Приене, см.: *Холод М. М.* Синтаксис греческих городов Малой Азии при Александре Великом // *Мнемон*. Исследования и публикации по истории античного мира. 2007. Вып. 6. С. 61 слл.

мен воинского контингента, в данном случае гарнизона, представлявшего собой их вклад в панэллинское предприятие Александра против Персии. Иначе, по мнению К. Навотки, трудно понять, почему впоследствии, делая извлечения из оригинального эдикта македонского царя, приенцы проявили заинтересованность в том, чтобы прорекламирровать факт присутствия некогда в их городе чужеземного гарнизона⁷. Возражая подобной идее, заметим следующее. С одной стороны, вряд ли стоит сомневаться в нахождении в Приене македонского гарнизона, исходя из того соображения, что ее гражданам во время публикации экстракта эдикта Александра, казалось, не было выгодно афишировать такого рода событие: если в оригинале эдикта речь действительно шла о македонском гарнизоне, вовсе не исключено, что здесь содержалась какая-то информация, которая вполне могла побудить приенцев вставить ее в текст надписи или, по крайней мере, не препятствовала этому. Но даже если следовать названному соображению, отрицая в результате возможность присутствия в Приене гарнизона Александра, совсем не обязательно думать, что в этом случае лишь указание в эдикте на необходимость несения самими приенцами гарнизонной службы в их полисе было способно спустя время подвигнуть приенских граждан к тому, чтобы воспроизвести в надписи соответствующее положение данного документа: совершенно очевидно, что они были бы ничуть не менее заинтересованы в публикации в камне и такого положения эдикта, в котором бы сообщалось об освобождении македонским царем Приены от постоя в ней его воинов. С другой стороны, участие приенцев в несении гарнизонной службы при Александре представляется также проблематичным, принимая во внимание отсутствие сведений, за одним исключением — в случае Сол и Малла (Arr. Anab., II, 20, 2) (кстати, К. Навотка игнорирует этот факт), о выделении тогда греческими полисами собственно Малой Азии воинских контингентов в армию или кораблей во флот македонского монарха. И хотя вполне вероятно, что Александр все же подчас, крайне редко, мог привлекать эти общины к несению определенных воинских повинностей⁸, допустить, что он пошел на подобный шаг и в связи с Приеной, тем более так, как предполагает К. Навотка, трудно: в самом деле, нам не известно ни одного при-

⁷ *Nawotka K.* Freedom of Greek Cities in Asia Minor in the Age of Alexander the Great // *Klio*. 2003. Bd. 85. S. 29.

⁸ По данному поводу см.: *Холод М. М.* Синтаксис... С. 69 слл.

мера формирования македонским царем отдельных гарнизонов из малоазийских греков, не говоря уже о размещении им этих гарнизонов в их родных городах (укажем, что применение Александром такой практики не засвидетельствовано и в связи с остальными греками: думается, македонский царь ей вообще не следовал, поскольку дать ему твердый контроль над тем или иным полисом она была попросту не способна). Так или иначе, важно еще раз подчеркнуть: присутствие в Приене гарнизона Александра далеко не бесспорно.

Что же касается островных полисов Восточной Эгеиды, то введение в них македонских гарнизонов засвидетельствовано для Митилены на Лесбосе (333 г. до н. э.: *Arr. Anab.*, II, 1, 4; ср.: *Diod.*, XVII, 29, 2), Хиоса (332 г. до н. э.: *Tod*², № 192, сткк. 17–19⁹; 331 г. до н. э.: *Curt.*, IV, 8, 12) и Родоса (331 г. до н. э.: *Curt.*, IV, 8, 12; 323 г. до н. э.: *Diod.*, XVIII, 8, 1).

Итак, видно, что сведения источников относительно македонских гарнизонов в греческих полисах Малой Азии крайне скудны. И все же, даже исходя из этой информации, кажется, можно прийти к некоторым выводам по интересующему нас вопросу.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что, за ис-

⁹Это — так называемое первое письмо Александра Хиосу. Другие публикации: *Michel*, № 33; *Hicks–Hill*, № 158; *Ditt. Syll*³, № 283; *Heisserer*, p. 80; *McCabe–Brownson*, № 32; *Rhodes–Osborne*, № 84 A. По нашему убеждению, традиционная датировка этой надписи — 332 г. до н. э. (после того как Хиос был окончательно избавлен македонянами от персидского контроля) — является единственно правильной. Попытка Э. Дж. Хейссерера передатировать данный документ, отнеся его к 334 г. до н. э. (*Heisserer A. J. Alexander the Great...* P. 79 ff.), не может быть признана — в силу явной уязвимости аргументации — удачной. Обстоятельную критику соответствующих построений Э. Дж. Хейссерера см.: *Rosen K.* [Rec.:] *Heisserer A. J. Alexander the Great...* // *Gnomon*. 1982. Bd. 65. S. 358 f.; *Марунович Л. П.* Греки... С. 185 сл.; *Dmitriev S.* Alexander's Exiles Decree // *Klio*. 2004. Bd. 86. S. 362 ff.; также см.: *Bosworth A. B.* Conquest... P. 193; *Hammond N. G. L.* From the Death of Philip to the Battle of Ipsus // *Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988. P. 73 f.; *Jehne M.* Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungsbemühungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. (Hermes-Einzelschriften, 63). Stuttgart, 1994. S. 193 f., Anm. 165; *Faraguna M.* Alexander and the Greeks // *Brill's Companion to Alexander the Great* / Ed. by J. Roisman. Leiden; Boston, 2003. P. 114. С датировкой Э. Дж. Хейссерера, однако, согласились П. Родс и Р. Осборн (№ 84. P. 422 f.) (кроме того: *Nawotka K.* Aleksander Wielki. Wrocław, 2004. S. 194); впрочем, они не привели хоть сколько-нибудь серьезных доводов в данной связи, по сути дела, повторив прежнюю аргументацию Э. Дж. Хейссерера. Ср.: *SEG*, XXVI, № 1019 [334 г.?]; *McCabe–Brownson*, № 32 [334/332 гг.].

ключением Галикарнасса (случай Приены — не ясен), у нас нет никаких данных об установлении Александром гарнизонов в греческих городах западного побережья Малой Азии, т.е. в большинстве здешних греческих городов. Но нужно ли, пытаясь объяснить подобный факт, полагать, что информация об этом попросту не сохранилась в наших источниках? Думается, едва ли: показательно, что из тех же источников нам известно о нахождении македонских гарнизонов в ряде других мест западной Малой Азии (к примеру, в Сардах: *Arr. Anab.*, I, 17, 7 sq.; ср.: *Diod.*, XVII, 21, 6; 64, 6; *Plut. Alex.*, 16; *Curt.*, III, 12, 7)¹⁰, а кроме того, о двух гарнизонах в немногочисленных греческих городах ее южного побережья (Сида и Сола). Как кажется, то же сомнение в утрате информации о гарнизонах нужно отнести и на счет островных полисов: ограниченность наших знаний в данной связи всего тремя примерами (Митилена, Хиос и Родос) навряд ли случайна. Конечно, некоторую потерю для нас такого рода сведений отрицать нельзя. Однако и абсолютизировать это допущение явно не стоит: общая картина, вырисовывающаяся в наших источниках в связи с размещением Александром гарнизонов в греческих полисах Малой Азии, бесспорно, близка к реальности. Как бы там ни было, но даже если признать определенную потерю для нас такого рода сведений, говорить, не имея оснований, о том, что «Александр часто оставлял в них (т.е. в данных полисах. — М. Х.) гарнизоны»¹¹, разумеется, не представляется возможным.

Далее, весьма интересно, что большинство наших сведений о вводе македонских гарнизонов в греческие города Малой Азии (и побережья, и островов) относится ко времени, начиная с конца 334 г. до н. э. На наш взгляд, это вполне объяснимо: именно с

¹⁰О других гарнизонах см.: *Thomas C. G. Alexander's Garrisons: A Clue to His Administrative Plans? // Antichthon*. 1974. Vol. 8. P. 12ff., 16 (Tab.); к тому же: *Engels D. W. Alexander the Great and Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley; Los Angeles, 1978. P. 146 f. (Tab. 4).

¹¹*Маринович Л.П.* Греки... С. 180. К достаточно широкому насаждению Александром гарнизонов в греческих городах Малой Азии также склоняются: *Thomas C. G. Alexander's Garrisons...* P. 12ff., 16 (Tab.); *Bosworth A. B.* 1) *A Historical Commentary...* Vol. I. P. 130ff.; 2) *Conquest...* P. 252ff. Заметим, однако, что по большей части соответствующие предположения этих исследователей — не более чем «голые», ничем не подкрепленные, догадки. Ср.: *Jehne M. Koine Eigene...* S. 209, где мнение на данный счет высказано несколько неопределенно.

данных пор перед Александром встает значительная необходимость защитить подконтрольные ему города региона, и в том числе греческие, от нападений флота и войск персов, оставшихся для ведения контрнаступательных операций в македонском тылу¹². Конечно, из этого совершенно не следует, что Александр прежде не размещал гарнизоны в греческих городах Малой Азии для защиты их от возможного нападения противника: так, гарнизон в Митилене, оказавший упорное сопротивление персидским силам в 333 г. до н. э. (Arr. Anab., II, 1, 4; ср.: Diod., XVII, 29, 2), был установлен, вероятно, в 334 г. до н. э., если не раньше; к тому же не исключено, что македонский гарнизон был введен тогда и в Приену (см. выше). И все же, надо полагать, наличие здесь гарнизонов Александра было в 334 г. до н. э. большой редкостью: когда после битвы при Гранике непосредственная персидская угроза перестала существовать, лишней раз раздражать малоазиатских греков, насаждая повсюду в их городах гарнизоны, а главное — рассеивать по отдельным отрядам свои и без того немногочисленные войска являлось для македонского монарха, разумеется, нецелесообразным (чтобы в то время контролировать регион, было, без сомнения, вполне достаточно и нескольких гарнизонов, расположенных в его стратегически наиболее важных местах). Вместе с тем вовсе не стоит думать, что с конца 334 г. до н. э. — ввиду вновь возникшей персидской угрозы в районе Малой Азии — Александр начал размещать гарнизоны буквально во всех, включая греческие, здешних городах, которые переходили в его руки: несмотря на, по-видимому, действительно более частое, чем прежде, обращение к подобной мере, не считаться с малочисленностью своих войск он, бесспорно, не мог и теперь, а потому, естественно, был вынужден ограничиваться установкой гарнизонов только в некоторых пунктах, где это, казалось, было особенно нужно. Наконец, показательно, что после начала 331 г. до н. э. упоминания о македонских гарнизонах в связи с греческими полисами Малой Азии в наших источниках почти исчезают (ис-

¹²После взятия Александром Галикарнасса осенью 334 г. до н. э. базой персидских войск и флота в районе западной Малой Азии стал остров Кос. Оттуда весной 333 г. до н. э. персы приступили к осуществлению контрнаступательных операций в Восточной Эгеиде, которая оставалась ареной активных боевых действий до второй половины 332 г. до н. э. Об этих контрнаступательных операциях особенно см.: *Ruzicka S. War in the Aegean, 333–331 B.C.: A Reconsideration // Phoenix. 1988. Vol. 42. P. 133 ff.*

ключение — Родос, где зафиксирован гарнизон для 323 г. до н. э.): в самом деле, к концу 332 г. до н. э. война в Восточной Эгеиде полностью завершилась, и, соответственно, у Александра отпала потребность держать в этих городах свои отряды для защиты их от персов.

Известно, однако, что некоторое время гарнизоны в ряде греческих полисов Малой Азии, освобожденных от персидского господства в 332 г. до н. э., еще оставались. Но теперь их присутствие здесь (как и размещение в 332 г. до н. э.) было обусловлено несколько иной, чем прежде, причиной: они должны были предотвратить внутривосточную дестабилизацию, смуту, угрожавшую этим общинам после возвращения туда промакедонски настроенных изгнанников, и наверняка послужить опорой для новых демократических режимов, утвердившихся в данных городах. Так, например, дело обстояло на освобожденном македонянами Хиосе, куда для охраны порядка вводился гарнизон: «До тех пор, — читаем мы в так называемом первом письме Александра Хиосу, — пока хиосцы не примирятся, пусть у них находится гарнизон царя Александра, такой, какой будет достаточен. А содержать его хиосцам» (Tod², № 192, сткк. 17–19 — Μέχρι ἂν διαλλαγῶσι Χῖοι, φυλακῆν εἶναι παρ' αὐτοῖς πα[ρ'] Ἀλε[ξ]άνδρου τοῦ βασιλέως, ὅση ἂν ἰκανῆ ἦ· τρέφειν δὲ τάβτην Χίους). Впрочем, нахождение гарнизона на Хиосе, стоит полагать, не было долгим, будучи пресечено в начале 331 г. до н. э.¹³ Во всяком случае, именно так, на наш взгляд, нужно трактовать сообщение Курция, который пишет, что прибывшие к Александру в Египет посольства хиосцев и родосцев «жаловались на гарнизон»¹⁴

¹³Lenschau Th. Alexander der Grosse und Chios // Klio. 1940. Bd. 33. S. 206; Tod², № 192. P. 266 (комментарий); Tarn W. W. Alexander the Great. Vol. II. Cambridge, 1950. P. 215 f.; Bosworth A. B. A Historical Commentary... Vol. I. P. 268; Gehrke H.-J. Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. (Vestigia, 35). München, 1985. S. 49; Маринович Л. П. Греки... С. 237, прим. 47; тем не менее: Ehrenberg V. Alexander and the Greeks / Engl. trans. by R. F. von Velsen. Oxford, 1938. P. 25. Ср.: Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I. München, 1926. S. 247; Atkinson J. E. A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4. Amsterdam, 1980. P. 372 f. К этому см. также прим. 14.

¹⁴Удивляет перевод данных слов, выполненный В. С. Соколовым (в тексте русского перевода сочинения Курция): «жаловались на недостаточность гарнизонов»; ясно, что здесь налицо не точный перевод, а интерпретация переводчика. (Кстати, вероятно, именно эта интерпретация и повлияла на своеобраз-

и что «все получили то, чего, видимо, сильно желали» (IV, 8, 12 — Rhodii et Chii de praesidio querebantur. Omnes ea, quae desiderare visi, impetraverunt). Между тем примечательно, что посольство хиосцев упоминается Курцием в тесной параллели с посольством родосцев: отсюда можно заключить, что македонский гарнизон был прежде (явно в 332 г. до н. э., когда город перешел на сторону Александра: Arr. Anab., II, 20, 2; Curt., IV, 5, 9; ср.: Just., XI, 11, 1; Oros., III, 16, 12; 17, 9¹⁵) установлен и на Родосе (и, вероятно, по той же, как на Хиосе, причине), а теперь оттуда выводится Александром. Если это было действительно так, т. е. македонский гарнизон был тогда выведен с Родоса, его отсутствие здесь было временным: до 323 г. до н. э. он был опять сюда введен (Diod., XVIII, 8, 1)¹⁶. Поскольку после 331 г. до н. э. какая-либо внешняя угроза для Родоса отсутствовала, объяснить повторное установление в полисе гарнизона можно только осложнением тут внутринеополитической ситу-

ную трактовку всей фразы, предложенную Ю. В. Горловым в связи с проблемой пребывания македонского гарнизона на Родосе; см. прим. 16.)

¹⁵К этому прежде всего см.: *Hauben H. Rhodes, Alexander and the Diadochi from 333/332 to 304 B.C. // Historia. 1977. Bd. 26. S. 307.*

¹⁶У. Тарн, отвергающий данное свидетельство Диодора, несомненно, не прав (*Tarn W. W. Alexander the Great. Vol. II. P. 215; обстоятельная критика: Frazer P. M. Alexander and the Rhodian Constitution // La Parola del Passato. 1952. T. 24. P. 200 sgg.*). Вместе с тем наличие гарнизона на Родосе в 323 г. до н. э. заставляет некоторых исследователей иначе трактовать вышеприведенное сообщение Курция: 1) просьба родосских послов о выводе гарнизона не была удовлетворена Александром (*Berve H. Das Alexanderreich... Bd I. S. 248; Ehrenberg V. Alexander and the Greeks. P. 18; Bosworth A. B. A Historical Commentary... Vol. I. P. 242; Gehrke H.-J. Stasis... S. 140*); 2) она была удовлетворена, но только частично: произошло сокращение гарнизона (*Hiller von Geartringen F. Rhodos // RE. Supplbd. V. 1931. Sp. 777*); 3) просьба родосцев была удовлетворена, но она касалась не вывода гарнизона, а трений, которые, возможно, возникли между македонскими войсками и населением полиса (*Hauben H. Rhodes... S. 309 f.*); 4) Александр удовлетворил просьбу родосского посольства, но оно просило не о выводе гарнизона, а наоборот, об его усилении (*Горлов Ю. В. Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 218*). Ср.: *Berthold R. M. Fourth Century Rhodes // Historia. 1980. Bd. 29. S. 47; Atkinson J. E. A Commentary... P. 372*. На наш взгляд, однако, все эти трактовки трудно назвать удачными: если с первой и четвертой из них вообще нельзя согласиться, так как они прямо противоречат словам Курция, то вторая и третья представляются излишне надуманными, когда есть более простая возможность согласовать сообщения Курция и Диодора, допустив факт повторного ввода на Родос македонского гарнизона. Подобное допущение, например, также делают: *Frazer P. M. Op. cit. P. 201; Hammond N. G. L. From the Death of Philip... P. 75.*

ации: не исключено, что появление на острове македонского отряда было вызвано соответствующей просьбой местных демократов, опасавшихся выступления против их режима олигархов, наличие которых на Родосе в конце правления Александра зафиксировано нашей традицией достаточно четко¹⁷.

Итак, рассмотренный материал, как представляется, позволяет говорить о том, что Александр размещал свои гарнизоны в греческих полисах Малой Азии (и побережья, и островов) крайне нечасто, причем очевидно, что эти гарнизоны отнюдь не выступали здесь оккупационной силой, единственно призванной удерживать города (и близлежащие территории) под македонской властью¹⁸. Их наличие в малоазийских греческих полисах было продиктовано прежде всего ведшейся в регионе войной, естественно, требовавшей от Александра защитить подконтрольные ему общины и заодно местные промакедонские демократии от персов, а затем, когда война завершилась, — необходимостью водворить в ряде освобожденных от персидского господства городов, где было нужно, внутренний мир и порядок и вместе с тем оказать поддержку пришедшим в них к власти демократическим элементам. При этом весьма показательно и то, что присутствие македонских отрядов в греческих полисах Малой Азии — конечно, в принципе нарушавшее свободу последних, каковыми бы причинами оно ни обуславливалось, — не было долгим: с прекращением военных действий, а также со стабилизацией внутривластной ситуации в городах гарнизоны были оттуда выведены Александром. И, следовательно, после этого данные полисы стали не менее свободными в подобном отношении, чем подавляющее большинство греческих общин Малой Азии, которые, насколько позволяют судить наши источники, вообще избежали ввода в них македонских гарнизонов. Правда, как, по-видимому, показывает пример Родоса, Александр позднее мог снова прибегать

¹⁷ *Hauben H.* Rhodes... S. 310f.; *Горлов Ю. В.* Эллинистический Родос. С. 218 сл.; ср.: *Berthold R. M.* Fourth Century Rhodes. S. 48 f.

¹⁸ Как это явно было в Балканской Греции, где после битвы при Херонее македонские гарнизоны постоянно находились в Амбракии, Фивах (Кадмее), Халкиде и Коринфе (Акрокоринфе). Относительно этого см.: *Холод М. М.* Тень Херонейского льва: утверждение македонского господства в Греции в 338 г. до н. э. // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003. С. 200 слл. Кроме того, в какое-то время до 323 г. до н. э. гарнизон Александра был размещен и в Сикионе; см.: *Griffin A.* Sikyon. Oxford, 1982. P. 76.

к такой мере, размещая здесь свои отряды. Впрочем, нет никаких причин сомневаться в том, что он делал это только в редких случаях и на временном основании — до прекращения в полисе, куда вводился гарнизон, внутренней напряженности.

“Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος”
Еще раз о египетской царской титулатуре
Александра Великого

Настоящую работу можно считать развитием сюжета, к которому ее автор впервые обратился десять лет тому назад. Тогда, в 1997 г., на X Сергеевских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова им был сделан, а спустя два года опубликован доклад «Египетская царская титулатура Александра Великого»¹. Согласно сделанным тогда наблюдениям, вслед за вступлением в Египет Александр получил в рамках местной традиции полноценную, хотя и несколько сокращенную (включающую Хорово имя, «солнечное» имя царя Верхнего и Нижнего Египта и личное имя «сына Солнца», но опускающую менее актуальные по своему идеологическому значению в I тыс. до н.э. имена Обеих Владычиц и Хора Златого) титулатуру, отразившую программу его царствования в Египте². Наиболее существенно, что его Хоровы имена *mk-Kmt* («Защищающий Египет») и *ḥkꜣ kꜣni tkn-ḥꜣswt* («Мощный правитель, приближающийся к чужеземным странам») явно имели ввиду его победы над Дарием, воспринятые сквозь призму освобождения Египта от персов и даже его иллюзорной экспансии в Азии через посредство его нового царя; при этом первое Хорово имя Александра, а также его «солнечное» имя *stp.n-R' mry-'Imn* («Избранный Ра, излюбленный³ Амоном»)

Статья публикуется в рамках исследовательского проекта РГНФ №05-01-01225а «Институты монархии в эллинском мире (V–I вв. до н. э.): эволюция, региональные особенности, атрибутика».

¹Ладынин И. А. Египетская царская титулатура Александра Великого // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1999. № 2. С. 85–97.

²См. ее публикации в египтологических изданиях: *Beckerath J. von. Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. В.; München, 1999 (Münchener ägyptologische Studien, 49). S. 232–233; *Blobaum A. I.* “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Aachen, 2006 (Aegyptiaca Monasteriensia, 4). S. 419–423; см. по нашей публикации 1999 г. ссылки на старую, но кое в чем не утратившую значения сводку египетских царских имен А. Готье: *Gauthier H.* Le livre des rois d’Égypte. T. IV. Le Caire, 1915 (Mémoires publiés par les membres de l’Institut français d’archéologie orientale, 20); о составе египетской царской титулатуры и значении ее компонентов см.: *Beckerath J. von.* Op. cit. S. 1–26.

³В смысле «избранный, предпочтенный».

могут быть возведены к титулатуре великого завоевателя Рамсеца II⁴. Уже тогда эта особенность титулатуры Александра в сочетании с ее программным содержанием побудила нас вспомнить восходящие к греко-египетской традиции III в. до н. э.⁵ фрагменты позднеантичного «Романа об Александре»: встречавшие Александра в номах Египта жрецы провозглашали его «возрожденным Сесонхосисом, властителем мира» (Ps.Call. A. I. 34. 2: ὑπαντῶντες δὲ Ἀλεξάνδρῳ κατὰ πᾶσαν πάλιν ὁ προφῆται τοὺς ἰδίους θεοὺς κομίζοντες ἀνηγόρευον αὐτὸν νέον Σεσόνχωσιν κοσμοκράτορα), а в связи с его победами египтяне, согласно т.н. «версии С» «Романа»⁶, восклицали: «Снова правит Египет!» (Ps. Call. C. II. 27. 3: εὐφρομῶντες δὲ καὶ χαίρουντες Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος ἔλεγον). К отложившемуся в античной традиции под именами «Сесострис», «Сесосис» или «Сесонхосис» собирательному образу египетского царя-завоевателя, который владел якобы землями вплоть до Фракии и Скифии, нам еще предстоит вернуться. Вскоре после публикации этой статьи, во время стажировки ее автора в 1999 г. в Трирском университете, его гостеприимец проф. Э. Винтер задал ему вопрос, известна ли ему полная пятисоставная титулатура Александра и, услышав отрицательный ответ, обратил его внимание на один из памятников оазиса Бахрия в Ливийской пустыне. В 1938 г. египетский археолог А. Фахри обнаружил там вблизи селения Каср эль-Мегисба храм, возведенный при Александре Великом (PM VII. 310–311): у его внешних ворот была найдена стела (Фахри странным образом именует ее алтарем) с полной пятисоставной титу-

⁴См. титулатуру Рамсеца II: *Beckerath J. von. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. S. 152–155. X.* де Мельнер высказал мнение, что чтение «солнечного» имени Александра должно быть скорректировано как *my-Ra str-p-Imn* («Излюбленный Ра, избранный Амоном»; *De Meulenaere H. Le protocol royal de Philippe Arrhidée // Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie de Lille. 1991. T. 13. P. 53–58*), и оно принято в новейшей публикации А.-И. Блобаум. Не вынося пока суждение по этому вопросу, мы, вместе с Ю. фон Бекератом, не считаем все же возможным сбрасывать со счетов прежнее чтение этого имени и, соответственно, возможность предложенной нами его рамессидской параллели.

⁵*Berg B. An Early Source of the Alexander Romance // GRBS. 1973. Vol. 14. P. 381–387; Samuel A. E. The Earliest Elements of the Alexander Romance // Historia. 1986. Bd. 35. S. 426–437.*

⁶См. о греческих версиях «Романа об Александре»: *Кузнецова Т. И. Историческая тема в греческом романе: «Роман об Александре» // Античный роман. М., 1969. С. 191–192.*

латурой Александра⁷. Посредственное качество фотографии этого памятника в издании Фахри и отсутствие других ее воспроизведений долгое время не позволяли прочесть эту титулатуру полностью⁸; поэтому для немногочисленных исследователей египетских памятников Александра настоящим событием стала ее реконструкция (предпринятая все же, как ни странно, именно на основе тщательного изучения фотографии Фахри!) в новейшей публикации А.-И. Блобаум: «Хор Властитель властителей в земле до пределов ее; Обе Владычицы Лев большой силой, Схватывающий Обе Земли (Египет) обеими руками его; Хор Златой Мощный бык, Наследник Обеих Земель [и] Властитель Великой Зелени (мирового океана) и [всего, что] обходит солнце⁹; царь Верхнего и Нижнего Египта Избранный Ра, излюбленный Амоном (либо: Излюбленный Ра, избранный Амоном); сын Ра Александр. . . » (*Hrw ḥkz ḥkzw m tz r dr.f Nbtj mzy wr phty ity-tzwy-m'wy.f [Hrw-m-nbw] k3-nḥt iw'w-tzwy ḥkz-wzd-wr-šnt-itn nsw-bity stp.n-R' mry-'Imn* (или: *mry-R' stp.n-'Imn s3-R' 'Irwksindsr...*)¹⁰.

Предложенное А.-И. Блобаум восстановление, в случае его справедливости (которая, конечно, может быть доказана лишь непосредственным изучением данного памятника) чрезвычайно любопытно, среди прочего, как еще одно доказательство аутентичных египетских истоков «Романа об Александре»: компонент имени Александра как Хора Златого «... Властитель ... [всего, что] обходит солнце» (*ḥkz... šnt-itn*) с достаточно высокой вероятностью может быть связан с эпитетом *χόσμον κυχλεύσας*, прилагаемым к Александру в одном из начальных фрагментов «Романа...», где завоевание им Египта предрекается как новое явление его отца, последнего египетского царя Египта Нектанеба, бежавшего в Македонию при неотвратимой угрозе чужеземного нашествия: «Этот

⁷ *Fakhry A. Bahria Oasis. Cairo, 1950. P. 41–47. Pl. XXVI.*

⁸ См. недавнюю публикацию Э. Винтера, где восстановлено чтение лишь Хорова имени Александра с этой стелы: *Winter E. Alexander der Grosse als Pharaon in ägyptischen Tempeln // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006. Frankfurt a. M., 2006. S. 207.*

⁹ Имеется в виду непрерывное (в течение дня — по небу земного мира, ночью — по загробному миру) движение солнца (*Barta W. Der Königsring als Symbol zyklischer Wiederkehr // ZÄS. 1970. Bd. 98. S. 5–16*); соответственно, данный эпитет удостоверяет власть Александра над всем мирозданием.

¹⁰ *Blobaum A. I. "Denn ich bin ein König, der Maat liebt". S. 423.*

бежавший из Египта сильный, храбрый старший царь (и) правитель вернется спустя время обновленным (ἤξει μετὰ χρόνον νέος), отбросив старческое в своем облике, *обоидя мир* и даровав вам (египтянам) подчинение врагов» (Ps.Call. A. I. 4.5). В то же время с точки зрения идеологического содержания этой титулатуры, пожалуй, более существен ее первый компонент — Хорово имя *ḥkꜣ ḥkꜣw m tz r dr.f* («Властитель властителей в земле до пределов ее»), тем более что в его восстановлении нет особых сомнений. Лежащий в его основе термин «властитель» (*ḥkꜣ*) обозначает любого фактического правителя, независимо от того, идет ли речь о единственном на весь мир сакральном царе Верхнего и Нижнего Египта или о чужеземном правителе: таким образом, достаточно очевидно, что данное имя калькирует применительно к Александру на египетском языке мидо-персидский титул «царь царей» и позиционирует его как преемника Ахеменидов.

Данное Хорово имя — отнюдь не единственный след рецепции в египетском протоколе представления об Александре и о его преемниках как о новом Великом царе. Стела Года 4 царствования Александра в Египте, связанная с погребением священного быка Бухиса, чтившегося в Гермонте, датирует рождение этого животного годом царствования в Египте Дария III¹¹: учитывая резко негативное отношение египтян к персам накануне занятия Египта Александром и фактическое непризнание Артаксеркса III, Арсеса и Дария III легитимными фараонами¹², можно допустить, что такая датировка могла появиться только после резкой и открытой переоценки Александром своего отношения к ахеменидской традиции вслед за убийством Бессом Дария III¹³; и действительно, Год 4 Александра

¹¹ Mond R., Myers O. H., Fairman H. W. The Bucheum. L., 1934. No. 2, l. 4. Vol. I. P. 3. Vol. III. Pl. 37.2.

¹²См. наши замечания о датировках именем Дария III некоторых документов: *Ладынин И. А.* Египетская царская титулатура Александра Великого. С. 90–91 (ср. с недоступной нам тогда публикацией: *Devauchelle D.* Réflexions sur les documents égyptiens datés de la Deuxième Domination perse // *Transuphratène.* 1995. Т. 10. P. 36–43); *Schwartz J.* Les conquérants perses et la littérature égyptienne // BIFAQ. 1949. Т. 48. P. 65–80; *Ladynin I. A.* “Adversary *Hšryšš*”: His Name and Deeds According to the Satrap Stela // CdÉ. 2005. Т. 80. P. 87–113.

¹³*Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 95–99, 108.

в Египте — это 329/328 г. до н. э.¹⁴, когда этот важный этап его царствования был уже пройден. После смерти Александра вошедшее в египетскую титулатуру Филиппа Арридея т. н. имя Обоих Владычиц звучит как *ḥkz ḥꜣswt* («властитель чужеземных стран»), обозначая опять же его власть над землями за пределами Египта, воспринятую от Александра и, через его посредство, от Ахеменидов¹⁵. Имя Александра, сына Роксаны, как Хора Златого в его египетской титулатуре выглядит как *ḥkz kni m tꜣ r dr.f*¹⁶ («Мощный правитель в земле до пределов ее») и не только имеет тот же самый смысл, что и Хорово имя его отца со стелы из оазиса Бахрия, но и представляет собой, по сути дела, его модификацию (частичное совмещение с другим его вариантом *ḥkz kni tkn-ḥꜣswt*).

Существенно, что в той интерпретации, которую имя Хора Златого получает в раннеэллинистическое время, оно, по-видимому, уравнивает царя с Хором как сыном бога солнца и его защитником от врагов, происходящих из-за пределов Египта¹⁷; следовательно, в данном случае оно прозрачно связано с торжеством Египта в лице его македонских династов над его недавними врагами-персами (при этом смысл имени Обоих Владычиц сына Роксаны *mry-ntrw rdi-n.f-ḥꜣwt-n-it.f* — «возлюбленный богами, наделенный саном отца его» — делает связь данного мотива со временем Александра Великого совершенно очевидной). В иероглифической «Стеле сатрапа» 311 г. до н. э. местонахождение сына Роксаны, наделенного саном фараона, передано с помощью египетского термина *Stt* (Urk. II.

¹⁴ Skeat T. C. *The Reigns of the Ptolemies*. München, 1969 (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 39). S. 9.

¹⁵ Beckerath J. von. *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. S. 232–233; Blobaum A. I. “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”. S. 424–425; см. замечания о смысле этого обозначения в разные эпохи египетской истории: Немировский А. А. Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 2001. С. 101, прим. 8.

¹⁶ Beckerath J. von. *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. S. 232–233; Blobaum A. I. “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”. S. 426–427.

¹⁷ Берлев О. Д. “Золотое имя” египетского царя // Ж.-Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1978. С. 47; Путь к бессмертию: Памятники древнеегипетского искусства в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина. Каталог выставки. М., 2002. № 2089. С. 267 и илл.; ср.: Матъе М. Э. Древнеегипетские мифы // *Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта*. М., 1996. С. 221, 271–280 («Сказание о Хоре Бехдетском, Крылатом Солнце»).

13.4): как мы показали несколько лет назад в специальной работе, этот термин, в стандартном своем значении обозначающий азиатские земли, в I тыс. до н.э. стал политонимом межрегиональных держав Переднего Востока, в т.ч. державы Ахеменидов, а в данном случае и вовсе должен относиться к Македонии, очевидно, воспринятой как метрополия державы Аргеадов, большая часть которой лежала в Азии и воспроизводила владения Ахеменидов¹⁸ (тем самым, по смыслу данного указания «Стелы сатрапа», сын Роксаны оказывается не только фараоном, но и наследником персов). Наконец, в той же «Стеле сатрапа» есть фрагмент, посвященный судьбе земельного угодья, принадлежащего местному храму города Буто в Дельте Нила. По сведениям «Стелы», во время второго завоевания Египта персами при Артаксерксе III, доходы этого угодья были отобраны у храма; однако затем бог Хор, сын Исиды и Осириса, изгнал Артаксеркса и его сына Арсеса (по-видимому, все же, имеются в виду не они персонально, а их администрация и войска) из страны (Urk. II 16.15-18.6)¹⁹. В начале соответствующего периода «Стелы» Хор именуется не только «мстителем отца своего» (Urk. II. 18.1: *ndty it.f*), что увязывает изгнание персов с известным мотивом изгнания за пределы Египта Сета и его подручных²⁰, но и эпитетом *ḥkꜣ ḥkꜣw nsw nsww bity bityw* (id. 17.17: «властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта»). Содержательно этот отрывок «Стелы сатрапа» относится к периоду смут в Ахеменидской державе после смерти Артаксеркса III и в течение царствования Арсеса (338–336 гг. до н. э.), когда Египет был действительно вновь потерян персами (и к власти там пришел некий Хаббаш — правитель, судя по всему, нубийского происхождения); однако временное изгнание персов предстает здесь не результатом политического кризиса, а делом рук божества, наделенного к тому же статусом легитимного царя, за отсутствием такового в политической реальности Египта тех дней. Последнее не столь уж удивительно в I тыс. до н. э., знающем целый ряд примеров перенесения царского статуса на божество при отсутствии

¹⁸ *Ладьянин И. А.* Обозначение *Stt* в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 13.4): к восприятию мировой державы Аргеадов на Востоке // ВДИ. 2002. № 2. С. 3–19.

¹⁹ *Ladyinin I. A.* “Adversary *Hšryšꜣ*”: His Name and Deeds According to the Satrap Stela.

²⁰ Ср.: *Матъе М. Э.* Древнеегипетские мифы. С. 216–217.

приемлемого для этого земного правителя²¹; существенно, однако, что, хотя данный титул Хора (вернее, его составные части²²) и не беспрецедентен в египетской практике именовании божеств на время составления текста «Стелы», его первый компонент — *ḥꜥꜣ ḥꜥꜣw* («властитель властителей») — при буквальном его прочтении будет четкой калькой ахеменидского титула «царя царей». Нельзя утверждать, что подобный смысл эпитета Хора в «Стеле сатрапа» выходил для ее составителей на первое место; однако, скорее всего, он принимался ими во внимание. Тем самым они отрицали применительно к Артаксерксу III и Арсесу их легитимный статус не только в Египте, но и за его пределами и переносили его на бога Хора в таком совокупном объеме, что, скорее всего, было подготовлено ассимиляцией статусов законного фараона и преемника Ахеменидов в египетских терминах власти при Аргеадах. При этом если в определении концепции египетских титулатур Аргеадов македонским властям могла принадлежать решающая роль, то при наделении бога Хора в «Стеле сатрапа» данным эпитетом следует предполагать, как минимум, встречную (если не преимущественную) инициативу заинтересованных в ее составлении египтян — жрецов храмов города Буто, обеспечивших при помощи этого документа закрепление за ними земельного угодья (Urk. II. 19.6-22.1). Как видно, владычество над чужеземными странами к началу македонского времени стало восприниматься египтянами в связи с совершенно определенным властным статусом и адекватным ему титулом, представляющими большое значение и ценность; соответственно, мотив миродержавия Египта в титулатуре Александра связан преимущественно с перенесением на него этого статуса, в принципе

²¹ *Ладынин И. А.* Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 157–158 (со ссылками на: *Rössler-Köhler U.* Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden, 1991 (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten 21)).

²² Согласно берлинскому «Словарю египетского языка», именованию божеств *HꜣA HꜣAw* («властитель властителей»; Wb. III. 171.13), *nsw nsww* («царь царей Верхнего Египта»; id. II. 328.7) и *bity bityw* («царь царей Нижнего Египта»; id. I. 435.12–14) фиксируются со времени Нового царства; стоит заметить, что в сочетаниях, аналогичных эпитету Хора в «Стеле сатрапа» они, кажется, фиксируются только позже ее времени, в эллинистических текстах: Wb. Belegst. II. S. 480).

отличного от легитимной власти над собственно Египтом (несмотря на ее сакральный и, соответственно, универсальный характер²³).

Как мы заметили в связи с титулатурой сына Роксаны и перенесением статуса правителя на бога Хора в «Стеле сатрапа», в обоих случаях ощущается преемство их власти, в том числе и над внешним по отношению в Египту миром, от отца; если в титулатуре сына Роксаны его власть над всем миром утверждается буквально, то применительно к богу Хору в «Стеле сатрапа» она мыслится скорее как способность одолеть угрожающего Египту внешнего противника; при этом в обоих случаях (в связи с сыном Роксаны — видимо, имплицитно, по смыслу имени Хора Златого в раннеэллинистическое время; в связи с богом Хором — явно) она связана с мотивом возмездия врагам отца данного правителя (в случае с Хором, согласно египетской мифологии, имеется в виду Осирис). Существенно, что мотив преемства власти от отца вкупе с мнением за него всплывает и в грекоязычном «Романе об Александре», несомненно, опять же еще на уровне его древнейшего александрийского прототипа III в. до н. э. Как известно, в нем египтяне раннеэллинистического времени, заинтересованные в легитимации власти Александра и его преемников над своей страной, создали фикцию его рождения от связи Олимпиады с фараоном Нектанебом. Как мы уже говорили, согласно «Роману», этот последний до Александра царь Египта бежал из своей страны при угрозе нашествия чужеземных врагов (отметим уже сейчас, что в перечислении составлявших их народов на первое место вынесены скифы: Ps.Call. A. I. 2.2); после этого не знавшие о его бегстве египтяне спросили о судьбе своего царя оракул «праотца богов Гефеста» (несомненно, имеется в виду мемфисский Птах), получили совет обратиться к «невидимому богу Синопы» (πρὸς τὸν ἀόρατον τοῦ Σινώπιου — очевидно, Сарпису) и, уже от него, ответ, который уже приводился нами выше (id. 4.5). Понятно, что окончательное истолкование этого оракула египтяне получают с приходом и воцарением Александра, сообщающего

²³См. о власти легитимного царя Верхнего и Нижнего Египта: *Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 14–27 (о ее ритуальном характере), 132 слл. (о значении способности легитимного царя утверждать свою власть над «Пустыней», т. е. чужими странами, в представлениях перв. пол. II тыс. до н. э.).

им о своем рождении от Нектанеба (id. 34. 3-6). Реализованные в концепции «Романа» применительно к Александру мотивы возвращения прежнего царя на престол «обновленным» в лице его сына и возмездия сына врагам отца, лишившим его власти (по сути, всем народам, напавшим на Египет при Нектанебе) оптимально согласуется с египетскими представлениями об Осирисе и Хоре²⁴. Особая вариация мотива возвращения прежнего правителя проявилась в провозглашении Александра, согласно «Роману», «возрожденным Сесонхосисом, властителем мира»: эти слова опять же стоит понять буквально, учитывая, что у египтян было представление о периодическом возвращении божества в мир воплощенным в том или ином человеке (так, именно воплощенным Хором оказывается в демотических сказаниях о царевице Сатни-Хаэмуасе его сын Са-Усире — букв. «Сын Осириса»²⁵). Что касается других слов, возглашавшихся египтянами, согласно «Роману» в его «версии С», в связи с победами Александра: «Снова правит Египет!» — они, вне сомнения, относятся также к идее о повторении Александром великих завоеваний Сесонхосиса. В то же время стоит обратить внимание на само употребленное в этой фразе слово «правит» (ἄρχει). На наш взгляд, контекст, в котором оно должно быть истолковано, очевиден и вытекает из укоренившейся в греческой историко-политической мысли с давних времен идеи «владычества над Азией» (βασιλεία τῆς Ἀσίας). Согласно ней, большая часть азиатских земель была прочно интегрирована в рамках единой государственности, власть над которой переходила от одного народа к другому: создателями этой межрегиональной структуры были ассирийцы, затем на некоторое время она перешла к мидянам (причем на некоторое время у них ее перехватили скифы), далее к персам и, наконец, к Александру²⁶. Вряд ли мы ошибемся, сказав, что фраза «Снова правит Египет!»

²⁴О египетском представлении о происхождении населения чужеземных стран от врагов Осириса и присных Сета, изгнанных Хором за пределы Египта после его победы, см.: *Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида. С. 134.

²⁵См. современный перевод с отсылками к литературе: *The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry*. Ed. W. K. Simpson. 3rd. ed. New Haven, 2003. P. 470–492.

²⁶*Ладынин И. А.* Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н. э. // «Эдуба вечна и постоянна»: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И. М. Дьяконова. СПб., 2005. С. 151–160.

означала для египетских создателей (и грекоязычных кодификаторов) прототипа «Романа об Александре» переход к Египту в лице его нового правителя именно «владычества над Азией». К такой трактовке склоняет не только тот общеизвестный факт, что с определенного момента Александр подчеркнуто позиционировал себя и перед своим окружением, и перед восточными подданными как легитимного преемника Ахеменидов, но в особенности отмеченное нами присутствие аллюзий на статус царя азиатской «мировой державы» в египетских памятниках времени Аргеадов.

Вместе с тем в пресловутой фразе «версии С» «Романа об Александре» обращает на себя внимание не только слово «правит», но и предшествующее ему слово «снова» (πάλιν). Вправе ли мы заключить, на основании его, что, согласно египетским представлениям в их применении к идее «владычества в Азии», существовавшей не только в греческой, но и в общеприближневосточной традиции, власть над межрегиональной переднеазиатской государственностью принадлежала на каком-то этапе Египту еще до Александра? В связи с этим необходимо обратиться к традиции о великом египетском царе-завоевателе, актуализированной применительно к Александру в его сравнении в «Романе» с Сесонхосисом, но существовавшей в греческой фиксации задолго до его времени, еще со времен Геродота.

Пожалуй, наилучшим по своей тщательности исследованием этого топоса следует считать специально посвященные ему исследования А.И. Иванчика²⁷. Классические авторы, от Геродота до поздних эпитомизаторов и рецепторов раннехристианского времени (Юстина, Орозия, Иордана, Иоанна Малалы и др.), ставят в его центр противостояние египетского царя со скифами. Впервые речь об этом заходит в рассказе Геродота о Сесострисе (Σέσωστρις), который якобы покорил всю Азию, а в Европе дошел до областей скифов и фракийцев (Herod. II. 103). У Диодора, в рассказе, входящем, по-видимому, к труду о Египте Гекатея Абдерского кон. IV в. до н. э., царь-завоеватель именуется Сесоосис (Σεσόωσις), а ос-

²⁷ *Иванчик А. И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4. С. 4–36; Он же. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005 (Pontus septentrionalis, 3). С. 190–220 (глава 2.6 «Традиция о скифо-египетской войне и “первом владычестве” скифов в Азии»).

новая часть его завоеваний, включая противостояние со скифами, локализуется в Азии (хотя Фракия тоже упоминается как крайний рубеж его продвижения; Diod. I. 53-58, 94.4). А. И. Иванчик по ряду критериев (включение в число завоеванных Сесострисом земель Индии, определение продолжительности его войн в девять лет, как и у Александра) считает рассказ, зафиксированный Диодором, египетской реакцией на завоевания Александра²⁸: с этим мнением можно согласиться по крайней мере в том, что касается датировки данных фрагментов (если верно их возведение к труду Гекатея Абдерского, они и должны датироваться 310-ми гг. до н. э.²⁹). Кроме того, А. И. Иванчик считает, что в ряде деталей, сообщаемых Диодором, проявляется независимость его рассказа от труда Геродота, и возводит его, в конечном счете, к аутентичному египетскому фольклору кон. IV в. до н. э.³⁰ Далее, по-видимому, параллельно с возникновением прототипа «Романа об Александре» (т. е. к сер. III в. до н. э.) сведения о царе-завоевателе приобретают в грекоязычной фиксации также беллетризованную форму, а его имя звучит как Сесонхосис (Σεσβύχσις; папирусные фрагменты «Романа о Сесонхосисе» относятся к III в. н. э., что также совпадает по времени с окончательным оформлением «Романа» в «версии А»: Р. Оху. 1826, 2466, 3319; А. И. Иванчик, привлекая данные птолемеевской ономастики и Манефона, показывает, что сама форма этого имени соответствует вариации имени «Сенусерт», а не «Шешонк», как можно было бы ожидать, хотя этот вопрос, на наш взгляд, заслуживает дополнительного обсуждения)³¹. Наконец, преимущественно в позднеантичной традиции (Помпей Трог в передаче Юстина и Иордана, Орозий) необходимо отметить своего рода «инверсивную форму» топоса столкновения египетского царя

²⁸ Иванчик А. И. Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 17–18; Он же. Накануне колонизации. С. 203–204.

²⁹ О проблеме соотношения I книги Диодора Сицилийского о Египте и труда Гекатея Абдерского, в т. ч. о вероятном времени его создания, а также о некоторых других примыкающих к нему произведениях античной традиции нам довелось писать с отсылками к литературе: Васильева О. А., Ладьиник И. А. У истоков античного эвгемеризма: Леон из Пеллы // Античность: Общество и идеи. Сб. ст. Казань, 2001. С. 182–185, прим. 7–11.

³⁰ Иванчик А. И. Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 16; Он же. Накануне колонизации. С. 202.

³¹ Иванчик А. И. Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 19–20 и прим. 67; Он же. Накануне колонизации. С. 205–206 и прим. 62 (отсылки к литературе по «Роману о Сесонхосисе»).

и скифов, при котором он становится жертвой их нападения, а не наоборот, как изначально³².

Для того, чтобы соотнести изначальную и «инверсивную» формы сюжета противостояния египетского царя со скифами необычайно важна отмеченная А.И. Иванчином традиция Мегасфена, совмещающая обе эти версии как взаимодополняющие (Strab. XV. 1.6, Arg. Ind. 5. 4-7 = FGGrH. 715. F. 11). В ней перечисляются великие завоеватели древности, владевшие землями Азии, исключая Индию: первым из них был Сесострис, покоривший Азию и напавший на Европу, но вернувшийся вспять; далее скифский царь Индатрис покорил Азию и дошел до Египта; и затем владычество над Азией перешло к ассирийке Семирамиде³³. Сейчас мы не будем пытаться интерпретировать версию о нападении скифов на Сесостриса (хотя, на наш взгляд, это и возможно); скажем лишь, что, учитывая раннюю датировку традиции Мегасфена (рубеж IV–III вв. до н. э.)³⁴, она должна была появиться именно как дополнение к рассказу о завоеваниях египетского царя и лишь много позже обрести самостоятельное бытование. Гораздо важнее, что в традиции о египетских завоеваниях столь принципиальную роль приобретает именно противостояние со скифами. По мнению ряда исследователей, воспринятому и А. И. Иванчином, это объясняется стремлением противопоставить Сесостриса Дарию I и приписать ему победу ровно там, где персидский царь потерпел поражение (имеется в виду поход против причерноморских скифов³⁵). Заметим, однако, что подобное предположение оставляет без ответа есте-

³²Иванчик А. И. Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 22 сл.; Он же. Накануне колонизации. С. 208 сл.

³³Иванчик А. И. Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 24-25; Он же. Накануне колонизации. С. 210-211.

³⁴О труде Мегасфена см. исследования М. Д. Бухарина: *Бухарин М. Д. Описание индийского государства в «Индики» Мегасфена // ВДИ. 1997. № 3. С. 138-149; Он же. Мегасфен в Индии // Древний Восток и античный мир: Труды кафедры истории древнего мира исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 1. М., 1998. С. 103-113; Он же. Раннеэллинистические хорографы: Мегасфен, Гекатей Абдерский и Берос // ВДИ. 2000. № 1. С. 88-100; Индия и античный мир / Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А. М., 2002. С. 48-137; наше несогласие с его мнением о том, что некоторые фрагменты Гекатея отгалкиваются от труда Мегасфена см.: *Васильева О. А., Ладынин И. А. У истоков античного эвгемеризма: Леон из Пеллы. С. 185, прим. 11.**

³⁵Иванчик А. И. Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 8 сл.; Он же. Накануне колонизации. С. 192 сл.

ственный вопрос, почему этот сюжет был в дальнейшем дополнен его инверсией — рассказом об успешном нападении скифского царя на того же Сесостриса; вдобавок, как мы уже заметили выше, именно скифы довольно загадочным образом вынесены на первое место в перечне народов, нападение которых побудило Нектанеба бежать из Египта, согласно «Роману об Александре». Между тем, по сообщению Геродота, египтянам и в самом деле пришлось отражать нашествие скифов при Псамметихе I (Herod. I. 105), причем нашествие это пришлось на годы т.н. скифского владычества в Азии во втор. пол. VII в. до н.э. (id. I. 102-106; Diod. II. 43.4; Just. II. 3.8-14; Curt. VII. 8, 18). Не вдаваясь сейчас в подробности дискуссии по этому сюжету³⁶, скажем, что, в отличие от ряда исследователей, мы считаем данные античной традиции об этом соответствующими исторической реальности. Из сведений Геродота следует, хотя и не вполне явно, что скифы были первыми, кто смог навязать свое господство *всей* Азии (ассирийцы до этого владели только Верхней Азией: Herod. I. 95), то есть, по существу, создателями самой системы пресловутого межрегионального «владычества над Азией». Характерно, что в аккадском протоколе создателя Мидийской державы Киаксара именно воспринятый им от скифов титул «царь *умман-манда*» описывал его статус правителя межрегионального государства — исторически первой формы иранского «царства стран»³⁷. В последующей идеологической традиции, сложившейся уже при Ахеменидах и из греческих авторов зафиксированной Ктесием Книдским, воспоминание о скифском владычестве было замещено куда более престижной прямой преемственностью мидо-персидского царства от Ассирии³⁸. Тем не менее значение «владычества над Азией» скифов не было забыто, и одним из проявлений этого можно считать как раз связанную с египетским царем-завоевателем традицию Мегасфена. По сути дела, эта тради-

³⁶Гиперкритический подход к сведениям о скифском владычестве см.: *Медвецкая И. Н.* О скифском вторжении в Палестину // ВДИ, 2000. № 2. С. 221–228; ср.: *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003. С. 117–124 (сопоставление ряда историко-хронологических реконструкций, исходящих из достоверности этих сведений).

³⁷*Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956. С. 307, прим. 1; 315, прим. 1; *Ладынин И. А.* Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегionalной государственности на Ближнем и Среднем Востоке. С. 153.

³⁸*Ладынин И. А.* Ук. соч. С. 154.

ция оказывается предельно престижным для Египта вариантом схемы перехода «владычества над Азией» от державы к державе: согласно нему, в далеком прошлом Сесострис(-Сесоосис-Сесонхосис) стал основоположником межрегиональной переднеазиатской государственности, затем она была перехвачена у него скифами (тем самым реальная скифская гегемония VII в. до н. э. отодвигалась в более отдаленное прошлое), у них — ассирийцами и далее передавалась уже в соответствии со стандартной схемой «владычества над Азией». Воздержимся от того, чтобы искать сейчас самый ранний греческий извод этой схемы; заметим лишь, что трудно представить себе ее появление из-под пера Мегасфена или хотя бы неизвестного нам сравнительно близкого его предшественника из грекоязычных авторов. Подобная концепция приносила реальный идеологический выигрыш только египтянам и с этой точки зрения могла возникнуть как реакция на подчинение их страны Ахеменидами или, по крайней мере, на доминирование на восточной периферии Египта не его самого, а передневозточных держав, по-видимому, задолго до времени Александра.

Таким образом, именно эта схема представляется главной предпосылкой для провозглашения Александра египетскими создателями «Романа» «возрожденным Сесонхосисом, властителем мира»: по существу, речь идет о том, что своими победами он возрождает ту форму межрегиональной государственности под властью Египта, которая была изначальной. Стоит заметить, что мотив возвращения мира при каждом новом воцарении к его идеальному состоянию в начале времен, непосредственно после сотворения богом-демиургом, — это очень характерная черта египетской идеологии; и в связи с этим вряд ли случайно, что ряд сообщений античной традиции IV в. до н.э. и помещает Сесостриса-Сесонхосиса в начало времен, непосредственно после царей-богов³⁹. Понятным образом, вынесение скифов во главу внешних врагов египетского царя Нектанеба в «Романе об Александре» мотивируется тем, что они выступили в этом качестве еще в ту изначальную пору. Заметим, что сама фикция создания межрегиональной переднеазиатской государственности Египтом не фиксируется собственно в египетской традиции кануна эллинизма (египетских XXVIII–XXX династий IV в.

³⁹ *Иванчик А. И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе... С. 18–19; Он же. Накануне колонизации. С. 199–200.

до н. э.) — по-видимому, в силу как ее явно «неклассического» характера, так и отсутствия в это время реальных возможностей к восстановлению преобладания Египта в Азии (и, стало быть, превращения этой схемы в политически актуальный лозунг). Лишь при Аргеадах, когда традиционность в египетской идеологии была заведомо ослаблена чужеземным происхождением новой династии, к тому же нанесшей поражение Ахеменидам и вместе с тем очень охотно подчеркивавшей преемство от них своей власти над Азией, этот идеологический конструкт смог обрести столь официальный характер, что нашел отражение в царских титулатурах.

Правовое и литературное наследие Аппия Клавдия Цека

Аппий Клавдий Цек — яркая и противоречивая фигура в общественно-политической жизни раннереспубликанского Рима. Его главным качеством было служение *res publica*. Оно проявилось не только в участии в управлении государством, но также и в сфере культуры и носило при этом практический характер. Несмотря на явно недостаточную источниковую базу, мы все же можем со всей определенностью говорить о его вкладе в развитие римского права и литературы.

АППИЙ КЛАВДИЙ ЦЕК И РАЗВИТИЕ РИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Юриспруденция древнего Рима своими корнями уходит в ранне-республиканскую эпоху. Деятельность юристов этого периода высоко оценивается в современной романистике. Испанский исследователь Я. Парицио видит их заслугу в том, что они основали *ius civile*¹. К их числу относят и Аппия Клавдия Цека. Однако его причастность к развитию правовой мысли древнего Рима, как правило, лишь констатируется². Исследователи ссылаются на известное место Помпония, который, перечисляя тех, кто занимался этой наукой в течение первых трех веков республики и пользовался «величайшим уважением со стороны римского народа», включает в их число также и знаменитого своей цензурской деятельностью Аппия Клавдия Цека (*Dig.* I, 2, 2, 36. Здесь и далее пер. с лат. Л. Л. Кофанова

¹ *Parizio J. Sobre el «De usurpationibus» de Appio Claudio // SDHI. 2004/LX. P. 629.*

² См., например: *Siebert W. Über Appius Claudius Caecus mit besonderer Berücksichtigung seiner Censur und der des Fabius und Decius. Kassel? 1863. Mommsen Th. Die patrizischen Claudier // Römische Forschungen. Bd. I. Berlin, 1864. Ferenczy E. From the patrician state to the patricio-plebeian state. Budapest, 1976.* Нам известны лишь две работы, в которых этот вопрос стал предметом более пристального внимания, но обе они посвящены вопросу написания Аппием Клавдием специального юридического трактата. Нам импонирует позиция Ф. Мюнцера, который очень осторожно, со ссылкой на Помпония, говорит о том, что Аппий Клавдий мог быть первым юридическим писателем Рима (*Münzer F. Ap. Claudius Caecus // RE. Bd. 3. Stuttgart, 1889. Sp. 2685).*

и И. С. Перетерского). Уже сам факт включения Аппия Клавдия в один ряд с известнейшими юристами республики весьма примечателен и говорит о многом. Помпоний также утверждает, что Аппий Клавдий обладал огромными знаниями — *maximam scientiam* — (Ibid.). Очевидно, судя по контексту Помпония³, имеются в виду знания в области права.

Какими же возможностями обладал Аппий Клавдий, которые позволили ему так неожиданно ярко, для столь раннего периода римской истории, проявить себя в области юриспруденции? В первую очередь, следует учитывать его знатное происхождение. Аппий Клавдий принадлежал к старейшему и знатнейшему патрицианскому роду, представители которого на протяжении двух столетий играли особую роль в политической и общественной жизни римской общины. Над родом довлела память как о роде припллом и отсюда, видимо, их столь явственное желание укрепить свои позиции вполне определенной родовой политикой. Особенно ярко она проявилась в политической карьере Аппия Клавдия Цека. Несомненно, он был подготовлен к этой деятельности. В. Зиберт считает, что он мог получить образование подобное тому, которое обычно получала римская молодежь в его время⁴. Высоко оцениваемое уже в древности красноречие Аппия Клавдия, его опусы в области поэзии, наконец, удачные лингвистические эксперименты подтверждают предположение о высокой образованности Аппия Клавдия. Некоторые исследователи считают его мудрость сопоставимой с пифагорейской и отмечают его причастность к греческой культуре и образованию⁵. Тит Ливий, несмотря на свое явное недоброжелательство к Аппию Клавдию, признает его незаурядность и способности. У него есть примечательная фраза, приписываемая им консулу Волумнию, по поводу кандидатур претендентов на консульских выборах 295 г. до н. э.: «... кто ловок и смышлен в законах и красноречии, вроде Аппия Клавдия, тех надо избирать преторами для отправления правосудия, чтобы они начальствовали в Городе и на форуме» (X, 23, 7). И раньше, в пассаже о выборах консулов на 306 г., Ливий обращает внимание на эти достоинства Аппия Клавдия: «... он, сделавшись консулом, остался в Риме, чтобы искусным

³Ср.: *Paritio J.* Op. cit. P. 629.

⁴*Siebert W.* Op. cit. S. 105.

⁵*Leo F.* Geschichte der römischen Literatur. Bd. I. Die archaische Literatur. Berlin., 1913. S. 42.

ведением внутренних дел увеличить свое влияние, раз уж военная слава все равно доставалась другим» (IX, 42, 4). Достопримечательным, считает Т. Моммзен, также тот факт, что он пошел по стопам своего предка, децемвира Аппия Клавдия⁶. Вполне допустимо, что генетическая наследственность так же, как и сама родовая память о знаменитом децемвире, сыграли определенную роль в юридических наклонностях Слепца. Исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что законодательная основа его деятельности всегда очевидна, и он действовал в рамках границ, допускаемых конституцией⁷. Некоторые из магистратур, исполненных Аппием Клавдием, непосредственно были связаны с правовой деятельностью. Он мог заниматься этим, исполняя консульскую должность (307 и 296 гг.), претуру (297 и 295 гг.) и эдилитет (316 и 314 гг.), поскольку тот же Помпоний утверждает, что «из всех (магистратов) только десять плебейских трибунов, два консула, восемнадцать преторов и шесть эдилов вершили право в государстве» (I, 2, 2, 34). Не вошедшая в это число цензорская магистратура, также имела отношение, особенно в случае с Аппием Клавдием, к римскому публичному праву, так как обязанности цензоров предполагали соблюдение определенных юридических установлений. Хорошо известны, благодаря Ливию (IX, 33, 3–9; 34, 1–26), дебаты по поводу *lex Aemilia* в цензорство Аппия Клавдия. Несомненно, обращает на себя внимание факт неповиновения Аппия Клавдия действующему закону, но в то же время нельзя отказать ему в попытке защитить свою позицию: по его словам, закон Эмилия «его и всех тех, кто были избраны цензорами после издания этого закона, обязать ни к чему не мог»⁸. Фр. Герлах считает, если Аппий Клавдий и преступал рамки дозволенного, то делал это не ради собственных интересов, а ради своего сословия и отечества⁹. В историографии нового и новейшего времени также обсуждался вопрос о том, насколько следовал Аппий Клавдий *lex Ovinia* при проведении *lectio senatus*¹⁰. Таким образом, исполнение Аппием Клавдием цензорской должно-

⁶ *Mommsen Th. Op. cit. S. 304.*

⁷ *Siebert W. Op. cit. S. 20.*

⁸ Этот эпизод подробно рассмотрен Я. В. Мельничуком в статье «Законодательное оформление института цензуры» // *Древнее право. 2001 (8). С. 63–64.*

⁹ *Gerlach Fr. Die Censur des Appius Claudius Caecus // Gerlach Fr. Der griechischer Einfluss in Rom im 5. Jahrhundert der Stadt. Basel. 1872. S. 43.*

¹⁰ Подробнее см. нашу работу: *Зарубежная и отечественная историография об Аппии Клавдии Цеке // Мнемон. Вып. 4. СПб., 2005.*

сти было непосредственно связано с правовой практикой римлян в области публичного права и следует предполагать как знание им сложившихся к этому времени правовых установлений, так и владение ими.

В антиковедческой литературе и романистике ставился также вопрос о возможном вхождении Аппия Клавдия в понтификальную коллегию¹¹. В богатом послужном списке Аппия отсутствует должность понтифика, но исполнение понтификата, как правило, не указывалось в *cursus honorum*. Вместе с тем, видеть Аппия Клавдия в этой коллегии было бы весьма соблазнительно, поскольку это обстоятельство могло бы снять многие проблемы в вопросе юридической деятельности Аппия Клавдия. Понтификам, как известно, традиционно отводится роль знатоков права в раннереспубликанском Риме. Л. Л. Кофанов считает, что понтифики в своей юридической деятельности были хранителями, в лучшем случае, толкователями писаных законов и исковых формул¹². А. Боттильери, анализируя сотрудничество Аппия Клавдия с Гнем Флавием в вопросе публикации процессуальных формул, приходит к выводу, что доступ к понтификальному праву Аппий Клавдий мог иметь, только будучи членом понтификальной коллегии¹³.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, занимаясь политической и общественной деятельностью, Аппий Клавдий постоянно сталкивался с правовой практикой и, следовательно, имел определенный опыт в этой области. Иначе и не могло быть, поскольку римское право к этому времени уже ушло далеко от правового обычая и заняло вполне определенную нишу в общественно-политической жизни Рима. Однако подчеркнем, что здесь речь идет, преимущественно, о практике в области публичного права.

В немалой степени деятельности Аппия Клавдия в этой сфере общественно-политической жизни способствовали, возможно, его личные качества. Для Цицерона, как это следует из его трудов, особенно притягателен этот образ уверенного в себе, высокообразованного и организованного человека. В диалоге «О старости» он дает ему следующую характеристику: «... дух у него был напря-

¹¹ См., например: *Bottiglieri A. I giuristi arcaici: Appius Claudius C. f. Caecus* // Древнее право. 2 (7). М., 2000.

¹² *Кофанов Л. Л. Коллегия авгуров // Жреческие коллегии в раннем Риме. М., 2001. С. 99.*

¹³ *Bottiglieri A. Op. cit. С. 72.*

жен как лук ... он сохранял среди своих близких не только авторитет, но и власть: его боялись рабы, почитали свободные люди, любили все; в его доме были в почете нравы и дисциплина, полученные от предков (37. Пер. с лат. В. О. Горенштейна). Учитывая профессиональную практику Цицерона и отмечая его уважительное отношение к Аппию Клавдию, невольно обращаешь внимание на весьма примечательные параллели, проводимые Цицероном между цензорской деятельностью своего героя и вершением нравственного суда: «... боюсь, как бы ... не начал его обвинять со свойственной ему цензорской строгостью» (Cael. XV, 35. Пер. с лат. В. О. Горенштейна). То есть, Цицерон, видимо, имел в виду тот факт, что цензорская деятельность очень тесно была связана с нарождавшейся тогда *cura togarum* цензоров, которая и предполагала нравственный суд. Естественно, эта обязанность цензоров никоим образом не заменяла административный суд, но исполнение этой функции формировало вполне определенные качества человека и, прежде всего, убеждение в том, что он имеет право решать судьбу человека, хотя бы и с точки зрения соответствия его поведения определенным нравственным нормам, установленным в обществе.

Завершая рассуждения на эту тему, подчеркнем, что фигура Аппия Клавдия вполне могла стать достойной кандидатурой на место первого юриста древнего Рима. И все же вопрос о том, насколько Аппий Клавдий был подготовлен к профессиональной юридической деятельности и правы ли те исследователи, которые называют его первым римским юристом, отнимая, тем самым, пальму первенства у Корункания, остается открытым.

В поисках ответа на этот вопрос наиболее надежной для нас представляется информация Помпония. Примечательно само название титула, в котором помещен «Энхиридий» Помпония — «О происхождении права и всех магистратов и о преемственности мудрецов». В нем отсутствует понятие «юрист» так же, как в самом тексте. Следовательно, если наш персонаж попал в этот титул, то, скорее всего, потому, что действительно обладал общими познаниями и богатым человеческим опытом. Обращает на себя внимание структура титула, в которой он излагает краткую историю развития римского права в период Ранней республики. Помпоний начинает с вопроса о начальном этапе развития права, затем говорит о римских магистратурах, в том числе, и о тех, которые были

связаны с правовой деятельностью. Наконец, следует нужный нам раздел, который улавливается и в самом названии титула — о преемственности мудрецов. В нем Помпоний различает тех, кто занимался преподаванием «науки гражданского права» и тех, чьи заслуги в развитии римского права были связаны с осмыслением опыта древних и передачи его потомкам (Dig. I, 2, 2, 36). Публичное преподавание права начинается, согласно Помпонию, с Тиберия Корунканиа. До него были те, которые «думали держать гражданское право в тайне и скорее стремились избавиться от советующих, чем учиться у желающих этого» (Ibid. 35). Здесь явно подразумеваются члены понтификальной коллегии, но дальше, думается, перечисляются имена тех, кто стремился сделать право доступным народу путем распространения правовых знаний и их секуляризации. Для периода Ранней республики им упомянуты только три человека — «мудрый Публий Папирий», децемвир Аппий Клавдий, принимавший «величайшее участие в написании XII таблиц» и третьим из названных является Аппий Клавдий, вписанный в этот контекст с необычным и не закрепившимся в традиции когноменом «Сторукий» (Centemmanus). Таким образом, на наш взгляд, Помпоний, помещая Аппия Клавдия в этот ряд «мудрецов», отводит ему роль посредника в передаче правового опыта. Вместе с тем, бросается в глаза тот факт, что Помпоний дважды в этом пассаже говорит об Аппии Клавдии в расширенном контексте, связывая только его имя с конкретными шагами в развитии римского права. В первом случае, когда речь идет об истории появления *ius Flavianum*¹⁴, во втором — о приписываемом Аппию Клавдию юридического сочинения «*De usurpationibus*»¹⁵. На взаимосвязь этих

¹⁴Dig. I, 2, 2, 7: «Postea cum Appius Claudius proposuisset et ad formam redegisset has actiones, Gnaeus Flavius scriba eius libertini filius subreptum librum populo tradidit, et adeo gratum fuit id munus populo, ut tribunus plebis fieret et senator et aedilis curulis. Hic liber, qui actiones continet, appellatur ius civile Flavianum, sicut ille ius civile Papirianum: nam nec Gnaeus Flavius de suo quicquam adiecit libro» (Потом, когда Аппий Клавдий составил эти иски и выразил их в (определенной) форме, писец Гней Флавий, сын вольноотпущенника, передал народу похищенную книгу, и этот дар был до того приятен народу, что он (Флавий) был сделан трибуном и сенатором и курульным эдилом. Эта книга, которая содержит иски, называется Флавиевым гражданским правом, подобно указанному выше Папириево гражданскому праву, ибо Гней Флавий ничего от себя не прибавил к книге).

¹⁵Dig. I, 2, 2, 36: «... Post hunc Appius Claudius eiusdem generis maximam scientiam habuit: hic Centemmanus appellatus est ... hunc etiam actiones scrip-

двух параграфов обращает внимание Я. Парицио, подчеркивая, что в любом случае, форма, в которой дошли до нас оба пассажа, создает впечатление, что сборник процессуальных формул, о которых говорится в седьмом параграфе, не был книгой «*De usurpationibus*», или, по крайней мере, не был полностью той же самой работой¹⁶.

Второй вопрос, на который предстоит ответить, это вопрос о том, что представляли собой эти работы, которые объединяет имя одного человека — Аппия Клавдия Цека. Что касается первой из них — *ius civile Flavianum* — то, как само Флавиёво право, так и роль Аппия Клавдия в истории его возникновения оценивается весьма высоко, поскольку *ius Flavianum* представляло собой значительный шаг в направлении секуляризации права¹⁷.

Гораздо больше трудностей возникает с другой работой — *liber de usurpationibus*, за которой даже закрепились эпитеты «таинственная», «загадочная»¹⁸. Мнения исследователей разошлись относительно самого факта существования работы. Ф. Лео считал, что упомянутая Помпонием как забытая *liber de usurpationibus*, более чем сомнительна, так как столь ранняя трактовка специальной юридической темы не знает примеров¹⁹. Аналогичную позицию занимает ряд современных исследователей, считающих, что римская юридическая наука не могла начинаться с такой специальной монографии²⁰. Однако еще в XIX в. в пользу существования такой книги высказался Ф. П. Бремер²¹. В исследованиях новейшего вре-

sisse traditum est primum de usurpationibus, qui liber non exstat . . . » (После него (другой) Аппий того же рода обладал огромными знаниями; он был прозван Сторуки . . . Передают, что он написал иски, и прежде всего о прерыве давности . . .).

¹⁶ *Paritio J.* Op. cit. P. 633.

¹⁷ См. например: *D'Ippolito F.* Das ius Flavianum und die lex Ogulnia // ZSS. 102/1985. Из отечественных работ: Кофанов Л.Л. Судьба законов XII таблиц после их издания // Древнее право. 2 (7). М., 2000. С. 22.

¹⁸ *Ippolito d. F.* Op. cit. P. 109; *Paritio J.* Op. cit. P. 632.

¹⁹ *Leo F.* Op. cit. S. 43.

²⁰ К сожалению, работы этих авторов оказались для нас недоступны. О них нам известно только по работе Я. Парицио. В частности, он ссылается на мнение Ф. Шульца, считавшего *liber de usurpationibus* либо чистым вымыслом, либо приписанной Аппию Клавдию появившейся позже работе (*Paritio J.* Op. cit. P. 631).

²¹ Издатель «*Iurisprudentiae Antehadrianae*»: *Iurisprudentiae Antehadrianae*. Ed. F. P. Bremer. P. I. Lipsiae. 1896. S. 3.

мени эта точка зрения поддержана рядом авторов, в частности, Я. Парицио²².

В вопросе о конкретном содержании книги следует идти от термина «*usurpatio*». В широком значении — это пользование, применение, употребление, причем это может относиться и к использованию чего-либо незаконно. Кроме этих значений, имеется еще значение «правила». В контексте вопроса возникновения *ius Flavianum* и политической деятельности Аппия Клавдия можно предположить, что *liber de usurpationibus* была пособием по применению исковых формул. Таким образом, эти два труда следует рассматривать в тесной взаимосвязи. Их появление связано с политической ситуацией, поскольку подрывало господство патрициев, в лице понтификальной коллегии, в области права. Вместе с тем, следует отметить значение этих трудов и в правовой сфере, поскольку способствовало развитию римской юриспруденции в целом.

Резюмируя все выше изложенное, мы должны сказать, что если Аппия Клавдия и нельзя назвать первым римским юристом, то оценить достаточно высоко его роль в становлении римской юриспруденции, связанную, прежде всего, с процессом секуляризации римского права, мы имеем все основания.

ВКЛАД АППИЯ КЛАВДИЯ В РАЗВИТИЕ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Разносторонняя натура Аппия Клавдия проявилась также и в области литературы и орфографии. Традиционно отмечается его вклад в развитие ораторского искусства, прозы и языка. Более чем скудные свидетельства традиции не позволяют составить полное представление об этой стороне его деятельности, но все же весьма существенным и, можно сказать, неожиданным образом дополняют фигуру этого известного государственного мужа.

Достаточно удивительным можно считать уже тот факт, что Аппий Клавдий является первым, названным в традиции по имени, составителем латинских изречений. Они были написаны сатурническим стихом и назывались *saentencia*. О сентенциях Аппия Клавдия позже с одобрением отзывался Панетий. Это первые определенные латинские сентенции, переведенные с греческого языка. Цицерон

²² *Paritio J. Op. cit. P. 633.*

отмечал их родственность подобным литературным произведениям из школы Пифагора и считал, что они отражают глубокое знание жизни: *mihi quidem etiam Appii Caeci Carmen, quod valde Panetius laudat epistula quadam quae est Q. Tiberonem, Pythagoreum videtur* (Cic. Tusc. IV, 4). Б.-Г. Нибур считал сходство между афоризмами Аппия Клавдия и пифагорейскими сентенциями, отмечаемое Панетием, случайным²³. Число сохранившихся сентенций невелико, хотя предполагается, что Аппий Клавдий составил целый сборник изречений. Наиболее известным считается афоризм, дошедший до нас в передаче Саллюстия (Ps.-Sallust. ad Caes. de rep. I, 1, 2):

fabrum esse suae quisque fortunae.

Причем Саллюстий, опираясь на собственный опыт, подчеркивает правоту Аппия в такой жизненной установке: «но опыт учит нас тому, что прав Аппий, говоря в своих стихах...» (Ibid.). Это изречение, полное не столько иносказательности, сколько мудрости поколений, метко характеризует самого Аппия и весь активный характер его деятельности. Помимо этого Аппию Клавдию приписывают изречение, созвучное, по мнению Ф. Лео²⁴, аристотелевской мысли из Никомаховой этики (IX, 11):

*Amicum cum vides, obliviscere miserias;
Amicus²⁵ si es commentus, nec libens aequae.
(Priscian. VIII. p. 792 P.)*

Третья из этих сентенций не вполне увязывается с образом этого выдающегося римлянина, поскольку в жизни ему приходилось отступать от этого принципа поведения:

*... qui animi compotem esse
Ne quid fraudis stuprique ferocia pariat.*

Можно представить себе старого ослепшего мужа, пишет Ф. Лео, как он облакает в сатурническую форму эти изречения, которые ему переводит греческий раб²⁶. В действительности, труд-

²³*Niebuhr B. G. Op. cit. Bd. III. S. 366.*

²⁴*Leo F. Op. cit. S. 43.*

²⁵По предположению Б.-Г. Нибура, возможен как вариант чтения "inimicus" (*Niebuhr B. G. Op. cit. Bd. III. S. 274*). К. П. Полонская и Л. П. Поняева дают однозначно "inimicus" (Сентенции Аппия Клавдия // Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 20–21).

²⁶*Leo F. Op. cit. S. 43.* Ковалев С. И. отводит Аппию Клавдию более актив-

но сказать, в каком возрасте мог заниматься составлением изречений Аппий Клавдий, но придти к мысли о составлении такого рода сборника изречений, несомненно, мог только человек, прошедший большой жизненный путь, который вовсе не был усыпан розами. Несомненно и то, что в этом случае он должен был быть знаком с греческой философской мыслью и, в известной степени, находиться под влиянием эллинской культуры²⁷. Наконец, свободное время, которое волей-неволей мог получить Аппий Клавдий, потеряв зрение, также приводит к выводу, что занимался он этим в конце своего жизненного пути. Как бы то ни было, эти изречения, считает Ф. Лео, оказываются одной из старейших римских книг в руках людей²⁸. Нам более состоятельной представляется позиция М. Л. Гаспарова, считавшего, что заслуга Аппия Клавдия заключается в том, что он первый стал собирать и редактировать народные дидактические пословицы в стихах²⁹. Пример Аппия Клавдия доказывает тот факт, что ранняя римская литература развивалась в тесной связи с греческой литературой. На этом этапе, когда греческая литература была не доступна широким слоям населения, развитие римской литературы направлялось сверху³⁰. Аппий Клавдий — один из немногих представителей senatorского сословия, кто занимался литературным творчеством. Для Рима этого периода, как, впрочем, и последующих, римская литература была делом профессионалов-клиентов и дилетантов--аристократов, считает М. Л. Гаспаров³¹.

Аппий Клавдий оставил след в культурной жизни архаического Рима не только познаниями в области поэзии. Помпоний в своем пассаже о нем, добавляет, что Аппий в употреблении таких имен как *Fusius*, *Valesius* ввел употребление буквы R: «... *idem Appius Claudius, qui videtur ab hoc processisse, R litteram invenit, ut pro Valesiis Valerii essent et pro Fusiis Furii*» (Pompon. Dig. I, 2, 2, 36). За-

ную роль, говоря, что он сочинял стихи нравоучительного характера (История Рима. Л., 1986. С. 172).

²⁷Э. Ференци считает, что Аппий Клавдий проложил широкий путь эллинской культуре (Ferenczy E. Op. cit. P. 120).

²⁸Leo F. Op. cit.

²⁹Гаспаров М. Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура древнего Рима. М., 1983. С. 04.

³⁰Гаспаров М. Л. Введение. Начало римской литературы // Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 6.

³¹Там же. С. 7.

мечание Помпония означает, что Аппий хорошо разбирался в языке. Т. Моммзен оценил это новшество Аппия, как один из шагов на пути возвращения к более изящному и более ясному выговору. Он отмечает при этом возраставшее влияние греческой цивилизации³². Известно, что в основе латинского алфавита лежит один из западногреческих алфавитов. Е. В. Федорова считает, что невозможно хронологически четко определить момент превращения греческого письма в латинское. Греческие буквы на италийской почве эволюционировали в течение долгого времени³³. В этом процессе постепенно вышла из употребления дзета в связи с тем, что интервокальное «з» стало звучать как «р». Е. В. Федорова полагает, что буква дзета и была упразднена за ненадобностью цензором Аппием Клавдием, так как во второй половине IV в. стали писать *Papirios* вместо прежнего *Papisios*³⁴. С. И. Ковалев рассматривал новшество Аппия как важную реформу орфографии, отразившей изменение самого произношения в живой речи³⁵. И. Л. Маяк считает, что, внеся усовершенствование в латинский алфавит, Аппий Клавдий приблизил его к нуждам латинского языка³⁶. Таким образом, можно говорить об определенном вкладе Аппия Клавдия в эволюцию римского архаического письма.

Но наибольший вклад в достижения римской культуры этого периода Аппий Клавдий внес своей знаменитой речью против заключения мира Пирра. Это была первая речь, которая в письменном виде передавалась из поколения в поколение³⁷. О ней упоминает достаточно широкий круг авторов, не только римских, но и греческих (Cic. Brut. 55; Cael. 34; Phil. I. 11; Cat. Mai. 16; Liv. epit. XIII; Val. Max. VIII, 13, 5; Suet. Tib. 2, 1; Tac. De or. 18, 21; Flor. I, 13, 20; Auct. De vir. ill. XXXIV, 10; Dig. I, 2, 2, 34; Justin. XVIII, 2,

³² Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб., 1994. С. 373.

³³ Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 59.

³⁴ Там же. С. 58. Интересно при этом заметить, что еще один Клавдий, а именно император Клавдий, также занимался усовершенствованием алфавита, попытавшись ввести три новые буквы. Его реформа, не имевшая успеха, заключалась в стремлении приблизить написание к произношению (Федорова Е. В. Указ. соч. С. 58–59). Таким образом, в своей сущности она перекликается с нововведением его далекого предка.

³⁵ Ковалев С. И. Указ. соч. С. 172.

³⁶ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 48–49.

³⁷ Ср.: Сидорович О. В. Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I в. до н. э. М., 2005. С. 147.

10; Ovid. *Fast.* VI, 203; Quint. *Inst. or.* II, 16, 7; Appian. *Samn. fr.* X, 1; Plut. *Pyrrh.* 19, 1; Senec. *Epist.* 114; Zonar VIII, 4) Эту речь читал еще Цицерон, поскольку он утверждает, что «... речь самого Аппия дошла до нас» (*Сато.* 16). Это не значит, что речь была опубликована при жизни Аппия. Скорее всего, делает предположение Ф. Лео, потомки цензора хранили набросок речи в семейном архиве³⁸. Цицерон указывает на то, что «эти-то речи, конечно, сохранились, поскольку их как драгоценное воспоминание берегут сами семьи» (*Brut.* 16, 61–62. Пер. с лат. И. П. Стрельниковой). Педантичность римлян в отношении сохранения памяти о деяниях своих предков известна³⁹. О красноречии Аппия Клавдия несколько раз упоминает Ливий: «*eximia eloquentia*» (X, 19), «*eloquentiae consultus*» (X, 22). Аппий Клавдий «являл собой, по античным понятиям, тот образец римского гражданина-аристократа, к которому как нельзя более подходило катоновское определение *vir bonus dicendi peritus*»⁴⁰. Однако Цицерон не считал речь Цека совершенной. Более того, восхищаясь Слепцом, он позволил себе достаточно резко выразиться по поводу речи Аппия: «Дело в том, что ни от какого более древнего оратора (речь идет о Катоне — Л.К.) не сохранилось речей, заслуживающих упоминания, — ведь навряд ли кому-нибудь еще нравится речь Аппия Цека о Пирре, которую я называл, или некоторые слова умершим» (*Brut.* 16, 61–62). К этому можно добавить риторический вопрос Тацита: «Но сомневаемся ли мы в том, что нашлись и такие, кого Аппий Слепой восхищал больше Катона?» (*Tac. de or.* 18. Пер. с лат. А. С. Бобовича). Ни в коем случае не подвергая сомнению авторитет Цицерона в области римского красноречия и его право давать оценку ораторскому искусству того или иного государственного мужа, позволим себе сказать несколько слов в защиту нашего персонажа. Надо понимать, что она была составлена не профессионалом и произнесена спонтанно, в ситуации, требовавшей быстрейшего вмешательства и спасения Рима. Искусство речи, как таковое, в ту пору еще не существовало и, конечно, требованиям Цицерона оно не соответствует. С другой стороны, не совсем корректно объединять в одном кон-

³⁸ Leo F. *Op. cit.* S. 43.

³⁹ Записанные речи при необходимости распространялись в обществе (*Сидорович О. В. Указ. соч.* С. 147).

⁴⁰ Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П. *Ораторское искусство в древнем Риме.* М., 1976. С. 10–11.

тексте речь Аппия Клавдия и *laudatio*. В отношении последних мы вполне согласны с оценкой Цицерона⁴¹, но она не применима к жанру политической речи вообще, и к речи Аппия Клавдия в частности. Нам в большей степени импонирует позиция Сенеки, который также упоминает о речи знаменитого цензора. В значении гиперболы понятно его насмешливое замечание, когда он указывает на то, что многие, пытаясь поразить слушателей своим выступлением, «говорят языком Двенадцати таблиц; для них и Гракх, и Красс, и Курион слишком изысканны и современны и они возвращаются к Аппию и Корунканию» (ер. 114. Пер. с лат. С. А. Ошерова)⁴². Но Сенека перед этим вполне справедливо замечает, что для речи нет строгих правил, на них влияет привычка, господствующая среди граждан, которая «никогда не задерживается на одном» (*Ibid.*)⁴³. Таким образом, Сенека признает за Аппием Клавдием право занять достойное место в ряду известных римских ораторов.

Свою знаменитую речь Аппий Клавдий произнес в сенате в 279 г. Ф. Мюнцер считает, что Плутарх достаточно верно воспроизводит начальные слова и ход мыслей Аппия Клавдия и, несомненно, почти не отходит от оригинала поэтического описания Энния⁴⁴.

⁴¹ Цицерон считает, что из-за них римская история полна ошибок (*Brut.* 16, 62).

⁴² Для сравнения приведем также еще одно едкое (по отношению к римлянам, пытающимся блеснуть красноречием) замечание Тацита, где вновь фигурирует Аппий Клавдий: «И даже Азиний, хотя и родился уже не в столь отдаленное от нас время, кажется мне трудившимся в пору Менения и Аппия» (*Tac. De or.* 21. Пер. с лат. А. С. Бобовича).

⁴³ По этому поводу заметим, что красноречие самого Цицерона, по словам того же Тацита, претерпело изменения. Он указывает на то, что «прежние его речи не свободны от пороков глубокой древности» (*De or.* 22).

⁴⁴ В изложении Плутарха эта речь звучит так: «До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерей зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что слеп, а не глух. Где же те слова, которые вы всем и повсюду твердите и повторяете, слова о том, что если бы пришел в Италию великий Александр и встретился бы с нами, когда мы были юны, или с нашими отцами, которые были тогда в расцвете сил, то не прославляли бы теперь его непобедимость, но своим бегством или гибелью он возвысил бы славу римлян? Вы доказали, что все это было пустой болтовней, пустым бахвальством! Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов. И он обещает доставить нам первенство среди италийцев с тем войском, что не могло удержать для него самого и малую часть Македонии! Но

Если даже этой речи не хватает продуманности, стройности и логики, она все равно достигла своей цели. Аппию удалось внушить сенату мысль о необходимости продолжения войны, которая, в конечном счете, закончилась победой римского оружия. Таким образом, в сложившейся ситуации эта «несовершенная» речь Аппия Клавдия принесла практическую пользу римскому государству и этим, прежде всего, определяется ее значение. Вместе с тем она способствовала развитию ораторской прозы в Риме. Этот литературный жанр был наиболее достойным римского аристократа. Пример Аппия Клавдия наглядно демонстрирует, как римский сенатор обосновывает свою позицию в речи. Сенатские прения способствовали развитию красноречия. Длительное время ораторское искусство развивал только индивидуальный талант и опыт говорящего, и заслуга Аппия Клавдия, таким образом, определяется еще и тем, что он стоит в начале этого пути.

Таким образом, анализ творческой деятельности Аппия Клавдия Цека позволяет расширить наше представление о нем, как о человеке несомненно талантливом и самых разносторонних интересов, стоявшем у истоков римской культуры.

не думайте, что, только вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость, и даже унес награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов» (Pugh. 19. Пер. с греч. С. Ошерова). Цицерон приводит начало речи в том виде, в котором она звучит в «Анналах» Энноя:

Quo vobis mentes, rectae quae stare solebant

Antehac, dementes sese flexere viai? —

Где же ваши умы, что шли путями прямыми

В годы былые, куда, обезумев, они уклонились?

(Cic. Cat. Mai. 16. Пер. С. О. Горенштейна).

Фульвия — матрона-воительница

Фульвия, несомненно, является одной из самых ярких женщин Рима эпохи Поздней Республики. Она не просто олицетворяет собой век женской эмансипации, но и открывает целую плеяду выдающихся женщин Рима, игравших важную роль в политической жизни государства в период Империи¹. В течение двадцати лет Фульвия была в эпицентре многих политических событий Римской республики. Но если в 50-е годы I в.², когда она была женой Публия Клодия, а затем Гая Куриона, ее роль была малозаметной, а влияние на мужей минимально³, то во второй половине 40-х, во время замужества за Марком Антонием, Фульвия оказывала огромное влияние как на собственного мужа, так и на ход событий римской истории вообще. Самым показательным примером подобного влияния Фульвии, по мнению большинства исследователей, является Перузийская война 41–40 гг.⁴

Подробное описание этой войны оставили Аппиан (App., *Bell. civ.*, V, 12–49) и Дион Кассий (Dio, XLVIII, 3–15). Согласно их рассказам события развивались следующим образом.

¹ Несмотря на скудную информацию в источниках о жизни и деятельности Фульвии, ей посвящена достаточно обширная специальная литература: *Munzer F. Fulvius* // RE, Bd. VII, Stuttgart, 1912. Sp. 281–284; *Babcock C. L. The Early Career of Fulvia* // AJPh, Vol. 86, 1965. P. 1–32; *Delia D. Fulvia Reconsidered* // *Women's History and Ancient History* / Ed. S. B. Pomeroy. London, 1991. P. 198–217; *Welch K. E. Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius in 47 B.C.* // *Greece and Rome*. 1995, №2. P. 182–201. См. также: *Белкин М. В. Язык Цицерона и шпильки Фульвии* // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5, СПб., 2006. С. 299–306.

² Все годы до н. э.

³ Стоит заметить, что ряд исследователей считают возможным говорить о значительном влиянии Фульвии уже и на Публия Клодия, и на Гая Куриона: *Munzer F. Fulvius* ... Sp. 281, *Babcock C. L. The Early Career of Fulvia* ... P. 19–20, *Fortsch B. Die politische Rolle der Frau in der romischen Republik*. Stuttgart, 1935. S. 108–109.

⁴ *Baldson J. P. V. D. Roman Women: Their History and Habits*. London, 1962. P. 49–50; *Babcock C. L. The Early Career of Fulvia* ... P. 1–2 (с указанием на многих предшественников); *Pomeroy S. B. Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity*. New-York, 1975. P. 185–186, *Huzar E. G. Mark Antony: A Biography*. Mineapolis, 1978. P. 70–71; *Roberts A. Marc Antony: his Life and Times*. Worcestershire, 1988. P. 108, 118–121; *Welch K. E. Antony, Fulvia and the Ghost of Clodius* ... P. 192–194.

Весной 41 г. Октавиан вернулся в Италию, чтобы выполнить соглашения, достигнутые триумвирами после победы при Филиппах. Первым делом Октавиан должен был наделить ветеранов Цезаря землей в Италии, конфисковав ее у восемнадцати италийских городов. Без всякого промедления Октавиан приступил к выполнению этой задачи. Однако его действия вызвали протест со стороны брата Марка Антония, консула 41 г. Луция Антония, который обвинил Октавиана в нарушении его консульских прав. В действительности Луций Антоний и Фульвия опасались, что верность солдат Марка Антония может пошатнуться, если военные колонии ветеранов будут основаны только Октавианом и его людьми, а не представителями Марка Антония.

Луций провел активную агитационную работу, вывел к войскам Фульвию и детей Антония, чтобы убедить их не забывать своего полководца, под предводительством которого они служили и которому были обязаны победой при Филиппах. Октавиан показал Луцию и Фульвии текст соглашения, заключенного при Филиппах, но те настаивали на своих требованиях. Тогда Октавиан уступил, благоразумно уклонившись от конфликта, так как не был уверен, что за проiscaми Фульвии и Луция не стоит сам Марк Антоний. Друзья Антония вошли в комиссии по конфискации земли и выводу колоний ветеранов.

Вскоре возникло новое, куда более сложное затруднение для Октавиана. Выведение колоний сопровождалось насилием, грабежом и убийствами. По всей Италии поднималась волна возмущений, толпы униженных и обездоленных италиков покидали родные места и либо собирались в Риме в поисках справедливости, либо уходили к Сексту Помпею. Неожиданно для многих собственники, лишившиеся своего имущества, нашли поддержку у Луция Антония, который стал во всем обвинять Октавиана, утверждая, что нет никакой необходимости прибегать к экспроприации для наделения землей ветеранов. Речи и намерения Луция Антония вызвали неудовольствие у ветеранов и на первых порах у Фульвии, которая «говорила, что Луций не вовремя затевает распрю» (App., *Bell. civ.*, V, 19). Однако очень быстро Фульвия меняет свое мнение и начинает «подстрекать Луция к ссоре» (Ibid.). После этого Аппиан и Дион Кассий сообщают о целой серии странных недоразумений, приведших в итоге осенью 41 г. к военному противостоянию. Сначала Луций Антоний принял конницу Октавиана, посланную против

отрядов Секста Помпея, опустошавшего побережье Италии, за войска, направленные против него. Затем Фульвия уехала в Пренесте, утверждая, что жизни ее детей угрожает Лепид. Многочисленные попытки начальников войск, знатных граждан Рима и муниципий примирить Луция и Октавиана закончились ничем. Обе стороны стали готовиться к военным действиям, производя новые наборы и стягивая верные им войска.

В начале осени Луций с набранной им армией двинулся маршем на Рим и, не встретив сопротивления, взял город. Придя на Форум, он произнес пламенную речь, в которой провозгласил себя защитником республиканских традиций и врагом триумvirата. Он объявил, что его брат готов в любую минуту сложить с себя полномочия триумвира, а единственным врагом Республики является Октавиан. Однако, получив известие о приближении Октавиана, Луций покинул Рим и пошел на север, в Перузию. Вскоре Октавиан окружил Перузию и осаждал ее всю зиму 41–40 гг.

Фульвия осталась в Пренесте, откуда непрерывно отправляла письма полководцам Антония Вентидию Бассу, Азинию Поллиону, Фуфию Калену, находившимся с войсками в Галлии, торопя их прийти на помощь осажденному Луцию Антонию. Сама Фульвия собрала еще одну армию и направила ее под предводительством Планка к Перузии (App., Bell. civ., V, 33, Dio, XLVIII, 14). Но все было тщетно: Италия восстание Луция не поддержала, а полководцы Антония действовали крайне нерешительно — они приблизились к Перузии, но не делали никаких попыток для освобождения Луция.

Вскоре положение осажденных стало критическим, и в конце февраля или в начале марта 40 г. Перузия сдалась. Так война, неожиданно начавшаяся и грозившая перерасти в новое кровопролитное противостояние, еще более неожиданно завершилась полной победой Октавиана.

Победитель сполна воспользовался своим успехом: Луций был прощен и отправлен управлять Испанией, где он вскоре и умер, Фульвия с детьми бежала в Грецию, где встретила с Марком Антонием, который выразил свое крайнее неудовольствие ее действиями в Италии, значительная часть легионов Антония в Италии и Галлии перешла на сторону Октавиана (App., Bell. civ., V, 50–51).

Мнение исследователей об этой войне единодушно — полную

правду о Перузийской войне мы никогда не узнаем⁵. Невозможно установить, в какой мере Марк Антоний ответственен за события в Италии. Защищал ли Луций интересы брата или же он действовал на собственный страх и риск, исходя из собственных планов?

Участие Фульвии в Перузийской войне было незначительным. В самой Перузии ее не было, в боевых действиях участия она не принимала, объединить разнородные силы противников Октавиана не смогла. Но в большей части того, что произошло в те годы в Италии, потомки обвинили именно Фульвию⁶. Дион Кассий создает колоритный образ властной женщины, под влияние которой попали и Лепид и Луций Антоний. Он изображает Фульвию дикой фурией, везде разжигающей распри и раздоры (Dio, XLVIII, 4–5). Иногда его портрет напоминает карикатуру, особенно рассказ о поведении Фульвии в Пренесте (Ibid., 10), о чем будет сказано ниже.

Описание Аппиана более сдержанное, в нем меньше красок, но больше фактов. Однако и он (Bell. civ., V, 19), и Дион Кассий (особенно XLVIII, 28, 3), и Плутарх (Ant., 28) — все называют только один мотив действий Фульвии в тот год — желание вернуть Марка Антония в Италию, вырвав его из объятий Клеопатры⁷.

⁵См., например: *Syme R. Roman Revolution*. Oxford, 1939. P. 208; *Ферреро Г. Величие и падение Рима*. Кн. II, Т. III, СПб., 1998. С. 162. Причем всей правды об этой войне не знали уже древние писатели, сохранившие рассказ о Перузийской войне. Так Аппиан (Bell. civ., V, 21) сообщает, что Фульвия и Луций извещали Марка Антония о событиях в Италии, оправляли к нему с письмами друзей. «Что в точности было написано Антонием в ответ, я не мог установить, хотя и старался это выяснить», — с сожалением подчеркивает историк.

⁶Кроме рассказов у Аппиана и Диона Кассия см.: Plut., Ant., 28, Liv., Per., 125–126, Vell., II, 74, Flor., II, 16.

⁷Современные исследователи и в работах, посвященных падению Римской республики и рождению Империи, и в биографиях Марка Антония и Октавиана Августа следуют в русле, проложенном античной традицией, не подвергая сомнению картину, нарисованную древними авторами. О Перузийской войне и роли в ней Фульвии см. например: *Gabba E. The Perusine War and Triumviral Italy* // HSClPh, 75, 1971. P. 139–160; *Huzar E. G. Mark Antony: A Biography*... P. 131–134, *Roberts A. Marc Antony: his Life and Times*... P. 188–196; *Roddaz J.-M. Lucius Antonius* // *Historia*, 37, 1988. P. 317–346, в отечественной историографии: *Маишвили Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. М.; JL, 1949; *Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории*. Саратов, 1987; *Межсергичевский Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфоза идеологии и политики императора Августа*. Калуга, 1994. Единственной известной нам попыткой критически отнестись к сведениям Аппиана и Диона Кассия и переосмыслить роль Фульвии в событиях 41–40 гг. является работа Д. Делин (*Delia D. Fulvia Reconsidered*...)

Главной виновницей войны Фульвию сделала пропаганда Октавиана. Нам прекрасно известно, какое большое значение Октавиан всегда придавал идеологической подготовке войны, как умело манипулировал общественным мнением⁸. Летом 41 г. он в очередной раз оказался в крайне затруднительном положении: Луций Антоний встал на сторону ограбленных жителей муниципий. Авторитет Октавиана среди ветеранов неизмеримо уступал авторитету Марка Антония, особенно после Филипп. Фульвия делала все возможное, чтобы сохранить и приумножить благорасположение солдат к своему мужу, поэтому Октавиан избирает ее главной мишенью своих нападок. Ему было очень важно показать, что Фульвия действует не по распоряжению Антония и не в его интересах, а исходя из собственного женского эгоизма и во вред мужу. К этому добавлялись личные мотивы: неприязнь между зятем и тещей, желание Октавиана найти оправдание разрыву с Клодией⁹, навязанной ему соглашением триумвиров в 43 г. (Suet., Aug., 62, Plut., Ant., 20, Dio, XLVI, 56). В середине 41 г. Октавиан отослал Клодию к матери, заявив, что возвращает ее девушкой (Suet., Ibid.). Поступок, оскорбительный и для Клодии и для ее матери, способствовал усилению неприязни между Фульвией и Октавианом. Вот тогда-то и рождается знаменитый пасквиль будущего Августа, насколько хитроумный, настолько же грубый и неприличный, что возможен только его сглаженный перевод:

То, что с Глафириою спал Антоний, то ставит в вину мне
 Фульвия, мне говоря, чтобы я с ней переспал.
 С Фульвией мне переспать? Ну а ежели Маний попросит,
 Чтобы спasal я и с ним? Нет, не такой я дурак!
 «Спи или бейся со мной!» — говорит она. Да неужели
 Жизнь мне дороже всего? Ну-ка, трубите поход!
 (Quod futuit Glaphyram Antonius, hanc mihi poenam
 Fulvia constituit, se quoque uti futuam.
 Fulviam ego ut futuam? Quid si me Manius oret
 Pedicem, faciam? Non puto, si sapiam.
 «Aut futue, aut pugnemus» ait. Quid, quod mihi vita
 Carior est ipsa mentula? Signa canant!)
 (Марциал, XI, 20, 3-8, пер. Ф. А. Петровского)

⁸Geiger J. An Overlooked Item of the War of Propaganda between Octavian and Antony // Historia, 29, 1980. P. 102-119.

⁹Клодия — дочь Фульвии и Публия Клодия. В 43 г. ей едва исполнилось 12 лет (Suet., Aug., 62)

В отличие от Марциала для нас не имеет особого значения, написаны эти строчки самим Октавианом или кем-то по его заданию. Цель их очевидна — представить войну сплошным недоразумением, причиной которого является сексуальная неудовлетворенность жены Марка Антония. Эта тема муссировалась и развивалась пропагандой Октавиана, и надо заметить, имела успех, что доказывается сохранившимися надписями на свинцовых ядрах для пращи, найденных в Перузии. Во время долгой осады легионеры выцарапывали на ядрах всякие непристойности и отправляли к неприятелю. Сохранность таких надписей очень плохая, но имя Фульвии там встречается чаще любого другого имени, и это при том, что Фульвии в Перузии не было. Смысл двух надписей с именем Фульвии не ясен (CIL, XI, 6721, 2-4), а две другие развивают сексуальную тему: *peto [la]ndicam Fulviae* (Ibid., 5) и *L.A(ntonii) calve, Fulvia, culum pan(dito)* (Ibid., 14). Если попытаться сгладить перевод, то он будет выглядеть так: «Ищу интимные места Фульвии».

Другим направлением пропаганды Октавиана было старание показать, что бешенство и безумие Фульвии дошло до такой степени, что она готова заменить мужа и сама повести армию в поход. Для этой цели было использовано пребывание Фульвии с детьми Марка Антония в Пренесте (App., Bell. civ., V, 21, Dio, XLVIII, 10). Скорее всего там Луций Антоний воспользовался уже не раз опробованной практикой (App., Ibid., 14) — вывел перед солдатами жену и детей их полководца, показал в каком бедственном положении они находятся из-за коварства Октавиана, что вынуждены бежать под их защиту. Но в Риме стал распространяться слух, что в Пренесте Фульвия опоясалась мечом, сама назначала пароль солдатам и даже выступала перед войсками с речью (Dio, Ibid.). Если обычная ситуация укрепляла позиции Марка Антония в войсках, то видоизмененная она в глазах легионеров дискредитировала как Фульвию, так и Антония. «Какая-то бабенка собирается нами командовать, возомнила себя Цезарем, а Антоний в доме порядок не может навести, бабу совсем распустил», — приблизительно так могли рассуждать солдаты, когда до них доходили слухи о якобы произошедшем в Пренесте. Несомненно, Октавиан сделал все возможное, чтобы и слухи о поведении Фульвии и пасквили на нее быстро распространились по всей Италии и за ее пределы и дошли до войск Антония. Мы абсолютно уверены, что идеологическая кампания по дискредитации Фульвии сыграла свою роль в

победе Октавиана. Она добавила нерешительности полководцам и войскам Антония, еще больше затруднила объединение всех анти-Октавиановских сил и сделала положение Луция в Перузии безвыходным. Более того она скомпрометировала Фульвию в глазах Антония, спровоцировала конфликт между ними (App., Bell. civ., 52) и, возможно, ускорила смерть Фульвии (App., Bell. civ., 59, Dio, XLVIII, 28, Plut., Ant., 30).

Поступки Фульвии определялись двумя взаимосвязанными причинами: во-первых, желанием сохранить и укрепить власть мужа в Римской республике, во-вторых, проявлением ее материнских чувств¹⁰. Единственным достойным противником своему мужу она считала Октавиана. Как только она поняла, сколько дивидендов может принести будущему Августу наделение ветеранов землей в Италии, она добилась того, чтобы это наделение было связано и с именем Антония. Но когда Луций начал затевать распрю, она выступила против, не потому, что считала ее несвоевременной, как пишет Аппиан (Bell. civ., V, 19), а потому, что политика Луция шла вразрез с интересами ветеранов и легионов, единственной реальной опоры Марка Антония¹¹. Вскоре она резко изменила свое решение и встала на путь конфронтации. Действительно, сделала она это для того чтобы вернуть Антония в Италию, но не из «чисто женских побуждений» (App., Ibid.) и не потому, что хотела вырвать мужа из сетей Клеопатры. Этих сетей летом 41 г. не было и в помине, более того в Риме узнали о романе Антония и Клеопатры, вспыхнувшем зимой 41–40 гг., не раньше весны 40 г., т. е. после завершения всех описываемых событий. Вот почему в пропаганде Октавиана нет ни слова о Клеопатре, правда, есть Глафира. Но сколько таких Глафир было у Марка Антония!? Писатели пост-августовской эпохи просто заменили связь Антония с Глафирой на более впечатляющую и скандальную связь с Клеопатрой. Возвращение Антония было необходимо для уничтожения Октавиана. Фульвия увидела, что против Октавиана поднимаются самые разные силы, сочла момент удобным для полного уничтожения врага и стала готовить для несостоявшегося зятя западню.

Вторым побудительным мотивом, как было уже сказано, были материнские чувства Фульвии. Единственным, что ее дети неоспо-

¹⁰Ср.: *Delia D. Fulvia Reconsidered...* P. 203–205.

¹¹*Roddaz J.-M. Lucius Antonius...* P. 332.

римо наследовали от Марка Антония, было его имя; Фульвия была обязана защищать репутацию и авторитет этого имени, чтобы сохранить это наследство в неприкосновенности. После того как Антоний, объявленный врагом народа, был вынужден в 43 г. покинуть Италию, его противники не только пытались лишить Фульвию имущества, но и устроили заговор с целью убить ее детей (Нер., XV, 9). В 41 г. Фульвия с матерью и детьми предстала перед солдатами и просила их не забывать Марка Антония и того, чем они обязаны ему как победителю в сражении при Филиппах. Позже в том же году Фульвия решила бежать с детьми в Пренесте, и это решение также было вызвано опасениями за их жизнь (App., Bell. civ., V, 14, 21). Продолжительные отсутствия Марка Антония в Риме в период с 44 по 40 г. лишили его семью отца и главы семьи. Как замечает Мэри Лефковиц, «условия военного времени вынуждали женщин идти на крайние меры ради сохранения целостности семьи»¹².

Когда началась Перузийская война, Октавиан оказался в положении, напоминающем положение Антония под Мутиной в 44–43 гг. Возможно, Фульвию устраивал любой исход борьбы под Перузией, так что не исключено, что она сама не очень-то торопила генералов Антония. Любой исход можно было обыграть в интересах Антония. Но все это имело смысл только, если бы Антоний прибыл в Италию. Без него солдаты отказывались воевать против Октавиана, как выяснится через год и с Антонием они не очень-то захотят выступать против Октавиана, а уж без него — тем более.

Фульвия проиграла, дав возможность Августу вдоволь посочинять и поиздеваться над римской матроной в своих «Мемуарах», информацию которых использовали историки I–II вв. н.э. Они исказили образ властной и честолюбивой римской-матроны, сражавшейся за интересы мужа и детей, превратив ее в неистового, сексуально озабоченного «генерала в юбке».

¹²Leffkowitz M. R. *Wives and Husbands* // GR, 30, 1983. P. 42.

Последствия гражданской войны 68/69 г. для развития принципата

Как говорил Тацит (Hist. I, 4), гражданская война обнаружила тайну императорской власти, что императором можно сделаться не только в Риме. Но она открыла еще одну тайну — императором можно сделаться и не принадлежа к дому Августа. Когда Август в своем «Завещании» (R. g. 34) писал, что своих коллег по магистратурам он превосходил не властью, а авторитетом, он, разумеется, лукавил. Сумма его *potestates* делало его гораздо более властным, чем обладателей отдельных магистратур. Но в одном он был прав: одним из трех столпов его власти была *auctoritas*, причем только он один ею и обладал. Это слово переводится как «авторитет», но оно более многозначно. Само оно происходит от глагола *augeo* — увеличивать, и отсюда *aucto*г, что, в частности, означает и увеличивающий, автор. И это слово находилось в том же семантическом поле, что и новый когномен первого принцепса — Август. В частном праве *auctoritas* была гарантия, ручательство, а также согласие (например, *auctoritas domini* — согласие господина на совершение рабом молитвы или обета, *auctoritas patris* — согласие отца на вступление сына или дочери в брак и т. д.). В публичном праве это было одобрение того или иного органа. Так, сенат должен был одобрить любое решение комиций, в том числе выборных, и это являлось *auctoritas patrum*; с IV в. до н. э. сенат стал давать такое одобрение заранее, что в значительной степени его обесценивало. Существовала и *auctoritas populi* — согласие народа на усыновление. Обязательная сила судебного решения или закона тоже называлась *auctoritas*. Наконец, это слово означало также «общественный вес», «уважение», «власть, основанная на моральной силе»¹. Август, говоря о превосходстве коллег *auctoritate* имел в виду в первую очередь именно последний аспект, т. е. именно авторитет в том смысле, какой и мы ему придаем, но многозначность термина позволяла использовать и другие его значения и особенно согласие на все, что происходит в

¹ Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 52–53; *Medicus D.* Auctoritas // *Kleine Pauly*. 1979. Bd. I. Sp. 729–730; *Aymard A., Auboyer J.* Rome et son Empire. Paris, 1995. P. 123, 269; *Le Glay M.* Grandeza y caída del Imperio Romano. Madrid, 2002. P. 68–70; *Машикин Н. А.* Принципат Августа. М., 1949. С. 385–402.

государстве. В известном смысле, обладая *auctoritas*, он выступал и гарантом существующего положения.

Свою *auctoritas* Август как добыл собственными деяниями, с удовольствием перечисляемыми в *Res gesta*, так и унаследовал от Цезаря. Недаром имя «Цезарь» он ввел в набор своих новых имен, среди которых было и *divi filius*, т. е. сын того же Цезаря, к тому же обожествленного. И эта *auctoritas* по наследству передавалась его преемникам². Все четыре преемника Августа принимались в его *familia*, и это являлось основанием сохранения за ними и его *auctoritas*. И, хотя реальный авторитет преемников был гораздо ниже, престиж фамилии оставался неизменно высоким. Интересно в этом плане сообщение Тацита (*An. VI, 46*), что Тиберий не хотел назначать себе преемников вне своего рода, опасаясь насмешек римлян и обвинения в поношении памяти Августа и всего рода Цезарей. Тацит (*Hist. II, 76*) вкладывает в уста Муциана речь, в которой тот утверждает, что они, т. е. сенаторы, не пытались бороться не только с Августом, но и с его преемниками потому, что те принадлежали к одной семье. Много позже Дион Кассий (*LXIII, 29, 3*) писал, что с гибелью Нерона пресекался род, идущий от Энея и Августа³. Если учесть знаменитое описание Вергилием (*Aen. VI, 755–885*) героических потомков Энея в подземном мире, где проводится прямая линия от Энея до Цезаря и Августа (789–805), можно уверенно говорить, что такая линия наследования была важной стороной официальной пропаганды⁴. Так что заслуги не только самого Августа, но и всего рода Юлиев, восходящего к Энею и через него к Венере, являлись основанием власти принцевов⁵.

Со смертью Нерона дом Августа перестал существовать. И это поставило перед римским обществом в целом и, в том числе, перед сенатом вопрос, как обосновать переход власти к Гальбе⁶. Если после убийства Калигулы в 41 г. в сенате еще высказывались мнения

² *Aymard A., Auboyer J. Rome et son Empire. Paris, 1995. P. 278–279.*

³ Правда, эта книга Диона Кассия сохранилась лишь в эпитоме Ксифилина, но едва ли византийский эпитоматор добавил в этот текст свои собственные суждения и сообщения. Несколько раньше (*LXII, 18*) историк приводит оракул Сивиллы, предрекшей якобы, что матереубийца будет последним в роде Энея. Вновь дом Августа представляется как прямое продолжение рода Энея.

⁴ *Le Glay M. Grandeza... P. 38–39.*

⁵ Ср.: *Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 203.*

⁶ Ср. *Suet. Galba 2*: Гальба был первым императором, не связанным родством с родом Цезарей.

о пользе возвращения к республике, то теперь этот вопрос даже не вставал. Пока был жив Нерон, Гальба объявлял себя не императором, а лишь легатом сената и народа (Suet. Galba 10, 1; Plut. Galba 5), и только после смерти Нерона принял имя Цезаря (Suet. Galba 11). После бегства Нерона из дворца, даже пока еще он был жив, сенат и народ провозгласили императором Гальбу (Plut. Galba 7)⁷. Однако если можно было передать новому правителю империй и potestates, то как могло обстоять дело с auctoritas, наследственной в роде Цезаря и Августа? Может быть, сенаторы сочли, что после исчезновения последнего члена этого рода auctoritas перешла к сенату? На это может намекать сообщение Тацита (Hist. I, 19), в котором противопоставляются auctoritas сената и dignitas Цезаря. В таком случае сенат мог бы передать auctoritas Гальбе. Но это было слишком слабым основанием.

Конечно, семья Гальбы была и сама весьма знатна, и в свое время ее представители гораздо чаще занимали высшие должности в республике, чем Юлии Цезари. Но одного этого после Августа было уже недостаточно. Видимо, поэтому выдвигается утверждение о косвенной связи Гальбы с домом Цезарей. Гальба, в детстве лишившийся матери, был усыновлен своей мачехой Ливией Оцеллой, родственницей Ливии, жены Августа и матери Тиберия (Suet. Galba 3). Свою связь с Ливией подчеркивал и сам Гальба, помещая на своих монетах портрет Ливии с надписью DIVA AVGVSTA⁸. В устах молвы все это превратилось в утверждение, что Гальба — вообще родственник Ливии (Plut. Galba 14). Характерно в этом плане, что префект Египта Тиберий Юлий Александр, еще не зная, какое официально имя примет Гальба, назвал его, в частности, и Ливием⁹. Светоний (Galba 5, 2) пишет, что Ливия очень любила юного Гальбу и даже оставила ему по завещанию пять миллионов сестерциев, которые, однако, Тиберий сначала сократил, а затем и вовсе не выплачивал. Насколько это сообщение соответствует действительности, сказать трудно. Не исключено, что оно — лишь отзвук пропаганды,

⁷Несколько позже, но в том же параграфе, Плутарх говорит только о решении сената.

⁸Mannsperger D. ROM. ET AVG. Die Selbstdarstellung des Kaisertums in der römischen Reichsprägung // ANRW. 1974. Bd. II., S. 961–962; Belloni G. G. Significati storico-politici figurazioni e della scritte delle monete da Augusto a Traiano // Ibid. P. 1058.

⁹Manni E. Dall'avvento di Claudio all'acclamazione di Vespasiano // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 143–144.

распространяемой Гальбой и его сторонниками в сенатских кругах, которая должна была также и особой милостью Ливии обосновать право нового принцепса на власть и таким способом передачу ему *auctoritas* дома Цезарей и Августа.

Сам Гальба очень скоро выдвигает другой принцип обоснования власти. Вынужденный мятежом германских легионов быстрее найти себе преемника, он усыновил Пизона и сделал его своим наследником. Тацит (*Hist. I, 15–16*) передает речь Гальбы, произнесенной им при усыновлении Пизона. Эта речь, как и некоторые другие речи в произведениях Тацита, должна была дать и представление читателю о личности самого Гальбы, и характеристику исторического момента¹⁰. Известно, что в «Истории», в которой описывались события, современные Тациту, историк активно использовал и собственные наблюдения, и сообщения свидетелей тех событий, которые сам он наблюдать не мог. Так, Плиний Младший специально для этого сочинения рассказывал ему об обстоятельствах гибели своего дяди и о деле наместника Бетики Бебия Массы (*Ep. VI, 16; VII, 33*)¹¹. Разумеется, сам Тацит, которому в это время было 10–11 лет¹², не мог слышать речи Гальбы ни в кругу своих советников, ни перед солдатами, ни в сенате, но он мог воспользоваться свидетельствами современников. Поэтому можно полагать, что суть речи императора Тацит передал верно, даже если, почти несомненно, не сохранил ее стиль¹³.

Речь Гальбы в значительной степени отражает взгляды большей части сенаторов. Он утверждает, что с удовольствием вернул бы положение к тому времени, когда государство начиналось (*res publica inciperet*), т. е. к доимператорскому времени, но огромное тело империи не может существовать без правителя (*sine rectore*). Это перекликается с высказыванием самого Тацита в начале той же «Истории» (*I, 1*), что после битвы при Акции ради мира вся власть

¹⁰ *Albrecht M. Geschichte der römischen Literatur. München, 1992. Bd. II. S. 885.*

¹¹ *Albrecht M. Geschichte... S. 878.*

¹² *Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 63.*

¹³ Сравнение изложения речи Клавдия в сенате по поводу предоставления гражданства галлам, как ее изложил Тацит, и сохранившейся подлинной речью показывает, что, изменив литературную форму, сделал саму речь более искусной и доказательной, историк совершенно правильно передал содержание выступления принцепса (*Syme R. Ten Studies in Tacitus. Oxford, 1970. P. 26*). Это увеличивает доверие к содержанию речей, приведенных Тацитом в своих произведениях, что целиком относится и к речи Гальбы.

сосредоточилась в руках одного человека. В 41 г. после убийства Калигулы какая-то часть сенаторов серьезно обсуждала возможность восстановления республики, другая думала о передаче власти тому же Гальбе (Cas. Dio LX, 1, 1; Suet. Galba 7, 1), но действия преторианцев, провозгласивших принцем Клавдия и добившихся его признания сенатом, наглядно показали, что ни о каком возвращении к республиканскому времени речи быть не может. Не может быть речи и о каких-либо решениях такого рода без учета отношения к ним солдат преторианских когорт. Недаром Гальба первым делом сообщил об усыновлении именно преторианцам (Tac. Hist. I, 17; Plut. Galba 23).

Усыновляя Пизона, Гальба утверждает, что он следует примеру Августа, но если тот искал себе преемника в своем доме (in domo successorum quaesivit), то он, Гальба, в государстве (in re publica). Гальба, таким образом, противопоставляет дом (т. е. императорскую семью) и государство. Это противопоставление еще более подчеркивается тем, что, по словам принцепса, у него есть родственники (propinquos)¹⁴ и боевые товарищи (socios belli), но он считает Пизона более достойным. Позже император возвращается к той же мысли, говоря, что раньше мы, т. е. все римляне, были как бы наследством одной семьи (unius familiae quasi hereditas), но с концом дома Юлиев и Клавдиев усыновляться будет лучший (optimum). Рождение в семье принцепса — это чистая случайность, и разумно ее избегать. Гальба приводит пример Нерона, который гордился своим происхождением из семьи Цезарей, но которого низвергли собственная свирепость и страсть к наслаждениям. Этому он противопоставляет выдающиеся душевные качества, якобы свойственные Пизону: fides, libertas, amicitia. Характерно, что в этом ряду нет тех достоинств, которые были официально признаны за Августом — virtus, clementia, iustitia, pietas (R. g. 34) — и которые стали не только лозунгами правления его самого, но и официальным моральным основанием власти принцепса вообще¹⁵. Создается впечатление, что Гальба пытается по-новому обосновать моральное право принцепса обладать верховной властью. Достоинства, при-

¹⁴Плутарх (Galba 23) сообщает, что некоторые из друзей Гальбы советовали ему усыновить Долабеллу, который был его родственником. По-видимому, именно он и подразумевался под одним из родственников, которым император предпочел Пизона.

¹⁵Le Glay M. Grandeza... P. 72–83.

писываемые Пизону, были среди излюбленных качеств римского аристократа¹⁶. Однако, это само по себе еще не проясняет смысл, вкладываемый в них в речи Гальбы и вообще в «Истории» Тацита.

Если мы обратимся к тексту «Истории», то увидим, что термин *fides* и родственные ему существительные и прилагательные встречаются еще 29 раз. Каждый раз речь идет о верности своему долгу, но чаще всего это — долг не перед родиной, а перед конкретной личностью. «Общественное», если можно так выразиться, значение этого термина проявляется только тогда, когда речь идет о войнах. Это выразительно выступает в рассказе о поведении солдат, осажденных восставшими германцами и галлами: они колеблются между верностью и голодом (IV, 60). И в речи того же Пизона, пытавшегося уговорить мятежных солдат не нарушать свой долг, звучит то же самое: только что назначенный Цезарь вызывает к долгу и славе солдат, утверждая даже, что не они изменили Нерону, а Нерон им. О военных деяниях самого Пизона ничего не известно, так что этот смысл слова *fides* едва ли к нему применим. Еще чаще в тексте «Истории» встречаются выражения «дружба», «друг», «друзья». При этом подразумеваются именно личные друзья.

Сложнее всего обстоит дело с термином *libertas*, который, кстати, и встречается реже всего¹⁷. В русском переводе это слово переводится как «любовь к свободе». Однако этот перевод далеко не точен. Тацит противопоставляет *libertas* господству (*dominatio*) и утверждает, что превращение первой во второе произошло в связи с деятельностью Гая Мария и Люция Суллы (II, 38). И, судя по изложению событий Тацитом, это состояние господства царило в Риме вплоть до счастливого времени Нервы и Траяна, когда каждый может думать и говорить что хочет (I, 1). В период же между Марием и Нервой *libertas* у Тацита имеет явно не политическое значение. При обсуждении при Отоне в сенате вопроса об отношении к Вителлию молчание было признаком строптивости, а свобода подозрительна. Когда Муциан в письме сенату сурово порицал уже погибшего Вителлия, то этой запоздалой хулой он показывал, что его природа *sine libertate* (IV, 4). Зато Гельвидий Приск научился свободе от своего тестя Тразеи Пета и, благодаря этому, проявил

¹⁶ *Syme R. Tacitus. Oxford, 1958. P. 27, 544, 561.*

¹⁷ Если исключить те случаи, когда это слово связывается с восставшими германцами, которые, естественно, понимают под ним настоящую свободу, т. е. освобождение от римской власти, то Тацит употребляет его лишь девять раз.

себя как гражданин, сенатор, супруг, зять, друг и справедливый человек, какую бы должность он ни занимал (IV, 5). Свобода противопоставляется распущенности (II, 10) и снова господству, но уже при власти принцепса (V, 8). Во всех случаях, связанных с периодом после Мария, а тем более после Акция, *libertas* не имеет политического значения. Это — качество отдельного человека. Его можно рассматривать скорее как внутреннюю свободу, проявляющуюся в свободном поведении, благородстве и искренности в суждениях и публичных выступлениях. Видимо, проявление такой внутренней свободы, связанной со знатным происхождением, видел или хотел видеть Гальба в Пизоне.

Таким образом, Гальба, выбирая наследника, ориентировался, прежде всего, на внутренние качества человека. Об этом же пишет и Плутарх (*Galba* 23), говоря, что Пизон был одарен всеми нравственными достоинствами, а особенно чистотой и суровостью жизни (*ἐν τῇ πρὸς ἀρετὴν εὐφροσίᾳ τὸ κόσμιον καὶ αὐστηρὸν ἐμφανέστατα*). Это сообщение Плутарха особенно важно, поскольку греческий автор довольно строго следует своему латинскому источнику¹⁸, и, следовательно, можно быть уверенным, что и Тацит сравнительно точно воспроизводит смысл этого пассажа речи Гальбы. Это не означает, что прежние качества принцепса потеряли свое значение. Вителлий после своей победы проявил *clementia* (*Hist.* I, 75), а Цецина, изменив Вителлию, прославляет *virtutes* Веспасиана (*Hist.* III, 13). Речь Гальбы означает лишь, что для него и стоявших за ним кругов сената моральные качества принцепса были важнее его достоинств как государственного деятеля и полководца. И это было не ошибкой Гальбы, как иногда полагают¹⁹, а его принципиальным выбором.

Это тоже можно представить как противопоставление прежнему принципату.

Таким образом, не наследственная передача власти во всех ее аспектах, включая *auctoritas*, а достоинство претендента занять этот высокий и ответственный пост является принципом занятия трона²⁰. Эта достоинство и придает правителю *auctoritas*. Это — новый принцип, принцип заслуги. Правда, саму заслугу Гальба понимает весьма ограничено и целиком в соответствии со своим аристокра-

¹⁸ *Syme R.* Tacitus. P. 181.

¹⁹ *Bengtson H.* Die Flavier. München, 1979. S. 32.

²⁰ Ср.: *Christ K.* Römische Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 184.

тическим происхождением. Он утверждает, что его побудили обратить внимание именно на Пизона его дарования (*indoles*) и любовь к родине (*amor patriae*). Но тридцатилетний Пизон себя до сих пор совершенно ничем не проявил, и его единственной заслугой является знатность семьи и слава его предков²¹. Так что для Гальбы фактически заслуга сводилась к знатности и высоким, как он полагал, моральным качествам личности. Но в данном случае важно именно выдвижение нового принципа перехода власти от одного правителя к другому — не происхождение из правящего дома, а заслуга перед государством²².

В ходе гражданской войны происходило постоянное снижение знатности императоров. Если Гальба принадлежал к роду, своей знатностью мало чем уступавшему Юлиям и Клавдиям²³, то Отон был сенатором в третьем поколении²⁴, а Вителлий — во втором²⁵. Что же касается Веспасиана, то он был совершенно незнатным человеком, первым сенатором в роду, происходившим к тому же из Средней Италии, а не из самого Рима²⁶. Между тем, значение знатности как условия доступа к принципату было еще велико²⁷. Именно знатность становилась порой причиной подозрения новых принципсов. В этом плане интересен эпизод с обвинением, а затем убийством Юния Блеза (*Tac. Hist. III, 38–39*). Брат Вителлия Люций

²¹ *Hanslik R. Calpurnius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 1024–1025.*

²² Разумеется, на изложение Тацита повлияла атмосфера времени создания его «Истории», т.е. правления первых Антонинов, когда казалось, что произошло соединение ранее несоединимых «свободы» и «принципата» (*Syme R. Tacitus. P. 7, 206–207*). Но Гальба не является столь любимым персонажем Тацита, чтобы он вкладывал в его уста свои излюбленные мысли. Поэтому можно с большой долей уверенности говорить, что Гальба, действительно, выдвинул этот новый принцип наследования власти.

²³ *Dießmann-Merten M. Sulpicius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 421–426.* Много позже Аврелий Виктор (*Caes. 6, 1*) писал, что Гальба происходил из не менее, чем предшествующие императоры, знатного и славного рода Сульпициев.

²⁴ *Winkler G. Otho // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 380–381; Salvius // Ibid. Sp. 1526–1527.* Сам Отон, если верить Тациту (*Hist. II, 48*) перед смертью гордился тем, что он первым после знатных родов Юлиев, Клавдиев и Сервиев добился императорской власти, происходя из «новой фамилии» (*primum in familiam novam*).

²⁵ *Winkler G. Vitellius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1303–1307.*

²⁶ Как видно из речи, вложенной Тацитом в уста Муциана (*Hist. II, 76*), незнатность была одной из причин колебаний Веспасиана перед его выступлением против Вителлия.

²⁷ *Schalit A. Die Erhebung Vespasians nach Flavius Josephus, Talmud und Midrasch // ANRW. 1975. Bd. II, 2. S. 209–210.*

заявил, что происхождение Блеза от Юниев и Антониев и его родство с императорским домом делает его более опасным, чем уже открыто выступивший против Вителлия Веспасиан. И хотя, как подчеркивает Тацит, сам Блез никоим образом к власти не стремился, именно такое происхождение Блеза стало причиной того, что Цецина и его сторонники на него делали ставку при планируемом свержении Вителлия. Немногим позже, уже после свержения и убийства Вителлия, фактически правивший Римом Муциан по этой же причине приказал убить Кальпурния Галериана (Тас. IV, 11). В обоих случаях убийства совершились тайно: Блез был тайком отравлен, а арестованный Галериан вывезен из Рима и убит на дороге через 40 миль от города. В напряженной обстановке еще не стабилизировавшейся власти явное убийство знатного нобилия грозило неприятностями.

Важно еще одно обстоятельство. Гальба, как уже упоминалось, был с детства косвенно, но все же связан с семьей Августа. Отон, до того как попасть в немилость у Нерона из-за своей жены, принадлежал к кругу самых близких и интимных друзей императора. Вителлий был сыном друга Клавдия и его коллеги по цензуре, да и сам он чуть ли не с самого детства был близок к императорскому дому. Совершенно иным было положение Веспасиана. Хотя он сделал при Клавдии и особенно Нероне блестящую карьеру, к этим императорам он никогда не был особенно близок. Светоний (*Vesp.* 4, 4–5) пишет, что Веспасиан, участвуя в поездке Нерона по Ахайе, навлек на себя немилость принцепса своим поведением во время выступлений императора-артиста, за что был сослан, а командующим в войне в Иудее был назначен из-за своей, с одной стороны, незнатности и потому неопасности, а с другой, из-за военных качеств. Так что у Веспасиана не было никаких, даже самых косвенных, связей ни с римской знатью вообще, ни с Юлиями и Клавдиями. Это делало юридическое и моральное обоснование его власти особенно важным и необходимым. В связи с этим встает вопрос о *lex de imperii Vespasiani*²⁸.

«Закон об империи Веспасиана» известен давно и давно уже вызывает споры. При его изучении сразу встает ряд вопросов. Какова юридическая дефиниция этого документа? Является ли он новацией или лишь повторяет законодательные акты, которые уже прини-

²⁸Мы используем текст, опубликованный в FIRA⁷. Tubingae, 1909. P. 202–203.

мались для предшественников Веспасиана, но просто не сохранились? Были ли его целью подтверждения или, наоборот, какие-то легальные ограничения власти принцепса? И, наконец: сыграл ли он какую-либо роль в развитии принципата или же был всего лишь одним из проявлений сервиллизма того времени, законодательным освящением победы Веспасиана?

Дошедший до нас текст представляет собой последнюю часть документа. И сказать, что содержалось в утраченной части невозможно. Правда, полагают, что отсутствующая часть была не очень большой²⁹, но это отсутствие лишило существующий фрагмент «шапки», что затрудняет определение формы этого документа. Сразу же надо заметить, что название *lex de imperii Vespasiani* — условное, данное уже современными исследователями. В свое время этот документ был определен не как собственно закон, а как сенатусконсульт³⁰. И основанием являются слова Тацита. В одном месте (*Hist. IV, 3*) историк пишет, что сенат присвоил Веспасиану все, что обычно полагается принцепсам (*cuncta principibus solita*). Несколько дальше (*Hist. IV, 6*) он упоминает день, когда сенат принял решение об империи Веспасиана (*senatus... de imperii Vespasiani censebat*). Другим доводом в пользу этой точки зрения является фразеология документа, которая, по мнению сторонников этого взгляда, соответствует языку сенатусконсульта, а не закона³¹. На долгое время эта точка зрения стала почти аксиомой³². Однако другие исследователи обратили внимание на то, что в самом тексте говорится о *lex*, а не о *senatus consultum*³³. В «санкции», прибавленной к основному тексту, прямо говорится об этом именно законе (*huiusce legis*). Думать, что в это время юристы и законодатели не очень-то четко различали различные формы законодательных актов невозможно. В имеющемся в нашем распоряжении тексте четко различаются три формы таких актов: *leges*, *plebis scita* и *senatus consulta*. И то, что в тексте недвусмысленно говорится о *lex*, застав-

²⁹ *Levi M. A. I Flavi // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 188.*

³⁰ *FIRA*⁷. P. 202.

³¹ *Last H. The Principat and the Administration // CAH. 1936. V. XI. P. 405; Brunt P. A. Lex de imperii Vespasiani // JRS. 1977. V. LXVII. P. 95.*

³² Например: *Weynand. Flavius // RE. 1909. Hbd. 12, Sp. 2641; Hanslik R. Vespasianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1225; Егоров А. В. Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 152, 158. Ср.: Бартошек М. Римское право. С. 287.*

³³ *Levi M. A. I Flavi. P. 187.*

ляет присоединиться к тем исследователям, которые считают этот документ законом, принятым комициями³⁴. Что же касается фразеологии, то уже один из законов XII таблиц (V, 3) начинается с союза *utī*, как и статьи интересующего нас закона. В то же время и известные нам сенатусконсульты по своему языку подобны законам и отличаются от форм, использованных в законе об империи Веспасиана³⁵. К тому же, корпус законодательных актов, дошедших до нас не в изложениях юристов или в более поздних кодексах, а в оригиналах в виде надписей, не столь значителен, чтобы уверенно говорить о различиях языка отдельных видов таких актов. Но и Тацит недвусмысленно говорит о решении именно сената. По этому поводу высказывается также компромиссное предположение: этот закон одобряет или формулирует предшествующее постановление сената, о котором сообщает Тацит³⁶.

Обратимся к событиям, связанным с принятием этого закона. После захвата Рима и убийства Вителлия 21 декабря 69 г. Рим оказался во власти разнузданной флавианской солдатни, с которой фактически правившие Антоний Прим и Аррий Вар справиться не могли или не хотели. Магистраты и сенаторы разбежались, так что созвать сенат и как-то легализовать новое положение вещей было невозможно. И только через некоторое время ситуация более или менее стабилизировалась. Собравшийся все же сенат получил послание Веспасиана, в котором тот, хотя уже и говорил как принцепс, проявил великолепное гражданское чувство (*civilia... egregia*), после чего сенат дал ему и Титу консулат, а Домициану преттуру с консульским империем. Муциана и Прима сенаторы тоже отличили, хотя и были ими недовольны. Тон послания Веспасиана дал сенату повод полагать, что он сможет играть роль реально правящего органа. Даже приспешник Нерона Эпирий Марцелл говорил об умеренной свободе (*modum libertatis*), которая нравится хорошим принцепсам, явно имея в виду Веспасиана. В этих условиях ведущую роль пытался играть Гельвидий Приск, являвшийся после смерти своего тестя Тразея Пета признанным лидером сенатской стоической оппозиции. Он даже вопреки предложению

³⁴Ibid; *Aymard A., Auboyer J.* Rome... P. 282.

³⁵Например, сенатусконсульт о вакханалях: FIRA⁷. P. 164-166.

³⁶*Бартошек М.* Римское право. С. 187; *Wellesley K.* The Long Year A.D. 69. Bristol, 1989. P. 207; *Brunt P. A.* Lex... P. 105. Надо заметить, что о законе Тацит не говорит вовсе.

назначенного консула предложил самому сенату вместо принцепса принять решение по насущному финансовому вопросу. Несколько позже Приск, будучи претором, приветствовал нового императора лишь именем Веспасиана (Suet, Vesp. 15) И, как это было в позднереспубликанские времена, в сенате начались раздоры, практически парализовавшие его деятельность, в результате чего законов, как пишет Тацит, в государстве не было. И лишь с прибытием в Рим Муциана, который твердо взял власть в свои руки, положение радикально изменилось (Tac. Hist. III, 86 — IV, 11; Suet. Vesp. 8, 2). Именно в это смутное время сенат и присвоил Веспасиану все, что обычно полагается принцепсам (*cuncta principibus solita*).

Что подразумевается под этим, хорошо видно из сообщения Тацита об акте сената по отношению к Отону³⁷: трибунская власть, имя Августа и все почести принцепсов (Hist. I, 47). Между тем, Светоний (Vesp. 12) сообщает, что Веспасиан принял трибунскую власть и имя отца отечества (которое явно входило в состав *honores* принцепса), позже. Если следовать тексту Светония буквально, то можно сделать вывод, что *tribunicia potestas* Веспасиан принял уже после своего триумфа над Иудеей. Это едва ли так. Как справедливо указывает Тацит (An. III, 56), именно трибунские полномочия поднимали принцепса над всеми властями³⁸. Так что новый правитель едва ли мог позволить себе большой промежуток времени между фактическим захватом власти и принятием этих полномочий. Но сообщение Светония ясно говорит о более позднем получении Веспасианом трибунской власти, хотя твердо сказать, сколько долгие был этот промежуток мы не можем. Трибунскую власть, отделенную от личностей остальных трибунов, дал в свое время Августу именно сенат (Cas. Dio LIII, 32, 5). И, как мы только что видели, так же сенат поступил и по отношению к Отону. Так что можно ясно говорить, что *tribunicia potestas* дается именно сенатом, а не народом³⁹. В сохранившемся тексте интересующего нас закона эта власть вовсе не упоминается. Конечно, нельзя уверенно говорить, что и в исчезнувшей части она не упоминалась, но вероятность этого весьма велика. Эта вероятность усиливается тем, что в имеющемся тексте Веспасиану ясно позволено созывать сенат,

³⁷Weynand. Flavius. Sp. 2641.

³⁸Ср.: *Межержицкий Я. Ю.* «Республиканская монархия». М.; Калуга, 1994. С. 261–265.

³⁹*Егоров А. Б.* Закон о власти Веспасиана... С. 155.

но именно созыв сената являлся одним из атрибутов трибунской власти, что высоко ценилось уже Августом⁴⁰. Значит, трибунские полномочия упоминаются, а сама *potestas* нет. Поэтому нет оснований говорить об ее упоминании в несохранившейся части закона.

Принятый закон решал возникшую важную юридическую коллизию. Веспасиан был провозглашен императором 1 июля 69 г. в Александрии, и этот день он считал началом своего правления (Suet. Vesp. 6, 3). В Риме же он был признан и официально получил все полагающиеся полномочия и почести между 21 декабря этого года и 1 января 70 г.⁴¹ В течение этого полугодия Веспасиан не только готовился к войне, но и принимал ряд мер, в том числе назначая новых префектов, прокураторов, сенаторов (Tac. Hist. II, 82). И теперь возникал вопрос о юридической действительности этих назначений. И в закон была включена специальная последняя статья, гласившая, что все, что до этого закона было постановлено, решено, сделано, декретировано, повелено императором Цезарем Веспасианом Августом или кем-либо по его поручению, будет законно и действительно, как если бы установлено законом или плебисцитом. Этим утверждались все предыдущие решения Веспасиана. При утверждении Юлиев-Клавдиев такая оговорка была бессмысленна, ибо их вступление во власть и начало принятия любых решений практически совпадали. В ходе гражданской войны два из трех предшественников Веспасиана были провозглашены императорами вдали от Рима. Однако Гальба был признан не только преторианцами, но и сенатом в то время, когда он еще находился в Испании (Plut. Galba 7), так что, если он и принимал какие-то меры до своего вступления в Рим, то делал это уже в качестве законного императора. Несколько сложнее обстоит дело с Вителлием, который был провозглашен императором 1 января (или сразу после этого дня), а официально был признан 19 апреля⁴². Но о его распоряжениях, кроме чисто военных (Tac. Hist. II, 57), принятых до этого дня, ничего не известно, и вполне возможно, что он никаких невоенных

⁴⁰ Машикин Н. А. Принципат Августа. С. 398.

⁴¹ Wellesley K. The Long Year. P. 207. Была высказана мысль, что закон о власти Веспасиана был принят несколько позже, в начала января 70 г.: Brunt P. A. Lex. ... P. 104–105.

⁴² Wellesley K. The Long Year. P. 96. И сам Вителлий, в отличие от Веспасиана, считал своим *dies imperii* именно 19 апреля, а не 1 января: Brunt P. A. Lex. ... P. 106.

распоряжений и не делал. Ведь он даже имя Августа принял далеко не сразу, лишь после своего вступления в Рим, а Цезарем стал называться лишь накануне своего падения (Tac. Hist. II, 90; III, 56; Suet. Vit. 8, 2). Во всяком случае, утверждение мер императора, предшествующих его официальному признанию сенатом и народом, в понятие *sancta principibus solita* не входит. Это, несомненно, было нововведением рассматриваемого закона⁴³.

Таким образом, как нам кажется, можно говорить, что постановление сената о присвоении Веспасиану всех полномочий принцепса и так называемый закон об империи Веспасиана — разные документы. И приняты они были в разное время, хотя и промежуток между их принятиями мог быть очень небольшим⁴⁴.

Само по себе обращение к комициям не кажется чем-то невероятным. Комиции как выражение суверенитета римского народа продолжали существовать. Их реальная роль все более уменьшалась, и Тацит, например, их упоминает очень редко. В «Анналах» (I, 15) он утверждает, что уже в самом начале правления Тиберия выборы должностных были перенесены в сенат. Однако это не означает, что избирательная функция комиций была уничтожена полностью⁴⁵. Тот же Тацит (Hist. II, 91) говорит, что Вителлий собирал консульские комиции, на которых он отстаивал своих кандидатов. Так называемая *Tabula Hebana* и фрагменты более позднего закона показывают, что выборы, хотя и в высшей степени регламентированные и ограниченные, существовали и в 19, и в 23 гг.⁴⁶ Консульские комиции упоминает Плиний Младший во времена Траяна (Pan. 63–64). И даже в III в. еще упоминаются выборы магистратов в комициях⁴⁷. Законодательные же функции комиций вообще ни-

⁴³ *Bengtson H.* Die Flavier. S. 64.

⁴⁴ *Brunt P. A.* Lex... P. 104–105.

⁴⁵ В науке отмечается, что Тацит, как и другие античные авторы, говорили в первую очередь о реальном положении дел, мало обращая внимания на формальную, юридическую сторону ситуации. Поэтому и сообщение Тацита надо понимать как отражение того, что выборы народным собранием стали чистой формальностью после того, как сенат по инициативе Тиберия стал давать свое согласие по всем кандидатурам, выставленным на голосование, и было бы опрометчиво из слов Тацита делать вывод о полном исчезновении избирательных функций комиций: *Flach D.* *Destinatio und nomination im frühen Principatus* // *Chiron*. 1976. Bd. 6. S. 193–198.

⁴⁶ *Jones A. H. M.* The Elections under Augustus // *JRS*. 1955. V. XLV. P. 13–15.

⁴⁷ *Бартошек М.* Римское право. С. 78; *Scullard H. H.* *Storia del mondo romano*. Milano, 2002. T. II. P. 328, 343.

кто официально не отменял. Время от времени к комициям обращались принцепсы, чтобы по каким-либо причинам провести нужный им закон. Так, например, в 17 г. поступил Тиберий, проведя через комиции закон о назначении Германика своим представителем на Востоке⁴⁸. В «санкции» упоминаются *leges rogationes*. Известно, что в римском праве различались два вида законов: *leges rogatae* и *leges datae*, из которых первые принимались комициями по предложению магистрата, а вторые издавались самим магистратом по уполномочию собрания⁴⁹. Упоминание *leges rogationes* свидетельствует, что такие законы существовали на рубеже 69–70 гг., что возможность их принятия учитывалась законодателями. Позже к комициям обратился Нерва, проведя через них аграрный закон⁵⁰. Так что в случае необходимости этот орган все еще можно было задействовать. Необходимым сделать это и счел Веспасиан (или Муциан) в декабре 69 г.

Чтобы приблизиться к пониманию того, почему Веспасиану понадобился, кроме решения сената, еще и закон, принятый комициями, надо рассмотреть некоторые черты событий, связанных с приходом к власти Веспасиана. О первой черте уже говорилось: Веспасиан не принадлежал к римской знати и никак не был связан, кроме как службой, с прежними принцепсами, и это обстоятельство требовало более тщательного юридического и морального обоснования его власти, в том числе традиционного утверждения ее комициями⁵¹. Но это — только одна сторона дела.

После захвата Рима флавианцами, как уже об этом говорилось, власть оказалась в руках сначала Антония Прима, а затем Муциана. И к тому, и к другому сенат относился явно неодобрительно. Уже сам факт направления Муцианом официального письма сенату одновременно с подобным посланием Веспасиана вызвал возмущение сенаторов, ибо направлять подобные письма обычный легат провинции, кем в то время официально был Муциан, не мог. Не меньшее недовольство вызвало и содержание письма (Tac. Hist. IV, 4). И в дальнейшем Тацит, явно отражая мнение многих сенаторов,

⁴⁸ *Grelle F.* Il senatus consultum de Cn. Pisone patre // *Studia et documenta historiae et iuris.* 2000. Т. LXVI. Р. 229–230.

⁴⁹ *Бартошек М.* Римское право. С. 179–180.

⁵⁰ Там же. С. 185.

⁵¹ *Last H.* The Principat... Р. 406. О значении этого фактора говорит и А. Б. Егоров: Закон о власти Веспасиана... С. 155–156.

без восторга пишет о деятельности Муциана в Риме. Хотя реально власть находилась в руках Муциана, официально представителем отсутствующего принцепса был его сын Домициан, и отношения между ними были не самыми сердечными (Tac. Hist. IV, 39). До Веспасиана доходили сведения, порочащие сына, который якобы позволял себе больше, чем полагалось в его возрасте, и только заступничество Тита якобы спасло Домициана от отцовского гнева (Tac. Hist. IV, 51–52). Тацит не говорит об источнике этих сведений, но, учитывая, что Муциан являлся его полномочным представителем в Риме и, следовательно, должен был ему сообщать обо всем, что делалось в столице, можно без особых оговорок считать этим источником именно Муциана. Домициан явно пытался опереться на сенат (ср. Tac. Hist. IV, 40). Да и сам сенат в это время решал разнообразные дела по собственной инициативе, а не по воле императора либо фактического регента (Tac. Hist. IV, 40–47). В этих условиях Муциан вполне мог попытаться опереться на комиции, которые все еще официально были выражением воли римского народа, в противовес сенату.

Возможно, что и сам Веспасиан не очень-то доверял сенату. Как уже говорилось, сенат в это время попытался было стать реальным правящим органом. Гальба вернул в сенат людей, изгнанных в свое время Нероном, в том числе Гельвидия Приска, который стал фактическим лидером стоической оппозиции и долгое время принципиально видел в Веспасиане частного человека. Даже будучи претором, уже после возвращения Веспасиана в Рим Приск упорно опускал имя нового принцепса в своих преторских эдиктах (Suet. Vesp. 15). Гордая своим происхождением сенаторская знать, хотя и признала Веспасиана императором, относилась к этому «выскачке» явно без особого восторга⁵², и это не могло не беспокоить нового принцепса и его регента. Может быть, и Веспасиан, и Муциан помнили о событиях 41 г., когда в сенате одни, по словам Диона Кассия, выступали за монархию, а другие — за демократию, а среди сторонников первой выдвигались идеи найти другого принцепса (Ios. Ant. Iud. XIX, 2–4; Suet. Cal. 60; Claud. 10, 3–4; Cas. Dio LX, 1–4). И хотя теперь идея возвращения к «демократии» даже не возникала, сенат мог представлять серьезную опасность. В таких условиях «страховка» в виде принятого комициями закона как про-

⁵²*Schalit A. Die Erhebung...* S. 211–212.

тивовеса любому проявлению сенатской недояльности была совсем не лишней.

Важен еще один момент. Вскоре после своего провозглашения императором Веспасиан чеканит монету с легендой ROMA RESURGENS и с изображением самого Веспасиана в тоге, помогающего подняться с колен женской фигуре, явно Риму⁵³. Таким образом, с самого начала был выдвинут лозунг нового правления — *resurrectio Romae* (восстановление, возрождение Рима). Почему Рим рухнул, понятно: гражданская война. Веспасиан представляет себя спасителем Рима от ужасов гражданских войн. Вспомним, что Август первым своим деянием называет то, что он вернул свободу государству, угнетенному господством одной факции (R. g. 1). Среди своих заслуг первый принцепс называет восстановление обычаев предков (R. g. 6) и возвращение власти сенату и народу (R. g. 34). Все это и обуславливает «восстановление республики» после гражданских войн⁵⁴. Надпись RES PUBLICA RESTITUTA появляется на монетах и в надписях Августа⁵⁵, и это становится официальным наименованием нового режима. Веспасиан в качестве «восстановителя Рима» явно сопоставляет себя с Августом⁵⁶. Но при Августе комиции функционировали, какими бы чисто формальными ни были их полномочия⁵⁷. Можно полагать, что созыв комиций и принятие ими закона о власти Веспасиана явились одним из проявлений этой имитирующей деятельность Августа политики «возрождения Рима».

Таким образом, закон о власти Веспасиана соответствует и политической ситуации в Риме вскоре после убийства Вителлия, и общей политической линии Веспасиана. Непосредственным инициатором мог быть и сам Веспасиан⁵⁸, и Муциан, для которого этот акт являлся еще одним козырем в неявной, но ощущаемой конфронтации с сенатом и, может быть, Домицианом.

Сохранившаяся часть закона содержит восемь статей (не считая санкции), из которых одна утверждала предыдущие распоряжения Веспасиана. Из остальных семи четыре содержат ссылку

⁵³ *Levi M. A. I Flavi. P. 192.*

⁵⁴ *Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рим. М., 1977. С. 219.*

⁵⁵ *Межсерпуцкий Я. Ю. «Республиканская монархия». С. 30.*

⁵⁶ *Bengtson H. Die Flavier. S. 63. Ср.: Manni E. Dall'avvento... P. 146.*

⁵⁷ *Машикин Н. А. Принципат Августа. С. 403.*

⁵⁸ *Levi M. A. I Flavi. P. 187.*

на то, что такие же полномочия были у божественного Августа, Тиберия Юлия Цезаря Августа и Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, в одной, где Веспасиану разрешается расширить пределы померия, упоминается только Клавдий. Две статьи никаких ссылок на предшественников нового императора не содержат. Одна из этих статей касается права императора созывать сенат, который в этом случае мог решать все дела, и делать в нем доклады, а другая — права рекомендации сенату и народу избрания магистратов или других должностных лиц и возможности принимать у них отчет. Однако ничего нового в этих правах нет. Такие возможности имел еще Цезарь, и это же было признано за Августом (Suet. Iul. 41, 2; Aug. 55, 1; Cas. Dio LIII, 21, 6-7; 32, 5). Эти же права имели и преемники Августа. Надо отметить, что право рекомендации императору было дано именно законом Валерия и Корнелия⁵⁹, а не сенатконсультом. Возможно, новый закон уточнял процедуру использования принцем своих прав в этой области⁶⁰. Такое же уточнение, видимо, содержится и в статье, относящейся к праву императора созывать сенат и делать в нем сообщения. Собственно говоря, это право было представлено принцепсу законом Августа о сенате (*lex Iulia de senatu*), принятым в 9 г. до н. э.⁶¹ Но этот закон лишь фиксировал права императора в самом общем виде. Закон о власти Веспасиана уточнил это право, приравняв в этом плане принцепса к магистратам⁶².

Итак, закон не предоставлял Веспасиану ничего радикально такого, чего не было бы у его предшественников⁶³. Но означает ли это, что он лишь повторяет предшествующие законы⁶⁴? Ссылка на то, что ни один историк, рассказывавший о приходе к власти того или

⁵⁹ Бартошек М. Римское право. С. 199; Jones A. H. M. The Elections. . . P. 14.

⁶⁰ Ср.: Levi M. A. I Flavi. P. 189; Bengtson H. Die Flavii. S. 64.

⁶¹ Бартошек М. Римское право. С. 191.

⁶² Fanizza L. Senato e societa politica tra Augusto e Traiano. Roma; Bari, 2001. P. 47, 107-108.

⁶³ По крайней мере, это можно твердо сказать относительно сохранившейся части закона. Но трудно себе представить, что в несохранившейся части содержались какие-либо принципиальные новации. В чисто правовом отношении ни Веспасиан, ни его преемники не отличались от Августа.

⁶⁴ В таком случае обычно считается, что первым подобным законом был закон о власти Калигулы: Brunt P. A. Lex. . . P. 115; Егоров А. Б. Закон о власти Веспасиана. . . С. 155; Bellen H. Die «Verstaatlichung» des Privatvermögens der römischen Kaiser im 1. Jahrhundert n. Chr. // ANRW. 1974. Bd. II, 1. S. 94-100.

иною императора, ничего о подобном законе не говорит, не работает. Ведь и Тацит, подробно рассказывая о событиях декабря 69 г., этот закон не упоминает⁶⁵. Дион Кассий (LIII, 18, 4) пишет, что относительно полномочий и званий императоров раньше (πάλαι) голо­совали отдельно и постепенно, и этот порядок он противопоставляет своему времени (νῦν), когда все полномочия даются сразу. Конечно, фраза Диона не очень определенная, и мы не можем уверенно сказать, какое время подразумевал историк под словом «раньше» и когда пролег рубеж между тем временем и нынешним. И все же Дион едва ли говорит лишь об одном Августе, ибо, когда он рассказывает об Августе, он его и упоминает. Речь явно идет о двух временных блоках — старого времени и теперешнего. Это предположение подтверждается тем, что сразу же после этого Дион говорит о цензуре, которую некоторые императоры (τινες... τῶν αὐτοκρατόρων) исполняли, а Домициан принял пожизненно. И в том, и в другом случае ясно противопоставление (μὲν... δέ) более ранней ситуации и более поздней. Поэтому вероятнее всего, что, говоря о постепенном получении званий полномочий прежними властителями, Дион имеет в виду не только самого Августа, но и ряд его преемников. Среди званий, имевшихся у Августа, было и *imperator*, употреблявшийся в качестве прономена. Однако его преемники это титул в этом качестве не использовали. Спорадически он появляется только у Нерона, а затем у Гальбы. Вновь императорский прономен использовал Отон, и от него решительно отказывался Вителлий⁶⁶. С другой стороны, текст закона перечисляет ряд полномочий и прав императора, что позволяет говорить о присвоении ему одновременно, если не всех, то большинства императорских прерогатив. В их число включен и императорский прономен. Веспасиан именуется Император Цезарь Веспасиан Август. И именно с его правления набор императорских имен начинается со слова *Imperator*. Вероятнее всего, под первыми принцепсами подразумеваются Юлии-Клавдии⁶⁷, а также, может быть, эфемерные императоры 68–69 гг.

⁶⁵ В большой степени, если не полностью, это объясняется тем малым вниманием к чисто юридической стороне дела, о чем говорилось выше.

⁶⁶ *Rosenberg A. Imperator // RE. 1914. Hbd. 19. Sp. 1149–1150; Bleicken J. Imperator // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 1179–1180.* Кратковременность правления Отона не позволяет говорить, насколько постоянным было использованием им имени Император в качестве прономена.

⁶⁷ Правда, надо отметить, что Калигула, по словам Светония (Cal. 15, 1) и Диона Кассия (LIX, 3, 1-2), получил всю власть и все почести принцепса, какие

Поскольку, как об этом уже говорилось, существенной частью принципата являлась *auctoritas*, передаваемая в доме Юлиев-Клавдиев по наследству, то, естественно, что наследником власти становился тот, кого бывший принцепс называл своим наследником. В этом плане интересен момент, связанный с переходом власти к Калигуле. Светоний (Тіб. 76) пишет, что Тиберий оставил наследство в равных долях Гаю (Калигуле) и Тиберию Гемеллу. Но Макрон убедил сенаторов, что нельзя передавать власть мальчику, после чего принцепсом был признан Калигула (Cas. Dio LIX, 1). Следовательно, никаких сомнений в том, что наследник в доме является и преемником в государстве, в Риме не было. Поэтому представляется, что и в специальном законе об империи нового правителя никакой необходимости не было. Принадлежавший к высшей и старинной знати и, к тому же, строго придерживавшийся традиций Гальба в таком законе тоже не нуждался⁶⁸. Сложнее обстоит дело с Отоном и Вителлием. Однако, как кажется, ни у того, ни у другого не было такой необходимости обращения к народу, какая имела у Веспасиана и Муциана. Закон не содержит вообще никаких ссылок на этих императоров. С некоторой оговоркой относительно этих двух императоров можно говорить, что закон об империи Веспасиана был новым словом в юридическом оформлении принципата и не повторял предшествующие законодательные акты.

В науке была высказана мысль, что целью этого закона было юридическое ограничение императорской власти, что после безумств Калигулы и Нерона римское общество хотело этим законом поставить рамки неограниченной и неопределенной власти принцепса⁶⁹. Однако с этой точкой зрения трудно согласиться. Никаких ограничений власти императора, по крайней мере, в сохранившейся части закона нет. Более того, одна из статей закона прямо говорит, что Веспасиан имеет право и власть (*ius potestasque*) решать все божественные, человеческие, общественные и частные

были у Августа, сразу же. Однако тот же Дион (LIX, 3, 3) говорит, что имя «Император» Калигула вообще не принял. Титул «отца отечества» появляется у этого принцепса только в 39 г.: *Brunt P. A. Lex...* P. 98, n. 19.

⁶⁸Иногда намек на принятие такого закона видят в словах Диона Кассия (LXIII, 29, 1) τῶι Γαλβᾷ τὰ τῆι ἀρχῆι προσῆχοντα ἐψηφίσατο (*Bellen H. Die «Verstaatlichung»...* S. 106, Bem. 97). Однако это сообщение Диона означает лишь принятие постановления (не закона!) о вручении императорской власти Гальбе.

⁶⁹*Levi M. A. I Flavi. P. 188.*

дела, как он сочтет нужным. Поэтому надо согласиться скорее с утверждением, что этот закон легализовал самовластье императора, а не ограничил его⁷⁰. Нет и противопоставления «хороших» императоров «плохим» — тем же Калигуле и Нерону. В законе, действительно, упоминаются только три предшественника Веспасиана — Август, Тиберий и Клавдий⁷¹. Считать «хорошим» императором Тиберия трудно. Светоний (Tib. 75) рассказывает о ликовании, охватившем народ при известии о смерти принцепса. Рассказ Тацита о его правлении явно отражает взгляды значительного числа сенаторов и верхушки всадничества. Можно говорить, что Тиберий в разных кругах римского общества оставил о себе далеко не самую лучшую память. Это не помешало включить его имя в число тех предшественников нового императора, полномочиям которых уподобляются некоторые полномочия Веспасиана. Оупущение Калигулы и Нерона явно имеют другое объяснение.

Известно, что после убийства Калигулы сенат намеревался вообще предать его память осуждению. Клавдий не допустил *damnatio memoriae*, но все же уступил сенаторам, и имя убитого императора было уничтожено на многих надписях, его статуи были свергнуты с их пьедесталов, имя Гая Калигулы исчезло из официальных списков императоров при принесении клятв и обетов, и, что очень важно, были отменены распоряжения Калигулы (Suet. Claud. 11, 3)⁷². Каково бы ни было ликование толпы и радость сенаторов по поводу смерти Тиберия, такие меры против его памяти приняты все же не были. Более того, Тиберий был похоронен торжественно, со всеми полагающимися почестями (Suet. Tib. 75; Cal. 15, 1). Что касается Нерона, то он оказался единственным императором, при жизни официально лишенным своих полномочий и званий и признанный врагом (Suet. Nero 49, 2). Разумеется, его пример вдохновить Веспасиана не мог. Как уже говорилось, Веспасиан выдвинул лозунг возрождения Рима после гражданской войны, сопоставляя себя с Августом. Непосредственные же его предшественники высту-

⁷⁰ Last H. The Principat... P. 408; Brunt P. A. Lex... P. 115; Егоров А. Б. Закон о власти Веспасиана... С. 156–157.

⁷¹ При этом Клавдий, в отличие от Августа, не назван божественным. Это, конечно, объясняется тем, что Нерон отменил обожествление Клавдия, и оно было восстановлено уже Веспасианом после его утверждения у власти: Suet. Claud. 45.

⁷² Geheis. Claudius // RE. 1899. Hbd. 6. Sp. 2788; Gelzer M. Iulius // RE. 1917. Hbd. 19. Sp. 417; Brunt P. A. Lex... P. 103.

пали как лидеры гражданской войны. В свое время сам Веспасиан присягал всем им, но теперь, выступая спасителем Рима от ужасов междоусобных войн, он себя им явно противопоставлял⁷³. Позже положение несколько изменилось, и уже юный Домициан предложил восстановить почести Гальбе (Tac. Hist. IV, 40), а в законе испанского муниципия Ирни времени, правда, уже того же Домициана появляется имя этого императора (Lex Irn. XIX, 20; XX, 15; VA, 13). Но пока шла война или еще были свежи воспоминания об ее ужасах, в том числе, конечно, о недавних ожесточенных боях на улицах Рима, ссылка на примеры этих императоров была совершенно неуместна. К тому же, закон, вероятнее всего, был принят до восстановления почестей Гальбе⁷⁴. Так что в момент его принятия ни о каком официальном восстановлении памяти Гальбы речи еще не было.

Итак, можно говорить, что субъективными причинами издания закона об империи Веспасиана были конкретная политическая обстановка в Риме и стремление Веспасиана и его круга (в первую очередь Муциана) обращением к народу компенсировать незначительность нового императора⁷⁵, отсутствие у него всяких связей с прежним правящим домом, обеспечить ему ту *auctoritas*, которая, казалось, исчезла после гибели Нерона. Нет никаких оснований полагать, что этот закон повторял прежние законы или хотя бы имел прототип в виде закона 37 г., передавшего якобы всю власть Калигуле. У Юлиев-Клавдиев, включая того же Калигулу, не было причин инициировать такой закон. Не исключено, что непосредствен-

⁷³Это было, по-видимому, частью общего противопоставления Веспасианом себя и своего сына Тита старой знати, которая не могла спасти Рим от гражданских войн, что сумели сделать незнатные Флавины: *Schalit A. Die Erhebung*. . . S. 213.

⁷⁴*Brunt P. A. Lex*. . . P. 105. Впрочем, вопрос о восстановлении почестей Гальбе не столь простой. Светоний (*Galba* 23) сообщает, что принятое было сенатом постановление о воздвижении статуи Гальбы Веспасиан отменил. Так что возможно, что восстановление имени и почестей Гальбы произошло уже только при Домициане.

⁷⁵П. А. Брант отмечает, что почти монополия Флавиев на ординарные консульства и абсурдное число императорских аккламаций отражает желание Веспасиана компенсировать свою *novitas*: *Brunt P. A. Lex*. . . P. 115, n. 113. Флавиевской пропагандой широко распространяются слухи о различных пророчествах относительно прихода к власти властителя и спасителя, каким представлялся Веспасиан, и явно связанных с этим чудесных исцелениях, совершенных им в Александрии (*Schalit A. Die Erhebung*. . . S. 213-218).

ным инициатором созыва комиций и принятия закона был именно Муциан. Возможно, такой план у него возник еще при составлении заговора против Вителлия, когда он, если верить Тациту (*Hist. II, 76-77*), уговаривал Веспасиана решиться на выступление, не взирая на незнатность Веспасиана и меньшую, чем, например, у Корбулона, знатность самого Муциана.

Объективный результат принятия этого закона был очень важен. Хотя закон и не давал Веспасиану никаких дополнительных полномочий (но и никак их не ограничивал), здесь, как нам представляется, различные (хотя, может быть, и не все) полномочия императора были уточнены и впервые сведены воедино⁷⁶, а его власть была оформлена в виде закона, принятого комициями. Тем самым императорская власть полностью отрывалась от дома Цезаря и Августа (так что эти имена окончательно превращаются в титулы). Не только *potestates* и *imperium*, но и *auctoritas* теперь связываются не с происхождением, не с определенной семьей, а с должностью⁷⁷. Тот, кто становится принцепсом, тот и приобретает все эти аспекты власти. Это в принципе открывает возможность достичь такого положения любому удачливому претенденту. Это, кстати, понимал, как кажется, и сам Веспасиан: стремясь обеспечить власть за своими сыновьями, он заявлял, что наследовать ему будут или они, или никто (*Suet. Vesp. 25*). Таким образом, принципат из чрезвычайно установленного, характер которого он сохранял, несмотря на столетнюю продолжительность и всеобщую убежденность в его необходимости и неизбежности, превращается в юридически определенный институт, не связанный с конкретной фамилией⁷⁸.

В значительной степени это было подготовлено Гальбой, который выдвинул в качестве основания для занятия трона принцип не принадлежности к определенной семье, а заслуги перед государством. Неважно, что для самого Гальбы, как об этом говорилось, заслуга сводится к знатному происхождению и хорошим личным качествам императора. Важно выдвижение нового принципа. Второй шаг на пути к новому порядку приобретения вла-

⁷⁶ *Last H. The Principat...* P. 407; *Bengtson H. Die Flavier. S. 63; Christ K. Römische Geschichte. S. 164.*

⁷⁷ *Brunt P. A. Lex...* P. 115.

⁷⁸ *Levi M. A. I Flavi. P. 189; Bengtson H. Die Flavier. S. 65; Егоров А. В. Рим на грани эпох. С. 203.*

сти представлен законом об империи Веспасиана, официально давшем власть вообще незнатному полководцу. Конечно, этот закон лишь легализовал фактический военный захват власти. Но в правовом отношении закон открыл новый этап развития императорской власти.

Можно говорить, что именно гражданская война 68/69 гг. стала рубежом, разделившим ранний и поздний принципат.

Рождение принципата Флавиев

Днем рождения принципата Флавиев стали июльские календы 69 года, когда Тит Флавий Веспасиан, назначенный Нероном вести войну в Иудее, был провозглашен императором легионами, находившимися в Александрии (Tac. Hist., I, 10; II, 79). Будучи третьим с момента низвержения Нерона претендентом на высшую власть в Римской империи, являясь выходцем из незнатной италийской семьи, Веспасиан оказался победителем в борьбе за императорский престол и стал основателем новой династии.

Традиция донесла до нас некоторые подробности биографии Веспасиана. Будущий император родился в деревушке Фалакрины близ Реате в области сабинов и воспитывался в поместье бабки по отцу (Suet. Vesp., 2, 1). Его прадед был подрядчиком артелей, дед — центурионом или солдатом, а отец — сборщиком сороковой доли в Азии (ibid., 1, 2-4). Но именно от них, скорее всего, Веспасиан унаследовал навыки управления хозяйством, практичный и трезвый ум, бережливость и равнодушие к показному блеску, помогающие достигать задуманного расчетливо и не расточая сил на условности. На начало карьеры Веспасиана в значительной степени повлияла его мать Веспасия Полла. Она, исходя из уважаемого рода в Нурсии, будучи сестрой сенатора, достигшего преторского звания и, возможно, убежденная различными гаданиями и предзнаменованиями в счастливом будущем сына, заставила Веспасиана вступить на сенаторское поприще (ibid., 1, 3; 5, 2).

Карьера Веспасиана была постоянной сменой взлетов и падений. После квестуры и наместничества на Крите и Кирене он был по приказанию Калигулы прилюдно вымазан грязью как нерадивый эдил (Suet. Vesp., 2,3; 5,3), но добился вскоре претуры и благоволения Калигулы, а чуть позже — милости Нарцисса, вольноотпущенника Клавдия, и назначения легатом легиона в Германии. Одержав затем ряд побед в Британии в присутствии самого императора Клавдия и получив трумфальные отличия, два жреческих сана и, наконец, консулат (ibid., 2, 2-3; 4, 1-2; Tac. Agr., 13; Jos. VI, III, 1, 2), Веспасиан пережил опасные времена, когда к власти пришел Нерон, и его влиятельная мать Агриппина обратила свой гнев про-

тив Нарцисса и его друзей (Suet. *Vesp.*, 4,2). Только в 61 году, через десять лет после консулата, Веспасиан получил проконсульство, но зато в богатой и важной провинции Африке. Правил он, по Светонию, «честно и с большим достоинством», однако во время мятежа в Гедрумете Веспасиана забросали репой, и вся Африка долго ненавидела его (ibid., 4,3 ср.: Tac. *Hist.*, II, 91). А главное, вернулся Веспасиан из Африки почти нищим, вынужден был, поскольку займодавцы совсем не верили ему, заложить свои имения брату и заняться торговлей мулами и добыванием сенаторского звания молодым людям за деньги (Suet. *Vesp.*, 4,3). Однако вскоре каким-то образом Веспасиан попал в число сопровождавших Нерона в его поездке по Греции — может, по просьбе брата Сабина, который был префектом города при Нероне (Tac. *Hist.*, I, 46) — но, не заботясь выглядеть страстным поклонником сценических талантов императора, он часто выходил во время выступлений Нерона или засыпал. Поэтому Веспасиан быстро вновь впал в немилость и удалился в маленький безвестный городок не без опасений за свою жизнь (Tac. *Ann.*, XVI, 5; Suet. *Vesp.*, 4,4). Оттуда-то Веспасиан и был вскоре вызван Нероном, но не для наказания, а чтобы получить командование тремя легионами и задачу подавления восстания в Иудее (Tac. *Hist.*, V, 10; Suet. *Vesp.*, 4,5; Jos. VI, III, 2, 1-3). Веспасиану было тогда 56 лет.

В его карьере поражает, прежде всего, удивительная выживаемость, умение приспособиться к любым обстоятельствам и быстро среагировать на их изменение с выгодой для себя¹. Думается, в этом Веспасиану помогла и его расчетливость италийского земледельца, и отсутствие чрезмерной гордыни, характерной для аристократов, и способность выйти из неловкой ситуации при помощи шутки (ср.: Tac. *Ann.*, III, 55; Suet. *Vesp.*, 22, 1-4).

Веспасиан был назначен командовать подавлением восстания в Иудее как талантливый полководец, но совершенно не опасный с точки зрения претензий на высшую власть человек. Ведь не мог италиец быть соперником потомку божественного Августа, да и сын Веспасиана, Домициан, находясь в Риме, был весомой гарантией от мятежных настроений отца (Jos. VI, III, 1,2). Кроме того, Веспасиан не ладил с Лицинием Муцианом, назначенным в наместники Сирии (Tac. *Hist.*, II, 5; Suet. *Vesp.*, 4,6), то есть они вряд ли могли най-

¹ Charlesworth M. P. The Flavian Dynasty // САН. Vol. 11. 1936. P. 2-3.

ти общий язык и, наоборот, уравновешивали влияние и силы друг друга.

В Иудее Веспасиан подтвердил свою былую славу отличного полководца, проявив не только храбрость, решительность и даже жестокость (Jos. VI, III, 6, 3; 7, 14; 10, 10), но хитроумие и осторожность (ibid., III, 10, 1; IV, 6, 1) К концу 68 года Веспасиан подчинил практически всю Иудею, за исключением Иерусалима (ibid., IV, 7, 3; 8, 1; Tac. Hist., II, 4, 78) и сумел настолько завоевать симпатии солдат даже при строгой дисциплине (Tac. Hist., II, 5, 82; Suet. Vesp., 4, 6; Dio Cass. LXV, 8, 3), что воины из III легиона, переведенного в конце правления Нерона из Сирии в Мезию, позже расхваливали Веспасиана другим солдатам как достойного звания императора (Suet. Vesp., 6, 3). Кроме того, за короткое время Веспасиан сумел расположить к себе соседние области и провинции (ibid., 4, 6 ср.: Tac. Hist., II, 81), в чем ему могло помочь, помимо «военной славы, рассудительности и справедливости», знакомство через отца с нравами населения Востока (Suet. Vesp., 1, 2 ср.: Dio Cass., LXV, 8, 3).

Сложно сказать, почему у Веспасиана не ладилась отношения с наместником Сирии Лицинием Муцианом, но объяснение их враждебности у Тацита исключительно тем, что «они правили соседними, а потому соперничающими провинциями» (Tac. Hist., II, 5), уже подвергалось сомнению². Рискнем предположить, что немалую роль сыграли отличия характеров и карьеры полководцев. Если Веспасиан вел простой образ жизни, то Муциан был известен любовью к роскоши и всегда искал дружбы людей знатных и богатых, а ни тем, ни другим Веспасиан не блистал. Муциан, в отличие от Веспасиана, не был любимцем Клавдия, но, напротив, был послан им в Азию (ibid., II, 5 ср.; I, 10). Военные таланты Муциана были очень велики, но верховное командование принадлежало Веспасиану (Tac. Hist., I, 10, II, 4; Jos. VI, III, 2, 3), причем вопреки традиции: обычно «верховенство в регионе было у правителя Сирии как у главы борьбы с парфянами»³. Вот почему Муциан не сразу отдал свои легионы в подчинение Веспасиану. Регулярное общение двух полководцев началось не раньше, чем на Восток пришла весть о гибели Нерона (Jos. VI, IV, 9, 2). Огромную роль в примирении

² *Chilver G. E. F.* A Historical Commentary on Tacitus' «Histories», I and II. Oxford, 1979. P. 168.

³ *Stevenson G. H.* The Year of Four Emperors // САН. Vol. 10. 1934. P. 827–828.

Веспасиана и Муциана сыграл, по мнению Тацита, Тит (Tac. Hist., II, 5).

В историографии по-разному решается вопрос о том, почему Муциан предпочел поддержать Веспасиана как претендента на звание принцепса, а не бороться за власть самому, но дипломатический талант Тита (Tac. Hist., II, 5) считается лишь одной из причин. М. П. Чарлсворт и Дж. А. Крук и усматривали мотивы Муциана в осознании того, что он бездетный, а у Веспасиана двое взрослых сыновей⁴. П. М. Роджерс считал, что Муциана предпочел влияние на вторых ролях тем опасностям, какие таит звание принцепса⁵. По мнению Г. Х. Стевенсона, Муциан вообще не имел политических амбиций, предпочитая политике литературные и естественнонаучные занятия⁶. Данная точка зрения представляется спорной, если учесть зависть Муциана к успехам Антония Прима в Италии и энергичную политическую деятельность Муциана в Риме до прибытия Веспасиана в интересах не только упрочения династии Флавиев, но и собственного влияния и обогащения (Tac. Hist., III, 52, 53, 78, IV, 1, 11, 80; Dio Cass. LXVI, 2, 2-5).

На наш взгляд, на выбор Муциана повлияло (по крайней мере — отчасти) то обстоятельство, что именно Веспасиану как руководителю подавления восстания в Иудее могли содействовать в надежде на сохранение в неприкосновенности Иерусалима или хотя бы его храма царь Агриппа — правнук Ирода Великого, властитель г. Халкиды в Сирии, иудейских районов за Иорданом, иудейских топархий в Галилее и Перее и глава иерусалимского храма с правом назначать высших священников, его сестра Береника и их родственник префект Египта Гиберий Юлий Александр. А их поддержка означала военную и денежную помощь важнейших восточных провинций и возможность контактов с местной политической и деловой элитой. В целом, разнообразные преимущества на стороне Веспасиана и его влияние показались амбициозному, но расчетливому и опытному в интригах Муциану весьма внушительными, чтобы активно содействовать возвышению прежнего соперника, оставаясь на вторых ролях.

⁴ Charlesworth M. P. The Flavian Dynasty. P. 2; Crook J. A. Titus and Berenice // AJPh. Vol. 72. 1951. P. 162.

⁵ Rogers P. M. Titus, Berenice and Mucianus // Historia. Bd. 29. Heft 1. 1980. S. 88.

⁶ Stevenson G. H. The Year of Four Emperors. P. 828.

Античная традиция донесла до нас различные датировки решения Веспасиана бороться за власть. По официальной флавианской версии, представленной в «Иудейской войне» Иосифа Флавия и разделяемой в работах А. Г. Бокщанина, Г. Х. Стевенсона и, с оговорками, В. А. Гольденберга⁷, Веспасиан был склонен к борьбе за звание императора солдатами и полководцами восточных легионов, возмущенными беззакониями и несправедливостями императора Вителлия, то есть не ранее апреля 69 года (Jos. VI, IV, 10, 4).

Эта версия, однако, была поставлена под сомнение уже Тацитом. В начале второй книги «Истории» Тацит отступил от повествования о войне Отона и Вителлия (Tac. Hist., II, 1–7 ср.: I, 86–100, II, 11–51) и обратился к рассказу о совещаниях Веспасиана и Муциана сразу после гибели Нерона (после 9 июня 68 года); о том, что Тит по пути в Рим к Гальбе допускал мысль о вступлении отца в борьбу за власть; что после возвращения Тита на Восток только армии и провинции пребывали в сомнениях, а лидеры уже решились на войну; о том, что Вителлий прибыл в Рим после провозглашения Веспасиана императором на Востоке (Tac. Hist., II, 5, 1, 4, 87).

Светоний и Дион Кассий датировали решение Веспасиана бороться за власть временем после смерти Гальбы — после 15 января 69 года (Suet. Vesp., 5; Dio Cass., LXVI, 8, 3).

Едины наши источники в том, что сам Веспасиан не помышлял о войне против Гальбы, но, напротив, отправил своего сына Тита для выражения поздравлений и преданности Гальбе и для получения приказаний насчет ведения войны (Tac. Hist., I, 10; II, 1, 76; Suet. Vesp., 5, 1; Tit., 5, 1; Jos. VI, IV, 9, 2). Однако этой версии противоречат два обстоятельства. Во-первых, поход на Иерусалим был отложен раньше, чем пришла весть о провозглашении Гальбы императором (Jos. VI, IV, 9, 2). Во-вторых, поездка Тита на Запад была более, чем неспешной для целей выражения лояльности новому правителю: за полгода (Гальба стал императором 8 июня 68 года и был убит 15 января 69 года) Тит добрался только до Коринфа в Ахайе, в то время как вернулся обратно самое позднее — в апреле (Tac. Hist., II, 2, 7, 74; Jos. VI, IV, 9, 2), успев при этом посетить храм Венеры Пафосской на Кипре (Tac. Hist., II, 2-4; Suet. Tit., 5, 1).

⁷ Бокщанин А. Г. Социальный кризис римской империи в I веке н. э. М., 1954. С. 221; Гольденберг В. А. Очерки по истории Римской империи в I веке н. э. Харьков, 1958. С. 103; Stevenson G. H. The Year of Four Emperors. P. 828.

Примирить эти две группы свидетельств, не отвергая при этом единодушное свидетельство античных авторов о лояльности Веспасиана Гальбе, можно лишь предположением, что Веспасиан, даже если он склонялся к борьбе за власть сразу после известий о гибели Нерона, принял затем власть Гальбы, но другие полководцы, и в том числе Тит, сохранили честолюбивые надежды. Поэтому Тит не очень усердно выполнял волю отца.

Подтверждением лояльности Веспасиана Гальбе может служить как замечание Тацита, что по сравнению с другими командирами Веспасиан решился на войну позже (Tac. Hist., II, 7), так и, в особенности, принадлежность Веспасиана к друзьям Тразеи Пета (ibid., IV, 7), а значит — и Гельвидия Приска, зятя и ученика Тразеи (ibid., IV, 5), и самого Гальбы, о теле которого Гельвидий позаботился после убийства несмотря на возможность неприязни Отона (Plut. Galba, 28). Подтверждением честолюбивых планов Тита являются его усердия по примирению Веспасиана с Муцианом еще до поездки к Гальбе (Tac. Hist., II, 5 ср.: II, 6-7). Кроме того, во время своей поездки по Ахайе Тит не попытался опровергнуть слухи о возможном усыновлении себя Гальбой (ibid., II, 1; Suet. Tit., 5, 1). Скорее наоборот, он намеренно вел себя твердо и величественно, что в сочетании с его умом и красотой сделало слух «не таким уж нелепым» (Tac. Hist., II, 1). Наконец, для осведомления о безопасности плавания на обратном пути Тит выбрал особо почитаемый и среди местных жителей, и у чужестранцев храм Венеры Пафосской на Кипре (ibid., II, 2), причем жрец удостоил Тита тайным посещением и возвещением крайне благоприятного пророчества, в котором были подтверждены надежды Тита на власть (Tac. Hist., II, 4; Suet. Tit., 5, 1).

Визит Тита на Кипр был, несомненно, тщательно спланирован: «с целью разведки общественного мнения»⁸, а также для подготовки его к мысли, что Флавий может с успехом претендовать на престол. Усилия Тита не были излишними, потому что он прибыл к отцу как раз когда положение в войсках и провинциях было неустойчивым (Tac. Hist., II, 4). Но еще важнее то, что усилия Тита оказались успешными: его вера и рассказ склонили чашу весов в пользу Флавиев (ibid.). По-видимому, как раз осознание важно-

⁸Циркин Ю. В. Гражданская война 68–69 гг. и провинции. Античное общество. СПб., 1997. С. 105.

сти и эффективности подобных пророчеств привело Веспасиана на гору Кармел, где у алтаря жрец с красноречивым именем Басилид пообещал ему все, что бы он не замыслил — «пышные дворцы и бескрайние владения, и власть над множеством людей» (Tac. Hist., II, 78). В это время Веспасиан уже «имел надежды на власть» (ibid.), и распространение предсказаний Басилида имело решающее вдохновляющее значение именно для окружения Веспасиана⁹.

Итак, решение Веспасиана бороться за высшую власть формировалось постепенно и окончательно оформилось с известием о гибели Гальбы. Важную роль при этом сыграли честолюбие и дипломатические таланты Тита, энергичная поддержка Муциана, стремление всех полководцев к наживе и власти, лояльность местной элиты, наконец, то, что на смену почтенному Гальбе пришли Отон и Вителлий. Консультации с оракулами и распространение предсказаний были необходимы для подготовки общественного мнения к выступлению Флавиев потому, что общество и армии восточных провинций не были готовы к мысли о борьбе Флавиев за власть. Об этом свидетельствует восприятие слухов, связанных с претензиями Тита стать наследником Гальбы как «нелепых» (Tac. Hist., II, 1), и общая неустойчивость настроений войск и провинций по отношению к Флавиам (ibid., II, 4). Сомнения в надежности и силе войск, по Тациту, были главной тревогой Веспасиана, заставлявшей его медлить с выступлением (ibid., II, 74).

Тацит пишет, что о возможности участия в гражданской войне в восточных провинциях впервые заговорили одновременно с известием предстоящей присяге Отону и о начале войны Отона с Вителлием (Tac. Hist., II, 6). Именно тогда в легионах начался подсчет сил для собственного выступления, но Веспасиан и Муциан «сочли за лучшее отложить войну, на которую все уже решились» (ibid., II, 6, 7). По Тациту, сомнения Веспасиана в численности и надежности своих войск, были главной причиной промедления (ibid., II, 74) .

Примерно в это время состоялась встреча Муциана с Веспасианом, на которой присутствовали также их друзья и приближенные (ibid., II, 76–78). На этой встрече был улажен вопрос о статусе Муциана: ему было поручено командование походом на Рим — а также сформулировано идеологическое оправдание началу открытого вы-

⁹Morgan M. G. *Vespasian and the Omens in Tacitus' Histories II, 78* // Phoenix. Vol. 1. 1996. N 1. P. 48, 51, 53.

ступления: «невозможность смотреть, как государство идет к поруганию и гибели в руках ленивого, жестокого и невежественного Вителлия» (Tac. Hist., II, 76-77; Jos. BI, IV, 10, 4).

Очень важно заметить, что источником порочащей Вителлия информации были, бесспорно, не простые легионеры. В частности, сведения о наличии поддержки в Европе и союзниках в Италии и Риме (Jos. BI, IV, 10, 3) явно исходили от военных более-менее высокого ранга, имевших доступ к донесениям гонцов. Слух о намерении Вителлия перевести сирийские легионы на службу в Германию, появившийся в это же время (Suet. Vesp., 6, 4), имел, скорее всего, автором Муциана, так как позже именно он красочно рассказывал об этом намерении Вителлия в антиохийском театре (Tac. Hist., II, 80), но нигде не подтверждена истинность планов Вителлия. Тогда же пошло по рукам в списке послание к Веспасиану с последней волей Отона — отомстить за него и спасти государство (Suet. Vesp., 6, 4). Вряд ли послание было настоящим: призыв к мщению противоречит всему стилю поведения Отона в последние часы жизни (Tac. Hist., II, 47-49; Plut. Otho, 15-16). Наоборот, призывы в завещании Отона совпадают со словами Муциана о поругании государства и мыслями Веспасиана о погибели отечества и необходимости мщения, с жалобами солдат и полководцев на необузданность Вителлия, наконец — с умением Тита подделывать почерки (Tac. Hist., II, 74-76; Suet. Tit., 3, 2; Jos. BI, IV, 10, 3). Скорее всего, послание Отона было составлено по инициативе военачальников и распространено среди солдат. Итак, именно полководцы Веспасиана тщательно и разнообразно подготавливали солдат и общественное мнение восточных провинций к мысли о неприемлемости Вителлия как императора. Начало этому было положено встречей Веспасиана с Муцианом и другими друзьями и приближенными, и остается только выразить сожаление, что Тацит не назвал присутствовавших по именам.

Среди сторонников Веспасиана особого внимания заслуживает префект Египта Тиберий Юлий Александр, так как именно он, по свидетельству античной традиции, первым привел два легиона и население Александрии к присяге на верность Веспасиану (Tac. Hist., II, 79; Suet. Vesp., 6,3; Jos. BI, V, 1,6). Тиберий Юлий Александр был назначен префектом Египта в 66 году (Jos. BI, II, 15, 1; 18, 7) как человек, имеющий административный и военный опыт: он начинал карьеру с должности эпистратега Фив, был потом про-

куратором Иудеи с 46 по 48 год, а в 63 году был одним из офицеров Корбулона, избранных встречать и сопровождать к римлянам Тиридата (Тас. Ann., XV, 28; Jos. VI, II, 11, 1). Известно, что Тиберий Александр признан императором сначала Гальбу в эдикте от 6 июля 68 года, а затем и Отона, и Вителлия, так как их имена использовались при датировке¹⁰. Вместе с тем, Тиберий Александр довольно рано узнал о планах Веспасиана и одобрил их (Тас. Hist., II, 74).

Источники умалчивают, когда и почему он решил поддержать Флавиев. Е. Г. Турнер в связи с этим просто констатировал перемену планов префекта Египта¹¹. Г. Х. Стевенсон¹² предполагал, что Тиберий Александр сам стремился к переменам. Я. Л. Черток считал, что склонению Тиберия Александра на сторону Веспасиана содействовали царь Агриппа и его сестра Береника, для которой возвышение Флавиев было делом первостепенной важности ввиду ее связи с Титом (Тас. Hist., II, 2)¹³. Но и поведение самого Веспасиана, по нашему мнению, тоже повлияло на Тиберия Александра, ведь Веспасиан сумел привлечь к себе соседние с Иудеей провинции, только-только вступив в должность (Suet. Vesp., 4, 6), а впоследствии обращался к Тиберию Александру в письмах с просьбами о помощи (Jos. VI, IV, 10, 6). По свидетельству Иосифа Флавия, именно письма Веспасиана побудили Тиберия Александра привести войска и народ в Александрии к присяге на верность новому императору (ibid.).

В античной традиции сохранились достаточно подробные сведения о развитии слухов о Веспасиане в Риме. Они являются любопытнейшим отражением событий на Востоке. При Гальбе о Веспасиане в Риме практически не было слышно, и его брат Сабин перестал быть префектом города (Тас. Hist., I, 46). Когда принцем стал Отон, до Италии дошли смутные слухи о приготовлениях Веспасиана к войне: «кое-кто предсказывал, что Веспасиан скоро выступит» (ibid., I, 50), причем в Риме к кандидатуре Веспасиана отнеслись как вполне возможной, хоть и не блестящей (ibid.), а Отон даже вновь назначил Флавия Сабина, брата Веспасиана,

¹⁰ Turner E. G. Tiberius Iulius Alexander // JRS. Vol. 44. 1954. Pt. 1. P. 60–61.

¹¹ Ibid. P. 61.

¹² Stevenson G. H. The Year of Four Emperors. P. 828.

¹³ Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. Я. Л. Чертка. СПб., 1991. С. 336. Прим. 1.

префектом города (Plut. Otho, 5). Уже при Отоне на смену предположениям о выступлении Веспасиана пришла весть о нем как о свершившемся факте (Plut. Otho, 4). Слух распространился далее при Вителлии (Tac. Hist., II, 67) и, скорее всего, не без содействия приверженцев Веспасиана, ибо слух этот был выгоден флавианцам, желавшим заручиться поддержкой преторианцев, уволенных со службы Вителлием (ibid., II, 82 ср.: II, 67). Слухи о Веспасиане в Риме не только отражают ход событий на Востоке, но свидетельствуют об известности и влиятельности имени Веспасиана в столице, о налаженности сообщения между Римом и Востоком и о том, что у Флавиев, бесспорно, была некоторая поддержка в Риме. В нее могли входить те, кто заступался за Веспасиана при Нероне (Tac. Ann., XVI, 5), а также все, кто был связан с погибшими при Нероне Тразеей Петом, Бореей Сораном и неким Сентием, ибо Веспасиан был их другом (Tac. Hist., IV, 8 ср.: II, 91; Ann., XVI, 26).

Провозглашение Веспасиана императором неоднозначно представлено в источниках. Тацит пишет, что первыми признали Веспасиана императором в Александрии в июльские календы (1 июля), а затем в иудейской армии — на 5 сутки после июльских нон (11 июля) и неожиданно (Tac. Hist., II, 79). После этого привел свои войска к присяге Веспасиану Муциан в Сирии (ibid., II, 80), и еще до июльских ид (15 июля) к новому императору примкнула вся Сирия (ibid., II, 81). Чуть позже на сторону Веспасиана перешла иллирийская армия, хотя в Мезии III легион, может, изменил Вителлию раньше (ibid., II, 85 ср.: IV, 3, Suet. Vesp., 6, 3).

С рассказом Тацита не совпадает сообщение Иосифа Флавия, что до признания Веспасиана императором в Александрии он был провозглашен императором своими войсками в Иудее, причем лично при этом присутствовал (Jos. BJ, IV, 10, 4). Только после этого Веспасиан написал Тиберию Александру, призывая к содействию, так как хотел обеспечить себе Александрию — ее хлеб, два легиона и ее недосыгаемость в качестве оплота против случайностей (ibid., IV, 10, 5-6). Однако чуть позже, как бы мимоходом Иосиф упоминает все же о первенстве Тиберия Александра в провозглашении Веспасиана императором и о превращении Тиберия Александра в начальника иудейского войска (что подтверждается надписями), и в ближайшего советника и друга Тита (Jos. BJ, V, 1, 6; V, 12, 2; VI, 4, 3; IGRR, III, 1015).

Вряд ли Иосиф Флавий перепутал события в Александрии и в Иудее, ведь он был современником и, не исключено, очевидцем происходящего (Jos. VI, III, 8, 9). Скорее, он намеренно поменял события местами, чтобы версия о Веспасиане, склоненном к выступлению против Вителлия своими солдатами, выглядела более гладкой. Если же во время одной из совместных сходов солдат и командиров в Цезарее войска Веспасиана и в самом деле выразили ему свою готовность идти против всякого противника на спасение государства (Jos. VI, IV, 10, 4-5), то это была, очевидно, «генеральная репетиция», после которой Веспасиан отправил письмо с призывом к содействию к Тиберию Александру (Tac. Hist., II, 74), а Тита послал в Сирию к Муциану, с нетерпением ожидавшему начала событий (ibid., II, 79, 80).

Не подлежат сомнению тщательная продуманность, спланированность и подготовленность провозглашения Веспасиана императором. Они проявились и в отправке Веспасианом письма к Тиберию Александру, а Тита — к Муциану; и в том, что Муциан ожидал сигнала к выступлению и подготовил красочную речь на греческом языке с обвинениями против Вителлия для произнесения в театре перед населением Антиохии (Tac. Hist., II, 79-81); и в том, что префекту Египта достаточно было «приказать» легионам присягнуть на верность Веспасиану в пригородах Александрии, а затем этот акт был слаженно повторен жителями на ипподроме в самом городе¹⁴. Наконец, присяга Веспасиану в Иудее разворачивалась с точностью часового механизма: несколько солдат приветствовали Веспасиана императором, немедленно сбежали остальные, тут же присвоили ему титулы Цезаря, Августа и все прочие звания, что полагаются принцепсу, а Веспасиан «оставался таким, как прежде», «тут же овладел собой и обратился к войску с несколькими простыми и суровыми словами» (Tac. Hist., II, 79). Интересно, что ни Гальба, ни Отон не получали от солдат всех званий, подобающих принцепсу, а провозглашение императором Вителлия было, скорее всего, столь же внимательно продумано его легатами (Tac. Hist., I, 27, 36, 57; Suet. Galba, 10,1; Otho, 6,3; Plut. Galba, 5, 22, 25 ср.: Suet. Vit., 8,1-2). «Внезапность» присяги Веспасиану в Иудее заключалась не более, как в том, что Тит не успел по каким-то причинам вернуться из Сирии (Tac. Hist., II, 79).

¹⁴Циркин Ю. В. Гражданская война 68–69гг. ... С. 106.

Быстрое развитие событий — Тацит и Иосиф Флавий сообщают, что весть о новом императоре Веспасиане разнеслась на Востоке с невероятной быстротой, и все приморские провинции вплоть до границ Азии и Ахайи и все внутренние вплоть до Понта и Армении присягнули Веспасиану (Tac. Hist., II, 81; Jos. VI, IV, 10, 6) — тоже предполагает какие-то предварительные подготовительные мероприятия. Возможности для них были, так как царь Эмесы Сохем, правитель Коммагены Антиох и царь Агриппа участвовали со своими отрядами в подавлении восстания в Иудее, Береника не раз встречалась с Титом, в Азии сохранилась память об отце Веспасиана как справедливом сборщике налогов. Кроме того, вряд ли кто сомневался в силе римских легионов, находившихся в подчинении Веспасиана, особенно, если учесть, что в Каппадокии, Ахайе, Азии и Понте явно не хватало военных сил (Tac. Hist., II, 5, 83; III, 47-48; Suet. Vesp., 1,2; 8,4; Jos. VI, II, 18, 9; III, 4, 2).

Своеобразным символом консолидации сил Востока вокруг Веспасиана стал военный совет в Берите — в городе, расположенном посередине пути между Цезареей и Антиохией. Из Цезарей прибыл в Берит Веспасиан с отборными солдатами, а из Антиохии — Муциан, окруженный легатами, трибунами, прославленными центурионами и солдатами (Tac. Hist., II, 81). Прибыли также цари и многие посольства со всей Сирии и из других провинций, чтобы вручить Веспасиану венки и приветственные адреса от всех городов (Jos. VI, IV, 10, 6). Совет имел вид не собрания изменников, а «будто на нем принимали настоящего принцепса» (Tac. Hist., II, 81).

В присутствии солдат на совещании в Берите часто усматривают свидетельство возросшей роли солдат вообще и в становлении Веспасиана императором в частности¹⁵. На наш взгляд, отборные воины были не более, чем личной охраной полководцев. Во-первых, Веспасиан и Муциан считали вполне реальной возможность покушений, а собрание посольств от городов вполне могло таить опасность. Во-вторых, на совещании солдаты ничем не проявили себя, кроме простого присутствия (Tac. Hist., II, 81; Jos. VI, IV, 10, 6). Даже денежный подарок за участие в гражданских войнах им обещали не больше, чем другие платили в мирное время (Tac. Hist., II,

¹⁵См. подробнее: *Chilver G. E. F. The Army in Politics, A.D. 69-70 // JRS. Vol. 47. 1957. Pt. 1. P. 34.*

82). По сравнению со строгой армейской политикой Веспасиана показательны его меры по отношению к своим более знатным приверженцам. Он освободил из оков по совету Тита пленника Иосифа — предводителя сопротивления иудеев в Иотопате, — который давно уже осмелился величать Веспасиана императором, и «признательность, проявленная к чужому, послужила для полководцев указанием на собственное лучшее будущее» (Jos. VI, IV, 10, 7). Более конкретным указателем была раздача наместничеств по заслугам и достоинствам и назначение новых членов сената (Tac. Hist., II, 82; Jos. VI, IV, 11, 1).

Главным вопросом на совещании в Берите стала, похоже, проблема распределения сил, ибо часть войск необходимо было оставить в не до конца покоренной Иудее. Поэтому решение, что «для победы над Вителлием не нужны все войска» было отчасти вынужденным, и риск, по-видимому, хорошо осознавался: Веспасиан должен был отправиться в Александрию, чтобы остановить поставки хлеба в Рим и голодом принудить столицу к капитуляции, а в крайнем случае — укрыться в хорошо укрепленном городе (Tac. Hist., II, 82 ср.: III, 48; Jos. VI, IV, 10, 5). Актуальность вопроса о людях и вооружении подтверждается тем, что после собрания в Берите Веспасиан, прежде всего, стал набирать рекрутов и призвал в армию ветеранов, а командирам приказал переманивать на свою сторону уволенных Вителлием преторианцев, обещая возвращение на службу (ibid. ср.: II, 67, 76). Ко всем армиям и легатам были подготовлены письма (ibid., II, 82). Самым богатым городам было приказано создать оружейные мастерские (ibid.).

В Антиохии, куда, скорее всего, специально съездил Веспасиан, начали чеканку серебряной и золотой монеты (Tac. Hist., II, 82). Монетные дворы были созданы также в Тире, Эфесе и Византии, в Ликии и, возможно, на Кипре и в Александрии, а чуть позже — в Аквилее и Вероне¹⁶. Денежному вопросу уделялось огромное внимание, а Муциану античная традиция приписывает фразу, что «деньги — станова жила войны» (ibid., II, 84 ср.: Dio Cass. LXVI, 2, 5). Средства добывались преимущественно поборами с провинциалов, при которых не гнушались и доносами (Tac. Hist., II, 84; III, 8, 50; Dio Cass. LXVI, 2, 6; 8, 3).

¹⁶ *Mattingly H.* Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. L., 1967. P. 109.

Для обеспечения тыла были отправлены посольства к парфянам и в Армению (Tac. Hist., II, 82), и дипломатическое искусство Веспасиана парализовало парфянского царя Вологеза, который даже предложил в помощь сорок тысяч стрелков (ibid., IV, 51; Suet. Vesp., 6,4).

Итак, подготовка флавианцев к войне была разветвленной и затрагивала не только сугубо военный аспект, но и денежный вопрос, и дипломатию, и меры по привлечению симпатий местной знати и простого населения. И все-таки, как упоминает Тацит, провинции содрогались при виде легионов и от немилосердных поборов, и даже среди доверенных лиц Веспасиана были «крайне растерянные и слабые», которых приходилось вдохновлять личным примером (Tac. Hist., II, 82). Даже к концу 69 — началу 70 года новому императору не доставало еще величия и веса (Suet. Vesp., 7, 1), и александрийцы не радовались, а досадовали на него, насмехались и порицали (Dio. Cass. LXVI, 8, 2). Все это заставляет усомниться в том, что «Веспасиан был желанным кандидатом для Востока»¹⁷ и предположить, что не без трудностей завоевывал Веспасиан покорность восточных провинций себе. Не случайно, даже после официального признания принцепсом в Риме Веспасиан не пренебрегал доказательствами своей божественной избранности. Он обратился в храм Сераписа, самого почитаемого в египетской столице божества, культ которого был распространен и за ее пределами¹⁸, где его встретил некий Басилид, который не мог находиться поблизости от храма, и это чудо означало покровительство Сераписа в притязаниях Веспасиана на власть (Tac. Hist., IV, 82; Suet. Vesp., 7, 1).

Успех Веспасиана в европейских провинциях тоже не был безоговорочным. Паннонские полководцы, за исключением Антония Прима, были уклончивы и нерешительны (Tac. Hist., III, 3), а наместник Тампий Флавиан, родственник Вителлия, даже уехал из Паннонии в Италию и лишь позже, под влиянием Корнелия Фуска, вернулся (ibid., III, 4). Легат Далмации Помпей Сильван тоже был не склонен к мятежу, будучи, как и Флавиан, богатым и пожилым консуляром, да еще без военного таланта (ibid., II, 86; III, 50). В

¹⁷ Гольденберг В. А. Очерки... С. 104, 111; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1956. С. 398.

¹⁸ Свенцицкая И. С. Эллинистическая культура // История древнего мира. Т. 2. М., 1989. С. 360.

результате, легион Далмации медлил до победы флавианцев при Кремоне (*ibid.*). Наместник Мезии Апоний Сатурнин и вовсе сообщил Вителлию о мятеже в III мезийском легионе, и только позже он перешел на сторону Веспасиана (*ibid.*, II, 96). Порций Септимин, прокуратор Реции, до конца сохранил преданность Вителлию (*ibid.*, III, 5). Только после победы у Кремоны «все» в Приморских Альпах стали переходить на сторону Веспасиана (*ibid.*, III, 42). Тогда же Вителлию изменил Мизенский флот, хотя еще раньше его склонял к предательству центурион Клавдий Фавентин (*ibid.*, III, 57). Правда, до сражения у Кремоны на сторону Веспасиана перешли полководец Вителлия Авл Алиен Цецина и начальник двух флотов Луцилий Басс с Равеннской эскадрой (*ibid.*, III, 12-14; *Jos.* VI, IV, 11, 2-3), но оба военачальника имели личные обиды на Вителлия (*Tac. Hist.*, II, 93, 100), а равенские моряки были в большинстве родом из Далмации и Паннонии, где уже управлял Веспасиан (*ibid.*, III, 12).

Не блестящими были поначалу позиции Веспасиана и в отдаленных провинциях. Несмотря на обращение от Веспасиана и от иллирийских армий (*Tac. Hist.*, II, 98, 86) отборные части британского войска присоединились к Вителлию (*ibid.*, III, 1), и в Африке легионы вернулись в строй под его знамена, а молодежь охотно записывалась в солдаты (*ibid.*, II, 97). Легаты испанских провинций, Веттий Болан в Британии, Гордеоний Флакк в Верхней Германии, Валерий Фест в Африке долго выжидали, кому улыбнется военное счастье (*ibid.*, II, 86, 97). Возможно, провинции Галлии и Испании слали Вителлию деньги, людей и коней (*ibid.*, III, 2). Испания, галльские провинции и Британия присоединились к Веспасиану только после ареста Фабия Валента, последнего из талантливых полководцев Вителлия (*ibid.*, III, 44).

Учитывая все это, сложно не согласиться с Г. Е. Ф. Чилвером, что «Веспасиан повсюду разослал своих агентов», но он, на наш взгляд, отнюдь не «всецело преуспел в подкупе легатов и командиров»¹⁹. Многие зависело от военных успехов вителлианцев и флавианцев, и решающее сражение произошло у Кремоны. (*ibid.*, III, 26-35). Именно победа флавианцев при Кремоне подтолкнула многих сторонников Вителлия и тем более сомневавшихся перейти на сторону Веспасиана (*ibid.*, III, 42, 43). Этому содействовали и меры

¹⁹ *Chilver G. E. F. The Army... P. 34.*

флавианских военачальников: вестников о победе они выбирали с таким расчетом, чтобы напугать жителей провинций и Рима (*ibid.*, III, 35, 54). Но даже тогда некоторых приходилось принуждать, что свидетельствует если не о популярности Вителлия, то о не всеобъемлющем влиянии Веспасиана (*ibid.*, III, 43). Поджог и грабеж Кремоны, порабощение и избиение ее жителей, бесспорно, помешали росту популярности флавианцев.

Складывается впечатление, что сам император Вителлий, возможно — под влиянием приближенных, — долго недооценивал опасность выступления Веспасиана. Сначала он был введен в заблуждение известием о присяге ему иудейских и сирийских легионов (*Tac. Hist.*, II, 73). Затем он получил помощь из западных провинций и Африки (*ibid.*, II, 98; III, 1, 2) и мог надеяться на дальнейшую поддержку легатов, тем более, что Гордеоний Флакк был вместе с ним со времени вступления самого Вителлия в борьбу за власть, Веттий Болан получил из его рук должность наместника Британии, а Валерий Фест управлял Африкой, которая с теплыми чувствами вспоминала о Вителлии (*ibid.*, I, 56-57, II, 57, 65, 97-98).

Только после поражения своих войск у Кремоны и ареста Фабия Валента Вителлий, наконец, «как бы очнулся» (*ibid.*, III, 55). Он попытался организовать сопротивление флавианцам в Апеннинах и в Кампании (*ibid.*, III, 55, 57, 58) и постарался усилить симпатии различных слоев общества к себе: «назначил консулов на много лет вперед, роздал союзникам права федератов, а чужеземцам — латинское гражданство, отложил одним взнос налогов, а других освободил от повинностей и принялся раздаривать государственное имущество» (*Tac. Hist.*, III, 55). Поток благодеяний императора и тактика сокрытия происходящего принесли пользу: лишь немногие догадывались, что дела Вителлия не совсем хороши (*ibid.*). Однако в целом оборонительные меры Вителлия явно запоздали, а поездка императора в Меванию была бесплодной (*ibid.*, III, 56-60).

В это же время, по сведениям Тацита, Антоний Прим с Аррием Варом, с одной стороны, и Муциан, с другой, убеждали Вителлия сдаться на милость Веспасиану, обещая жизнь, деньги и тайное убежище в Кампании, и Вителлий стал подумывать, не согласиться ли (*Tac. Hist.*, III, 63). Флавий Сабин в Риме тоже несколько раз убеждал Вителлия заключить перемирие, и они, как уверяла толпа, пришли к соглашению в храме Аполлона при свидетелях Клувии Руфе и Силии Италике (*ibid.*, III, 65). Рассказ Светония несколько

отличается: Вителлий сам обратился к Сабину и выговорил себе жизнь и сто миллионов сестерциев (Suet. Vesp., 15, 2).

М. Л. Гаспаров полагал, что Вителлий обратился к Сабину в надежде на скрытую вражду между Сабиним и Веспасианом²⁰. Для прояснения вопроса обратимся к сведениям источников. Оценка роли Сабина в лагере флавианцев не однозначна. С одной стороны, считалось, что при назначении Сабина префектом города за его спиной стоял Веспасиан, что именно Сабин через Рубрия Галла повлиял на склонение Цецины к измене Вителлию, что Веспасиан был бы рад оказаться обязанным при получении власти в первую очередь брату (Tac. Hist., I, 46; II, 99; III, 64; Plut. Otho, 5). Самые видные люди в государстве уговаривали Сабина принять участие в победоносном завершении войны, и ему писали военачальники Антония, уговаривая бежать из Рима (ibid., III, 59). Отказ Сабина тем и другим объясняли его мягкостью и отвращением к кровопролитию (ibid., III, 65, 75).

С другой стороны, были люди, которые утверждали, что Сабин ненавидит брата и из зависти не спешит помочь, что лишь со стороны братья казались дружными (Tac. Hist., III, 65). Сабина обвиняли в слабости и в том, что он сначала опрометчивостью, а затем — трусостью испортил план флавианских полководцев держать Рим под угрозой, не доводя до штурма и дожидаться, пока Вителлий, лишенный опоры, сам откажется от власти (ibid., III, 75, 78). Не известно, кто стоял за этими слухами. Это могли быть люди Антония, раздосадованные, что Сабин не бежал к ним, и видные сенаторы, недовольные нежеланием Сабина ввязаться в войну (ibid., III, 59 ср.: III, 65). Но вероятнее всего, за враждебной Сабину традицией стояли люди Муциана, который встретил гибель Сабина с радостью (ibid., III, 75) и который чуть позже сделался больше, чем на полгода, самым влиятельным человеком в Риме (ibid., IV, 11 ср.: IV, 81).

Маловероятно, что Сабин ненавидел Веспасиана. Скорее, поводы для неприязни могли быть у младшего брата, ведь Сабин превосходил Веспасиана и влиянием, и уважением, и богатством, особенно после проконсульства Веспасиана в Африке, когда он был вынужден заложить Сабину все имения и заняться позорной для

²⁰ Гаспаров М. Л. Примечания. Вителлий // Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1991. С. 441, прим. 33.

сенатора продажей мулов (Tac. Hist., III, 65, 75; Suet. Vesp., 4, 3). Тацит, по крайней мере, сомневается в обоснованности обвинений против Сабина (Tac. Hist., III, 64). Поступки Сабина: склонение Цецины к переходу на сторону Веспасиана, уговоры Вителлия к сдаче флавианцам, забота о сыне Веспасиана Домициане во время осады Капитолия, наконец, гибель за дело Флавиев (Tac. Hist., III, 68, 69–71, 73–74; Suet. Dom., 1, 2; Jos. VI, IV, 11, 4) — тоже говорят в его пользу. Наконец, Тит Флавий Сабин, консул апреля — июня 69 года, в котором Г. Тоуненд видит сына Сабина и племянника Веспасиана, получил второй консулат меньше, чем через три года (редкая в то время почеть и едва ли возможная для потомка враждебного императору брата), и коллегой его был сам Муциан²¹. Предпочтительнее утверждать поэтому, что Вителлий повел переговоры с Сабиним не в надежде на враждебность братьев, а именно потому, что, как брат Веспасиана, Сабин заслуживал больше доверия.

Надеждам Сабина и Вителлия на мирную передачу власти не суждено было сбыться: Вителлий не смог уговорить на перемирие с Веспасианом своих приближенных, которые лишь твердили о позоре и опасностях, которые влечет зависимость от капризов победителя (Tac. Hist., III, 66). Интересно, что именно забота о славе погубила ранее Гальбу (ibid., I, 32–34; Plut. Galba, 26) и подтолкнула к самоубийству Отону (Tac. Hist., II, 47; Plut. Otho, 15). Заботы эти, похоже, были обоснованными: Гальбе и Отону удалось обеспечить себе славу и сожаления о своей гибели в потомстве (Tac. Hist., I, 41, II, 50, 54; Suet. Galba, 20,1; 23; Otho, 12, 1–2; Plut. Otho, 18), а вот Вителлий, первый из императоров публично отрекшийся от власти и встретивший смерть в страхе и бесславии (Tac. Hist., III, 68, 84–85; Suet. Vit., 15, 2–4; 17, 1–2; Jos. VI, IV, 11, 4), не оставил по себе никаких сожалений, не говоря уже о восхищении. И даже Тацит, обвиняя приближенных Вителлия за кровопролитие в Риме, именно их, а не императора, называет «доблестными людьми» (Tac. Hist., III, 66, 67). То есть, восприятие событий, в которых гибли одна за другой полисные черты принцепата, и сами поступки действующих лиц находились во многом под влиянием именно староримских сенаторских представлений о славе²².

²¹ *Towmend G. Some Flavian Connections // JRS. Vol. 51. 1961. Pt. 1. P. 54.*

²² О дуализме принцепата Юлиев — Клавдиев подробнее см.: *Егоров А. В.*

До бесславной гибели Вителлия отношение к нему населения Рима не было безусловно враждебным. По крайней мере, даже незначительная победа над конницей Петилия Цериала (*ibid.*, III, 78–79) усилила воодушевление народа в поддержку Вителлия, а от имени сената и весталок были направлены посольства к флавианцам с предложением о перемирии (*Tac. Hist.*, III, 80; *Suet. Vit.*, 15, 4). Таким образом, в Риме до последних дней признавали Вителлия принцепсом. Об этом свидетельствует и тот факт, что консул Цецилий Симплекс, должностные лица и простые сенаторы не приняли от Вителлия кинжал — символ власти над жизнью и смертью сограждан — несмотря на попытку Вителлия отказаться от власти и тот факт, что войска флавианцев были под самыми стенами города (*Tac. Hist.*, III, 67–68; *Suet. Vit.*, 5, 3–4). События последних дней правления Вителлия свидетельствуют, что Вителлий в Риме был не так ненавистен, как пытался изобразить Иосиф Флавий (*Jos. VI*, IV, 10, 2; IV, 11, 4) — и, следовательно, официальная флавианская пропаганда, — а флавианцы встречены отнюдь не в едином порыве восторга (*Jos. VI*, IV, 11, 4 *ср.*: *Tac. Hist.*, IV, 1, 3, 4).

Веспасиан во время решающих военных действий был в Александрии, но он имел сообщение со всеми районами империи, быстро реагируя на все опасные ситуации письмами с советами и назначением преданных лиц (*Tac. Hist.*, III, 8, 46, 48, 52–53; IV, 24).

Подведем итоги. Притязания Веспасиана на свою долю влияния в посленероновской империи зародились со времени выступления Виндекса против Нерона, власть Гальбы он принял, но после гибели Гальбы, когда разгорелась война между Отоном и Вителлием, Веспасиан тоже решил бороться за верховную власть. Важную роль в оформлении планов Веспасиана сыграли и честолюбивые планы его сына Тита, и энергичная поддержка Лициния Муциана, и стремления приближенных полководцев к наживе, политическому влиянию и другим выгодам войны, и благосклонность местных царьков и легатов. Но определяющими факторами в подобном отношении к Веспасиану были его слава и влияние как покорителя иудейского восстания, от которого зависели судьбы покоренных и которому подчинялись вспомогательные войска

Флавий и трансформация Римской империи в 60–90-е I в. н. э. // *Город и государство в античном мире*. Л., 1987. С. 139; о староримских ценностях: *Книжка Г. С.* Категория престижности в жизни древнего Рима // *Быт и история в античности*. М., 1988. С. 143–146.

местных правителей; его великолепные деловые качества выходца из муниципия и стремление не к славе, а эффективности; его опора на взрослого сына.

Веспасиан не был ставленником солдат, возмущенных правлением недостойного Вителлия, как пыталась изобразить флавианская историография. Напротив, неуверенность Веспасиана в надежности и силе армий стала главной причиной промедления с открытым вступлением в борьбу за власть, и немало усилий было приложено (от распространения предсказаний, благоприятных Флавиам, до намеренного разжигания недовольства Вителлием среди солдат, при котором не гнушались и искажением действительности), чтобы поддержка легионов стала бесспорной.

Веспасиан не был и ставленником восточных провинций. Ему и его окружению пришлось тщательно готовить местное общественное мнение к возможности для Флавия бороться за власть, апеллируя к разного рода пророчествам; предоставлять работу, и должности, и возможности продвижения по социальной лестнице. Немалую роль в завоевании лояльности местного населения играл страх жителей провинций перед силой римского оружия.

Ко времени провозглашения Веспасиана императором и выступления его армий на Италию со всей очевидностью проявили себя тщательность, продуманность, и разветвленность приготовлений к войне, внимание предводителей ко всем мелочам: не более месяца понадобилось, чтобы об открытой поддержке Веспасиана заявили провинции от Египта, Сирии, Коммагены, Каппадокии, Понта до Норика. Правда, в иллирийских провинциях успех Веспасиана не в последнюю очередь был обеспечен тем, что там не оказалось своих кандидатов на императорскую власть среди командиров легионов, и что Веспасиан, в отличие от Отона, не побрезговал воспользоваться услугами очень талантливого и энергичного, хотя и с плохой репутацией, полководца Антония Прима. Помогло также утаивание приготовлений от Вителлия (тем более что в отдаленных провинциях легче было держать их в тайне, сообразовывая с изменяющейся ситуацией), недооценка Вителлием сил Веспасиана и самой возможности его притязаний на власть, а затем — крайне неумелая организация сопротивления наступлению флавианской армии. Веспасиан, находившийся во время решающих событий в Александрии, постоянно был в курсе происходящего и следил не только за претворением в жизнь своей победы в войне, но и за

безопасностью границ империи, быстро отправив своих людей и в Мезию, и в Понт, когда там возникла опасность. То есть, популистской политике Вителлия Веспасиан и его приближенные противопоставили всеобъемлющую подготовку своих притязаний, в которой наряду с завоеванием общественного мнения проявили трезвую, деловитую и подчас циничную практичность, внимательную ко всем мелочам. Итак, борьба Веспасиана за верховную власть стала успешной в результате действия целого ряда факторов, но трудно было бы переоценить роль на всех этапах борьбы самого претендента.

Домициан и его «генералитет»¹

Автору этих строк уже приходилось указывать, что взаимоотношения императора Домициана и армии нуждаются во внимательном и скрупулезном изучении. Одна из сторон этой проблемы — это отношение последнего Флавия к своему «генералитету», то есть наместникам провинций и легатам легионов, и обратная реакция римских военачальников на своего главнокомандующего.

Для начала попытаемся определить, как Домициан видел свою роль во главе армии. По наблюдению Ф. Миллара, в римской общественно-политической жизни, в соответствии с устойчивой традицией, положение императора изначально было двойственным, как гражданским, так и военным. Соответственно, те императоры, что не имели солидной военной репутации, стремились, оказавшись на троне, проводить крупные военные кампании². Здесь имеет смысл особо отметить, что именно Домициан положил начало традиции личного участия императора в военных действиях. Дж. Кэмпбел приводит такую любопытную статистику. После испанской войны 26–25 гг. до н. э. Август никогда больше сам не командовал войсками. За исключением неудавшейся кампании Гая в Германии и кратковременного пребывания Клавдия в Британии, ни один император династии Юлиев-Клавдиев не руководил войной лично. Однако, *начиная с Домициана* (курсив мой. — В. П.),

¹Сокращенный вариант этой статьи под названием «Император и его генералы. К проблеме взаимоотношений Домициана с высшим командным составом армии» был опубликован в следующем издании: Материалы VI Международной научной конференции в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, 7–9 апреля 2005 г. Минск, 2005. С. 80–89. См. также: Парфенов В. Н. 1) Император Домициан как военный лидер. К постановке проблемы // Историки в поисках новых смыслов. Казань, 2003. С. 255–265; 2) Pessimus princeps. Принципат Домициана в кривом зеркале античной традиции // Античная история и классическая археология / Под ред. Дементьевой В. В. М., 2006. С. 214 сл.

²Millar F. Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 В. С. to A. D. 378 // Britannia. 1982. Vol. 13. P. 22. Недавно отмечено, что у Домициана это стремление как можно быстрее приобрести военную славу в качестве центрального элемента собственного «имиджа» было выражено особенно ярко (*Seelentag G. Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart, 2004. S. 119*).

с 81 по 192 гг. включительно, только два императора, Нерва, чье правление было кратковременным, и Антонин Пий, не воевали и не посещали армий в провинциях. После 193 г. и вплоть до смерти Максимиана Фракийца в 238 г. лишь Элагабал пренебрег уже сложившейся традицией³.

Б. У. Джонс тоже констатирует, что Домициан «фактически был первым императором, который провел значительную часть времени своего правления вне Рима, лично участвуя в своих военных предприятиях»⁴. М. Грант справедливо отметил, что в подобном поведении кроется главная причина популярности этого императора в военных кругах⁵. В отечественной науке тезис об устойчивой популярности Домициана в армии недавно был уточнен: «Домициан, бесспорно, преуспел в создании личной популярности и опоры своей власти в рядовом составе легионов и преторианской гвардии. Однако вследствие развития конфликта Домициана с сенатом, представители которого поставляли большинство военных командиров, и недоверия императора даже к ближайшему дворцовому окружению, в том числе — к префектам претория, Домициан столкнулся с проблемой лояльности командного состава»⁶.

С этим наблюдением можно согласиться, однако масштабы лояльности или нелояльности «генералитета» опять-таки остаются невыясненными. Здесь уместно вспомнить, что к концу правления Домициана в римской армии насчитывалось 28 легионов⁷. Следовательно, за пятнадцать лет его принципата должность легата легиона должны были занимать несколько сотен человек. Затем

³ *Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army. 31 B. C. — A. D. 235. Oxford, 1984. P. 57.*

⁴ *Jones B. W. The Emperor Domitian. L., 1992. P. 126 f.*

⁵ «Домициан был популярен среди солдат не только из-за того, что повысил им жалованье и подчеркивал их значение для государства, но прежде всего потому, что проводил с ними так много времени, больше, чем любой другой действующий правитель со времен триумвиров в предшествующем столетии» (*Grant M. The Army of the Caesars. L., 1974. P. 218.*)

⁶ *Смирнова Е. Л. Принципат Флавиев: императорская власть и римское общество в последней трети I века нашей эры (69–96 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 16.*

⁷ *Ritterling. Legio (Domitian) // RE. 1924. Hbd. 23. Sp. 1278.* Надо учесть, что информация о легионных легатах очень скудна. Так, легатов тех легионов, что стояли в германских провинциях, известно за период принципата Домициана не более десяти, да и то имена некоторых из них не сохранились (см. *Eck W. Die Statthalter der germanischen Provinzen vom 1.– 3. Jahrhundert. Köln; Bonn, 1985. S. 246 f.*).

следовала селекция, проводимая императором — сито тщательного отбора на должность провинциального наместника оставляло для дальнейшей карьеры на порядок меньше претендентов, чем число легионных легатов.

К сожалению, нет возможности подробно проследить большое число таких карьер, но классический пример все же имеется: *cursus honorum* Гнея Юлия Агриколы, тестя Тацита. Карьерный рост Агриколы был обеспечен не только его деловыми качествами, но и тем, что он вовремя принял сторону Веспасиана в гражданской войне⁸. То же самое можно сказать о других военачальниках Домициана, игравших при нем видную роль: префекте претория Корнелии Фуске, погибшем во время карательной экспедиции против даков, Теттии Юлиане, одержавшем крупную победу над этим грозным противником при Тапах, на заключительном этапе войны⁹.

Интересен в этом смысле пример М. Ульпия Траяна-старшего, отца императора Траяна. Будучи в 69 г. легатом X легиона в Иудее, он, когда исход борьбы за власть в Риме был еще далеко не предрешен, высказался за Веспасиана, провозгласившего себя императором — и не прогадал. Уже в 70 г. он, вероятно, получает должность консула-суффекта, затем, до 73 г., является легатом провинции Галатия-Каппадокия. После этого емуверяется провинция Сирия и ответственность за восточную границу Римской державы (73/4–76/7 гг.). В конечном счете Траян-старший получает проконсулат в провинции Азия, считавшийся высшим в системе провинциальных наместничеств. Первым из своего рода, он был введен Веспасианом

⁸См.: *Gaheis*. Сп. Iulius Agricola // RE. 1917. Nbd. 19. Sp. 128 f.

⁹О карьере Фуска, в которой драматическим был не только финал, см.: *Syme R.* The Colony of Cornelius Fuscus: An Episode in the Bellum Neronis // *AJPh*. 1937. Vol. 58. No 1. P. 7–18. Что касается Теттии Юлиана, то в 69 г., при императоре Отоне, он был легатом VII Клавдиева легиона и, в числе легатов всех трех легионов, составлявших тогда гарнизон Мезии, получил консулярские знаки отличия за разгром вторгшихся в провинцию сарматов (*Tac. Hist.* 1.79.1–5). Позднее он не принимал активного участия в гражданской войне, но вовремя сделал выбор в пользу Веспасиана (*Tac. Hist.* IV.39.1; 40.2). Это обеспечило ему дальнейший карьерный рост; так, спустя 12 лет Теттий Юлиан был наместником провинции Африка в ранге *legatus Augusti pro praetore* (MW. 389). См. также: *Hanslik R. L.* Tettius Iulianus // *KP*. 1979. Bd. 5. Sp. 634. По мнению Г. Бенгтсона, Теттий Юлиан был «особенным любимцем» Домициана, в лице которого император «сделал удачный выбор» для дакийской кампании (*Bengtson H.* Die Flavier. Geschichte eines römischen Kaiserhauses. München, 1979. S. 202).

в число патрициев. Таким образом, выбор, сделанный отцом будущего императора Траяна в ходе гражданской войны, обеспечил блестящую карьеру не только ему самому, но и его сыну. Патриций, консуляр, триумфатор — таким было положение, которого добился Траян-старший и которое, естественно, стало «стартовой площадкой» для его сына, благодаря отцу, с юности принадлежавшего к правящей элите Империи¹⁰.

Надо правда, оговориться, что преданность династии и лично императору не всегда соответствовали иным качествам, необходимым провинциальному администратору и военачальнику. Так, наместник Мезии Опший Сабин, входивший в ближайшее окружение Домициана, своей политикой на Нижнем Дунае, видимо, спровоцировал конфликт с даками, переросший в длительную и кровопролитную войну, и сам погиб при их вторжении в его провинцию¹¹. Корнелий Фуск, сопровождавший императора с частью преторианской гвардии на внезапно открывшийся театр военных действий, был оставлен в качестве командующего после освобождения Мезии от варваров и отбытия Домициана в Рим. Однако вслед за тем он возглавил «акцию возмездия» и, переправившись через Дунай, был уничтожен вместе с частью своей армии в горных теснинах Дакии.

По поводу назначения Фуска командующим нижнедунайским фронтом мнения исследователей расходятся. С. Гзель считал выбор Домициана ошибочным: Фуск не обладал достаточным военным опытом, а своей карьерой был всецело обязан тому обстоятельству, что, будучи в 69 г. прокуратором Паннонии, принял активное участие в гражданской войне на стороне Веспасиана¹². К. Пач, напротив, характеризует Фуска как «надежного, энергичного, имевшего заслуги перед династией Флавиев генерала»¹³. К. Штробель считает Фуска «весьма дельным офицером»¹⁴. Р. Сайм указыва-

¹⁰ *Isaac B. H., Roll I. A milestone of A. D. 69 from Judaea: the Elder Trajan and Vespasian // Isaac B. H. The Near East under Roman Rule. Leiden; N. Y. etc., 1998. P. 36–47, особ. 40–44. Seelentag G. Taten und Tugenden Traians. S. 122.*

¹¹ Таково, по крайней мере, мнение К. Штробеля, детально исследовавшего войны Домициана в бассейне Дуная (*Strobel K. Die Donaukriege Domitians. Bonn, 1989. S. 37 ff.*).

¹² *Gsell S. Essai sur le règne de l'empereur Domitien. P., 1894. P. 214.*

¹³ *Patsch C. Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Traian. Wien; Leipzig, 1937. S. 6.*

¹⁴ *Strobel K. Op. cit. S. 47.*

ет, что выбор префекта гвардии в качестве командующего в войне был естественным, если, как и было в данном случае, сам император находился на театре военных действий. Правда, далее исследователь замечает по поводу Фуска: «Если он и сохранял еще напор и энергию, с помощью которых добивался победы в гражданской войне, они сослужили ему плохую службу в лесах и горах Дакии»¹⁵. Тацит, который, правда, судил уже по конечному результату (то есть разгрому и гибели Фуска), оценивает его так: «Опасности он любил больше, чем блага, добываемые их ценой (*non tam praemiis periculorum quam ipsis periculis laetus*), крайние и рискованные меры предпочитал испытанным и верным» (*Tac. Hist.* II.86.3. Пер. Г. С. Кнабе). Таким образом, авантюризм был в характере римского командующего, и свою роковую роль это должно было сыграть¹⁶.

Для рассматриваемой проблемы важно, что в обоих случаях, после как разгрома Сабина, так и катастрофы Фуска, Домициан счел своей обязанностью прибыть на театр военных действий и осуществлять руководство ими, пока ситуация не стабилизировалась. Таким образом, можно заключить, что он считал себя лично ответственным как за назначение командующих, так и за их гибель. Дион Кассий, правда, характеризует стиль военного руководства Домициана иначе: «Будучи разбит, он обвинял в этом своих военачальников. Дело в том, что, хотя для себя он требовал побед, ни одна из них не была одержана им самим, однако он обвинял других в поражениях, несмотря на то, что они были следствием отданных им приказов. Таким образом, он ненавидел тех, кто побеждал, и обвинял тех, кто терпел поражения» (LXVII.7.1).

Эта характеристика, мягко говоря, далека от объективности, хотя даже из нее ясно, что римские военачальники должны были выполнять указания императора как верховного главнокомандующего. Насколько известно, сам Домициан никогда не руководил войсками первой линии. С. Гзель полагал, что император не решался на непосредственное руководство боевыми действиями из-за

¹⁵ *Syme R. Flavian Wars and Frontiers // САН. 1936. Vol. XI. P. 171.*

¹⁶ Автор статьи о Домициане в энциклопедии Паули-Виссова именуется Фуска «отчаянным воякой» (*Draufgänger*) и почему-то «доктринером» (*Weymand. T. Flavius Domitianus = Imperator Caesar Domitianus Augustus // RE. 1909. Bd. VI. Sp. 2563*).

неуверенности в себе, ибо он не был профессиональным военным¹⁷. Однако от принцепса являться профессионалом в этом деле было, конечно, весьма желательно, но не обязательно. Домициан, как давно отмечено, «был одним из лучших администраторов, когда-либо управлявших империей, — твердым, дальновидным и педантичным»¹⁸. В данном случае эти качества были решающими для успеха кампаний, которыми он руководил¹⁹.

Концентрация военной славы на персоне императора была непреложным правилом со времен Августа, однако Домициан не скупился на награды ни для солдат, ни для офицеров. Так, по случаю окончания войны с Децебалом император «наградил воинов почестями и деньгами» (*Dio Cass. LXVII.7.3*). Классический пример награжденного солдата — *captor Decebali* — Тиберий Клавдий Максим, уроженец Филипп, при императоре Траяне захвативший дакийского царя, который в момент пленения покончил с собой. Максим начал военную службу в качестве кавалериста VII Клавдиева легиона и за Дакийскую войну получил награды из рук Домициана: *bello Dacico ob virtutem donis donatus ab imperatore Domitiano*²⁰.

Л. Фунизулан Веттониан, бывший наместником Паннонии в начале боевых действий в Мезии, а затем назначенный руководить Верхней Мезией, получил от Домициана (чье имя в надписи выскоблено) за Дакийскую войну *dono consularia* — комплект боевых наград, включавший 4 венка (стенной, лагерный, морской и золотой), 4 почетных копья и 4 знамени (ILS.1005 = MW.307). Легат сначала еще неразделенной, а затем Нижней Мезии М. Корнелий Нигрин Куриаций Матерн, получил за боевые действия против да-

¹⁷ *Gsell S.* Op. cit. P. 213.

¹⁸ *Grant M.* Двенадцать Цезарей / Пер. с англ. М., 1998. Ср.: *Mommsen T.* История Рима / Пер. с нем. М., 1949. Т. V. С. 193.

¹⁹ Домициан «оказался настолько умен, что, сам оставаясь в хинтерланде, передал непосредственное руководство войсками надежным людям из своего генералитета. Отсюда он через свой штаб мог организовать все, в чем нуждался фронт. Однако он ни на мгновение не выпускал из рук высшее руководство, и все, что происходило, происходило по его инициативе и на его ответственность» (*Bengtson H.* Op. cit. S. 205). Характеристика Домициана у Плиния Младшего, этого «рыцаря конъюнктуры», как именует его Г. Бенгтсон, мягко говоря, не соответствует действительности: *ille.., iners ipse alienisque virtutibus tunc quoque invidus imperator* (Plin. *Paneg.* 14.5).

²⁰ *Speidel M.* The Captor of Decebalus: a New Inscription from Philippi // *JRS.* 1970. Vol. 60. P. 142–153.

ков двойной комплект консулярских наград, став, таким образом, наиболее заслуженным из всех известных полководцев Домициана (AE. 1973.331)²¹. Легат XIII Сдвоенного легиона был награжден императором за поход против свевов и сарматов тремя венками, тремя почетными копьями и тремя знаменами (ILS.1017)²². Военный трибун Л. Росций Элиан Меций Целер, который командовал в войне Домициана против хаттов вексилляриями IX Испанского легиона, был награжден лагерным и стенным венками, двумя серебряными знаменами и двумя почетными копьями (MW.322).

Наконец, самый известный пример. Гней Юлий Агрикола, тесть Тацита, единственный из всех военачальников и администраторов Домициана, был за свою деятельность в Британии награжден триумфальными отличиями и статуей в одеянии триумфатора (*Tac. Agric. 40.1*). Отзыв Агриколы из провинции объяснялся не завистью императора к его военной славе, как утверждал Тацит²³, а, как доказано достаточно давно, чисто деловыми и весьма основательными соображениями²⁴.

Таким образом, объективные данные позволяют утверждать, что положение Домициана в армии было достаточно прочным и отношения императора с тщательно подобранным высшим командным составом не должны были вызывать опасений. Тем более неожиданным для последнего Флавия должен был стать военный мятеж, поднятый наместником Верхней Германии Л. Антонием Сатурнином (конец 88 — начало 89 г.). Его, как и заговор 87 г. в самом Риме²⁵, Домициан, внимание которого было приковано к при-

²¹В нарративных источниках Нигрин не упоминается вообще. Этот «заговор молчания» может быть связан с ролью, которую он сыграл после гибели Домициана — предположительно как соперник Траяна (см.: *Strobel K. Op. cit. S. 47. Anm. 55; S. 60*).

²²В этом офицере, от чьего имени в надписи сохранилось лишь *coqnopeu*, Р. Сайм видит Л. Цезенния Соспеса, чья успешная карьера оборвалась после гибели Домициана — Цезенний были слишком тесно связаны со свергнутой династией (*Syme R. The Enigmatic Sospes // JRS. 1977. Vol. 67. P. 38–49*).

²³Классическое *cetera utrumque facilius dissimulari, ducis boni imperatoriam virtutem esse* (*Tac. Agric. 39.2*) относится именно к Агриколе и Домициану.

²⁴*Gsell S. Op. cit. P. 174 suiv.; Gaheis. Cn. Iulius Agricola // RE. 1917. Hbd. 19. Sp. 138; Dorey T. A. Agricola and Domitian // GR. 2nd Ser. 1960. Vol. 7. № 1. P. 67 ff.; Bengtson H. Op. cit. S. 195; Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit. 2. Aufl. München, 1992. S. 265; Грант М. Указ. соч. С. 236. Особое мнение высказывает Мириам Гриффин: *Griffin M. The Flavians // CAH². 2000. Vol. XI. P. 64*.*

²⁵CIL. VI. 2065; *Weynand. Op. cit. Sp. 2565 f.*

дунайскому театру военных действий, с полным основанием мог расценить как удар в спину. Это тем более верно, что, по «анкетным данным», Сатурнин должен был относиться к числу самых надежных командующих Домициана как типичный «выдвиженец» времени Флавиев. В молодости он, вероятно, был участником гражданской войны на стороне Веспасиана, был включен им в число сенаторов. Около 78–81 гг. Сатурнин был наместником Иудеи и командующим стоявшим там X (*Fretensis*) легионом. Затем, предположительно в 82 г., т. е. уже при Домициане, он становится консулом-суффектом²⁶, а в конце 80-х годов получает наместничество в Верхней Германии и командование четырьмя легионами²⁷.

Мотивы выступления и подлинные масштабы заговора против Домициана остались невыясненными. Существующие предположения (кроме сугубо личных мотивов, упоминаемых большинством исследователей), могут быть сведены к следующему:

1. «Контрудар в ответ на жестокое обращение Домициана с сенаторским сословием»²⁸.

2. Типичный солдатский бунт, сделавший Сатурнина «вынужденным узурпатором»²⁹.

3. Отражение недовольства части офицерского корпуса Рейнской армии Рима невнимательным отношением Домициана к германской границе и защищавшим ее войскам³⁰.

Хотя мятеж был быстро подавлен, он произвел сильное впечатление на Домициана. По справедливому замечанию М. П. Чарльзворта, «заговор Сатурнина вызвал у него шок, от которого он так никогда и не оправился»³¹. Император, как известно, обрушил репрессии на сенаторов, уже не прекращавшиеся до самого конца его правления. Трудно, впрочем, сказать, насколько они были обоснованными или, напротив, необоснованными. Ясно, что некоторые

²⁶СIL. IX.5420. Предположение основано на том, что имя консула-суффекта в этой надписи выскоблено.

²⁷По предположению В. Экка, кроме Иудеи, до германского наместничества Сатурнин управлял Македонией (*Eck W. Die Statthalter...* S. 40 f. См. также: *Rohden P., von. L. Antonius Saturninus // RE. 1894. Hbd. 2. Sp. 2637–2639*).

²⁸*Weymand. Op. cit. Sp. 2567 f.*

²⁹*Syme R. Antonius Saturninus // JRS. 1978. Vol. 68. P. 20 f.*

³⁰*Griffin M. Op. cit. P. 73. См. К этому: Seelentag G. Taten und Tugenden Traians. S. 119. Anm. 22.*

³¹*Charlesworth M. P. The Flavian dynasty // CAH. 1936. Vol. XI. P. 27.*

сенаторы стали жертвами Домициана, неясно лишь, в какой степени они были невинными жертвами — здесь трудно доверять Тациту и Плинию Младшему³². Во всяком случае, из действующих командующих армиями при Домициане погибли лишь трое: Антоний Сатурнин, убитый собственными солдатами, наместник Британии Лициний Лукулл, вероятно, замешанный в заговоре, и проконсул Азии Веттулен Цивика Цереалис — по той же причине³³.

В целом же практика Домициана по подбору высших командных кадров себя вполне оправдала — подавляющее большинство римских «генералов» сохраняло безукоризненную лояльность по отношению к своему шефу. В качестве показательного примера можно привести Траяна-младшего, будущего императора, который по приказу Домициана выступил с войсками на подавление мятежа Сатурнина. Еще более примечателен Лаптий Максим, который, не дожидаясь подхода подкреплений, не только своими силами подавил этот мятеж, но и проявил гражданское мужество высшей пробы, распорядившись сжечь захваченную переписку узурпатора. В противном случае, как можно догадаться, масштабы террора Домициана оказались бы, мягко говоря, несколько шире, чем это имело место в действительности.

Подводя итог, можно сказать, что Домициан, яркий представитель династии, военной по своему происхождению и характеру, видел дальше многих других: он первым оценил и ограниченность ресурсов империи по сравнению с варварским миром, и ту страшную опасность, которая угрожала ей с севера. Его поведение, шокировавшее верхушку общества, было ответом на вызов времени. С его точки зрения, империя могла выстоять только при условии полной централизации руководства и при железной дисциплине внутри правящей элиты, которая тогда являлась главным поставщиком кадров для высшего командного состава. Но этого взгляда «отцы-сенаторы» не понимали, не разделяли и не могли разделить. В результате Домициан погиб, непонятый и оклеветанный своими современниками. Впрочем, предав память последнего Флавия официальному забвению, его преемники фактически продолжали

³²По этому поводу М. Грант заметил: «Домициан редко бил наугад» (*Грант М. Указ. Соч. С. 241*).

³³См.: *Dorey T. A. Agricola and Domitian. P. 66–71. Ср.: Charlesworth M. P. Op. cit. P. 27.*

ту же политическую линию³⁴. Правда, помня участь Домициана, они в своей внутренней политике предпочли скрыть железный кулак под бархатной перчаткой. Мог ли показной либерализм первых Антонинов ввести в заблуждение их современников — вопрос скорее риторический. Во всяком случае, когда в одном литературном споре Адриан легко одержал верх над своим оппонентом, а друзья последнего стали порицать его за покладистость, тот ответил: «Вы даете мне неправильный совет, друзья, если не позволяете мне считать самым ученым среди всех того, кто командует тридцатью легионами» (SHA. *Vita Hadr.* 15.13. Пер. С. П. Кондратьева).

³⁴Этот вывод был сделан в науке достаточно давно. См.: : *Waters K. H. Traianus Domitiani continuator* // *AJPh.* 1969. Vol. 90. N 4. P. 385.

Политические взгляды Тацита

Историю иногда называют «политикой, обращённой в прошлое», а в историке зачастую видят не реализовавшегося (не вполне реализовавшегося) политического деятеля. Действительно, во многих исторических произведениях, посвящённых даже отдалённым периодам истории человечества и принадлежащих к бесспорным шедеврам своего жанра, легко угадывается актуальный политический подтекст, не говоря уже о книгах, повествующих о событиях недавних, ставших историей если не на наших глазах, то, во всяком случае, на памяти старшего поколения.

Тацит, родившийся около 55 г.¹, писал как раз о таких, недавних или относительно недавних временах. Его детство прошло при Нероне, юность — при Флавиях, зрелым и уже вполне сложившимся человеком он встретил взошедшую над Римом зарю эры Антонинов. В молодости ему довелось общаться со стариками, помнившими Тиберия, Калигулу и Клавдия, а может быть даже и божественного Августа. Одним словом, автор «Историй» и «Анналов» описывал не седую прадедовскую старину, но эпоху, ставшую достоянием истории на глазах людей его поколения, а потому имевшую для них особую притягательную силу и политическую актуальность.

Приступив к занятиям историей в начале пятого десятилетия своей жизни, в том возрасте, когда формирование личности человека уже, в основном, завершено, Тацит должен был успеть привести свои убеждения и взгляды в определённого рода систему. Эту систему, развивавшуюся в дальнейшем, но никогда не менявшуюся кардинально, необходимо понять, чтобы определить тот угол зрения, под которым историк рассматривал имевшиеся в его распоряжении источники.

Решающие влияние на становление Тацита как историка оказали правление Домициана (81–96 гг.), его падение и последовавшие за ним события: восшествие на престол Нервы (96–98 гг.) и мятеж преторианцев 97 г.² Это влияние далеко не исчерпывается

¹ Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946. С. 14.

² Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 73 сл.

теми эпизодами «Историй» и «Анналов», в которых автор рисует буйство охваченной мятежом солдатской массы, или характеристиками отдельных принцев, подобно Домициану, представленных в традиции жестокими тиранами. Пережитые, прочувствованные и осмысленные эти события сформировали в нём целый мировоззренческий пласт, определив направление его дальнейшей деятельности³. Ненависть к тирании, убивающей в человеке всё лучшее, возвышенное и достойное, но и боязнь переворотов, высвобождающих дремлющие в недрах Империи тёмные общественные силы, грозящие самому её существованию, — своевольную солдатчину, разнужданную чернь и огромную массу угнетённых — наследие победоносных войн, но и понимание необходимости твёрдой единоличной власти, как единственного средства, способного эти силы обуздать, — эти столь легко узнаваемые, столь характерно Тацитовские убеждения, были вынесены им из смутного времени второй половины 90-х гг., вместившего конец одной эпохи и начало другой.⁴

Антидомициановский переворот сделал из Тацита того, кем он должен был стать — историографа императорского деспотизма и подбострастия сената. Начиная с этого времени, всё возрастающую роль в его жизни играет литературная деятельность. В 98 г. увидели свет его первые произведения⁵: «Жизнеописание Агриколы», по форме традиционное похвальное слово умершему (*laudatio*), по существу же — небольшая историческая монография, в центре которой личность конкретного человека, Гнея Юлия Агриколы, полководца Домициана и родственника Тацита, а также историко-этнографический этюд о Германии («Германия»)⁶. В первом из них историк формулирует программу своей творческой деятельности, реализации которой будут посвящены последующие годы его жизни. Тацит говорит от имени своего поколения, от имени тех, кто в течение целых пятнадцать лет, «срока очень значительного для бременного рода людского⁷», испытал на себе «роковые удары судь-

³Гревс И. М. Тацит. С. 114.

⁴Значение рубежа I–II вв. как поворотной вехи в истории Римской империи было обосновано Г. С. Кнабе (Корнелий Тацит. С. 9 сл.).

⁵Точнее, первые исторические произведения. Как оратор Тацит был известен уже давно, но ни одна из его речей не сохранилась до нашего времени.

⁶О датировке произведений Тацита см.: Тронский И. М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Сочинения. Изд. 2-е Т. II. М., 1993. С. 211, 213, 221, 223; Дуров В. С. История римской литературы. СПб., 2000. С. 425 сл., 429, 431 сл.

⁷Здесь и далее отрывки произведений Тацита в русском переводе цитируют-

бы» и теперь — в благословенную пору, когда Нерва и Траян соединили вместе принципат и свободу — едва приходит в себя. За них и ради них — тех немногих, кто пережил лихолетье, но словно бы потерял самого себя в Домициановском безвременье, поведёт он свой рассказ о былом рабстве и о нынешнем благоденствии (Тас. Агг., 3).

Исходной точкой общественно-политических взглядов Тацита было понимание неизбежности и даже исторической оправданности переворота, совершённого Юлием Цезарем и Октавианом Августом. Установление принципата было вынужденной мерой, осуществлённой в целях безопасности и общественного спокойствия после смут республиканского времени. Тацит не обольщается на счёт прежней республиканской олигархии, считая, что господство немногих едва ли лучше тирании одного (Тас. Ann., VI, 42); его не прельщает воспетая Полибием и Цицероном смешанная форма правления, лучшим образцом которой традиционно считали Римскую республику (ibid., IV, 33). После «Двенадцати таблиц» в Риме не было издано справедливых законов (Тас. Ann., III, 27), а вместе с эпохой завоеваний началось господство ненасытной алчности и необузданного тщеславия.

«Жажда власти, с незапамятных времён присущая людям, крепла вместе с ростом нашего государства и, наконец, вырвалась на свободу. Пока римляне жили скромно и неприметно, соблюдать равенство было нетрудно, но вот весь мир покорился нам, города и цари, соперничавшие с нами, были уничтожены, и для борьбы за власть открылся широкий простор. Вспыхнули раздоры между сенатом и плебсом; то буйные трибуны, то властолюбивые консулы одерживали верх один над другим; на Форуме и улицах Рима враждующие стороны пробовали силы для грядущей гражданской войны. Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Сулла оружием подавили свободу, заменив её самовластьем. Явившийся им на смену Гней Помпей был ничем не лучше их, только действовал более скрытно; и с этих пор борьба имела только одну цель — принципат» (Тас. Hist., II, 38). Когда же враждующие группировки истощили друг друга во взаимной

ся по изданию: Корнелий Тацит. Сочинения. Изд. 2-е. Т. I–II / Пер. с лат. и комментарии А. С. Бобовича (Т. I: «Анналы», «Малые произведения») и Г. С. Кнабе (Т. II: «История») / Под ред. Я. М. Боровского, М. Е. Сергеевко и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1993.

борьбе, Август принял под свою руку истомлённую гражданскими раздорами Республику (Тас. *Ann.*, I, 1).

Покорив весь мир, римляне подчинили себе другие народы, но и сами должны были подчиниться Цезарям, заплатив за мировое господство собственным рабством. Восстановить свободу былых времён можно, только отказавшись от власти над миром и вернувшись к патриархальному строю ранней Республики, когда Цинцинаты сами пахали свои поля⁸. Но, сделав это, пришлось бы отвергнуть и саму римскую цивилизацию, основанную на римском господстве. Так монархический строй современного ему Рима приобретает у Тацита характер цены, которой оплачены блага цивилизации и культуры Империи.

Таким образом, Тацит не только понимает причины, приведшие римлян под ярмо самодержавной власти, но и сознаёт всю важность этой власти для Рима. Значит ли это, что он всецело приемлет режим, установленный в своё время Августом, и насчитывавший к началу II в., когда, в основном и протекала литературная деятельность Тацита, более чем столетнюю историю? Нет и еще раз нет! Бывший свидетелем многочисленных проявлений императорского деспотизма в правление Домициана, Тацит осудил этот деспотизм в «Агриколе» в гневных, исполненных высокой патетики словах.

«Мы прочитали о том, — писал Тацит — что восхвалявшие Тразею Пета⁹ — Арулен Рустик, Геливидия Приска¹⁰ — Герений Сенцион были осуждены за это на смерть и что казни подверглись не только сами писатели, но и их книги, ибо триумвирам вменили в обязанность сжечь в той части форума, где приводятся в исполнение приговоры, творения этих столь светлых умов. Отдавшие это распоряжение, разумеется, полагали, что подобный костёр заставит умолкнуть римский народ, пресечёт вольнолюбивые речи в сенате, задушит самую совесть рода людского; сверх того были изгнаны учителя философии и наложен запрет на все прочие возвышенные науки, дабы впредь нигде больше не встречалось ничего честного.

⁸ *Соболевский С. И.* Тацит // История римской литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т. II. М., 1962. С. 262.

⁹ О нём см. ниже.

¹⁰ Гельвидий Приск (Старший) — зять Тразеи Пета и лидер оппозиции при Веспасиане, казнённый в 73 г. Гельвидий Приск (Младший) (Тас. *Agr.*, 45) — его сын, казнённый по приказу Домициана. Здесь речь идёт о старшем Приске.

Мы же явили поистине великий пример терпения; и если былые поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы — такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (Тас. Агр., 2). Эти строки, написанные буквально по горячим следам, когда воспоминания о пережитом были ещё свежи, показывают, сколь сильное впечатление произвели на Тацита события последних лет правления Домициана, сделавшие из нашего историка решительного противника тиранического правления.

Но оставались ли ещё в римском государстве силы, способные противостоять тирании? Тацит, определённо, не считает такой силой народные массы: народ не занимается делами государства и не чувствует за них ответственности (Тас. Hist., I, 89); народ сам не знает, чего он хочет, он стремится к переворотам, но, в то же время, и страшиться их (Тас. Ann., XV, 46); у него нет другой заботы, кроме заботы о хлебе насущном (Тас. Hist., IV, 38). Граждане Рима безмолвствовали, когда Тиберий отнял у них право избирать магистратов; зато они вознегодовали, стоило только императору убрать с площади перед термами Агриппы приглянувшуюся ему статую (Тас. Ann., I, 15). К тому же в эпоху Империи свободнорожденных граждан оставалось всё меньше, а число рабов неимоверно возросло (ibid., IV, 27).

Быть может, этой силой могла быть армия? Видевший столицу во власти взбунтовавшейся солдатни, Тацит доверяет армии ещё меньше, чем народу. Зная о тяготах солдатской жизни, историк, тем не менее, полагал, что легионеры должны быть постоянно загружены тяжёлой работой, дабы не костенели в праздности и не помышляли бы о мятежах (ibid., XI, 20). Не сочувствует Тацит и низшим классам Империи, вольноотпущенникам и рабам; впрочем, от него, как от человека рабовладельческого общества, представляющего, к тому же, его высший слой, трудно было бы ждать другой позиции.

Только имперская элита — всадническое и, в особенности, сенаторское сословие — способны, по мнению Тацита, позаботиться о делах государства; только они одни составляют в Империи политический, причастный к государственному управлению класс (Тас.

Hist., I, 50). В каких же чертах рисует Тацит римский сенат эпохи принципата?

Не пожалевший мрачных красок для изображения императоров, Тацит, не пощадил и сенат, представив его пособником тирании Цезарей. Трудно сказать, кто возбуждает большее отвращение в рассказе Тацита, — императоры ли, с их жестокостями и пороками, или сенаторы с их раболепием и подлостью¹¹. Между принцепсом и сенатом происходит своего рода взаимодействие: принцепс всячески унижает сенат и побуждает его к раболепству, а сенат своим всё возрастающим раболепием поощряет императора к расширению своего самовластия¹².

Уже времена Тиберия, когда ещё сохранялась хотя бы «видимость свободы» (Tac. Ann., I, 77), были «так отравлены грязною лезью», что даже самому императору это раболепие было противно; покидая курию, он всякий раз произносил по-гречески фразу: «О люди, созданные для рабства» (ibid., III, 65). «Очевидно, — заключает Тацит — даже ему, при всей его ненависти к гражданской свободе, внушало отвращение столь низменное раболепие» (ibid.). Последующим правителям приходилось порой сдерживать отцов-сенаторов, переходивших в своей лести всякую меру (ibid., XI, 25), и даже Нерон, чья артистическая натура жаждала преклонения и восторгов, отверг предложенную ему статую из чистого золота или серебра и не позволил начинать год в декабре — месяце своего рождения, постановив считать его по-старому — с январских календ (ibid., XII, 10). Примечательно, что последний случай имел место во времена так называемого «Золотого пятилетия» Нерона — периода, когда этот принцепс ещё только готовился стать тем Нероном, чей ужасающий и одновременно завораживающий образ вошёл в анналы истории и сделался достоянием художественной литературы и кинематографа. Сенаторы продолжали состязаться в раболепии даже в те редкие моменты, когда дамоклов меч террора не нависал над их головами; стоит ли удивляться тому, что и Нерон, которому в момент восшествия на престол было всего-навсего семнадцать лет, вырос, в конце концов, в жестокого деспота, раз его окружали такие подданные?

Раболепие сената выразилось и в официальных постановлениях

¹¹ *Соболевский С. И.* Тацит... С. 264.

¹² Там же.

ях¹³: «ни одно дело, обсуждавшееся в сенате, не считалось столь низменным и столь ничтожным, чтобы тут же не перейти к прославлению императора, о каких бы деяниях ни пришлось говорить. Совещались ли мы об увеличении числа гладиаторов, или об учреждении цеха ремесленников, сейчас же, словно при этом расширялись пределы нашей Империи, постановляли посвятить имени Цезаря какие-нибудь величественные арки, или надписи, которые не могли бы уместиться на фронтонах наших храмов, или месяцы года, да притом не по одному, а по несколько сразу» (Plin. Minor. Paneg., 54)¹⁴. Эти слова Плиния Младшего относятся в первую очередь ко времени Домициана, но достаточно прочитать рассказ Тацита о том, как реагировал сенат на известие об убийстве Агриппины Младшей, совершённом по приказу её сына, Нерона (Tac. Ann., XIV, 12), чтобы понять, что и ранее в сенате разыгрывались точно такие же сцены.

Деморализованный сенат времён Цезарей утратил всякую способность действовать самостоятельно, и не мог управлять Республикой иначе, как под опекой принцепса, на чьи плечи сенаторы были готовы переложить даже ту небольшую меру ответственности, которая ещё оставалась им¹⁵. Как редкое исключение изображает Тацит тех сенаторов, которые в эпоху всеобщего раболопия смогли прожить жизнь «как подобает свободному человеку» (ibid., XVI, 11).

Таким образом, ни одна из перечисленных выше общественных сил — народ, под которым Тацит понимает, исключительно, столичное население (plebs urbana), армия и сенаторская знать — не казались Тациту способными противостоять самовластью Цезарей. Единственным прибежищем от тирании для него, как, впрочем, и для многих его современников, оказывается хороший государь —

¹³ Там же. С. 265.

¹⁴ Отрывки произведений Плиния Младшего в русском переводе цитируются по изд.: Плиний Младший. Письма / Пер. с лат. и прим. М. Е. Сергеевко («Письма», кн. I–VIII, X), А. И. Доватура («Письма», кн. IX), В. С. Соколова («Панегирик») и Н. Н. Казанского (эпиграфические памятники). М., 1984.

¹⁵ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи / Пер. с нем. изд. (Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich (1928)) И. С. Алексеевой и Г. В. Снежинской. Т. II. С. 87. — Показательна в этой связи позиция Плиния Младшего, который, будучи трибуном, по его же собственному выражению, приписывал своей должности некоторое значение, и впоследствии ставил это обстоятельство себе в заслугу (Epist., I, 23).

сарах imperii.¹⁶ Наиболее ясно эту мысль наш автор высказывает в речи, вложенной в уста императора Гальбы и посвящённой усыновлению Пизона Лициниана: «Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранять равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути: единственное, что я могу дать римскому народу, — это достойного преемника, и единственное, что можешь сделать для него ты, человек молодой, — это стать хорошим принцем» (Tac. Hist., I, 16). Свобода и безопасность граждан, равно как и достоинство сената находятся теперь в руках принцепса и охраняются не силою закона, как раньше, но добродетелью государя¹⁷.

Однако государи, в большинстве своём, не отличаются склонностью к добродетели: единственным императором, которого власть изменила к лучшему, был Веспасиан (ibid., I, 50), а всех остальных она только развращала. Дурным государям, по мнению Тацита, следует повиноваться, терпеливо перенося их капризы и своеволие в надежде на лучшие времена (ibid., IV, 8. 74). Образцом такого поведения был герой первого произведения Тацита, Юлий Агрикола, чьё жизненное credo выражалось в формуле «moderatio prudentiaque» — благоразумная умеренность плюс осторожность (Tac. Agr., 42)¹⁸. Агрикола не стремился стяжать себе славу выставлением напоказ своей непреклонности, не искушал судьбу, бравируя своей независимостью. Он служил государству и власть предержащим, каковы бы они не были, демонстративно лояльный к ныне царствующему императору, будь то даже Нерон или Домициан. Впав у Домициана в немилость, он покорно отправился в добровольное изгнание, как бы упреждая желание принцепса убрать его подаль-

¹⁶ Syme R. Tacitus. Oxford, 1958. Vol. I. P. 58.

¹⁷ Современная наука в этой связи говорит об изменении в эпоху принципата характера конституционных гарантий. См.: д'Ипполито Ф. Этика и государство в эпоху Юлиев-Клавдиев // Древнее право (Ius antiquum). 1999. № 2 (5) / Пер. с ит. А. В. Щёголева. С. 18 слл.

¹⁸ Подробнее об «умеренности» (moderatio) как об особом жизненном принципе см.: Модестов В. И. 1) Тацит и его сочинения. С. 62 слл; 2) Лекции по истории римской литературы. СПб., 701 слл; Буассье Г. Оппозиция при Цезарях // Буассье Г. Собр. сочинений. Т. II / Пер. с фр. В. Я. Яковлева / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1993. С. 239 слл, 247 слл; Liebeschutz W. The Theme of Liberty in the «Agricola» of Tacitus // ClQ. Vol. XVI, 1966. P. 126 ff.

ше. Вся его жизнь может служить иллюстрацией к мысли Тацита, биографа Агриколы, что и при дурных правителях выдающиеся люди могут работать на благо отчизны, если помимо трудолюбия и энергии им свойственны скромность и повиновение. Благодаря своей деятельности на пользу общества они достойны не меньшего, а, может быть, и большего уважения, чем те, кто снискал себе славу решительностью своего поведения и впечатляющей, но бесполезной для государства смертью (*ibid.*).

Схожим образом вёл себя один из любимых героев Тацита, Траезя Пет — лидер стоической оппозиции времён Нерона. Траезя не отказывался воздавать императору должное уважение, называя того, кто в глазах всего общества являлся «колесничим, лицедеем и поджигателем», «выдающимся принцепсом» (*egregius princeps*) (*Tac. Ann.*, XIV, 48). Он аплодировал Нерону, когда тот декламировал или пел, и нарочно высказывался в сенате лишь по самым незначительным поводам, чтобы не задеть нечаянно августейшей персоны (*ibid.*, XIII, 49)¹⁹. Однако, вознося хвалу принцепсу, Траезя не терял чувства меры: его речь всегда была чуть более сдержанной, чем у его менее щепетильных коллег. Иногда он только молча присоединялся к большинству (*ibid.*, XIV, 12), а если сенаторам предстояло санкционировать очередное злодеяние принцепса, — не являлся в сенат, чтобы не быть вынужденным одобрить того, с чем он не мог примириться (*ibid.*).

При этом Траезя вовсе не был одним из тех твердолобых консерваторов, сделавших из старины идола и пылко ему поклонявшихся, которыми был так богат Рим во все века его долгой истории²⁰. Траезя вёл жизнь светского человека, любил театр и даже выступал однажды на сцене в своём родном Патавии²¹ (*ibid.*, XVI, 21), — поступок для римлянина старого закала немыслимый! Снисходительный к недостаткам других, он любил повторять: «Кто ненавидит пороки, ненавидит людей» (*Plin. Minor. Epist.*, VIII, 22) — достойная отповедь тем моралистам, которые не прочь примерить на себя тогу Ювенала при условии, что им за это ничего не будет. При жизни признанный честнейшим человеком своего времени Траезя пользовался огромным авторитетом: граждане в муниципиях и войсках внимательно читали ежедневные ведомости рим-

¹⁹ Буассье Г. Оппозиция... С. 90 сл.

²⁰ Там же.

²¹ Ныне город Падуя.

ского народа (*acta diurna populi Romani*), чтобы узнать, чего ещё Тразея не захотел сделать, — «*quid Trasea non fecerit*» (*Tac. Ann.*, XVI, 22).

Даже перед лицом смерти не изменил Тразея своей обычной умеренности. Когда трибун Арулен Рустик заявил, что наложит вето на постановление сената против Тразеи, последний отговорил безрассудного юношу от его намерения, помешав ему погибнуть той смертью, которую Тацит называл славной, но бесполезной для государства (*Tac. Agr.*, 42). «Он, Тразея, прожил свой век, и ему не пристало отступать от жизненных правил, которых он неизменно придерживался на протяжении стольких лет, тогда как Арулен только начинает восхождение по ступеням магистратур и все они открыты перед ним. Итак, пусть он основательно поразмыслит, на какой путь ему подобает вступить, чтобы в такое время открыть себе доступ к государственной деятельности» (*Tac. Ann.*, XVI, 26). Проигнорировав заседание сената, созванного для суда над ним, Тразея предоставил своим коллегам возможность осудить его, не пряча стыдливых взглядов. Он спокойно дожидался исхода дела в своих садах, коротая время в беседе с философом Деметрием, а узнав, что всё уже решено, удалился к себе и вскрыл вены (*ibid.*, XVI, 27 sqq.).

Принцип умеренности (*moderatio*), сформулированный Тацитом в его первом произведении, определял отношение нашего автора к Империи на всём протяжении его творческого пути. Более того, Тацит сознательно выдвигает умеренность в качестве особой линии поведения, способной в условиях авторитарного режима сохранить гражданину жизнь, помочь ему спасти себя и своих близких, пережить тяжёлые времена, не причиняя вреда другим и не опускаясь до низости и подлости²². Благодаря своей умеренности, проявлявшейся даже в его внешнем облике (*Tac. Agr.*, 44), Агрикола умер своей смертью, что при Домициане можно было считать за удачу; благодаря той же умеренности Вергиний Руф пережил всех Юлиев-Клавдиев и Флавиев, хотя и провёл в добровольном удалении от дел двадцать семь лет (*Plin. Minor. Epist.*, II, 1). Наконец, благодаря всё той же умеренности, Тразея Пет долгое время сохранял себя от гнева принцепса, и если, в конце концов, он и разделил судьбу остальных жертв Нерона, то лишь потому, что в конце его

²²Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 119.

принципата в Риме не осталось даже минимального пространства свободы, и жизнь вдали от низости и от опасности²³ сделалась попросту невозможной.

Лучшие времена настали вместе с приходом к власти новой династии — Антонинов. Тацит с сочувствием встретил первые шаги нового режима: он приветствовал установившуюся в правление Нервы и Траяна свободу слова, на практике, конечно же, куда более умеренную, чем может показаться из его преувеличенной похвалы (Tac. Hist., I, 1); адоптивное престолонаследие казалось ему более приемлемым способом передачи верховной власти, чем династическая преемственность, характерная для прошедшей эпохи (Tac. Hist., I, 16)²⁴. Привлечение к управлению государством «новых людей» (*homines novi*), происходящих из италийских муниципиев и провинций в ущерб старой римской знати, составляло одну из наиболее прогрессивных черт политики принципата²⁵, и Тацит, сам вчерашний провинциал или муниципал, не мог не симпатизировать Траяну, такому же как он сам «новому человеку» (*homo novus*)²⁶, выходцу из испанского городка Италики. При всём при этом, однако, кажется, что отношение Тацита к режиму Траяна было более сложным, чем представляется на первый взгляд²⁷.

Пережитое во времена Домициана со всей очевидностью должно было показать ему, сколь ненадёжным и зыбким является любое благополучие в условиях авторитарного режима. Приход к власти Нервы и Траяна означал лишь смену лиц на престоле, по существу же не изменил ничего: кровавое самодержавие сменилось самодержавием благодушным, но самый принцип власти остался прежним, а значит, в будущем можно было ожидать повторения прошлых несчастий.

²³ Гревс И. М. Тацит. С. 212.

²⁴ Буассье Г. Оппозиция... С. 250, прим. 4; Гревс И. М. Тацит. С. 138 сл., 217 сл.; Paratore E. Tacito. Milano, 1951. P. 446 sgg, 510, 525 sgg, 848.

²⁵ См. в особенности речь Клавдия по поводу допуска в сенат представителей гальской знати (Tac. Ann., XI, 24), ценную ещё и тем, что здесь Тацит перелагает официальный документ, частично сохранившийся до нашего времени (CIL, XIII, 1668). Показательно также то понимание и сочувствие, с которым историк описывает политику романизации покорённых народов, проводившуюся в Британии Агриколой (Agr., 21).

²⁶ О Таците, как об идеологе поднявшегося при Флавиях слоя новых людей (*homines novi*), выходцев с имперского Запада, см.: Syme R. Tacitus. Vol. I. P. 63; Vol. II, P. 582 ff, 611 ff.

²⁷ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. С. 97 сл.

По-видимому, не случайно карьера (*cursus honorum*) Тацита, до той поры успешно развивавшаяся²⁸, претерпевает явный спад именно в годы правления Траяна, когда, казалось бы, для плодотворной государственной деятельности были созданы все условия. У нас нет достоверных сведений о том, что Тацит занимал какую-либо должность в имперской администрации²⁹. Единственными надёжно засвидетельствованными фактами его общественной деятельности в этот период являются выступление в качестве обвинителя на процессе Мария Приска³⁰ (вместе с Плинием Младшим) и традиционное годовичное проконсульство в Азии, полученное им по сенатской линии (112–113 или 113–114 гг.). Совершенно сознательно Тацит избирает своим приоритетом труд историка, окончательно утверждаясь на том новом пути, на который он был выведен переворотом 96 г. и последующими событиями³¹.

Первое десятилетие II в. Тацит посвятил работе над «Историями»; тогда же (до 107 г.)³² был опубликован «Диалог об ораторах» — рассуждение о причинах упадка в эпоху Империи искусства красноречия. Корень этого упадка видится Тациту в том политическом строе, который установился в Риме, начиная с Августа. И хотя в последних главах диалога (*De orat.*, 40 sq.), автор произносит этому строю целый гимн устами своего героя Матерна, в то, что он искренен до конца, как-то не верится. Творческий человек, каким был Тацит, не мог воспевать времена, когда «никому не дано домогаться славы», оставаясь при этом искренним; первый оратор своего времени не мог не сожалеть об эпохе, когда Рим правил

²⁸В 88 г. Тацит исполнял должность городского претора (*praetor urbanus*), а в 97 г. — консульскую должность вместе с императором Нервой. Подробнее о карьере Тацита см.: *Тронский И. М.* Корнелий Тацит. С. 208 сл.; *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 64 слл.

²⁹*Тронский И. М.* Корнелий Тацит. С. 210. Ср.: *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 77 слл.

³⁰Марий Приск — бывший наместник Проконсульской Африки, разграбивший свою провинцию и привлечённый к ответственности по закону о вымогательствах (*lex de repetundis*). Тацит и Плиний выступали на его процессе в качестве адвокатов жалобщиков-провинциалов (*Plin. Minor. Epist.*, II, 11). Дело Мария Приска относится к 100 г.

³¹*Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 77.

³²Датировка «Диалога об ораторах» является спорной, но, даже если допустить, что он был написан Тацитом в начале 80-х гг., опубликовать его автор смог лишь многие годы спустя, после смерти Домициана. См.: *Дуров В. С.* История... С. 425.

миром, а слово — Римом, пусть даже то великое красноречие — питомец необузданного своеволия, которое только глупцы называют свободой (*ibid.*)³³.

После публикации «Историй» Тацит приступил к работе над своим последним произведением, «Анналами», но не успел её завершить³⁴. Он продолжал пользоваться славой выдающегося оратора: к нему, как к признанному метру стекались молодые поклонники его таланта, жаждавшие обучиться у него искусству красноречия (*Plin. Minor.*, IV, 20; VIII, 7). Надежда на то, что его исторические труды окажутся небесполезными для потомства (*Tac. Ann.*, IV, 33), крепла в нём, поддерживаемая восторженными отзывами современников (*Plin. Minor.*, VII, 33)³⁵. Точный год смерти Тацита неизвестен, но можно с большой долей уверенности утверждать, что историк застал первые годы правления императора Адриана (117–138 гг.)³⁶.

³³ *Тронский И. М.* Корнелий Тацит. С. 220.

³⁴ Предположение, что «Анналы» не были завершены Тацитом, вполне убедительно обосновано Г. С. Кнабе (Корнелий Тацит. С. 168 сл.).

³⁵ *Гревс И. М.* Тацит. С. 218.

³⁶ *Тронский И. М.* Корнелий Тацит. С. 211, 223.

Преданный Менестрат

Практически каждый из отечественных антиковедов в годы своей студенческой юности оказывался в той или иной степени причастным к памятникам Северного Причерноморья античного времени. Хотя специализация уводила большую часть их в другие страны и времена, тем не менее, в душах навсегда оставалось особое чувство привязанности к памятникам, интерес к проблемам истории региона, дискуссиям, ведущимися вокруг них. Э. Д. Фролов, естественно, не мог быть исключением. Его недавние воспоминания о Я. В. Доманском с бесспорностью свидетельствуют об этом¹. В силу этого автор данной заметки решил в сборник, посвященный юбилею Э. Д. Фролова, предложить маленький сюжет, который должен напомнить юбиляру его студенческую молодость. Правда, сюжет этот будет трактовать вопросы истории Боспора, а не столь дорогой Э. Д. Фролову Ольвии.

Как известно, всякая власть нуждается в идеологическом оправдании и обосновании, которые в разные эпохи принимают различные формы. На ранних этапах истории идеологическое обоснование ее чаще всего принимает религиозную форму, власть стремится показать подданным, что правит ими по божественному праву. При этом античная эпоха знала разные способы сакрализации верховной власти.

Начиная с Александра Македонского все более распространенной становится практика обожествления царей (посмертного или прижизненного). Она, естественно, появилась и на Боспоре. Если сообщение Страбона верно (Strab. VII, 4, 4), то Боспор, видимо, был первым государством, где последовали примеру Александра Македонского, обожествив своего царя Перисада I (347/6–310/309 гг. до н. э.), еще до того, как эта практика стала обычной в эллинистическом мире. Однако, у нас нет никаких свидетельств о том, что обожествление последующих царей имело место, что выглядит достаточно загадочно.

¹Фролов Э. Д. Памяти старшего друга и наставника. Страницы воспоминаний о Я. В. Доманском // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 305–313.

Следующий эпизод в истории обожествления правителей связан с периодом вхождения Боспора в состав Понтийского царства при Митридате Евпаторе, который, как известно, был обожествлен у себя на родине. Естественно, что эту практику он постарался распространить и на Боспор. Свидетельством этого является известная надпись жителей Фанагории (или Горгишии) в честь царицы Динамии, в которой приводится титул ее предка — Митридата с эпитетом Дионис². Следовательно, можно предполагать, что и несколько десятилетий спустя память об обожествлении этого царя и его отождествлении с Дионисом была жива.

Следующий период, однако, дает много более сложную картину. Насколько мы можем судить, идея сакральности царской власти не была оставлена, но упор был сделан на божественное происхождение царей. В ряде документов сообщается, что цари поздней боспорской династии являются потомками богов: Геракла и Посейдона³. Эта идея нашла свое отражение и в монетном чекане некоторых из царей⁴. По всей видимости, такой тип сакрализации власти, имевший более низкий «статус», нежели прямое обожествление, был следствием наличия культа римских императоров, который был введен на Боспоре уже при царице Динамии. Посвящая статую римского императора Августа в Горгишии, она определяет его следующим образом: «правитель всей земли и всего моря, мой спаситель и благодетель». Кроме того, в этом тексте также присутствует и более официальное определение Август называется «императором, цезарем, сыном бога (αὐτοκράτορα θεοῦ υἱόν)»⁵. Видимо, несколько позднее Динамия называет Августа уже не только «сыном бога», но и «богом»⁶. Таким образом, первые шаги к учреждению культа римских императоров на Боспоре делаются при царице Динамии.

Следующий этап становления культа императоров приходится на царствование Котиса. В его титулатуру вводится очень важный элемент — он является ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου «верховным пожизненным жрецом Августов»). Последующие цари, насколько

²КБН № 979. О культе Митридата-Диониса см. *Неверов О. Я.* Митридат-Дионис // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 37. 1973. С. 41–46.

³См. КБН № 53 (Пантикапей), 980 (Фанагория), 1048 (Гермонасса).

⁴*Гайдужевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 336.

⁵КБН № 1046.

⁶КБН № 38.

мы знаем, неуклонно следовали этому обыкновению⁷. Таким образом, официально было завершено введение культа римских императоров⁸. В подобных условиях боспорским царям претендовать на божественный статус было, видимо, достаточно опасно, поскольку это могло восприниматься, как попытка соперничать с владыками Рима. Подтверждением этому служит тот факт, что в распоряжении исследователей нет ни одного документа, исходящего от официальных властей, который бы позволял говорить о практике официального обожествления боспорских царей.

Несмотря на это, попытки введения царского культа не были полностью оставлены. Ярким примером этого может служить известная пантикапейская надпись, в которой «корпорация» аристократов называет боспорского царя и его супругу «богами»⁹. До недавнего времени имелось еще два документа, в которых боспорский царь (в данном случае Савромат II) называется богом. Они происходят из Гермонассы¹⁰. Однако, в обоих случаях это слово — результат восстановления издателей: в первом случае от этого слова не сохранилось ни одной буквы, а во втором — только последняя. Основанием для подобного восстановления, в сущности, является только упомянутая выше пантикапейская надпись. Поэтому оставались вполне законные основания для сомнений в правильности восстановления термина.

Подводные раскопки в Фанагории дали несколько новых эпиграфических документов. Особенностью их является прекрасная сохранность всех текстов. В числе этих надписей имеется также посвящение статуи царя (видимо, в какой-то храм) от лица высокопоставленного представителя государственной администрации

⁷ Блаватский В. Д. О культе римских императоров на Боспоре // Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 192.

⁸ К сожалению, мы не знаем многих деталей организации этого культа. Только одна надпись из Гермонассы (КВН № 1050, правда, В. Д. Блаватский предполагал, как и ряд других исследователей, что она происходит из Фанагории) дает некоторую дополнительную информацию. В надписи, к сожалению, довольно сильно поврежденной, говорится о том, что некто «освобождается от всех налогов, собираемых в царстве», он же «назначается пожизненным жрецом храма в честь императора» (τοῦ *ἡμισαρκείου* διὰ βίου) и передает эту должность по наследству своим потомкам.

⁹ КВН № 36. О значении термина «аристопилиты» см. Яйленко В. П. Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М., 1977. С. 216–219.

¹⁰ КВН № 1048, 1049.

Юлия Менестрата¹¹. Ее текст очень сильно напоминает посвящение из Гермонассы, кстати, сделанное тем же самым лицом. В фанагорийской надписи термин «бог» сохранился полностью, что соответственно подтверждает правильность восстановления текста в предыдущих документах.

Таким образом, мы видим, что аристократическая верхушка Боспора, несмотря на отсутствие официального культа царя, активно продвигала «в частном порядке» идею божественности царской власти. Носителями этой идеи являлись как аристопилиты in соgrore, так и отдельные представители этого слоя общества. Нам известны два таких лица: в одном случае некий пантикапеец, имя которого не сохранилось, посвящает изображение Тиберия Юлия Савромата, видимо, в какой-то храм. Во втором и третьем случаях то же самое и в отношении того же самого царя делает Юлий Менестрат, который в одном случае носит звание «хилиарх», а в другом — «архикойтонит».

Таким образом, можно полагать, что среди аристократии Боспора имелись лица, особо отличавшиеся преданностью царю, и Юлий Менестрат принадлежал к числу их. И не его вина, что поздняя династия боспорских царей не приобрела божественного статуса официально.

¹¹ Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 161–170; Бонгард-Левин Г. М., Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Археологические исследования последних лет в Фанагории // Труды Отделения историко-филологических наук. 2006. М., 2007. С. 240–242.

Галльский Юпитер Цезаря — кельтский Таранис Лукана

Самым полным свидетельством античности о богах древних галлов является известное сообщение Цезаря, помещенное им в 17 главе VI книги его «Записок о Галльской войне». Приведем это свидетельство целиком: «Из всех богов они более всего почитают Меркурия. Они считают его изобретателем всех искусств, покровителем дорог и путешествий, а также полагают, что он имеет величайшее влияние при получении прибыли в торговле. После него почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. О них они имеют почти то же мнение, что и другие народы: Аполлон отвращает болезни, Минерва передает начатки ремесел и искусств, Юпитер царит на небесах, Марс главенствует в войнах» (Caes. B.G., VI, 17).

Обозначенные Цезарем функции галльского Юпитера («Юпитер царит на небесах») указывают на то, что Цезарь имел в виду великого индоевропейского бога неба. Примечательно, что высшего римского бога Цезарь поместил на четвертое место в галльском пантеоне. Судя по всему, он понимал, что галльские боги, которых он пытался отождествить с римскими, по назначению и функциям не могли быть прямо и точно соотнесены с ними. По количеству посвященных ему надписей Юпитер значительно уступает галльскому Меркурию.¹ Но тем не менее даже в житиях святых сообщается о том, что в позднее античное время в Галлии продолжали почитать Юпитера.²

Прозвища Юпитера в посвящениях могут быть связаны с топонимикой: например, Юпитер Аккионий (Фест Авиен (Ora maritima, 682) говорит о большом болоте около Женевского озера, которое называлось Assion), или Юпитер Пенинус (по Пеннинским Альпам). Среди прозвищ галльского Юпитера особенно отметим два, пока не пытаюсь их объяснить: в надписи из Далмации он назван Таранукус (Taranicus), а в двух надписях, найденных в Германии — Таранукус (Taranucus).³

¹ Vendryes J. La Religion des Celtes // Les Religions de l'Europe ancienne. Т. III. Paris, 1948. P. 270.

² Vrycs J. de. Keltische Religion. Stuttgart, 1961. S.30.

³ Vendryes J. La Religion des Celtes. P. 264.

Некоторые из скульптурных памятников римской Галлии изображают галльского Юпитера по образу и подобию верховного римского бога: это бородатый, мужественный человек зрелого возраста; иногда он изображен обнаженным, иногда в великолепном плаще, иногда он восседает на троне, иногда стоит; обычно он в одной руке держит скипетр, а в другой молнию.⁴

В то же время на кельтских территориях часто встречаются своеобразные изображения Юпитера, например, так называемый «Юпитер гигантских колонн». Памятник такого рода обычно представляет собой высокую колонну, возвышающуюся на квадратном цоколе, на котором изображены или персонифицированные «планеты», которые покровительствуют семи дням недели, или четыре римских божества (Юнона, Меркурий, Геркулес и Минерва). Колонну венчает конная статуя Юпитера. Лошадь бога попирает лежащего на земле гиганта со змеиным или рыбьим хвостом. Эти памятники наиболее распространены в бассейнах рек — Рейна, Мозеля и Соны; иногда они встречаются в Бретани и даже в Англии. «Юпитеры гигантских колонн» находятся в отдалении от городов и больших путей сообщения. По большей части они размещаются в развалинах вилл, в ложах рек, а также вблизи могильников, следовательно, эти памятники принадлежат сельскому культу. Но величина и явно большая стоимость этих монументов указывают на то, что это был государственный, а не частный культ. Цоколь одной статуи «Юпитера гигантских колонн» с изображением четырех римских божеств впоследствии был вмурован в основание алтаря христианской церкви. Это свидетельствует о важной роли языческого монумента в религиозной жизни Галлии и об особой значимости изображенного на нем бога.⁵

Мы можем только догадываться о значении изображений такого рода. Очевидно, они выражают символизм космического, метафизического характера. Об этом свидетельствует уже то, что изображение бога поддерживает колонна, символизирующая «Ось Мира». Она помещает образ бога в самый центр вверенного ему мира. Сама скульптурная группа, изображающая конного Юпитера и поверженного гиганта, напоминает сцену победы греческих богов над гигантами. Во всяком случае, создается впечатление, что всадник

⁴ Duval P.-M. Les Dieux de la Gaule. Ed. 2. Paris, 1976. P. 73.

⁵ Vryes J. de. Keltische Religion. S. 31–34.

попирает противника, и это впечатление подтверждает ужас, искажающий черты лица гиганта. Может быть, скульптурная группа олицетворяет победу бога небесного света над мраком или над чудовищем хаоса. Гиганта со змеиным или рыбьим хвостом можно отождествить с морскими чудовищами, которые считались существами потустороннего мира и всегда символизировали хаос. Возможно, колонны, воздвигнутые в основном в период 170–240 гг. н. э. в находившихся под угрозой вторжения германцев областях римской Галлии, казались местным жителям символом победы римского мира над варварским. Однако изначальный, глубинный смысл этих памятников был религиозным: они воплощали древний космический символизм.

Характерным символом галльского Юпитера является колесо. Например, бронзовая статуэтка из Шателе (От–Марн) изображает обнаженного бородатого мужчину, левая рука которого лежит на колесе, а правая держит греко–римский символ молнии. На правой руке висят девять S–образных предметов. На статуе из Сегюра (Везон) Юпитер опирается правой рукой на колесо с 10 спицами. На алтаре Юпитера, найденном в Лодане (деп. Гар), на обеих сторонах изображены орел и колесо с 5 спицами. На другом алтаре, происходящем из Лансарга, который содержит посвятельную надпись «Юпитеру Лучшему Величайшему», опять изображено колесо с 6 спицами между двух молний. Поэтому Я. де Фриз считает, что, когда на алтаре из Вовера (около Нима) встречается на одной стороне изображение колеса с 8 спицами, а на каждой из боковых сторон изображение стилизованной молнии, можно с уверенностью усматривать здесь посвящение Юпитеру. По мнению де Фриза, такой вывод правилен и для многочисленных прочих случаев, когда изображено только одно колесо.⁶

Вообще символ колеса был весьма характерен для кельтских представлений. Я. Филип отметил, что маленькие бронзовые колесики-подвески представляют обычный инвентарь в кельтских оппидумах, например, в Страдоницах (Чехия), и бывают также изображены на кельтских монетах.⁷ Р. Генон, анализируя символику колеса, замечал, что общим образом колесо является символом мира, так как окружность представляет проявленность, которая произ-

⁶ *Vryes J. de. Keltische Religion. S.30–31.*

⁷ *Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 172.*

водится иррадиацией центра. Этот символизм может иметь более частные значения, будучи применен не ко всей целостности всеобщей проявленности, а к какой-то одной ее области. Особенно важным примером этого последнего случая Генон считал символизм двухколесной колесницы, составляющие части которой соответствуют различным частям космического ансамбля: ось колесницы соответствует «Оси Мира», а два колеса, помещенные на ее оконечностях, — Небу и Земле.⁸

Большинство исследователей считает колесо и колесницу астральными солнечными символами.⁹ Однако, существует другое толкование колеса и колесницы как астральных символов. Некоторые исследователи рассматривают колесницу как символ той повозки, на которой разъезжает бог грома, а колесо истолковывают как символ молнии. Из кельтологов такой точки зрения придерживается П.-М. Дюваль. Он считает, что кельтское колесо является символом небесной колесницы, движение которой производило грохот грома, так как в галло-римской скульптуре колесо становится атрибутом Юпитера вместе с крюком, имеющим вид буквы S, который символизирует молнию, брошенную и пойманную богом неба.¹⁰

Я. де Фриз придерживался точки зрения, что колесо — это символ солнца, а не молнии. Он рассмотрел историю возникновения, развитие и значение этого символа. Вероятно, сначала это был простой круг. Однако скоро в круге появились четыре спицы. Постепенно число спиц стало увеличиваться. Эти спицы первоначально, может быть, означали страны света и указывали на движение солнца по небу. Представление, что солнце описывает замкнутый круг, попеременно проходя через верхний и через нижний мир, является очень древним. В связи с этим де Фриз делал обоснованный вывод, что, строго говоря, колесо нельзя считать только кельтским символом, однако кельты хорошо знали этот символ, так же как и многие другие народы древности.¹¹

Таким образом, галльский Юпитер, имевший в качестве атрибута колесо, был богом неба, величественным проявлением которо-

⁸ Guénon R. Les Simboles de la Science Sacrée. Paris, 1962. P. 245.

⁹ Иванов В. В. «Колесо» // Мифы народов мира. Т. 1. Москва, 1980. С. 664–665.

¹⁰ Duval P.-M. Les Dieux de la Gaule. P. 20.

¹¹ Vryes J. de. Keltische Religion. S. 63.

го являлось солнце. Поскольку солнце все видит, оно и знает все, что происходит на земле. Им не останется незамеченным ни одно преступление, ни одно святотатство. Поэтому небесного бога часто призывали, произнося клятвы. Зевса в Греции называли *δῆριος* (призываемый в свидетели клятвы, скрепляющий клятву). В ирландских текстах встречались клятвы, которые произносились с призыванием сил природы. Солнце называлось на первом месте, далее следовали Луна и прочие небесные творения, под которыми подразумевались звезды.

В кельтских верованиях в тесной связи с Солнцем находился также Аполлон. Солнце ощущалось до такой степени благословенной звездой, что оно могло быть связано с каждым божеством, которое является могущественным подателем благ. Итак, Юпитер с солнечным колесом — милостивый бог, скрепляющий договоры и клятвы.

В заключение следует еще сказать, что трактовка колеса как символа молнии все равно не меняет внутренней сущности галльского Юпитера. Молния — символ божественного света, способного разрушать и уничтожать, и вместе с тем освобождающего воды неба, которые оплодотворяют землю.

Таким образом, бог с колесом — это по большей части галло-римский Юпитер. Однако нам известно относящееся еще к до-римскому периоду (II—I в.в. до н. э.) изображение на котелке из Гундеструпа бородатого бога с поднятыми вверх руками, который правой рукой держит колесо. По-видимому, на котелке изображен кельтский бог, который был прототипом галльско-римского Юпитера. На его имя указывают два приведенных выше кельтских прозвища галло-римского Юпитера — Таранукус и Таранукнус.

Дело в том, что римский поэт I в. н. э. Лукан в своей поэме «Фарсалия» называет имена трех кельтских богов, и среди них — имя Тараниса. «... Успокаивают ужасной кровью, — пишет он, — свирепого Тевтатеса и страшного Езуса в его диких святилищах и Тараниса на алтарях не менее кровавых, чем алтари Дианы скифской (Lucan. Pharsal., I, 444–446). Так называемые Бернские сцены к Лукану (датирующиеся временем между IV и X вв. н. э.) дополняют сведения Лукана, сообщая о различных способах человеческих жертвоприношений, посвящавшихся каждому из трех богов. Человека, посвященному в жертву Тевтатесу, топили в боч-

ке, Езусу — вешали на дереве, Таранису — сжигали в деревянном чане.¹²

Давно уже делались попытки идентифицировать этих богов и определить сферу деятельности каждого из них. Эти попытки достаточно трудны, так как Бернские схолии, истолковывая их имена, дают противоречивые сведения.¹³ Так, с одной стороны, по свидетельству Бернских схолий, Таранис — это Юпитер, выступающий в качестве бога-покровителя войны (*praeses bellorum*); прежде ему приносили в жертву человеческие головы, а теперь — приносят в жертву только животных. С другой стороны, они называют Тараниса Диспатером и сообщают, что кельты почитают его, сжигая людей в деревянных чанах.

Известна только одна посвященная ему надпись, найденная в Оргоне (в устье Роны). Она написана греческими буквами и предлагает форму Τάρανουοο. В упоминавшихся выше надписях из Далмации и из Германии даются формы *Jupiter Taranucus* и *Taranucus*. Эти эпитеты означают что-то вроде «принадлежащий Таранису» или «сын Тараниса». Толкование имени Таранис очевидно: основа слова здесь *taran* «гром». Побочная форма имени бога — *Tanagos*. Ему посвящена надпись в Честере: *IO M Tanago*. Это имя очень напоминает имя германского бога Донара (*Donar* — «громовник»). Вследствие этого соответствия Тараниса можно считать богом, который связан с небесным феноменом грома. В таком случае идентификация с Юпитером вполне понятна, так как Донара тоже отождествляли с Юпитером. Таким образом, судя по этимологии его имени, Таранис — это кельтский бог неба, оружием которого являются гром и молния.

Бог, который наделен символом грома и молний, — в первую очередь, ужасный бог, обладающий уничтожающей силой. Кельты боялись грозного бога неба. Этот страх отразился в знаменитом ответе, который кельты дали встретившемуся с ними в 335 г. до н. э. Александру Македонскому на вопрос о том, чего они опасаются больше всего на свете. «Мы опасаемся только одного, — ответили кельты, — чтобы небо не упало на нас» (*Strabo*, VII, 3, 8). По сообщению Павсания, в Дельфах раскаты грома поражали кельтов ужасом и мешали им слушать команды (*Paus.*, X, 23, 2). Имея в ви-

¹²*M. Annei Lucani Commenta Bernensia* // Usener H. 1869. S. 32.

¹³Противоречия объясняются тем, что существовали два автора схолий.

ду эти свидетельства античных авторов, Ж. Вандри писал: «Естественно, что, опасаясь падения небесного свода, кельты старались умиловить бога, присутствие которого там проявлялось посредством грома и молнии».¹⁴ Поэтому ему приносили кровавые жертвы, о которых сообщают Лукан и его комментаторы. Поскольку Таранис был хозяином небесного огня, то, как мы видели, именно огнем, по сообщению одного из комментаторов Лукана, он утолял свою жажду человеческих жизней, когда жертвы ему сжигали в деревянных чанах.

Спорным является вопрос об иконографии Тараниса. Многие исследователи видели Тараниса во встречающихся в Галлии изображениях бога с колесом, в том числе, в относящемся еще ко времени независимости изображении бородатого бога с колесом на котелке из Гундеструпа.¹⁵ Многочисленные изображения бога с колесом, относящиеся к галло-римской эпохе, являются, как мы видели, изображениями галло-римского Юпитера, содержание образа которого П.-М. Дюваль раскрывает формулой: Таранис + Юпитер.¹⁶

Однако нетрудно заметить, что ужасный кровавый Таранис Лукана и его комментаторов чрезвычайно не похож на благостного доброго бога, каким был галльский Юпитер. В связи с этим Я. де Фриз считал, что бога с колесом нельзя связывать с Таранисом, что это галльский Юпитер, но не Таранис.¹⁷ А, может быть, это все-таки один и тот же бог, амбивалентность которого, так свойственная образам древних богов, выражается, по определению Ж. Дюмезиля, в сочетании благостных «митраических» и ужасных «варунических» качеств?¹⁸

¹⁴ *Vendryes J.* La Religion des Celtes. P. 264.

¹⁵ *Шкуняев С. В.* Таранис // Мифы народов мира. Т. 2. С. 495.

¹⁶ *Duval P.-M.* Les Dieux de la Gaule. P.73.

¹⁷ *Vryes J.* de Keltische Religion. S. 63.

¹⁸ *Dumézil G.* Mitra-Varuna. 2 éd. Paris, 1948. P. 85.

Римская империя в зеркале гнозиса*

Во II в. н.э. христианский апологет Юстин, рассказывая о современных ему еретиках, мимоходом замечает: «Делаются ли у них те гнусные дела, которые носят в народе, как-то: загашение светильников, взаимное совокупление и поедание человеческого мяса, не знаю; но знаю, что вы их не гоните и не убиваете, по крайней мере за их учение» (Just. Apol. I, 26). Это место стало классическим для описания взаимодействия римских магистратов и последователей гностических учений. Так, например, Дж. де Сен-Круа утверждает, что «большинство гностических сект обладало полным иммунитетом во время гонений»¹. Но так ли это было на самом деле? Как складывались отношения гностиков и Рима? И как они воспринимали римское государство в системе всего мироздания? Мы не претендуем на то, чтобы в рамках этой статьи окончательно решить эти проблемы, но надеемся, что высказанные здесь замечания будут бесполезны для дальнейших исследований.

ДУХОВНАЯ И ЗЕМНАЯ ВЛАСТЬ В ГНОСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Что отделяло гностиков от «церковных» христиан? Был ли это вопрос о «единстве Бога»? Если это так, то что могло означать отказ от этого учения? Гностики, против которых Ириной направляет пять книг своего сочинения «Против ересей», не являются дуалистами. Это валентиниане, которые, как и остальные христиане, исповедовали одного бога; тем не менее, они настаивали на разделении между образом Бога как создателя, господа, судьи и повелителя и Бога — Отца истины, Бога духовного. Почему это учение настолько подвергалось осуждению, что люди, которых Гарнак назвал «первыми христианскими теологами», фактически были изгнаны из церкви как еретики? Этот вопрос тревожил и самих гно-

* Данная статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного исследовательского проекта «Глобализационные процессы в античном мире» (№ 06-01-00438а).

¹ Ste Croix G. E. M. Why were the Early Christians persecuted? // Past and Present. Vol. 26. 1963. P. 28.

стиков: «Они (гностики — *А. П.*) упрекают нас за то, что тогда как они думают сходно с нами, мы без причины удаляемся от общения с ними, и тогда как они говорят то же самое и содержат то же самое учение, мы называем их еретиками» (*Adv. haer. III, 15, 2*).

Когда мы исследуем писания отцов церкви и их современников-гностиков для того, чтобы увидеть, как их авторы трактуют теологические вопросы, мы можем заметить, что они включают в себя и социальный, и политический аспекты. Точнее, мы можем увидеть, что и ортодоксальные христиане, и их гностические оппоненты признают, что споря о «монотеизме», они обсуждают проблему, важную для обеих сторон — вопрос о власти.

Безусловно, более важным для внутрехристианских споров был вопрос о духовной власти, о структуре церковной общины и авторитете клира — епископов, диаконов и пресвитеров. Но он теснейшим образом переплетался с представлениями о власти мирской. Для церковных христиан во II в. эта проблема уже не стояла — вся власть от Единого Бога. Но если постулировать наличие двух богов — благого Духовного Отца и демиурга (в лучшем случае, справедливого), то мы оказываемся перед альтернативой: кого из них считать источником власти?

Что происходило, когда отрицалось учение о Боге как едином, стоящем на вершине иерархии и освящающем всю структуру, можно увидеть на примере Валентина, христианина из Египта, получившего образование в Александрии, и около 140 г. прибывшего в Рим известным учителем (*Iren. Adv. haer. III, 4, 3; Tert. Adv. Val. 4*). Валентин объявил, что ему было видение; он также утверждал, что он был посвящен в тайное учение Тевдой, учеником ап. Павла (*Clem. Alex. Strom. VII, 7*). Основываясь на этих откровениях, Валентин попытался преподавать «тайную мудрость», которая состояла в том, что тот, кого большинство христиан почитают как создателя, бога и отца — всего лишь «образ» истинного Бога (*Clem. Alex. Strom. IV, 89–90*). Следовательно, эпитеты, которые христианские авторы вроде Климента Римского, Игнатия и Ермы относили к Богу, на самом деле относятся лишь к демиургу, его копии и подобию. Это не истинный Бог, но лишь творец, который управляет своими подчиненными как «царек» (*Heracl. Frg. 40*), он правит, как господин, который изображается как «сотник» в Евангелии от Матфея, говорящий, что он имеет «у себя в подчинении воинов, говорит одному: пойдй, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге своему:

сделай то, и делает» (Iren. Adv. haer. I, 7, 4). Прежде всего, он — следящий за порядком законодатель и судья, который вознаграждает тех, кто исполняет его заповеди и карает тех, кто преступает их; он — «Бог иудеев». Последователи Валентина объясняли, что заносчивое заявление создателя о его исключительности — «Я Бог, и нет никакого бога, кроме меня» (Ис. 43:12) — демонстрирует незнание истинного источника его силы, который является «Богом истины», Источником и Глубиной всех вещей (Iren. Adv. haer. I, 5, 3–4). Ганс Йонас считает это фундаментом всей гностической теологии и интерпретирует обвинения творца как выражение «чуждости» бытия гностика в мире². Но здесь можно увидеть и выражение отчужденности в социальном смысле — отчужденности как от церкви, так и от государства в целом.

Таким образом, позиция гностиков по отношению к власти резко контрастирует с позицией церковных авторов. Гностики пользуются тем же теологическим словарем, что и Климент, Иустин, Тертуллиан и Ириней. Они точно так же описывают церковь как «новый Израиль», что поклоняется Господу «в Иерусалиме» (Heracl. Frg. 13). Но если церковные христиане использовали этот образец для описания всей христианской церкви, то валентиниане Гераклеон и Птолемей интерпретировали его иным образом. То, что большая часть христиан называла «новым Израилем», валентиниане называли *церковью психиков*. «Иерусалим» означает лишь *психический уровень* веры, где находятся «жрецы и левиты», которые «являются символом находящихся вне плеромы душевных, обнаруженных для спасения», получивших «крещение видимого Иисуса» и евхаристию как знак искупления грехов Христом (Iren. Adv. haer. I, 21, 1–4). Кроме того, они боятся и служат демиургу как «Богу Израиля». Гераклеон, идя дальше, говорит, что психики, предназначенные к спасению, находятся во «внешнем дворе» храма, так как они поклоняются, будучи «в незнании, неверии и грехе» тому, кто не является истинным Богом, и, таким образом, остаются только рабами своего хозяина и господина, овцами, нуждающимися в пастыре, подвластными законодателю и судье (Hipp. Ref. VI, 34).

Гностики полагали, что учение о грехе, покаянии, прощении и вера в «видимого Иисуса», провозглашаемое публично в «психиче-

² Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998. С. 65–71; Jonas H. Delimitation of the Gnostic Phenomenon // Le Origini dello Gnosticismo / ed. U. Bianchi. Leiden, 1967. P. 91 f.

ской» церкви, на самом деле лишь «начальное учение». Они указывали, что даже сам Христос и апостолы, которые основали церковь, несли одно учение «тем, кто вне», а другое — «тем, кто внутри»: «Апостолы с лицемерием приспособляли свое учение к приемлемости слушателей и давали ответы сообразно с мнениями вопрошающих: для слепых выдумывали басни сообразно с их слепотой, для слабых — сообразно со слабостью и для заблуждающихся — сообразно с заблуждением» (Iren. Adv. haer. III, 5, 1). Вместо познания Господа церковные христиане остались ослепленными слугами демиурга.

Посвящаемый в гностические таинства узнавал, что следует отбросить власть демиурга и все его требования как «нелепости». Гнозис состоял в познании сил, стоящих над демиургом; постигнуть их означало выйти из-под власти создателя материального мира. Пройдя через таинство искупления, иницируемый ритуально заявлял о своей свободе от демиурга. «Они более всех знают и одни проглотили величие знания о неизреченной силе. Они говорят также, что они, по высоте своей, выше всякой силы... ибо по силе искупления делаются недоступными и невидимыми для судьбы» (Iren. Adv. haer. I, 13, 6). Отметим, что буквально о том же сообщает и другой критик гностиков — Плотин: «Если неразумные люди внезапно слышат: “Ты будешь лучше всех — не только людей, но и богов”, — или если услышит прежде смиренный, умеренный и простой муж такие слова: “Ты — сын бога, а остальные, которым ты удивлялся, — не дети его и не получили от отцов то, что они почитают, ты же лучше даже небес, ничуть не потрудившись”, — разве не поверят они подобным речам, притом что и другие верят этому, — ведь велико самодовольство в людях» (Enn. II, 9, 9).

Посвящение изменяло взаимоотношения посвящаемого с демиургом, но также изменялись отношения и с епископом, и с мирскими властями. Перед этим его учили подчиняться епископу «как Богу», ему говорили, что епископ управляет и судит, председательствуя «на месте Бога». После посвящения же гностик у стало известно, что это ограничение действует только для неполноценных «психических» христиан. Гнозис давал четкое теологическое основание для отказа от подчинения власти епископов, которые теперь рассматривались как «силы и власти», правящие на земле от имени демиурга. Точно такое же отношение складывалось и по отношению к земным властям.

Дальнейшее исследование природы демиурга может показать, как члены этих гностических групп осознавали свое отношение к не-гностическим властям. Мы вправе полагать, что те, кто отзывается о демиурге как безжалостно враждебном, надменном и завидующем высшим силам (как, например, трактат «Ипостась Архонтов» из собрания Наг Хаммади), будут считать себя сопротивляющимися его силе и власти. С другой стороны, те же валентиниане говорили, что демиург является орудием высшей силы и необходим для присмотра за «психической церковью».

ГНОСТИК В МИРЕ: «СТРАННИК Я НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ И ПРИШЕЛЕЦ СРЕДИ ВАС»

Христиане находятся как бы «вне мира»; похожее ощущение, даже более глубокое, возникает при изучении гностических трактатов. Мотив «чуждости» этому миру в то время встречается повсеместно, но именно у гностиков он достигает наибольшей заостренности, именно у них появляется теория о том, что космос создан невежественным или даже злым творцом³. Эта позиция была принципиально новой для античного мира — до этого никто так резко не оспаривал платоновский тезис о том, что космос есть лучшая из сотворенных вещей. Гнозис был не заинтересован в каком бы то ни было изменении или улучшении окружающего мира. Гностик знал, что он сможет попасть в мир духовный лишь после того, как царство материи будет разрушено, и он делал все возможное для того, чтобы приблизить его конец. Эта позиция, по словам Ганса Йонаса, вдребезги разбила пантеистические иллюзии античного мира⁴. Существовал простой выход — немедленная смерть: самоубийство или исповедание христианской веры перед римскими властями. О таких говорит Кдимент Александрийский: «Есть и другого рода люди, не имеющие ничего общего с нами, кроме имени (христиан — *А. П.*), которые преднамеренно бегут навстречу палачу и отдают себя на

³Эта идея не является ни греческой, ни иудейской; для нее фактически невозможно предполагать какой-то дохристианский источник. Возможно, она возникла в 70-х гг. I в. среди какой-то иудейской группы обратившихся против Иеговы после того, как он не защитил Иерусалим. Подробнее см.: *Додде Э. Р.* Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. СПб., 2003. С. 38–39.

⁴*Йонас Г.* Гностицизм. С. 247–250.

смерть, делая это из ненависти к Творцу. Относительно этих самоубийц мы провозглашаем: смерть их не есть мученичество, хотя их и казнят по приговору властей» (Clem. Alex. Strom. IV, 17)⁵. Но самоубийство избрали немногие. Большинство предпочло остаться в плену материи, «о себе же самих решительно полагая, что непременно спасутся. . . Духовное, каким почитают себя самих, не может подвергнуться тлению, до каких бы деяний не низошли они» (Iren. Adv. haer. I, 6, 2).

Это породило две различные модели поведения. Мы часто слышим от церковных полемистов о либертинизме гностиков — вере во вседозволенность, которая основывается на уверенности в том, что духовный человек будет спасен в силу самой своей природы, и на стремлении как можно сильнее унижить ненавистную материю. Кроме того, в определенных гностических течениях существовало учение о том, что человек не сможет освободиться от материи, пока не узнает «все образы жизни и не совершит все поступки». Образцом такого отношения к миру может быть назван сын Василида Епифан, большой фрагмент сочинения которого «О справедливости» сохранил Климент Александрийский (Strom. III, 6–9) (добавить еще либертинистов).

О таком образце поведения мы узнаем от церковных авторов⁶, но у них содержатся указания и на вторую модель — аскетизм. Ириней говорит, что так жили последователи Сатурнилы и энкратиты. «Брак и рождение детей, по их (сатурнилан — А. П.) словам, от сатаны. Впрочем, некоторые из его последователей воздерживаются от мяса животных и обольщают многих такой мнимой воздержанностью» (Iren. Adv. haer. I, 24, 2); «Так называемые энкратиты проповедовали безбрачие, отвергая изначальное создание Божие и косвенно порицали Того, Кто сотворил мужской пол и женский для рождения людей; и ввели воздержание от употребления животных, делаясь неблагодарными по отношению к сотворившему их Богу»

⁵ Этот пассаж может относиться и к последователям Маркиона, который так же учил о двух богах — добром и злом. Евсевий отмечает, что среди маркионитов было немало мучеников (Eus. H. E. IV, 15; VII, 12; De Pal. mart. 10).

⁶ Единственный текст из Наг-Хаммади, который хоть в какой-то степени может служить подтверждением реальности этой поведенческой модели — это, по мнению Мак Рая, «Гром. Совершенный Ум» (NHC, VI, 2). Но это построение крайне гипотетично: памятник обладает таким темным содержанием и настолько непростой структурой, что что-то определенное утверждать о нем практически невозможно.

(Iren. Adv. haer. I, 28, 1). Климент Александрийский в «Строматах» упоминает о Юлии Кассиане, который придерживается таких же аскетических взглядов (III, 91–95). Кроме сочинений ересиологов, аскетический образец часто встречается и в трактатах из собрания Наг-Хаммади. Так, в сочинении «Подлинное учение» говорится: «Мы пребываем в этом мире как рыбы. А противник бодрствует, замышляя против нас, ища нас, как рыбак, желая поймать нас и радуясь, что может нас проглотить. Ибо он проносит перед нашими глазами множество пищи, принадлежащей этому миру, и хочет, чтобы мы возжелали одну из них, и попробовали только немного, чтобы он схватил нас при помощи своего скрытого зелья и вырвал нас из свободы и забрал нас в рабство. Ибо если он схватит нас какой-то одной приманкой, ведь неизбежно, чтобы он пожелал и остальное. Таким образом, наконец, это становится пищей смерти. Но это — приманки, на которые дьявол ловит нас. Сначала он роняет печаль в твое сердце... а после этого внушит страстное стремление к одежде, чтобы ты гордился собой в ней, и любовь к деньгам, гордость, высокомерие, зависть, которая завидует другой зависти, красоту тела, мошенничество, а более всего этого — незнание и беспечность» (ННС, VI, 3, 30–31). И либертинизм, и аскетизм, противоположные друг другу, имели один и тот же корень: представление о материи как зле. Один отрекался от физического мира через эксцессы, другой — через воздержание. Аскетизм был, безусловно, более в духе времени, и конечно, давал меньше оснований для критики как со стороны церковных авторов, так и язычников⁷. В силу этих причин второе направление получило более широкое распространение.

Если либертинизм был более бунтарской позой, чем жизненной практикой, а аскетизм призывал держаться в стороне от вещей этого мира, не означает ли это, по сути, молчаливого признания государства? Очевидно, да. Многие зависело от характера демиурга — «нейтрального» или «злого», но даже в самом крайнем случае отрицание его власти и земных властей было не более жестким, чем отрицание всего материального мира. В своих этических теориях гностики не имели никаких оснований для привлечения особо

⁷ *Доддс Э. Р.* Язычник и христианин в смутное время. С. 59–66; *Valantasis R.* Demons, Adversaries, Devils, Fishermen: The Asceticism of «Authoritative Teaching» (NHL, VI, 3) in the Context of Roman Asceticism // *The Journal of Religion*. Vol. 81. 2001. P. 549–565.

пристального внимания властей как «внутренние враги». Либертизм, заявляющий об относительности законов и о том, что «добро» и «зло» существуют только «для человеческого мнения», опирался более чем на пятисотлетнюю философскую традицию, начавшуюся еще с Протагора и Антифонта. Похожие мысли (и много лучше аргументированные) можно было услышать и от киников, и от представителей второй софистики, так что вряд ли это всерьез могло обеспокоить римских магистратов.

ГНОСТИК В ГОСУДАРСТВЕ: «ПОКОЛЕНИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ЦАРЕЙ НАД СОБОЙ»

Итак, особое место в реконструируемой «социально-политической теории» гностиков занимает творец материального мира. В лишенном высшего знания демиурге, поработившем человечество, и в том, что он со своими силами и ангелами внес в мир смуту и беспорядок, гностики могли видеть изображение римских и других властей, которым им приходилось подчиняться. Гностические системы, в отличие от современных им политических теорий, которые рассматривали императора и государство как воплощение космического порядка и гармонии, считали все проявления власти одних людей над другими «нечестивыми» и введенными исключительно злым и неразумным создателем мира. Гностики противопоставляли творца этого мира и небесного духовного Отца, и это противостояние проходило через всю мировую историю. Духовный мир наделялся всеми добродетелями, в то время, как демиург в лучшем случае изображался как «строгий и правосудный судья», а обычно — как антагонист высшего бога, сатана.

Каиниты полагали, что творец и владыка этого мира посвящает всю свою жизнь уничтожению избранного рода — гностиков. В «Откровении Адама» избранный род называется «поколением, не имеющим царей над собой» (ННС V,5). Последователи Продика, по словам Климента Александрийского, «называют себя гностиками и естественными детьми первого Бога. Своим высоким происхождением и свободой они обосновывают право жить как пожелают. Желают же они жить никому не подчиняясь, поскольку считают себя господами субботы и прирожденными детьми царя, стоящими надо всеми живущими. Царю же, как они говорят, закон не писан» (Strom. III, 30).

В трактате «О происхождении мира» говорится: «Три рода (людей — А.П.) принадлежат царям Огдоады (психического мира — А.П.), четвертый же род — совершенный, без царя; он выше них... Они — цари в смертном как бессмертные. Они будут судить богов Хаоса и их Силы» (ННС, II, 5). «Впоследствии Он (Отец — А.П.) явил (нам) множество противостоящих, само-порожденных, равных в возрасте (и) силе, пребывавших в славе и без числа, названных поколением, над которым нет царства среди царств существ. А целое множество места, над которым нет царства, называется сыновьями непорожденного Отца», — говорит «Послание Блаженного Евгноста» (ННС, III, 3). Другой трактат из Наг-Хаммади, продолжает эту тему: «И впоследствии было явлено целое множество предстоящих само-порожденных, равных по возрасту и силе, будучи в славе (и) без числа, чья раса названа поколением, над которым нет царства от того, в ком вы сами появились от этих людей. А это целое множество, над которым нет царства, названо сыновьями Нерожденного Отца, Бога, Спасителя, Сына Божьего, чье подобие — с вами» (ННС, III, 4). О том же говорит еще одно гностическое сочинение, «Книга Фомы Атлета»: «Блаженны вы, плачущие и мучимые теми, у коих нет надежды, ибо вы будете освобождены от всех оков. Бодрствуйте и просите, дабы вы не пошли в плоть, но вышли из оков горечи жизни. И вы обретете покой, ибо вы оставили за собой муку и поношение сердца. Ибо когда вы выйдете из мук и страданий тела, вы достигните ваш покой через благо и восцарствуете с царем (Отцом — А.П.), став одно с ним. И он будет одно с вами отныне и вовеки веков» (ННС, II, 7).

Конечно, прежде всего это относилось к демиургу и его архонтам, но эти установки проецировались и на отношения с земными властями. Миром правит не разум, а его отсутствие, и это касалось не только небесной, но и земной власти. «Мои избранные! Не доверяйте царям и правителям этого мира, ни военной силе, ни армии, ни ополчениям, которые они созывают, ни тюремщикам, ни золоту, ни серебру... их золото и серебро не спасут их. Их самовластие пройдет и закончится, а справедливость восторжествует над ними», — говорится в «Правой Гинзе» мандеев⁸. Таким образом, яс-

⁸Rudolph K. Gnosis. The Nature and History of Gnosticism. San Francisco, 1987. P. 267.

но, что власть над «принадлежащими к истинному роду» людьми мыслилась как нарушение мирового порядка.

Но если мы обратимся к такому гностическому течению, как валентинианство, то без труда заметим, что отношение к земной власти определяется иной парадигмой. Автор «Евангелия Истины» пишет: «Отец не завистлив. Ибо какая зависть может быть между Ним и его членами?»; «Не думай об Отце ни как о малом, или злом, или гневливом; он — всецело благ, спокоен и добр» (ННС, I, 3). Поэтому его дети не завистливы (в отличие от потомков демиурга); вместо этого они, подобно Отцу и Сыну, являют бесконечную любовь друг к другу. Автор «Трехчастного трактата» ясно противопоставляет структуру взаимоотношений между «детьми Отца» с одной стороны и «потомками демиурга» — с другой. Дети Отца «полны и совершенны», почитают своего Отца «совершенным образом своим собранием». Отец желает, чтобы они «узнали его в единстве, и помогали один другому из-за духа, который находится в них». В этой гармонии они являются отражением самой божественной плеромы. Другие же, которые появились от «мысли гордости», «желают приказывать один другому, править над всеми из-за своих пустых желаний», они «охвачены жаждой власти. . . каждый из них полагает, что он больше остальных». Помимо этого, они ревнивы, завистливы, гневливы и не обладают знанием, как и та сила, что породила их. Тем не менее, автор «Трактата» предвидит время, когда «некто несовершенный» (т. е. сам демиург) сам получит просветление, и отбросит от себя «гордые мысли». Когда он это сделает, его потомство отвернется от незнания и их высокомерие исчезнет; им будет позволено научиться от «их братьев» — возможно, неких избранных — которые тайно осуществляли духовную заботу о них. Тем самым открывается путь к диалогу с людьми и силами демиурга, и мы рассмотрим этот путь подробнее.

Ириной Лионский, описывая учение последователей валентинианина Птолема, замечает: «О душах, имеющих в себе семя Ахамот, говорят, что они лучше прочих, почему и более других возлюблены демиургом, который, не зная причины этого, думает, что они от него таковы. Потому, говорят, и ставил их священниками, пророками и царями» (Adv. haer. I, 7, 3). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с противоположной позицией — демиург делает все возможное для возвышения избранного рода, и его представители занимают места тех самых «царей и правителей этого мира». Гно-

стики считали себя лучшими из людей, и то, что они оказывались у власти, демонстрирует две основные черты валентинианского демиурга — справедливость и правосудность. Скорее всего, именно в таком ключе рассматривались такие герои ветхозаветной истории, как Мельхиседек, Моисей и Иисус Навин.

В некоторых гностических учениях считалось, что ангелы этого мира разделили между собой земные народы и покровительствуют им. Так, Василид учил, что ангелы-космократоры, находящиеся на самом нижнем, видимом, небе, разделили по жребию землю и народы, жившие на ней. Иудейский народ достался старшему из них, «которого почитают Богом Иудейским». Он задумал подчинить иудеям все другие народы, но этому воспротивились остальные ангелы, в результате чего завязались постоянные войны между иудеями и прочими народами (Iren. Adv. haer. I, 24, 4). Возможно, это — толкование на слова «Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его» (Пс. 2:2)⁹. В любом случае, стоит отметить параллели с учением Сатурнила и офитов, об учении которых говорит Ириней: «Он первый утверждал, что ангелами сотворены два рода людей, добрый и злой. И так как демоны помогали злым людям, то Спаситель пришел для уничтожения злых людей и демонов и для спасения добрых» (Adv. haer. I, 24, 2). А офиты утверждают, что «Его (демиурга-Иалдабаофа — А. П.) сыновья начали с ним спор и брань за господство» (Adv. haer. I, 30, 5).

У валентиниан мы имеем дело с объединением «избранного рода» в группу не по этническому, а едва ли не по социальному принципу. С приходом Христа знание стало доступно всем, и демиург будет заботиться о каждом гностике. С Иисуса Христа начинается новый период истории космоса — период спасения. Он приносит знание не только людям, но и демиургу: «По пришествии Спасителя демиург от Него узнал все, и с радостью присоединился к Нему со всей своей силой... Он будет продолжать управление миром до надлежащего времени, более всего для попечения о церкви...» (Iren. Adv. haer. I, 7, 4). Об этом говорит и Гераклеон. Комментируя отрывок из Евангелия от Иоанна об исцелении сына царедворца (Ин. 4:46–53), он отмечает, что речь в нем ведется о демиурге и

⁹Афонаси Е. В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб., 2002. С. 288.

его ангелах, причем «по пришествии Спасителя они начали управлять четко и аккуратно» (fr. 40). Если раньше демиург всячески возвышал гностиков, ничего не зная ни об их, ни о своей природе, то теперь он с удвоенной энергией будет отстаивать их интересы в этом мире.

Валентиниане, определяя таким образом статус земных властей, прежде всего обретали средство, позволяющее выполнять практически все требования существующего режима. Если обычные христиане и «радикальные» гностики были вынуждены подчиняться тем, кто рассматривался ими как язычники и орудия демонов, то валентиниане могли относиться к тем же властителям как к лучшим из духовных людей, в силу своей природы возвышенных демиургом. Более того, это открывало путь для решения вопроса об отношении к императорскому культу: гностики, принося жертвы императору, величайшему из смертных, считали, что поклоняются не гению императора, как обычные жители империи, а его ангелу, «с которым он соединился еще на земле» (Iren Adv. haer. I, 13, 3).

Таким образом, душа царя у валентиниан оказывается содержащей в себе духовное семя, которое дает ей знание о духовном мире и возможность управлять физическим миром по образу мира Высшего. Он не может оказаться спасителем для всех, ибо спастись могут лишь избранные, пневматики, но император может сделать все возможное для того, чтобы облегчить им спасение, приблизив к себе и обеспечив твердое материальное положение. Кроме того, он все-таки может способствовать и духовному росту подданных, заботясь о Церкви. Эта «забота» могла сводиться хотя бы к тому, чтобы ограничивать антихристианские акции; правда, у нас нет ни одного свидетельства о том, что гностики выступали с апологиями христианского учения.

Как нам кажется, последователи Валентина, создавая эту теорию, могли опираться на предшествующую философскую традицию, которая, отказывая императору в равном статусе с олимпийцами и холодно относясь к почестям, которые оказывались ему, тем не менее, видела в нем воплощение божественного логоса¹⁰. Применение этих идей в области религии не было каким-то «открытием» христианских гностиков. Приблизительно в это же самое время в

¹⁰ Chesnut G. F. The Ruler and the Logos in Neopythagorean, Middle Platonic, and Late Stoic Political Philosophy // ANRW. Tl. II. Bd. 16. 2. 1978. S. 1310–1332.

одном из текстов герметического корпуса, сохраненного Стобеем, появляется утверждение о том, что император — это эманация бога, который в должное время посылает ее на землю, а в XVIII трактате — «О волнениях тела, сковывающих душу» — содержится хвала Высшему Богу и хвала царю.

Приведем оба пассажа: «Сами боги, сын мой, рождают царей, достойных быть их продолжателями на земле. Правители суть излучение Царя (Бога — А. П.) и правитель, который к нему ближе, есть более царь, чем иные. Солнце, будучи ближе к Богу, есть также более великое и более могущественное, чем Луна: она следует на втором месте после него по званию и по могуществу.

Что касается царя, то он есть последний среди богов, но первый среди людей. Поскольку он живет на земле, он действительно весьма удален от божественной природы, но по сравнению с иными людьми у него есть нечто исключительное, чем он похож на Бога. Вселенная в него душа происходит из той части неба, которая находится выше, чем та, из которой происходят души иных людей.

А души ниспосланы сверху по двум причинам, сын мой. Те, кто прошел свой жизненный путь благочестиво, безукоризненно, близкие к тому, чтобы получить обожествление, — для того, чтобы посредством царствования они приготовились к осуществлению власти, принадлежащей богам. Те же, которые уже в некотором смысле божественны и которые лишь незначительно нарушили законы Божий, — для того, чтобы они испытали наказание воплощения, чтобы они по причине своего высокого положения не испытывали ничего подобного тому, что испытывают иные, и чтобы они, даже будучи воплощенными, сохраняли то, что они имели тогда, когда были свободными.

Что касается характеров царей, то их различие объясняется не природой их душ, ведь все они божественны, но разнообразием ангелов и демонов, сопровождающих их в их нисхождении. Ведь души такого качества и такого назначения не опускаются без свиты и охраны. Высшая Справедливость умеет отнести каждого к званию, которого он достоин, даже если он выслан из Счастливой Страны»¹¹.

«Так восславим же Бога. Но и ниспустимся затем к тем, кто

¹¹Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Сост. К. Богуцкий. М.; Киев, 1998. С. 187–189.

получил от Бога жезл... Ибо справедливо воздать им должное за долгую мирную жизнь, которой мы наслаждаемся. Сие достоинство царя, да что я говорю — само имя царя обеспечивает нам мир. Ведь царь назван так потому, что он ступает легкой ногой по своему царству с высшим могуществом, и он владеет словом, мир приносящим; он рожден для того, чтобы возвыситься над царством варваров, и само имя царя есть символ мира. Потому часто достаточно одного имени царя, чтобы сразу обратить врагов вспять. Более того, даже изваяния царей служат гаванью для людей, преследуемых самыми жестокими бурями. И уже само появление образа царя приносит победу, предохраняет от любых страхов и любых ран тех, кто держится подле него» (СН, XVIII, 15–16).

Это — ярчайший пример того, как основные положения эллинистической политической теории получают религиозное оформление. По сути, мы сталкиваемся здесь с теми же представлениями о царе, что высказывались пифагорейцами, платониками и стоиками, но они достаточно причудливым образом встроены в религиозное учение¹², а у валентиниан это учение еще и христианизируется.

ГНОСТИК И РИМ: «ЗНАЮ, ЧТО ВЫ ИХ НЕ ГОНИТЕ И НЕ УБИВАЕТЕ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ЗА ИХ УЧЕНИЕ»

После того, как мы рассмотрели взгляды гностиков на природу власти и государство, можно перейти к исследованию тех немногих свидетельств, которые сообщают о взаимоотношениях гностиков и римских властей. Но сначала попытаемся понять, отличали ли сами римляне гностиков от других раннехристианских течений — представителей церковного христианства, иудеохристиан или монтанистов? Если говорить о представителях власти, то, скорее всего, ответ будет отрицательным. Римские магистраты не стремились вникать в тонкости разногласий между христианскими группировками: для них было важно соблюсти следственную процедуру. Перед трибуналом оказывался обвиняемый в христианстве, и судье было неважно, кто отправится на арену или совершит жертвоприношение императору — монтанист или офит, сефианин или евионит.

¹²Некоторые ученые полагают, что панегирик из XVIII трактата включен в «Корпус» по недоразумению. См.: *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. Vol. II. Washington, 1966. P. 555; Гермес Трисмегист и герметическая традиция. С. 570.

Однако, нам известно о язычниках, которые интересовались различными течениями внутри христиан. В 70-х годах II в. Цельс пишет свое сочинение «Правдивое слово», в котором обрушивается с критикой на новую религию. Одно из основных его обвинений — это отсутствие единства: «Вначале их было немного, и у них было единомыслие. А размножившись, они распадаются тотчас же и раскальваются: каждый хочет иметь свою собственную фракцию; ибо к этому они стремились с самого начала; вновь откалываясь от большинства, они сами себя изобличают. Единственное, так сказать, общее, что у них еще есть, если оно вообще есть, это — название» (Orig. C. Cels. III, 10–12). Среди многочисленных христианских течений Цельс выделяет и гностиков. Более того, «Правдивое слово» — первое свидетельство использования христианами этого термина.¹³ «Пусть не думают, будто я не знаю, что некоторые из них признают того же бога, что иудеи, другие же — другого, противостоящего этому, от которого и произошел сын. Есть и третий род, называющий одних пневматиками, других — психиками. Некоторые объявляют себя гностиками. . . Они злословят друг против друга ужаснейшим образом, (изрыгая) явные и тайные (проклятия), они ни по одному пункту не могут прийти к соглашению, они во всем гнушаются друг друга. . . » (C. Cels. V, 61–63).

Нам неизвестно, какое распространение получило сочинение Цельса. Следующий случай выделения язычников из общехристианской массы относится к середине III в. Философ Плотин, основатель неоплатонизма, в нескольких трактатах критикует гностические воззрения, а один из них прямо называет «Против гностиков» (Enn., II, 9). По свидетельству Порфирия, ученика Плотина, «Были при нем среди христиан многие такие, которые отпали от старинной философии, — ученики Адельфия и Аквиллина; опирались они на писания Александра Ливийского, Филокома, Демострата, Лида и выставляли напоказ откровения Зороастра, Зостриана, Никофея, Аллогена, Меса и тому подобных, обманывая других и обманываясь сами. . . Против них он высказал на занятиях очень много возражений, записал их в книге, озаглавленной нами “Против гностиков”, а остальное предоставил на обсуждение нам» (Porph. Vit. Plot., 16). Для образованного язычника разобраться в учении гно-

¹³ Smith M. The History of the Term «Gnosticos» // The Rediscovery of Gnosticism. Vol. I. Leiden, 1981. P. 800–801.

стиков и проследить истоки их теологии не составляло никакого труда: Плотин поручает эту задачу своим ученикам, и возможно, они опровергали сочинения, дошедшие до нас в составе библиотеки Наг-Хаммади.

Во время стихийного гонения или при получении подписанного доноса римский магистрат должен был следовать обычной процедуре: произвести арест, выяснить, является ли подсудимый христианином и если да, то предложить ему отступить от веры — принести жертву богам, поклясться именем императора и похулить Христа. Этот набор требований на протяжении II–III вв. остается практически без изменений. В том случае, если христианин отказывался выполнить эти требования, его казнили, если выполнял, то его отпускали. Большинство церковных авторов обвиняет гностиков в том, что они становятся отступниками. Так, Ириней пишет об учениках Василида: «Потому такие люди готовы отрицаться и не могут страдать за имя» (*Adv. haer.* I, 24, 6). Ему вторит Агриппа Кастор (отрывки его работы сохранены Евсевием): «Он учит вкушать идоложертвенное и спокойно отрекаться от веры во время гонений» (*Н.Е.*, IV, 7, 6). Климент Александрийский также свидетельствует об этом: «Некоторые же из еретиков, не постигнув сказанного Господом, питают нечестивую и трусливую привязанность к этой жизни и утверждают, что истинным исповеданием является знание единого истинного Бога, а поэтому нечестиво называют самоубийцей всякого христианина, своей смертью прославившего Бога. Они подтверждают свое мнение софизмами, которые внушены трусостью» (*Clem. Alex. Strom.* IV, 16).

Это не является выдумкой ересиологов. В «Свидетельстве истины» мы читаем: «Глупцы — думающие в своем сердце, что если они исповедуют «Мы христиане» только словом, а не на деле; отдающие себя незнанию, физической смерти, не знающие, куда они идут, не знающие, кто Христос, думающие, что они будут жить, в то время как они заблуждаются, — следуют за начальствами и за властями; они же и попадают в руки последних из-за незнания, которое в них. Ибо если бы только слова, которые свидетельствуют, спасали, тогда весь мир уповал бы на это и был бы спасен. Но именно таким образом навели на себя заблуждение. Они не знают, что уничтожают себя. Если бы Отец хотел человеческой жертвы, он оказался бы тщеславным» (*ННС*, 9, 3). Впрочем, существовала и другая точка зрения. Мы уже приводили слова Климента о тех,

кто из-за ненависти к демиургу стремится к смерти. «Никто из тех, кто боится смерти, не спасется, ибо Царство принадлежит тем, кто отдает себя на смерть», — говорится в «Апокрифе Иакова» (ННС, I, 2).

Интересна точка зрения, высказываемая Гераклеоном: «Исповедание на словах может происходить и перед лицом властей, и именно его многие считают единственно возможным; однако они ошибаются, ведь и лицемер может легко произнести признание такого рода. . . Исповедание на словах является не всеобщим, но только частичным. [Истинное] исповедание является всеобщим и оно подкрепляется делами и поступками, в соответствии с верой. Это исповедание может сопровождаться частичным перед лицом властей, если это необходимо и ситуация требует словесного подтверждения. Такой человек легко подтвердит словами то, что уже признал справедливым в своей душе» (Clem. Alex. Strom., IV, 71). Гераклеон не отвергает мученичества за веру, но отводит ему второстепенное место по сравнению с праведной жизнью, которая и является истинным исповеданием. И Гераклеон, и автор «Свидетельства истины» считали мученическую смерть меньшим подвигом, чем ежедневное доказательство веры строгим поведением¹⁴.

Причины этой легкости отступничества и демонстрации лояльности традиционной римской религии лежали в теологии и христологии гностиков: они не верили, что божественная, духовная часть Христа страдала на кресте, и это делало мученичество бессмысленным самоубийством. Василид утверждал, что «Он Сам не страдал, но некто Симон Киринейский, который был принужден нести за Него крест; он был преображен Им так, что его считали Иисусом, и по невежеству и ошибке был распят; а сам Иисус принял образ Симона, стоял там и смеялся над ними» (Iren. Adv. haer. I, 24, 4). То, что христология валентиниан была менее докетистской, чем, скажем, у Василида, и открывало принципиальную возможность признания мученичества¹⁵.

Гностики не считали необходимым претендовать на исключительность, как это делали церковные христиане, и не отказывались воздавать почести языческим богам, когда в этом возникала

¹⁴ Хосроев А. Л. Александрийское христианство. М., 1991. С. 166.

¹⁵ Pagels E. H. Gnostic and Orthodox Views of Christ's Passion: Paradigms for the Christian's response to persecution? // The Rediscovery of Gnosticism. Vol. I. Leiden, 1981. P. 262–288.

необходимость. Таким образом, хотя догматы гностиков и могли казаться представителям власти очень похожими на ортодоксальные, гностики избегали гонений именно потому что, они, как правило, соглашались принять участие в языческой церемонии, в то время, как ортодоксальные христиане отказывались от этого.

Неоплатонизм и йогачара: одна параллель в истории школ

Сравнительные исследования в области истории культуры подразумевают типологизацию изучаемых явлений. В случае буддизма и платоновской философии основания для их сравнения кажутся очевидными. Оба явления возникли в V–IV вв. до н. э. Оба создали ряд теоретических положений, которые могут быть расценены как родственные друг другу. Так, буддийская деструкция незыблемости воспринимаемого мира очень сродни платоновскому доказательству того, что воспринимаемое сущее не есть нечто само-по-себе существующее. Апофатический элемент в постижении первоначала так же был свойственен как одному, так и другому явлению. Критицизм по отношению к наличным формам религии присутствовал в платонизме в меньшей степени, чем в буддизме, однако отрицать его все же нельзя. В платонизме, особенно в неоплатонизме, на наш взгляд, можно обнаружить следы психофизических практик, которые не стали для античности некой особой сферой применения теоретического разума, однако явно существовали. О роли психофизических практик в буддизме можно не распространяться. Оба направления исповедовали схожие представления о реинкарнации и о причинно-следственных рядах, пронизывающих весь круг жизней. В неоплатонизме возникает представление о чистых душах, которые уже свободны от тела, однако дают своего рода зарок всякий раз после телесной смерти возвращаться на землю в брэнном облике ради просвещения людей. Это представление очень напоминает буддийский культ бодхисаттв. Концепция ума, в том виде, в котором она развивалась в неоплатонизме, очень похожа на концепцию алая-виджняны в буддийской школе йогачара. Наконец, и в буддизме, и в платонизме элементы религиозного и умозрительного были перемешаны столь сильно, что порой сложно отделить их друг от друга.

Рассуждение о причине появления подобных сходных черт — вещь интересная, но крайне умозрительная. Любые рассуждения о типологическом единстве древнегреческого и индийского обществ опровергаемы как анализом реальной истории (социальной и культурной) этих двух регионов, так и тем фактом, что в формирова-

нии буддизма ведущую роль сыграли не индо-арийские племена, — а это означает, что здесь мы никак не можем говорить о круге идей, имплицитно выросших из некоей индо-европейской праобщности. Не менее сомнительны рассуждения о всеобъемлющем влиянии греков на индийцев (через греко-бактрийцев), или буддистов на греческую философию. Нет сомнений, что эти контакты имели место, но данный факт не дает нам уверенности в том, что имела место некая экспансия доктрин, а не отдельных идей.

Еще более осторожно к рассуждениям о некоем единстве культурного или идейного поля, в котором рождались обе доктрины, нас заставляют относиться и явные различия между буддизмом и платонизмом.

Во-первых, буддисты, особенно ранние, отрицали субстанциальность души. Платоники же, хотя и понимали центр человеческого самосознания иначе, чем мы, полагали душу сущностью, как бы субстантивируя ее.

Во-вторых, для неоплатоников космос благ — поскольку он является моментом полноты бытия, куда входит также душевное, умное и бытийное устроения. Хотя буддисты также создадут концепцию трех тел Будды, напоминающую некоторые триады неоплатоников, мир для них — юдоль страдания. В итоге и неоплатонический ум принципиально отличается от буддийского «сознания-сокровищницы» («алая-виджняны») по крайней мере с точки зрения своей ценности. «Стать умом» для неоплатоника — важнейшая задача. Между тем алая-виджняна имеет характер относительной реальности, а не абсолютной.

В-третьих, для платоников космос вечен и постоянно творится благим началом. Для буддистов же мир — результат совокупной кармы всех живых существ.

В-четвертых, восхождение к единому платониками понимается как страдание (в связи с этим они нередко использовали сократовскую метафору родовых мук), но страдание, дающее нам возможность восходить к Началу. Буддисты же исповедуют избавление от страданий в любых его формах.

В-пятых, Платон был для его последователей все-таки божественным человеком, чистой душой, но не манифестацией некоего высшего начала. Между тем история буддизма знает концепцию татхагатагарбхи, которая позволяет увидеть в Будде особую онтологическую реальность.

Констатируя различия, мы, тем не менее, не желаем остановиться на выводе, что любое сравнение буддизма и платонизма является предприятием, обреченным на провал. На наш взгляд существует еще ряд обстоятельств, которые были бы небезынтересны для философской и религиозной компаративистики. На одно из них и хотелось бы обратить внимание.

Одной из важнейших вех в истории платонизма стало творчество Плотина, в середине III века предпринявшего реформу платоновской доктрины. Спустя полтора столетия внутри буддизма возникает школа йогачара, основатели которой Асанга и Васубандху, также являлись настоящими реформаторами. Общим для неоплатонизма и йогачары было понимание философии как некоего умного делания, практики, близкой к теургии. Занятия философией связаны с выработкой правильных внутренних установок и созданию условий, при которых исчезает субъект-объектный дуализм и открывается возможность воссоединения с подлинной реальностью.

В развитии указанных школ существует явная параллель. Известно, что внутри йогачары выделилось т. н. логико-эпистемологическое направление, основателем которого являлся легендарный Дигнага, но окончательно оформил которое, пожалуй, лишь Дхармакирти в VII в. Это направление исповедовало критицизм по отношению всех форм познавательной активности (от «разделяющего сознания» до языка) и может быть описано как крайний номинализм. Нужно отметить, что номинализм был средством достижения независимости от привязанностей к этому миру, а не чисто теоретической позицией.

Кажется, что слово «номинализм» абсолютно не может быть применено к платонизму в какой-бы то ни было его форме. Однако давайте взглянем на тот порядок чинов (одновременно — порядок рассуждений), который обнаруживается в философии зрелых неоплатоников от Ямвлиха до Дамаския.

Прежде всего, мы обнаруживаем некое начало («таинственное» в терминологии Дамаския), к которому не применимы даже слова «единое» и «благо». Здесь апофатика неоплатоников достигает своей вершины; в сущности, этот чин находится вне любой иерархии. Вслед за первоначалом идут единое и благо — не как онтологические сущности, но как некая теругическая предметность нашего языка. Далее — предел и беспредельное, как элементы сущно-

сти (ср. «Филеб» Платона). Только после этого следует сущность или наличное бытие, которое также остается трансцендентальней, то есть чем-то превышающем наше познание, скорее условием его, чем предметом. Точно таким же условием является следующий чин, жизнь, да и сам ум, выступающий после жизни. Только на третьем уровне внутренней последовательности ума возникает эйдетическое бытие, которое и есть знание.

Таким образом, огромная сфера сверхбытийного, бытийного и отчасти умного оказывается отнесена к сверхумопостигаемому, а все рассуждения о них обосновываются неоплатониками при помощи процедур, которые то напоминают отдельные моменты новейшей философии языка, то строятся вокруг экзегезы боговдохновенных (то есть откровенных) текстов Орфея и «Халдейских Оракулов», мало чем напоминая классическую античную метафизику.

Из этого прямо не следует «номинализма» неоплатоников, но, тем не менее, мы должны признать, что, как и йогачара, поздний неоплатонизм развивался в сторону установления условности любого определения сверхразумного бытия. Как и в йогачаре, осознание этой условности было одним из необходимых моментов спасения и восхождения к единому.

И если в неоплатонизме мы не обнаруживаем той эпистемологической критики, которая так поражает в поздней йогачаре, то связано это, наверное, не только с философскими установками Платона, но и с тем, что история неоплатонической школы была прервана «на полуслове» эдиктом императора Юстиниана (529 г.), и неоплатоники не имели временной паузы для развития идей, которые обнаруживаются в их философии в IV–VI столетиях.

М. А. Морозов

**Мировоззрение пограничной военной знати
Византийской империи в XI в.
на примере Катакалона Кекавмена
и Григория Пакуриана**

В последнее время в историографии все чаще говорится о сложности структуры византийской социальной элиты. Ставится вопрос о региональной специфике социальных связей. В связи с этим приобретает все большую остроту проблема военной знати византийской пограничной зоны. Еще в 1971 г. на Международном византийском конгрессе в Бухаресте был сделан ряд докладов о социальной структуре византийского пограничья.¹ Вслед за тем византинисты стали более подробно изучать роль пограничной знати в социальной структуре империи и ее инкорпорацию в византийский нобилитет. В связи с этим отметим, прежде всего, работы А. П. Каждана об армянской и славянской знати в XI–XII вв.² В дальнейшем он

¹ *Удальцова З. В., Каждан А. П., Бартиклан Р. М.* Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. // XIVe Congrès intern. des ét. byz. Rapports. Bucarest, 1971. Т. I. P. 21–26. *Oikonomides N.* L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe–XIe siècles et la Tacticon s Escorial // XIVe Congrès intern. des ét. byz. . . Т. I. P. 285–302; *Ibid.* j epopee de Digenis et la frontière orientale de Byzance aux Xe–XIe siècles // Travaux et Memoires. 1976. Т. 6. P. 375–397; *Ahrweiler H.* La frontière et frontières de Byzance en Orient // XIVe Congrès intern. des ét. byz. . . Т. I. P. 209–230; *Haldon J. F., Kennedy H.* The Arab-Byzantine Frontier in the Eight and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // Сборник Радова Византологического Института. 1980. Т. 19. С. 79–116.

² *Каждан А. П.* Славяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1972; Он же. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.

усомнился в правильности трактовки социальной истории Византийской империи как противостояния столичной и провинциальной знати. Последнюю он также не склонен представлять в качестве однородной группы, выделяя в ней несколько пластов, в том числе семьи, тесно связанные с византийским пограничьем.³ Позднее проблема вливания провинциальных знатных семейств в византийский нобилитет была также отражена в оксфордском сборнике статей, посвященном византийской аристократии IX–XIII вв., в котором ряд авторов поставили вопрос об особом мировоззрении этой категории служилой знати.⁴ Наконец, Ж. Дагрон рассмотрел особые формы взаимоотношений между этническими группами восточного пограничья, которые сформировали особую «приграничную» культуру.⁵ В свое время я попытался показать процесс вхождения знатных семейств, происходящих из византийских пограничных регионов, в высший слой знати в конце X — первой половине XI в.⁶

В рамках этих исследований целесообразно рассмотреть роль провинциальной военной знати, связанной с пограничной средой, в социальной элите византийского общества в период формирования комниновского клана, в связи с чем я попытаюсь ответить на вопрос о влиянии мировоззрения пограничной знати на социальную политику, проводившуюся впоследствии Комнинами. Мои изыскания будут основываться, прежде всего, на двух исторических документах данной эпохи, которые так или иначе связаны с той социальной средой, о которой будет идти речь. Это трактат, условно названный «Советы и рассказы» Кекавмена, и устав Петриционского монастыря, основанного domestиком схол Григорием Пакурианом.

«Советы и рассказы» были написаны в 70-х годах XI в.⁷ Их автором являлся Катакалон Кекавмен, бывший военный, который к

³ *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв. Москва, 1974.

⁴ *The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. by M. Angold.* Oxford, 1984.

⁵ *Dagron G.* Byzance et le modèle islamique au Xe siècle: a propos des constitutions tactiques de l'empereur Léon VI // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* Paris, 1983. P. 219–243.

⁶ *Морозов М. А.* К вопросу о складывании «новой» военной знати в Византии в конце X — начале XI вв. // *Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия.* Барнаул, 1998.

⁷ Я пользуюсь изданием: *Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введ., пер. и комм. Г. Г. Литаврина.* М., 1972. (далее в тексте: Кекаум.)

моменту написания своего труда находился в отставке и получал доходы со своего поместья. Сведения о нем мы черпаем исключительно из его собственного устава, и отношение нашего автора к другим Кекавменам (включая военачальника середины XI в. Катакалона Кекавмена) не может быть точно установлено. Пять из шести известных родственников автора, служебные должности которых определены достаточно точно или более-менее вероятно, являлись военачальниками, а двое, возможно, занимали гражданские посты.⁸ Основные эпизоды, рассказанные Кекавменом, посвящены военным делам на западной и восточной границах, и он передает очень мало сведений о Константинополе. На основе этого можно сделать вывод о его принадлежности к военной пограничной знати. Сам трактат разделен на шесть частей и имеет форму советов отца к своим сыновьям.

Устав Петриционского монастыря был написан основавшим его византийским полководцем Григорием Пакурианом в 1093 г.⁹ Сам Пакуриан происходил из знатной армянской семьи, которая в середине XI в. оказалась на византийской службе. Григорий выслужился на различных военных постах на восточной границе, и при Алексее I занял высший военный пост в империи — доместика схол запада. На протяжении своей служебной карьеры он и члены его семьи получал от императоров различные милости, в том числе земельные пожалования во Фракии, которые он в дальнейшем передал основанному монастырю.

Прежде чем перейти к пограничной знати, необходимо сказать несколько слов о том, что представляло собой в рассматриваемый период византийское пограничье.¹⁰ Пограничная территория как на Востоке, так и на Западе империи формировалась постепенно

⁸ *Lemerle P. Prolégomènes à une édition critique et commentée des t Conseils et réçils» de Kékauménos. Bruxelles. 1960. P. 23, 41.*

⁹ Новое издание устава: *Le Typikon du sebasto Gregoire Pakourianos / Ed. par P. Gautier // Revue des Études Byzantines. 1984. T. 42. P. 5-143.* (далее в тексте: *Racour.*); См. также: *Арутюнова-Фидалан В. А. Тирик Григория Пакуриана. Ереван, 1978.*

¹⁰ О военно-административных реформах в X–XI вв. на византийских границах и об административной организации пограничных территорий см.: *Oikonomides N. L'organisation de la frontiere orientale. . . P. 285–302; Oikonomides N. Les listes de preseance a Byzance. Paris, 1974. Ahrweiler H. La frontiere et frontiers. . . P. 218-223; Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX–XI siècles // Bulletin de Correspondance Hellenique. T. 94. 1960. P. 46–52.*

и не являлась устойчивой. Это было связано с постоянным изменением линии границ империи в ходе оставления и обратного отвоевания византийцами отдельных областей. На Востоке это было связано с противостоянием с мусульманами в районе Армении и восточных фем Малой Азии, а на западе — с перманентными войнами с Первым Болгарским царством за гегемонию на Балканах. В X в. Византия переходит на востоке к планомерному завоеванию территорий Армении, и к середине XI в. граница отодвигается далеко к Евфрату. В новозавоеванных областях была создана новая система обороны, которая и стала основой для организации пограничной территории. Первый эшелон составляли так называемые «акритские» или малые фемы во главе со стратигом, резиденция которого находилась в крепости. Задачей таких стратигов становится защита имеющимися в их распоряжении местными войсками вверенной им территории до подхода основных сил из центральных фем. Далее шли полунезависимые территории во главе с армянскими или арабскими правителями, которые в византийских источниках назывались топархами. Их задачей становилось имеющими у них силами помогать византийцам в обороне восточной границы. Такая же ситуация складывается на западе к моменту войн императора Василия II с болгарским царем Самуилом. В этих областях и начинают свою военную деятельность представители пограничной знати Катакалон Кекавмен и Григорий Пакуриан. Именно здесь формируется их мировоззрение и именно здесь они начинают свою военную карьеру.

Основой жизнедеятельности Кекавмена является его семья и домашнее хозяйство. Дом Кекавмена — это малая семья. Для него само собой разумеется, что взрослые сыновья строят свои собственные дома и становятся независимыми от своих родителей. При разговоре о репутации его семейства, он большой акцент делает на достоинство родителей, чем отдаленных предков (Kekaum. 226.24f): «Стремись своими добродетельными поступками принести почет и славу своим родителям». Соседи, хвалящие Кекавмена, также обращаются к памяти его отца (Kekaum. 198.25f): «Твой отец был такой справедливец, что и доньше похвалы его имени на устах у всех». Кекавмен не разделяет менталитет современников и позднейших византийских аристократов, которые гордятся своим благородным рождением и происхождением, однако упоминает о военной карьере своих дедов Никулицы Дельфина, дукса Эллады, и Димитрия По-

лемарха, военачальника болгарского царя Самуила, который перешел на византийскую службу после захвата Болгарии Василием II. Он советует своим сыновьям не забывать родственников (Kekaum. 208.22f, 222.32), но отдаленные связи не упомянуты. Его осознание фамилии ограничено и вертикально и горизонтально, и поэтому он изображает малую семью, дом и домашнее хозяйство которой было еще в стадии формирования. Григорий Пакуриан также гордится своими родственниками и блестящим происхождением. Во вступлении к уставу он говорит о своем отце «архонте архонтов» и о своем брате магистре Апасии (Pascouf. Pref. 2.). На протяжении всего устава мы встречаем постоянные упоминания о чувствах привязанности Григория к своему брату Апасию (Pascouf. II. 9) и своим родственникам, некоторых из них он лично воспитал и взрастил.

Третья часть «Советов» Кекавмена начинается следующим образом (Kekaum. 188.20–25): «Если ты ведешь частную жизнь в своем доме и ничего не исполняешь, неси обязанности по дому твоему, благодаря которым он будет содержаться в достатке, и не будь беззаботен в этом. Ведь у тебя нет другого дохода для жизни, кроме как от возделывания земли. Сделай себе автургии, как то: мельницы, эргастирии, сады и все, что приносит тебе ежегодный доход от аренды и в виде плодов». По мнению Кекавмена, частная жизнь человека должна быть основана на его собственном «доме» (oikos), и, управляя домашним хозяйством должным образом, он может поддерживать нормальную жизнь своей семьи, даже не занимая официального государственного поста. Поскольку третья часть посвящена советам Кекавмена в области частной жизни, она соответствует жанру ойкономики, тому типу дидактической литературы по управлению домашним хозяйством, который процветал с эпохи Древней Греции до раннего нового времени. Кекавмен при этом часто ссылается на Книгу Иисуса Сираха, которая являет собой другой пример советов отца своему сыну.

Третья часть Стратегикона также включает полезную информацию об организации такого хозяйства в конце XI в. «Забейся прежде всего о необходимом для твоего дома и лишь потом — об излишнем. . . Пока ты беден, не принимайся за строительство [то есть в период пребывания в доме своих родителей]... Лучше насаждай виноградники и возделывай землю, которая даст тебе свои плоды, и ты без печали будешь питаться ими. Когда же ты будешь иметь в избытке все это, начинай строить [дом]». Так как он распе-

нивает земледелие как самую важную часть в ведении домашнего хозяйства, то он рекомендует следить в первую очередь за сельхозугодиями, садами, мельницами и эргастириями, и за размножением рогатого скота, свиней, овец и других животных, обеспечивать свой дом зерном, вином, и мясом. Глава дома у Кекавмена лично контролирует сельскохозяйственную работу. «Дом» Кекавмена должен быть самостоятельным. Подобно другим домохозяевам, Кекавмен отрицательно относится к торговле. Именно домашнее хозяйство, правильным образом организованное, является основой для хорошей жизни. Поэтому семья и хозяйственная деятельность тесным образом связаны между собой. Сам термин «oikos» означает и совокупность семьи, и семейную собственность.

То же самое мы находим и у Григория Пакуриана, который организовал управление своими имениями через своих родственников. Григорий рассказывает о своем брате Апасии, который и был управляющим этим имуществом в то время, как сам будущий ктитор исполнял должность дуки Феодосополя на Востоке. «Я не получил обратно моих денег и средств, которые он имел на своем попечении, из которых часть он получил непосредственно из моих рук, а часть — другим путем: когда я был назначен дукой Феодосополя и выехал на Восток, он по моей просьбе осуществлял пронию и управление всех моих имений. Он собирал с них доходы в свою пользу за все годы, что я служил на Востоке» (Расоур 41. 374–378). Отсюда стремление принимать в монастырь его родственников и «наших людей», связанных с семьей Григория Пакуриана: «Если какие-либо наши родственники, близкие нам по крови, удостоенные сана и живущие монашеской жизнью..., влиятельны..., то мы считаем необходимым и выгодным предпочесть их чужакам и людям извне» (Расоур. XXV. 1–2).

Однако «дома» Кекавмена и Пакуриана выходили за границы дома и семейства. Григорий Пакуриан свидетельствует о своих тяжбах с митрополитом Филиппополя, с византийской администрацией (Расоур. III. 2-3). Определенные отношения существовали между домом Кекавмена и внешним миром, то есть с другими домашними хозяйствами, местным сообществом, и государственной администрацией. В третьей части «Советов» слово «друг» (philos) часто встречается в качестве антонима терминам «раб» или «те, кто служит тебе». Таким образом, «друзья», включая владельцев других домашних хозяйств, выступают в качестве своеобразной оп-

позиции семейству домовладыки. Несмотря на некоторые советы сыновьям о важности дружбы, Кекавмен тут же осторожно предупреждает о ее опасностях: «Если у тебя есть друг, живущий в другом месте, и если он проезжает через город, в котором ты живешь, не помещай его в своем доме» (Кекаум. 202.12–21); «Не поручайся ни за кого, так как многие, поручившись, попали в беду. Даже если это твой близкий друг, не поручайся за него» (Кекаум. 218.17). Из-за серьезного беспокойства по поводу безопасности дома автор предостерегает против посторонних людей. В отношении них рекомендации особенно строгие. Это обстоятельство, наряду с критикой в адрес торговой деятельности, проясняет стремление Кекавмена сделать свое поместье автономным и самостоятельным, как в отношении хозяйственной сферы, так и в социальном плане.

В этой связи интересны рекомендации Катакалона Кекавмена относительно взаимоотношений с провинциальной администрацией. Глава дома, не должен вовлекаться в дела наместника: «Если есть в местности верховный глава, являйся к нему, но не часто. Приходи к нему изредка, говори подумав, что надо, а если не спрашивает, молчи» (Кекаум. 198.15ff). В советах своим сыновьям не иметь особенно тесных связей с наместником, Кекавмен подразумевает, что отношения между правителем провинции и главами частных домов были все более тесными, и в данном процессе местные власти будут играть большую роль. «Если кто-либо затеет мятеж и провозгласит себя василевсом, не вступай в сговор с ним, но держись в стороне от него. Если ты можешь воевать против него и совершить на него нападение, то войой за василевса и всеобщий мир. А если не можешь, то ..., заняв какое-нибудь укрепление со своими людьми, пиши василевсу и старайся, сколько в твоих силах, исполнять службу по отношению к нему... Если у тебя нет людей, чтобы захватить укрепление, брось все и беги к василевсу. А если случится так, что ты не осмелишься бежать из-за своей семьи, присоединись к мятежнику, но помыслами останься с василевсом и, когда сможешь, соверши достохвальное дело» (Кекаум. 248.13–23). В этом пассаже Кекавмен настаивает на лояльности по отношению к императору; но здесь также можно усмотреть значение довольно близких отношений между провинциальным наместником и хозяином дома, при условии, что большинство провинциальных мятежей в этот период возглавлялись военачальниками фем-

ных властей. Фраза «из-за своей семьи» также может обозначать личные связи, хотя неясно, является ли она ссылкой на брачные или родственные связи хозяина, удерживаемого во дворце наместника.

Как же Кекавмен смотрел на отношения между частными домами и императорскими администраторами и должностными лицами? Его идеал частного хозяйства, «совершенного дома», — это автономная, экономически самостоятельная единица под властью главы семьи, патриарха. Кекавмен следовал традиции икономии *oikonomia*, заключавшейся в том, что все домашние должны быть заняты в сельском хозяйстве и избегать в максимально возможной степени денежной экономики, то есть торговли и ростовщичества. Исключением из этого воззрения выступают его пространственные замечания о императорских административных постах и достоинствах, которые подобно торговле и ростовщичеству были несельскохозяйственными источниками дохода. Это отклонение от принципов икономии отражает особый характер византийского мира.

Кекавмен отмечает, что местное население надеялось на главу дома, как на выразителя их интересов перед областными начальниками. Кекавмен признавал (Кекаум. 200.17-20), что глава дома, как представитель интересов сообщества, не мог избежать отношений с местным населением. Как фактического руководителя сообщества в случаях плохого управления со стороны местных властей, главу дома называли *authentēs* («господин» Кекаум. 198.20), но его роль социального лидера в регионе развивается еще дальше. К примеру, местный начальник мог предоставить главе дома, при назначении экстраординарных налогов на город, право их раскладки среди жителей (Кекаум. 200.27ff). Здесь также он функционировал в качестве их 'главы'. Судебное полномочие главы также простиралось вовне его собственного *oikos* на сообщество: «Заклинаю тебя, если ты ведешь частную жизнь и народ области подчиняется тебе.... Одних ты карай и наказывай сам, а что касается других, то, приведя их, собери народ, поведай им о провинности и скажи: "Судите их!"». Это демонстрирует, что глава дома был посредником между наместником провинции и местным сообществом. Однако его власть и влияние в местном обществе зависели не от исполняемой должности, а от экономических и социальных возможностей его дома. Сын, наследующий дом своего отца, также наследует его положение в сообществе.

Кекавмен предостерегает своих сыновей с одной стороны от возмущения против «господина» и лести в его адрес: противиться представителю власти было опасно, и распределение государственных налогов могло привести к неудовольствию со стороны местного сообщества. Из-за большого влияния на местах, главы домов также принимались во внимание наместниками провинций. Несмотря на случайные столкновения, отношения между ними становились все более и более близкими, включая приглашение глав домов на обед, стремясь в дальнейшем получить их поддержку. С другой стороны, они обеспечивали наместника и его людей продовольствием, что рассматривалось в качестве частных даров в надежде на получение должности (Kekaum. 198.17ff). «Не покупай должность посредством даров», предупреждает Кекавмен (Kekaum. 236.24-238.5); «Некоторые, не имея чести от Бога, а от василевса — должности, стараются с помощью денег и подарков местному архонту получить место». Таким образом, главы домов вступали в близкие отношения с местным начальником и приобретали посты в фемной администрации и достоинства через его посредничество.

Если провинциальные наместники желали развивать эти связи по соображениям административного и военного воздействия на неустойчивое пограничное общество, то главы домов искали расположения администраторов через местные службы и семейные связи для поддержки их нестабильных домашних хозяйств и расширения их влияния вне поместья.¹¹ Правительственные должности были не только признаком политической значимости и социального статуса его обладателя, но и обеспечивали его средством быстрого накопления дохода. В период финансовых трудностей империи в XI в. императорские чиновные должности и ранги в значительной степени продавались. Состоятельный человек вкладывал деньги в должности, особенно потенциально прибыльной являлась должность налогового сборщика. Иоанн Майос, родственник Кекавмена, пробовал получить должность провинциального налогового сборщика, утверждая, что «Все эти дома построены благодаря службам фиска» (Kekaum. 196.6f). Аналогично главу дома убеждали его жена и друзья «получить хотя бы службу заместителя, архонтию, или василика нашего округа, и ты получишь возможность позаботиться

¹¹ Kazhdan A. Малые социальные группы (микроструктуры) в византийском обществе // XVI. Intern. Byzantinistenkongress, Akten. Bd. 2 // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1982. Bd. 2. S. 3-11.

о себе, и о своем доме, и о своих людях» (Kekaum. 196. 19-22). Григорий Пакуриан, более знатный представитель пограничной элиты, также нес службу империи. Он постоянно на страницах своего устава говорит о службе его и его родственников «ромейской державе». «Если я скажу, что редко кто-либо из служащих... умер естественной смертью на собственном ложе, я не солгу. Ибо все они погибли от меча и руки врагов святого креста и Романии». «Я не щадил ни своей крови, ни бывших со мной родственников... ради могущества царственной державы, ради защиты ромейского господства» (Pacour. II. 4).

Придворные звания также составляли своего рода «национальный доход». За установленную сумму, уплаченную в казначейство, такой человек получал придворный титул и соответствующую ежегодную пенсию: стоимость достоинства соответствующая вкладу, ежегодная пенсия по проценту. Таким образом, правительство стало огромным механизмом для перераспределения богатства и источником прибыли для его членов. Поэтому административные должности и придворные достоинства были привлекательны для представителей пограничной знати и в экономическом смысле.

Скрытое намерение, проходящее в совете Кекавмена, заключается в том, чтобы избежать близкого контакта с провинциальными властями и в то же время развивать семейные связи в среде региональной знати и провинциального чиновничества. Это, по моему мнению, может являться важным этапом на пути к консолидации в рамках византийской пограничной провинциальной элиты. Впоследствии, в период Алексея I Комнина, эти связи распространились по всей империи, так как многие аристократические семьи соединились узами брака, обеспечивая основание для появления византийской аристократии как социальной группы.

Взгляды Кекавмена и Пакуриана как представителей пограничной элиты на императора также заслуживают некоторых замечаний, поскольку они несут в себе также черты противоречия. Хотя автор «Советов» и являлся провинциалом, но все же имел представление об императорской идеологии, распространяемой придворными риторам и юристами: император — это образ Бога и его власть не ограничена законом. «Поэтому заклинаю вас, дети мои желанные, которых дал мне Господь, оставайтесь на стороне василевса и на службе у него, так как сидящий в Константинополе василевс всегда побеждает» (Kekaum. 268.10-13). Но в то же время импе-

раторская идеология совсем не впечатляла Кекавмена: он знал о конкретных фактах жизни императоров, поскольку в «Советах» указывал на свержение Михаила V в период своего пребывания в столице (Кекаум. 288.27-290.1). Кекавмен естественно трепещет перед императором и страшится обвинения в нелояльности. Но хотя он советует добросовестно служить императору, все же при этом отвергает представление о всеильном императоре как образе Бога. Определенная критика традиционной византийской идеологии появляется среди некоторых замечаний об императоре в третьей части, где между прочим говорится о тщетном искушении императором жены одного знатного человека (Кекаум. 204.13-17). Начало пятой части («Советы Василевсу», Кекаум. 274.1-7) очень показательно: «Когда некоторые заявляют, что василевс не подчинен закону, но сам является законом, и я говорю то же самое. Однако пока во всех своих действиях и законоположениях он поступает хорошо, мы повинемся ему. А если он сказал бы: «пей яд», ты, конечно, не сделал бы этого. Или, если бы он сказал: «Войди в море и пересеки его вплавь», но ты не сможешь и этого исполнить. Поэтому знай, что василевс как человек подвластен законам благочестия». Григорий Пакуриан благодарен василевсам за их благоволение к нему и верно служит им. Но в то же время нельзя говорить о «вдохновенной любви к империи» с его стороны. Он запрещает принимать в свой монастырь греческих священников и монахов и нелесно отзывается о ромеях как о насильниках, корыстолюбцах и пустословах, могущих нанести вред монастырю.

Аналогично в своих «Советах к топарху» (Кекаум. 298.18-21) Кекавмен демонстрирует свое представление об отношениях между правителем подчиненной пограничной области и имперской властью: «Если ты имеешь в своей стране крепости или деревни, если в них ты топарх и повелитель, то не позволяй себе мечтать о богатстве, или о чинах, или о великих обещаниях василевсов, не отдавай своей страны василевсу. . . Напротив, держись за свою страну, хотя бы она была мала и незначительна, так как лучше для тебя, как сам себе господин являешься другом василевса, а не как раб или слуга». Григорий Пакуриан на страницах своего устава также говорит о своих родственниках — топархах восточных земель, и прежде всего с гордостью упоминает, что его отец был независимым «архонтом архонтов» (Расоур. Pref. 2). Он говорит также о своем зяте Ахсартане, «топархе» некоей крепости (Расоур. II. 7).

Те, кто продает свой дом, чтобы купить титул, не смотря на свое возвышение в статусе, становились не более, чем «рабом императора». Хотя в традиционной византийской идеологии данная фраза определяла привилегированный статус, Кекавмен все же выступал против, или был, по крайней мере, безразличен к этой идеологии. Он отговаривает своих сыновей от поисков высокого ранга, предпочитая быть «другом императора», а не его «рабом».

Статус «друга императора» неизбежно влек за собой сохранение «дома». Несмотря на неустойчивость домашней экономики, *oikos* позволял главе дома оставаться, в некотором смысле, на равных с императором. Как знал Кекавмен, император подавлял у неповинующихся аристократов способность к сопротивлению, конфискуя их владения. Поэтому он призывал его сыновей удерживать земельные владения в своих руках и никогда добровольно не передавать их императору.

Кекавмен по всей вероятности также возражал против чрезмерного вмешательства императоров в частную жизнь поместья. В пятой части («Советы василевсу») он вносит в список четыре традиционных императорских добродетели: сила духа (*andreia* [*psychike*]), правосудие (*dikaioyne*), целомудрие (*sophrosyne*), и мудрость (*phronesis*), при этом он подчеркивает целомудрие и правосудие как неприменимые ко греху.

Таким образом, Кекавмен почитал и повиновался императорам, но пока они не посягали на его частное хозяйство. Это может быть связано с расположением домашнего хозяйства Кекавмена в отдаленных пограничных регионах. И все же отчужденность по отношению к императору также является следствием его миропонимания как представителя пограничного общества. Известный пассаж Симеона Нового Богослова дает соответствующий контраст по отношению к точке зрения Кекавмена: «Кого мы называем истинными слугами земного царя? Тех, кто живет в своем собственном доме, или тех, кто следует за ним повсюду?... Не является ли очевидным, что последние, а не первые, это слуги земного царя?».

Итак, Кекавмен говорит своим сыновьям, что «дом», как независимая и самостоятельная «социальная единица», не должен иметь крепких связей с внешним миром. В этом закрытом микромире Кекавмен чувствует себя спокойно, и благодаря этому преимуществу он может чтить императора на расстоянии. Но внешние связи все же были неизбежны: и провинциальный наместник и местные жи-

тели желали видеть в хозяине дома местного главу, и многие, охотно или неохотно, оправдывали это ожидание. Также Кекавмен не мог быть равнодушен к императорским должностям и титулам, хотя он естественно видел в них только дополнительную поддержку в жизни oikos. Наш автор говорит о лояльности василевсу. Он имеет надежду получить некий чин. Но в целом третья часть Стратегикона показывает нам, что связь между хозяином поместья и императором не является обязательной для такого частного «дома», и по мнению Кекавмена император не должен в этом злоупотреблять своей властью. Двойственное отношение автора Стратегикона к императору таким образом отражает двойственный характер его собственного «дома»; но более существенным является предположение Кекавмена, что можно жить спокойной жизнью и без постоянного вмешательства императора благодаря надлежащему управлению домашним хозяйством. То же самое мы видим и в отношении имения Григория Пакуриана, которое было передано основанному Петриционскому монастырю. Он также позиционирует монастырь как независимое ни от светских и духовных администраций, ни от частных лиц имущество.

Средневековые источники шотландских коронаций Стюартов

В этой статье я хотел бы сосредоточиться на феномене так называемых вторых — собственно шотландских коронаций Стюартов, в частности на коронации Карла I 1633 года. Речь пойдет не столько об уникальности этого явления, сколько о традиции, которую шотландская сторона пыталась сохранить за этим событием, опираясь на средневековые шотландские коронационные регламенты. Я буду исходить из того, что составленная главой Герольдмейстерской палаты Джеромом Линдси версия коронационного порядка¹ выражала официальную позицию шотландской стороны и постараюсь проследить, какие средневековые шотландские регламенты могли лежать в основе этого документа.

Составленная Линдси версия коронационного порядка по своему характеру обобщала известную только самому составителю традицию и опиралась, по всей видимости, на группу латинских протографов, идентифицировать которые лишь по очень краткому замечанию герольда,² не представляется возможным³. Современному

¹Обзор, подготовленный Линдси, представляет собой унифицированный регламент, отражающий, по всей видимости, наиболее важные рубрики, порядок которых сложился к середине XVI века. Текст этого регламента опубликован: *The Register of the Privy Council of Scotland. Second series / Ed. by D. Masson. 8 Vols. Edinburgh, 1899–1908. Vol. II. P. 393–395.* Сэр Джером Линдси, в 1621–1630 годах возглавлял Герольдмейстерскую палату Шотландии. Д. Бют, первым опубликовавший транскрипцию этого текста в своем исследовании, заблуждается, приписывая авторство сэру Джеймсу Бэлфуру (1590?–1657), сменившему Линдси на этом посту только после его смерти (*Bute John, 3d marquess of Scottish Coronation. London, 1902. P. 299.*).

²В пользу такого вывода говорит одна фраза, предвещающая основной текст регламента: Линдси пишет, что он использовал «очень старую книгу, написанную на латыни». Такие книги как рукописные, так и печатные были широко распространены в средневековой Европе. Как правило, коллекционеры объединяли в одно целое различные документы, имеющие отношение к всевозможным ритуалам.

³Тем не менее интерес к регламенту Линдси был достаточно велик и к настоящему времени сохранились несколько копий регламента, сделанных в 1630–1650-х годах. Речь идет о рукописях, хранящихся в Коллегии герольдов в Лондоне (*College of Arms MS. W.Y. fols. 235r–238r*), Британской (*British Library. Additional MSS. 35844. fols. 191r–192v*) и Бодлеанской библиотеках (*Bodleian Library. Selden supra MS. 90. 38r–44r*).

специалисту достаточно сложно судить о том, что представляли собой вдохновившие Линдси источники: слишком скудны, сделанные каждым из них замечания. Тем не менее среди дошедших до нашего времени рукописных и печатных памятников есть материалы, позволяющие сделать определенные предположения относительно положенных в основу, по меньшей мере, высланного в Лондон коронационного регламента протографов.

Из всех сохранившихся к моменту составления этого документа средневековых регламентов самыми известными были коронационные порядки Александра II (1249) и Роберта II (1371). В фонде Адвокатской коллегии (Национальная библиотека Шотландии) сохранились две латинские рукописные версии порядка коронации Александра III, отличающиеся лишь в изложении второстепенных деталей.⁴ В том же фонде хранятся три рукописные копии порядка коронации Роберта II: одна — латинская, вторая, содержательно ей идентичная, написанная на шотландском диалекте,⁵ наконец, третья, отличающаяся от предыдущей пространными интерполяциями.⁶ Все версии этих средневековых регламентов принадлежали в свое время известному шотландскому герольду Джеймсу Бэлфуру, после смерти которого Адвокатская коллегия выкупила их в составе обширной коллекции шотландских рукописей XIII–XVII веков у родственников герольда.

Наличие в коллекции рукописей известного герольда средневековых шотландских регламентов XIII — XIV веков с трудом можно считать случайным, если учесть значимость состоявшегося в 1633 году события и стремление шотландской стороны организовать церемонию в соответствии с традицией. Тем не менее, по справедливому замечанию Р. Лайолла, аутентичность этих коронационных порядков остается недоказанной, поскольку современная наука не располагает точными сведениями об источнике, вдохновившего их составителя.⁷

Трудности при их сопоставлении очевидны, а сам анализ ослож-

⁴NLS. Adv. 33.2.26; 33.7.10. Первая версия была в начале XIX века опубликована в Balfour James. *Ancient Heraldic and Antiquarian Tracts*. Edinburgh, M. DCCC.XXXVII. P. 36–38.

⁵NLS. Adv. 33.2.26. fol. 36r–42v. Шотландский вариант опубликован: Balfour James. *Ancient Heraldic ...* P. 36–42.

⁶NLS. Adv. 33.7.10.

⁷*Lyll R. The Medieval Scottish Coronation // Innes Review*. Vol. XXVIII. 1977. N 1. P. 3.

няется, тем, что обе коронации восходят по существу к двум взаимосвязанным, но все-таки различающимся в деталях традициям. Дело в том, что после 1329 года сама церемония коронации шотландских монархов претерпевает определенные изменения, поскольку папа Иоанн XXII не только признал право шотландской короны использовать процедуру помазания, но и преподнес в качестве дара ряд королевских регалий, обновив тем самым состав традиционной инвеституры и видоизменив текст произносимой будущим монархом клятвы.

Сложность в определении источника двух версий первого из сохранившихся регламентов кажется мне, тем не менее, вполне преодолимой, если в качестве отправного момента анализа использовать текст Джона Фордуна, описавшего коронацию Александра III (1249) в знаменитой «Шотландской хронике». ⁸ Составляя его, Фордун, должно быть, отталкивался от известного только ему источника, до нас недошедшего. О том, что находившийся в его распоряжении материал был хорошо отобран и систематизирован, свидетельствует структура самого повествования. Фордун или его информатор были прекрасно знакомы с тем, что принято называть рубриками порядка. Его рассказ можно разделить на десять содержательных разделов, которые, хотя и не полностью соответствовали рубрикам коронационного чина, все же отражали его основное содержание. Состав этих разделов универсален и, насколько мне известно, такая композиция основных этапов церемонии сохранялась вплоть до последней в Шотландии коронации 1567 года. ⁹

Речь идет о собственно предваряющем коронацию избрании монарха сначала из числа более достойных, а затем после Малколма III — с известными отклонениями от нормы — из числа родственников. Следующая за ним часть церемонии предполагала явление избранного таким образом «кандидата» перед народом. Обычно

⁸ *Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri*. 2 Vols. Edinburghi, 1752. Vol. I. P. 293–295 (Фордун); Vol. II. P. 80–83 (Боуэр).

⁹ Коронация Якова VI Шотландского была организована под очень сильным влиянием пресвитерианского духовенства. Описание коронации сохранилось в личных бумагах Бэлфура (*Ancient Heraldic...* P. 43–48). Фактически последней была коронация Анны Датской. Об этом подробнее: *Федоров С. Е.* «И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил»: Анна Датская и финальный эпизод шотландских королевских свадеб // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. 2004. № 7. С. 40–67.

шотландские монархи появлялись перед таким собранием облаченные во все белое. Цвет символизировал невинность их помыслов, готовность защищать «общее дело» и интересы церкви.

Третья часть церемонии была связана с инаугурацией на символическом камне в Сконе. После того, как Эдуард I вывез ритуальный камень в Англию, шотландцы использовали, согласно легендам, различного рода симулякры, но, в конце концов, восприняли континентальный вариант этой части процессии. Инаугурация сменялась клятвоприношением, содержащим, как правило, обещание соблюдать мир внутри королевства, пресекать усобицы и бороться с несправедливостью и, наконец, проявлять милосердие к подданным. Далее следовала процедура, предписывавшая присутствующим на церемонии «друзьям и последователям» собраться у трона. После чего в два этапа осуществлялась инвеститура. Королю вручали «белый жезл»-скипетр — источник Силы, а затем меч (после 1329 года — меч Справедливости). Инвеститура сменялась декламацией родословной монарха. После чего следовало семикратное благословение. Завершалась церемония коронационным пиром и всеобщим гулянием.

Уолтер Боуэр, снабдивший описание коронации Александра III некоторыми деталями, также следует за одним исключением вытекающим из описания Фордуна разделам. В его тексте процедура инвеституры занимает одну (шестую по порядку) позицию и не делится на две составляющие. При этом складывается впечатление, что скипетр и меч вручались королю одновременно. Боуэр не только упоминает их в паре, но и путает, очевидно, саму последовательность вручения («... и тогда *скипетр и меч* были... вручены королю...» или «после того, как *меч и скипетр* (курсив мой — С. Ф.) были отданы в его руки...»¹⁰

Очевидная неточность в передаче последовательности вручения регалий, тем не менее, не снижает оригинальности сообщаемых им сведений. Подобного рода заблуждения были типичными для описаний и более позднего происхождения. Существенным оказывалось другое обстоятельство. Обычно авторы, составлявшие продолжение хроник, подчас изменяли содержание текста своих предшественников. У Боуэра были вполне веские обстоятельства последо-

¹⁰ Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri... Vol. II. P. 82.

вать этому примеру, поскольку ко времени завершения работы над хроникой церемония коронации претерпела изменения. По меньшей мере, инаугурация Роберта II прошла при соблюдении последовательности нового коронационного чина: он был помазан на царство. Произошедшие изменения остались, однако, достоянием своего времени и не коснулись в изложении Боуэра описания коронации Александра III.

При сопоставлении последовательности рубрик регламента в версии Adv. 33.2.26 с текстом описания Фордуна-Боуэра обнаруживается их почти полная идентичность. Некоторые несовпадения в деталях могут быть объяснены за счет вполне понятных различий в форме организации материала: регламент всегда более точен, лаконичен и даже сух, при этом описание всегда более свободно в выборе лексических единиц и оборотов и, конечно же, выглядит эмоционально насыщеннее.

Несмотря на почти полное совпадение содержательных разделов повествования Фордуна-Боуэра и рубрик регламента из коллекции Бэлфура, непонятным остается, в какой последовательности следует располагать эти два взаимосвязанных источника. Во-первых, сам регламент, если признать его аутентичность, мог служить основой для соответствующих повествований как Фордуна, так и Боуэра. При таких обстоятельствах сохранившийся в оригинале или копиях он мог быть воспроизведен по заказу Карла I Стюарта либо самим Бэлфуром, либо еще кем-нибудь из его ближайшего окружения. Во-вторых, он мог быть составлен самим Бэлфуром в начале XVII века по сохранившимся текстам обоих хронистов. Тогда функция герольда или же его окружения оказывалась решающей, но и при таком стечении обстоятельств основная нагрузка составленного даже таким образом регламента оставалась неизменной. Его присутствие в коллекции Бэлфура, помимо антикварных наклонностей самого собирателя, свидетельствовало о наличии у него определенного интереса к поиску наиболее древнего из сохранившихся вариантов церемонии. В этом смысле коронационный порядок Александра III мог рассматриваться в качестве нейтрального и с литургической точки зрения наиболее близкого разделяемым Бэлфуром идеалам пресвитерианского духовенства.

Иначе обстоит дело с объяснением происхождения второй версии регламента (Adv. 33.7.10), которая, как уже отмечалось, значительно отличается от уже рассмотренной. На первый взгляд,

любые суждения о происхождении этого текста облегчаются наличием прямого указания на источник заимствования. Речь идет о так называемой хронике из Скона и о ее составителе Магнусе Маккулохе¹¹. Согласно У. Николсону, Маккулох изготовил, по меньшей мере, две сокращенные копии «Шотландской хроники» Фордуна-Боуэра. Одна из них, датированная 1481 годом, предназначалась для неизвестного заказчика (ныне — Brechin Castle MS), а вторая, относящаяся к 1484 году — для библиотеки архиепископа Сент-Эндрюзкого.¹²

Копия, изготовленная для библиотеки архиепископа, была утрачена в конце XVII века: во всяком случае, в каталоге средневековых шотландских рукописей из университетского собрания, составленного Томасом Иннезом в 1701 год, она уже отсутствовала. При этом записи, оставленные Дэвидом Бьюкененом — одним из хранителей рукописной коллекции, указывают, что еще в середине XVII века «хроника Маккулоха из Скона» находилась в университетской коллекции, но исчезла, после того, как Патрик Лайон, граф Стратмор, получив рукопись под предлогом ее подготовки к публикации, не вернул ее обратно.¹³ Поскольку Сент-Эндрюзкая рукопись, оставалась доступной в 1620–1630-х годах, его, вполне вероятно, мог воспользоваться Бэлфур, находившийся, как известно, в дружеских отношениях с Джоном Споттисвудом, архиепископом Сент-Эндрюзским. При этом, скорее всего, именно Споттисвуд, достаточно хорошо осведомленный в рукописном составе университетской коллекции, тем более находившейся недалеко от его резиденции, мог подсказать Бэлфурю еще один источник для интересовавшей его темы.

Во всей этой истории с хроникой Маккулоха непонятным остается одно, как Бэлфур, прекрасно осведомленный в содержании хроники Фордуна-Боуэра¹⁴, не распознал в университетской рукописи

¹¹Томас Демпстер, упоминая в своем обозрении среди монастырских хроник *Liber Sconensis*, очевидно, имеет в виду хронику Маккулоха: *Dempster T. Historia Ecclesiastica Gentis Scotorum. 2 Vols. Edinburgh, 1829. Vol. I. P. 56.*

¹²Т.н. Бречинская рукопись сохранилась до наших дней и в настоящее время хранится в Государственном архиве Шотландии. *Nicholson W. The Scottish Historical Library. London, 1702. P. 90-92.*

¹³*Logan G. The Finishing Stroke. 2vols. Edinburgh, 1744. Vol. 2. P. 113.*

¹⁴О том, что Бэлфур был прекрасно осведомлен о содержании хроники Фордуна-Боуэра, говорят многочисленные заимствования, характерные для первых томов его знаменитых анналов: *Historical Works of Sir James Balfour,*

одну из копий известного ему повествования. Сокращения Маккулоха, значительные для раннего периода шотландской истории, практически не коснулись истории XIII века: описание коронации осталось также нетронутым, хотя текст повествования был составлен с использованием лексических оборотов, характерных уже для самого Магнуса Маккулоха и отвечавших литературным вкусам второй половины XV века.

Текст регламента Роберта II значительно отличается и по структуре, и по содержанию от порядка 1249 года. В «Шотландской хронике» Фордуна-Боуэра описание самой церемонии в таком объеме отсутствует, что позволяет предполагать иные обстоятельства и, очевидно, иной источник происхождения этого документа. Существование двух версий регламента, идентичных по содержанию, но составленных на латыни и шотландском диалекте, также нельзя объяснить простым желанием владельца иметь оригинальную копию и ее перевод, поскольку непонятным остается, какая из версий была исходной. Третья — более пространная копия регламента еще более усложняет выдвигание какой-либо единой версии происхождения этих текстов.

Д. Бют и Д. Купер, обращавшие внимание на существование обеих версий регламента, склонялись к мысли об их позднем происхождении и, следовательно, считали оба документа «талантливыми» подделками. Суждения этих двух известных авторитетов в области шотландских древностей основывались на весьма логичном выводе, вытекающем из анализа филологических особенностей этих документов. Они полагали, что латинская версия регламента была переводом его шотландского протографа, который при невыясненных обстоятельствах был составлен его владельцем Д. Балфуром почти сразу же после коронации 1633 года. В пользу такого вывода свидетельствовали как особенности диалектной формы английского языка, сформировавшейся в Шотландии не ранее середины XVI века, так и далекий от средневековых идеалов лексический и синтаксический строй использованной при переводе документа латыни.¹⁵

published from the Original Manuscripts preserved in the Library of Advocates. 4 Vols. London, 1825

¹⁵ *Bute J. marquess of. Scottish Coronations. Paisley, 1902. P. 67.* Балфур, остававшийся весьма почитаемым авторитетом в области шотландских древностей, был не всегда предельно аккуратен и честен в профессиональном отношении:

Р. Лайолл, не разделяя критических суждений Д. Купера и Д. Бюта, ссылается на указание самого Бэлфура о том, что текст регламента был заимствован им из латинской рукописи, изготовленной каноником из Холирудского аббатства¹⁶, которая в свою очередь была передана ему клерком Тайного совета Джеймсом Примройзом, позаимствовавшим ее из рукописной коллекции графа Маришала в Дуннотаре¹⁷. Рукописи, принадлежавшие графам Маришалам, хранятся сейчас в Национальной библиотеке Шотландии,¹⁸ но среди них нет упоминаемого Бэлфуром памятника. Тем не менее присутствующее в коллекции описание коронации Карла I¹⁹, значительно отличающееся от бэлфуровского, но содержащее надпись, которая подтверждает ее связь с рукописями, хранившимися в первой половине XVII века в Дуннотарском замке,²⁰ не исключает наличие в собрании Маришалов и копии упомянутой рукописи.²¹ Добавлю, что Примройз был сам собирателем средневековых раритетов²², а, оставаясь при этом клерком Тайного совета, мог иметь неограниченный доступ к монастырской библиотеке: извест-

Duncan A. M. The Earldom of Atholl in the Thirteenth Century // Scottish Genealogist. 1960. Vol. II. N 2. P. 2–10.

¹⁶Эту рукопись не следует путать с так называемой Холирудской хроникой, также содержащей краткое описание коронации Роберта II. Оригинальное название хроники: *Chronicum Coenobii Sanctae Crucis Edinburgensis, iterum in lucem editum*. Хроника под таким названием была издана сначала в Эдинбурге в 1596 году, а затем Робертом Питкерном в Лондоне в 1691 году. Последнее английское издание: *Chronicle of Holyrood / Trans. from Latin by Joseph Stevenson. London, 1858*; шотландское: *A Scottish Chronicle known as the Chronicle of Holyrood / Ed. by Marjory Ogilvy Anderson. Edinburgh, 1938*. Состав хроники формировался постепенно: ее наиболее ранняя часть приходится на конец XI века и охватывает события 1065–1066 годов; в XII веке повествование было доведено до 1189 года, а в XIV–XV веках — до конца XIV века.

¹⁷*Lyll R. The Medieval Scottish Coronation Service... P. 13.*

¹⁸NLS. Acc.6026.

¹⁹NLS. Acc.6026. I. 537.

²⁰NLS. Acc. 6026. I.489.

²¹Лайолл, в частности, полагает, что рукопись могла исчезнуть из коллекции после 1719 года, когда после обвинения в измене, все имущество Маришалов было конфисковано. *Lyll R. The Medieval Scottish Coronation Service... P. 13–14.*

²²Известно, что Примройз участвовал в качестве эксперта при оценке новых поступлений в библиотеку Леонард-колледжа в Сент-Эндрюзе. *Pringle R. An Early Humanity Class Library: the Gift of Sir John Scot and Friends to St. Leonard's College (1620) // Bibliothek. 1974–1975. Vol. VII. P. 34–54*. Кстати, не исключено, что именно там он познакомился с Линдси и Бэлфуром. *Ibid. P. 47.*

но, что часто собиравшийся в 1620-1630-х годах в Холируде совет неоднократно обращался за помощью к хранителям монастырской библиотеки. При этом подобная миссия, как правило, поручалась клеркам, которые со временем могли превратиться в знатоков полагавшегося в Холируде рукописного и печатного собрания.

Связь регламента Роберта II с холирудским манускриптом или же каким-то иным, но отличным от повествования Фордуна-Боуэра источником косвенно подтверждает датировка коронации и место ее проведения, указанные в заглавии короткой и пространной версий порядка. Речь идет о том, что коронация состоялась 23 мая 1371 года, а местом ее проведения было Холирудское аббатство. При этом известно, что Роберт II был коронован, подобно своим предшественникам в Сконе 26 марта того же года. Именно такая датировка события содержится в Шотландской хронике Фордуна-Боуэра²³; ее же воспроизводит и сам Бэлфур в своих «Анналах».²⁴ Я далек от убеждения как в том, что дата и место проведения коронации были искажены преднамеренно, так и от того, что в момент составления регламента Бэлфур мог не знать точной даты, затем исправленной при написании его «Анналов».

Датировка работ самого Бэлфура значительно затруднена тем, что часть из них увидела свет лишь после смерти его автора. Тем не менее весьма существенным представляется то, что «Анналы» считаются большинством исследователей одной из поздних работ Бэлфура, тем более основанной в их средневековой части на повествовании Фордуна-Боуэра. Скорее всего, сведения были почерпнуты герольдом из иного источника, которым могла вполне оказаться названная им холирудская рукопись. Желая сохранить содержащиеся в ней сведения в первоизданном состоянии, он, несмотря на свое знакомство с «Шотландской хроникой» и эпитомой Маккулоха, воспроизвел заведомо неточные сведения.

Из двух сохранившихся версий регламента Роберта II, оригинальный характер пространной редакции вообще не поддается идентификации. Сам Бэлфур умалчивает об источнике, послужившем основой для его воспроизведения. Наличие поздних интерполяций не позволяет напрямую отождествлять его содержание с версией Adv. 33.2.26. Тем не менее их сравнение все-таки возможно, но

²³Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri... Vol. I. P. 383.

²⁴Historical Works... Vol. I. P. 124–125.

только при сопоставлении с соответствующими рубриками регламента Линдси. Мне представляется, что между двумя шотландскими версиями регламента Роберта II и отосланным в Лондон порядком существует определенная генетическая связь, указывающая на сходство вдохновлявших их составление или воспроизведение источников.

Сопоставление трех регламентов дает следующие результаты. Рубрики 1–7 обнаруживают почти полное сходство. Различия, весьма несущественные, очевидно отражают либо идущую от краткой версии к регламенту Линдси определенную правку текста (правописание, выбор более удачных оборотов и т.д.), либо уже характерную для пространной версии и конечного, отосланного в Лондон регламента редакторскую работу. При этом основной смысл руководства, характерного для всех трех регламентов, остается неизменным.

Две следующие рубрики, помимо незначительной правки, отличаются тем, что фраза «и тогда один из епископов прочел проповедь» была перемещена из девятой (место, которое было подтверждено краткой и пространной версией регламента Роберта II) в восьмую рубрику, что придало ей по смыслу законченный характер²⁵. При этом в обоих текстах Бэлфура можно обнаружить определенную несогласованность оборота, описывающего действия епископов при помазании, которая оказывается исправленной в соответствии с принятой традицией в регламенте Линдси.

²⁵Рубрика 9: *Then did the Bischope *[make a sermone]* *did preache*, *[wich endit]* *thereafter*, *[the Lyone brought]* tuo *[vials]* **[pigges]** of *[sacred]* *oyle, *carried by the Layone* *[deliuering]* was given *[the one]* to the Constable and the *[one]* uther to the Marishall. *[Which they deliuered]* and *they gauē it* to the Bischopes, *[quo therwith anointed]* *poured* one the kinges head *[the King one the croune of the head]*, and *upon the one side and one the uther. They oyled him also one* the* boughes of hes armes, *one the lauffess of hes hands*, topes of hes shoulder *[blades]*, and *[palmes of hes handes]* okesters. (звездочкой и квадратными скобками обозначены опущенные в версии Линдси фрагменты; жирным шрифтом помечены интерполяции в пространной версии регламента Роберта II). Рубрика 8: The King *[hath one hes]* **[heth] ordinare*i [apparell] *apparrall* *[for that day]* onlye, hauing his clothes open one the boughts of *[the]* *hes* Armes and *[shoulders]* *shoulder poynts*, *[with loupes fastened]*, and his clocke about him, - the Grate Constable and Marishall did bear his Roabes, the Gtate Seall and Spurs, *[with honors, wer]* *are* layed doune one *[a little]* *ane* table, befor the Kinge.

Десятая рубрика любопытна тем, что пространная редакция снимает весьма необходимую в таких случаях фразу, указывающую на то, что во время помазания епископы читают проповеди и произносят речи, в которых для присутствующих разъясняется смысл совершаемых действий. В пространной версии и регламенте Линдси подобное с соизволения епископов делает глава Герольдмейстерской палаты²⁶. Рубрики 11-12 содержат лишь стилистическую правку. При этом в 13 рубрике пространной версии появляется вставка, сохраненная почти без изменений в регламенте Линдси²⁷.

Речь идет о присяге-клятве, произносимой монархом, текст которой, по словам самого Бэлфура, восходит к парламенту 1445 года (полный текст помещен в рубрике 17)²⁸. Известно, что текст этой присяги, изъятый из парламентских свитков, был обнаружен

²⁶*[The Bischopes said diuers prayers and orations at the anointing of each place.]* The Marishall takes upe hes doublet and puts it one; the Bischops haue ther auen words to speake the Lyone of the Anoynting.

²⁷*[After]* *Quhill* the Croune is on the King's head, he *[solemnlie suers]* *promissis* by othe, taken *[one]* the *[Euangell]*, by the Bischopes, to be a fathert to the people, *[to do justice, to manteine the religion he professt, to serve God, &c. to route out all heretickes out of his realme, to procure peace to the church, to the vttermost of hes pour, to preserve the rents, rights, and priuledges of his croune, and not to transfer nor alienat the same, to forbid and quashe all oppressions, to defend the vidues house, and fatherless, &c.]* in the wordes *[thought good at that tyme by the Bischopes]*. Both [since] the forme of the othe is sett doune by acte of parliament, made *[by]* the king James of blessed memorie, first parl., cap. 8, *[in the words following:

{The full text of the prescribed oath is here given}]*

²⁸The quhuoll noblemen came, *[one by one],* and touched the croune, saing these words, Sua mote God helpe me as I shall supporte the. *[Wich done]*, and quhen they hue done they all of them againe holdeing upe their hands, — I sueare and holde vpe my hande *that [to manteine, defender, and supporte the, as I vishe the Lord in my need to help me], &c {Forma Iuramenti Regis suis tribus statibus.

I shall be leile and true to God, and Haliekirk, and to the thre estates of my realme, and ilk estaiete keipe, gouerne and defend in ther auen fredome, and preulidge at my goodlie pouer, after the laues and custumes of the realme, the lau Cristine & statuts of the realme nother to eike nor mynisshe without the consent of the 3. estates, and nothing to wyrke na use touching the common profit of the realme bot consent of the three estates, the lau and status made by my forbears keipe and use at all points with all my pouer till all my lieges in all thinges, sua that they repung naught the faith: Sua helpe me God and this Halydoume.

Forma fidelitatis praelatorum

I sall be lele and true to you, my liege lord Schire, James king of Scotts, and not heir your skaith nor see it bot I sall lett it at all my pouer, and warne you thorgh

и опубликован Д. Пинкертоном только в конце XVIII века²⁹. Лайолл указывает на идентичную по содержанию английскому манускрипту копию этой присяги, изготовленную Джеймсом Монинетом в 1488 году и входившую в свое время в коллекцию средневековых раритетов Бэлфура.³⁰ Наличие этого текста, интерполированного в регламент Роберта II и воспроизведенного Линдси, по всей видимости, позволяет говорить о двух важнейших обстоятельствах, связанных с историей каждого из порядков. Оставшаяся в рукописной коллекции пространная версия регламента Роберта II была, скорее всего, промежуточным вариантом подготавливаемого Бэлфуром сводного регламента, идентичного по функции тому, что представил Тайному совету его предшественник на посту главы Герольдмейстерской палаты. При этом весьма существенным остается и тот факт, что оба герольда, очевидно, располагали одними и теми же протографами и обменивались ими.

14 рубрика краткой и пространной версии также почти идентичны. При этом в регламенте Линдси обнаруживается существенная стилистическая правка, не меняющая, однако, смысла содержащейся в ней рекомендации. Следующая рубрика, относящаяся к краткой версии, по вполне понятным соображениям, опущена в пространной версии и регламенте Линдси. 16 позиция сохранена в краткой редакции и без изменений, а 18 рубрика,

your Counsaill heile that you shau me, the best counsaile I can to geue you, quhen ye charge me, In Werbo Dei, and als helpe me God and haly Euangells.

Iuramentum Baronum et ipsorum Homagij Iuramentum

I becume your man as my liege king, in land, life, lithe and lyme, and warlds honoure, feute and laute, agains all that lieu and dee may, your Counsaile celand tgat ye shau to me, the best counsale gifand if ye charge me; your skaith na dishonour to heir nor see bot I sall lett it at al my goodle pouer and warne you thereof, sa helpe me God.

Forma fidelitatis iuramenti Regi.

I sall be leile and true to my Souerane Leige lord Schir James king of Scotland; I sall nather heir your skaith nor see it bots all lett it at my pouer and warne you theof; your consaile shauin to me I sall conseile, the best conseile I can I sall giue it you quhen ye charge me therewith, sa helpe me God.

Thir forsaid aithis wer made in parliament beginning at Perth the 14 day of Junij in Anno 1445 and ther after continued to Edinburghe in Anno afforesaid.}*

²⁹ Pinkerton J. History of Scotland. London, 1797. Vol. I. P. 476–477. Рукопись ныне хранится в рукописном собрании Британской библиотеки (BL. Harley MS. 4700).

³⁰ Речь идет о рукописи из собрания Адвокатской коллегии: NLS. ADV. 25.5.6, fol. 203r-205v. *Lyall R. The Medieval Scottish Coronation Service...* P. 15.

отсутствующая в пространной версии, заменена в отосланном в Лондон варианте разъяснениями, связанными с окончанием церемонии.

Таким образом, генетическая связь текста этих документов очевидна, что делает вполне вероятным предположение о серьезной работе, которая была проведена шотландскими герольдами в связи с поступившим из Лондона запросом. В ответ на желание Карла I ознакомиться с церемонией средневековых шотландских коронаций местные герольды, очевидно, извлекли из частных рукописных коллекций и монастырских библиотек известные к тому времени регламенты и реконструировали по описаниям хронистов недостающие порядки. Дошедшие до нас в собрании Адвокатской коллегии регламенты Александра III и Роберта II, при всей их условной исторической достоверности, свидетельствуют о том, что шотландская сторона далеко не сразу пришла к той версии порядка, которая легла в основу отосланного в Лондон варианта. Очевидно, наличие этих памятников в рукописных коллекциях первой половины XVII века говорит о том, что обсуждались две версии регламента: одна — нейтральная, восходящая к XIII веку и другая — менее всего отвечающая интересам пресвитерианского духовенства, связанная с церемонией уже конца XIV столетия. При этом предпочтение, отданное Линдси и членами Тайного совета коронационному порядку Роберта II, указывает на неоднозначность ситуации, определявшей отношение герольдов и советников, с одной стороны, и иерархов пресвитерианской церкви — с другой. При всем при том, что обе версии регламента 1371 года из коллекции Бэлфура менее всего, в отличие от порядка 1249 года, поддаются исторической идентификации, их существование свидетельствует о предпочтениях, которые шотландская сторона считала обязательными в сценарии предстоящей коронации 1633 года.

Фигура Роберта II, тогда в условиях почти открытого противостояния Лондона и Эдинбурга, могла означать одно в сознании ощущавших себя ущемленными шотландцев. Основатель династии Стюартов, он, очевидно, продолжал восприниматься соотечественниками как монарх, заложивший основы стабильности и преемственности шотландского королевского дома, преумноженных его знаменитыми потомками.

Интерполированная в текст регламента редакция королевской присяги 1445 года, как представляется, указывала на гарантии,

обеспечивавшие эту стабильность и преемственность. Только заручившись поддержкой церкви, сословий и следующий заветам евангелистов монарх мог рассчитывать на успех своего правления. При этом и церковь, и сословия, поддерживая монарха, видели в нем, прежде всего, защитника их незыблемых свобод.

Карл, разрушивший политикой ревокаций основанный на уважении взаимных прав и обязательств трехсторонний диалог, попирает традицию. В этом смысле шотландский сценарий коронации мог восприниматься не иначе как напоминание о том, чего ждут шотландцы от своего монарха не только во время самой церемонии, но и на чем они будут настаивать в ходе парламентских сессий.

Россия 1858–1868 гг.
в донесениях испанского дипломата
герцога де Осуны

Российско-испанские отношения в XVI–XX вв., представления друг о друге испанцев и россиян в последнее десятилетие XX — начале XXI в. стали предметом пристального внимания отечественных и испанских исследователей. Библиография насчитывает уже десятки статей и монографий по данной проблематике. Среди авторов — как именитые, так и начинающие исследователи.¹ Однако пока остаются и лакуны в изучении этой проблемы, среди которых следует выделить период 1856–1868 гг., о котором в основном пишут лишь в связи с чрезвычайным посольством герцога де Осуны и опубликованными в это время знаменитыми «Письмами из России» Хуана Валеры.²

В значительно меньшей степени известна деятельность испанских и российских дипломатов в период между двумя испанскими революциями (1856–1868 гг.) и прежде всего деятельность экстравагантного герцога де Осуны (1814–1882), который, не являясь карьерным дипломатом, представлял интересы Испании в России 12 лет, что чрезвычайно редко бывает в дипломатической практике. В Испании за эти годы сменилось несколько российских посланников и послов (князь С. Д. Голицын, граф Штакельберг, князь А. Волконский).

¹ *Бобылев А. С.* Русско-испанские отношения в начале XVIII в. (1715–1730). М., 1981; *Додолев М. А.* Россия и Испания. 1808–1823 гг. М., 1984; *Волосюк О. В.* Испания и российская дипломатия в XVIII в. М., 1997; *Пожарская С. П.* Русско-испанские отношения в XVII — первой четверти XIX вв. / Россия и Испания. М., 1987; Ее же. Испания глазами российских послов конца XVIII — начала XIX в. / Россия и Европа. М., 1995 и др.

² *Валера Х.* Письма из России. СПб., 2001; *Олано-Эренья А.* Испанские дипломаты о России конца XIX — начала XX вв. // Новая и новейшая история. 1995. № 5; *Вагно В. Е.* Испанский дипломат, ставший писателем в России / Дипломаты — писатели; писатели дипломаты. СПб., 2001; *Петрова А. А.* Испано-русские отношения 1856–1857 гг. в «Письмах из России» испанского дипломата Хуана Валеры / Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 2002; Ее же. Испанский дипломат Х. Валера о российской и испанской государственности середины XIX века / Российская государственность: история и современность. Сборник статей. СПб., 2003 и др.

Между тем внутренняя ситуация в России и в Испании этого периода была непростой, то же можно сказать и об их международном положении. После поражения в Крымской войне престиж России на международной арене упал. По образному выражению А. М. Горчакова, она «сосредотачивалась», проводя структурные реформы внутри страны. Во внешней политике Россия взяла твердый курс на многовекторную политику, диверсификацию внешних связей, в том числе именно в этот период при активном участии А. М. Горчакова началось становление межгосударственных и дипломатических отношений со странами Латинской Америки. Россия признала де-юре и заявила об установлении дружественных связей с шестью странами этого региона: Венесуэлой, Уругваем, Коста-Рикой, Перу, Гондурасом и Гватемалой.³ Конечно, основные интересы России концентрировались на ее европейских контактах: Австрия, Пруссия, Франция, Англия, Балканы. Отношения с Испанией в этот период не относились к числу приоритетных, но, несомненно, интерес к этой стране усилился. А. Х. Бенкендорф в донесении А. М. Горчакову от 21 октября / 2 ноября 1856 г. о вручении послания Александра II испанской королеве Изабелле П даже рискнул предположить, что возможен политический союз между Россией и Испанией. По крайней мере таково желание маршала Нарваэса (главы испанского правительства в ту пору). «Он [маршал Нарваэс, проводник консервативного курса — А. П.] намерен сопротивляться [давлению Англии и Франции — А. П.]», — писал российский дипломат. Далее он отмечал, что, «главный замысел маршала Нарваэса — тесный союз с Россией, идея о котором весьма популярна в Испании. . . В Испании. . . видят в России оплот законности и справедливости, и порядка».⁴ Возможность такого развития отношений в 1856 г. рассматривали и в России.

Однако в последующих инструкциях (1856 г., 1861 г., 1862 г.) российским дипломатам в Испании предлагалось в своей деятельности руководствоваться принципом нейтралитета и невмешательства во внутренние дела страны. В инструкции С. Д. Голицыну особенно рекомендовалось придерживаться нейтралитета по отношению к затяжному конфликту между Испанией и США из-за Кубы, в который Россия однажды, а именно: в 1851 г., уже вмешалась.

³ Сизоненко А. И. А. М. Горчаков и становление российско-латиноамериканских отношений // Латинская Америка. 1998. № 9. С. 86–91.

⁴ Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 2. М., 1997. С. 162–163.

«Правительству США были сделаны внушения в связи с попыткой переворота на Кубе...», — отмечалось в инструкции.⁵ Именно в благодарность за это Испания соблюдала нейтралитет в годы Крымской войны. Этому же принципу невмешательства и нейтралитета следовали и испанские представители в России, хотя общая внешнеполитическая доктрина Испании отличалась от российской, если вообще, как отмечают авторы многотомной «Истории Испании», можно говорить о каком-либо четком внешнеполитическом курсе страны в указанный период.⁶ С одной стороны, Испания всячески стремилась показать независимость своей внешней политики, а с другой — она постоянно втягивалась в авантюры, далекие от ее национальных интересов. В России это хорошо осознавали. В частности, в инструкции российскому дипломату Штакельбергу от 8 февраля 1861 г. было отмечено: «Наш августейший повелитель желает Испании лишь процветания, он готов признать Испанию 6-ой великой державой. (Это предложила Франция). Но Испании лучше заняться внутренним развитием и умерить внешнеполитические амбиции».⁷ Как раз в этот период Испания стала участницей знаменитой «мексиканской авантюры» Наполеона III, а также попыталась вернуть под свой контроль Санто-Доминго (1861 г.), начала «холодную войну» против Перу и Чили (1862 г.). Авторы многотомной «Истории Испании» справедливо называют эти внешнеполитические акции «политикой престижа» и «ярким образцом непродуманных действий на внешнеполитической арене». Впрочем, таковой, по их мнению, была и политика Испании в Европе, Азии, Африке.⁸

В связи с тем, что внешней политике Испании в целом в 1856–1868 гг. была свойственна непоследовательность и противоречивость, в отношениях с Россией также отсутствовал предварительный план действий. Как отмечал испанский исследователь Ф. Оливан, испанские дипломаты, в частности герцог де Осуна, не получили никаких четких инструкций относительно своей деятельности в Санкт-Петербурге.⁹ По крайней мере в 1856 г. с помо-

⁵Там же. С. 165

⁶Historia de Espasa (por Ramon Menendez Pidal). Т. 34. Madrid, 1988. P. 857.

⁷Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 2. М., 1997. С. 181–182.

⁸Historia de Espasa (por Ramon Menendez Pidal). Т. 34. Madrid, 1988. P. 864–865, 868.

⁹Oliván F. Op. cit. P. 33.

щью союза с Россией Испания стремилась освободиться от чересчур навязчивого влияния Франции и Англии, которую, как писал А. Х. Бенкендорф, «в Испании ненавидят больше».¹⁰ Однако после того, как правительство Испании в 1857 г. возглавил О'Доннель, и эта задача отошла на второй план. Испанская внешняя политика была полностью переориентирована на Францию, и о возможном союзе с Россией уже не вспоминали.

Как почти не вспоминали и о новом взаимовыгодном торговом договоре, вопрос о заключении которого был поставлен обеими странами еще в 1860 г.¹¹ Он так и не был подписан в период пребывания герцога де Осуны в Санкт-Петербурге. Главной причиной являлось испанское таможенное законодательство, коррективы в которое испанские кортесы внесли только в сентябре 1865 г., после чего начались переговоры по существу, так и не доведенные до конца из-за начавшейся в Испании в 1868 г. революции.¹²

Перечисленные выше обстоятельства определили круг проблем, которые нашли отражение в донесениях главы испанской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге в 1858–1868 гг. герцога де Осуны, и оказали влияние на видение России этим испанским дипломатом. Важно также подчеркнуть, что герцог де Осуна возглавил испанскую дипломатическую миссию по настоятельной просьбе российской стороны. Его вклад в развитие российско-испанских отношений был отмечен награждением орденом Святого Александра Невского¹³ и назначением дуайеном дипломатического корпуса в Санкт-Петербурге. К нему благосклонно относились и Александр II, и канцлер А. М. Горчаков. Кроме того, следует иметь в виду, что в отличие от Хауна Валеры, «разбудившего» интерес к России в испанском обществе публикацией своих довольно задиристых «Писем из России» в начале 1857 г. и пробывшего в стране только полгода, герцог де Осуна пробыл в России 12 лет. Он получал информацию из источников, близких к императору Александру II и канцлеру А. М. Горчакову, поскольку имел широкие связи при императорском дворе и был принят во всех аристократических салонах Санкт-Петербурга. Устраиваемые герцогом приемы и балы посещали члены императорской семьи и сам Александр II. Он был

¹⁰Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 2. М., 1997. С. 162–163.

¹¹Там же. С. 176.

¹²Там же. С. 193.

¹³*Marichalar A. Riesgo y ventura del duque de Osuna. Madrid, 1933. P. 218.*

вхож к канцлеру А. М. Горчакову. Взгляд герцога де Осуны на Россию интересен еще и по тому, что он, отдавая дань западноевропейской моде на либеральные идеи, не являлся их ярким сторонником, в отличие от уже упоминавшегося ранее Хуана Валеры.

В качестве предварительного замечания следует также отметить, что автору данной статьи, к сожалению, не удалось познакомиться со всем массивом донесений герцога де Осуны из России. В полном объеме они представлены в Архиве Министерства иностранных дел Испании. В данной статье проанализирована лишь небольшая их часть (всего около 50), опубликованная Ф. Оливаном в 1949 г. в виде приложения к монографии. Среди них полностью отсутствуют донесения за 1862–1863 гг. Кроме того, часть донесений опубликована с кушорами, и отсутствуют комментарии к документам.¹⁴ В переводе на русский язык опубликованы четыре донесения герцога де Осуны за 1860–1862 гг.¹⁵ Несмотря на перечисленные выше недостатки опубликованные материалы дают представление о том, какой видел Россию в 1858–1868 гг. испанский гранд герцог де Осуна.

В центре внимания испанского дипломата в этот период — внутренние преобразования в России. Среди них в 1858–1861 гг. наибольшее место отводилось освещению подготовки и проведения реформы по отмене крепостного права. В своих донесениях испанскому правительству герцог де Осуна особенно подчеркивал, что отмена крепостного права осуществлялась по инициативе российского императора, что дворянство с самого начала относилось к плану реформы «враждебно» и всячески ее тормозило. Пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки, император, во-первых, освободил крестьян короны, а во-вторых, активно привлекал на свою сторону священнослужителей, посещая монастыри в своих поездках по стране.¹⁶ Испанский дипломат также информировал правительство Испании о том, что к началу 1861 г. дворянство России по вопросу об отмене крепостного права разделилось по крайней мере на три группы. Главная проблема, волновавшая дворянство — с землей или без земли давать крестьянам свободу и кто будет решать этот вопрос

¹⁴ *Oliván F.* Apéndice que contiene cierto numero de despachos enviados... por Secor Duque de Osuna. В: *Oliván F.* Op. cit. P. 45–116.

¹⁵ Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 2. М., 1997. С. 176, 179, 183–184, 187–188.

¹⁶ *Oliván F.* Op. cit. P. 46.

окончательно. Император был сторонником первого решения. Указ предполагалось опубликовать 19 февраля 1861 г.¹⁷ Как сообщал герцог де Осуна в донесении от 16/4 февраля 1861 г., «знать в общем недовольна, ибо хотя она и не хочет противиться освобождению. . . — она желала бы, чтобы мера сия проводилась на иной основе, поскольку все или большая часть из 125 тысяч собственников в России окажутся разорены. . .». «По сему поводу царит большое брожение, и опасаются серьезных беспорядков», — сообщал в этом же донесении де Осуна.¹⁸ Но в донесении от 18 марта/ 6 марта 1861 г. он отмечал, что обнародование документа об отмене крепостного права задержали на месяц, вероятно готовясь к беспорядкам. Однако после оглашения манифеста в церквях никаких беспорядков [в стране — *А. П.*] не произошло, хотя «дворянство в кулуарах по-прежнему продолжает выражать недовольство реформой».¹⁹ О недовольстве реформой многих собственников испанский дипломат упоминал и в донесении от 6 марта/ 22 февраля 1862 г. В частности он сообщал о дворянских собраниях (*La Asamblea de la Nobleza*) как в столице, так и в провинции, где осуждалась реформа. Он отмечал, что сопротивление проведению реформы есть везде, в частности он ссылаясь на пример Твери, где были «проведены аресты служащих и мировых судей, отказавшихся осуществлять на практике Уложение». Ситуация с реформами весьма сложная, хотя «эта реформа России, по мнению всех европейцев [и по мнению де Осуны — *А. П.*] нужна. . . для движения этой империи по пути цивилизации и прогресса», — писал де Осуна в указанном донесении.²⁰

В середине 1860-х гг. в центре внимания герцога де Осуны — попытка русского дворянства расширить свои права в управлении страной в связи с введением в действие Положения о земских учреждениях. В донесении от 27 января/ 15 января 1865 г. испанский дипломат сообщал о дворянском собрании (*La Asamblea de la Nobleza*) в Москве, которое 270 голосами против 36 приняло обращение к русскому императору с предложением создать представительный орган власти, «что придаст силы империи и отдалит революцию».²¹ Называя это предложение в донесении от 1 февра-

¹⁷Ibid. P. 58–59.

¹⁸Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 2. М., 1997. С. 179.

¹⁹*Oliván F.* Op. cit. P. 62–63.

²⁰Ibid. P. 60–62.

²¹Ibid. P. 75–76. Де Осуна имел в виду предложение московского дворянского

ля/ 20 января 1865 г. «настоящим политическим событием», герцог де Осуна, однако, предлагал не переоценивать его значения, поскольку «дворянство в данном случае не является незаинтересованной стороной, напротив, оно движимо главным образом интересами своего сословия, выдвигаемые им идеи. . . направлены на исполнение его желаний. . . и защиту его собственных интересов». Причем он подчеркивал, что таково не только «его личное мнение». Далее он отмечал, что либеральные идеи с большим трудом прививаются в России, так как здесь нет «настоящего среднего слоя (la clase media)». «Русское дворянство главным образом инстинктивно, и только потом по убеждению, день за днем проникаясь духом свободы, который повсюду господствует в Европе. . . пожелало встать во главе реформаторского движения, которое начато администрацией и должно привести русский народ к окончательному завоеванию политических свобод. . .». «Последствия этого альянса [императора и дворянства — А. П.] . . . , по крайней мере пока, не ясны и их результат не столь очевиден, как предполагают его сторонники». Эту ситуацию де Осуна характеризовал как «политический кризис», поскольку окружение императора отказалось обсуждать предложение дворянства о расширении права участия некоторых дворян в делах губернских земских собраний. По сообщению де Осуны, этот отказ был связан в первую очередь с тем, что в пылу дискуссии участники заседания позволили себе неллицеприятные высказывания в адрес представителей императора, присутствовавших на заседании. Он одобрительно отнесся к демаршу императорского окружения, поскольку «даже в странах с либеральными институтами такого рода высказывания вряд ли были бы позволительными». Дворянское собрание хотело послать представителей для подачи петиции императору, но по сведениям де Осуны император откажется их принять, что, по его мнению, вполне оправдано. В следующем донесении де Осуна сообщал о провале решения собрания послать делегацию к императору, так как не удалось собрать достаточное количество представителей. А император «своим рескриптом запретил дворянским собраниям по всей России вмешиваться в дела, имеющие общегосударственное значение. По мнению

собрания от 11 января 1865 г. «довершить государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земель русских для обсуждения нужд, общих всему государству», а также второго собрания из представителей только дворянского сословия.

части дворянства, он урезал его права», — сообщал де Осуна в февралe 1865 г. В донесении от 16 января/ 2 января 1865 г. де Осуна сообщал о назначении председателем Государственного Совета великого князя Константина «многие не одобряют этот выбор... более подходящей кандидатурой был бы князь Гагарин, который... ранее уже доказал свою способность понимать требование времени». 29 марта/ 17 марта 1865 г. испанский дипломат обратил внимание на преследование прессы, которая сообщила о запрете императором заседания дворянского собрания в Москве и опубликовала речи участников этого заседания. По сообщению де Осуны издатели были приговорены к двум месяцам заключения, «причем не по политическим мотивам, а по обвинению в том, что выпустили газету в обход цензуры». Де Осуна был уверен в том, что «серьезных последствий этот инцидент иметь не будет, поскольку престиж и популярность императора в стране велики».²²

В 1866 г. испанский дипломат вновь обратил внимание на стремление дворянства расширить свое участие в управлении страной. По сообщению герцога де Осуны, в мае 1866 г. имела место попытка дворянского (благородного) собрания столицы (*La Asamblea de la Nobleza*) предъявить императору требования подобного рода. К их числу относилось требование представительства столичного собрания в Сенате и Госсовете через посредство постоянных комиссий, права представителей губернских собраний контролировать деятельность губернаторов, а также направления всех петиций губернских собраний непосредственно императору. Однако эти требования, как сообщал дипломат, не нашли поддержки наверху. «Великий князь Константин, — как писал де Осуна, — настаивал на упразднении дворянских собраний... как устаревших и несоответствующих веяниям времени». Однако император ограничился лишь досрочным закрытием сессии собрания. По мнению де Осуны, и «этого не надо было делать, так как нет ничего опасного для этой страны в некотором расширении совещательного органа... безобидные дискуссии в нем вряд ли будут иметь значительный отклик в массах». Но «видимо, император и так сделал слишком много уступок», — замечал испанский дипломат.²³

Суд над покушавшимся на императора России в Париже Бе-

²²Ibid. P. 76–83.

²³Ibid. P. 98–99.

резовским и приговор французских судей вызвал неоднозначную реакцию в России, и привлек внимание де Осуны по нескольким причинам, одной из которых было отношение русской общественности к судебной реформе Александра II. «Многие, и их немало, приняли умеренный приговор французского суда, как свидетельство полной независимости французского правосудия», — писал де Осуна. Другие считают его неправильным и видят в этом приговоре «давление на судей со стороны французского правительства».²⁴

В своих донесениях испанский дипломат отмечал положительные изменения, которые произошли в русской армии и флоте после Крымской войны. В донесениях за 1865 г. он сообщал об увиденном им на маневрах. По его мнению, «превосходная конструкция кораблей, впечатляющее вооружение, прекрасно обученные экипажи — вещи, заслуживающие пристального внимания». «Поход русского флота в августе 1865 г. из Кронштадта в Карлсруэ под командованием великого князя Константина... — замечал де Осуна, — призван продемонстрировать Англии и Франции растущую мощь русского флота». Те же чувства испытал испанский дипломат наблюдая маневры русской армии в Красном Селе. Особое восхищение вызвала у него русская артиллерия, в которой «используются новейшие технические достижения». Реформа русской армии и флота привела, по мнению испанского дипломата, к столь блестящим результатам, что он попросил прислать в испанское посольство специального офицера для изучения достижений русской армии.²⁵

Заметил испанский дипломат и положительную динамику в развитии экономики России, отмечая активизацию строительства железных дорог в 1856–1865 гг.²⁶

Таким образом в донесениях де Осуны Россия 1858–1868 гг. предстает динамично развивающейся державой, которая проявила способность к возрождению после поражения в Крымской войне. Он одобрительно отзывался о происходящих в стране преобразованиях, обращая в то же время внимание на проблемы и противоречия, возникавшие в ходе реформ. Главным реформатором в России он считал Александра II, к которому относился с большой симпатией. В своих донесениях он также подчеркивал большую роль в преобразованиях в армии и флоте великого князя Константи-

²⁴Ibid. P. 90–91.

²⁵Ibid. P. 92–95.

²⁶Ibid. P. 81.

на. Хотя де Осуна и не чужд типичного для европейцев той поры представления о России, как стране нуждавшейся в наставлениях со стороны Запада, он все же с большим уважением относился к особенностям ее развития.

Но, пожалуй, наибольший интерес и огромное уважение герцога де Осуны вызывала твердая и четкая политика России на международной арене. В этой сфере для него непререкаемым авторитетом был А. М. Горчаков, который в сложных условиях умело и решительно защищал национальные интересы России, что порой резко контрастировало с внешней политикой Испании, находившейся в сходной с Россией ситуации.

В частности, в важном для Испании итальянском вопросе позиция России была совсем не похожа на позицию поверженной и второстепенной державы Европы. В отличие от Испании, занявшей неопределенную позицию по вопросу объединения Италии, Россия поддержала просьбу Кавура о созыве международного конгресса по итальянскому вопросу. Об этом герцог де Осуна сообщал в своем донесении от 30/18 марта 1859 г. Однако в то же время, как сообщал дипломат, «чтобы избежать общеевропейской войны», Россия отказалась предоставить Сардинии право решающего голоса на этом конгрессе.²⁷ Россия также выступила в 1859 г. и против вмешательства Пруссии в борьбу Австрии и Франции в Италии, что, по мнению де Осуны, «означает, что Россия сделает все, чтобы сохранить равновесие как в отношениях между Францией и Австрией, так и между Австрией и Пруссией». «Прекращение войны в Италии (донесение от 15/3 июля 1859 г.) вызвало глубокое удовлетворение в петербургском обществе, ... но не в официальных кругах». В качестве мотивов этого недовольства он называл «заклучение мира без участия великих держав и на принципах, которые никого не устроили».²⁸ В донесениях 1860 г. испанский дипломат с удовлетворением сообщал о разрыве дипломатических отношений России и Пьемонта по причине вступления сардинских войск в Неаполь, но в то же время он отмечал удивление А. М. Горчакова по поводу того, что разрыв отношений Испании с Сардинией затянулся.²⁹

В донесениях за 1864 и 1866 гг. герцог де Осуна обратил внимание своего правительства на обострение австро-пруссских проти-

²⁷Ibid. P. 47–49.

²⁸Ibid. P. 49–51, 51–52.

²⁹Ibid. P. 55, 58.

воречий из-за Шлезвига и Гольштейна, что «вызвало при здешнем дворе большую обеспокоенность». А австро-прусская война 1866 г. вызвала уже «большую тревогу». Однако «здешнее правительство пока стремиться сохранить свободу действий на случай, если что-либо будет угрожать его нейтралитету», — писал де Осуна в донесении от 9 апреля/28 марта 1866 г. Однако уже в 1867 г. в связи с ухудшением франко-пруссских отношений он отмечал, что в России «уже готовятся к возможности склониться в сторону той великой силы, которую последние события создали в Германии, в качестве мести за неудачу России в Крымской кампании».³⁰

Еще одна проблема занимает большое место в донесениях герцога де Осуны — это польская проблема. Польша в тот период являлась частью Российской империи, однако польское восстание 1863 г. имело широкий международный резонанс и польский вопрос в середине 60-х годов превратился в проблему общеевропейского характера. Разное отношение к событиям в Польше привело к ухудшению отношений России с Англией и Францией. В частности, попытка вмешательства в польские дела посла Франции в России Талейрана вызвала гнев А. М. Горчакова, а затем и требование заменить его другим дипломатом. По сообщению де Осуны, Горчаков заявил, «что никогда и ни под каким предлогом здешнее правительство не потерпит вмешательства в его внутренние дела» (донесение от 29/17 марта 1865 г.). Эти действия российского канцлера испанский дипломат одобрял прежде всего по тому, что они свидетельствовали о стремлении России защищать свои национальные интересы, даже если это неминуемо приведет к потере союзника.³¹ Впрочем в целом ряде предшествующих и последующих донесений герцог де Осуна показал, как постепенно Франция и Россия расходились во взглядах на целый ряд международных проблем будь то проблема объединения Италии, отношения между Австрией и Пруссией, Балканы или Польша. Например, приговор французских судей Березовскому явно не устроил российские власти, что в качестве отдаленного последствия, по мнению испанца, лишь ухудшит российско-французские отношения.³² Однако, как уже отмечалось ранее, умение А. М. Горчакова лавировать, по мнению де Осуны, не оставит Россию без союзника и в случае разрыва отношений с

³⁰Ibid. P. 64–65, 96, 97, 103–104.

³¹Ibid. P. 81–82, 90.

³²Ibid. P. 90.

Францией. Более того в одном из донесений герцог де Осуна писал: «Когда Россия обретет равновесие... нас ждет раздел Австрии. Общественное мнение страны настроено на такой результат».³³

Польский вопрос интересовал испанского дипломата не только в связи с его влиянием на развитие международных отношений. Он также пытался понять причины его возникновения и определить, что мешает его решению. Этому посвящено специальное донесение от 20 августа/8 августа 1867 г. По мнению де Осуны, «поляки сами виноваты в трех разделах Польши», ведь «до 1772 г. у Польши не было четко определенных границ, ни естественных, ни искусственных, то есть были поляки, но не было Польши». Было несколько постоянно соперничающих территорий и кланов. Александр I, по мнению де Осуны, «сделал для поляков больше, чем для собственных подданных». И все равно «Польша никогда не будет русской», потому что «поляки более цивилизованны, чем русские». Более того, если бы поляки смирили свой мятежный дух и попытались стать интеллектуальными наставниками и властителями русских, то они могли бы стать мирными завоевателями своих победителей и послужить связующим звеном между Западом и Востоком...», — писал в донесении испанский дипломат. Ведь именно поляки создали первый университет в Центральной Европе, а на польском троне побывали представители почти всех правящих ныне европейских династий.³⁴ Но и Россия должна осуществлять в Польше более либеральную политику, замечал он далее. Впрочем, император вынужден прислушиваться, как отмечал в 1866 г. герцог де Осуна, «к русским националистам, которые сейчас весьма могущественны». Они, писал далее де Осуна, требуют «унификации законов и предпочтения только по отношению к русским».³⁵

В донесениях испанского дипломата нашла отражение и политика России на Балканах. В частности, в ряде донесений за 1866 г. де Осуна обратил внимание на наличие в правительстве страны сторонников «открытой поддержки восставших [жителей Крита — А. П.]... деньгами и оружием». Но император согласился с Горчаковым, который, по сообщению де Осуны, заявил, «что для похода на Константинополь нужно огромное количество людей и денег, и надо умерить аппетиты». Однако, — сообщал де Осуна в другом до-

³³Ibid. P. 115

³⁴Ibid. P. 107–110

³⁵Ibid. P. 96.

несении, - «императорское правительство продолжает симпатизировать восставшим. В столице открыты подписные листы для оказания им помощи». Испанский дипломат также отмечал возможность сближения Санкт-Петербурга и Берлина по проблеме Балкан на основе враждебного отношения к Австрии.³⁶

Политика России в Азии занимает в опубликованных донесениях герцога де Осуны не столь большое место, как отношения с европейскими державами. Однако в донесении от 2 августа 1858 г. он упоминал о заключении торгового договора между Россией и Китаем, отмечая, однако, что, хотя для русских товаров и будут отныне открыты китайские порты, в нем нет целого ряда привилегий, которые по аналогичным договорам получили Англия и Франция.³⁷ А в донесении от 8 августа/21 июля 1865 г. обращал внимание на действия России на Кавказе и в Средней Азии, указывая на то, что они были вызваны разными причинами.³⁸

Интересовали испанского дипломата и дела России в Америке, в частности проблема Аляски, которая в 1867 г. была продана, согласно де Осуне, США за 35.000.000 франков. По его мнению, это было правильное решение, так как России Аляску «было не удержать по причине больших расходов и трудностей топографического [термин герцога де Осуны. — *А. П.*] характера». «Японцам повезло меньше, — отмечал далее де Осуна. — Они хотели купить у России часть острова близ тихоокеанского побережья России». Но «император им отказал, так как Россия не может терять своих стратегических позиций в Сибири и на тихоокеанском побережье Азии».³⁹

В одном из донесений герцога де Осуны от 31 марта/12 марта 1860 г. упоминалась в связи с внешней политикой России и болезненная и актуальная для Испании в районе Америки проблема Кубы. Дело в том, что в 1851 г. Россия помогла Испании в разрешении конфликта с США по этому вопросу и испанцы надеялись на дальнейшее сотрудничество с Россией в урегулировании данной, пока не решенной проблемы. Поэтому очень серьезное беспокойство у испанского дипломата вызвала публикация без комментариев в петербургских газетах известия из Нью-Йорка, в котором утвер-

³⁶Ibid. P. 100–102.

³⁷Ibid. P. 45.

³⁸Ibid. P. 91.

³⁹Ibid. P. 104

ждалось, что Испания согласна уступить о. Куба США. Герцог де Осуна испрашивал разрешения правительства дезавуировать эти слухи.⁴⁰

Завершая рассмотрение освещения испанским дипломатом внешней политики России в 1858–1868 гг., необходимо отметить, что все внешнеполитические действия России рассматривались им прежде всего через призму их влияния на франко-русские отношения, поскольку российским дипломатам в Испании вплоть до 1863 г., и испанским дипломатам в России рекомендовалось действовать в контакте с Францией. Однако, и это отмечал герцог де Осуна, уже по итальянскому вопросу в 1859–1860 гг. Россия занимала вполне самостоятельную позицию. А по мере того, как политика Франции на международной арене все больше противоречила национальным интересам России, отчуждение между ними нарастало (польский вопрос, австро-прусские отношения, Балканы). Россия, сохраняя нейтралитет, действовала в международных делах без оглядки на Францию или какую-нибудь другую державу. И такая позиция России импонировала испанскому дипломату. Правильность внешнеполитических решений, принимаемых императором Александром II и канцлером А. М. Горчаковым, у него ни разу не вызвала сомнений. И это особенно показательно, если иметь ввиду, что Испания с начала 60-х гг. XIX века окончательно оказалась в фарватере внешней политики Франции, втягиваясь в бесконечные авантюры Наполеона III, и о попытке проводить подлинно независимую внешнюю политику к 1868 г. в Испании уже забыли.

Оценивая взгляд герцога де Осуны на Россию в начальный период реформ, необходимо отметить, что в его донесениях преобладало стремление объективно осветить происходившие в стране изменения. Он пытался разобраться в аргументах как реформаторов, так и их противников. Преобразования внутри страны он прочно связывал с императором Александром II, которого де Осуна считал не только инициатором реформ, но и главным либералом России. В вопросах внешней политики для испанского дипломата безусловным авторитетом являлся канцлер А. М. Горчаков. Ему импонировала твердость и решительность канцлера в отстаивании интересов России в сложных условиях политической изоляции страны

⁴⁰Ibid. P. 54

после Крымской войны, умение не замыкаться на одном направлении внешней политики.

Таким образом, Россия в имеющихся в нашем распоряжении донесениях герцога де Осуны, представителя высшей аристократии Испании, близкого к королеве Изабелле II, не являющегося карьерным дипломатом, предстает страной, которая не без проблем, но с достоинством, оставаясь великой державой, прежде всего благодаря Александру II и А. М. Горчакову, выходит из того сложного положения, в котором она оказалась после Крымской войны.

К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

С началом 30 ноября 1939 г. советско-финляндской войны на севере Европы неожиданно для СССР возникла перспектива возможного участия в этой войне на стороне Финляндии вооруженных сил Англии и Франции. Эта ситуация объективно стала обозначаться в конце декабря 1939 г., а зимой и ранней весной 1940 г. превратилась в военно-политическом планировании западных союзников в достаточно актуальную проблему. Однако в научной и исторической литературе до сих пор полностью не раскрыта проблема этапности того, как менялись в этом отношении взгляды английского и французского руководства на возможность направления на север Европы их войск, а также какова была позиция Финляндии по отношению к динамично меняющимся замыслам западных союзников.

Тем не менее, открытие ранее секретных дипломатических фондов финляндских архивов, а также протоколов заседаний внешнеполитической комиссии правительства этой страны в годы т.н. «зимней войны» позволяют уже более-менее ясно дать соответствующие ответы на не до конца освященные в историографии вопросы.

И первое, что, очевидно, следует учитывать: перспектива оказания вооруженной помощи Финляндии в войне против Советского Союза французским и английским руководством претерпела соответствующую эволюцию.

В начале, когда, собственно, возникла война, большинство зарубежных политиков и военных специалистов глубоко сомневалось, что финская армия была способна выдержать натиск советских войск. Поэтому в первой половине декабря 1939 г. западные государства лишь определяли степень своего вмешательства в войну с учетом собственных интересов и возможных последствий.

Однако явные неудачи частей Красной Армии на начальной стадии войны, несомненно, стали подталкивать западных союзников к более решительным действиям. «Неожиданный поворот», как оценил В. Черчилль, ход войны в Финляндии¹ побудил Великобрита-

¹ *Churchill W.* The Second World War. London 1948. Vol. 1. P. 429.

нию и Францию по-иному взглянуть на свои возможности в Северной Европе. По словам посланника Финляндии в Великобритании Г. Грипенберга, интерес англичан к советско-финляндской войне через неделю после ее начала «возрос так, что они забыли о своей собственной».² В Форин Офис тогда стали считать, что «Финляндию надо было сковать затежным конфликтом с Советским Союзом, а Скандинавию предохранить от нападения русских и, возможно, немцев...».³ В этом плане определяющим в политике Лондона, да и Парижа казалась реальная идея отвлечь внимание Гитлера от западного фронта и добиться втягивания на свою сторону в войну нейтральных скандинавских стран. Но это могло произойти только в том случае, если война длилась бы продолжительное время, что во многом зависело от стойкости финских войск, которым требовалось усилить помощь.

Наиболее благоприятным в данном случае для перспектив эскалации войны стали решения Лиги наций. Используя обращение к ней финляндского правительства, западные государства взяли курс на применение жестких санкций по отношению к Советскому Союзу, что полностью ликвидировало бы возможность попыток мирного улаживания возникшего конфликта. При этом линия, которую теперь стремились проводить через Лигу наций, была достаточно очевидной. По мнению, высказанному одним из германских дипломатов в Швейцарии, если бы Лига наций санкционировала необходимость объявления всеми ее членами войны Советскому Союзу, то это в первую очередь «принудило бы северные государства включиться в войну, главная тяжесть которой легла бы тогда на этих новых союзников» западных стран.⁴

В Скандинавии, конечно, все это хорошо понимали. Поэтому, нежелая участвовать в войне, там явно стремились все же добиться мирного разрешения возникшей весьма не простой ситуации.

Однако 14 декабря, в соответствии со стремлением Лондона и Парижа, Советский Союз был исключен из Лиги наций. Это решение, безусловно, дало возможность западным державам более активно поддерживать Финляндию. За день до этого английский посланник в Хельсинки информировал свое правительство, что фин-

² *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. Porvoo; Hels., 1960. S. 89.*

³ *Nevakivi J. Apu, jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 100.*

⁴ *Kansallisarkisto. (KA). Auswartiges Amt, Bufo des Staatssekretars. B18/B 3221.*

ский министр иностранных дел В. Таннер выразил твердую надежду на получение военной помощи от западных стран и в частности посылку в Петсамо польских военных кораблей.⁵ Более того, по указанию своего правительства, Грипенберг уже начал переговоры о том, чтобы находившимся в Англии судам польского военного флота «дали распоряжение начать военные действия против Петсамо и Мурманска».⁶

Иными словами, финское руководство энергично поддержало обозначившееся стремление западных союзников оказать Финляндии более эффективной помощи в борьбе против СССР, что было тогда для Хельсинки вполне естественным. Это, с другой стороны, полностью устраивало Лондон и Париж, где энергично пытались использовать в своих целях начавшуюся войну.

Вечером 14 декабря французский посол в Англии поставил вопрос о совместных англо-французских действиях для поддержки Финляндии, предложив «связать на Севере силы Советского Союза»,⁷ а на следующий день премьер-министр Франции Э. Даладьё принял финских представителей в Париже посланника Х. Холма и полковника А. Паасонена, заявив им о своей готовности «разорвать отношения с Советским Союзом, если англичане сделают то же самое».⁸ Глава французского кабинета выразил, кроме того, готовность направить Финляндии 30 новых истребителей и предложить Швеции и Норвегии поддержать предоставление ей военной помощи.⁹

Одновременно через Лигу наций финское руководство стало получать запросы о том, чтобы «как можно быстрее предоставить необходимые сведения о помощи», которую Финляндия стремиться конкретно получить.¹⁰ С другой стороны, западные союзники уже сами начали требовать от Хельсинки представить им «соответствующие «секции» картографированной части России для возможного их использования». Как объяснялось Финляндии, «это облегчит вооруженным силам всех государств противостоять агресс-

⁵Цит. по: *Nevakivi J. Apu, jota ei pyydetty*. S. 133.

⁶Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109. С 2е. Телеграмма в Лондон из МИДа, 14.12.1939; *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma*. S. 94.

⁷*Nevakivi J. Apu, jota ei pyydetty*. S. 94.

⁸*Ibid.* S. 105; *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupaallikkönä ja hallituksen asiamiehenä*. Hels., 1974. S. 84.

⁹*Nevakivi J. Apu, jota ei pyydetty*. S. 106.

¹⁰UM. 109. С 6а. Телеграмма из Женевы в Хельсинки, 16.12.1939.

сии». ¹¹ Иными словами, финскому руководству давалось понять, что на Западе весьма решительно настроены и готовы даже вмешаться в начавшуюся войну против Советского Союза.

Показательным при этом стало также и то, что в последующие дни активность правительств Франции и Англии в данном направлении все больше нарастала. Теперь уже вообще начал ставиться вопрос о прямом вооруженном вмешательстве этих стран в советско-финляндскую войну. 19 декабря на заседании Высшего военного совета в Париже Даладье выступил с предложением направить в Финляндию англо-французские экспедиционные войска. Оно не вызвало особых возражений, но, естественно, его реализация требовала подготовки.

В данном случае, очевидно, для Великобритании и Франции прежде всего было главным в условиях начавшейся советско-финляндской войны занять ключевые позиции на скандинавском плацдарме, используя при этом «взаимные симпатии народов Швеции, Норвегии и Финляндии как средство добиться от правительств этих стран согласия на ввод союзных войск». ¹² Не случайно поэтому, западные державы практически одновременно стали обдумывать свои планы оккупации ключевых районов Скандинавии. 20 декабря в Париже в развитие решений, принятых Высшим военным советом союзников, уже начали рассматривать вопрос о захвате Северной Швеции. ¹³ Но конкретно проблема, связанная с направлением в Финляндию войск западных держав, не была еще решена. ¹⁴

О достигнутых тогда в военных кругах союзников договоренностей был поставлен в известность финский посланник в Париже Х. Холма, который в свою очередь передал эту информацию в Хельсинки. В телеграмме указывалось, что «Высший совет Франции и Англии единодушно решил направить в помощь Финляндии французские и английские войска, если Швеция и Норвегия примкнут к финляндской войне». ¹⁵

Из текста телеграммы финское руководство очевидно могло понять, что вооруженная поддержка Финляндии гарантирована и

¹¹ Ibid. Телеграмма Холсти в МИД, 16.12.1939.

¹² *Батлер Д.* Большая стратегия. М., 1959. С. 110.

¹³ *Nevakivi J.* Ару, jota ei pyydetty. S. 109.

¹⁴ Ibid. S. 110.

¹⁵ УМ. 109. С 2е. Телеграмма в МИД, 19.12.1939.

остаётся только «в первый и последний раз запросить у Англии и Франции прямую военную помощь».¹⁶ Ответ из Хельсинки последовал 22 декабря. Посланникам в Лондоне и Париже указывалось на необходимости «выяснить, как далее будут развиваться упомянутые планы и в чем их важнейшее содержание». Ещё запрашивалось то, что со стороны «Хельсинки можно сделать».¹⁷

Таким образом, явно обозначился прогресс в развитии идеи активной военной поддержки Финляндии со стороны Запада в ее войне против СССР. Финские представители в Париже посланник Х. Холма и полковник А. Паасонен, срочно встретившись на следующий день с Э. Даладьё. Они проинформировали премьер-министра Франции о заинтересованности Финляндии в получении более конкретных сведений о предполагаемой ей помощи.¹⁸ Тогда ими докладывалось в Хельсинки: «Хотели выжать еще больше прежнего сведения о помощи нам и о давлении на Стокгольм и Осло».¹⁹ Но Даладьё «доверительно сказал», что он лишь только намеревается на следующий день выехать в Лондон «для нового обдумывания помощи морским путем». Это уже явно указывало на неокончателность решения союзников по данному вопросу, хотя, как выяснили Холма и Паасонен, в стратегические планы Даладьё входило желание вообще «нанести решительное поражение Красной Армии».²⁰ Для этого, согласно телеграмме, направленной тогда в Хельсинки, он надеялся, что будет достаточно использовать на севере Европы лишь ограниченные силы «польских, а, возможно, и канадских альпийских егерей», а также испанских добровольцев, поскольку, объяснял это, Даладьё, «Англия не хочет разрывать отношения с Москвой».²¹

В результате становилось ясным, что ближайшие перспективы получения военной помощи от стран Запада были для Финляндии пока достаточно призрачными. Единственное, что казалось для Хельсинки более-менее понятным, заключалось лишь в весьма деятельном участии в решении этого вопроса руководства Франции.

¹⁶ *Nevakivi J.* Apu, jota ei pyydetty. S. 107.

¹⁷ UM. 109. С 2е. Телеграмма в Лондон и Париж из МИД'а, 22.12.1939; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма в Лондон из МИД'а, 22.12.1939.

¹⁸ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupaallikkönä ja hallituksen asiamehena. S. 96.

¹⁹ UM. 109. С 2а. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

Даладье на заседании Совета министров, как докладывали 24 декабря финские представители, дал «жесткие указания поспешить с помощью». ²² Но в проведении своей политики Париж твердо стремиться достигнуть согласованной линии с англичанами, хотя сама эта «активная позиция Д[аладье], — по мнению финских дипломатов, — была весьма ценна для нас». ²³

То, что пока согласованной линии у союзников не было свидетельствовала также произошедшая в это время у финских представителей в Париже встреча с заместителем председателя Высшего военного совета, главнокомандующим союзными войсками во Франции М. Г. Гамеленом. Он тоже только обещал «изучить, можно ли увеличить обещанную военную помощь» и подтвердил, что союзники пока еще «не приняли никакого окончательного решения». ²⁴

При такой постановке вопроса, естественно, в Хельсинки трудно было рассчитывать на серьезную военную поддержку со стороны Лондона и Парижа. Единственное, что могло вселить несколько уверенность в возможность получения от Запада действенной помощи стало стремление Англии и Франции все-таки направить в Финляндию военных экспертов для изучения возможных перспектив высадки союзных войск на севере Европы.

Уже 23 декабря в Ставку к Маннергейму был направлен представитель французских вооруженных сил подполковник Ж. Ганеваль, который должен был соответственно «изучить обстановку». ²⁵ Он оказался как бы «личным представителем главнокомандующего вооруженными силами страны генерала М. Гамелена при маршале Маннергейме». ²⁶ Чуть позже, 27 декабря уже поступила срочная информация о выезде также из Великобритании в Финляндию генерала генштаба, который «должен будет обсудить с Маннергеймом обстановку, чтобы иметь ясное представление, что может сделать Англия для оказания помощи». ²⁷ Эта информация уси-

²²Ibid. С 2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 24.12.1939; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 24.12.1939.

²³Ibid.

²⁴Ibid. С 2а. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939; Донесение Холма из Парижа министру иностранных дел В. Таннеру, 31.12.1939.

²⁵Ibid. С 2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 23.12.1939.

²⁶Nevakivi J. Ranskan Suomelle talvisodan 1939–1940 aikana tarjoamasta sotilasavusta // Taide ja ase. 1976. № 34. С. 100.

²⁷UM. 109. С 2с. Телеграмма из Лондона в МИД, 27.12.1939.

ливалась еще и запросом из Лондона относительно сведений «о новых местах базирования для самолетов и морских пристаней для высадки войск».²⁸ В последствии выяснилось, что английским посланцам в Финляндию должен был стать генерал К. Линг, которому, как докладывал финский представитель в Лондоне, нужно было «побеседовать с Маннергеймом не только о военных материалах и десантировании на кораблях у Мурманска, но также и о политическом давлении на Советы».²⁹

Однако сам процесс, начавшегося согласования перспектив оказания военной помощи Финляндии, развивался явно медленно и крайне нерешительно. Пытаясь же разобраться в складывающейся обстановке финские дипломаты приходили к мнению, что Англия и Франция скорее готова была «побуждать Швецию и Норвегию всеми силами помогать Финляндии»,³⁰ но при этом сами еще к активным военным действиям приступать не спешили. Да и стремление оказать давление с этой целью на скандинавские страны также особенно быстрыми назвать было нельзя. В частности, по оценкам финских дипломатов, работавших в Париже, «Даладье не собирался предъявлять окончательного демарша в Стокгольм и Осло прежде чем мог быть уверенным в том, что Англия поступит также».³¹

Не придавало финскому руководству большого оптимизма и отношение к перспективам оказания Финляндии реальной военной поддержки со стороны скандинавских стран. Так, в частности, в то же самый день, когда Холма и Паасонен пытались выяснить в Париже возможность военной помощи, в Стокгольме министр иностранных дел Швеции К. Гюнтер встретился с финским посланником Э. Эркко и заявил, что «Швеция с тревогой рассматривает намерения Англии и Франции направить войска, опасаясь, что от этого будет больше ущерба, чем выгоды, поскольку помощь все же не станет эффективной и сузит для Швеции ее возможности».³² И хотя данное заявление не носило характера официального ответа

²⁸Ibid. Телеграмма из Стокгольма в МИД, 23.12.1939.

²⁹Ibid. Телеграмма из Лондона в МИД, 31.12.1939; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Лондона в МИД, 24.12.1939.

³⁰Ibid. С 2е. Телеграмма из МИД'а в Париж, 28.12.1939.

³¹Ibid. Донесение Холма из Парижа министру иностранных дел В. Таннеру, 31.12.1939.

³²Ibid. Телеграмма из Стокгольма в МИД, 23.12.1939.

на возможность высадки союзников на территории Скандинавии, было ясно, что «Швеция опасается расширения войны».³³ В конечном счете, чуть позже Швеция и Норвегия уже договорились о проведении общей линии, суть которой заключалась в том, чтобы не предоставлять Англии и Франции права десантировать свои войска на их территорию, но и не препятствовать транзитному передвижению в Финляндию иностранных военных грузов и «специалистов» в штатской одежде.³⁴

Тем временем, к концу декабря 1939 г. положение на советско-финляндском фронте окончательно стабилизировалось. Части Красной Армии прекратили наступательные действия. Более того, на ряде направлений в северно-восточной и северной части Финляндии они вынуждены были отступить, неся весьма серьезные потери. Такая ситуация в ходе продолжающейся войны открывала для западных союзников более реальные перспективы для осуществления обозначенных ранее планов. В результате, уже можно говорить о том, что в политике Великобритании и Франции наступал новый этап решения вопроса о перспективах оказания Финляндии военной помощи.

2 и 3 января 1940 г. заседания английского военного кабинета были конкретно посвящены обсуждению планов намечавшейся интервенции в Скандинавию. Однако вопрос о защите Финляндии не рассматривался в качестве первостепенной задачи. Считалось, что только после установления надежного контроля над норвежским портом Нарвиком, а также еще несколькими районами Северной Норвегии западные союзники смогут оказать поддержку Финляндии. «Если рекомендации начальников штабов будут приняты, — говорил 3 января на заседании военного кабинета английский маршал авиации С. Ньюолл, — то Скандинавия будет рассматриваться в настоящее время как решающий театр военных действий».³⁵

Кроме того, Лондон тогда еще стремился дать понять Советскому Союзу, что Англия намерена быть весьма решительной. Посол Великобритании У. Сидс покинул Москву. Официально было

³³Ibid.

³⁴*Manninen O. Suomi toisessa maailmansodassa. // Suomen historia. Espoo, 1987. Osa 7. S. 301.*

³⁵Цит. по: *Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма. М., 1987. С. 38.*

заявлено, что он отправился в отпуск «по состоянию здоровья», но комментарии английской прессы намекали на возможность разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом,³⁶ что привело бы к резкому обострению международной обстановки в Европе.

В складывавшейся ситуации многое зависело от того, какое окончательное решение примут скандинавские страны. К 3-4 января Париж и Лондон получили, наконец, официальный ответ от правительства Швеции по вопросу о вводе войск в Скандинавию. В нем было заявлено о нежелании Швеции участвовать в такого рода акции по оказанию помощи Финляндии. При принятии этого решения учитывалась вероятность вмешательства Германии уже на стадии подготовки союзников к высадке своего десанта на скандинавский плацдарм.³⁷

Тем временем в кругах государственного и военного руководства Финляндии продолжали пытаться разобраться в складывающейся весьма непростой ситуации вокруг начавшейся войны и с напряженным вниманием следили за тем, в каком направлении станут развиваться дипломатические события. Со своей стороны, в Хельсинки также старались, естественно, влиять на дальнейший процесс принятия решений как на Западе, так и в Скандинавии.

Поскольку становилось очевидным, что теперь многое уже будет зависеть от позиции Швеции и Норвегии, финские дипломаты начали переходить к более решительным действиям именно в этом направлении. 1 января министр иностранных дел Финляндии В. Таннер сделал, в частности, заявление, адресованное премьер-министру Швеции Хансону и министру обороны П. Э. Шельду. В нем он прямо обратился к шведскому государственному и военному руководству с просьбой оказать содействие ускорению процесса поставок вооружения из Англии в Финляндию, используя при этом военный потенциал Швеции.³⁸ Подобные просьбы очевидно демонстрировали желание финского руководства склонить шведское правительство к более активной поддержке Финляндии в войне и одновременно приблизить ее к реалиям англо-французского военного планирования на севере Европы. Более того, как сообщили 4 января К. Г. Маннергейму, помощь, которую могут оказать Англия и Франция, предусматривается как для Финляндии, так и «в интере-

³⁶ См.: Вопросы истории. 1950. № 3. С. 29–30.

³⁷ См.: Зимняя война 1939–1940. Политическая история. М., 1999. С. 270.

³⁸ УМ. 109.В2б. Телеграмма В. Таннера. Стокгольм, 1.1.1940.

сах Швеции и Норвегии». ³⁹ Единственно, что оставалось неясным, было главное, как же конкретно Запад намеревался осуществлять эффективную военную помощь Финляндии.

Судя по соображениям, высказанным в начале января в кругах руководства Финляндии, там скорее были заинтересованы прежде всего в таком повороте событий, при котором Запад вступил бы все же в войну против СССР вне зависимости от позиции скандинавских стран, а высадка их войск должна была произойти вовсе не на территории Скандинавии. Наиболее благоприятным для себя в Хельсинки видели перспективу высадки экспедиционных сил прямо на территории СССР. Конкретно речь шла о районе Мурманска.

Об этом ясно свидетельствует финская дипломатическая переписка начала января 1940 г. В ней четко обсуждался именно такой аспект возможности проведения англо-французской операций на Севере Европы. ⁴⁰ Показательно в данном отношении и заседание Государственного совета 2 января, где вполне определенно говорилось о целесообразности и возможности «высадки англичан в Мурманске». ⁴¹ Этот план предложил рассмотреть Маннергейм. Его поддержал генерал Р. Вальден. «Если Англия направит войска в Мурманск, — сказал он на этом заседании, — то мы сами сможем держать фронт здесь, южнее». Серьезных аргументов против таких соображений не оказалось. В итоге было решено считать «вопрос о мурманской экспедиции представляющим интерес и хорошим». ⁴²

После заседания Государственного совета на идее с «мурманской экспедицией» точка не была поставлена. В ходе переговоров с английским генералом К. Лингом Маннергейм убеждал его, что операция по захвату Мурманска «могла бы быть крупномасштабной, имеющей решающее значение, если она планировалась бы в глубину через Архангельск». ⁴³ Финской стороной было выражено мнение, что высадка в Мурманске англо-французских войск (двух дивизий) могла бы в корне изменить обстановку в

³⁹Ibid. 109. С2е.

⁴⁰См.: Ibid. С2d. Телеграмма из МИД'а в Вашингтон, 2.1.1940.

⁴¹КА. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 5.12.1939–21.03.1940.

⁴²Ibid.

⁴³UM. 109. С2е.

Европе. Отмечая целесообразность десанта непосредственно на советской территории, начальник генштаба финской армии генерал К.-Л. Эш аргументировал это следующим соображением: «Самостоятельная операция на архангельском направлении, осуществляемая далеко от наших границ, имела бы для нас значительно большее значение, не позволяя тем самым втянуть нас в мировую войну».⁴⁴

Возвратившись в Лондон, генерал Линг доложил высшему военному и государственному руководству о финских предложениях. Он также сообщил, что Маннергейм поставил вопрос о необходимости направить в Финляндию как минимум 30 тыс. войск. Представитель французских вооруженных сил подполковник Ж. Ганеваль, также вернувшийся тогда из Финляндии, подтвердил в Париже, что маршал весьма серьезно озабочен недостатком войск. Он «дал мне понять, — сообщал Ганеваль, — что сопротивление финской армии начинает иссякать».⁴⁵ Полученные сведения требовали от Англии и Франции ускоренного принятия решений.

При этом следует учитывать, что в Финляндии все более обращали внимание на то, что именно Франция стала играть здесь центральную роль, активно выступая за оказание помощи Финляндии.⁴⁶ Очевидно, здесь большую роль начали играть личные встречи финских дипломатов с французским руководством. Так, в частности, 13 января они имели обстоятельную беседу с премьер-министром Франции Э. Даладье и подробно, «используя карту, докладывали о военной обстановке».⁴⁷ При этом в ходе беседы посланник Х. Холма сделал весьма примечательное заявление. Он сказал: «Несколько нелогично, с одной стороны, разъяснять, что показываемый Финляндией путь как парализовать силы Красной Армии может быть задачей почти мировой истории и, с другой стороны, говорить также, что нежелание Швеции является препятствием для реализации этой исторической задачи!». И далее, заметил Холма: «Необходимо, следовательно, использовать опыт, дающий возможность парализовать российскую армию и без Швеции, а для это-

⁴⁴Ibid.

⁴⁵*Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. S. 127.*

⁴⁶УМ. 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940.

⁴⁷Ibid. 109. С2е. Донесение посланника Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 14.01.1940.

го предлагается использовать морскую операцию с Северного пути (т. е. против района Мурманска. — В. Б.)». ⁴⁸ Реакция же Даладьё на это утверждение была в целом позитивная, но он опять отметил, что данные действия должны быть скоординированы с англичанами, хотя и «Лондон, — подчеркнул французский премьер, — явно склонился на это дело». ⁴⁹

Поддержка идеи подобного характера операции тогда уже начала активно обсуждаться на страницах зарубежной печати. ⁵⁰ Более того, финским представителям высказывали в этом отношении свою благосклонность и депутаты французского парламента, утверждая, что союзникам прежде всего необходимо «овладеть Мурманской железной дорогой,.. полностью перерезав ее». ⁵¹ Иными словами западные державы явно стали уточнять свои планы, сосредоточив усилия на разработке идеи десантирования войск в Заполярье и на севере Финляндии.

Как указывалось тогда в финском представительстве в Париже, дела, связанные с военным планированием союзников, с этого момента серьезно ускорились. «Мы знаем, — сообщалось в Хельсинки 14 января, — что Д[аладьё], после нашего посещения, пригласил к себе Гамелена и Дарлана и призвал их поспешить с морской операцией, изучив отправку войск в виде международной бригады». ⁵² Действительно, уже 15 января главнокомандующий французской армией генерал М. Гамелен направил премьер-министру Э. Даладьё записку, в которой изложил свои соображения о высадке союзных войск на севере Финляндии в районе Петсамо, с одновременным захватом портов и аэродромов на западном побережье Норвегии, а также возможном распространении операции и на территорию Швеции. ⁵³

Очевидно, этот замысел получил поддержку, потому что уже на следующий день во французском генштабе приступили к планиро-

⁴⁸Ibid.; Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940.

⁴⁹Цит. по: Ibid.

⁵⁰См.: Ibid. Сба. Донесение Р. Холсти из Женевы, 11.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 4.01.1939.

⁵¹Ibid. С2b. Донесение Х. Холма из Парижа В. Таннера, 18.01.1940.

⁵²Ibid. С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 14.01.1940. 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 14.01.1939.

⁵³Liddel Hart В. Н. History of the Second World War. P. 54–55.

ванию совместной операции, в частности, в районе Петсамо,⁵⁴ где в это время находились советские войска. Основой для операции послужили одобрение финской стороной действий англо-французских сил на ее территории и резолюция, принятая ранее в Лиге наций. Причем считалось, что высадка союзников на севере Финляндии политически является более предпочтительной, поскольку не требовала согласия скандинавских стран. Успешное же проведение десантной операции, наоборот, должно было, по мнению французских военных, «подтолкнуть тех к совместной борьбе».⁵⁵

В результате на данном этапе Париж всерьез взялся за идею проведения Петсамской операции. Причем казалось, что добиться согласия финского руководства на высадку экспедиционных войск в Северной Финляндии было не трудно. Представитель Маннергейма во Франции полковник А. Паасонен сам даже представил командующему французским флотом адмиралу Ф. Дарлану подготовленные финской ставкой соображения о плане проведения этой операции.⁵⁶ В них к тому же излагались цели Финляндии, выходявшие далеко за пределы чисто военных вопросов. Предусматривалось, что совместное наступление экспедиционных сил и финских войск на восток будет осуществляться на Кольском полуострове и в советской Карелии. Успешный исход данной операции должен был привести к «постепенному объединению» Финляндии и Карелии.⁵⁷ Однако Паасонен считал, что для осуществления Петсамской операции требовалось значительно увеличить мощь воздушных сил объединенных войск и уже тогда, не откладывая, направить для поддержки финской армии 3–4 полнокровные дивизии, способные вести боевые действия в зимних условиях.⁵⁸

Отношение адмирала Ф. Дарлана к изложенному финской стороной предложению было, по всей видимости, позитивным. По крайней мере, посланник Х. Холма отмечал, что «Дарлан пребывает в исключительном вдохновении от этой акции».⁵⁹ С учетом рекомендаций Паасонена он уже начал предусматривать в разраба-

⁵⁴См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1942–1945. М., 1963. Т. 1. С. 265; *Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty*. S. 134.

⁵⁵*Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 40.

⁵⁶*Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty*. S. 135.

⁵⁷*Ibid.* S. 135–136.

⁵⁸*Ibid.*

⁵⁹УМ. 109.С2б. Донесение посланника Х. Холма из Парижа В.Таннеру, 18.01.1940.

тываемом им плане доставку в район Петсамо 13–17 тыс. войск, используя для этого кроме специальных десантных судов, польские военные и торговые корабли, а также отчасти и финские транспорты. Но сами десантные войска, по мнению адмирала, должны были все же состоять не из регулярных частей английской и французской армий, а из имевшихся на Западе польских военнослужащих и других иностранных легионеров. Иными словами, предполагалось осуществлять наиболее ответственную первоначальную часть замысла, видимо недостаточными силами и к тому же «чужими руками».

Наступление из района Петсамо намечалось осуществлять на юг и юго-восток в направлении Кандалакши и Мурманской железной дороги, чтобы ее перерезать. К тому же планировалось в результате проведенной операции окружить до четырех советских дивизий. Далее, в случае успеха, англо-французское командование рассчитывало направить в Петсамо еще дополнительные «добровольческие войска».⁶⁰

Составление плана данной операции в Париже шло тогда, очевидно, весьма интенсивно. Об этом свидетельствовал факт запроса 21 января 1940 г. французами у Финляндии «для морской операции, направленной против России, данных об укреплениях в Северном Ледовитом океане, а также о метеорологической обстановке, состоянии аэродромов и возможностях наращивания авиационных сил».⁶¹ Все таким образом говорило о стремлении действительно готовить весьма масштабную операцию. Показательным же в данном случае являлось то, что запрашиваемые сведения были необходимы как в Париже, так и в Лондоне.⁶²

Судя по всему, намечавшийся план не мог все же считаться

⁶⁰*Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 135–136.

⁶¹УМ. 109.С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 21.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940. Видимо, таких сведений французскому командованию нужно было даже значительно больше, чем соответствующая разовая информация. Министр иностранных дел Финляндии В. Таннер, в своих мемуарах прямо отмечал, что в это время Холма «постоянно получал запросы об аэродромах, где могли совершать посадку самолеты, зимнем районе наших солдат и прочем». (*Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003. С. 214).

⁶²УМ. 109.С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 21.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940.

окончательным, поскольку он должен был быть согласован с англичанами. Поэтому еще 17 января Даладье направил французскому послу в Англии указание изложить суть предлагавшейся операции Галифаксу.⁶³

В Лондоне также тогда все больше внимания уделяли обстановке в Северной Европе. В Великобритании, как указывает финский историк профессор Ю. Невакиви, середину января можно вообще рассматривать «поворотной» в ее политике по отношению к «зимней войне». ⁶⁴ «Я чувствовал в эти дни, — подтверждал в своих мемуарах посланник Грипенберг, — как все более росло внимание официальных кругов к Финляндии». ⁶⁵ 22 января в министерстве обороны Англии с ним уже вели конкретные переговоры о перспективах направления экспедиционных войск в Финляндию.⁶⁶

То, что англичане начали все больше задумываться о возможности проведения десантной операции в Лапландии, свидетельствует также факт доставки им из Финляндии 27 января морских карт района Петсамо.⁶⁷ Это могло произойти только вследствие начала военно-морской разработки в планировании операции на финском северном побережье. Более того, 29 января на заседании кабинета министров Чемберлен довольно определенно заявил, что «события, видимо, ведут к тому, что союзники открыто вступят в боевые действия против России».⁶⁸

Иными словами, разработка операции по высадке союзников на севере Европы вступала в Париже и Лондоне в фазу конкретного обсуждения. Неслучайно, тогда началась и новая череда обмена визитами военных экспертов. Так в Ставку Маннергейма опять командировался английский генерал К. Линг,⁶⁹ а также запрашивалось о возможности приезда в Финляндию французского маршала А. Ф. Петена.⁷⁰ Кроме того, в Париж финское военное руковод-

⁶³ *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 112.*

⁶⁴ *Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. S. 128.*

⁶⁵ *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 113.*

⁶⁶ *Ibid. S. 98.*

⁶⁷ УМ. 109. С2е. МИД посольству в Лондоне (Доставка морских карт), 27.01.1940.

⁶⁸ Цит. по: *Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма. С. 41.*

⁶⁹ УМ. 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма Таннера Маннергейму, 2.02.1940.

⁷⁰ *Ibid. 109. С2с. Письмо В. Таннера в Ставку, 30.01.1940.*

ство направляет еще и генерала О. Энкеля.⁷¹ Он, очевидно, должен был по поручению Маннергейма продолжить переговоры с высшим военным руководством о перспективах действий экспедиционных войск.

Пытаясь разобраться тогда в хитросплетениях взаимоотношений союзников в вопросах оказания Финляндии военной помощи, финские дипломаты приходили к заключению, что в Великобритании приступили уже к комплектованию сил добровольцев, занимаясь их снаряжением и вооружением, в то время как во Франции сосредотачивалось внимание на создании международной бригады добровольцев.⁷²

В целом ситуация для финского руководства становилась все более конкретной. Это, по крайней мере, можно было определить из характера состоявшейся 29 января беседы Холма и Паасонена с премьером Франции Даладье. Глава французского правительства тогда передал финским представителям информацию, согласно которой уже «запланировано» отправить «как можно быстрее» в Финляндию «несколько дивизий» в численном составе около 50–60 тысяч человек и десантировать их транспортными кораблями в район Петсамо.⁷³ Причем, как указывалось в донесении, «если Швеция и Норвегия все еще против, то войска в Петсамо придут на кораблях под флагами Финляндии».⁷⁴ Однако, по сообщению финских дипломатов, более подробных сведений им получить у французского премьера так и не удалось. Им лишь «стало ясно, что Гамелен сам взялся составлять часть плана и что этот план затем будет на столе у Даладье».⁷⁵

Только через несколько дней из Парижа в финское министерство иностранных дел ушла еще одна совершенно секретная телеграмма, в которой сообщалось, что по мнению Даладье, «подготов-

⁷¹Ibid. С2b. Донесение Х.Холма из Парижа, 30.01.1940.

⁷²Ibid. 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Политическая информация МИД, 25.01.1940.

⁷³Ibid. С2b. Донесение Х.Холма из Парижа, 30.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940.

⁷⁴Ibid. Донесение Х.Холма из Парижа, 30.01.1940; С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940. *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. S. 117; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940.*

⁷⁵UM. С2b. Донесение Х.Холма из Парижа В.Таннеру, 30.01.1940.

ка к отправке сил осуществится в течении месяца».⁷⁶ Финны же со своей стороны пытались заручиться поддержкой Даладье, чтобы «по возможности быстро осуществить морскую операцию в Петсамо, которая бы закончилась освобождением Петсамо вплоть до Мурманского района и к которой бы присоединились авиационные соединения, а также свежие финские подразделения, перебрасываемые с южного направления в северную Финляндию и отчасти в освобождаемую Северную Карелию».⁷⁷

В результате, подводя итог состоявшимся тогда переговорам, финские представители указали на то, что их встречи с французским руководством проходили «при большом взаимопонимании и под знаком желания помочь».⁷⁸ Единственное, что несколько лишь настораживало в перспективах осуществления предложенного плана являлось утверждение, что в этом были «все еще против адмиралитет Англии и ее военное министерство», хотя «Даладье пытается энергично влиять на них».⁷⁹

Тем не менее, особая позиция Англии в данном вопросе находила свое подтверждение и на переговорах, которые состоялись с генералом Лингом в Ставке Маннергейма. Он тогда сообщил финскому военному руководству, что «английская операция против Мурманска, вероятно, будет невозможно осуществить». Такое заявление делало проблематичным уже и сам замысел проведения Петсамской операции в целом. Доводы же финской стороны, что «операция стала бы более крупной и приобрела бы, вероятно, решающее значение, если ее планировать ближе к Архангельску», не имели ни какого эффекта.⁸⁰

Естественно, что в Хельсинки, со своей стороны, стремились повлиять на англичан. Не случайно в финское представительство в Лондоне ушла соответствующая телеграмма с четким заданием посланнику Гипенбергу. В нем, в частности, предписывалось довести до сведения английского руководства, что, «поскольку наша война показывает крепость общества, а готовящиеся планы могут вестись длительное время, мы надеемся, что это будет способствовать под-

⁷⁶Ibid. 109. С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 4.2.1940; 110 J. Aaro Pakaslahden kokoelma. Телеграмма из Парижа в МИД, 4.02.1939.

⁷⁷Ibid. 109. С2b. Донесение Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 30.01.1940.

⁷⁸Ibid.

⁷⁹Ibid. 109. С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940.

⁸⁰Ibid. 109. С2с. Сообщение из Ставки министру иностранных дел, 6.02.1940.

готовке Англии, которая приведет в этом процессе к их реализации в выгодный момент».⁸¹ Одновременно в Хельсинки подчеркивали все же, что возможности финских войск не беспредельны и для сохранения их боевого потенциала, а также для ослабления напряженности на фронте финскому командованию необходимо «высвободить 3–4 дивизии». В этом отношении тогда ясно подчеркивалась важность проведения Петсамской операции.⁸²

В целом на данном этапе в принятии окончательных решений многое завесило от позиции Лондона. Показательным в этом отношении являлось то, что даже в Париже не только Даладье, но Гамелен энергично стремились добиться реальной поддержки англичан при проведении Петсамской операции. В частности, по предложению, сделанному 31 января французским генералом английскому командованию, следовало окончательно решить вопрос о высадке экспедиционных войск в Петсамо и развернуть активные боевые действия непосредственно вместе с частями финской армии.⁸³

В Великобритании же, однако, в военном министерстве не было единого мнения по поводу Петсамской операции. Здесь, очевидно, учитывалась вся трудность в ее осуществлении, предусматривавшем десантирование войск в крайне сложных географических условиях. Приводился также и такой довод: «Война будет заканчиваться, очевидно, не в Финляндии».⁸⁴

В результате 5 февраля на заседании Высшего военного совета позиция Англии была выражена довольно сдержанно. Когда Даладье сообщил, что, по информации Маннергейма, финский фронт без подкреплений в размере 20 тыс. человек сможет продержаться лишь до весны,⁸⁵ Чемберлен изложил точку зрения английского правительства. Обратив внимание на «трудности высадки в Петсамо», он стал настаивать на необходимости проведения десантной операции на севере Норвегии.⁸⁶ Главная цель, по его словам, заключалась не в широкомасштабной помощи Финляндии, а в вовлечении в войну против Германии скандинавских стран. Что же

⁸¹Ibid. 109. С2е. Телеграмма из МИДа, 3.02.1940.

⁸²*Nevakivi J. Ranskan Suomelle talvisodan 1939–1940 aikana tarjoamasta sotilasavusta.* S. 107.

⁸³*Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма.* С. 40.

⁸⁴*Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma.* S. 117.

⁸⁵*Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма.* С. 41.

⁸⁶Liddel Hart B. H. *History of the Second World War.* P. 55.

касалось Финляндии, заметил он, то в данном случае требуется не допустить ее разгрома.⁸⁷

В конечном счете Даладье согласился с доводами Чемберлена и вопрос об осуществлении Петсамской операции отошел на второй план. Было решено, что главные десантные операции проводить в Северной Норвегии (в районе Нарвика), а также в центральной и южной частях этой страны и еще в Южной Швеции. При этом требовалось достигнуть уже согласия скандинавских стран на проведение указанных операций.

Кроме того, руководство в проведении данной операции также переходило к англичанам, что вызвало, естественно, раздражение у французского генералитета, активно готовившего до этого Петсамскую операцию. По крайней мере адмирал Ф. Дарлан, говоря о необходимости «ускорения помощи» Финляндии, после уже принятого решения неизменно встречал холодный ответ со стороны генерала М. Гамелена, который ему сумрачно замечал: «Скажите англичанам, ведь у них главнокомандование».⁸⁸ Действительно, теперь только незначительную часть сил десанта предполагалось направить в Северную Финляндию, в район Петсамо. И эти войска должны были посылаться туда исключительно лишь принимая во внимание, что без подкреплений финский фронт «не сможет продержаться дольше весны».⁸⁹

В Хельсинки же, естественно, об этих результатах переговоров союзников знали весьма мало. Поэтому в финском руководстве начали требовать от своих дипломатов добиться детальных сведений «о плане и исполнении».⁹⁰ Однако в Лондоне и Париже не спешили с информацией своим финским партнерам. Об этом поручалось сообщить руководству Финляндии лишь лично через генерала Линга, который туда только еще собирался опять отправиться.⁹¹

Тем временем, 9 февраля Маннергейм направил в Лондон телеграмму посланнику Грипенбергу с указанием разъяснить английскому правительству серьезность положения Финляндии и подчеркнуть, насколько ей «необходима всяческая помощь». Выпол-

⁸⁷ Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма. С. 42.

⁸⁸ Цит. по: УМ. 109. С2б. Донесение посланника Х. Холма из Виши («Беседа с адмиралом Дарланом»), 28.01.1941.

⁸⁹ Churchill W. The Second World War. P. 442–443.

⁹⁰ УМ. 109. С2е. Телеграмма из МИД'а в Париж, 9.02.1940.

⁹¹ Ibid. 109. С2с. Телеграмма из Лондона в МИД, 11.02.1940.

няя это указание, финский дипломат срочно встретился с министром иностранных дел Англии Э. Галифаксом.⁹² Но и эта беседа не внесла должной ясности. Конкретно финскому представителю сообщили, что «правительства Великобритании и Франции единодушны в том, что гибель Финляндии означала бы катастрофу для всех».⁹³ Действия же, которые западные союзники в этом случае собирались провести, по мнению Галифакса, должны были «придерживаться двух линий». Одна из них предполагала оказание Финляндии помощи, когда ее «положение действительно будет критическим» и высадка союзных войск «станет необходимой». Другая же — «приступить к таким действиям, которые сделают Швецию и Норвегию готовыми помочь Финляндии». В результате, как подчеркнул Галифакс, «принятие планов будет зависеть: 1) от общей ситуации, 2) от отношения Швеции и Норвегии».⁹⁴

Это меняло всю ситуацию с получением англо-французской помощи. Как мрачно отметил в своих мемуарах Маннергейм, «я стал все более сомневаться, смогут ли западные державы нам помочь».⁹⁵ Но в генеральных штабах западных держав продолжали все же задумываться над подготовкой операций в Северной Европе. Это могли опять почувствовать в Хельсинки, поскольку 15 февраля из Парижа вновь последовал запрос о необходимости срочной доставки очередной серии карт Финляндии и прежде всего северной ее части.⁹⁶

Действительно, именно тогда на Западе уже приступили к составлению расчета сил и сроки высадки десантов в Скандинавии. По предварительным наработкам тогда предусматривалось осуществить две десантные операции: одна предполагала высадку экспедиционных сил в Норвегии (около 5 тыс. человек) и наступления оттуда в направлении Северной Финляндии, а также десантирование войск еще в Южной Швеции (свыше 100 тыс. человек). Причем непосредственно на финляндском направлении должен был действовать ограниченный контингент войск — не более 13 тыс. человек.⁹⁷

⁹² *Gripenberg G. A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma.* S. 118, 119.

⁹³ УМ. 109. С2е. Донесение Гипенберга из Лондона Таннеру, 10.02.1940.

⁹⁴ *Ibid.*

⁹⁵ *Mannerheim K. G. Muistelmat. Osa II.* Hels., 1952. S. 217.

⁹⁶ УМ. 109. С2с. Донесение из Парижа в МИД, 15.02.1940.

⁹⁷ *Носков А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне.* С. 50–56.

Для осуществления данной операции необходимо было, естественно, заручиться поддержкой со стороны Швеции и Норвегии, поскольку только при их лояльном отношении к предполагаемому открытию боевых действий союзников на Севере Европы можно было действительно рассчитывать на ее позитивный результат. Кроме того в Лондоне и Париже пока отсутствовал официальный запрос о помощи со стороны Финляндии. Все это требовало для военных соответствующей большей определенности. Поэтому комитет начальников штабов Англии предложил 17 февраля военному кабинету оказать давление на северные страны вплоть до предъявления ультиматума Швеции и Норвегии. По поводу же Финляндии вопрос ставился так: «Финнов надо убедить, чтобы они опубликовали обращение к нам».⁹⁸

О том, что процесс убеждений Запад уже начал, свидетельствует информация, которую финские дипломаты срочно передали 17 февраля из Парижа в Хельсинки. В ней говорилось о решении Даладье предоставить помощь Финляндии в течение десяти дней,⁹⁹ что явно не могло соответствовать действительности, но было очень важно для окончательного выбора финского руководства.

Работа с финскими дипломатами с целью подтверждения реальности стремления Запада вмешаться в советско-финляндскую войну активно продолжалась. Посланник Холма был, в частности, вызван в министерство иностранных дел Франции, где в ходе переговоров ему рассказали, что «подготовительные работы» по организации высадки войск «идут нормально», «по расписанию» и «все должно быть готово» для отправки к 28 февраля. В Париже при этом уже твердо начали утверждать, что задачей военных было «направить в Финляндию регулярные войска», которые «являются лучшими альпийцами» и знают условия «сильных морозов».¹⁰⁰

Подобного характера беседы с финскими дипломатами продолжались и в последующем,¹⁰¹ свидетельствуя о предпринятой Западом атаке, имеющей целью убедить финское руководство в том, что помощь окажется быстрой, реальной и Хельсинки не должны

⁹⁸Там же. С. 56.

⁹⁹UM. 109.C2e. Телеграмма из Парижа в МИД, 17.02.1940.

¹⁰⁰Ibid. Донесение Холма Таннеру, 20.02.1940.

¹⁰¹Ibid. Донесение Холма Таннеру, 21.02.1940; Донесение Холма Таннеру, 23.02.1940; Донесение Грипенберга Таннеру, 25.02.1940.

были быть «против прибытия на помощь войск».¹⁰² Более того, 24 февраля английское правительство обратилось к финскому руководству с меморандумом, в котором официально призвало Финляндию выразить свое отношение к готовящейся военной помощи Англии и Франции.¹⁰³ Это обращение к тому же сочеталось еще и с сообщением, пришедшем в Хельсинки из Парижа, «о готовности транспортных кораблей». Информация сразу же из МИД'а была переплавлена в Ставку Маннергейма.¹⁰⁴

Но тогда ситуация дня Хельсинки стала складываться весьма сложной и можно уже говорить о том, что в проблеме получения помощи для Финляндии наступал новый этап. Вызван он был началом мощного наступления Красной Армии на Карельском перешейке, которое грозило перспективой разгрома финских войск. К тому же параллельно с этим начали разворачиваться еще и контакты с советскими представителями о возможности окончания войны, заключения мирного договора. Все это одновременно совпадало с явным нежеланием скандинавских стран открывать свои границы для войск союзников и не до конца ясными для финского руководства военными планами Лондона и Парижа.

Не внес окончательной ясности в характер «больших планов» союзников визит 22 февраля в Ставку Маннергейма английского генерала Линга. Тогда он «объяснил маршалу, что англичане не хотят продвигаться дальше Северной Финляндии».¹⁰⁵ Но в финском руководстве вообще «создалось впечатление, что эти планы весьма неопределенные» в целом.¹⁰⁶ Это, естественно, не могло не смущать финское руководство. В Хельсинки к тому же хорошо понимали, что сама высадка союзных войск в Петсамо выглядит крайне проблематичной, так как «петсамский рейд представляется совершенно неприспособленным» для этого. Помощь же, как считалось в финском руководстве, также «не очень большая», поскольку в результате этой операции «мы получим некоторые отдельные дивизии, но при их поддержки мы еще не сможем достигнуть по-

¹⁰²Ibid. Донесение Холма Таннеру, 21.02.1940.

¹⁰³Ibid. Меморандум английского правительства, 24.02.1940.

¹⁰⁴Ibid. Телеграмма из МИД'а в Ставку, 24.02.1940.

¹⁰⁵Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. Hels.; Keuruu, 1959. S. 156.

¹⁰⁶Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 224.

беды».¹⁰⁷ К тому же на заседании внешнеполитической комиссии правительства 25 февраля премьер-министр Р. Рюти откровенно заявил, что выяснял у представителей западных держав вопрос о возможности ускорения помощи, но не получил удовлетворительного ответа.¹⁰⁸

В итоге, в Финляндии уже с большей подозрительностью стали воспринимать соответствующие разговоры о готовящейся Западом поддержке. Как докладывал 28 февраля членам правительства министр иностранных дел В. Таннер, «из Лондона сообщили, что после переговоров со ставкой стало известно, что в течение 3–4-й недели апреля планируется произвести сосредоточение войск, которые в конце апреля в количестве 12000–13000 человек прейдут сюда полностью оснащенными, причем значительная их часть будет поступать со стороны Швеции». Однако вывод его по данной информации не носил оптимистический характер. Он с горечью тогда подчеркнул: «Группировка, следовательно, будет меньше заявленной». При этом Таннер еще тогда заметил, что его попытки выяснить, «может ли правительство Англии гарантировать независимость Финляндии и ее границы, а также, что мы вообще получим для себя при достижении окончательного мира, если мы запросим у западных держав помощь», не дали ни какого результата. Как сказал тогда финский министр иностранных дел, «определенного ответа “да”» он не получил.¹⁰⁹ Премьер Р. Рюти, разделяя пессимизм Таннера, также указал тогда, что военная помощь, предлагаемая Западом «в данное время недостаточная для принятия выгодного для нас решения».¹¹⁰

Таким образом, в Хельсинки явно начали пересматривать свое отношение к предлагаемой Западом поддержке, что делало перспективу переброски союзных войск на ее территорию достаточно проблематичной. В Лондоне и Париже, однако этого пока еще не понимали и пытались действовать прежними методами.

Так, 29 февраля из Парижа в Хельсинки была опять получе-

¹⁰⁷УМ. 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 23.02.1940.

¹⁰⁸Ibid. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 25.02.1940.

¹⁰⁹Ibid. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 28.02.1940.

¹¹⁰Ibid.

на мало утешительная информация, что, по мнению Э. Даладье, «конец марта будет временем прибытия» в Северную Европу союзных войск. Такое сообщение вызвало у министра иностранных дел В. Таннера лишь одну единственную реакцию. Выражая свое отношение к полученным новым сведениям о сроках начала операции, он отметил: «Это, вероятно, не возможно». Премьер-министр Р. Рюти же, квалифицировал заявление Даладье «практически не осуществимым».¹¹¹ К тому же в присланной ему из Парижа телеграмме подтверждалось, что «время отправки зависит от Лондона»,¹¹² что еще более убеждало Хельсинки в отсутствии на Западе единого скорректированного плана совместных действий.

Более того, из других источников близких к французскому руководству, финские дипломаты начали выяснять, что в армейских кругах Франции нацелены «на отправку лишь альпийских егерей». И вообще, «первая группа войск помощи — волонтеры».¹¹³ Все это в Хельсинки, естественно, не могло вселять большой уверенности в существовании планов действительно эффективной военной поддержки. Единственное, что в данном случае могли здесь предпринять было решение проинформировать Англию и Францию о начале советско-финляндских мирных переговорах и об условиях, которые СССР предложил Финляндии подписать.¹¹⁴

Это, разумеется, вызвало в Лондоне и Париже не скрываемую озабоченность и они «вышли из своего оцепенения и поняли, что необходимо предпринять конкретные действия для образования нового фронта в Финляндии».¹¹⁵ Начальник политического департамента МИД Финляндии А. Пакаслаhti отметил своих воспоминаниях в последствии: «Франция и Англия волновались. Предложения западных держав о помощи вступало в решающую стадию».¹¹⁶ Поэтому, как докладывал на заседании правительства 1 марта В. Таннер, французский посланник в Хельсинки «еще ве-

¹¹¹Ibid. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 29.02.1940.

¹¹²Ibid. 109. С2е. Телеграмма Холма Рюти, 29.02.1940.

¹¹³Ibid.

¹¹⁴*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 259; *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 229.

¹¹⁵*Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 247.

¹¹⁶*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 263.

чером посетил меня... и патетически говорил, что во Франции появилась тревога относительно наших намерений» заключить мир с СССР. Далее он, по словам финского министра иностранных дел, также заявил, что «войска поддержки будут здесь в течение марта» и что «действительный объем помощи составляет около 20 000 особых войск».¹¹⁷

Однако далее, как отмечал Таннер, «ночью начало раздаваться большое количество телефонных звонков из Лондона и Парижа, которые побуждали всеми путями воспрепятствовать началу переговоров». Причем цифра количества войск, которую Запад собиралась направить тогда стала стремительно расти. Таннер проинформировал членов внешнеполитической комиссии финского правительства, что его даже разбудили в половине второго ночи, поскольку посланник в Париже по телефону срочно сообщал: «Даладье подтвердил, что в марте до 50 000 отборных войск уже прибудет и что Англия и Франция обеспечат их транзит». Единственное, что в этих условиях просил французский премьер от финского руководства было то, «чтобы Финляндия не продолжала переговоров».¹¹⁸

Все это опять начало менять всю складывающуюся для Хельсинки обстановку. В. Таннер, в своих воспоминаниях отмечает, что «информация, поступившая в течение этой ночи, дала много новых поводов для размышления».¹¹⁹ С ними он поделился на заседании правительства. Тогда Таннер прямо заметил, что для него «эта заваруха возникла неожиданно». Поэтому, по его предложению, «нужно приложить нож к горлу западных держав» и просить «официально подтвердить, что сюда в марте прибудет 50 000 войск, а после этого еще больше».¹²⁰ На заседании правительства эту тактическую линию одобрили, а затем из финского МИД'а ушли в свои представительства в Лондон и Париж телеграммы, в которых указывалось, что «нам для принятия решения в спешном порядке необходимы сведения»: может ли быть отправлено «сразу небольшое количество солдат» и могут ли они «участвовать на всех фрон-

¹¹⁷УМ. 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 1.03.1940.

¹¹⁸Ibid.

¹¹⁹Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 247.

¹²⁰УМ. 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 1.03.1940.

тах». Кроме того, запрашивалась еще возможность получения «не менее ста самолетов бомбардировочной авиации с обученными для этого экипажами летчиков».¹²¹

Ответ из Парижа пришел на следующий день. В нем сообщалось, что Даладье сообщил финскому дипломату: «запрашиваемые войска придут» и что они, по его мнению, будут подчинены Маннергейму. Более того, он заверил, что союзники также намерены направить в Финляндию до пятидесяти самолетов.¹²² Такие же оптимистические сведения пришли и из Лондона. «Галифакс сегодня заявил, — сообщалось в Хельсинки, — что телеграфировал в Стокгольм и Осло относительно того, чтобы получить согласие на транзит». Кроме того, английский министр иностранных дел сообщил финскому дипломату, что «союзники направят в Финляндию войска в таком количестве, в каком порты и железнодорожная связь позволит».¹²³

В результате начала обозначаться для Финляндии более приемлемая перспектива получения военной помощи от стран Запада. Она могла, по крайней мере, создать более благоприятную обстановку в обозначаемых переговорах с СССР, поскольку, очевидно, в Москве не могли не опасаться разрастания масштабов начавшейся войны. Поэтому, даже Маннергейм теперь стал явно настаивать на том, чтобы умножить действия, направленные на ускорение подготовки и осуществления этой помощи.¹²⁴ А в правительственных кругах уже начали рассуждать, что «мы можем продолжать и усиливать ведение войны, “бомбить Петербург”».¹²⁵

Но финское руководство, несомненно, смущало то, что «заявления, получаемые из Лондона, были более осторожными, чем из Парижа».¹²⁶ Более того, бросалась в глаза откровенная неконкретность и противоречивость в сведениях «относительно крупной помощи войсками».¹²⁷ В итоге в правительстве сразу же стали раздаваться голоса о том, что «помощь западных держав является бле-

¹²¹Ibid. 109.C2e. Телеграмма из МИД'а Грипенбергу и Холма, 1.03.1940.

¹²²Ibid. 109.C2b. Телеграмма из Парижа в МИД, 2.03.1940.

¹²³Ibid. 109.C2e. Телеграмма из Лондона в МИД, 2.03.1940; 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 3.03.1940.

¹²⁴Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 158.

¹²⁵Цит. по: Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 266.

¹²⁶Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 252.

¹²⁷UM. 109. C2e. Телеграмма Маннергейма в МИД, 3.03.1940.

фом», поскольку, как отмечалось на его заседании 3 марта: «... Они не помогали Польше, хотя обещали. И Чехословакию они побуждали к капитуляции».¹²⁸ Поэтому, как отметил в своих воспоминаниях В. Таннер, здесь решили «оценить добросовестность предложений о помощи, исходящих от Запада».¹²⁹

Военным представителям Финляндии, работавшим в Париже, было дано задание, все-таки выяснить, «сведения об общем количестве франко-английских войск, а также о времени их отправки и прибытия» в Финляндию.¹³⁰ Но четких ответов так и не поступало. Более того, количество войск, которые должны были быть направлены в Финляндию опять начало сокращаться. По информации, полученной в это время от английского посланника в Хельсинки, Р. Рюти и В. Таннер узнали, что эта помощь в начале должна была составить всего лишь около шести тысяч солдат.¹³¹ Но с другой стороны, во Франции и в Великобритании получение этой помощи, а также ее конкретизацию стали явно увязывать с официальным обращением Хельсинки к западным странам за поддержкой.¹³² Все это, по мнению премьер-министра Финляндии Р. Рюти, говорило лишь о том, что поддержка Запада «не сможет решающим образом повлиять» на ход боевых действий и не приведет Финляндию к победе.¹³³ В итоге на заседаниях внешнеполитической комиссии правительства после 3 марта уже все меньше рассматривались вопросы, связанные с получением помощи от стран Запада, поскольку уже на практической основе начался решаться вопрос о необходимости срочного окончания войны и заключения тяжелого для Финляндии мира с Советским Союзом.

В результате, когда в ночь на 8 марта финская делегация прибыла в Москву для переговоров, и об этом узнали в Лондоне и Па-

¹²⁸Ibid. 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 2.03.1940.

¹²⁹Tanner В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 253.

¹³⁰УМ. 109. С2е. Телеграмма из МИД'а в Париж, 4.03.1940; Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 265.

¹³¹Tanner В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 258.

¹³²УМ. 109. С2е. Телеграмма из Лондона в МИД, 5.03.1940; Телеграмма из Парижа в МИД, 7.03.1940.

¹³³Ibid. 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 2.03.1940.

риже, то там опять произошел очередной всплеск желания срочно оказать Финляндии военную поддержку. В момент начала переговоров финскому руководству уже снова напомнили, что Англия и Франция будут намерены послать в Финляндию до пятидесяти тысяч своих солдат. При этом Даладье тогда патетически заявил финским дипломатом: «Мы находимся перед огромными событиями». ¹³⁴ Из Лондона и Парижа вообще потоком пошли заверения, что посылка войск будет осуществляться без промедления, лишь бы Финляндия официально их запросила. Причем эти утверждения, как сообщали финские дипломаты, стали уже распространяться «в нескорох газетах и по радио». ¹³⁵ Премьер-министр Англии О. Чемберлен также открыто тогда заявил в парламенте, что дело за правительством Финляндии и «в случае его обращения с просьбой об оказании дальнейшей поддержки, они немедленно придут на помощь финнам всем, чем возможно». ¹³⁶ Аналогичное заявление было сделано премьер-министром Франции Э. Даладье. ¹³⁷ Военно-морской министр Англии У. Черчилль срочно прибыл в Париж, где совместно с премьер-министром Даладье заявил финляндским представителям, что, если Финляндия пожелает, «акция Запада будет начата немедленно; Норвегию и Швецию больше не спросят, их только проинформируют». ¹³⁸

Но в финском руководстве тогда все же явно «царила неосведомленность относительного того, желают ли действительно западные государства быстро оказывать достаточную помощь». ¹³⁹ Накануне подписания мира Маннергейм уже открыто высказал мнение: «Выборг через день придется сдать. Нельзя будет после этого держать оборону больше месяца, а предполагаемая западными странами помощь может быть на месте лишь к концу недели, поскольку не получено разрешение на транзит». ¹⁴⁰ В итоге в финском руко-

¹³⁴Ibid. Донесение Х. Холма премьер-министру Р. Рюти, 8.03.1940.

¹³⁵Ibid. 109.Сe. Телеграмма адресованная в МИД, 9.03.1940; 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 12.03.1940.

¹³⁶The Times, 1940, 12.03; *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 160; UM. 109. С2e. Телеграмма из Лондона в МИД, 12.03.1940.

¹³⁷UM. 109.С2e. Телеграмма в МИД, 13.03.1940.

¹³⁸Цит. по: *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 285; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1942–1945. Т. 1. С. 273.

¹³⁹UM. 109.С2e. Телеграмма из МИД'а в Лондон, 11.03.1940.

¹⁴⁰Ibid. 109. В1. Телеграмма из МИД'а в Стокгольм, 11.03.1940.

водстве не было ни какой гарантии, что западная помощь каким-то образом может поспеть вовремя. В Финляндии теперь скорее волновал уже другой вопрос: куда сместиться фронт, когда англо-французские войска вступят на территорию страны?¹⁴¹

Поэтому подписание мира с СССР стало единственной альтернативой для финского руководства. В Хельсинки оставалось лишь раскланяться перед Западом и «поблагодарить их за хорошие рас­положение».¹⁴² Вряд ли при этом тогда можно было представить, что весной 1940 г., менее чем через месяц после того, как 12 марта был подписан Московский мирный договор, в Скандинавии все-таки окажутся англо-французские войска, а немецкие вторгнутся в Данию и Норвегию. Более того уже в июне распадется блок западных держав в результате сокрушительного поражения Франции, нанесенного ей Германией. Финляндия же станет объектом проникновения туда немецких войск.

¹⁴¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 301.

¹⁴² УМ. 109. В6. Протокол заседания внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 12.03.1940.

А. Ю. Дворниченко

Земская и государственная традиции в истории дореволюционной России

Эдуард Давидович Фролов, как хорошо известно, большой любитель и знаток методологии истории, теоретических проблем исторической науки. Он основатель и реоснователь, если можно так выразиться, методологического семинара на историческом факультете Санкт-Петербургского университета. Вот почему в сборнике, посвященном его юбилею, уместно подумать об общих проблемах истории, в данном случае — отечественной.

Естественно, что и статья такого плана может иметь сугубо общий характер, не имея возможности вобрать в себя обширный научный аппарат. Пусть здесь страдает технология научного исследования, но ... от теоретических проблем всё равно не уйти. В. О. Ключевский говорил: «Историческая схема или формула, выражающая известный процесс, необходима, чтобы понять смысл этого процесса, найти его причины и указать его следствия. Факт, не приведенный в схему, есть смутное представление, из которого нельзя сделать научного употребления».¹ Эта схема не может не быть дискуссионной, что вполне нормально.

Те события, которые переживала наша страна в последние десятилетия, а главное — обретенная гласность — заставили вновь задуматься над вечным вопросом, сформулированным ещё О. Хайямом: «Откуда мы пришли, куда свой путь вершим?». Начало перестройки было ознаменовано рядом общих работ, из которых запомнился

¹ *Ключевский В. О. Соч. Т. 6. С. 143/*

труд Н. Я. Эйдельмана с предисловием Н. Н. Покровского.² В книге и предисловии обозначилась волновавшая тогда, как и сейчас проблема взаимоотношений народа и власти в России. По мысли Н. Я. Эйдельмана, «положение народа было подобно бурному, могучему потоку, крепко замкнутому и направляемому каменными берегами, плотинами и шлюзами» государства. Н. Н. Покровский старался поправить своего коллегу и друга: «Нет далеко не всё удавалось плотинам и шлюзам».³

В ту эпоху преддверия реформ пытался осмыслить в этом ключе историю России и я вместе с моим другом и коллегой в одном лице.⁴ Статья заканчивалась следующим пассажем: «Что нам может дать перестройка? Возрождение народа к активной политической деятельности, передачу власти в руки самого народа. Это и будет означать, что демократические тенденции наконец возобладали в России. Это будет действительно народное, демократическое государство. Мы вернемся на новом витке, на другом уровне к тому, что было в нашей истории, когда сам народ, сама община воплощали собой государство».⁵ Не мне судить, что удалось в этом плане за пролетевшие годы, но название статьи теперь уж точно приходится менять — слишком много смысловых оттенков появилось в словах «демократия» и «деспотия».

Понять диалектику отношений народа и государства можно лишь рассматривая их историю в единстве, что, кстати говоря, не являлось очевидным для многих представителей отечественной историографии. Для кого-то государство полностью вытесняло народ, а кто-то безуспешно пытался написать «Историю русского народа». Призывы к написанию подобного рода истории раздаются и по сей день. Но надо отдавать себе отчет в том, что «история народа» в чистом виде может иметь только этнографический характер, а история государства без истории народа — лишь анемичная схема «исторического процесса».

Истоки нашей истории, как известно, уходят во времена так называемой Киевской Руси (VI–XII вв.). В это время можно наметить

²Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989.

³Там же. С. 12.

⁴Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Демократия и деспотия в истории русского народа // Русская нация в союзе народов СССР (Материалы научно-практической конференции). Куйбышев, 1990.

⁵Там же. С. 57.

следующие стадии восточнославянского политогенеза. На протяжении VI–VIII вв. у славян существовала военная демократия. Затем наблюдаем развитие вожества от более ранней, примитивной формы к более развитой (IX–X вв.) Это было движение от простого вожества через компаундное к консолидированному.⁶

На основе консолидированного вожества на Руси с конца X века начинает развиваться волостной строй. В его основе лежала гражданская община, сосредоточенная в главном городе волости. Старейшему городу подчинялись «пригороды» и сельские общины. Другими словами, это была система соподчиненных общин, управлявшаяся волостным вечем.⁷ На вече и вне его древнерусское «людь» составляло действенную политическую силу, было поголовно вооружено и диктовало свою волю князю, который, впрочем, также был необходимым элементом политической системы. Становление такого рода системы продолжается вплоть до середины XII века, а затем идет интенсивный процесс волостного дробления.⁸ Исходя из целей данной статьи, надо сразу оговориться, что эту систему никак нельзя связывать с сословно-представительным началом. Её можно называть «самоуправлением», учитывая, что оно охватывало всё управление в целом. Это было время господства общины во всех сферах жизни.

Как показали сравнительно-исторические исследования, проведенные на историческом факультете Ленинградского университета еще в 80-е гг. прошлого века, древнерусские «города-государства», волости весьма напоминали древнегреческие полисы.⁹

Не так давно была высказана точка зрения о том, что древнегреческие полисы не были государствами.¹⁰ Не берусь судить о древнегреческих, но наши «полисы» явно не были государ-

⁶ Дворниченко А. Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica antiqua* 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006. С. 184–195.

⁷ По определению Л. В. Даниловой, община носила гетерогенный характер, т. е. она вбирала в себя и «государственный» аппарат (*Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 192.) Полагаю, что эта проблема элиминируется осознанием того, что община и была «государством», община приобрела форму государства.

⁸ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

⁹ Становление раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986

¹⁰ Берент М. Безгосударственный полис: ранее государство и древнегреческое общество // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000. С. 235–258.

ствами. Я, конечно, отдаю себе отчет в том, что понятие «государство» крайне неопределенно. Еще в начале того же прошлого века А. Е. Пресняков сетовал на то, что «историки-юристы потратили немало остроумия на то, чтобы установить формальное определение древнерусской государственности. . . » и не нашли «. . . государственного обличия у древней Руси как целого».¹¹ Ссылка на А. Е. Преснякова уместна потому, что этот историк, фактически, подвел итоги развития дореволюционной исторической науки.¹² Ясно, что с той поры ситуация еще больше осложнилась, даже, если сделать сноску на идеологическую зашоренность советского периода нашей историографии.

Не имея возможности выстраивать здесь цепь доказательств, возьму на себя смелость утверждать, что ни одну из стадий политогенеза времен Киевской Руси нет возможности связать с государством и обретение славянами государственности следует отодвинуть за пределы хронологии Киевской Руси.¹³ Это был в полном смысле слова «общинно-вечевой» этап нашей истории. И главная здесь причина — громадная политическая активность народных «масс», столь громадная, что даже не позволила сформироваться государству. Другая важная причина — простота экономического строя. В основе демократии лежала община — сельская и городская, которая кардинальным образом отличалась от западной «коммуны» с её элитарным устройством.¹⁴

По-своему влиял и внешний фактор, который уже тогда был для Руси крайне неблагоприятным, сделав её, фактически, фронтиром, «щитом меж двух враждебных рас». Геополитическая ситуация времен Киевской Руси¹⁵ не замыкается в рамки жестких определений — взаимоотношения со Степью часто обогащали, способствовали симбиозу культур, но идеализировать их нельзя. Не

¹¹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. . . С. 154.

¹² Дворниченко А. Ю. А. Е. Пресняков — исследователь Киевской Руси // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб., 2006. С. 35.

¹³ Дворниченко А. Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X в. С. 195.

¹⁴ Дворниченко А. Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Л., 1985. Вып. III. С. 117–124.

¹⁵ Здесь нет возможности рассматривать влияние географического фактора в целом на историю России. В новейшей историографии, как и прежде, одними это влияние преувеличивается, а другими преуменьшается.

несло ничего хорошего славянам в ту пору и западное влияние, т. к. отсюда шла прямая угроза православию, да и самому существованию славян.

Ситуация изменилась не к лучшему, а к худшему в XIII в., когда на Русь обрушились завоеватели и с Востока, и с Запада. В новых геополитических условиях намечаются три варианта политогенеза на восточнославянских землях. Политогенез должен был продолжаться, ибо при всей симпатии к полисной, гражданской общине, нельзя не заметить, что это тушиковский вариант политического развития — везде им на смену приходят «империи» — крупные государства с сильной центральной формой правления.¹⁶

Под тремя вариантами территориально разумею Великий Новгород и Псков, Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское, а хронологически — XIII–XV вв. Все эти три варианта являют собой переходные типы, в рамках которых древнерусские города-государства преобразовывались в нечто новое. Северо-Запад постепенно видоизменялся под влиянием внешних, а, главное, внутренних обстоятельств. Здесь древнерусская демократия оказалась в неблагоприятных условиях из-за развития крупного боярского землевладения, которое порождало сильную социальную напряженность. Это, в свою очередь, ослабляло северного гиганта и сделало лёгкой добычей Великого княжества Московского. При этом упадок новгородской демократии торопить не надо: и в XIV — начале XV вв. она имела ярко выраженный характер и специфику, уходящую своими корнями древнерусский период. Речь идет, прежде всего, о территориальном делении Новгорода и Пскова и языческом восприятии социальной борьбы.¹⁷

Для Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского можно говорить о другом пути: формировании военно-служилых государств.¹⁸ В их формировании внешний фактор — необходимость сражаться на несколько фронтов — сказался ещё больше. С ними на первых порах вполне уживалась общинно-

¹⁶ Дворниченко А. Ю. Время Ивана III и становление российской государственности // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 12–14.

¹⁷ Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы: к изучению древнерусского вечаго уклада. СПб., 2003. С. 295–303.

¹⁸ Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности. М., 1995. С. 294–318.

вечевая демократия в виде общинных организмов, не утративших своего гетерогенного характера. Они продолжала жить на древнерусских землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского¹⁹ и в соседнем Московском государстве.²⁰ Ряд исследователей полагает, что условия эти были столь благоприятны, что можно говорить о развитии общинного строя и о трансформации его в земско-служилое государство.²¹ Полагаю, что для этого времени стоит всё-таки говорить о постепенной трансформации общинно-вечевой традиции в общинно-земскую.

Дело в том, что суверенность и гетерогенность общины постепенно уходили в прошлое в результате укрепления княжеской власти, усиливавшейся за счёт служебной, а позже и поместной систем. Переходную государственность XIII–XV вв., которую я именую военно-служилой, в дореволюционной отечественной и современной зарубежной историографии обычно называли вотчинной, т. к. яркой чертой её было разрастание княжеского хозяйства.²² Княжеское управление начинает конкурировать с общинным и подминает его под себя, все больше превращая в самоуправление. Даже там, где сохранялось городское вече, оно теряет свои державные функции, замыкаясь в рамках самоуправления. В Северо-Восточной Руси сильный удар по общинно-вечевой традиции наносит победа централизма над вечевыми силами в войне второй четверти XV в. и реформы Ивана III. В Западной Руси (ВКЛ) почти аналогичную роль сыграли движение Свидригайло и деятельность Казимира Ягеллончика.²³ Общинно-

¹⁹ *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий и государственности. СПб., 1993.

²⁰ *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003. С. 334–401 (Первое издание — 1999 г.); *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси... С. 196; *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 262.

²¹ *Кривошеев Ю. В.* Земский строй Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. (Историографические предпосылки постановки вопроса) // Вестник С.-Петерб. унта. 1994. Сер. 2. История. Языковедение. Литературоведение. Вып. 2. С. 8–21; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы... С. 334–401.

²² *Дворниченко А. Ю.* Время Ивана III и становление российской государственности... С. 15–20.

²³ *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* «Феодалные войны» или демократические альтернативы? // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Языковедение. Литературоведение. 1992. Вып. 3. № 161. С. 3–12.

вечевая традиция постепенно трансформируется в общинно-земскую.

Понятие «земская традиция» было широко распространено в дореволюционной русской историографии. К сожалению, у нас нет исследования, в котором анализировались бы те смыслы, которые вкладывались дореволюционными историками в это понятие. В советский период оно было основательно подзабыто, не получило отражения в энциклопедической литературе. В последние годы это понятие стараются возродить, на мой взгляд, не всегда удачно.²⁴ Под общинно-земской традицией надо понимать участие народа в делах управления государством. Это сложное понятие, включающее в себя ряд компонентов, в том числе и генетическую память, которую также нельзя сбрасывать со счетов истории. Основное отличие общинно-земской традиции от общинно-вечевой в том, что народ не играет определяющей роли в политической жизни, как это было во времена Киевской Руси, но в то же время продолжает оказывать определенное воздействие на дела правления, причем, на разных уровнях власти.

Принципиальна мысль о кардинальном отличии вечевой и земской традиций от сословного представительства. Отечественные историки прошлого и настоящего весьма любят находить преемственность между вече и шляхетскими сеймами в Великом княжестве Литовском²⁵ и между вече и земскими соборами в Московском государстве.²⁶

Иногда их мысль идет каким-то странным путем. Так, один из новейших исследователей рассуждает: «Земские соборы не были непосредственными преемниками древнего веча, однако они вели свое начало примерно с той поры, когда вече прекратило своё существование. Имеются сведения о вечевых собраниях в Москве в 1547 г., во Пскове — в 1534 г. и в начале XVII в. Вечевые традиции давали о себе знать в Москве и Новгороде во время городских дви-

²⁴Так, в учебнике А. Г. Кузьмина вновь воспроизводится схема славянофилов, трактующая русскую историю как историю взаимоотношений «Земли» и «Государства», вследствие чего «земская традиция» получает слишком широкое толкование (*Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г. В двух книгах. М., 2003.*

²⁵*Максимейко Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902. С. 20.*

²⁶*Александров В. А., Покровский Н. И. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 17.*

жений середины XVII в. Без натяжки можно сказать, что народное представительство имело на Руси многовековую традицию.»²⁷ Проявление земской традиции в ходе народных волнений никак не проливает свет на проблему «народного представительства».

Полагаю, что общинно-земская традиция была как раз одним из тех факторов, которые блокировали развитие сословно-представительных учреждений в русских землях. Другими же, не менее значимыми факторами, были: отсутствие капитализма, третьего сословия и сословий европейского образца.

Переходные военно-служилые государства трансформируются в иные политические организмы. Решающий перелом начинается в XVI веке. Великое княжество Литовское всё больше превращается в сословно-аристократическое государство по примеру соседней Польши, где земские традиции были низведены на уровень общинного самоуправления, постепенно уходящего в прошлое, «демократия» имела верхушечный, аристократический характер, выражая себя в деятельности шляхетских сеймов и сеймиков. Процесс завершился созданием в 1569 г. нового государственного образования — Речи Посполитой.

В Северо-Восточной Руси разворачивается процесс формирования государственно-крепостнического строя, политическим выражением которого было самодержавие.²⁸ Реформы 50-х гг., Опричнина, Смута начала XVII в., Соборное Уложение 1649 г. — вот этапы пути становления самодержавства, которое сопровождалось укреплением основной массы населения — крестьянства, усилением государства. Вернее даже говорить о том, что именно в это время и происходит окончательное становление государства в России. Это тонко чувствовали историки XIX века, которые принадлежали к разным школам и направлениям, но в советской историографии было принято всячески удревнять государство российское, находя его уже в то время, когда и о славянах нельзя говорить без сомнения.²⁹

²⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Т. 2. СПб., 2003. С. 122.

²⁸ Дворниченко А. Ю. Уложение 1649 года и государственный строй России // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. СПб., 2004. С. 15–15.

²⁹ Это чувствуют и современные исследователи. Так, автор работы, ставшей интересным явлением в новейшей историографии, назвал Россию «молодой». Правда, под воздействием критики поменял название на страну «другого часо-

Рождение государственно-крепостнического строя (далее — ГКС) с его закрепощением всего населения и укреплением государственной власти не способствовали развитию земской традиции. Самодержавие и его опора — бюрократия — стали реальной альтернативой земщине и государство повело на неё наступление. Именно с таких позиций надо, на мой взгляд, рассматривать знаменитую в нашей историографии реформу 30–50-х гг. XVI в. Мирское самоуправление ставилось под контроль государственной власти. Эта тенденция будет характерна для российского государственно-крепостнического строя вплоть до XX века. Государство не стремится ликвидировать общинное управление, более того не хочет установить тотальный контроль над ним, понимая невозможность этого, но ставит целью использовать это самоуправление для осуществления полицейских, фискальных и ряда других функций.

Однако в XVI в. государственно-крепостнический строй был еще не настолько силен, чтобы контролировать земщину. Земская традиция продолжала жить на уровне городской и крестьянской общин. Городские и крестьянские «миры» с их сходами воплощали в себе древние традиции земского самоуправления.³⁰

Нельзя в этой связи не упомянуть и казацкие сообщества, которые формируются в России. В историографии казачество обычно не относили к земской традиции, т. к. оно не только не участвовало в делах правления государством, но и являлось противником этого государства. Но казачьи сообщества воспроизводили на окраинах России ту социально-политическую модель, которая своими корнями уходит во времена Киевской Руси с её вечем и первобытной эгалитарностью.³¹ Наличие таких казацких «государств» на окраинах России придавало ярко выраженную специфику Российскому государству в целом, которое входило в разные отношения мира и войны с казачеством. Всё это позволяет считать казацкие сообщества выразителями всё той же земской традиции. А если учесть,

вого пояса» (по сравнению с Западом). Думаю, что зря он отказался от понятия «молодая». Но не Россия — ведь ей тысяча лет, а государство — именно оно молодое! (Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. XXXVI).

³⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909. Т. 1; Копанев А. Н. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.

³¹ Дворниченко А. Ю. К истории ранних казацких сообществ // Вестник С.-Петербург. Ун-та. 1995. Сер. 2. История. Языковедение. Литературоведение. Вып. 2. С. 18–25.

что целые районы России (например, юг России) своим обликом и, в частности, воинскими традициями вполне напоминали казачество, то понимаем, что почва для земских традиций и здесь была благоприятной.³²

Политическая активность народа пробудилась в Смуту, когда решалась судьба России. Земские ополчения были порождением самодеятельности народа, вне зависимости от сословного устройства. В то же время подъем земской активности был своего рода реакцией на установление самодержавного ГКС.

По мере становления ГКС в XVII–XVIII вв., земская традиция находила выражение в «русском бунте», который в последние годы уже не трактуется исследователями в рамках классовой борьбы. В историографии отмечается, что это специфическое явление, не похожее на выступления социальных низов в других странах.³³ В «русском бунте» видят проявление многовековой борьбы русского народа против сил всепоглощающей централизации, борьбу центра с окраинами.³⁴ Полагаю, ударение надо сделать именно на противоборстве земской традиции и государственной.

Земские миры, включавшие в себя жителей городов и пригородов, стремились на равных спорить с воеводами и другими представителями центральной власти. Зачастую это приводило к открытым столкновениям, как это было в 1648 г., когда восстания произошли в Новгороде и Пскове. В ходе этих восстаний возродились древние по форме — вечевые, но, по сути, уже земские традиции власти. Не простыми были отношения с центральной и местной властью и земских миров Сибири. Местные служилые миры сохраняли многие земские традиции, которые весьма ярко проявлялись также во времена восстаний, которыми был столь богат «бунташный век».³⁵

По замечанию С. В. Лурье, «русский бунт всегда был выражением конфликтности между двумя внутренними альтернативами

³² Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII–XVIII вв.: Противодействие уголовной преступности. Воронеж: 2001.

³³ Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность М., 1994; Мауль В. Я. Харизма и бунт. Психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск, 2003. С. 4.

³⁴ Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // ВИ, 1994. № 11. С. 31–38.

³⁵ Александров В. А., Пожровский Н. И. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

русского народа: мирской и государственной. Его функциональное значение состояло в том, что с его помощью отчасти сбрасывалось накапливавшееся между ними напряжение».³⁶ Надо только сопрягать это «всегда» с периодом становления ГКС — вот почему наибольшее бунтарство приходится как раз на XVII–XVIII вв. Для него характерны яркие общие черты: самозванчество, возрождение древних вечевых традиций. Астраханское восстание и Булавинский бунт при Петре демонстрируют полное типологическое сходство с подобными движениями предыдущего века, но война под руководством Емельяна Пугачева замыкает собой эту цепь грандиозных восстаний. Парадоксально то, что земская традиция, возрождая древние формы народовластия, предшествовавшие самодержавному ГКС, уже сроднилось с главным элементом новой модели политической власти. Все предложенные в ходе бунтов варианты власти включали в себя «истинного царя», что и вызвало такое явление, как самозванчество.

Впрочем, отчасти права и С. В. Лурье. Бунтарство не исчезает из нашей истории, но по мере усиления самодержавного ГКС, оно локализуется, выражаясь в крестьянских восстаниях, размах которых не стоит преувеличивать.

Судьбу страны уже определял самодержавный государственно-крепостнический строй, нашедший воплощение в Соборном Уложении 1649 г. Уложение завершает долгий процесс развития русского права от общинных норм к государственно-крепостническим. Русская Правда времен Киевской Руси — фактически запись юридических норм обычного права, «автором» которого была община. В нем практически отсутствуют «вертикальные» структуры, которые обычно ассоциируются с государственной властью.³⁷ Общинные традиции были весьма сильны в литовско-русском праве XIV–XV вв.³⁸ и в Российском государстве этого периода.³⁹ Традиции эти постепенно замирают, но и в Уложении государственный аппарат, по крайней мере, в своих низовых звеньях, полностью еще

³⁶ Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1998. С. 326.

³⁷ Kaiser D. H. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.

³⁸ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 61–75.

³⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001; Дворниченко А. Ю. Уголовное право западнорусских земель и Судебник 1497 г. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 120–136.

не оторван от населения и в какой-то мере использует институты и обычаи, свойственные общинному строю.⁴⁰

Наличие мощных земских традиций в Российском государстве XVI–XVII вв. отнюдь не позволяет вслед за эмигрантской историографией именовать это государство «народным».⁴¹ Дело не в том, что название неудачное: «народное государство» — это нечто из области утопии, это вроде того утверждения, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме». Во всяком случае, мировая история «народных» государств не знает. Тем более — монархий.

В последнее время идею о народном государстве отстаивает Б. Н. Миронов. По его мнению, «народ принимал участие в государственном управлении через земские соборы, петиции и массовые движения, а также через присутствие на важнейших государственных мероприятиях и выражение одобрения важнейших государственных решений».⁴² Большая часть из данных утверждений просто курьезна — ведь если следовать этой логике, то советские люди, которые так славно шагали в демонстрации мимо мавзолея, занимались ничем иным, как формированием политики советского государства. Что же касается земских соборов, то, согласно дореволюционной и современной историографической традиции, сословно-представительными учреждениями они не являются. Да и трудно было бы обнаружить сословно-представительные учреждения в тот период, когда сословий в стране не существовало.⁴³

Итак, повторяю, что земская традиция в Российском государстве XVI–XVII вв. жила, но преувеличивать степень её влияния не стоит. В ещё худших условиях она оказалась, когда самодержавный государственно-крепостнический строй двинулся по пути дальнейшего усиления и централизации. Важным этапом на этом пути стали петровские «реформы». У нас традиционно с ними связывают смену типов государственности.⁴⁴ Сколько было исписано

⁴⁰ Маньков А. Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 183.

⁴¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. Репринтное воспроизведение издания 1973 г. М., 1991. Это название используется и в современной историографии: Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 2. С. 175.

⁴² Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 2. С. 124.

⁴³ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 1. С. 78–79.

⁴⁴ Анпаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века. М., 2003. С. 5.

бумаги, чтобы доказать абсолютистский характер власти Петра, пришедшей на смену «сословно-представительной» монархии. Личность преобразователя демонизируется, роль личности в истории явно преувеличивается. Между тем, Петр сам был порождением того строя, который сформировался на протяжении двух предшествующих столетий.

Самодержавный государственно-крепостнический строй позволил Петру сконцентрировать огромную власть в своих руках, направленную на дальнейшую централизацию России. По сути дела, петровские преобразования — следующий после эпохи Грозного этап укрепления, централизации самодержавного ГКС. В своем стремлении это сделать Петр вполне напоминает Ивана, старается оторваться от местной почвы, противопоставить себя всему местному окрестному миру, разрушить предшествующие традиции. И то, что он опирается в несравненно большей степени, чем Иван Грозный на западную «модель» не должно нас обманывать. Это было сугубо внешнее заимствование и неприятие того, что противоречило основам ГКС. Другими словами Петр пытался заимствовать западные технологии, чтобы укреплять всё тот же самодержавный ГКС. Именно это было основным смыслом реформ, а не некая «модернизация».

Исследователи не раз обращали внимание на последовательное чередование периодов «централизации» и «децентрализации» государственного управления.⁴⁵ Это объясняется тем, что соотношение «центра» и «окраин» для России проблема исключительной значимости, неразрешенная и до сих пор. Весь дореформенный период власть то делала явный крен в сторону централизации, то осуществляла децентрализацию. Однако общим итогом было всё большее укрепление централизации и бюрократизация государственной системы.

В условиях регулярного государства XVIII в., когда де юре лидером общества было самодержавие, а де факто правила всемогущая бюрократия, земская традиция оказывается в тяжелых условиях. Казачество постепенно превращается в одно из сословий, крепостное крестьянство или напрямую подчиняется государству, или через медиаторов — помещиков, горожане — объект экспериментов со

⁴⁵ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 541.

стороны государства. И все же, окончательно низведенное до уровня общинного самоуправления, земское начало продолжало жить. Еще А. А. Кизеветтер, изучавший посадскую общину XVIII в., пришел к заключению, что в ней под «верхним этажом» новых бурмистерских палат и магистратов сохранялся старый фундамент «мирского посадского схода со всеми его исполнительными органами».⁴⁶ Нельзя, конечно, не видеть того, что «мирское самоуправление было поставляемо в такие пределы и условия, при которых оно являлось главным образом орудием осуществления фискальных задач и интересов» и что главную роль на них играли «первостатейные члены общины»⁴⁷ — наиболее «капитальные купцы». Общинное начало в городской жизни начинает отступать лишь в XIX в., особенно, после реформы 1870 г. Но это касается крупных городов, а мелкие продолжают жить общинами, сохраняя весьма архаические традиции.

Сохранялась и сельская община с её волостными и деревенскими сходами, хотя реформы 1860-х гг., фактически, превратили общину в государственную ячейку, бюрократизировали её.⁴⁸ Похожую эволюцию пережила и казацкая община. Она живет на протяжении XIX в., всё больше бюрократизируясь и теряя самостоятельность.⁴⁹

Всё это позволяет говорить о том, что земская традиция в виде оппозиционных движений и сословного самоуправления продолжала жить и в XVIII–XIX вв., лишь постепенно замирая. К сожалению, степень влияния её на государственную политику постепенно минимизируется. Впрочем, это не удивительно в условиях развития самодержавного ГКС по пути всё большей централизации. Именно центральная власть, опираясь на своих местных сатрапов, берет на себя всю инициативу, не стремясь при этом учитывать интересы земщины. Это делает российское общество архаичным, но не традиционным.⁵⁰ Я имею в виду то, что общество сохраняло много арха-

⁴⁶ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 619.

⁴⁷ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 2006. С. 243.

⁴⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 1. С. 463.

⁴⁹ Ивченко И. И. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 13–31.

⁵⁰ Сейчас много говорят о модернизации, под которой часто понимают переход «традиционного» (или «архаичного») общества к обществу «современ-

ических черт, но не хранило традиций государственной, политической жизни. Господство самобытного самодержавного ГКС делало Россию страной отказавшейся от традиционных форм управления, ставило в ряд тех государств, «учреждения которых составляют искусственную систему» и которые «приписывают все недостатки несовершенству этой системы и думают устранить их, изменив её в целости».⁵¹ Следствие такого порядка вещей: не органическое государственное развитие, а создание «писаных учреждений», которые с большим трудом удается применить к потребностям общества с тем, чтобы вскоре заменить их новыми.

Этот феномен, характерный для российского самодержавного ГКС, обязательно надо учитывать, разбираясь в политических тенденциях второй половины XIX — начала XX вв. Так, нет никаких оснований связывать с земскими традициями те конституционные потуги, которые наблюдались в начале века. Несмотря на давление революции, это было как раз то «писаное учреждение», которое не удалось сделать «действительным фактором общественного развития» и которое не оказало кардинального воздействия на ход российской истории.⁵²

Зато так или иначе земские традиции должны были сказаться в земском движении, хотя это отдельный и сложный вопрос. О том, что эти традиции были живы, свидетельствовали события Смуты 1905 -1907 гг. Они воплощались в решениях крестьянских сходов и «крестьянских республик», в которых власть полностью принадлежала общине; в деятельности советов рабочих депутатов.⁵³

Своеобразный симбиоз и противоборство государственных и земских начал, постоянное усиление централизации привели к тому, что в России так и не сформировалось развитие самоуправление.

ному» (Поляков Л. В. Методология исследования российской модернизации// Полис. 1997, №3. С. 5–15.

⁵¹ Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 222.

⁵² В связи с этим концепция «мнимого конституционализма», идущая от М. Вебера и нашедшая сторонников на нашей историографической почве, выглядит весьма убедительной (Медушевский А. Н. 1) Что такое мнимый конституционализм? // Социологические исследования. 1994. № 2; 2) Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

⁵³ Нельзя только, даже и с оговорками, называть это вечевой традицией (Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 388–389).

В начале XX века доля бюджета местного самоуправления составляла всего 22% от государственного, в то время, как в Англии с её давними традициями самоуправления доходы местных органов власти на 25% превосходили государственный бюджет.⁵⁴

Продолжали земские традиции жить и в горниле Гражданской войны, выливаясь в крестьянские бунты.⁵⁵ Лишь новое сталинское издание государственно-крепостнического строя с его коллективизацией, индустриализацией и культурной революцией окончательно покончило с земскими традициями. Но это уже другая история...

⁵⁴ *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацкило М. К.* История налогов в России IX — начало XX века. М., 2006. С. 250–251.

⁵⁵ *Телицын В. Л.* «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003.

Император Николай I и античные древности

В 1871 г. в архиве IV Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в шкафу с бумагами покойной императрицы Марии Федоровны, была обнаружена папка «Les etudes du grand duc Nicolas». Так было найдено письмо шестнадцатилетнего великого князя Николая Павловича к его учителю древних языков и морали Ф. П. Аделунгу от 24 января 1813 г. Это письмо (в подлиннике на французском языке) представляло собой сочинение по мотивам «Похвального слова Марку Аврелию» французского писателя А. Тома («Eloge de Marc-Aurele, par Ant. Thomas»)¹.

«Милостивый государь! — писал ученик Ф. П. Аделунга. — Вы доставили мне удовольствие прочесть, на одном из ваших дополнительных уроков, «Похвальное слово Марку Аврелию», соч. Тома; этот образчик возвышенного красноречия принес мне величайшее наслаждение, раскрыв предо мною все добродетели великого человека и показав мне в то же время, сколько блага может сотворить благодетельный государь с твердым характером». Устами старца Аполлония писатель Тома приводит размышления римского императора-стойка Марка Аврелия, пересказываемые Николаем: «Как частица вселенной, ты обязан, Марк Аврелий, принимать безропотно все, что предписывает мировой порядок; отсюда рождается твердость в перенесении зол и мужество, которое есть не что другое как покорность сильной души. Как член общества ты должен приносить пользу человечеству; отсюда возникают обязанности друга, мужа, отца, гражданина. Переносить то, что предписывается законами естества, исполнять то, что требуется от человека по существу его природы: вот два руководящих правила в твоей жизни. Тогда я уразумел, что называется добродетелью, и уже не боялся более сбиться с прямого пути». И далее Никош, как называла сына Мария Федоровна, дополняет: «Для выполнения таких обязанностей нужно было бы, чтобы взор государя мог обнять все, что совершается на огромнейших расстояниях от него, чтобы все его государство было сосредоточено в одном пункте, пред его мысленным

¹ Уит Я. «Размышления» Марка Аврелия как литературный и философский памятник // Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л., 1985. С. 94–115.

оком. Нужно было бы, чтобы до его слуха достигали все стоны, все жалобы и вопли подданных; чтобы его сила действовала так же быстро, как и его воля для подавления и истребления всех врагов общественного блага. Но государь также слаб в своей человеческой природе, как и последний из его подданных... Правление этого государя вполне подтверждает, что он не говорил пустых фраз, но действовал по плану, глубоко и мудро обдуманному, никогда не отступаясь от принятого пути»².

Николай не впервой представлял себя в роли монарха, но в этих продуманных фразах его юношеского сочинения впервые нашли отражение его мироощущение стоической покорности своему предназначению, своей «карме» и, кажется, вся программа будущего царствования, хотя до маловероятного тогда вступления на престол оставалось более 12 лет.

Из правителей России XIX в. Николай I был наиболее крупной личностью, хотя для многих и одиозной. Большинство историков правление Николая I воспринималось как непросвещенный абсолютизм. Редким исключением была точка зрения либерального историка А. А. Корнилова. Он изложил свою позицию в курсе истории России XIX века накануне революции: «Подводя итоги этому замечательному тридцатилетию, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещенного абсолютизма. Император Николай по своим взглядам не походил на Людовика XIV и никогда не сказал бы, как тот: "L'État c'est moi!"; напротив, он неоднократно высказывал, что почитает себя первым слугой государства; но воле этого первого слуги должны были безропотно подчиняться все остальные. По своим намерениям Николай гораздо ближе подходит к таким представителям идеи просвещенного абсолютизма, как Иосиф II и Фридрих Великий... И если бы Карамзин пережил царствование Николая, он должен был бы признать, что опыт осуществления его системы сделан, и вместе

²Сочинения в[еликого] к[нязя] Николая Павловича о Марке Аврелии (Письмо к профессору морали Аделунгу). Опул. А. П. Пятковский // РС. 1874. Т. 9. № 2. С. 253, 256, 257, 258. См. также: Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 78–81; Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология русского рыцаря. Незабвенный / Изд. подготовил М. Д. Филин. М.: Русский мир, 2002. С. 70–72.

должен был бы убедиться, к чему эта система неизбежно приводит, притом именно, к чему она приводит в такой обширной, малонаселенной и быстро развивающейся стране, как Россия»³.

Впрочем, о «просвещенном абсолютизме» Николая I вскоре забыли.

На долгие годы и десятилетия образ Николая I стал восприниматься через идеологические клише типа «Николай Палкин», «страж абсолютизма», «тюремщик русской свободы», «жандарм Европы», «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира», «коронованный барабанщик», «коронованный палач», «Кощей Бессмертный», «страшилище в огромных ботфортах с оловянными пулями вместо глаз». Как личного врага воспринимал его А. И. Герцен. Умный, властный, уверенный в своей исторической правоте, государственный, обратившийся к национальным истокам, он вызывал неприязнь значительной части интеллигенции и ненависть либерально-демократической общественности. «Душным» называл Николаевскую эпоху народоволец П. А. Лавров. Редкий историк не приводил стихи Ф. И. Тютчева:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей. . .*

умалчивая строки, прославляющие царя:

*Ты, Николай, народов победитель,
Ты имя оправдал свое!*

Забывалось и то, что в «николаевском цикле» А. С. Пушкина из 9 стихотворений, и в его высказываниях Николай I (в отличие от эпиграмм на Александра I) для поэта законный монарх и достойный уважения человек, хотя, может быть, не очень хороший государь.

Обращение к национальным истокам в области просвещения и культуры после космополитического царствования Александра I стало характерной чертой внутренней политики Николая Павловича. Позднее это нашло отражение в известной «уваровской триаде». В циркуляре С. С. Уварова, направленном попечителям учебных округов, декларировалось: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно Высочайшим намере-

³Корнилов А. А. Курс истории России XIX века: В 3 ч. Ч. П. М., 1912. С. 112–113.

ниям Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности». Уже после кончины Николая I эта политика получила название «официальной народности».

Поддержка отечественной науки; мероприятия, направленных на охрану памятников истории и культуры, использование их в воспитательных и идеологических целях, программа «монументальной пропаганды», отвечали задачам нового царствования, личным пристрастиям императора. Николая I⁴. Но значение европейской образованности, в том числе античной культуры, им также не отрицалось.

Характерно, что даже внешний вид императора вызывал у современников ассоциации с античными образами. Напрасно один из советских исследователей писал о Николае I в связи с проектами памятника, что «физиономия покойного слишком контрастировала с античностью»⁵. О «греческом профиле» императора упоминал в 1839 г. маркиз де Кюстин⁶. Даже в последние годы жизни, когда император под влиянием пережитого сильно изменился, античные черты лица бросались в глаза. Хорошо знавшая императора А. Д. Блудова, противопоставляя его в 1854 г. малопривлекательно английскому посланнику, пишет о Николае Павловиче: «Высокий, стройный, с античными чертами лица, с матовой бледностью древней мраморной статуи...»⁷ В тот же год другая фрейлина — А. Ф. Тютчева — заносит в свой дневник 22 июля 1854 г. (именины цесаревны): «Стоя очень близко от него в церкви, я была поражена происшедшей в нем за последнее время огромной переменой. Вид у него был подавленный; страдание избородило морщинами его лицо. Но никогда он не был так красив: надменное и жесткое выражение смягчилось; крайняя бледность, особенно выделяющая

⁴ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. С. 72; *Высочиков Л. В.* 1) Император Николай I и русские древности // Исследования по русской истории: Сб. ст. к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 267–276; 2) Монументальная пропаганда при императоре Николае I // Мавродинские чтения / Под ред. Ю. Г. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2002. С. 162–168.

⁵ *Смирнов А. Ф.* Разгадка смерти императора // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.

⁶ *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году / Пер. с фр. Веры Мильчиной и Ирины Стаф / Под общей ред. Веры Мильчиной. Комментарии Веры Мильчиной и Александра Осповата. В 2 т. Т. I. М., 1996. С. 161, 162.

⁷ РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 5 об.

изумительную правильность черт его лица, придает ему вид античной статуи»⁸.

Об «античных чертах лица» Николая I писали разные люди. Среди них и те, которых трудно заподозрить в симпатиях к императору. Например, декабрист А. С. Гангеблов⁹. О «почти античных чертах лица» императора упоминал критик В. В. Стасов¹⁰. Даже А. И. Герцен был вынужден признать «античность» облика Николая Павловича, но, обращаясь к образам скульптурной галереи Ватикана, он не замедлил добавить ложку дегтя: «...Это тип военачальников, в которых вымерло все гражданское, все человеческое, и осталась одна страсть — повелевать...»¹¹

Действительно, в динамичном повороте головы бронзового бюста Николая I работы немецкого скульптора Кристиана Даниэля Рауха чувствуется властная повелительность римского императора-триумфатора¹². Скульптор работал в России в 1840 г. Старинный знакомый Николая Павловича (со времен путешествия великого князя в Англию в 1816–1817 гг.), полномочный представитель Георга IV на коронации императора в 1826 г., Уильям Спенсер Кавендиш 6-й герцог Девонширский (1790–1858) для своего имени в Четсфорте также заказал бюст Николая I у этого скульптора. «Бюст очень похож на царя — было бы трудно не скопировать эти правильные черты лучшей головы в мире» — заметил герцог, восхищенный, как замечает исследовательница этого сюжета Елизавета Ренне, «почти античной красотой царского профиля». Герцог, по ее мнению, «был такой же страстный поклонник и коллекционер неоклассической скульптуры, как и Николай»¹³.

По своим личностным качествам император Николай Павлович был, прежде всего, человеком долга и практиком, не склонным к

⁸ Тютчева А. Ф. Дневники // Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров... М., 1990. С. 71.

⁹ Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1888. С. 120.

¹⁰ Стасов В. В. Художественная выставка за 25 лет // Стасов В. В. Собр. соч.: В 3 т. Т. I. СПб., 1894. Стб. 471.

¹¹ Герцен А. И. Былое и думы... Ч. 1–3 // Собр. соч. В 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 63.

¹² Бюст в 1932 г. поступил в Государственный Русский музей из Государственного Эрмитажа (Ск.-1303).

¹³ Ренне Е. [Н.] Коронационный проект герцога Девонширского // Наше наследие. 2000. № 55. С. 33.

отвлеченным идеям. Однако распространенное мнение о плохом образовании великого князя, которого не готовили к престолу, не совсем верно. Да, сам Николай подтрунивал над недостатками своего образования, но знакомство с его ученическими работами свидетельствует скорее о противоположном.

Как человека-практика Николая интересовало в первую очередь, то, что могло пригодиться ему в будущей деятельности, прежде всего, военному делу. Он был склонен к точным наукам, рисованию, черчению, инженерной науке, истории как запаснику поучительных примеров. При всем этом он обладал музыкальным слухом и легко усваивал «новые» языки. Фрейлина А. Ф. Тютчева писала позднее по этому поводу: «Император Николай имел дар языков: он говорил не только по-русски, но и по-французски и по-немецки с очень чистым акцентом и изящным произношением; тембр его голоса был также чрезвычайно приятен»¹⁴. К этому нужно добавить, что Николай Павлович говорил также по-английски и, если верить, одному из его высказываний, понимал по-польски.

Иначе обстояло дело с древними языками. Младшие сыновья вдовствующей императрицы Марии Федоровны были, вероятно, единственными представителями императорской фамилии, которых учили не только латинскому языку, но и азам древнегреческого языка. Как известно, при обучении Александра и Константина Павловичей, великим князьям «лишь немного» рассказали о древних вавилонянах и мидийцах. История Египта и Финикии комментировалась в связи с чтением отрывков из Геродота, Диодора Сицилийского. Большое внимание было уделено истории Греции и Рима. История Рима изучалась по Тациту, Светонию, Монтеस्कье. Но, при изучении древних авторов обычно пользовались переводами источников на французский и немецкий языки.

Это обучение было поручено их учителю немецкому языку, директору немецкого театра Ф.П. Аделунгу, который преподавал также логику и «мораль», то есть, занимался нравоучительным чтением в основном из античной истории¹⁵.

¹⁴ *Тютчева А. Ф. Воспоминания* // Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров... М., 1990. С. 39.

¹⁵ *Корф М. М.* [Совместно с В. В. Стасовым] *Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817)* // Сб. РИО. 1896. Т. 98. С. 33; *Лакруа П.* *История жизни и царствования Николая I, императора всероссийского* / Пер. с

Есть некоторые свидетельства о знакомстве с древнегреческим языком великого князя Константина Павловича. В сентябре 1790 г. Екатерина II писала своему постоянному корреспонденту барону Фридриху-Мельхиору Гриму в связи с посланной ему копией с гравюры, выполненной великой княгиней Марией Федоровной: «Вторая личность, изображенная на гравюре — господин Константин. . . Он также болтает на четырех языках; но взамен того, что старший знает по-английски, этот усвоил себе все оттенки языка греческого и говорит брату: “что за дурные французские переводы читаете, вы братец; я читаю подлинники”. Увидя в моей комнате Плутарха, он сказал: “такое-то место переведено очень дурно; я переведу лучше и покажу вам”, и, действительно, принес мне несколько отрывков, которые перевел по-своему и на которых написал: переведено Константином»¹⁶. Вероятно, на основе этого высказывания в литературе встречаются утверждения, что Константин Павлович блестяще знал древнегреческий язык и читал в подлиннике Плутарха¹⁷. Все же, по свидетельству Цезаря Лагарпа, великие князья Александр и Константин изучая историю, читали «Амниотова Плутарха», то есть, перевод.¹⁸ Константина, в связи с «греческим проектом» Екатерины II, обучали не древнегреческому, а новогреческому языку. У него была греческая кормилица, всю его жизнь сопровождал грек по национальности гофмейстер его двора генерал граф Д. Д. Курута. По свидетельству Д. В. Давыдова, его брат видел, как в гневе «разъяренный цесаревич говорил что-то Куруте с особенным жаром на греческом языке»¹⁹.

Как известно, с осени 1809 г. Мария Федоровна стала зимовать не в Павловске, а в Гатчине, и с этого времени гимназический курс был заменен подобием университетского. «Латинский язык был тогда главным предметом, — вспоминал Николай Павлович, — но, врожденная неохота к оному, в особенности от известности, что учимся сему языку для посылки со временем в Лейпцигский уни-

фр. А. Смирнов. Т. I. Вып. 1. М., 1877. С. 23; *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 35. Об обучении Николая Павловича см. также: *Высочиков Л. В.* Николай I. 2-е изд. М., 2006. С. 12–30.

¹⁶Цит. по: *Кобеко Д.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 2001. С. 275–276.

¹⁷*Павлова С. В.* Мраморный дворец. СПб., 1996. С. 63.

¹⁸Записки Лагарпа о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей. 1786–1794 гг. // РС. 1870. Т. 1. № 1. С. 150.

¹⁹*Давыдов Д. В.* Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче // Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 466.

верситет, сделало сие учение напрасным. Успехов я не оказывал, за что часто строго был наказываем, хотя уже не телесно»²⁰. Как видно из письма Фридриха Аделунга Марии Федоровне от 8 октября 1813 г., вдовствующая императрица сочла необходимым изучение также древнегреческого языка, но только в очень ограниченном объеме для понимания терминов, вошедших во французский язык. Предложение Ф. П. Аделунга познакомиться также с древнегреческой мифологией, Марией Федоровной было отвергнуто²¹.

Для Николая Павловича опыт изучения древних языков оказался не вполне удачным и вызывал неприятные воспоминания. Много лет спустя, в 1851 г., по распоряжению Николая I, из библиотеки Эрмитажа в Публичную библиотеку были переданы книги на латинском языке. Министр Императорского двора П. М. Волконский заметил тогда директору Императорской Публичной библиотеки М. А. Корфу: «Государь терпеть не может латыни с тех пор, когда его мучили над нею в молодости, и не хочет, чтобы в новом музее (так называли вначале вновь отстроенный Эрмитаж) оставалось что-то на этом ненавистном ему языке»²². При встрече с М. А. Корфом Николай Павлович добавил: «Терпеть не могу вокруг себя этой тоски»²³. В другом варианте это высказывание у М. А. Корфа звучит так: «Ты не можешь себе представить, какую тоску наводит на меня одно воспоминание о греческих и латинских моих уроках, пользы которых себе я никогда не мог осознать»²⁴.

Тем не менее, начальные сведения, прежде всего, по латинскому языку, Николай Павлович получил. Труды римских авторов использовались тогда в основном в качестве нравоучительного чтения. В письме к матери от 4 сентября 1809 г. «Никош» писал: «Я окончил утреннее занятие латинским языком, в котором перевел одно место из Корнелия Непота о Эпаминонде, величие его характера меня так поразило, что я невольно в первую минуту подумал, что в изображении его кое-что прибавлено из новейших издате-

²⁰Записки Николая I // Николай I: Муж. Отец. Император. Составление и предисловие Н. И. Азаровой. М., 2000. С. 38.

²¹Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I... С. 69–70.

²²Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 36.

²³Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. Т. 102. №6. С. 527. См. также: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 1. Там же.

²⁴Там же. Л. 16.

лей»²⁵. Николай прилежно изучал «Комментарии Юлия Цезаря», поскольку это имело прямое отношение к истории военного искусства. Но он пользовался французским переводом (Le Deist de Botidoux. Paris, 1809). Известно, что Николай, как и его старшие братья в юности, читал также извлечения из Плутарха. А вот сюжеты, связанные с отвлеченной философией ученика не только не интересовали, но вызывали раздражение, которое проявлялось иногда в резких фразах. Однажды, на уроке Н. И. Ахвердова в феврале 1809 г. зашла речь об одном из древнегреческих философов, Николай в свойственной ему безапелляционной манере назвал его «дураком». Преподаватель, которого покорило это выражение, заметил, что уместнее было бы назвать его «сумасшедшим»²⁶.

Дело было не только в не расположенности самого Николая к древним языкам. Вероятно, нужно вспомнить, что начало XIX века ознаменовалось в России отходом образованной части общества от гипертрофированного увлечения античностью и осознанием национальных истоков, формированием русской национальной культуры. Если А. С. Пушкин в лицейском стихотворении 1814 года мимоходом бросает фразу «Сенека, Тацит на столе» (в другом варианте — «Сенека, Плиний на столе»),²⁷ то это совсем не означает, что все учащиеся читали подлинники. В «Евгений Онегине» воспитанник Лицея уже прямо заявляет: «Латынь из моды вышла ныне»²⁸. Еще в большей степени это относилось к древнегреческому языку.

Следя за новыми литературными публикациями, император Николай I обращал внимание на переводы античных произведений на русский язык, хотя, может быть, менее оперативно по сравнению с новинками французской словесности. Сохранились свидетельства его знакомства с переводом «Илиады» Н. И. Гнедичем, который после двадцатилетней работы в 1829 г. издал полный ее текст²⁹. В. Г. Белинский считал, что это «эпоха в нашей литературе» и утверждал, что придет время, когда «“Илиада” Гнедича будет

²⁵ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Л.34 об.

²⁶Там же. Л. 40.

²⁷*Пушкин А. С.* Пирующие студенты // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 59, 349.

²⁸*Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1937. С. 7.

²⁹«Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем. СПб., 1829.

настойной книгою всякого образованного человека»³⁰. В связи с этим, интересно, долгое время, неверно трактовавшееся стихотворение А. С. Пушкина 1834 г. «С Гомером долго ты беседовал один, // Тебя мы долго ожидали. . .», которое вошло в собрания сочинений А. С. Пушкина под названием «К Гнедичу». На самом деле, как аргументировано, показал литературовед Л. М. Аринштейн, оно входило в цикл из 9 стихотворений А. С. Пушкина, посвященных Николаю I³¹. Именно так воспринял эту оду Н. В. Гоголь: «Был вечер в Аничковом дворце. . . Всё в залах уже собралось; но Государь долго не выходил. Отдалившись от всех. . . он развернул “Илиаду” и увлекся ее чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принеся на лице своем следы иных впечатлений»³².

Николай I никогда не отрицал необходимость латинского языка для школьного преподавания в целом, но все же отдавал предпочтение новым языкам, необходимым для общения и усвоения современной европейской культуры.

В 1826 г. «Комитет об устройстве училищ» во главе с министром народного просвещения А. С. Шишковым решил вместо французского языка включить в гимназический курс древнегреческий. Против исключения французского языка, как «роскоши полу знаний», способствующей либеральному образу мышления, в пользу древнегреческого языка, неожиданно резко выступил «лучший знаток и друг древне-классического образования» член Комитета Сергей Семенович Уваров, президент Академии наук (с 1818 по 1855). Он представил особое мнение, в котором, в частности, выразил сомнения «касательно успешного преподавания греческого языка во всех гимназиях». Общий вывод С. С. Уварова состоял в следующем: «Язык латинский, как легчайший, обыкновеннейший и, так сказать, приноровленный к практической жизни, ввести в общий гимназический курс, греческий язык преподавать в гимназиях, состоящих при университетах, т. е. в двух столицах, в Харькове, в Казани, в Дерпте, может в Риге и Митаве, где находятся гимназии в полном значении слова». Комитет не согласился с мнени-

³⁰ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1854. С. 553.

³¹ Подробнее см.: *Аринштейн Л. М.* Николаевский цикл // Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 67. № 4. С. 335–354.

³² *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1952. С. 253–254.

ем С. С. Уварова, но император Николай Павлович рассматривая краткие выписки из журналов занятий Комитета, обратил внимание на мнение С. С. Уварова и собственноручно сделал следующее примечание: «Я считаю, что греческий язык есть роскошь, тогда как французский род необходимости; а потому на это согласиться не могу, а требую подробного изложения причин»³³. В конце концов, было решено оставить французский и латинский языки во всех гимназиях, а древнегреческий ввести только в некоторых из них, что нашло отражение в Уставе 1828 г.

Придавая большое значение образованию, Николай Павлович обратил внимание на С. С. Уварова. Император решил, что именно С. С. Уваров является наиболее подходящей кандидатурой для руководства ведомством народного просвещения. Этому решению предшествовал доверительный вопрос императора (через А. Х. Бенкендорфа): «Желает ли Уваров принять Министерство?» С. С. Уваров скептически относился к будущему России и не скрыл этого от Николая I. На вопрос С. С. Уварова «Не слишком ли поздно?» Николай I ответил: «Я убедился, что вы — единственное орудие, которому я могу доверить эту попытку, и которая будет последней... Это вопрос совести, — добавил он, посоветуйтесь со своей и рассчитывайте на меня»³⁴. Вскоре (1832 г.) С. С. Уваров был назначен товарищем министра народного просвещения князя К. А. Ливена, по отставке последнего стал управляющим Министерством (1833 г.), в 1834 году был утвержден официально министром народного просвещения. Это назначение получило благоприятный отклик в научном мире.

За годы своей министерской деятельности (до 1849 г.) С. С. Уваров завершил формирование учебных программ на основе классического образования, ввел обязательные заграничные стажировки за казенный счет для выпускников, которые предназначались для подготовки к профессорскому званию. На основе нового университетского устава 1835 года в два с половиной раза выросло жалование профессорско-преподавательского состава³⁵.

³³Из истории классицизма в России: Мнение (графа) С. С. Уварова // РА. 1899. Кн. 3. № 11. С. 466.

³⁴Цит. по: *Шевченко М. М.* Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 67–68.

³⁵Подробнее см.: *Шевченко М. М.* Конец одного величия... С. 74.

Историк М. М. Шевченко пишет: «Насколько Николай I склонен был с недоверием воспринимать образованность или ученость в офицере и чиновнике, настолько же готов был приветствовать и поощрять их там, где таковые являлись, так сказать, сословно-профессиональной добродетелью, среди “первенствующего ученого сословия” государства»³⁶. 30 января 1830 года был введен новый штат Академии наук, финансирование Академии увеличилось вдвое. Это было закреплено Уставом 1836 года. Жалованье членов Академии было приравнено к уровню окладов профессоров университетов. С 1841 г. в системе Академии были образованы три отделения. III отделение — исторических наук и филологии — занималось востоковедением, историей, этнографией, языкознанием народов России, а также — классической филологией и античной историей. Согласно Уставу 1836 года вся Академия и каждый ее член состояли «под особым высочайшим покровительством». Император по свойственной ему привычке педантично вникал во все, постоянно был в курсе дел Академии³⁷. В составе Императорской Академии наук состояли известные ученые-классики: Е. Е. Кёлер, Ф. Б. Грефе и Л. Э. Стефани.

В университетах в это время, как отмечает Э. Д. Фролов, было расширено преподавание греческой и римской словесности и древней истории. Тогда же «из числа лучших выпускников русских университетов на базе Дерптского университета, с последующей стажировкой за границей, в Германии, была налажена подготовка новых, по-европейски образованных специалистов».³⁸ В 1835 г. на университетских кафедрах появились в Петербурге — М. С. Куторга, в Москве — В. С. Печерин и Д. Л. Крюков, в Харькове — М. М. Лунин. «Добавим к тому, пишет Э. Д. Фролов, — что в основанном Уваровым в 1834 г. “Журнале министерства народного просвещения”, который стал центральным ученым периодическим изданием в России, ведущее положение с самого начала занял отдел классической филологии».³⁹ В 40-х — начале 50-х гг.

³⁶ Шевченко М. М. Конец одного величия... С. 109.

³⁷ Там же. С. 111. См. также: Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999. Глава первая начинается параграфом «Верховная власть и Академия наук: Николай I и С. С. Уваров». С. 14–29.

³⁸ Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. Изд. 2-е испр. и доп. СПб., 2006. С. 153–154.

³⁹ Там же. С. 154.

XIX века появились монографические исследования, посвященные отдельным греческим городам Северного Причерноморья: Пантикапею (А. Б. Ашик, Г. И. Спасский, П. П. Сабатье, В. В. Григорьев), Херсонесу (Б. В. Кёне) и Тиру — П. В. Беккера⁴⁰.

Знаменитая «триада» С. С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», была перифразом старинного военного девиза «За Веру, Царя и Отечество!» и была сформулирована новым главой министерства в 1832–1833 гг. Многие мысли им были заимствованы у историка М. П. Погодина и Н. М. Карамзина. Позднее уже после кончины Николая I это стало называться «официальной народностью» (в статьях А. Н. Пыпина 1872–1873 гг.). Но, как отмечает историк искусства Е. В. Оноприенко, «выбор сюжетов для Галереи древней живописи (в Новом Эрмитаже. — Л. В.) говорит о том, что составляющие главной идеологии эпохи Николая I — «православие, самодержавие, народность» — получили универсальное звучание, подкрепляемое авторитетом классического искусства»⁴¹. Исследованию античной культуры, во всяком случае, эта формула не мешала, так как С. С. Уваровым ставилась задача воспитания «европейски образованных людей»⁴².

Правительственная политика Николая I выражалась в поддержке различных научных проектов и начинаний, в том числе финансированием. Это вполне проявилось в таких отраслях как классическая археология и публикация результатов исследований античной культуры в Северном Причерноморье. С 1816 г. слово «археология» вошло в научный обиход⁴³. «Собирательство периода “антиквариатизма” сменяется развитием классической археологии, как части целостного комплекса знаний об античности. . . » — пишет историк археологии⁴⁴.

По уточненным данным И. В. Тункиной, «первым государственным хранилищем археологических памятников в Северном Причерноморье стал Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве» (Причем произошло это не в 1806 или 1809 г., а в 1803 го-

⁴⁰ Там же. С. 165–166.

⁴¹ Оноприенко Е. В. Николай I и Лео фон Кленце: Галерея истории живописи и свобода художника под властью монарха // Россия — Германия. Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб.: Б.и., 2004. С. 314.

⁴² Шевченко М. М. Конец одного величия. . . С. 70.

⁴³ Подробнее см.: Лебедев Г. С. История отечественной археологии. . . С. 61–62.

⁴⁴ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. . . С. 62.

ду)⁴⁵. Затем состоялись открытия музеев в Феодосии (решение Феодосийской городской думы от 31 мая 1811 г.), Одесского городского музея древностей (открыт 9 августа 1825 г.) и Керченского музея древностей (официально открыт 2 июня 1826 г.)⁴⁶. Позднее, в 1833 г., для Керченского музея было отведено специальное здание, предназначавшееся ранее для гауптвахты, а с 1835 г. началось государственное финансирование музея. По этому поводу И. В. Тункина пишет: «Специально для музея отстроили здание — факт, красноречиво свидетельствующий о внимании местной администрации к охране памятников “русского Геркуланума”, или “русской Помпеи”, как тогда называли Керчь»⁴⁷. Для музея в Одессе после разрешения императора Николая I, М. С. Воронцов приказал купить кабинет И. П. Бларамберга «на счет доходов города»⁴⁸.

В предшествующее царствование руины античных полисов Северного Причерноморья (Пантикапей, Херсонес, Ольвия) привлекли внимание образованных путешественников. Их посещали И. М. Муравьев-Апостол, В. В. Капнист, А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский. Не остались в стороне император Александр I и великий князь Николай Павлович. О посещении великим князем Николаем Павловичем Новороссийского края в 1816 г., рассказал А. А. Скальковский. Он писал, что последний приехал на развалины Ольвии и «присутствовал при разрытии многих курганов», а найденную серебряную «медаль» подарил Бларамбергу «в знак уважения к его археологическим трудам в этой местности»⁴⁹. По сведениям, приведенным И. В. Тункиной, Николай Павлович посетил Ольвию проездом из Николаева в Одессу 11 июня 1816 г.⁵⁰ На следующий год его маршрут повторил великий князь Михаил Павлович.

Посещал раскопки Николай Павлович и став императором. Во время пребывания в Керчи 24–25 сентября 1837 г. он осмотрел не отправленные к тому времени в Петербург находки из погребения

⁴⁵ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб, 2002. С. 203.

⁴⁶ Там же. С. 213, 216, 220–221.

⁴⁷ Там же. С. 226.

⁴⁸ Там же. С. 216.

⁴⁹ Цит. по: Тункина. И. В. Русская наука о классических древностях Юга России... С. 431–432.

⁵⁰ Цит. по: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России... С. 432.

с золотой маской. Тогда на серебряном блюде из «гробницы царицы Рискупорис» гражданами города были «поднесены были его величеству хлеб-соль. Ашик провел для царя двухчасовую экскурсию по музею, а император вручил наследнику престола найденную «золотую вазу, украшенную драгоценными камнями, для доставления государыне императрице» (в Золотой кладовой Эрмитажа)⁵¹. С рядом памятников император мог ознакомиться и во время посещения Крыма в 1845 г., в частности, в Севастополе. Известно, что увидев в стене Петропавловской церкви мраморный барельеф Феагена, описанный многими путешественниками, император распорядился отправить его в Эрмитаж⁵².

Еще, будучи великим князем, Николай Павлович в меру своих скромных тогда возможностей «спонсировал» археологические изыскания на юге России. В частности, он поддержал деньгами археологические раскопки француза-эмигранта Дюбрюкса под Керчью. По воспоминаниям А. И. Михайловского-Данилевского, во время посещения императором Александром I Керчи 10–11 мая 1818 г. именно он показывал ему свои раскопки, водил в катакомбы и открытые склепы. Дюбрюксу был пожалован бриллиантовый перстень, а он признался, что до сего времени ему выдано из Кабинета ЕИВ пятьсот рублей, а великим князем Николаем Павловичем пожаловано сто рублей. В капитальном исследовании И. В. Тункиной приводятся и другие факты, свидетельствующие об интересе Николая Павловича к археологическим находкам, тем более что по своей должности генерал инспектора по инженерной части великий князь оказывался в курсе различных находок при производстве инженерных работ по его ведомству.

В частности, это касается кургана в 3 верстах от крепости Фанагории, раскопанного в 1818 г. и описанного академиком Е. Е. Кёлером в дневнике 1821 г. О раскопках 1818 г. сообщает и П. Дюбрюкс. Когда в начале августа инженер-подполковник Я. Л. Парокья (Парокья, Парокия, Порокеье, Пароки) приказал брать в этом кургане «глину для выделки кирпичей», случайно были открыты две каменные гробницы и найден золотой статер Филиппа II Македонского. Монета попала в коллекцию велико-

⁵¹Цит. по: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России. . . С. 181, 185.

⁵²*Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России. . . С. 521.

го князя Николая Павловича⁵³. Это же касается раскопок 1817–1818 гг. курганов вокруг станицы Тамань. Я. Л. Парокья доложил начальству об открытых древностях, а военный инженер генерал-лейтенант граф К. И. Опперман сообщил о находках Николаю Павловичу. Великий князь повелел передать таманские находки 1817–1818 гг. на хранение в Императорскую Публичную библиотеку. В 1830-х гг. после открытия керченского кургана Куль Оба находки из раскопок Парокья были переданы в Эрмитаж и хранились «с прочими подобными вещами в особой комнате»⁵⁴. Сохранились списки найденных вещей и их рисунки, выполненные академиком живописи Ф. Г. Солнцевым. В описании Феодосийского музея П. П. Свиныным 1825 г., между прочим, говорилось: «Между монетами примечательнейшими могут почитаться золотая Лизимаха и серебряная Леандра, подаренные музеуму его величеством государем императором Николаем Павловичем, в бытность его еще великим князем»⁵⁵.

Роль главного археологического учреждения России на протяжении всего николаевского царствования играл императорский Эрмитаж, подчиненный Министерству императорского двора. Именно сюда поступали наиболее ценные находки из античных памятников. Большую роль в развитии археологии в целом и античной археологии, в том числе, сыграл Лев Алексеевич Перовский (1792–1856), младший из трех братьев Перовских, внебрачных сыновей министра народного просвещения при Александре I, графа Алексея Кирилловича Разумовского. Он занимал и совмещал различные должности, прежде всего в структуре Министерства императорского двора и МВД. Он был вице-президентом Департамента уделов (1829–1840), министром внутренних дел с оставлением товарищем министра уделов (1841–1852). После временного разделения Министерства Императорского двора на два министерства — Двора и Уделов — он министр уделов, управляющий Кабинетом ЕИВ и Академией художеств (август 1852 — ноябрь 1856).

В бумагах барона В. Г. Тизенгаузена есть сведения, что в 1831 г. А. Н. Оленин предлагал создать общероссийский правительственный орган, ведающий археологическими раскопками. Это предло-

⁵³ Там же. С. 573–574.

⁵⁴ Там же. С. 572.

⁵⁵ Цит. по: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России... С. 213.

жение на два десятилетия опередило свое время. Лишь в 1850 г. все археологические раскопки были подчинены Комиссии для исследования древностей, которую возглавил министр внутренних дел граф Л. А. Перовский. В сущности, именно эта комиссия была первым правительственным органом, руководившем производством археологических работ. В 1851–1853 гг. комиссия организовала ряд экспедиций на территориях Крыма, Тамани и Нижнего Дона. Многие археологические открытия и раскопки в России стали возможны благодаря финансовой поддержке удельного ведомства. Именно Перовский с 1851 г. подавал Николаю I «всеподданнейшие отчеты об археологических изысканиях»⁵⁶ и вел переписку по поводу раскопок на берегу Черного моря⁵⁷. При образовании Министерства уделов по инициативе Л. А. Перовского с 30 августа 1852 г. руководство всеми раскопками в стране было сосредоточено в Кабинете ЕИВ. Тогда же в ведение удельного ведомства был передан Керченский музей. После смерти Л. А. Перовского руководство археологическим раскопками в стране перешло в ведение С. Г. Строганова. Его ближайшим помощником был известный археолог Павел Степанович Савельев (1814–1859). Позднее Строгановская комиссия 2 февраля 1859 г. была реорганизована в Императорскую Археологическую комиссию.

История обнаружения каменного склепа в окрестностях Керчи 22 сентября 1830 г. Куль Оба (в переводе с тат. — «Холм пепла», или «Рассыпной холм») детально рассмотрена И. В. Тункиной. Как только император Николай I узнал об этом открытии, он приказал немедленно доставить вещи в Петербург. Эти древности в сопровождении Д. Карейши и жандарма из Одессы благополучно прибыли в Петербург 11 февраля и через неделю, 18 февраля они поступили в Эрмитаж. Они были выставлены в Мальмезонской галерее музея, где с ними познакомился Николай I. Бывший правитель канцелярии керчь-еникальского градоначальника Дамиан (Демьян) Васильевич Карейша (Корейша, 1808–1878) присутствовал при открытии значительной части куль-обских древностей и как очевидец, вероятно, мог рассказать царю «обстоятельства и

⁵⁶[Перовский Л. А.]. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 году. СПб., 1855.

⁵⁷Граф Алексей Сергеевич Уваров. Сборник: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. Издание ко дню 25-тилетия со дня кончины. Т. 3 / Под ред. П. С. Уваровой. М., 1910. С. 12–125.

подробности находки». Позднее 13 мая 1838 г. он был причислен к Кабинету ЕИВ с жалованьем при керчь-еникальском градоначальстве, «для продолжения разысканий в Крыму боспорских древностей». Он неоднократно награждался орденами и бриллиантовыми перстнями «за труды, понесенные при разыскании древностей и за усердие по сему предмету» (1831, 1833), а также единовременными выдачами денежных сумм для производства работ. Как отмечает И. В. Тункина, «Министерство Имп. Двора совершенно не интересовал конкретный археологический подтекст находок. Николай I требовал доставки в Петербург лишь золотых вещей и высокохудожественных памятников античного искусства»⁵⁸. Это приводило к разъединению объектов их одних археологических комплексов. Поступавшие в Петербург керченские древности вплоть до открытия Нового Эрмитажа хранились в Мальмезонской комнате и Овальном кабинете. Позднее, когда 27 октября 1851 г. Л. А. Перовский представил императору доклад «О проводимых близ Керчи археологических разысканиях», император согласился с его мнением, чтобы в случае обнаружения нескольких экземпляров — двойные оставлять в Керчи для музея⁵⁹. В 1851 г. по инициативе Ф. А. Жилия в нижнем зале Музея был открыт специальный Керченский зал, в котором выставлялись практически все находки античного времени из различных регионов Причерноморья.

Еще в 1841–1843 г. Ф. А. Жиль и П. М. Волконский, обобщая результаты раскопок причерноморских археологов, выдвинули проект монументального научного издания боспорских древностей. По высочайшему повелению, «издание было осуществлено под редакцией директора I (античного) отделения Эрмитажа акад. Л. Э. Стефани с текстом Ф. Жилия. Книга вышла в С.-Петербурге в 1854 г. на русском и французском языках, с роскошными иллюстрациями и планами в гравюрах и хромофотографиях (2 тома и атлас, всего 3 тома in folio)⁶⁰ под названием «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитаже». На это издание было потрачено 29 662 р. 99 к. сер, а общий тираж составил 200 экз. Книга рассылалась в качестве подарков иностранным королевским дворам, музеям, обществам и лишь 140 экземпляров были

⁵⁸ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России... С. 180.

⁵⁹ Там же. С. 253–254.

⁶⁰ Там же. С. 166.

пущены в свободную продажу. Почти полвека спустя, в 1892 г., труд как эталонная публикация эрмитажных коллекций, был переиздан во Франции⁶¹.

Помимо раскопок в окрестностях древнего Пантикапея археологи с разным успехом обследуют другие местности юга России — Тамань, Новороссийские губернии, Бесарабию. По записке Д. В. Карейши 2 июня 1848 г. «О дальнейшем разыскании древностей на юге России», Николай I утвердил финансирование раскопок в сумме 1700 руб. сер. в год из сумм Кабинета⁶².

В 1853 г. начались раскопки древнего Танаиса. 12 марта 1853 года Николай I ознакомился с запиской, проходившей в журнале Канцелярии Министерства уделов как «Всепопданнейший доклад» за № 59. Это была докладная записка «О селении Недвиговке, находящемся на месте древнего Танаиса», подписанная Л. А. Перовским. На просьбу о финансировании была наложена резолюция «Высочайшее повеление исполнить». На Дон были посланы специалисты во главе с профессором Московского ун-та П. М. Леонтьевым⁶³.

В том же году были проведены масштабные раскопки Херсонеса. После поездки на Черноморское побережье в 1848 г. одним из ведущих археологов становится чиновником особых поручений при МВД, надворный советник камер-юнкер граф Алексей Сергеевич Уваров (1828–1884), сын министра народного просвещения. Он стал известен своим трудом «Исследование о древностях Южной России», которое было опубликовано в 2 частях с атласом в 1851–1856 гг. Перейдя в штат Кабинета ЕИВ в 1853 г. камер-юнкер А. С. Уваров продолжил свои археологические исследования. По распоряжению Николая I им было начато изучение скифских курганов Приднепровья, и Новороссии. Были проведены масштабные археологические раскопки в окрестностях древнего Танаиса, в Ольвии, близ Феодосии, Херсонесе, Неаполе Скифском.

В 1853 г. камер-юнкеру А. С. Уварову было поручено проведение

⁶¹ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии ... С. 77; *Туркина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России... С. 241; *Евтушенко М. М.* Академик Ф. Г. Солнцев и его вклад в освоение древнерусского культурного наследия... Л. 51.

⁶² Там же. С. 272.

⁶³ *Бойко А. Л.* «Высочайше повеление исполнить...» или 24 марта — день донской археологии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. / Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Вып. 19. Азов, 2004. С. 9–11.

раскопок в Херсонесе. Найденные им свыше 200 памятников античного и византийского декоративно-прикладного искусства, монеты были отправлены в Петербург. Тогда же 7 ноября 1853 г. в северной части городища у моря им была обнаружена «Уваровская базилика»⁶⁴. Итоги раскопок в 1853 г. были подведены в специальной книге: Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 году (СПб., 1855). В связи с началом Крымской войны, по представлению Л. А. Перовского, мозаичный пол открытой базилики, император повелел немедленно перевезти в Эрмитаж. Это было осуществлено Уваровым в мае 1854 г. и спасло мозаику, так как французы и англичане, покидая Севастополь, прихватили с собой многие древности, частично попавшие затем в Британский музей⁶⁵. Англичанами были разграблены и коллекции Керченского музея.

Феодосийские курганы в окрестностях города были исследованы «состоящим при Кабинете Его Величества камер-юнкером князем Сибирским»⁶⁶. В отчете за 1853 год сообщалось: «Дабы основательнее исследовать эту местность, в 1853 году, поручено было профессору Академии художеств Айвазовскому призвести, в виде опыта, раскопку некоторых курганов. Попытка эта увенчалась полным успехом и найденные в них золотые вещи удостоены были внимания и удобрения государя императора»⁶⁷.

Отдельного рассказа заслуживают сюжеты, связанные с финансированием Николаем I исследований по памятникам античности, его роль в коллекционировании произведений античного искусства, античные мотивы в архитектурных постройках⁶⁸ и интерьерах императорских резиденций второй четверти XIX века⁶⁹.

⁶⁴ *Туркина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России... С. 528.

⁶⁵ Там же. С. 529.

⁶⁶ [Перовский Л. А.] Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 году. СПб., 1855. С. 121.

⁶⁷ Там же. С. 126.

⁶⁸ *Петрова Т. А.* Архитектура неогрек в творчестве А. И. Штакеншнейдера. К вопросу о природе греческого стиля // В тени больших стилей. Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002; *Пашкова Т. Л.* Неогреческий стиль в архитектуре России и Германии: Художественные особенности и идеология // Россия — Германия. Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб.: Б.и., 2004. С. 335–357.

⁶⁹ См., в частности: *Калугина Е. О.* Произведения Императорского стеклянного завода 1830–1870-х годов в этрусском и помпейском стилях // В тени

Подводя итоги неизбежно неполному обзору подходов императора Николая I к античным древностям и античному искусству, следует признать его роль весьма значительной, в целом положительной, и далеко не исследованной.

больших стилей. Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002; *Канева М. И.* Античность в стилистике русской мебели русского ампира. [Материалы Царскосельской научной конференции]. Вып. 3. Амфир в России. Краткое содержание докладов III Царскосельской научной конференции. СПб., 1997; *Кнабе Г. С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: Программа-конспект лекционного курса. М., 2000.

Из истории института главы правительства в императорской России (1905–1914 гг.)

Проведенная на основании именного указа 19 октября 1905 г. реформа Совета министров заметно изменила его положение в аппарате власти самодержавия¹. Являвшийся ранее весьма редко собиравшийся императором совещательным учреждением, чья «деятельность в значительно большей степени зависела от сиюминутных распоряжений монарха, чем от законом установленных норм», Совет отныне стал «самостоятельным, юридически обособленным от императора, постоянным высшим органом государственного управления»². Монарх теперь должен был руководить работой основных звеньев бюрократического механизма, т. е. отдельных ведомств, преимущественно не напрямую как прежде, а через Совет. Последний, напоминая многими чертами кабинеты министров в конституционных государствах, вплоть до Февральской революции официально считался и фактически являлся правительством страны — органом, отвечавшим перед носителем верховной власти, за правильный ход государственного управления»³. Преобразованный Совет нередко именовался «объединенным правительством», что подчеркивало его значение как учреждения, призванного непосредственно координировать и направлять в общее русло деятельность различных (в первую очередь — центральных) административных структур и покончит с застарелым недугом российской имперской государственности — ведомственным сепаратизмом.

Одним из важнейших результатов реформы Совета министров являлось создание впервые в истории российской государственности института главы правительства — председателя Совета министров. Он призван был играть роль, во многом сходную. С той, которую играли премьер-министры в странах с конституционны-

¹Подробнее см. напр.: *Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм. (Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 27–44; *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб., 2006. С. 478–479, 482–483, 487, 498–500; *Макаров С. В.* Совет министров Российской империи. 1857–1917: государственно-правовые проблемы. СПб., 2000. С. 43–76.

²*Макаров С. В.* Указ соч. С. 93.

³Особые журналы Совета министров царской России. 1906–1917 гг. Публикация. 1907 год. Ч. 2. Т. IV. М., 1985. С. 662–663.

ми режимами. Как известно, вопрос об учреждении в России в какой-либо форме поста премьера неоднократно поднимался еще в XIX в. Соответствующие предложения тогда осуществления не получили. «Учреждения 1-го министра я никогда не допущу», — заметил Александр II⁴. Ненужным и нежелательным считали институт премьера в сущности все российские монархи. Определенно судить о том, чем они лично в данном случае руководствовались трудно.

Впрочем, многие представители бюрократической элиты, демонстрируя равным образом, отрицательное отношение к любым попыткам создания института главы правительства, полагали, что «в отсутствие палаты (т. е. представительного органа — *М. Ф.*) первый министр будет визирем, ограничивающим самодержавие»⁵. Вероятно, эти опасения разделяли и российские монархи.

Учреждение должности главы правительства, несомненно, означало бы делегирование е ему некоторых, принадлежавших ранее исключительно монарху полномочий в сфере непосредственного руководства работой центральных звеньев бюрократического аппарата. В принципе, однако, устои самодержавия это отнюдь не подрывало. Существование на Востоке института «визирата» как будто бы не умаляло прерогатив верховного правителя. Отечественный опыт (российский вариант «визирата», как считалось, нашел наиболее яркое воплощение в деятельности А. А. Аракчеева) равным образом не свидетельствовал о том, что появление на политическом горизонте империи фигуры, играющей роль первого министра, обернется ограничением самодержавия. Правда, противники создания в России института главы правительства во время обсуждения вопроса о реформе Совета министров и об учреждении поста его главы, подчеркивали, что «монарх должен иметь возможность выслушивать различные мнения, извлекать общие руководящие начала управления из сравнения выгод и невыгод различных направлений». С учреждением кабинета с первым министром во главе верховная власть лишится этого главнейшего средства для непосредственного знакомства с действительным ходом управления. Тогда первый министр... явится для нее единственным источником всех

⁴ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 159.

⁵ Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 73.

сведений о положении дел в государстве»⁶. В результате свобода волеизъявления монарха окажется существенно урезанной.

Абстрактно верные эти рассуждения совершенно игнорировали реальную ситуацию, складывавшуюся в сфере высшего управления империей к началу XX в. Во-первых, при прогрессирувавшем усложнении задач, решавшихся государственной властью, (об извлечении «общих руководящих начал» из сплошь и рядом противоречащих друг другу рекомендации отдельных министров становилось для одного человека, т. е. для монарха, независимо от его способностей, делом все более сложным, если не носильным. Это осознавал, в частности, Александр III. По свидетельству хорошо осведомленного и правдивого современника, царь понимал, что «ему одному совершенно не под силу разбираться в массе государственных дел, весьма разнообразного, специального содержания». В результате Александр III «остановился на мысли иметь несколько помощников, достойных полного доверия» посчитав таковыми министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова, командующего императорской Главной квартирой О. Б. Рихтера и начальника своей охраны П. А. Черевина «просил их помогать ему разбираться в докладах и отчетах»⁷. Правда, от этого замысла царю вскоре пришлось отказаться, в частности, потому, что члены упомянутого триумvirата в конечном итоге убедили императора освободить их от возложенного на них непосильного бремени⁸. Однако сама по себе такая весьма экстравагантная затея все же, представляется весьма показательной. Во-вторых, непосредственное руководство работой ведомств неизбежно вовлекая монарха в решение вопросов сравнительно маловажных, сугубо специальных, снижало в результате его способность заниматься делами «общего характера и широкого значения». В. В. Розанов, несколько сгущая краски, но все же и не без оснований отмечал, что «лесу жизни» носитель верховной власти не видит за «перед нам натащенной поленицею дров (т. е. за всякого рода административными мечтами — М. Ф.)»⁹. Учреждение института главы правительства, образование кабинета во всяком случае теоретически позволило решить данную

⁶ Министерская система в Российской империи. М., 2007. С. 17.

⁷ Александр III. Воспоминания. Дневники. СПб., 2002. С. 104.

⁸ Там же. С. 195.

⁹ *Розанов В. В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. С. 45.

проблему. Существующие же порядки, вероятно, ущемляли prerogatives короны не в меньшей степени нежели порядки, за которые ратовали приверженцы реорганизации самой администрации на конституционный манер. Планы последних противоречили собственно не самому принципу концентрации всей полноты власти в руках монарха, а традиционным, глубоко укоренившимся представлениями о царской миссии, предполагавшим максимально широкое личное участие верховного правителя в решении государственных дел.

Давившее себя знать на протяжении весьма продолжительного времени отрицательное отношение многих сановников к попыткам учреждения института премьера обуславливалось, впрочем, и иными соображениями. Далеко не все представители бюрократической элиты, готовые повиноваться монарху, были готовы подчиняться хоть в какой-то степени также и выходцу из своей среды, т. е. первому министру как главе правительства. Монарх, вознесенный, как считалось, благодаря исполнительности статуса носителя верховной власти над всеми мелкими расчетами, казался менее склонным к произволу, нежели «простой смертный». В записке, подготовленной в Министерстве финансов во время обсуждения в верхах вопроса о реформе Совета министров, специально указывалось на нежелательность сосредоточения соответствующих полномочий «в руках лица, самым фактом своего рождения и воспитания не поставленного (в отличие от императора — *М. Ф.*) на такую высоту, с которой можно бесстрастно взирать на волны кипящей внизу жизни, в руках лица, которое, наоборот, наравне со всеми подданными самодержавного монарха вращается в самой пучине этой жизни, связано с ней бесчисленными нитями симпатий и антипатий, житейских связей и отношений»¹⁰. Присущая российской бюрократической элите высокая степень социальной и политической разнородности, порождавшая многочисленные и острые коллизии, делала высказанные в приведенных соображениях в завуалированной форме опасения по поводу возможности использования премьером полученной власти во вред неугодным ему сановникам, что грозило создать в верхах атмосферу, напоминающую атмосферу «эпохи дворцовых переворотов», были отнюдь не беспочвенными. При самодержавии первым министром, очевид-

¹⁰Министерская система в Российской империи. С. 194.

но, стал бы «любимец (царя — *М. Ф.*), временщик»¹¹. Появление же фигур такого рода уже воспринималось русским образованным обществом (и многими представителями высшей бюрократии, являющейся частью этого общества) «как оскорбление своей политической и гражданской зрелости»¹². Самодержавие с первым министром, действительно, слишком напоминало бы восточные деспотии с их визиратом. Это мешало соответствующим планам завоевывать себе приверженцев в вестернизированной бюрократической среде, и являлось одним из факторов, обуславливавших негативное отношение к данным планам монархов, противопоставлявших во всяком случае с эпохи Екатерины II политический строй России деспотическим режимам. Наконец, в неприятии планов, предусматривавших учреждение поста главы правительства по крайней мере некоторыми представителями высшей бюрократии, вероятно, играли роль и личные амбиции. Так, по мнению С. Ю. Витте, рассуждавшего в своих мемуарах о мотивах, по которым осенью 1905 г. тогдашний министр финансов В. Н. Коковцов выступал против преобразования Совета министров в кабинет с премьером (т. е. председателем Совета министров) или, точнее сказать, за всемерное ограничение прерогатив последнего, полагал, что В. Н. Коковцов в данном случае руководствовался «узким самолюбивым чувством», понимая, что лично он премьером не будет¹³. Насколько С. Ю. Витте был прав в своей оценке позиции В. Н. Коковцова, который как известно, спустя шесть лет все же возглавил правительство, сказать трудно. Возможно, сам В. Н. Коковцов во власти этого «узкого самолюбивого чувства» и не находился. Однако весьма, вероятно, что оно было так или присуще кому-то из сановников, занимавших в вопросе о роли Совета министров позиции, схожие с позицией финансового ведомства.

К созданию в России кабинета , руководимого премьером, подтолкнул в итоге возведенный актами 6 августа 1905 г. созыв Государственной думы. С переходом к представительному строю (пусть пока еще в законосовещательном, «булыгинском», варианте) если не все то по крайней мере многие доводы, приводившиеся против-

¹¹ *Чичерин Б. Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 489. Этот вывод Б. Н. Чичерина подтверждала практика. См.: *Чернуха В. Г.* Указ соч. С. 188.

¹² *Раев М.* Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон. 1990. С. 158.

¹³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 196.

никами соответствующей реорганизации высшего административного аппарата, потеряли силу. С другой стороны, сохранение прежних порядков, при которых непосредственное руководство работой ведомств осуществлял лично царь, в новых условиях становилось крайне неудобным. Как свидетельствовал опыт эволюции европейских государств, в процессе утверждения парламентаризма «монарх уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть держащей ответ перед парламентом, ведущий переговоры с партиями»¹⁴. Это обстоятельство хорошо осознавалось частью российских бюрократических верхов, сумевшей в итоге возобладать над своими оппонентами. Автор одного из проектов реформы Совета министров, ратуя за создание поста председателя Совета, главы правительства, обращал внимание Николая II на то, что в противном случае «в действительности разрозненные отдельные части (управления. — *М. Ф.*) будут, однако, внешне объединены в лице верховной власти, именем коей они действуют и изъявлением воли коей они прикрываются. Этим верховная власть, низведенная на степень руководителя в данную минуту у кормила правления стоящего правительства неминуемо будет вовлечена в борьбу партий». Между тем «самодержавная власть прежде всего должна быть равно возвышена над всеми партиями и сословиями, над правящими и управляемыми. . . »¹⁵. В конечном счете в результате длительных и острых дискуссий в верхах и появился именной указ 19 октября 1905 г., реорганизовавший, как отмечалось, Совет министров во многом по образцу кабинетов министров в конституционных государствах и в этой связи помимо прочего возложивший непосредственное руководство преобразованным Советом на особое должностное лицо — председателя Совета министров как на главу «в данную минуту у кормила правления стоящего правительства».

Назначавшийся царем и несший перед ним ответственность за свои действия председатель Совета министров согласно указу 19 октября 1905 г. (впоследствии на основании этого акта был подготовлен закон о Совете министров — Учреждение Совета министров) мог одновременно и заведовать какой-либо «частью государственного управления. В Советании Д. М. Сельского, готовившем осе-

¹⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 660.

¹⁵ Министерская система в Российской империи. С. 113.

нию 1905 г. реформу Совета министров, возникли разногласия по вопросу о допустимости для премьера находиться во главе какого-либо ведомства. Точка зрения большинства участников дискуссии, полагавшего, что «председатель может управлять или не управлять министерством»¹⁶, в итоге возобладала и получила одобрение императора. В истории института главы правительства императорский России встречались оба варианта. Из премьеров довоенной поры двое — П. А. Столыпин и В. Н. Коковцов, как известно, возглавляли параллельно соответственно Министерство внутренних дел и Министерство финансов. Руководство этими влиятельными ведомствами давало П. А. Столыпину и В. Н. Коковцову в руки дополнительные рычаги для воздействия на прочих чинов кабинета. По небезосновательному мнению известного консервативного публициста М. О. Меньшикова оба премьера «подавляли своих коллег не только председательским званием, но и могуществом своих ведомств»¹⁷. Возможно, в частности, именно в этой связи Николай II, не желавший чрезмерного укрепления позиций главы правительства, извещая в январе 1914 г. В. Н. Коковцова о его увольнении с занимаемых постов, особо отметил, что на опыте «последних 8 лет» убедился в нецелесообразности соединения «в одном лице должности председателя Совета министров с должностью министра финансов или министра внутренних дел»¹⁸.

Полученные премьером как главой правительства по закону полномочия уже неоднократно являлись предметом всестороннего анализа и в настоящей статье нет необходимости давать им развернутую характеристику. Отметим только, что эти полномочия были весьма обширны. Дореволюционный правовед Б. Э. Нольде полагал даже, что закон отводил премьеру по отношению к его коллегам по кабинету «начальственную роль»¹⁹. Конечно, от своего имени председатель Совета министров не мог давать главам ведомств каких-либо указаний. Этим правом по-прежнему обладал только император. Однако и от своего председателя члены кабинета в известном смысле все же зависели. Именно премьер докладывал царю

¹⁶ Дневник А. А. Половцова. С. 69.

¹⁷ Новое время. 1914. 8(21) марта.

¹⁸ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 230.

¹⁹ Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 17, 178

обсуждавшиеся в Совете дела, если они требовали для своего решения санкции монарха, а также вообще все те, по которым «в Совете министров не состоялось единогласного заключения»²⁰. Председатель Совета имел право обращаться к «начальникам отдельных ведомств и частей управления с требованиями «о доставлении ему необходимых сведений и объяснений»²¹. При известных обстоятельствах санкция председателя могла заменять решение кабинета как коллективного органа. Так, начальники ведомств обязаны были информировать премьера «о всех выдающихся, происходящих в государственной жизни событиях и вызванных ими мерах и распоряжениях», каковые «меры и распоряжения» выносились далее на обсуждение Совета, если это признавал нужным глава правительства. Равным образом и имеющие общее значение всеподданнейшие доклады министров и главноуправляющих по ознакомлению с этими документами премьера могли не только предлагаться далее на рассмотрение Совета, но и «по соглашению его (премьера. — М. Ф.) с подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью» докладываться «сими последними непосредственно государю при том, в случае необходимости, в присутствии председателя Совета министров»²². На особом положении, впрочем, находились министры военной, морской, иностранных дел и императорского двора, пользовавшиеся в своих отношениях к председателю Совета министров значительной самостоятельностью. Назначение тех или иных лиц на министерские должности являлось и после реформы Совета министров, прерогативой короны. Однако, премьер имел право представлять царю рекомендации по поводу замещения соответствующих постов за исключением постов министров военного, морского и императорского двора. Одобренное Николаем II решение Сопения Д. М. Сольского, предусматривавшее наделение этим правом председателя Совета министров, было сочтено целесообразным не опубликовывать «во избежании превратных его толкований (вероятно, чтобы не давать повода к слухам о том, будто министры отныне суть всего лишь ставленники премьера, а не лица, облеченные «монаршим доверием» — М. Ф.)»²³.

²⁰ Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сборник законодательных актов. М., 1995. С. 147.

²¹ Там же

²² Там же. С. 148.

²³ Цит. по: *Макаров С. В.* Указ соч. С. 76.

Председателю Совета подчинялась Канцелярия Совета министров. В сущности она являлась тем инструментом, с помощью которого премьер руководил работой кабинета. Непосредственно при реорганизации Совета осенью 1905 г. специальной канцелярии для него создано не было и о том, какая структура должна вести делопроизводство Совета, в указе 19 октября 1905 г. ничего не говорилось. При первом премьере — С. Ю. Витте данными вопросами «занималась часть Канцелярии Комитета министров»²⁴, на базе которой после ликвидации в апреле 1906 г. последнего и была образована собственно канцелярия Совета министров. Ее зависимость от премьера получила юридическое оформление в Учреждении Совета министров. Показательно то, что в свое время управляющий делами Комитета министров (т. е. начальник его канцелярии) председателю Комитета не подчинялся, «имел непосредственный всеподданнейший доклад, все дела комитета восходили на разрешение государя через него и всеподданнейшие отчеты о деятельности Комитета составлялись от его имени»²⁵. Иной характер носили отношения между премьером и управляющим делами Совета министров. Последний (по каким-то причинам о нем в Учреждении Совета даже не упоминалось), хотя и назначался императором, однако правом всеподданнейшего доклада не обладал и являлся фигурой, всецело подчиненной председателю Совета. Осуществляя, таким образом, общее руководство «канцелярской стороной» работы кабинета, премьер получал дополнительные возможности для воздействия на принимаемые Советом решения, возможности неформальные, в какой-то степени способные компенсировать нехватку полномочий официальных. Канцелярии высших государственных учреждений традиционно играли весьма важную роль в системе управления империи. Собирая и обрабатывая необходимую для принятия решений информацию, готовя проекты этих решений и т. п., канцелярии оказывали ощутимое влияние на деятельность тех структур, чьи делопроизводственные нужды они обслуживали. Естественно поэтому, что, в частности, П. А. Столыпин в бытность свою председателем Совета министров, стремясь к всемерному укреплению позиций премьера, уделял большое внимание работе Канцелярии Совета. Глава кабинета лично курировал процесс подготовки в кан-

²⁴ Совет министров Российской империи 1905–1906. СПб., 1990. С. 7.

²⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 5. Д. 3. Л. 60б.

целярии проектов особых журналов Совета (т. е. документов, отражавших обсуждение в Совете министров тех или иных вопросов и принятые по ним решения), посвященных наиболее важным делам²⁶. Управляющему делами Совета П. А. Столыпин пытался поручать выполнение важных и ответственных обязанностей, не связанных с руководством Канцелярией. Осенью 1908 г. премьер как будто бы собирался возложить на управляющего делами функции председателя в так называемом Малом Совете министров — т. е. в совещании товарищей министров, образовывавшихся для рассмотрения текущих административных вопросов и отказался от этой мысли лишь ввиду слишком невысокого служебного статуса управляющего²⁷. Весной 1909 г., по-видимому, в недрах Канцелярии Совета министров были подготовлены предложения, предусматривавшие «присоединение» Отделения Свода законов Государственной канцелярии к Канцелярии Совета министров. В компетенцию этого Отделения входили вопросы кодификации (издание Полного Собрания и Свода законов, продолжение к Своду и пр.) и подготовки экспертных заключений по поводу ведомственных законопроектов и проектов актов верховного управления. С «присоединением» отделения Свода законов к канцелярии Совета, или, иначе говоря, с подчинением его премьеру, контроль последнего за соответствующей направленностью деятельности глав ведомств несомненно существенно усилился бы. При этом в «сфере влияния» председателя Совета оказалось бы и вообще такое важное звено регулирования общественной жизни, как кодификация, важное особенно потому, что существующие порядки открывали широкий простор для проявления субъективных предпочтений составителей Свода законов. В силу причин, о которых можно только гадать, этот план, однако не был реализован²⁸. Что же касается собственно глав Канцелярии Совета, то уже после смерти П. А. Столыпина занимавшему данный пост Н. В. Плеве было поручено параллельно исполнять обязанности заместителя представителя Кавказского наместника в высших

²⁶См., напр.: П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 436.

²⁷Ср.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 3. Л. 6об. И там же: Л. 4–4об.

²⁸Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* Государственный секретарь Ю. А. Икскуль фон Гильденбанд и проблема нормотворчества в России в период думской монархии // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. Сборник статей памяти М. М. Шумилова. СПб., 2004. С. 246.

государственных учреждениях²⁹. Таким путем, очевидно, имелось ввиду повысить эффективность контроля со стороны главы кабинета за действиями местной администрации.

В соответствии с решениями Совета министров от 23 сентября 22 декабря 1909 г. в фактическое подчинение премьера перешло Санкт-Петербургское телеграфное агентство, находившееся ранее в «составе установлений Министерства финансов». Кабинет в данном случае руководствовался тем, что ввиду «значительного за последние годы развития деятельности названного учреждения (Агентства. — *М. Ф.*), имеющего целью не только ознакомление населения империи и иностранных государств с наиболее выдающимися явлениями русской жизни, но и проведение в широкие слои населения необходимых сведений о взглядах и предначертаниях правительства агентство это вышло за рамки ведомственного установления, приобретя более широкое значение — осведомительного органа всего правительства в совокупности»³⁰. В результате и было решено передать его в ведение Совета министров, а по существу премьера, поскольку именно он должен был назначать непосредственного начальника Агентства — директора-распорядителя и его заместителя — второго директора. Премьеру же кабинет поручил дать Санкт-Петербургскому телеграфному агентству инструкции относительно порядка взаимодействия последнего с Министерством иностранных дел. П. А. Столыпин как глава правительства мог оценить эффективность работы Агентства еще во время избирательной кампании во II Государственную думу. Если верить В. Н. Коковцову, то председатель Совета министров, получая информацию о ходе выборов по линии Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел, был настроен весьма оптимистично и полагал, что «выборы окажутся более благоприятными (для правительства. — *М. Ф.*) в смысле распределения членов Думы по политическому их настроению, нежели это было в первой Думе»³¹. Сведения же, поступавшие к В. Н. Коковцову как к министру финансов от представителей Телеграфного агентства носили диаметрально противоположный характер. Будучи ознакомлен с той информацией, П. А. Столыпин даже заподозрил аппарат агентства в некомпетент-

²⁹РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 440. Л. 9.

³⁰Особые журналы Совета Министров императорской России. 1909 год. М., 2000. С. 517.

³¹*Коковцов В. Н. Указ. Соч. Кн. 1. С. 213.*

ности. «Затем, — отмечал в своих воспоминаниях В. Н. Коковцов, — печальная действительность очень быстро доказала, что агентство было совершенно право...»³². II Дума по своему составу, как известно, оказалась левее Думы первого созыва.

Глава кабинета принимал участие в работе ряда высших правительственных коллегий. По должности он являлся членом Комитета финансов. Позднее, уже в годы первой мировой войны, после смерти председателя Комитета С. Ю. Витте в начале 1915 г. тогдашний председатель Совета министров И. Л. Горемыкин стал его преемником. Глава правительства руководил также работой образованного осенью 1906 г. Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского, а в случае необходимости приглашался на правах члена на заседания Совета государственной обороны, председательствовал в котором великий князь Николай Николаевич. В III Государственной Думе вскоре после начала ее работы раздавались призывы превратить Совет государственной обороны в орган, «непостоянно действующий, а только периодический, состоящий из министров, под председательством самого царя или председателя Совета министров и имеющий своей целью согласование действий правительственных властей не в пределах исключительно военного и морского ведомств, а в масштабе общегосударственном, общеимперском»³³. Эти планы соответствовали желаниям П. А. Столыпина, находящегося в весьма натянутых отношениях с великим князем И, вероятно, они, если премьером и не инспирировались, то, скорее всего, выдвигались с его ведома. Впрочем, упомянутые думские инициативы так и не были реализованы, хотя идеи о возложении обязанностей председателя Совета государственной обороны на монарха (но не на премьера) Николай II сочувствовал³⁴. В конце концов все ограничилось сначала фактическим прекращением деятельности Совета государственной обороны в июле 1908 г., а затем и формальной его ликвидацией в августе 1909 г.

Осенью 1909 г. согласно санкционированному царем решению кабинета при Совете министров был учрежден Комитет по заселению Дальнего Востока. Председателем Комитета предполагалось

³²Там же. С. 214.

³³Кузин В. В. Совет государственной обороны в России (1905–1909 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1950.

³⁴Полливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 70.

сделать одного из членов Совета. Эту миссию Николай II поручил П. А. Столыпину³⁵, после смерти которого данные функции выполняли его преемники на посту премьера (сначала — В. Н. Коковцов, затем — И. Л. Горемыкин). В упоминавшемся выше Малом Совете министров, который фактически был создан еще в мае 1906 г., председательствовал, правда, обычно член кабинета, являвшийся заместителем премьера. По-началу «вице-премьер» передавал императору на утверждение и решения Малого Совета, нуждавшиеся в царской санкции. Однако с конца 1909 г. докладчиком монарху по вопросам, рассматривавшимся в Малом Совете, стал председатель Совета министров. Согласно принятому кабинетом 22 сентября 1909 г. и одобренному Николаем II решению премьер получил право передавать на обсуждение Малого Совета в принципе любые «советские дела» (ранее Малый Совет занимался только делами, унаследованными кабинетом от Комитета министров)³⁶.

Глава правительства обычно председательствовал в созывавшихся по мере необходимости Особых совещаниях разного рода. Здесь обсуждались, чаще всего внешнеполитические проблемы³⁷, но не только они. П. А. Столыпин руководил работой образованного согласно распоряжению Николая II от 16 февраля 1909 г. Особого совещания занимавшегося рассмотрением программы развития русского флота³⁸.

Членами этого Совещания являлись военный и морской министры, министр финансов, а также начальники Генерального и Морского генерального штабов. Предметом обсуждения в подобного рода собраниях высших должностных лиц являлись и внутривнутриполитические дела. Так, 30 марта 1912 г. в созванном по инициативе тогдашнего премьера В. Н. Коковцова Особом совещании рассматривался вопрос о мерах по предупреждению забастовки судовых команд на Черном море. Участниками обсуждения были

³⁵Особые журналы Совета министров императорской России. 1909 год. С. 240.

³⁶Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* К истории образования и деятельности Малого Совета министров (1906–1914) // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1977. Вып. 1. № 2. С. 144–148.

³⁷Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1978. Вып. 1. № 2. С. 35–39.

³⁸Особые журналы Совета министров императорской России. 1910 год. М., 2001. С. 128.

(помимо самого В. Н. Коковцова) некоторые члены кабинета (министры внутренних дел и юстиции), товарищи морского министра и министра торговли и промышленности, директор Департамента полиции, Одесский градоначальник и прокурор Одесской палаты³⁹. Принятые решения были представлены на утверждение царю непосредственно, без обсуждения в Совете министров. 8 и 13 марта 1914 г. И. Л. Горемыкин, только что назначенный главой правительства, созвал Особое совещание для обсуждения всеподданнейшего прошения В. Ф. Трепова, ходатайствовавшего о пересмотре решения Совета министров от 27 февраля 1914 г. относительно условий полученной им концессии на строительство Южно-Сибирской железной дороги. Эта просьба была передана императором И. Л. Горемыкину, который (хотя речь шла о возможности отмены постановления кабинета) счел целесообразным обсудить «означенное прошение» лишь «при участии ближайшее заинтересованных в вопросах железнодорожного строительства министров: военного и путей сообщения, управляющего Министерством финансов и государственного контролера»⁴⁰. Вопреки решению кабинета Совещание сочло возможным удовлетворить «в виде изъятия» просьбу В. Ф. Трепова, о чем И. Л. Горемыкин без повторного рассмотрения дела в Совете министров и доложил Николаю II.

На протяжении всего периода от реформы Совета министров и до начала первой мировой войны сфера контроля премьера за работой различных государственных структур имела устойчивую тенденцию к расширению. Наступление самодержавия на автономию Финляндии, начатое после первой русской революции, вовлекло в орбиту влияния главы правительства администрацию Великого княжества⁴¹. Постепенно усилился контроль главы правительства за деятельностью Военного и Морского министерств, Министерства иностранных дел, а также наместника на Кавказе⁴². Пре-

³⁹РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 160. Л. 1-11.

⁴⁰Там же. Д. 161. Л. 3.

⁴¹Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 150–151.

⁴²Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* 1) Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. С. 35–39; 2) Совет министров и военные ведомства в 1907–1914 гг. // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993. С. 75–86; 3) Совет министров и Кавказское наместничество в 1905–1914 гг. // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1984. Вып. 1. № 2. С. 45–49.

мьер получил известные возможности оказывать влияние на назначения тех или иных лиц в верхнюю палату российского парламента — Государственного совета. После первого «министерского кризиса» правительства П. А. Столыпина в 1909 г., развязанного противниками председателя Совета министров в Государственном совете, с которыми в итоге фактически солидаризировался и царь, Николай II в утешение оскорбленному главе кабинета обязал председателя верхней палаты согласовывать свои рекомендации относительно пополнения ее состава новыми членами с премьером⁴³. Впрочем, это не укрепило позиций последнего в государственном совете и не помешало оппонентам П. А. Столыпина в верхней палате спровоцировать спустя два года второй «министерский кризис». В. Н. Коковцев отмечал в своих мемуарах, что упомянутое распоряжение императора «на практике . . . никогда не использовалось»⁴⁴.

«На практике» и поведение своих коллег по кабинету премьерам отнюдь не всегда удавалось в должной степени контролировать и добиваться от них соблюдения норм, определявших компетенцию Совета министров. Сохранявшаяся и после создания кабинета политическая разнородность министерского корпуса (при назначениях на соответствующие посты император совсем необязательно прислушивался к мнению председателя Совета), сохранение за начальниками ведомств права личного всеподданнейшего доклада, наконец, тот факт, что министры, прежде всего, зависели от монарха, а не от премьера, создавали благоприятную почву для «сепаратных действий» руководителей отдельных «частей управления», в обход премьера (и Совета в целом). С данной проблемой столкнулся в бытность свою председателем Совета министров уже С. Ю. Витте⁴⁵. Правда, впоследствии случаи явного нарушения главами ведомств прерогатив председателя и вообще кабинета, хотя и имели место неоднократно (все более ощутимо давая себя знать особенно в условиях обозначившегося в предвоенные годы, после смерти П. А. Столыпина, пользовавшегося в Совете министров большим авторитетом, разброда в правительстве) были все же немногочисленны. Министры чаще всего весьма дисциплинированно выносили на суд премьера и кабинета такие «предположения», которые

⁴³РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 3. Л. 1-1об.

⁴⁴Коковцев В. Н. Указ соч. Кн. 2. С. 6.

⁴⁵Подробнее См.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб. 1999. С. 256–257, 273.

по закону нельзя было реализовать, минуя Совет и его главу, хотя в принципе обойти эти запреты при желании было не так уж и сложно, особенно тогда, когда речь шла о разного рода мерах, имевших «общее значение» (о таковых фактах следовало обязательно проинформировать кабинет или в известных случаях, как минимум, председателя Совета). В конце концов ни в акте 19 октября 1905 г., ни в Учреждении Совета министров естественно, не указывались признаки, отличавшие данные меры от мер, «общего значения» не имевших. В таких условиях и имея ввиду упомянутые особенности российского кабинета от глав ведомств казалось бы, следовало ожидать и большей склонности к «сепаратизму». По-видимому, здесь, однако, существенную роль сыграли помимо прочего перемены, происшедшие в жизни страны в результате преобразований 1905–1906 гг. и прежде всего, — учреждение Государственной думы. Общественность, представители которой, занимая нередко диаметрально противоположные позиции в политических баталиях, в целом, однако, были СП склонны весьма критически (с разной степенью активности и по разным причинам) оценивать деятельность бюрократических структур, получила возможность теперь благодаря Думе свободно обсуждать эту деятельность и влиять на нее. Возглавлявшие в результате данные структуры должностные лица, вынужденные отныне действовать в новых и более сложных условиях, оказывались сами заинтересованы (разумеется, не всегда) в коллективном обсуждении планируемых ими и способных привлечь внимание общественности мер. Это позволяло надеяться при возникновении каких-либо коллизий на поддержку премьера (особенно эффективную помощь мог оказать П. А. Столыпин, имевший в III Думе относительно прочную основу в лице ее большинства), других членов кабинета или хотя бы на их дружественный нейтралитет, уменьшало вероятность принятия ошибочных решений, давало возможность «прикрыться» от критики мнением главы правительства, прочих членов Совета, разделив с ними ответственность за допущенные промахи. Впрочем, отмеченная «дисциплинированность» глав ведомств в какой то мере носила внешний характер и не исключала их участия в закулисных интригах против своих товарищей по кабинету и против его главы, в частности.

Один из наиболее колоритных примеров ведомственного «сепаратизма» продемонстрировал известный эпизод, связанный с деятельностью министра внутренних дел в кабинете В. Н. Коковцова

Н. А. Маклакова. Осенью 1913 г. Н. А. Маклаков в обход премьеры и Совета министров представил Николаю II доклад с рекомендацией назначить на оказавшийся вакантным пост Московского городского головы Б. В. Штюрмера, в ту пору члена Государственного совета. В. Н. Коковцов, только что вернувшийся из заграничной поездки и узнавший о намерениях Н. А. Маклакова от прочих членов кабинета (информация о докладе к ним все же «просочилась») решил, заручившись поддержкой глав ведомств, убедить царя отклонить предложение министра внутренних дел, поскольку назначение московским городским головой Б. В. Штюрмера, к которому общественность относилась весьма неблагоприятно, могло породить конфликт «Москвы с верховной властью». Николай II внял доводам главы правительства и не утвердил доклад Н. А. Маклакова, о чем, как писал В. Н. Коковцов в своих мемуарах, он (В. Н. Коковцов) и проинформировал Совет⁴⁶. Впрочем, если верить особому журналу Совета министров 27 ноября 1913 г. Николай II по результатам разговора с премьером всего лишь велел кабинету обсудить сложившуюся ситуацию и именно после этого, а не до встречи главы правительства с царем, она стала предметом дискуссий в Совете⁴⁷. Как бы то ни было, но коллеги Н. А. Маклакова сочли нужным специально подчеркнуть, что «вопрос о замещении должности Московского городского головы как соединенный несомненно с чрезвычайно важными соображениями государственного порядка подлежал рассмотрению Совета в силу статей 15 и 17 его Учреждения, предписывающих вносить на обсуждение Совета «меры управления, имеющие общее значение», а также «предположения начальников, принадлежащих к общему министерскому устройству, о замещении главных должностей высшего и местного управлений»⁴⁸. Оправдываясь, Н. А. Маклаков заявил, что поскольку возможность назначения, а не избрания Московского городского головы в принципе допускалась кабинетом, постольку вопрос о том, кто именно займет эту должность, особого значения не имеет (здесь министр внутренних дел явно погрешил против истины)⁴⁹. Впрочем, упрек в нарушении ст. 17 Учреждения Совета (там речь шла об обязательности

⁴⁶ Коковцов В. Н. Указ соч. Кн. 2. С. 207.

⁴⁷ Особые журналы Совета министров императорской России. 1913 год. М., 2005. С. 405.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

обсуждения в кабинете рекомендаций глав ведомств о замещении постов в центральной и местной администрации) Н. А. Маклаков удачно парировал, резонно заметив, что «должность городского головы в Москве относится к должностям местного управления, входящим в состав «министерского устройства», а к категории должностей, числящихся по «городскому самоуправлению», стоящим вне министерского устройства»⁵⁰. По существу же Н. А. Маклаков почитал нецелесообразным настаивать на реализации своих планов и отвергавшие их решение, подписанные всеми участниками дискуссии, включая самого министра внутренних дел, было утверждено Николаем П.

Помимо собственно руководства работой Совета министров важнейшей обязанностью премьера являлось обеспечение взаимодействия правительства с законодательными палатами. «Председатель Совета министров... — гласила ст. 6 Учреждения Совета, — может на тех же основаниях, как установлено для министров, участвовать по делам всех ведомств в Государственной думе и Государственном совете и заступать каждого из главных начальников ведомств»⁵¹. Особое внимание уделялось нижней палате, подозревавшейся (применительно к Думам первых двух созывов обоснованно) в склонности к посягательствам на самые устои империи. Так, в начале работы Думы очередного созыва премьер выступал перед депутатами с правительственной декларацией, представляя и защищая интересы исполнительной власти в целом.

Особенную активность по части установления контактов с депутатами нижней палаты проявлял во время своего пребывания на посту главы правительства П. А. Столыпин, которому, как известно, удалось добиться образования в III Государственной думе готового к сотрудничеству с исполнительной властью большинства в лице, прежде всего, октябристов, умеренно-правых и националистов. Как свидетельствовал С. И. Тимашев, занимавший в кабинете П. А. Столыпина пост министра торговли и промышленности, «премьер тратил много времени на частые беседы с членами Думы, а также группами их, стараясь найти общий язык. Большое значение в деле сближения П. А. Столыпина с членами палаты имели его приглашения «на чашку чая», которые привлекали в квартиру

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 145.

премьера огромное число лиц — членов Думы и Совета министров и ближайших их сотрудников, представителей ученого мира, видных общественных деятелей⁵². П. А. Столыпин активно вмешивался в собственно внутридумские дела. Так, в начале 1910 г. по совету премьера лидер октябристов А. И. Гучков выдвинул свою кандидатуру на пост председателя Думы, который в итоге и занял⁵³. Являлся ли курс, взятый П. А. Столыпиным в отношении нижней палаты, отражением позиции Совета министров или «личной политикой» премьера, сказать трудно. В официальной документации Совета никаких упоминаний об обсуждении соответствующих вопросов как будто бы нет. И все же теоретически оно могло иметь место во время практиковавшегося на заседаниях Совета неофициального («без протокола») обмена мнениями между министрами по поводу различных актуальных проблем государственной жизни. К сожалению, применительно к премьерству П. А. Столыпина (и вообще довоенному периоду) информации об этой стороне деятельности кабинета весьма скудна и отрывочна. Впрочем, очевидно, одно: думские симпатии П. А. Столыпина разделяли не все члены его правительства. В частности, министр народного просвещения в 1908–1910 гг. А. Н. Шварц признавался в своих мемуарах, что отрицательно относился к контактам премьера с А. И. Гучковым⁵⁴. Правда, при П. А. Столыпине такого рода настроения сколько-нибудь громко о себе не заявлялись.

В. Н. Коковцову, которому при назначении его председателем Совета министров императрица порекомендовала не руководствоваться примером П. А. Столыпина и не искать «поддержки в политических партиях», а опираться «на доверие» государя⁵⁵, столь интенсивных контактов с депутатами, как его предшественник, не поддерживал. После начала работы IV Государственной думы В. Н. Коковцов занял, по его признанию, «выжидательное положение, никого к себе не звал, ни в какие интриги не входил»⁵⁶. Впрочем, и В. Н. Коковцов не ограничивал все же свои контакты с

⁵² *Тимашев С. И.* Кабинет П. А. Столыпина: Из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. 1996. Кн. 6. С. 118.

⁵³ *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 192.

⁵⁴ *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе. М., 1994. С. 8.

⁵⁵ *Коковцов В. Н.* Указ. Соч. Кн. 2. С. 7.

⁵⁶ Там же.

депутатами только обсуждением текущих дел, пытаясь также повлиять, хотя и без успеха, на общую расстановку сил в нижней палате⁵⁷. Были ли эти шаги согласованы с Советом министров, неясно. В любом случае усилившийся, как отмечалось, в предвоенные годы разброд в правительстве делал кабинет малопригодным для обсуждения каких-либо политических комбинаций, не связанных непосредственно с текущей работой Думы и правительства. В этих условиях взаимодействие исполнительной власти и парламентариев при В. Н. Коковцеве выливалось во «временные союзы (различных думских группировок. — *М. Ф.*) с правительством (т. е. руководством. — *М. Ф.*) отдельных ведомств»⁵⁸, причем члены кабинета в своих отношениях с Думой не стеснялись нарушать достигнутые с премьером договоренности и интриговать против его в думских кулуарах. Так, в ходе разразившегося в конце 1913 г. политического скандала, вызванного оскорблением, нанесенным на заседании Думы одним из лидеров крайне правых Н. Е. Марковым 2-м, все министры внешне поддержали своего главу и решили бойкотировать нижнюю палату «пока не будет гарантирована защита от незаслуженных оскорблений...»⁵⁹. Вскоре, однако, «из среды самого правительства стали делаться намеки на то, что это дело личного каприза председателя Совета министров...»⁶⁰. Морской же министр И. К. Григорович, будучи обеспокоен тем, что Государственная дума приостановила рассмотрение внесенного им законопроекта («Совещание Думы в ответ на бойкот перестало ставить на повестку дня все дела, наиболее интересовавшие правительство») и «не получив, по-видимому, разрешения на личную явку в Государственную думу от председателя Совета /министров/... обратился за разрешением непосредственно к государю, который и не замедлил его дать...»⁶¹. Попытки В. Н. Коковцова повлиять на деятельность Министерства внутренних дел во время избирательной кампании в IV Думу встретили отпор со стороны главы ведомства А. А. Макарова, прямо заявившего, что «руководство выборами...

⁵⁷ *Джигин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 139–140.

⁵⁸ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Власть и общественность в царствование императора Николая II. М., 2000. С. 633.

⁵⁹ *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 634–635.

предоставлено законом ему и не зависит от наблюдения председателя Совета министров...»⁶². В. Н. Коковцев внес этот вопрос на рассмотрение кабинета, который, однако, лишь «поговорил, посудил, но не счел себя в праве ограничивать власть министра внутренних дел...»⁶³. В конце 1913 г. Н. А. Маклаков в обход премьера и кабинета попытался получить согласие Николая II не более, не менее как на роспуск Государственной думы в случае продолжения там оппозиционных выступлений. Из данной затеи, правда, в итоге ничего не вышло⁶⁴. Однако действия Н. А. Маклакова, явно противоречившие духу и букве закона о Совете министров, нарушавшие прерогативы главы правительства, наглядно свидетельствовали о том, что премьеру становилось все труднее контролировать поведение членов кабинета, в частности, в их отношениях с Думой. Назначение в конце января 1914 г. председателем Совета министров И. А. Горемыкина принципиальных изменений в сложившуюся ситуацию не внесло. После начала войны, в период политического кризиса лета 1915 г., дело вообще дошло до прямого конфликта между премьером и большинством кабинета как раз в первую очередь, по вопросу об отношении к нижней палате российского парламента.

И все же институт главы правительства в целом вписался в государственную конструкцию Российской империи. Конечно, многие представители высшей бюрократии не могли сразу свыкнуться с мыслью о наличии в лице председателя Совета министров на политическом горизонте еще одной фигуры (кроме монарха), с которой они должны были считаться, пусть и далеко не в такой мере, как с носителем верховной власти. В этих условиях реальное воздействие главы правительства на ход государственных управлений неизбежно менялось в зависимости от «личностного фактора», политической конъюнктуры и т. п. Однако, какой бы характер данные изменения не носили, позиция премьера накладывала в любом случае ощутимый отпечаток на функционирование основных звеньев бюрократического аппарата, а влияние, которое председатель Совета оказывал на своих коллег по кабинету, никогда не превращалось в фикцию.

⁶² Коковцев В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 70.

⁶³ Там же. С. 70–71.

⁶⁴ Подробнее см.: Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 г. С. 159–161.

Социум: прошлое и настоящее русского термина

Существуют определенные трудности в выборе темы статьи для юбилейного сборника в том случае, если сферы интересов авторов разделены периодом без малого в две тысячи лет. Это, однако, не исключает точек соприкосновения, особенно в отношении ряда важнейших общенаучных и исторических понятий. Предлагаемые ниже заметки своего рода дань признательности характерным чертам творческого стиля и метода Э. Д. Фролова.

Развивая терминологический аппарат современной исторической науки, ученый, как правило, прибегает к историко-этимологическому анализу, а также учитывает и современное словоупотребление и фразеологию.¹ Верность, которую Э. Д. Фролов хранит лучшим образцам русской научной прозы, с ее неременным требованием со всей возможной ясностью излагать мысль о предмете исследования, сколь бы ни был сам этот предмет сложен, а порою и темен, следует оценить на фоне некоторых тенденций развития современного научного языка.

Нынешний натиск наукообразного стиля в историографии, выражающийся, главным образом, в насаждении транслитерированных иноязычных терминов, далеко не первый, с каким в своей творческой биографии встречается Э. Д. Фролов и историки его поколения. В этом плане всем памятны 60-е годы прошлого века с их стремлением существенным образом обновить терминологический аппарат гуманитарных наук, в том числе и истории. Справедливо ради надо отметить, перефразируя Шекспира, что «в том безумии был свой метод». Создававшие особый эзотерический язык науки (а лидировали в этом процессе специалисты в области семиотики) были исполнены особым пафосом противостояния/отчуждения тогдашней официальной науке и чувством собственной элитарности. Так, один из ведущих участников летних тартуских школ по вторичным моделирующим системам Б. М. Гаспаров вспоминал, что «герметизм научного сообщества поддерживался также приня-

¹В этом отношении показателен анализ понятий «культура» и «цивилизация» в сравнительно недавней работе: *Фролов Э. Д. Вместо предисловия: культура классицизма и современная антикультура // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2003. Вып. 2.*

тым в его кругу эзотерическим научным языком. Язык, на котором говорили и писали «тартуские» ученые, был насыщен терминологией, имманентной семиотическим исследованиям и не употребительной за их пределами. Многие выражения этого особого «семиотического» языка создавались членами группы и имели хождения исключительно в их общении друг с другом. Очень много слов представляло собой прямую транслитерацию иностранных терминов, не употреблявшихся в русскоязычной научной традиции, что придавало этому эзотерическому языку характерно «западнический» оттенок». ² Подобная сверхзадача чужда нынешним ревнителям псевдонаучной терминологии. Скорее, озадачивающий малопосвященных людей термин выполняет чисто декоративную функцию при скромном, если не сказать наивном, содержании все более множущихся исследований проблем истории повседневности и разного рода гендерных сюжетов: «что пили, что ели», «кто кого поколачивал в семейном быту» и т. п. Здесь термин подобен эффектной мазке краски на раскрашенном вручную лубочном листе. Но то, что так умиляет в лубке: произвольно избранный цвет, раскраска, сплошь и рядом нарушающая контур печати, — оборачивается в научной речи употреблением термина невпопад.

Предлагаемые заметки посвящены явлению, приобретающему на наших глазах обвальный характер: все чаще термин *социум* вытесняет *общество*. По вполне понятным причинам, словари иностранных слов нашей студенческой и аспирантской юности (70-е — 80-е годы) избегали фиксировать новомодное словцо. Изданный в 2002 Институтом лингвистических исследований РАН «Толковый словарь русского языка конца XX века» уделяет *социуму* отдельную статью. ³ Ее автора раздражают почти корнелиевские противоречия между долгом лексикографа, призванного без гнева и пристрастия просто регистрировать наличное словоупотребление, и чувством (точнее, чутьём) филолога, не могущего допустить отождествления *социума* и *общества*. В итоге, в статье *социум* опре-

²Гаспаров В. М. Тартуская школа 1960-х годов семиотический феномен // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 284–285. (Статья была впервые опубликована в: Wiener Slavistischer Almanach. 1989. Bd. 23).

³Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Изд-во «Фолио Пресс», 2002. С. 601.

деляется как «Человеческая общность определенного типа (напр., племя, нация», а оба приведенных примера из «Собеседника» за 1991 и «Общей газеты» за 1993 показывают, что цитируемые авторы замещают термином *социум* понятие *общества в целом*. В вышедшем в следующем 2003 году в Минске «Новейшем словаре иностранных слов и выражений», где не указаны ни авторы, ни составители, ни рецензенты, ни редакторы, но есть надпись «Охраняется законом об авторском праве» (?!), уже знакомое нам определение *социума* как «часть человеческого общества (жители определенного региона, племя и т. д.)» дополнено: «или общество в целом».⁴

Оба словаря возводят *социум* к «лат. *socium*», которое, в свою очередь, определяется там как «общее, совместное». Здесь следует возразить по каждому из пунктов.

Во-первых, слово *социум* — «новодел» (т. е. неологизм) в русском языке, поскольку в большом академическом словаре русского языка в четвертом томе, где помещены словарные статьи от «соцдоговора» (там же «социальный», «социалистический», «социология» и др.) до «соцстраховский», слово *социум* отсутствует⁵, как и отсутствует оно в 18 (и последнем критическом) издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова под редакцией Н. Ю. Шведовой и с исправлениями и дополнениями Л. И. Скворцова и Т. А. Ганиевой⁶. Любопытно, что в авторитетном издании 2-х томного «Словаря иноязычных выражений и слов» слово «социум» никак (ни через какой-либо иностранный язык) не зафиксировано.⁷ Однако в современном «Толковом словаре русского языка конца XX века: Языковые изменения» представлена лексика с 1985 по 1997, и там слово *социум* фиксируется В. Д. Луковым как употребленное в периодической печати с 1991 года⁸ и считается закрепленным в лексике современного русского языка наряду с халявой, траханьем, рэкетом, долларизацией, адидасами и другими образчиками новояза. В то же время в русском языке с 50 годов XIX века вошли в употребление слова *социальный*, *социалист* и *социализм*, зафиксированные

⁴Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск: Современный литератор, 2003. С. 753.

⁵Словарь русского языка: в 4-х томах. М., 1961. Т. IV. С. 294–296.

⁶Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987.

⁷Бабкин А. М., Шендцов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. Т. 2. М., 1987.

⁸Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб., 2002. С. 601.

В. Н. Угловым в «Объяснительном словаре иностранных слов, употребляемых в русском языке» в 1859 году⁹, причем, как утверждает М. Фасмер слово социальный проникло в русский язык как *social* из немецкого языка, в котором оно было заимствовано из французского *social*, получившего широкое употребление под влиянием сочинения Ж.-Ж. Руссо «Contract social»¹⁰, где прилагательное *social* восходит к латинскому прилагательному *socialis* «товарищеский», «супружеский», «союзнический».¹¹

Латинское прилагательное I–II склонений *socius, sociā, socium* в самом языке никогда не переходило в существительное среднего рода единственного числа с собирательным значением *socium*, что отмечают все словари латинского языка от тезауруса¹² до гимназического словаря¹³. *Socius* имеет четыре значения: «дружеский», «партнерский», «союзный», «супружеский», а образованное от него существительное *socius, i m* (кстати, имеющее архаический *Genetivus Pluralis socium*, который употребляется в формулах *socii Latini nominis* «государства, заключившие с Римом союз на основе права латинов-жителей Лация» для обозначения италийских союзников римлян) — шесть значений: «друг-товарищ», «собрат-соратник», «союзник», «партнер-компаньон», «соучастник-совиновник (уголовного преступления)»¹⁴, «супруг»¹⁵ и, по мнению А. Мейе, восходит, как и *sodalis* «товарищ», к праиндоевропейской основе **sow-/*sew-/*sw-* «принадлежащий кому-либо» и близко по значению к старославянскому *свать*¹⁶, т. е. человек со стороны, примкнувший к нашей группе, на правах равенства или подчинения. Причем, Ульпиан в Дигестах дважды уточняет: «*socium... nemo societatem contrahendo rei suae dominus esse desinit...*» (Ulp. D. 19, 5, 13, 1) (Никто из партнеров при вступлении в товарищество не перестает быть собственником своего имущества), «*socii mei socius meus socius non*

⁹См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 2. С. 191.

¹⁰Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 730.

¹¹Черных П. Я. Историко-этимологический словарь... С. 191.

¹²Ainsworth R. Thesaurus linguae latinae. L., 1752. Vol. II. P. 102.

¹³Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 2001. С. 596.

¹⁴Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989.

¹⁵Oxford Latin Dictionary. Oxf., 1968. P. 1777–1779.

¹⁶Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 344.

est» (Ulp. D. 50, 17, 47, 1) (Партнер моего партнера — не мой партнер).

Societas, *atis f*, имеющее много значений: «соучастие», «союз», «связь», «близость», в публичном праве представлено значением «формальный союз между двумя государствами» [например, у Цицерона — *nulla est. . . societas nobis cum tyrannis* (Cic. De off. 3.32) «ни какого союза у нас с тиранами нет»], а в частном праве имеет значение «товарищество как юридическое лицо» [например, в надписи — *MAGISTER. . . SOCIETATIS CANTORUM GRAECORUM* (CIL I. 2519) «руководитель. . . товарищества греческих певчих»]. Товарищество — это объединение лиц и их имуществ для достижения одной цели, что не исключает ситуации, описанной в известной басне: «в товарищах согласия нет». Товарищества и союзы, построенные на эмоциональной или деловой основе, часто представляют собой объединения, в которых интересы отдельных членов не совпадают, а как говорится в русской народной поговорке: «дружба дружбой, а табачок врозь»

Таким образом, *socius* имеет явственные значения «союзническое, свйское, партнерское, соседское», т. е. «чужое, которое может быть связано с моим», нежели притянутые в вышеупомянутых словарных статьях — «общее, совместное»¹⁷.

Даже если предположить, что непосредственно в самом латинском языке от прилагательного *socius*, *a*, *um* путем субстантивации, помимо существительного мужского рода *socius*, *i m*, возникло еще и существительное среднего рода **socium*, *i n*, то оно бы имело значение, близкое к самому употребительному значению *socius*, *a*, *um*, т. е. предположительно «способ создания юридического лица — товарищества» или «распределение имущественных отношений внутри товарищества», но никак не само товарищество как объединение партнеров, так как для обозначения этого феномена уже существовало широко употребляемое слово *societas, atis f*.

Латинский термин более пригоден для описания тех линейных

¹⁷По поводу этих значений Э. Бенвенист заметил: «В значении этих слов отражается эмоциональный аспект межгрупповых отношений. В частности об этом свидетельствует обычная сочетаемость *śeva-*, *siva-* со словом *sakhā* «друг, товарищ» (ср. лат. *socius*) во фразеологии ведийских гимнов, что предполагает наличие определенного типа дружеского поведения по отношению к партнерам по союзу» (Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 221).

(собственно *социальных*) отношений, построенных по типу «я — ты/они», «я — другой/другие», нежели для понятия «мы», «я среди наших» и т. п. Что касается причин, по которым ныне рус. «социум», отождествляемый с «обществом», возводится к лат. *socium*, то мы выскажем наши соображения по этому поводу ниже. Здесь же укажем на давно отмеченный лингвистами факт заимствования термина «общество» из ст.слав., в котором это слово образовано от прилагательного *общий*, и является калькированным переводом греч. *κοινωνία* «сообщество» от *κοινός* «общий».¹⁸ Вот почему столичный академический словарь избегает всякого упоминания связи *общества* с латинскими реалиями (говорится о «человеческой общности»), и лишь анонимно изданный в Минске словарь напрямую выстраивает цепочку *socium* — *социум* — *общество*.

Во-вторых, мы утверждаем, что ряд понятий реальности Древнего Рима, описываемый с помощью латинских терминов *socius*, *socialis*, *societas*, отражает совсем иную картину мира, чем славянские понятия, передаваемые с помощью русских слов *общий*, *община*, *общество*.

Обыденное правосознание (а именно оно наиболее показательно), в данном случае русское (и более широко — славянское), опирается на модели, зафиксированные в русском языке. В первую очередь, это модели, внутри которых лежит замкнутая линия, образующая круг (сравни: наш круг, круг общения, круговая оборона, круговая порука, круг чтения, круг поведения, окружение человека, округ, в котором он живет, круговерть жизни, голова кругом и т. п.). На древнерусском языке круг назывался *объ*¹⁹, отсюда слова

¹⁸Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 110. С точки зрения словообразования, здесь есть свои «подводные камни», так как от прилагательного *κοινός* образовано существительное *τὸ κοινόν* со значениями «община», «общественные власти», «государство», «общественная или государственная казна», а также и другой дериват — прилагательное *κοινωνικός* «участвующий в общих делах», «общительный», именно от которого и было образовано существительное *κοινωνία*, имевшее первоначально значение юридического термина «соучастие, связь» и только позднее в Новом Завете получившее значение «сообщество», «помощь», «сбор денежных средств для нужд христианской общины». Вот это значение и было переведено на русский язык как «общество» (См.: *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots.* Paris, 1970. Т. II. P. 552.

¹⁹М. Фасмер связывает *общий*, *общий* с праславянской реконструируемой формой **обътѣо* «то, что вокруг» (от **объ-*) (См.: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.* М., 1971. Т. III. С. 110.). Однако Трубачев О. Н.

и выражения: облый, т. е. круглый, оговорить облыжно, т. е. со всех сторон, область (круг владения), оболочка, обочина, обод, община, т. е. круг жизненного пространства, общество, т. е. окружение, круг общения, или мир. Следовательно, община — это тот же круг, ограничивающий замкнутой линией мир, принадлежащий этой общине, ее общество. В этом обществе устанавливается, в силу его замкнутости, модель крайнего коллективизма для членов общины: «всем миром навалимся, всем миром помолимся», «на миру и смерть красна», «что миру, то и бабину сыну», «с миру по нитке — голому рубаха», «шашка по кругу — с миру по копейке, а горемыке душегрейка», «мир вызовет», «с миром и беда не убыток», «мир прокормит», «на миру, как на пиру — все кругом» (имеются в виду круговая порука и круговая чаша), «в миру все общее». Это позволяет общиннику чувствовать определенную защищенность как лично для себя, так и для своих родных (сам по миру пойду, т. е. буду кормиться подаванием в моей общине, но с голоду мир не даст мне пропасть, и вдовицу и сироток мир, т. е. общество, прокормит, ведь мир не без добрых людей), но и вызывает нежелание перенапрягаться, все равно в общине принцип распределения общественный — всем поровну. Отсюда, герой Емеля на печи, любимые персонажи сказок — скатерть-самобранка, печка с пирогами, яблоня с плодами, райское место — молочная река, кисельные берега, и поговорки: «один с сошкой, семеро с ложкой», «работа не волк, в лес не убежит», «ребята хватские — все делят по-братски». «Когда от многого берешь немножко — это не кража, а просто дележка». Отсюда славянский тип нищенства — «Брат (мужик, пацан, т. е. свой) дай на водку (пособи, дай закурить)», «Помогите, люди добрые!», т. е. — мы с тобой — одного круга-общества.

Очень красочно представил картину славянского мира В. В. Колесов: «От общины, как бы кругами расходясь в разные стороны, создается реальный мир средневекового русича: свои и чужие, близкие и ближние, друзья и товарищи, соседи и сябры, гости и на самом дальнем порубежье враги».²⁰

Лучше всего различие между славянским обществом и римским *socius, socialis, societas* видно на терминах права, на различии в

(Истории славянских терминов родства. М., 1959. С. 168) считал, что форма **obybъ* со значением «что-либо круглое» обозначало расположенные по кругу жилища древних славян, принадлежащих к одному роду.

²⁰ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 291.

обыденном правосознании, покоящимся на славянском отношении к праву, и в профессиональном правосознании юристов, которое основано на римском праве, а, следовательно, восприятию мира римскими гражданами.

Осознание мира римлянами основывалось на незамкнутой прямой линии — бесконечной череды (цепи) дел и событий. Эта линия и есть координата пространства и времени, которая постоянно меняется, как поток. На этой прямой линии человек должен найти свое место: сделать засечки в каких-то местах — пределы, т. е. определиться в пространстве и времени. Предел, или ограничитель, по латыни, называется *finis* (ср.: финиш, финал), а самое определение — *definitio* (дефиниция). Следовательно, для того чтобы описать любую вещь, нужно сделать дефиницию, т. е. определение. Ф. Ницше утверждал, что «всему, что имеет историю, в принципе невозможно дать определение». Однако право как крайняя степень социализации не может обойтись без определений, которые при ближайшем рассмотрении являются отрезками цепи времен и событий, т. е. ограниченной с двух сторон линией, или палкой, по своей сути. Линейную, или «палочную», природу права и объясняет латинский язык.

Regula — «палочка-линейка», или по-старинному правило, «измеритель», образованное от глагола *rego* «править».²¹ Э. Бенвенист определяет *regula* следующим образом: «... это, собственно, «инструмент для проведения прямой линии, линейка», то, что задает соразмерность, масштаб, критерий».²² От этого же глагола образованы слова *rex*, *regis* — «правитель», *regio*, *regionis* — «область управления», *rector* (*director*) — «управляющий», *regnum*. Отсюда, право — это регулятор (мерило) общественных отношений. В каждой линейке есть маленькие мерки. По латыни «мерка» называется — *Norma* (ср.: *normalis* — «сделанный по мерке, т. е. правиль-

²¹Практически все латинские производные от индоевропейского корня *rag-/reg-* даны в словаре: Vaniček A. *Etymologisches Wörterbuch des lateinischen Sprache*. Leipzig, 1874. S. 229. К этому корню дополнительные соответствия из других языков, типа гот. *Raihts* «прямой» или *ro-recht* «*expansum est*» «распростран» см.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Благовещенск, 1984. Ч. 1. С. 70.

²²Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М., 1995. С. 252.

ный)²³. Следовательно, право — регулятор с помощью норм (особых мерок должного и необходимого, которые устанавливаются государством).

Ratio, rationis — «счетная палочка». Это — специальный термин для обозначения «счета, подсчета». Цивилизация совсем необязательно должна достичь очень высокого уровня развития, чтобы подобные термины стали необходимыми; даже в культуре сельского типа подсчеты, производимые собственником, являются важным элементом управления (ср. произведения Катона, Варрона)²⁴. Счет — это расположение палочек в определенном порядке, отсюда Ratio получает значение «порядок», а там где есть порядок, там проявляется разумность, т. е. rationalis — рациональность. Кроме этого в римском праве есть слово ratification (facio — «делать»), т. е. ратификация, подсчет особой комиссией из сенаторов числа голосов, отданных за тот или иной законопроект, и объявление этого подсчета верным (billa vera!), а, следовательно, законопроект признан большинством и с этого момента считается законом как волеизъявление народа.

Terminus — это первоначально кол, который, деля ager publicus, втыкали в земля особые люди — agrimensores «землемеры». От этого кола-термина до другого термина простирается земельный надел одной римской семьи, а в пределах других терминов лежит чужая земля. Впоследствии под термином стали понимать любой межевой столб, камень, которые олицетворяли пределы поля, т. е. границы чужого владения. (Отсюда традиция установления верстовых столбов, пограничных столбов). Злонамеренное перенесение термина каралось законом по представлению иска «о перенесении межевого столба» — actio de termino moto, который мог вчинить любой добропорядочный гражданин. Нарушитель приговаривался по установлению божественного права — fas к тяжелому наказанию: он публично объявлялся sacer — «обреченным проклятию богов». Этот закон отражал древнейшее обычное право, причем это наказание

²³От и-е корня *gno- «рассматривать», «изучать», «познавать»: см. Vaníček A. Etymologisches Wörterbuch des lateinischen Sprache. Leipzig, 1874. S. 76. Правда, Гамкрелидзе Т. В. и Иванов В. В. несколько иначе представляют этот корень — *kʰn-oH- — kʰ-oH y: см.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык... С. 171.

²⁴Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 112.

зафиксировано еще в Черном камне с форума и относится к концу VI века до н. э., т. е. лет на 70 древнее Законов XII таблиц. Иногда эти пространственные указатели персонифицируются, например, в Древнем Риме в архаическую эпоху было божество, охранявшее границы и межи *Terminus*, имя которого позднее перешло в эпитет Юпитера — *Iupiter Terminus* и в честь которого были учреждены, посвященные ему празднества *terminalia* (*quod dies extremus anni constitutus Varro De L.L. VI, 13* — «празднование терминалий было установлено в последний день года»).²⁵ В современном языке под термином понимается одно единственное значение для одного единственного понятия, обозначающего один единственный предмет или явление. Язык права терминологичен, так как не может быть многозначным или двусмысленным. Кроме того, существует еще слово терминал (*terminalis*), которым древние римляне обозначали ворота в заборе, через которые они могли пропускать чужих на свой участок — территорию.

Classis — «палка-скамейка»²⁶. На такие скамейки — классы садились матросы на галерах, поэтому, согласно посадке, матросы первого класса гребли одними веслами, матросы второго, третьего и т. д. классов гребли другими веслами, — такт судно могло маневрировать. Класс получает значение «ряд», «разряд», а затем уже и «соответствующий своему разряду, т. е. образец». Отсюда: *Clasiscus* — «образцовый, или классический», *classificatio* — «классификация, или приведение в соответствующие разряды».

Codex, codicis — образовано от глагола *caudeo* — «резать», «вырезать» и обозначала «обрезок дерева» или «вырезанный кусочек металла», одним словом — образец или образчик, которые также образованы от русского глагола разить, т. е. резать. На таком об-

²⁵ Как отглагольное образование на *-men, -mentum* латинские *terminen, terminus* исследовал Perrot J. *Les derives latins en -men et -mentum*. Paris, 1961. P. 188. Подробнее этимологию *terminus* см.: Крицкая С. Ю. Марк Теренций Варрон и античная этимология (на материале трактата «О латинском языке»). Дис. . . канд. филол. н. М., 1984. С. 110–115. Развитие семантики и-е. корня **ter-/tot-/t-*, в том числе и *terminus* см.: Топоров В. Н. К семантике четверичности (анатолийское **tеш-* и др.)// *Этимология* 1981. М., 1983. С. 123.

²⁶ *Vaníček A.* *Etymologisches Wörterbuch des lateinischen Sprache*. Leipzig, 1874. S. 53 дает от корня **kar-*, но более принята этимология А. Вальде: *Walde A.* *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1910. S. 257. Развитие значения см.: *Вартонеш М.* Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 59.

резке или табличке — *tabula* записывался не один, а сразу несколько законов, например Законы двенадцати таблиц, а результат их объединения назывался кодификацией — *codificatio*.²⁷

Установление палочек в определенном порядке называется: *systema* «составленное» = *complex* «сложенное» = совокупность, поэтому право это система (комплекс, совокупность) явлений.

Весь римский мир построен на линии-палке, даже тип первого поселения называется *Roma quadrata*, что сильно отличается от славянских круговых поселений (Кремль, Садовое кольцо. Ср.: план Васильевского острова).

Общество, построенное на линии-палке называется — *societas*, т. е. объединение социев-соседей, или соседство: сосед — *socius* перед другим соседом имеет одинаковый объем прав и обязанностей, т. е. правоспособность — они все свободны, независимы и равны перед законом. Социальный тип распределения — *socialis* «каждому по труду. Кто не работает, тот не ест». Следовательно, с точки зрения права, общественный (всем поровну) не есть социальный. Как и в случае с отмеченным выше славянским типом нищенства, в этом отношении очень показателен западноевропейский тип. Вообще говоря, субкультура этого маргинального социального слоя усиливает, утрирует, пародирует вольно или невольно (и тем самым проясняет) характерные черты господствующего типа культуры. Для поведения западноевропейского нищего, которому довлеет собственно *социальное*, присуща непривычная нам схема: я на тебя работаю — пою, танцую, играю, а ты оплати мой труд. Впрочем, в нынешнем российском обществе появились разного рода переходные формы. В людных местах на Невском проспекте можно отметить группы изнеможенно-расслабленных молодых людей с музыкальными инструментами в руках. Они не поют и не пляшут, однако их бойкие распорядители агрессивно пристают к прохожим с шапкой в руках, требуя подать милостыню как встарь «даром, вне всяких заслуг».

Каким же образом в русском языке объявился термин *социум*, своей синонимией с *обществом* только затемняющий суть понятия, связанный с подлинным латинским словом *socius* лишь совпадением фонетической оболочки? Выскажем предположение, отнюдь не

²⁷ *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 59, 71.

претендующее быть исчерпывающим. Всю вторую половину XX века представителям общественных наук внушалась мысль об их собственном несовершенстве (концепция Ч. П. Сноу о двух культурах, доморощенная дискуссия о «физиках и лириках» и т. п.). И ведь было чему позавидовать у «физиков»: мало им Вселенной — у них еще и Универсум имеется! Так, наверное, в среде социологов-политологов взамен истертого *общества* появился привлекательный и многообещающий *социум*.

С. В. Королев

**Сочинения по истории античности
в библиотеке Фредерика-Сезара де Лагарпа**

Швейцарец Фредерик-Сезар (Фридрих Цезарь) де Лагарп (1754–1838) в 1782 году был приглашен императрицей Екатериной II в Россию в качестве воспитателя великих князей Александра и Константина Павловичей. Приглашение состоялось благодаря посредничеству доверенного лица императрицы — Фридриха Мельхиора Гримма, литератора, сподвижника Дени Дидро. Энциклопедически образованный швейцарский адвокат, несмотря на возраст, успел зарекомендовать себя как искушенный знаток литературы и тонкий мыслитель. В Петербурге Лагарп прожил до начала 1795 г., когда Екатерина, недовольная республиканскими воззрениями швейцарца, сочла курс обучения завершенным. Вернувшись домой, Лагарп стал активным участником бурных политических событий в Швейцарии, в частности, некоторое время состоял одним из руководителей вновь образованной Гельветической республики. На протяжении многих лет швейцарец регулярно информировал своего бывшего воспитанника — императора Александра I — о важнейших событиях европейской политической жизни, сообщал о новинках литературы, о важнейших течениях в науке, хлопотал перед императором о своих земляках и знакомых. Александр нередко использовал авторитет своего воспитателя, поручая ему конфиденциальные переговоры в европейских столицах, и даже — установление доверительных отношений с Наполеоном. Лагарп также постоянно поддерживал переписку с братьями императора Александра — Константином, Николаем и Михаилом, другими членами императорской семьи.

Покидая Россию в мае 1795 г., Лагарп оставил в Петербур-

ге свою небольшую библиотеку¹. Кроме того, швейцарец составил своеобразный рекомендательный список литературы (преимущественно исторической), предназначенный для дальнейшего самообразования будущего монарха. Этот список, оформленный в виде письма Лагарпа Александру от 6 мая 1795 г., содержит краткую характеристику нескольких десятков научных трудов и источников, в том числе по античной истории².

Разумеется, Александр не следовал буквально рекомендациям и советам швейцарца, однако всегда высоко ценил литературный и художественный вкус Лагарпа. Стоит отметить, что наставник будущего императора не оставил крупных научных трудов, но обладал исключительными познаниями в древних и новых языках. В мемуарных записках Лагарп так вспоминает о своей жизни в Петербурге: «Я запирался у себя дома и, открывши древних, преимущественно же добряка Плутарха, скоро находил в нем утешение»³. Таким образом, вновь выявленные книги из библиотеки Лагарпа являются своеобразным доказательством бытования литературы об античности в России того времени, и, что немаловажно — символом культурных взаимовлияний.

Книги, принадлежавшие непосредственно Лагарпу, выявляются благодаря характерному переплету, который изготовлен из скромной телячьей кожи, без бинтов. Для форзаца использована бумага отечественного производства; обрез не окрашен. Издания, сохранившие оригинальный (преимущественно — французский) переплет, отличаются от других экземпляров эрмитажного происхождения оригинальным автографом Лагарпа либо его пометами на полях.

Нижеописанные книги, поступившие после отъезда Лагарпа в собрание Императорского Эрмитажа, в середине XIX столетия были переданы в Императорскую публичную библиотеку (ныне — Российская национальная библиотека). Издания описаны в следующем порядке:

¹Альбина Л. Л. Личная библиотека Фредерика Сезара де Лагарпа // Книга в России: Век Просвещения. Тез. докл. 4-й Всесоюзн. научн. конф. (Ленинград, 11–13 дек. 1990 г.). Л., 1990. С. 123–125.

²Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier / publiée par J. Ch. Biaudet et Françoise Nicod. T. I–III. Neuchâtel, 1978–1980. T. I. P. 111–139. (Далее ссылки на это издание даются в тексте: CORR I, II, III).

³Рус. архив. 1866. Вып. 1. Стб. 81.

- краткое описание титульного листа и выходных данных; формат книги указан в долях листа;
- характеристика переплета;
- свидетельства о принадлежности данного экземпляра Лагарпу;
- шифр по гравированному экслибрису Эрмитажа первой половины XIX в.: «*Императорская иностранная эрмитажная библиотека. Шкаф. . . полка. . . №. . .*», а также современный шифр РНБ;
- необходимые замечания об авторе (составителе) данного издания.

Книги, описанные по №№ 3 и 19, не принадлежали Лагарпу, однако их присутствие в списке оправдано любопытными характеристиками, данными швейцарцем.

Книги расположены в алфавите авторов.

1. Aeschylus.

Tragédies d'Eschyle. [Traduites par Jean-Jacques Le Franc de Pompidan]. Paris: Saillant & Nyon, 1770. 8°.

Переплет Эрмитажа начала XIX в.

На титульном листе помета Лагарпа: "trad: par le Franc de Pompidan".

ИЭБ: 14.6.20; РНБ: 7.41.4.5

Маркиз Жан-Жак Лефран де Помпиньян (1709–1784), член Французской Академии, автор нескольких десятков поэтических и прозаических сочинений, в том числе — вольных переводов из Овидия и Вергилия.

2. Ammianus Marcellinus.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui de XXXI. supersunt libri XVIII. Ad fidem MS. & veterum codd. recensiti, & observationibus illustrati. Ex bibliotheca Fr. Lindenbrogi. Hamburgi: Ex Bibliopolio Frobeniano, 1609. 4°.

Переплет XVII в. красного марокена, обрез книги позолочен. Крышки переплета украшены позолоченным растительным орнаментом.

На титульном листе: "F. Cesar Del'Harpe".

ИЭБ: 2.7.82; РНБ: 7.9.2.109.

До Лагарпа экземпляром владели:

- 1) Жан-Огюст де Ту (de Thou) — (1553–1617), французский историк и государственный деятель, владелец огромной биб-

лиотеки. На крышках переплета сохранился суперэклибрис де Ту — оттиск клейма в виде стилизованного изображения фамильного герба.

- 2) Пьер-Даниэль Гюэ (Huet) — (1630–1721), епископ Суассонский, член Французской Академии, автор нескольких десятков богословских и исторических работ. На форзаце книги имеется гравированный экслибрис с подписью: “*D. Petrus Danielis Huetius*”.

Книга издана в типографии наследников знаменитого первопечатника Жана Фробена. Текст подготовил германский знаток античности и коллекционер Фридрих Линденброг (1573–1648).

3. Auger, l'abbé [Athanasé].

Harangues tirées d'Hérodote, de Thucydide, des Histoires grecques de Xénophon, de sa Retraite des dix-mille, et de sa Cyropédie, insérées dans un abrégé des Histoires de ces mêmes auteurs, avec des notes sur le texte des Harangues de Thucydide; <...>. T. I–II. Paris: Nyon l'aîné & fils, 1788. 4°.

Современный французский переплет мраморированной телячьей кожи; обрез позолочен. Корешок украшен позолоченным растительным орнаментом, а также — стилизованными изображениями античных ваз.

Эклибрис Эрмитажа не сохранился; РНБ: 7.41.2.15.

Лагарп безусловно располагал аналогичным экземпляром: в рекомендательном списке литературы для Александра этот сборник литератора и переводчика аббата Атанаса Оже (1734–1792) охарактеризован как «шедевр элоквенции» (*CORR I, 113*).

4. [Barthélemy, l'abbé Jean-Jacques].

Voyage de jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire. T. I–VII; IX. Paris: De Bure l'aîné, 1789. 12°. carte gr.

Переплет библиотеки Лагарпа.

ИЭБ: 4.4.192; РНБ: 12.32.4.1.

Одно из первых изданий чрезвычайно популярного в ту эпоху сочинения аббата Жан-Жака Бартеlemi (1716–1795), члена Французской Академии и знатока античности. Книга, содержащая оригинальное дидактическое изложение древнегреческой истории, была написана в 1750-х годах и увидела свет в 1788 г.; в течение нескольких лет она переиздавалась практически ежегодно и была

переведена на несколько европейских языков. Лагарп рекомендует это сочинение Александру (*CORR I, 114*).

5. Cicero, Marcus Tullius.

Discours choisis de Cicéron, à l'usage des classes, traduite en françois par l'abbé Auger, <...>. Т. I–III. Paris: Didot fils; Jombert jr. <&c.>, 1786–1787. 12°.

Переplet Эрмитажа начала XIX в.

На полях книги сохранились карандашные пометы Лагарпа.

ИЭБ: 9.2.32; РНБ: 7.13.7.33.

О переводчике см. № 3.

В Научной библиотеке Эрмитажа сохранились несколько томов из 24-томного издания Цицерона (Неаполь, 1777), с автографом Лагарпа 1780 г. (шифр: Ц. 75.1.11).

6. Cousin Despréaux, [Louis].

Histoire générale et particulière de la Grèce, contenant l'origine, le progrès & la décadance des loix, des sciences, des arts, des lettres, de la philosophie, &c. <...>. Т. I–XVI. Rouen: Leboucher le jeune; Paris: Durand neveu, 1780–1789. 12°.

Переplet библиотеки Лагарпа.

ИЭБ: 1.1.6; РНБ: 14.8.2.4.

Луи Кузен-Депрео (1743–1818), французский историк и литератор.

В рекомендательном списке Лагарпа отмечено, что первые тома этого труда уместно использовать для изучения древнегреческой мифологии (*CORR I, 112*).

7. Euclide.

Elementorum Euclidis libri XV ad Graeci contextus fidem recensiti et ad usum tironum accommodati. [éd. par Georg Friedrich Baermann]. Lipsiae: Sumtv. Io. Frider. Gleditschii, 1769. 8°.

Переplet Эрмитажа начала XIX в.

На титульном листе: "Fredericus Cesar Dela Har<...>1770"; внутри книги вплетены листы с замечаниями Лагарпа на французском языке.

ИЭБ: 5.5.95; РНБ: 7.32.6.12.

Издание подготовлено Георгом Фридрихом Берманом (†1769), филологом и математиком, профессором в Виттенберге.

8. Faber, Basilius Schmidt, dit.

Basilii Fabri Sorani Thesaurus eruditorum scholasticae omnium usui et disciplinis omnibus <...>. And. Stübels et Jo. Mat. Gesneri curas. Vol. I–II. Francofurti et Lipsiae: Jo. Frid. Gleditsch, 1749. 2°.

Современный немецкий картонный переплет.

На форзаце: "F. Cesar Del'Harpe/Petersburg 1783".

ИЭБ: 3.9.262; РНБ: 7.25.1.27.

Словарь составлен немецким лексикографом Базилем Фабером (1520–1575), переводчиком латинских сочинений Лютера и автором ряда богословских трудов. Настоящее издание подготовлено при участии известного комментатора античных текстов Иоганна Матиаса Геснера (1691–1761).

Дени Дидро в своей неопубликованной заметке «Лучшие издания основных греческих и латинских авторов» указывает эту книгу в качестве базового пособия в разделе «Латинские словари». (Данная записка является приложением к работе Дидро «План университета для России», написанной в 1775 г. для императрицы Екатерины II)⁴.

9. Ferguson, Adam.

The History of the Progress and Termination of the Roman Republic. Vol. I–III. London: W. Strahan, <&c.>, 1783. 4°. cartes gr.

Современный английский переплет телячьей кожи. Корешок украшен позолоченным растительным орнаментом.

На титульном листе Лагарпом указана карандашом цена издания: "3 vol. 3000[ливеров?]"

ИЭБ: 2.7.81; РНБ: 32.2с.2.5.

Сочинение знаменитого шотландского философа Адама Фергюсона (1724–1816), профессора университета в Эдинбурге. Лагарп рекомендует издание Александру, подчеркивая, что данная книга — это «одно из наиболее замечательных современных произведений» (*CORR I, 115*). Французский перевод этого сочинения впервые напечатан в 1784–1791 гг. в Париже. В библиотеке Лагарпа сохранились еще две книги Фергюсона: "Essai sur l'histoire de la société civile" (Paris, 1783) и "Institutions de philosophie morale" (Genève, 1775).

⁴Отдел рукописей РНБ. Э.Фр. 42/427. л. 227.

10. Ferrière, Claude-Joseph de.

Histoire du droit romain, contenant son origine, ses progrès, <...> & la manière de l'étudier. Paris: Durand, 1783. 12°.

Переплет библиотеки Лагарпа.

На форзаце фрагмент автографа: "F. Ces<...>".

ИЭБ: 1.4.119; РНБ: 10.5.6.3а.

Одно из многочисленных переизданий книги историка права Клода-Жозефа Ферьера (†1748), профессора Парижского университета.

11. Gast, John.

The History of Greece, from the Accession of Alexander of Macedon, till its final subjection to the Roman Power, in eight books. London: J. Murray, 1782. 4°.

Переплет Эрмитажа начала XIX века.

На обороте титульного листа запись Лагарпа: "Ното est res sacra" — подобными девизами швейцарец нередко снабжал свои книги (см. также №№ 15 и 27).

ИЭБ: 1.5.83; РНБ: 32.2с.2.8.

Рекомендуя книгу английского историка Джона Гаста (1715–1788), Лагарп сетует, что этот замечательный труд до сих пор не переведен на французский (*CORR I, 114*). Сокращенный французский перевод появился только в 1812 г.

12. Gibbon, Edward.

Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire Romain; traduite de l'anglois <...> par M. Leclerce de Septchènes [& A. S. M. Cantwell et A. M. H. Boulard]. T. I–XVIII. Paris: Frères Debure & Moutard, 1777 — Maradan, 1795. 8°.

Переплет Эрмитажа начала XIX века.

ИЭБ: 2.2.47; РНБ: 32.2с.4.19.

Весьма популярный на рубеже веков труд знаменитого историка Эдварда Гиббона (1737–1794), впервые изданный в Лондоне в 1776–1788 гг. Лагарп отмечает, что книга «выделяется среди себе подобных» (*CORR I, 118*). Современники неоднозначно оценивали эту книгу; так, В. А. Жуковский писал декабристу А. Ф. фон дер Бриггену 1(13) июля 1846 г.: «Если хотите рассказать нам падение Римской империи, то возьмитесь скорее за маленький волюм Монтескьё; он едва ли не тяжеловеснее Гиббона, в котором не все

золото, много и мышьяку; его бешеная ненависть к христианству мне противна»⁵.

Небезынтересно, что в РНБ хранится редкое издание Катуллы, подаренное Гиббону его близким знакомым Джорджем Джоном Спенсером в 1793 г. (Caius Valerius Catullus. Recensuit Jo. Wilkes, Anglus. Londini: Typis Io. Nichols, 1788. 4°)⁶.

13. Gilles, John.

The History of Ancient Greece, its colonies, and conquests; from the earliest accounts till the division of the Macedonian Empire in the East, including the history of literature, philosophy, and the fine arts. Vol. I–II. London: A. Strahan & T. Cadell, 1786. 4°.

Современный английский переплет телячьей кожи; корешок украшен позолоченным тиснением на античные мотивы, причем переплетчик ошибочно использовал клейма, содержащие римские сюжеты (ликторские топоры).

Книга хранилась в Императорской Царскосельской библиотеке (мастичный штамп: “*Bibliothèque de Tsarskoe Selo*”); РНБ: 32.2с.2.2.

На титульном листе карандашная помета Лагарпа: «2 vol. 2400 [лиров?]».

Лагарп рекомендует французский перевод этой книги известного шотландского эллиниста Джона Джиллиса (1747–1837), вышедший в 1787–1788 гг. в Париже. Н. М. Карамзин, составляя список исторических сочинений в начале 1800-х гг., между прочим отметил: «... займусь Историей. Начну с Джиллиса, после буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона»⁷.

14. Guys, [Pierre Augustin].

Essai sur les élégies de Tibulle, auquel on a joint quelques poésies légères. La Haye (Paris): Veuve Duchesne, 1779. 8°.

Переплет библиотеки Лагарпа.

ИЭБ: 10.4.91; РНБ: 7.13.7.28.

⁵ *Жуковский В. А.* Собрание сочинений. Л.; М., 1960. Т. 4. С. 656. Здесь адресант имеет в виду популярное в XVIII в. сочинение Монтескье “*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains, et leur décadence*”, впервые напечатанное в 1734 г.

⁶ *Королев С. В.* Гораций Уолпол и Джордж Джон Спенсер: два английских дара второй половины XVIII в. // Книга: исследования и материалы. М., 2002. Сб. 80 С. 379–384.

⁷ Цит. по: *Кросс Э. У.* Темзских берегов: россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996. С. 289.

Пьер-Огюстен Гюи (1720–1799), торговец в Стамбуле и Смирне, член-корреспондент Французского института.

15. Homerus.

The Iliad of Homer, translated from the Greek by Alexander Pope. Vol. I–II. Edinburgh: A. Donaldson, 1778. 8°. portr. gr.

Современный английский переплет телячьей кожи.

На форзаце обоих томов: «F. Cesar Del’Harpe/Les Droits de l’humanité sont sacrés». (см. также №№ 12 и 27); перевод отдельных английских фраз на французский на полях первого тома.

ИЭБ: 10.2.34; РНБ: 7.32.6.6.

Одно из многочисленных переизданий перевода Александра Поупа (1688–1744), впервые вышедшего отдельным изданием в 1750 г.

16. [La Blérierie, Jean-Philippe-René de].

Vie de l’empereur Julien. Avec deux cartes géographiques. Prt. I–II en 1 vol. Amsterdam: François L’Honoré, 1735. 12°.

Современный французский переплет телячьей кожи.

На титульном листе: “F. Cesar Del’Harpe”.

ИЭБ: 2.2.40; РНБ: 14.31.6.68.

Жан-Филипп-Рене де Лаблетри, (1696–1772), профессор элоквиции в Collège Royal, член Академии надписей и изящной словесности, автор перевода Тацита (1755).

В библиотеке Вольтера сохранилось одно из изданий этой книги с пометами патриарха⁸.

17. Le Beau, [Charles].

Histoire de Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand. T. I–XXI. Paris: Saillant & Nyon; Veuve Desaint, 1757 — Veuve Desaint & Nyon l’aîné, 1781; <... > Continué par M. Amelhon. T. XXII–XXIV. Paris: Veuve Desaint & Nyon l’aîné, 1781 — Maestricht: J.-E. Dufour & Ph. Roux, 1787. 12°.

Переплет библиотеки Лагарпа.

ИЭБ: 1.4.41; РНБ: 14.54.2.7.

Шарль Лебо (1701–1778), профессор элоквиции в Парижском университете и в Collège royal, непреременный секретарь Академии надписей и изящной словесности. Продолжение книги написал Юбер-Паскаль Амельон (1730–1811), член Французского института.

⁸Библиотека Вольтера: каталог книг. М.; Л., 1961. № 1798.

Издание сохранилось в библиотеке Вольтера⁹.

18. Lucretius Carus, Titus.

Lucrèce, traduction nouvelle, avec des notes. Par M. L* G** [de Lagrange]. T. I–II. Paris: Bleuet, 1768. 12°. frontisp. & pl. gr.

Современный французский переплет телячьей кожи.

На титульном листе: “Fr. Cesar Del’Harpe”.

ИЭБ: 10.5.110; РНБ: 7.39.5.20.

Перевод работы Делагранжа — домашнего учителя в семье барона Гольбаха, сподвижника Дени Дидро. Редакция перевода приписывается секретарю Дидро Жаку-Андре Нэжону (Naigeon). Дидро рецензировал это издание в одном из выпусков «Литературной корреспонденции» — периодического рукописного вестника, составляемого просветителями для коронованных особ Европы под редакцией Фридриха Мельхиора Гримма¹⁰.

19. Machiavelli, Niccolò.

Réflexions de Machiavel sur la première décade de Tite Live. Nouvelle traduction, précédée d’un discours préliminaire, par M.D.M.M.D.R. [de Meng, maître des requêtes]. T. I–II. Amsterdam (Paris): Alex. Jombert jeune, 1782. 8°.

Современный французский переплет телячьей кожи, окрашенной в оранжевый цвет. Форзац изготовлен из цветной бумаги типа «голландский мрамор». На корешках — стилизованное изображение российского императорского герба и монограмма «С.Р.».

Мастичный штамп: “Bibliothèque de Tsarskoe Selo”; РНБ: 10.12.6.171.

Французский перевод известного сочинения Никколо Маккиавелли (1469–1527). Судя по монограмме на корешке, книга находилась в библиотеке великого князя Константина Павловича. 30 августа 1807 г. Лагарп между прочим пишет императору Александру: «Перечтите, Государь, <...> рассуждения знаменитого Машиавеля на первую декаду Тита Ливия» (*CORR II*, 278).

20. Meiners, Christoph.

Geschichte des Ursprungs, Fortgangs und Verfalls der Wissenschaften in Griechenland und Rom. Bd. I–II. Lemgo, Im Verlage der Meyerischen Buchhandlung, 1781–1782. 8°.

⁹Там же. № 1960.

¹⁰*Diderot D. Oeuvres complètes*. Paris, 1984. T. XVIII. P. 11.

Переплет Эрмитажа начала XIX века.

ИЭБ: 3.5.29; РНБ: 16.74.7.21.

Книгу историка, литератора и философа Кристофа Майнерса (1747–1810) Лагарп рекомендует Александру с прибавлением: сочинение ценно как источник по истории тайных обществ, «так дискредитированных в наши дни» (“sociétés secrètes si décriées de nos jours”) (*CORR I, 114*). В позднейшей ремарке Лагарп упоминает французский перевод, напечатанный в 1795 г. в Париже под редакцией Жана-Шарля Тьебо де Лаво (Thiébault de Laveaux) (1749–1827), пастора реформатской церкви, лексикографа и переводчика, профессора в Базеле и Штутгарте (*CORR I, 129*).

21. Polybius.

Histoire de Polybe, nouvellement traduite du Grec par Dom Vincent Thuillier, <...>. Avec un Commentaire ou un Corps de science militaire, enrichi de notes critiques et historiques, <...> par M. [Jean-Charles] de Folard, chevalier <...>. T. I–VI. Paris: Pierre Gandouin, <&c.>, 1727. 4°. portr., pl. & cartes gr.

Современный французский переплет.

На обороте форзаца: “F. Cesar Del’Harpe/Nomenque tuum libertas et inanem pro sequar umbram. Lucan”.

На сmp. lxxiii: “L’Anglois Hampton a depuis donné une traduction qui est admirée de tous les connoisseur, tant pour la fidélité, que pour la clarté et la correction”.

ИЭБ: 2.7.78; РНБ: 7.44.6.30.

Первое издание необычайно популярных в XVIII в. комментариев шевалье Жана-Шарля Фолара (1669–1752) к переводу, выполненному эллинистом о. Винсентом Тюильером (1685–1734). Книга неоднократно переиздавалась и служила своеобразным пособием по военному делу. В ремарке на стр. lxxiii Лагарп указывает на английский перевод Полибия, изданный в Лондоне в 1772–1773 гг. Джеймсом Хэмптоном. Этот же перевод (“une excellente traduction”) швейцарец упоминает в письме к великой княжне Марии Павловне от 11 февраля 1832 г. (*CORR III, 763*), в то время — супруге великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского Карла-Фридриха.

22. Prestreau, [Isaac].

Principes raisonnés de la langue grecque par demandes et par réponses. Genève: Emmanuel Du Villard, 1767. 8°.

Переплет библиотеки Лагарпа.

ИЭБ: 1.4.104; РНБ: 7.59.9.19.

Пособие по изучению древнегреческого языка, подготовленное учителем из Женевы Исааком Престро.

23. [Séran de La Tour, l'abbé].

Histoire du Tribunat de Rome, depuis sa création, <...> son influence sur la décadance & la corruption des moeurs. Т. I–II. Amsterdam (Paris): Vincent, 1774. 12°.

Переплет библиотеки Лагарпа.

ИЭБ: 2.3.48; РНБ: 32.2с.5.16.

Аббат Серан Делатур, плодовитый литератор, автор многочисленных изложений античной истории. Был мало известен современникам, так как практически все его сочинения публиковались анонимно.

24. Suetonius Tranquillus, Gaius.

Les Douze Césars, traduits du latin de Suétone, avec des notes et des réflexions, par M. de La Harpe. Т. I–II. Paris: Lacombe & Didot l'aîné, 1770. 8°.

Современный французский переплет.

На форзаце: “F. Cesar Del’Harpe”.

ИЭБ: 1.3.27; РНБ: 7.13.7.69.

Перевод Жана-Франсуа Лагарпа (1739–1803), знаменитого поэта и теоретика литературы, члена Французской Академии, профессора в Парижском лицее и École normal. Ж.-Ф. Лагарп — дальний родственник Ф.-С. Лагарпа, выходец из швейцарского кантона Во.

25. Thucydides.

L’Histoire de Thucydide de la Guerre du Péloponèse. Т. I–III. Paris: Nicolas Gosselin, 1714. 12°.

Переплет Эрмитажа начала XIX в.

На титульном листе: “F. Cesar Del’Harpe”.

ИЭБ: 1.3.65; РНБ: 7.23.6.56.

Одно из переизданий работы известного переводчика античных авторов Никола Перро д’Абланкура (1606–1664). Переводы этого литератора не слишком ценились современниками, однако выдержали множество переизданий. Лагарп в рекомендательном списке отмечает «слабость и заурядность» этого перевода (“traduction <...> est fautive et plate”) (CORR I, 113).

Это издание сохранилось в библиотеке Вольтера¹¹.

26. Tibullus, Albius.

Élégies de Tibulle, traduction nouvelle, avec des notes, <...>. Paris: Ph.-D. Pierres; Jombert jeune, 1784. 8°

Переплет Эрмитажа начала XIX в.

На форзаце: "Frederic Cesar Dela Harpe".

ИЭБ: 10.5.104; РНБ: 7.13.7.29.

Авторство перевода приписывается маркизу Эммануэлю-Клоду-Жозефу-Пьерру де Пасторе (Pastoret) (1756–1840), историку и литератору, члену различных научных обществ, пэру Франции.

27. Titus Livius Patavinus.

Titii Livii Patavini Historiarum ab urbe conditia libri qui supersunt XXXV. Recensuit J.N. Lallemand. T. I-VII. Parisiis: Typis Barbou, 1775. 12°.

На обороте форзаца: "F. Cesar Del'Harpe/Les Droits de l'Humanité sont sacré". Там же дополнительное оглавление всех томов, составленное Лагарпом; на полях издания во многих местах — пометы и рукописные комментарии.

ИЭБ: 2.1.8; РНБ: 7.19.7.15.

Издание подготовлено Жаном-Никола Лаллеманом, профессором риторики в парижском коллеже De La Marche. Книга входит в серию портативных изданий античных авторов, выходивших у семьи типографов Барбу во второй половине XVIII в. Настоящий экземпляр имеет типичный для данной серии изящный кожаный переплет с позолоченным обрезом; корешки украшены тиснением в виде стилизованного изображения цветков чертополоха.

28. Tooke, Andrew.

The Pantheon, representing the Fabulos Histories of the Heathen Gods, & most illustrious heroes, <...>. 29th edition. London: B.Law & son, 1793. 8°. frontisp. & pl. gr.

Переплет библиотеки Лагарпа.

ИЭБ: 9.5.102; РНБ: 12.25.4.21.

Одно из многочисленных вольных сокращений классического труда "*Pantheum mythicum*", составленного французским иезуитом

¹¹Библиотека Вольтера. № 3298.

Франсуа-Антуаном Помеем (Pomey) (1619–1673), историком и лексикографом.

29. Turpin, [François-Henri].

Histoire du gouvernement des anciennes républiques, où l'on découvre les causes de leur élévation & de leur dépérissement. Paris: No. Cl. de Hansy, 1769. 12°.

Современный французский переплет.

На титульном листе: "F. C. Dela Harpe, 1780".

ИЭБ: 1.2.46; РНБ: 14.10.2.32.

Франсуа-Анри Тюрпен (1709–1799), профессор университета в Канне, автор многочисленных компиляций из античной истории.

О принципах и правилах изучения
исторических источников в сочинении
А. С. Лубкина «Начертание логики» (1807 г.)

Сведения о биографии Александра Степановича Лубкина весьма скупые.

Точная дата его рождения не известна. В биографических заметках, опубликованных в конце XIX — начале XX в., сказано с осторожностью, что он родился «по всей вероятности в 1770 или 1771 году»¹. В двухтомнике произведений русских просветителей конца XVIII — начала XIX в., изданном в 1966 г., приведена дата «ок. 1771»².

Немного известно о его происхождении: в ранних работах об А. С. Лубкине написано «костромич родом», родился «в семье духовного звания»³; в изданиях XX — начала XXI в. — родился «в семье священника в Костромской губернии»⁴, происходил «из духовного сословия»⁵.

Более конкретны сведения об образовании, которое получил А. С. Лубкин: закончил Костромскую духовную семинарию и затем был отправлен «для приготовления к учительству» в Петербург, в Александро-Невскую семинарию, где учился до сентября 1792 г.⁶. Преобразованная в 1788 г. в «главную семинарию» славяно-греко-латинская Александро-Невская семинария (в будущем Петербургская духовная академия) готовила священнослужителей, а также учителей для духовно-учебных заведений из лучших воспитанни-

¹[Булич Н.] Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам Н. Булича. 2-е изд. СПб., 1904. Ч. 2. С. 595 (1-е изд. Казань, 1887–1891); *Загоскин Н. П.* История имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1902. Т. 1. С. 289–291; *Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804–1904)* / Под ред. проф. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1. С. 122.

²Русские просветители (От Радищева до декабристов): Собр. произведений в двух томах / Под ред. И. Я. Щипанова. М., 1966. Т. 2. С. 444.

³[Булич Н.] Из первых лет Казанского университета... С. 595; *Биографический словарь*... С. 122.

⁴Русские просветители... С.2. С. 444.

⁵Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 456.

⁶[Булич Н.] Из первых лет Казанского университета... С.595.

ков провинциальных духовных семинарий⁷, что позволяет так же характеризовать и А. С. Лубкина. После окончания Александроневской семинарии А. С. Лубкин был назначен («определен») учителем немецкого языка и математики в Костромскую духовную семинарию, с 1797 г. стал ее «префектом» и тогда же начал преподавать философию, «не оставляя ее до конца жизни»⁸.

По характеристике исследователя истории Казанского университета Н. Н. Булича, стремившегося в своих работах сер. 70–90-х гг. XIX в., основанных на изучении материалов архива университета, особенно переписки, максимально подробно воспроизвести биографические сведения, отразив, по возможности, особенности характера («нравственные свойства»), отношение к науке той или иной личности, успешное преподавание А. С. Лубкиным философии в Костромской семинарии, а также свойственные ему «выдающиеся способности и нравственные достоинства», явились причиной его перевода 5 марта 1801 г. на службу в Петербургскую армейскую семинарию, где он занял должность ректора и преподавал философию⁹. На основе читаемого курса А. С. Лубкин подготовил рукопись под названием «Начертание логики, сочиненное и преподаванное в Армейской семинарии прежде бывшим в оной ректором и философии учителем Александром Лубкиным», которая была напечатана в Петербурге в 1807 г. (в типографии Ф. Дрехслера).

Как отмечал Н. Н. Булич, по причине, которая ему не была известна, 18 октября 1806 г., уволившись из духовного ведомства, А. С. Лубкин перешел на службу в Санкт-Петербургский педагогический институт в качестве инспектора («смотрителя за поведением студентов»), тогда же он женился. По предположению также Н. Н. Булича, на основании рекомендации первого попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского, 26 мая 1810 г. А. С. Лубкин был назначен директором училища Оренбургской губернии. В октябре 1811 г. С. Я. Румовский предложил А. С. Лубкину (после смерти профессора Казанского университета К.-Т. Фойгта) занять в качестве адъюнкта должность по университетской кафедре «умозрительной и практической философии». Как

⁷Энциклопедический словарь / Ф.-А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. XI. С. 268.

⁸[Булич Н.] Из первых лет Казанского университета... С. 595–596; Биографический словарь... С. 122.

⁹[Булич Н.] Из первых лет Казанского университета... С. VIII–IX, 596.

заметил Н. Н. Булич, предложение такой должности определялось тем, что А. С. Лубкин «не имел ученой степени, а экстраординарными и ординарными профессорами преимущественно назначались заграничные ученые, имевшие от своих университетов степень доктора»¹⁰.

А. С. Лубкин с благодарностью принял данное предложение, о чем свидетельствуют опубликованные в исследовании Н. Н. Булича фрагменты текста его писем Д. М. Соколову, исполнявшему обязанности «правителя дел» при попечителе Казанского учебного округа, и лично попечителю С. Я. Румовскому 20 декабря 1811 г. К этому его побуждали многие причины: плохое состояние оренбургских училищ, бытовая неустроенность его семьи в Оренбурге, но, главное, желание продолжить научные занятия в области философии («я никогда не терял из виду искать и пользоваться случаем, дабы начатое некогда мною по части философии, а несколько и ныне продолжаемое усовершенить и привести к окончанию»)¹¹.

Назначение А. С. Лубкина адъюнктом для чтения курса философии студентам Казанского университета состоялось в начале февраля 1812 г.; из-за тяжелого материального положения своей семьи в апреле 1812 г. А. С. Лубкин занял еще и должность инспектора Казанской гимназии; в марте 1814 г. он получил звание экстраординарного профессора, а в июне 1815 г. — ординарного профессора¹². В обосновании того, что А. С. Лубкин заслуживал присуждения ему звания ординарного профессора, отмечались давние занятия философией, о чем свидетельствовали подготовленные им сочинения, присущие ему «опытность и твердые познания», в том числе и в области других наук, знание языков, как и то, что он, зная дух «отечественного народа, правительства и веры», мог способствовать успешному преподаванию философии и усилению ее роли в нравственном воспитании студентов¹³. Последний аспект определил тему выступления А. С. Лубкина на университетском акте 5 июля 1815 г. Подчеркивая важность нравственного воспитания и образования в формировании «доброго и полезного гражданина», А. С. Лубкин особую роль отводил нравственному образованию как основанию всякого образования и считал его поста-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 596–597.

¹² Там же. С. 597–604; Биографический словарь... С. 122–123.

¹³ [Булич Н.] Из первых лет Казанского университета... С. 604.

новку главной целью в работе учебных и воспитательных заведений¹⁴.

Как отметил Н. Н. Булич, А. С. Лубкин недолго «пользовался преимуществами» звания ординарного профессора. После непродолжительной болезни он скончался 30 августа (11 сентября) 1815 г.¹⁵ В некрологе, опубликованном в «Казанских известиях» (1815, 4 сент.), отмечались не только его авторитет как ученого, но и присущие ему нравственные и особенные черты характера: «прилежание, точность в исполнении и усердие», «тихость нрава, постоянство, доброта, честность, кротость, скромность и благочестие», «примерный сын отечества, своими делами доказавший пользу свою, сей примерный подчиненный, был вместе примерным собеседником и отцом семейства» (у А. С. Лубкина было пятеро детей)¹⁶. По мнению Н. Н. Булича, автором некролога мог быть Иосиф (Осип) Евсеевич Срезневский, магистр философии, помогавший А. С. Лубкину вести курс философии (с 1813–1814 учебного года А. С. Лубкин читал «философию практическую», а И. Е. Срезневский — «умозрительную»)¹⁷. Приведенные суждения о характере А. С. Лубкина нельзя признать вполне достоверными. Профессор истории русского права в Казанском университете Н. П. Загоскин, автор обширного труда по истории университета, изданного в 1902–1906 гг., привел данные о конфликтном поведении А. С. Лубкина при исполнении им обязанностей инспектора Казанской гимназии в 1812–1813 г., а также отметил категоричность и строгость мнения А. С. Лубкина о наказании нерадивых студентов — не исключать, а направлять на службу в армию (тем более в ответ на заявления таких студентов уйти в армию)¹⁸.

Историю создания своего труда «Начертание логики» А. С. Луб-

¹⁴[Лубкин А.] Рассуждение о том, возможно нравоучению дать твердое основание независимо от религии, читанное при годичном торжественном собрании имп. Казанского университета июля 5 дня, 1815 года Казанского общества любителей отечественной словесности членом, теоретической и практической философии публичным ординарным профессором, надворным советником Александром Лубкиным. [Казань, 1815]. С. 4–5.

¹⁵Ср.: Энциклопедический словарь / Ф.-А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. XVIII. С. 54 — неверно назван год смерти А. С. Лубкина (1829).

¹⁶[Булич Н.] Из первых лет Казанского университета... С. 606.

¹⁷Там же. С. 601–602, 606.

¹⁸Загоскин Н. П. История имп. Казанского университета... Т. 1. С. 430–432, 435–497; Казань, 1902. Т. 2. Ч. 1. С. 533–534.

кин достаточно ясно охарактеризовал во введении к основной части текста, придав ему форму обращения «К читателю». Из него мы узнаем, что замысел написать такой труд возник в процессе преподавания: «сочинитель, занимаясь некогда преподаванием логики, при недостатке таковых книг на языке отечественном почел должностию своею преподавать оную по своей рукописи»¹⁹. Сопоставив это пояснение с полным текстом названия труда «Начертание логики, сочиненное и преподаванное в Армейской семинарии прежде бывшим в оной ректором и философии учителем Александром Лубкиным», следует сделать вывод, что основу труда составили материалы курса лекций по логике, который А. С. Лубкин читал в период своей службы в Петербургской армейской семинарии (1801–1806). Вместе с тем замечание «о недостатке таковых книг на языке отечественном» свидетельствует, что мысль о необходимости написать подобный труд могла возникнуть и в предыдущие годы преподавания философии в Костромской семинарии (1797–1801).

Принципиально важным следует признать сделанное во введении пояснение о формировании собственного взгляда на вопросы, освещавшиеся в «Начертании логики», А. С. Лубкин признал, что «заимствовался от многих как новейших, так и недавних писателей», но при этом отметил, что системе чьей-либо не последовал никакой»²⁰. План преподавания философии, представленный А. С. Лубкиным Совету Казанского университета в 1812 г., отражает знание работ немецких философов, в частности Ф.-В.-Д. Шелля, Л.-Г. Якоба, переводами которых он занимался в последующие годы.

Предлагая в упомянутом плане в качестве пособия учебник логики на немецком языке, изданный Главным правлением училищ, А. С. Лубкин специально отметил, что при чтении лекций он собирался использовать материалы своего труда, подготовленного «для издания вторым тиснением логики прежде мною сочиненной»²¹. С

¹⁹ Лубкин А. С. Начертание логики. 1807 // Русские просветители (От Радищева до декабристов)... Т. 2. С. 25. Текст в этом издании воспроизведен по публикации 1807 г., составители указывают, что были опущены некоторые примеры. Часть текста введения и следующее за ним «Предварительное введение о понятии и частях философии» переизданы: Антология мировой философии. М., 1972. Т. 4. С. 81–87.

²⁰ Лубкин А. С. Начертание логики... С. 28.

²¹ [Булич Н.] Из первых лет Казанского университета... С. 598.

этим вполне согласуется вывод о самостоятельности его суждений, сделанный во введении к изданию 1807 г.

Представляется важным для понимания замысла и содержания сочинения объяснение А. С. Лубкина выбранного названия «Начертание логики»: «Сочинитель ограничивался единственно нужнейшим и общепользным в логике», что заставляло четко и ясно изложить свои мысли по основным вопросам, не вдаваясь в «пространные объяснения и глубокомысленные тонкости», так как первые «по большей части скучны», а последние «занимательны разве только для ученых, много лишнего времени у себя имеющих»²².

Определяя предметом логики «изыскание истины» и называя логику «наукою здраво и основательно судить о вещах, а не искусством ученого тонкоумия», А. С. Лубкин во введении обратил внимание на сложность процесса познания, что побуждало следовать определенным принципам и правилам. Он был убежден, что чтение книг, как средство обогащения себя знаниями, требует усвоения и применения правил герменевтики и критики, без которых «благоразумное» по своей сути чтение книг может быть «или затруднительно, или малополезно»²³.

Процесс познания, как сложное по своей природе явление, находил свое выражение, по мнению А. С. Лубкина, в трех формах: *историческое* познание, позволявшее получить знания «непосредственно о бытии оных и о различных переменях»; *математическое* как «познание о количестве какой-либо вещи и о количестве сил ей свойственных»; наконец, *философическое* или философское познание причин и объяснение бытия, состояния, качеств вещей. Историческое познание он оценивал как «первое и нижайшее», которое формируется посредством воздействия вещей на чувства, которые становятся известными настолько, насколько они воздействуют на чувства. Исходя из этого, А. С. Лубкин считал более сложным математическое познание, полагая, что оно открывает путь к философскому познанию и иногда бывает его основанием²⁴.

Историческое познание, в контексте которого формируется историческое мнение, достаточно подробно рассмотрено в сочинении А. С. Лубкина. В своеобразной форме в его рассуждениях отразились важнейшие для исторической науки вопросы «историк и

²² Лубкин А. С. Начертание логики... С.25.

²³ Там же. С. 25–26, 29.

²⁴ Там же. С. 30–31.

источник», «историк и исследование». При этом А. С. Лубкин рассматривал не только процесс формирования исторического мнения, но и обращал внимание на конечный результат, полагая обязательным проверку его «справедливости». Большое значение он придавал изучению особенностей («свойств») факта, «повествуемого дела», запечатленного в источнике, особенностей личности автора источника («свойств тех, кои о нем повествуют») и профессиональных особенностей историков («личные качества и важность самих историков») ²⁵.

В сочинении А. С. Лубкина дана классификация исторических источников, при описании которых он использовал традиционный для того времени термин «исторический памятник». А. С. Лубкин выделил те группы, которые, в соответствии с его представлениями о сути и назначении исторического познания, позволяли выявлять воздействие бытия на чувства. Он назвал шесть групп источников:

1. «оставшиеся в целости» повествования и записки;
2. «всеобщая народная вера»;
3. «постоянное предание»;
4. «публичные установления, праздники, обряды»;
5. «здания и другие произведения художеств», например, храмы, статуи, надписи, медали, «иногда народные сказки»;
6. «народные обыкновения, предрассудки, пословицы и даже известные и странные обороты в выражениях» ²⁶.

Такая схема деления источников давала представление о многообразии их форм, хотя и не отражала полной картины этого. Сформированные таким образом группы объединяли те виды источников, которые содержали в себе информацию и соответственно способны были ее передать в определенной форме — устной и изобразительной. Письменные источники были выделены в отдельную группу, но присутствовали также и в других группах.

Своеобразно А. С. Лубкин рассматривал вопрос о достоверности свидетельств источника. Полагая, что источник («повествование») следует тщательно изучать, он настаивал на том, чтобы его свидетельства проверялись — «все ли оно сомнительно или только в некоторых местах»; также необходимо было понять и объяснить, что «сомнение происходит или от неосновательности в самом по-

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ Там же. С. 131.

вествовании, или только от недостатка ближайших и лучших сведений, или, наконец, от древности, все истлевающей и превращающей». Эти принципы определяли общий вывод: «весьма несправедливо было бы за некоторые только сомнительные или темные места в повествовании все оное отвергать и почитать ложным и выдуманым, ибо иначе все бы вообще повествование таковым почестъ надлежало»²⁷.

При изучении описаний отдельных фактов и явлений А. С. Лубкин предлагал выявлять и внимательно рассматривать причины их возникновения и обусловленность как общими тенденциями развития, так и конкретными обстоятельствами, их соответствие или противоречие ходу истории, чтобы нельзя было подозревать, по его словам, что «повествование» «произошло от вкуса и склонности тех времен», особенно, это было важно, если в источнике описывалось «вышестественное или чудное происшествие»²⁸.

Установление степени достоверности свидетельств источника А. С. Лубкин связывал с проблемой авторства. Такая позиция была традиционна для исследовательской практики в нач. XIX в., она определяла и выбор соответствующих методов. А. С. Лубкин был убежден, что автору («повествователю») следовало задавать множество конкретных вопросов, ответы на которые позволяли бы составить мнение об искренности, точности свидетельств и оценок, о возможности автора рассказывать о чем-либо, об источниках его осведомленности и о самостоятельности суждений. А. С. Лубкин настаивал на том, что «надлежит смотреть», повествователи рассказывают как «очевидцы» или «понаслышке»; «современники или после жившие»; «из после живших ближайшие к тому времени или новейшие»; «не подлежащие подозрению, что обманулись в познании повествуемого ими дела, или такие, коих в том подозревать должно». А. С. Лубкин не только формулировал вопросы, но и комментировал возможные результаты ответов, получаемых в процессе изучения источника. Например, он полагал, что свидетельства очевидцев больше заслуживают доверия, но вместе с тем не следовало игнорировать свидетельства тех, кто знает «понаслышке», так как «иногда случается, что на показания последних лучше можно положиться, смотря по свойству повествуемого дела

²⁷Там же. С. 131–132.

²⁸Там же. С. 131.

или по личным обстоятельствам свидетелей». Общее же («согласное») мнение или свидетельства многих были для А. С. Лубкина решающими при определении степени достоверности показаний источника²⁹. Термины «свидетельство», «показания», «уверения», «вероятие» встречаются в тексте многократно, так что в процессе чтения сочинения А. С. Лубкина читатель должен был понять важность и необходимость соответствующей работы с источником.

Так же обстоятельно А. С. Лубкин описал свои взгляды на проблему «историк-исследование». По значимости он выделял, прежде всего, определенные особенности личности историка. Положительно он оценивал соответствующие профессии способности ума, ответственность (отсутствие, в частности, «легковерия и ветрености»), порядочность (отсутствие «слепого пристрастия или предубеждения»), объективность (отсутствие личных мотивов — «для своей безопасности, или прибыли, или для угождения кому-либо»), последовательность и логичность мысли, умение и желание сопоставлять свое мнение с мнением других авторов. Наличие или отсутствие таких качеств у историка должны были определять степень доверия читателя к его труду.

Отрицательно А. С. Лубкин оценивал «напыщенность слога и излишнюю его украшенность», чрезмерную обстоятельность, которая могла быть следствием игры воображения или воздействия на автора собственных наблюдений, если он был современником описываемых событий, или стремление показать свой ум, подчеркнуть собственную значимость, чтобы читатель, поверив ему, не проводил дополнительных разысканий. Обязательным в оценке результатов исследования А. С. Лубкин считал подтверждение выводов историка «обстоятельствами как современными, так предыдущими и последующими»³⁰.

Отдавая должное герменевтике и критике в исследовательском процессе, А. С. Лубкин подробно описал свое представление об их назначении, сути и правилах. Понятие герменевтики А. С. Лубкин определял как «угадывание» или «отгадывание подлинных мыслей» автора источника, «точное разумение», «толкование» или «истолкование сомнительных писательских мыслей»³¹. Смысл и на-

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ Там же. С. 130.

³¹ Там же. С. 138–140.

значение критики А. С. Лубкин видел в том, чтобы «определять истинную цену вещей, отличая в них дельное и подлинное от недостаточного и подложного»³². Оба понятия соответствовали представлениям того времени. Свою же задачу А. С. Лубкин видел в том, чтобы в соответствии с таким пониманием герменевтики и критики четко и ясно изложить правила и методы изучения текста источников, пояснить их на приводимых в тексте примерах³³.

Таким образом, соглашаясь с общей высокой оценкой вклада А. С. Лубкина в разработку теории логики, следует признать и так же высоко оценить предложенные и обоснованные им в сочинении «Начертание логики» принципы и правила исследовательской работы историка в целом и, в частности, при изучении исторических источников.

³²Там же. С. 140.

³³Там же. С. 138–143.

**О неопубликованной рукописи С. А. Жебелева
«История Русского Археологического общества
1897–1921 гг.»**

Всем интересующимся историей отечественной археологии хорошо известна солидная, более чем пятисотстраничная, книга Н. И. Веселовского «История Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896», изданная в 1900 г. Это издание содержит массу сведений о создании и деятельности РАО в указанный период и является ценнейшим источником сведений об одном из самых известных научных обществ дореволюционной России. Но мало кто, даже среди специалистов, знает о том, что существует продолжение истории РАО, охватывающее время с 1897 г. до самого конца его существования. Это, хранящаяся в Архиве Института истории материальной культуры РАН, рукопись под названием «Русское археологическое общество за третью четверть века его существования (1897–1921). Исторический очерк, составленный действительным членом С. А. Жебелевым»¹. Учитывая необходимость и важность скорейшей полной публикации этого очень информативного и ценного источника², целью настоящей заметки является краткая информация об этой рукописи, которая вне всяких сомнений вызовет большой интерес у историографов и всех интересующихся историей российской гуманитарной науки поры ее расцвета. Цитируемый текст самого С. А. Жебелева выделяется курсивом и приводится в авторской орфографии и пунктуации.

Особенно уместным представляется сделать это на страницах сборника научных статей, посвященного юбилею замечательного ученого, подлинного университетского профессора, друга нашей семьи, Эдуарда Давидовича Фролова, внесшего значительный вклад в разработку как общих проблем антиковедения, так и вопросов истории науки об античности в России. Опять же нельзя не вспом-

¹РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 453.

²В настоящее время такая публикация готовится доктором исторических наук, директором Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И. В. Тункиной. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить И. В. Тункину, впервые обратившую мое внимание на эту рукопись.

нить, что профессор Э. Д. Фролов является инициатором и бессменным руководителем «Жебелевских Чтений», регулярно проводимых кафедрой истории Древней Греции и Рима с 1997 г.

Неопубликованная рукопись выдающегося ученого-антиковеда академика Сергея Александровича Жебелева представляет собой машинописный текст на обеих сторонах листов, посвященных различным аспектам деятельности общества в указанный период. Открывается текст рукописи предисловием «От автора», в конце которого стоит дата завершения работы над ней: 31 августа 1921 г. На это же странице помещен рукописный постскрипtum, который имеет смысл привести полностью: *«Рукопись составленного мною очерка, лежавшая у меня в письменном столе уже десять лет, была передана мною летом 1931 г. в Архив Государственной академии истории материальной культуры. Благодаря заботливости заведовавшего тогда Архивом А. С. Маркова рукопись была переписана на пишущей машинке и в этом виде мною просмотрена, где надо — исправлена, кое в чем дополнена, кое в чем изменена. Впрочем, эти и дополнения и изменения весьма незначительны. Последняя, XVI глава, отсутствовавшая в первоначальном оригинале, написана мною заново. Она составлена очень кратко: слишком мало материалов имелось для ее составления в моем распоряжении; к тому же писать о последних годах жизни общества мне было тяжело. Декабрь 1931 — январь 1932 — июнь 1932».*

Обращение к этой теме со стороны С. А. Жебелева не было случайным. Выдающийся ученый всегда проявлял интерес к историографии своей науки. Им были написана и опубликована серия биографических очерков о многих известных отечественных исследователях древности³, что снискало ему славу Плутарха современного антиковедения. Он постоянно выступал с рецензиями и обзорами, много занимался составлением библиографических списков и указателей.⁴ Для несостоявшегося сборника «Русская наука» Жебелевым был написан очерк «Археология и общая история искусства»⁵.

³ Например: Жебелев С. А. 1) Ф. Ф. Соколов. Биографический очерк. СПб., 1909; 2) Граф Иван Иванович Толстой. 1858–1916. СПб., 1916; 3) Археолог-энтусиазист (памяти А. А. Спицына) // СА.1948. X. С. 9–11.

⁴ Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 274–275.

⁵ Турчина И. В. К публикации неизданного очерка С. А. Жебелева «Археология и общая история искусства» // ΕΤΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–

Наконец, он являлся автором одного из первых учебников по археологии в России, посвятив истории археологического знания всю его первую часть⁶.

С 1899 г. С. А. Жебелев регулярно читал лекции по классической археологии на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета⁷. Членом-сотрудником Русского Археологического общества будущий академик стал вскоре после окончания университета, 27 марта 1892 г., а в декабре 1894 г. он уже был избран действительным членом. С этого же 1894 и до начала 1919 гг. — выполнял функции секретаря Классического отделения общества. На одном из последних общих собраний РАО, 3 января 1919 г. С. А. Жебелев был избран помощником председателя общества и в условиях отсутствия председателя (им был избран в январе 1918 г. Н. П. Кондаков, находившийся на Юге России и отправившийся отсюда в эмиграцию), фактически оказался руководителем РАО, тем более, что это и официально подтверждалось званием Председательствующего. Вот эти обстоятельства, по все видимости, и привели к созданию данного труда. Оказавшись волею судьбы руководителем Русского Археологического общества в трудный период его медленного угасания, С. А. Жебелев считал своим моральным долгом запечатлеть для потомков его историю в последнюю четверть века существования. Материалами для его очерка послужили как опубликованные отдельными изданиями или в «Записках» общества протоколы общих собраний и заседаний отделений⁸, так и рукописные материалы, хранившиеся в архиве общества, который, в 1925 г. поступил в Государственную Академию истории материальной культуры и ныне составляет фонд № 2 Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН.

Структура исторического очерка о РАО убедительно свидетельствует, что в качестве образца для нее использовалась вышеупомя-

2004). СПб., 2007. С. 139–144; Жебелев С. А. Археология и общая история искусства (подготовка текста, публикация и комментарии И. В. Тункиной) // Там же. С. 145–174.

⁶ Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Пг., 1923.

⁷ Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историко-графические очерки. СПб., 2003. С. 67–68.

⁸ Например: Протоколы общих собраний Русского Археологического общества за 1899–1908 гг. Пг., 1915.

нутая книга Н.И.Веселовского. Во всяком случае, все главы рукописи имеют свои полные аналогии в книге Веселовского. Оттуда же позаимствован и общий стиль изложения в летописной констатирующей манере, с минимальными отступлениями от сухого изложения фактической стороны дела, без комментариев и оценочных моментов. Соответственно, для современных историографов Русского Археологического общества, как монография Н. И. Веселовского, так и рукопись С. А. Жебелева являются скорее историческими источниками, чем пособиями. Но источниками в высшей степени информативными, поскольку и тот, и другой скрупулезно проработали огромный массив документов.

Первая глава рукописи содержит общую характеристику деятельности общества за рассматриваемый период. В ней особо подчеркивалась связь РАО с Санкт-Петербургским (Петроградским) университетом: *«подавляющее большинство членов общества составляли университетские профессора, преподаватели, приват-доценты, оставленные при Университете. Общество постоянно старалось также привлекать в свой состав и к своим работам деятелей Московского и провинциальных университетов»*. Особо автор акцентировал внимание на исключительно научных целях деятельности РАО, которое подчас сознательно уклонялось от участия в разработке чисто практических вопросов и научно-популяризаторской деятельности. Это важно в связи с тем, что в нашей историографической литературе утвердился некий стереотип о «кастовости, закрытости» или «аристократическом характере» РАО по сравнению с более демократическим Московским Археологическим обществом⁹. Жебелев же писал, что *«не следует думать, будто доступ в общество открыт был только для профессиональных ученых или высококвалифицированных специалистов. Нет, в составе общества всегда бывали и «любители» археологи, но «любители» искренние, а не скороспелые дилетанты. Многие из таких «любителей» археологии плодотворно трудились и теперь трудятся на благо общества. Последнее всегда ценило их труды, ценило даже их искреннюю «любовь» к археологии, хотя бы эта любовь реальных плодов и не давала. Лишь об одном обществе всегда ретиво и ревниво заботилось: чтобы в*

⁹Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. С. 26.

составе его не оказались призрачные «любители» археологии, а в особенности такие «любители», которые из археологии как научной дисциплины могли бы сделать для себя предмет какой-либо выгоды». Вот что отличало РАО от Московского Археологического общества и, особенно, от крайне пестрого состава участников Археологических съездов, им созываемых, поскольку участником съезда мог стать любой желающий, уплатив вступительный взнос. Описывая довольно сложную и многоступенчатую процедуру принятия новых членов С. А. Жебелев полностью оправдывал ее, поскольку она давала хорошие результаты, и за 25 лет не было ни одного случая забаллотировки кандидатов, а «всякий удостоившийся избрания в члены общества, смотрел на это избрание как на высокую для себя честь, для начинающего ученого почти одинаковую с честью быть оставленным при Университете. Выступить в первый раз с докладом в обществе для такого начинающего ученого всегда являлось «событием», а принятие обществом для помещения в своих изданиях работы начинающего ученого означало в его глазах признание за ним его права относить себя к числу деятелей науки».

Вторая и третья глава были посвящены уставу, органам административного управления и должностным лицам общества. Общее собрание обыкновенно собиралось 3–4 раза в год и на нем обсуждались наиболее важные дела, касающиеся всего общества, как-то обсуждение проекта закона об охране памятников старины, о поддержании в должном состоянии крепости и церквей Старой Ладogi, об изучении древностей Палестины, о присуждении медалей имени графа А. С. Уварова, о приобретении на государственные средства коллекции В. С. Голенищева и др. Здесь же приводился полный перечень научных докладов, заслушанных на общих собраниях. Председателем общества с 1892 по 1915 гг. являлся Великий князь Константин Константинович, одновременно возглавлявший Академию Наук. Благодаря ему общество получило увеличение ежегодной государственной субсидии с 5 000 до 8 000 рублей и постоянное помещение в доме Государственной канцелярии на Литейном проспекте 44. Несколько раз Августейший председатель добивался выделения средств на отдельные экспедиции и ряд изданий общества. *«Не часто удавалось ему посещать наши собрания, но как по тому участливому вниманию, с каким во время посещений следил он за докладами и прениями, так и по всему складу его отношений к Об-*

ществу и его деятелям, чувствовалось, что занятия Археологического Общества находили себе отзвук в склонности к любимым занятиям Председателя. Как старательно осведомлялся он о лицах, предметах и явлениях греческой и римской древности, знают те, к кому он обращался с запросами, когда составлял комментарии к «Ифигении в Тавриде»... Так случилось, что предметом последней или одной из последних бесед, которые он вел, за несколько часов до своей кончины и предметом его последнего письма, тогда же в постели и написанного, были древности Царьграда» — писал С. А. Жебелев. После кончины Константина Константиновича председателем РАО был утвержден Великий князь Георгий Михайлович, а в январе 1918 г. избран Н. П. Кондаков. Помощником председателя с 1899 по 1916 г. являлся известный нумизмат, археолог и общественный деятель граф И. И. Толстой, к которому автор рукописи был весьма близок и бывал в его доме почти каждый день¹⁰, обсуждая различные проблемы, в том числе и связанные с деятельностью Русского Археологического общества. Обязанности секретаря РАО выполнял в 1890–1906 гг. В. Г. Дружинин, а в дальнейшем до конца 1918 г. Б. В. Фармаковский. Нужно отметить, что во время отъездов Фармаковского на раскопки Ольвии или в заграничные командировки, его замещал сам С. А. Жебелев, чем в свою очередь также определялась его большая осведомленность о делах общества.

Четвертая глава содержала описание финансовых средств общества, которое с 1909 г. стало получать 10 000 рублей государственной субсидии. Интересно отметить, что и в первые годы после революции общество продолжало получать денежные средства из Наркомата просвещения. Так, Жебелев сообщал о субсидии в 125 000 рублей, поступившей в конце 1918 г. Членские взносы (с 1897 г. они составляли 5 рублей в год или 50 рублей единовременно) платились крайне нерегулярно и неаккуратно, но они никогда не занимали большого места в бюджете общества, также как и доходы от продажи изданий, поскольку РАО щедро раздавало свои издания ученым учреждениям и отдельным лицам, не стремясь сделать из них источник дохода. Львиную долю своего бюджета, который, например, в 1916 г. доходил почти до 20 000 рублей, общество всегда тратило

¹⁰ Толстая Л. И. От составителя // Мемуары графа И. И. Толстого. М., 2002. С. 11.

на публикации своих трудов. Кроме того деньги расходовались на отдельные раскопки и экспедиции. Неприкосновенный капитал общества постепенно складывался из различных пожертвований и к 1 января 1917 г. состоял из 44 900 рублей в процентных бумагах.

Пятая и шестая главы содержат довольно краткую информацию о библиотеке и более подробную о музее общества. Библиотека пополнялась исключительно за счет частных пожертвований самих членов и других лиц, а главным образом за счет обмена с другими научными учреждениями и обществами, как отечественными, так и иностранными. Поэтому указывал С. А. Жебелев: *«Наиболее ценным отделом ее всегда был отдел периодических изданий, получавшихся в обмен на издания общества. В этом отношении некоторые из заграничных периодических изданий имеют, пожалуй, только в библиотеке общества»*. А он был большим знатоком библиографии научных трудов по древней истории и археологии, в частности, в 1896 г. издал каталог библиотеки Музея древностей Петербургского университета¹¹. В 1915 г. был издан «Список русских периодических изданий, находящихся в библиотеке Русского Археологического Общества». Музей пополнялся также за счет пожертвований частных лиц или учреждений. Особенно много вещей регулярно поступало из Императорской Археологической комиссии. С 1900 по начало 1907 гг. хранителем музея являлся Б. А. Тураев, докладная записка которого полностью приводится С. А. Жебелевым. Отмечая, что преимущественно в музее собираются материалы по доисторической археологии, которые и составляют его главную ценность, востоковед Тураев, предлагал расширить помещение, распределить коллекции по губерниям и районам происхождения, издать их систематическое описание, и самое главное — избрать хранителя из специалистов по доисторической археологии. Фактически все меры по улучшению деятельности музея РАО, предложенные Тураевым, были в скором времени реализованы его приемником — А. А. Спицыным, избранным в марте 1907 г. хранителем музея. С этого времени резко увеличились поступления новых материалов в музей. С. А. Жебелев особо отмечает поступления вещей из раскопок Археологической комиссии на Кубани, в Екатеринославской и Гродненской губерниях, раскопок Русского

¹¹Каталог Библиотеки Музея Древностей/ [Сост. С. А. Жебелев]. СПб., 1896; Каталог Библиотеки Музея древностей: Прибавление I. [Сост. С. А. Жебелев]. СПб., 1901.

отделения общества в Гдовском уезде, в Минской губернии и других местах. Только русских монет и медалей в музее насчитывалось 3721 номеров, а в 1916 г. новые поступления дали 1421 инвентарный номер. Далее автор рукописи указывал, что коллекциями музея для своих научных занятий пользовались многие русские и зарубежные археологи.

Очень краткая седьмая глава рассказывала о помещении общества, которое с лета 1894 г. находилось в дворовом флигеле здания Государственной канцелярии по адресу Литейный проспект, 44. В 1919 г. это здание было занято Наркоматом юстиции и общество было вынуждено переехать в помещение в доме-музее С. Д. Шереметева (Фонтанка, 34). Однако, пишет Жебелев, новым помещением для устройства заседаний общество ни разу не воспользовалось, проводя их в 1920–1921 гг. либо в Музее древностей университета, либо в Эрмитаже, либо в кабинете непременно секретаря Академии Наук (С. Ф. Ольденбурга), либо в Мраморном дворце, часть помещений которого заняла с 1919 г. Академия истории материальной культуры, куда впоследствии и было перевезено все имущество общества. Заканчивается текст этой главки ностальгическим замечанием, что *«где бы общество ни нашло для себя помещение, старые члены его, несомненно, будут грустить о том скромном, хотя и достаточно обширном и уютном помещении на Литейном, с которым у них связано столько дорогих и трогательных воспоминаний»*.

Следующие четыре главы посвящены деятельности отделений общества: Русской и славянской археологии, Восточного, Археологии древне-классической, византийской и западноевропейской, Нумизматики. Последнее отделение было создано в 1904 г. Особую ценность в этом разделе рукописи представляют полные перечни докладов, сделанных на заседаниях отделений. Так, например, можно узнать, что А. А. Спицын в течение 1897–1918 гг. сделал 62 (!) доклада на заседаниях Отделения Русской и славянской археологии, или как его называли для краткости — Русского отделения. Также интересно отметить, что нередко члены РАО выступали с докладами и не в «своих» отделениях. Так антиковеды М. И. Ростовцев, И. И. Холодник, ориенталист Н. И. Веселовский принимали участие в работе Русского отделения, а А. А. Спицын прочитал два доклада «Предметы с восточными надписями в Музее Общества» и «Предметы китайских культов в русских древ-

ностях» в заседаниях Восточного отделения. Рассказывая о деятельности Восточного отделения РАО, С. А. Жебелев вслед за Н. И. Веселовским подчеркивает особую роль управляющего отделением вплоть до своей смерти в 1908 г. барона В. Р. Розена, создавшего из отделения центр отечественной ориенталистики мирового уровня и деятельность сменившего его на этом посту Н. И. Веселовского, всячески поддерживающего эти традиции. Это отделение было одним из наиболее организованных, регулярно проводивших свои заседания раз в месяц по четвергам. В его составе «дилетантов», по сути, не было, зато преобладали профессора и приват-доценты Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета¹². Это даже иногда приводило к забавной путанице и курьезным случаям. Так, например, И. А. Орбели впоследствии вспоминал, что однажды в собрании Восточного отделения, начавшегося сразу же после заседания факультета, Н. Я. Марр, являвшийся деканом факультета, забыв, что находится уже не «в своих владениях», попробовал прервать доклад председателя отделения В. В. Бартольда.¹³

Классическое отделение РАО возглавлялось до 1906 г. И. В. Помяловским, затем до 1916 г. вице-президентом Академии наук П. В. Никитиным, приемником которого стал М. И. Ростовцев, а после его отъезда из России в 1918 г. — Б. В. Фармаковский. В заседаниях этого отделения преобладала античная или византийская тематика, как и проблемы тесно связанные с этими разделами науки. С. А. Жебелев объяснял это тем, что в отечественном университетском преподавании того времени западноевропейскому, в особенности средневековому искусству, уделялось гораздо меньше внимания, чем искусству античному и византийскому. Сам он выступал с докладами за двадцать пять лет 43 раза. Такими же активными участниками заседаний отделения были М. И. Ростовцев (42 доклада), Я. И. Смирнов (23 доклада), Б. В. Фармаковский (20 докладов). Из инициатив Классического отделения Жебелев отметил обсуждавшийся в 1908 г. проект подготовки и издания «Истории

¹² *Варлакова Н. А.* Восточное отделение Русского археологического общества и его состав (1851–1923) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Материалы по истории отечественного востоковедения. М., 1990. Ч. 3. С. 231–243.

¹³ *Орбели И. А.* Воспоминания студенческих лет // Юзбашян К. Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961. М., 1986. С. 152.

древнего искусства», а также ходатайство об открытии Русского Археологического Института в Афинах, с которым оно выступило в 1910 г.

Четвертое, Нумизматическое отделение было создано в 1904 г. по инициативе помощника председателя РАО И. И. Толстого, который его и возглавил. Это отделение объединило представителей разных отраслей исторической науки, интересующихся нумизматикой. Наиболее активными его членами были известные нумизматы М. Г. Демени, А. А. Ильин, Р. Р. Фасмер и особенно, хранитель нумизматических коллекций Эрмитажа А. К. Марков.¹⁴

Двенадцатая глава содержит информацию об археологических раскопках, проводимых на средства и по поручению общества. Здесь приводится перечень полевых исследований, которые были проведены, начиная с 1899 г. во исполнение программы Н. И. Веселовского и А. А. Спицына, призывавшей активизировать работу общества в этом направлении, но отказаться от бессистемных раскопок — *«какой смысл искать, когда не знаешь, чего ищешь, а накопив вещей, не знаешь, что с ними делать. Стоя на такой точке зрения, мы возымели решимость представить обществу на усмотрение определенную задачу для раскопок, именно изучение собственно русских курганных древностей, задачу существенно важную, не требующую значительных затрат и близкую к темам, какие общество уже прежде ставило для своих занятий»*. Реальным автором и руководителем этой реализованной в 1900–1914 гг. программы был А. А. Спицын.¹⁵ Всего общество потратило на эти работы 4.433 рубля. Классическое отделение финансировало только раскопки 1909–1910 гг. под руководством Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова и К. К. Романова в Закавказье в Гарни на месте храма первых веков н.э. и предполагало раскопки летом 1914 г. в Крыму, не состоявшиеся из-за начала Первой мировой войны. В 1912 г. Классическое отделение обсуждало вопрос о снаряжении экспедиции на Афон, которая состоялась на средства

¹⁴О деятельности этого отделения есть специальная публикация: *Избаш Т. Н.* Нумизматика в Русском археологическом обществе // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. I. / Отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб., 1995. С. 36–45.

¹⁵См. об этом: *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 79.

Государственного казначейства. Восточное отделение субсидировало экспедицию Н. Я. Марра на Синай в 1902 г., выделив 400 рублей; ходатайствовало об организации Турфанской экспедиции и экспедиции в Ванскую область в 1916 г.

Тринадцатая глава весьма подробно описывает одну из самых сильных и значительных сторон деятельности РАО — его издательскую работу, на которую тратилась большая часть всего бюджета. После 1896 г. общество продолжало активно издавать свои периодические «Труды», «Записки» и «Известия» по отделениям как и отдельные издания. Из последних, в первую очередь, С. А. Жебелев называет свод греческих и латинских надписей Северного Причерноморья В. В. Латышева, альбом фресок Афона В. Т. Георгиевского. Особенно детально автор рассказывает о всех перипетиях, связанных с подготовкой II-го и III-го, так и не вышедшего, тома корпуса надписей, поскольку непосредственно принимал в этом участие. По постановлению Совета РАО от 14 февраля 1907 г., утвержденному общим собранием 30-го марта того же года, было решено высылать впредь издания общества всем его членам как русским, так и иностранным — *«каждый член общества получал отныне все те издания, которые были выпускаемы обществом со времени избрания данного члена. Издания, ранее вышедшие, могли быть приобретаемы членами на льготных условиях (с уступкой в 60%)»*.

Заключался текст этой главы словами: *«Оглядываясь на свою издательскую деятельность за последние 25 лет, общество, кажется, может испытывать чувство полного удовлетворения. Им пущено в научное обращение много ценного материала и в виде разнообразного характера неизданных до того памятников прошлого, и в виде научного исследования как отдельных памятников, так и групп и циклов их, бывших уже ранее известными, и, наконец, в виде сопоставления однородных памятников в особые сборники и альбомы и пр. Общество, не скупясь, издавало как труды своих членов, так и посторонних лиц, прилагая для принятия в серию издания лишь одну мерку к трудам: последние должны были быть построены на строго научных основах. Столь же щедро было общество всегда и при распространении своих изданий, полагая, что таким путем оно исполнит главное свое назначение — способствовать успеху научного знания вообще, прогрессу культурного просвещения родины в частности»*.

Четырнадцатая глава рассказывает о медалях и наградах общества, которые были присуждены за указанный период. Чрезвычайно важна пятнадцатая глава, представляющая собой составленный автором полный список членов Русского Археологического общества за все время его существования с указанием месяца и года избрания, а также статуса (основатель, действительный член, почетный член, член-корреспондент, член-сотрудник) и места их проживания (Санкт-Петербург указывался по умолчанию). Здесь приводились более полутысячи фамилий отечественных и иностранных ученых. *«В этом отношении Русское археологическое общество, привлекая в свой состав такое обилие интеллигентных сил, сплотившее их в служении высоким интересам знания и просвещения, внушившее им интерес к культурному прошлому человечества, заслуживает того, чтобы ему, обществу, отведена была хотя бы скромная роль, но своя роль в истории русской культуры вообще. А когда в будущем придет черед для подведения итогов того, что дали русские люди второй половине XIX и первых двух десятилетий XX века для истории культуры своей родины, беспристрастный исследователь этой истории не откажется упомянуть добрым словом и Русское археологическое общество вообще и наиболее способных, энергичных и преданных его деятелей в частности. И если бы даже — чего да не случится — Русскому археологическому обществу, в силу тех или иных условий, пришлось сойти со сцены русской действительности, память о нем не умрет: общество имеет уже свою историю, а все то, что вошло в историю, будет жить вечно в сознании и культурного человечества и того народа, который хочет претендовать на название народа культурного».*

Последние строчки С. А. Жебелева оказались прозорливыми — после 1921 г. обществу не долго оставалось существовать. В этой связи особое значение приобретает последняя шестнадцатая глава, которая была добавлена к рукописи в начале 1930-х гг., когда на долю автора выпали тяжкие испытания.¹⁶ Этот небольшой текст,

¹⁶Об этом: *Тункина И. В.* «Дело» академика С. А. Жебелева // *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России.* СПб., 2000. Вып. 2. С. 116–161; *Фролов Э. Д.* Ученая деятельность академика Сергея Александровича Жебелева (к 130-летию со дня рождения) // *Жебелевские чтения-I (научные чтения памяти академика С. А. Жебелева).* Тезисы докладов научной конференции 28–29 октября 1997 г. С. 5; *Фролов Э. Д., Петров А. В.* Жебелевские чтения (к ра-

освещающий последние годы существования РАО, представляется полезным привести здесь полностью, тем более, что он подтверждает ранее высказанную версию о том, что серьезный удар обществу нанес выход из него востоковедов.¹⁷ Заключая свой очерк, С.А.Жебелев писал: *«Это были печальные годы, годы постепенного увядания общества, его агонии. Она началась с 1917 г. Годовой отчет (рукописный) на 1917–19 г. свидетельствует, что уже в эти два года «жизнь общества почти совершенно замерла и общество казалось близким к полному распаду». В 1917–18 гг. не было ни одного Общего собрания, ни одного заседания Русского отделения. Остальные отделения собирались реже, чем они собирались прежде. Правда, Восточное отделение имело в 1917 г. 6 заседаний, но в 1918 г. Классическое отделение собиралось только 4 раза, а Нумизматическое — всего один раз. О раскопках и мечтать не приходилось ввиду того состояния, в каком находилась вся страна. Грустнее всего было то, что общество вынуждено было прекратить свою издательскую деятельность, и не столько потому, что печатание тогда расстроилось, сколько потому, что обществу не на что было печатать: принадлежавшие ему небольшие капиталы были аннулированы, пособие от казны, которое шло главным образом на издательскую деятельность общества, оно перестало получать. Если таким образом общество потеряло свою «материальную базу», то оно вскоре же лишилось и своей «территориальной базы». То помещение, которое было в свое время предоставлено обществу (Литейный, 44), перешло в ведение Комиссариата юстиции, и он потребовал очистить это помещение. Имущество общества — его библиотека, музей, архив — в ящиках было перевезено и в ящиках же, будучи не распакованным, нашло себе приют сначала в б. доме Шереметева (Фонтанка, 34), затем в Мраморном дворце, в помещении Академии истории материальной культуры.*

Но еще важнее, чем утрата «материальной» и «территориальной» баз, было то, что общество лишилось и «духовной базы». Я не говорю о том, что общество в первые же революционные годы потеряло многих своих деятелей из числа наиболее рачительных, из которых одни умерли, другие эмигрировали. Ху-

боте Центра антиковедения на Историческом факультете СПбГУ) // Вестник СПбУ. 1998. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16). С. 137–141.

¹⁷ Варлакова Н. А. Указ. соч. С. 242–243.

же было то, что у оставшихся здесь членов общества пропало, по-видимому, желание видеть и иметь общество продолжающим жить и действовать не по имени только, а на деле. Правда, заседания отделений общества Восточного и Нумизматического продолжались. Восточное отделение еще в 1921 г. удалось устроить 10 заседаний; оно неоднократно собиралось и в 1922 г. То же самое надо сказать и о Нумизматическом отделении, которое устроило свое последнее заседание еще 7 февраля 1924 г. Зато Классическое отделение, председателем которого был Б. В. Фармаковский, собиралось крайне редко, а Русское отделение, где председателем был С. Ф. Платонов, кажется, совершенно не собиралось. Однако, и Восточное отделение в 1923 г. порвало решительно свою связь с обществом как целым. Востоковеды образовали особую «коллегию» при Азиатском музее Академии наук. Это дало им возможность выпускать за счет Азиатского музея свои «Записки», явившиеся продолжением «Записок Восточного отделения», устраивать регулярно свои заседания. Последнее заседание «Коллегии востоковедов» состоялось в апреле 1930 г. Вскоре и она «растворилась» в Институте востоковедения. Таким образом, проявленный востоковедами если и не сепаратизм, то, до известной степени, оппортунизм, пользы им не принес. Эмансипация же востоковедов от общества как такового отозвалась на его дальнейшей судьбе крайне печально.

Общие собрания общества не устраивало, если не считать двух общих собраний в 1919 г. (7 января и 25 апреля), юбилейного скромного заседания летом 1921 г. в университетском Музее древностей. Последнее общее собрание состоялось 19 июля 1922 г. На нем были произведены выборы должностных лиц: председателя, помощника председателя и секретаря. Председателем оказался избранным Н. Я. Марр, помощником председателя — С. А. Жебелев, секретарем — И. А. Орбели. Но все они не изъявили согласия принять избрание, и тогда в этом же собрании или в ином — установить не удалось — были избраны: председателем С. Ф. Платонов, помощником председателя — А. А. Ильин, секретарем — Н. П. Сычев.

Заседания Совета общества время от времени устраивались. Совет нужно было собирать для решения всякого рода неотложных вопросов, связанных с имуществом, принадлежащим обществу (библиотека, музей, архив, склад изданий). Имущество это

хранилось в Шереметевском доме до 6 января 1925 г., когда оно было перевезено в Мраморный дворец. Незадолго до того и само общество как юридическое лицо было ликвидировано, а все имущество общества, за исключением старинных рукописей, в нем находившихся и переданных в рукописное отделение Публичной библиотеки, поступило в полное ведение и распоряжение Академии истории материальной культуры.

Вскоре же после ее возникновения (в августе 1919 г.) при ней, по мысли ее создателя и председателя, возникло т. н. объединение (ученых обществ и учреждений, предмет занятий которых совпадал или был близок к предметам занятий Академии). Целью «объединения» было согласовать работу каждого из обществ (и учреждений), входивших в его состав, так как, говорилось, только при таком условии можно было надеяться спасти, отстоять самостоятельное существование этих обществ. Русское археологическое общество вошло, разумеется, в «объединение», но сделала ли что-либо академия для того, чтобы «спасти» общество, — неизвестно. Правда, она спасла от расхищения и распыления библиотеку общества, его архив, его склад изданий (вещи, хранившиеся в музее общества, перешли частью в Эрмитаж, частью в другие собрания) и, спасши их, тем самым стала их обладателем, но спасти общество как таковое она едва ли ставила своей задачей, да если бы и ставила, все равно — это ни к чему не привело бы: нельзя было, да и не следовало вливать вина нового в меха старые. Очевидно, Русское археологическое общество сыграло свою роль и отошло, таким образом, в историю».

К этим последним строчкам можно только добавить, что С. А. Жебелев совершенно верно оценил ситуацию, что в дальнейшем Русское Археологическое общество вряд ли имело перспективы успешного существования. Многие его функции взяла на себя, преобразованная в 1919 г. из Археологической комиссии, Академия истории материальной культуры, ставшая многопрофильным научным учреждением. Самое главное заключалось в том, что дальнейшее развитие науки о древностях требовало уже профессиональных объединений специалистов в рамках государственных, а не общественных организаций. Но как человек «старой школы», тридцать лет жизни которого были связаны с Русским археологическим обществом, академик С. А. Жебелев не мог не испытывать щемящую ностальгию по навсегда ушедшей эпохе и ее атри-

бутам, что и отразилась в общем характере рассматриваемой рукописи.

В заключение еще раз подчеркнем необходимость и важность скорейшей полной публикации этого очень интересного и информативного источника, рассказывающего о финальном этапе деятельности Русского Археологического общества. Следует иметь в виду, что «археология» в РАО понималась очень широко, как изучение любых памятников древности (не только вещественных), соответственно в занятиях общества историко-филологическая проблематика была представлена ничуть ни в меньшей, а скорее даже в большей степени, чем собственно археологическая. В связи с этим Русское Археологическое общество внесло огромный вклад в развитие не только отечественной археологии, но и истории, лингвистики, языкознания, и, особенно, всего комплекса вспомогательных исторических дисциплин — нумизматики, сфрагистики, палеографии и т.д. Не будет большим преувеличением сказать, что труды общества и его членов в целом внесли неоценимый вклад в развитие всей отечественной гуманитарной науки второй половины XIX — начала XX вв.

Университетские учебники и довоенная кафедра истории средних веков ЛГУ

Среди тех трудностей, с какими сразу же столкнулась созданная в соответствии с постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. кафедра истории средних веков возрождаемого исторического факультета ЛГУ, одно из первых мест занимало отсутствие учебной литературы. Впрочем, такое же положение было и на других кафедрах. Для тех лет ситуация была вполне стандартной.

Старые, дореволюционные учебники никак не соответствовали духу советской высшей школы, да и где их было взять. Не приходилось рассчитывать и на имевшуюся книжную продукцию советского периода. В 20-х — начале 30-х годов на темы западноевропейского феодализма писалось немало. Но пособиям М. П. Баскина, Н. Н. Розенталя и других не доставало систематичности в изложении материала, да и подход к предмету был слишком односторонним: чуть ли не все там вращалось вокруг классовой борьбы и торгового капитала. Для изучения гражданской истории, как стали у нас выражаться после партийно-правительственных постановлений 1934 г., они определенно не годились. К тому же, их авторы сплошь и рядом оказывались повинными в разных идейных уклонах и загибах. . .

Короче говоря, подготовка учебников сразу же стала первоочередной задачей. Уже летом 1934 г. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), которая до майского постановления была, пожалуй, главным прибежищем для ленинградских историков, по указанию из Москвы развернула работу над учебником по истории средних веков.

Из университетских медиевистов возглавивший это начинание Э. Д. Grimm к делу привлек профессоров И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рожественскую. Выбор оказался не самым удачным. Превосходные специалисты и опытные педагоги, они знали материал и умели его преподавать, но слабо ориентировались в том, как его следует излагать применительно к новым установкам. Гревс не скрывал своего презрения к вульгаризаторским попыткам уже приспособившихся к советским нравам ученых одним махом решать сложнейшие проблемы истории прошлого. Добиаш была на-

строена более миролюбиво, но тоже не готова была идти на далеко идущие компромиссы в трактовке рассматриваемых ею явлений и процессов. Не удивительно, что у них — равно как и у таких эрудированных участников этого коллективного предприятия, как А. Г. Вульфийус или Н. С. Цемпш — работа не клеилась.

Само руководство ГАИМК, настоятельно и строго требуя, чтобы новый учебник был марксистским, не очень отдавало себе отчет, что это значит. При тогдашнем зачаточном состоянии марксистских разработок проблематики Средневековья все руководящие указания дирекции практически сводились либо к общим фразам, либо к оперированию разрозненными, вырванным из контекста и зачастую попросту малосодержательными цитатами Маркса, Энгельса и Ленина. Спустя полгода стало ясно, что из попытки ничего не выйдет. Та же участь вскоре постигла и задуманный О. Л. Вайнштейном под крылом все той же Академии коллективный трехтомник по истории средних веков.

Тем не менее Осип Львович Вайнштейн, с осени 1935 г. стоявший во главе медиевистической кафедры ЛГУ, не оставлял надежд на написание учебника и вел по этому поводу переговоры в Москве. Но для начала он сразу же, в 1935/36 учебном году, провел стенографирование собственного лекционного курса. Эти 45 лекций затем были литографированы и стали доступны студентам. Сверх того им в 1938 г. было издано шесть выпусков методических указаний к курсу. Параллельно с этим под его руководством члены университетской кафедры готовили к печати учебное пособие по материалам умершего в 1937 году профессора П. П. Щеголева. В основу были положены стенограммы лекций по истории Западной Европы в эпоху позднего феодализма, прочитанных Щеголевым в 1935–36 учебном году в ЛИФЛИ (Ленинградском институте философии, литературы и истории, который в конце 20-х годов отпочковался от университета, а несколько лет спустя после восстановления исторического факультета ЛГУ будет вновь слит с ним). Вайнштейну с сотрудниками пришлось значительно править имевшийся текст — прежде всего по той причине, что к концу 30-х годов идея о решающей роли торгового капитала, в развитии средневекового общества и государства, дань которой еще отдал в своих лекциях Щеголев, будет — вместе с другими положениями «школы Покровского — окончательно предана анафеме. Книга увидела свет в 1938 г. и стала полезным пособием при работе над второй частью

курса (в те времена охватывавшего период вплоть до начала Великой Французской революции).

Почти одновременно с этим курсом лекций, на исходе 1938 г., в Москве был наконец издан первый том официального, рекомендованного Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при Совнарком, университетского учебника по истории средних веков. Второй том издадут в следующем году, а в начале 1941 г. появится второе, переработанное издание первого тома. Учебник вышел из стен Московского университета, большую его часть написали Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин и А. Д. Удальцов. Однако среди авторов были два ленинградца — М. А. Гуковский и О. Л. Вайнштейн. На плечи последнего легла и основная редакционная работа над обоими томами.

Учебник получился по тем временам вполне приличный. Он наглядно демонстрировал и сильные, и слабые стороны нашей науки тех лет. Знающий свой материал авторский коллектив в то же самое время хорошо разбирался и в требованиях момента. Содержащиеся в книге оценки были, где только возможно, подкреплены авторитетом классиков марксизма-ленинизма. К уже привычному цитатному репертуару успели прибавить ссылки на «Историю ВКП(б). Краткий курс». Предмет особой гордости авторов, как явствует из предисловия к переизданию первого тома, составило привлечение «Хронологических выписок» К. Маркса, которые к тому времени уже были переведены на русский язык и частично изданы.

«Хронологические выписки» (т. е. Марксовы конспекты некоторых из прочитанных им исторических трудов, главным образом «Всемирной истории» Ф. К. Шлоссера) и их судьбы в Советском Союзе — это тема, вполне заслуживающая специального рассмотрения. Здесь же отметим только то, что в четырех главах, написанных О. Л. Вайнштейном для издания 1941 г., ссылок на «Выписки» не было. Вообще ленинградским медиевистам, насколько можно судить, было свойственно все же более сдержанное, чем у Б. Ф. Поршнева и других московских коллег, отношение к этому, по-своему любопытному историографическому памятнику. О. Л. Вайнштейн, А. Д. Люблинская и др. не забывали подчеркнуть, что в «Выписки» — это все-таки конспект труда Шлоссера, а не изложение собственных воззрений Маркса.

Принимая живое участие в издаваемых на базе Московского университета и Института истории Академии наук учебниках

по общему курсу (эту практику в послевоенные годы продолжают А. Д. Люблинская и В. И. Рутенбург), ленинградцы взяли на себя труд подготовки учебников по отдельным дисциплинам средневекового цикла — по палеографии, историографии, истории Византии.

Член-корреспондент АН СССР О. А. Добиаш-Рождественская, «создатель школы советских палеографов»,¹ в 1936 г. опубликовала «Историю письма в средние века: Руководство к изучению латинской палеографии». По сравнению с первым изданием 1923 года труд, опирающийся на многолетний опыт занятий автора со студентами в Отделе рукописей Публичной библиотеки, был существенно переработан и расширен. Он надолго станет настольной книгой не только студентов-медиевистов, но и всех, кто имел дело с западноевропейскими манускриптами.

Наряду с занятиями палеографией Добиаш-Рождественская вела курс источниковедения, будучи непревзойденным в нашей стране знатоком предмета. Когда О. Л. Вайнштейн в середине 30-х годов собирал коллектив для подготовки трехтомного учебника по истории средних веков, Ольга Антоновна взяла на себя написание источниковедческого очерка. Из проекта ничего, как уже говорилось, не вышло, однако очерк был написан. Спустя года два решено было его опубликовать в виде отдельной брошюры — отсутствие каких-либо пособий по этой дисциплине ошутимо давало себя знать. Но смерть О. А. Добиаш-Рождественской (1939) помешала замыслу осуществиться. Напечатан очерк будет полвека спустя.²

Как памятник эпохи, это, так и не дошедшее до студентов, учебное пособие, разумеется, интересно. Но одновременно оно демонстрирует, насколько наша наука 30-х годов была еще не готова к синтезу накопленного к тому времени источниковедческого материала. Ольга Антоновна бесспорно — великий знаток предмета, и тем не менее ее очерк — даже с поправкой на личные обстоятельства и на ограниченность предоставленного автору листажа — не выдерживает сравнения с появившимся спустя два десятилетия, в 1957 г., учебником ее ученицы А. Д. Люблинской.³ Очерку явно не

¹ *Рутенбург В. И.* Выдающийся медиевист и палеограф // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья: Научное наследие. М., 1967. С. 5.

² *Добиаш-Рождественская О. А.* Ук.соч. С. 52-92

³ *Люблинская А. Д.* Источниковедение средних веков. Л., 1957.

хватало внутренней цельности, изложение оставалось фрагментарным, эмоции порой заслоняли собою научный анализ. Практически отсутствовала даже единая классификация характеризуемых источников.

Не меньшие трудности стояли и перед О. Л. Вайнштейном, когда он взялся за сложную, не имеющую прочной опоры в нашей научной практике, работу над университетским учебником по историографии средних веков. Но молодость и энергия помогали ему или преодолевать, или хотя бы обходить возникавшие на пути препятствия. По-своему в этом Осипу Львовичу помогла и прочно впитанная им непоколебимая вера во всемогущество марксистско-ленинской методологии. Попытка удалась, и на этом, для своего времени примечательном, учебнике стоит остановить внимание.

Известные наработки по данной проблеме, разумеется, имелись как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Многократно писалось о знаменитых историках и их произведениях, о разных исторических школах и направлениях в науке. Но описательность чаще всего доминировала над анализом, меньше всего внимания обращалось на процесс развития исторической мысли. В качестве примера сошлемся на вышедшую в 1938 г. — всего за два года до появления книги Вайнштейна — историографическую главу известного советского исследователя А. Д. Удальцова «Буржуазные теории генезиса феодализма» из первого тома университетской «Истории средних веков». Там содержался краткий перечень имен и школ, начиная с графа де Буленвилле, кончая Пиренном и фашистскими историками. При этом Вольтеру, например, посвящено было семь строк, из которых студент мог узнать, что великий писатель ненавидел церковь, а феодализм для него «представляет собой хаос, тиранию, варварство и бедность».⁴

Не намного отличался по своему уровню от этой главы тот «Очерк историографии западноевропейского феодализма» самого О. Л. Вайнштейна, какой был им напечатан в 1932 г.⁵ Эта одна из первых в творческом наследии Осипа Львовича попыток проследить эволюцию медиевистики не шла дальше довольно примитивных — и пристрастных — характеристик отдельных произведений и

⁴История средних веков. Т. 1. М., 1938. С. 187.

⁵Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе. Ч. 1. М., 1932. С. 137–162.

их авторов. Написанный в стиле газетных статей той поры, очерк был, мягко говоря, поверхностным.

Между ним и появившейся восемь лет спустя «Историографией» мало общего. В учебнике Осип Львович не изменил своим пристрастиям — убежденный (и достаточно догматично настроенный) марксист, он по-прежнему третировал концепцию А. Допша, с презрением отзывался о методологических исканиях Д. М. Петрушевского и т. п. Но его труд 1940 г., обладая всеми чертами, присущими хорошему учебному пособию, одновременно являл собой подлинное исследование, которое вполне соответствовало своему длинному заглавию: «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней». Книга по праву заняла видное место не только в учебной продукции тех лет, но и во всей довоенной советской медиевистике.

У истоков учебника лежал лекционный курс, который профессор Вайнштейн подготовил для аспирантов-медиевистов ГАИМК и Ленинградского университета. Со временем этот курс был включен в учебный план студентов, специализирующихся по кафедре истории средних веков. Стенограммы лекций, вместе с опубликованными исследовательскими этюдами,⁶ легли в основу капитальной монографии.

Осип Львович, поставив своей целью дать в ней целостную картину развития европейской медиевистики на протяжении полутора тысячелетий, опирался на прочно сложившееся в науке представление о стадийности историографического процесса. Среди ученых не наблюдалось особых разногласий касательно того, какие течения, приходя на смену друг другу, определяли облик историописания. Так, XVIII век, когда эталоном становятся сочинения Монтескье, Вольтера, Гиббона, был, само собой, отождествляем с Просвещением. Первую половину XIX в. — эпоху Вальтера Скотта и Тьерри, Мишле и Шлоссера — исследователи без колебаний отдавали романтизму, тогда как вторая половина века, представленная такими именами, как Бокль или Фюстель де Куланж, записывалась за позитивизмом.

Такая периодизационная схема в достаточной мере подтверждалась материалом. Неувязки при попытках прочертить четкие хронологические рубежи между этапами или расписать историков по

⁶ *Вайнштейн О. Л.* Предисловие // Тьерри О. Избр. Соч. М., 1937 и др.

строго определенным школам и направлениям не в счет: они — удел любой стадияльно-типологической классификации. Модель не только отвечала общепринятым представлениям о прогрессе науки, но и хорошо согласовывалась с привычным членением литературного процесса, так что здесь историк и филолог легко понимали друг друга.

Приводя в систему обширный изученный им материал (достаточно сказать, что именной указатель к «Историографии средних веков» содержит более 800 позиций), О. Л. Вайнштейн считал необходимым показать студентам, какие признаки определяли качественное своеобразие каждой из ступеней, через которые проходила в своем многовековом движении историческая мысль. Сделать это было тем более необходимо, что в литературе по поводу сути стадияльных отличий царил неопределенность. Впрочем, она не исчезла и в наши дни. К примеру, один из действующих университетских учебников наставляет, что романтизм характеризуется прежде всего повышенным интересом к далекому прошлому, а для позитивистского направления «характерно не только широкое использование источников, но и критический подход к ним» и т.п.⁷

Естественно, что О. Л. Вайнштейн постарался уточнить понятия, наполнив давнюю историографическую модель новым, марксистским содержанием. В основу периодизации истории средневековья он — следуя духу времени — положил формационный принцип. Акцент ставился на том, интересы *какого* класса выражало то или иное научное направление. Однако ему была ясна практическая невозможность провести сквозь всю книгу членение материала по формационно-классовому признаку. Во «Введении» к учебнику ничто не мешало ему, конструируя принципиальную схему периодизации, обособить раздел «Вырождение феодальной историографии (XVI–XVIII вв.)» и параллельно с этим под рубрикой «Буржуазная историография» последовательно выделить историографию гуманистическую (XV–XVI вв.), эрудитскую (XVII в.) и «историографию эпохи Просвещения и Французской революции XVIII в.». Но как рассечь единый — при всей внутренней сложности его структуры — поток историописания XVI–XVIII вв. на две поделенные по

⁷Историография истории южных и западных славян. М., 1987. С. 44, 180 и др.

классовому признаку (и разносимые по разным главам) струи? Исследовательский прагматизм взял верх над теорией, и автор сохранил линейность изложения, ограничившись надлежащим комментарием при характеристике объектов: концепция графа Буленвилле — «феодално-аристократическая», его оппонент аббат Дюбо — «идеолог буржуазии»⁸ и т. д.

Зато формационный принцип был сполна реализован в последних главах учебника, где буржуазной историографии второй половины XIX–XX вв. (главы VII–IX) была противопоставлена историография марксистско-ленинская (глава X). На сей раз технических сложностей при разграничении не возникало. Марксистская медиэвистика все еще была представлена весьма ограниченным кругом авторов и произведений. К тому же марксизму с его установкой на непримиримую борьбу со всеми иными идеологическими системами всегда была свойственна, как известно, тенденция к отмежеванию от инакомыслящих и даже к самоизоляции. Возможно, правильнее было бы сказать, что такая тенденция не столько даже облегчила историографу обособление двух частей — буржуазной и марксистско-ленинской — в историографической модели, сколько инициировала его, придав тем самым специфическую окраску всей истории историописания эпохи, которую открывали — соответственно — труды Бокля и Маркса.

Существование двух, если можно так выразиться, медиэвистик не было интерпретируемо Вайнштейном ни как равноправное партнерство, ни как борьба соперников равной весовой категории. Поскольку опирающиеся на теорию исторического материализма труды априорно были признаны высшим достижением исторической мысли, схема отводила позитивистской, беря шире — всей немарксистской, медиэвистике нового и новейшего времени, в лучшем случае, роль науки второго сорта.

Такое осмысление наблюдаемых в историописании сдвигов и соответствующую требованиям марксистско-ленинской методологии модификацию давней модели историографического процесса едва ли нужно напрямую приписывать О. Л. Вайнштейну лично. Учебник в известном смысле был производным от социально-политических и методологических установок эпохи. Примечательно, что современники находили достоинства «Историографии» как раз там,

⁸ *Вайнштейн О. Л. Историография средних веков...* С. 111.

где современный, на рубеже XX–XXI веков, читатель скорее увидит слабости.

По меньшей мере, спорными выглядят многие из упреков автора в адрес «буржуазной историографии эпохи империализма». Крайне декларативной была заключающая книгу глава о марксистско-ленинской медиевистике. Ее идейным стержнем служила типичная для тех десятилетий формула: «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин не только создали теоретические основы единственного подлинно научного направления в историографии, но и значительно продвинули вперед изучение конкретной истории средних веков, как, впрочем, и других разделов всемирной истории»⁹.

Правильнее было бы сказать, что, вопреки заглавию («... до наших дней»), медиевистика XX века так и не стала предметом углубленного рассмотрения. Но едва ли О. Л. Вайнштейн так уж заслуживает за это упрека. Мало того, что на него действовала общая идейно-политическая атмосфера его дней. Как известно, современная нам наука тоже все еще с трудом ориентируется в запутанных выражах новейшей исторической мысли, постоянно подменяя историографический анализ политологией или отвлеченными рассуждениями.

Книга на своем титульном листе несла информацию о том, что издание «допущено Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебника для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов». Соответственно учебник издан был большим тиражом — 20 тысяч экземпляров. Но это было как раз исследование, в своей основе оригинальное и содержательное, и оно по праву в том же 1940 г. принесло своему автору ученую степень доктора исторических наук.

Другое дело, что учебнику О. Л. Вайнштейна сильно не повезет. Поначалу встреченный похвалами рецензентов, он вместе со своим автором в конце 1940-х годов будет обвинен в низкопоклонстве перед Западом и прочих смертных грехах. Библиотека перестанет выдавать его студентам. Позднее, когда антикосмополитический угар прошел, книгу, которая, естественно, несла на себе печать своего времени и, что тоже неизбежно, с годами устаревала, заслонили собой свежие публикации.

⁹ *Вайнштейн О. Л. Историография...* С. 351.

Более спокойно — без громких похвал поначалу и разгромной критики потом — сложится судьба учебника по истории Византии, выпущенного в том же, что и «Историография средних веков», 1940 году Митрофаном Васильевичем Левченко — «История Византии: Краткий очерк»¹⁰. Эту книгу Соцэкгиз выпустил большим, 20-тысячным, тиражом. В том же году это «пособие для студентов и преподавателей ВУЗов, а также и для самообразования», как гласила издательская аннотация, было успешно защищено в качестве докторской диссертации.

Такое сочетание — пособие для самообразования и одновременно капитальное исследование, которое способно было принести своему автору ученую степень доктора наук, — может удивить. Но для обеих характеристик были основания. Подчеркнутая популярность изложения не мешала тому, что в книге практически впервые сделана была достаточно эффективная попытка рассмотреть более чем тысячелетнюю историю Восточно-Римской империи под углом зрения теории Маркса, выявив при этом общие для эпохи и специфические черты в социально-экономическом, политическом, культурном развитии византийского общества. Особое внимание было уделено истории классовой борьбы. М. В. Левченко заново прочел и по-новому интерпретировал многие из правовых и иных византийских памятников. Конечно, предлагаемые им решения ряда сложнейших проблем теперь представляются достаточно наивными. В духе времени он — правда, отдав должное «деятельности таких крупнейших ученых, как академики Васильевский и Успенский», — подчеркнуто дистанцировался от русского дореволюционного византиноведения, которое, по его выражению, обслуживало задания царизма. Как водилось, текст книги был перенасыщен цитатами из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а так как основоположники марксизма-ленинизма Византией особо не занимались, то цитаты эти приобретали явно декоративный характер. Тем не менее, если сделать поправку на тогдашнюю неразработанность проблематики и на общее состояние предвоенной исторической науки в СССР, то в целом автор успешно справился со своими непростыми задачами. Не напрасно рецензии на труд были одобрительными, появятся его переводы на французский и болгарский языки¹¹.

¹⁰ Левченко М. В. История Византии: краткий очерк. М.; Л., Соцэкгиз, 1940.

¹¹ *Levčenco M. V. Byzance des origines á 1453. Paris, 1949.*

Проблемы эллинистической истории в научном творчестве К. М. Колобовой

Каждое поколение исследователей по-новому прочитывает труды предшественников, иногда подвергая их несправедливо суровой критике, но чаще по достоинству оценивая их вклад в развитие науки. В этой оценке важно сохранить объективность, соотнести творчество ученого с его эпохой, с политической и духовной атмосферой того времени, когда жил исследователь, с кругом доминировавших в обществе идей и мнений.

К. М. Колобова являет собой пример ученого с разносторонними научными интересами. Центральное место в ее творчестве заняли сюжеты классической греческой истории; некоторые хорошо известные работы были посвящены архаическому периоду. Очень важное место в проблематике, интересовавшей К. М. Колобову, занимали вопросы становления и развития полиса как в самом общем виде, так и на примере Афинского государства¹. Свою задачу как ученого К. М. Колобова также видела в популяризации античной истории, в приобщении к ней широких слоев граждан. С этой целью в соавторстве с Е. Л. Озерецкой для широкого читателя была написана книга о повседневной жизни древних греков². Одна из наиболее известных работ К. М. Колобовой, книга, посвященная Афинам и его памятникам и соответствующая самым высоким научным требованиям, также рассчитана не только на специалиста, но и на широкого читателя³. Наконец, К. М. Колобова в соавторстве с Л. М. Глускиной подготовила пособие для учителей, в котором авторы предложили относительно краткий, но весьма емкий обзор древнегреческой истории⁴.

Эллинизм не стал предметом основного исследовательского внимания ученой, поэтому Ксения Михайловна не оставила крупных

¹Колобова К. М. К истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII вв. до н. э.). Л., 1951; Она же. Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции (Греция VIII–VI вв. до н. э.). Л., 1956; Она же. Возникновение и развитие Афинского государства (IX–VI вв.). Л., 1958.

²Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Как жили древние греки. Л., 1959.

³Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.

⁴Колобова К. М., Глушкина Л. М. Очерки истории древней Греции. Л., 1958.

по объему работ, посвященных этому периоду истории. Но опубликованные ею отдельные статьи, в которых затрагивались вопросы эллинистической истории, внесли значительный вклад в отечественную науку. Знакомство с работами К. М. Колобовой, связанными с эллинистической тематикой, показывает, что она прекрасно владела материалом источников, в том числе эпиграфических⁵. По множеству ссылок и по рассматриваемым в статьях проблемам ясно, что Ксения Михайловна внимательно следила за научной литературой и хорошо знала не только общие исследования по эллинизму, но даже узко специальные труды, посвященные частным сюжетам.

Среди работ, связанных с эллинистической тематикой, назовем небольшую статью «Фарнак I Понтийский»⁶, опубликованную в 1949 году и посвященную некоторым эпизодам политической истории Малой Азии и Причерноморья II в. до н. э. Через несколько лет, в 1953 году, была опубликована работа «Политическое положение городов в Боспорском государстве»⁷, которая связана, прежде всего, с историей Причерноморья, но в ней широко использован материал эллинистического периода. Также очень важно, что в статье поставлена тема, которая особенно активно изучалась именно на эллинистических источниках — тема взаимоотношений полисов и монархии. Выпущенное в 1958 году в соавторстве с Л. М. Глускиной пособие для учителей, содержало главу, посвященную Александру Македонскому и главу с общей характеристикой эллинистических государств и их культуры. В 1962 году Ксения Михайловна обратилась к сюжету, связанному с окончанием истории Пергамского царства. В результате появилась известная статья «Аттал III и его завещание»⁸, в которой в третий раз в отечественной науке (после Ф. Ф. Соколова и О. Н. Юлкиной⁹) затрагивались сюжеты истории

⁵ Например, К. М. Колобова хорошо знала известное издание царских писем эпохи эллинизма, подготовленное Ч. Б. Уэллсом, или эллинистические надписи Родоса: *Welles Ch. B. The Royal Correspondence in the Hellenistic Period.* — New Haven. 1934; *Mauri A. Nuova Silloge epigrafica di Rodi e Cos.* Firenze, 1925; *Blinkenberg Chr. Lindos. Fouilles et recherches, 1902–1914. Vol. II, Inscriptions.* 2 vols. Copenhagen and Berlin 1941.

⁶ Колобова К. М. Фарнак I Понтийский // ВДИ, 1949. № 3. С. 27–35.

⁷ Она же. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ, 1953, № 4. С. 47–71; 1954, № 3, С. 84–85.

⁸ Колобова К. М. Аттал III и его завещание // Древний мир. М., 1962. С. 545–554.

⁹ Соколов Ф. Ф. Договор Евмена с наемными воинами // Труды Ф. Ф. Со-

Пергамского царства. Наконец, в 1966 году вышла также небольшая по объему, но весьма емкая по содержанию работа, посвященная метекам эллинистического Родоса¹⁰. Таким образом, на протяжении многих лет регулярно, с определенным временным интервалом, Ксения Михайловна обращалась к эллинистическим сюжетам и предлагала собственную трактовку того или иного частного вопроса.

Понимание эллинизма как исторического явления К. М. Колобова выразила в небольшом разделе пособия «История древней Греции», которое было написано совместно с Л. М. Глускиной для учителей средних школ. Главы о походах Александра и об эллинизме очень невелики по объему. Это объясняется тем, что в школьном курсе истории древней Греции основное внимание уделяется архаическому и классическому периодам, в меньшей степени гомеровскому времени, а эллинизм изучается кратко. Программа пятого класса средней школы предусматривала лишь один урок, посвященный походам и державе Александра Македонского и еще один урок, посвященный всей эпохе эллинизма, включая как собственно политическую историю, так и эллинистическую культуру. Следовательно, в пособии для учителей надлежало распределить материал очерков в аналогичной пропорции.

К. М. Колобова и Л. М. Глускина предложили очень краткое изложение проблемы сущности эллинизма. Некоторые ученые под эллинизмом понимают «... только проникновение греков и греческой культуры на Восток путем основания многочисленных городов и распространения греческих форм эксплуатации местного населения», — написали соавторы, подразумевая под «некоторыми учеными», прежде всего, Й. Г. Дройзена. «Советские ученые. . .», — продолжается далее сравнение концептуальных подходов отечественной и зарубежной науки, — полагают, что начался новый период развития рабовладельческой формации, отличающий его от прежних греческих форм рабовладения и эксплуатации. Этот период характерен органическим сочетанием восточных и греческих форм в эксплуатации земледельческого населения, и греческих — в городах. Кроме

колова. СПб., 1910. С. 405–410; Юлкина О. Н. Пергамский декрет 133 г. до н. э. // ВДИ. 1947. № 4. С. 160–168.

¹⁰ Она же. К вопросу о метеках эллинистического Родоса // ВДИ, 1966, № 1. С. 65–72.

того, в отличие от предшествующего времени, города становятся центрами товарного производства и основной опорой эллинистических монархов»¹¹.

Важно обратить внимание на то, что в пособии К. М. Колобовой и Л. М. Глускиной общий, концептуальный подход к определению существа эллинизма является традиционным для отечественной историографии 50-х годов, сложившимся после публикации известного исследования А. Б. Рановича¹². Причем, авторы пособия усиливают акцент, прежде всего, на изменении форм эксплуатации и социальной организации в эпоху эллинизма, уделяя меньшее внимание вопросам политического устройства и совсем не затрагивая событийную историю. Такой подход во многом связан вообще с принципиальным интересом К. М. Колобовой к вопросам социального развития и социальных отношений в античном мире. Другое его объяснение состоит в том, что школьная программа не предусматривала изучение политических событий времени эллинизма.

Среди важнейших черт новых эллинистических государств авторы пособия отмечают наличие монопольной собственности государства на землю, резкое разделение населения на городское и сельское. Тезис о разделении населения на городское и сельское и об эксплуатации последнего городской знатью занимал в концепции эллинизма, сложившейся у К. М. Колобовой, важное место, поэтому проходит красной нитью также и в статье, посвященной политическому положению городов в Боспорском царстве. В общей характеристике эллинизма немалое внимание уделено развитию городов. Новыми чертами их развития авторы пособия считали интенсивное развитие экономики, прежде всего, городских отраслей — ремесла, торговли, мореплавания, строительства, расширение и активизацию торговли¹³.

Вопрос о формах земельной собственности решается в пособии однозначно: по мнению его авторов в эллинистических государствах сложилась царская (государственная) собственность на зем-

¹¹Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки... С. 332.

¹²Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л. 1950. О разработке концептуального понимания эллинизма в отечественной науке см.: Фролов Э. Д. История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 17–18; Кошелев Г. А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 7–13.

¹³Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки... С. 335–336.

лю, поэтому сельские общины были всего лишь арендаторами царских земель. Подобная характеристика, весьма распространенная в науке середины XX века, видимо, несколько упрощает реальную ситуацию, так как не уделяет достаточного внимания своеобразию складывания институтов собственности и владения в эллинистических государствах и не учитывает в должной степени многочисленные земельные наделы как крупных магнатов, так и рядовых свободных людей, фактически превращавшиеся в частную собственность¹⁴.

К. М. Колобова и Л. М. Глускина указывают на высокую градостроительную активность эллинистических царей, которая в их освещении получила несколько односторонне объяснение: «Основание городов царями и их опора на старые городские центры связана с политикой укрепления рабовладельческих отношений и приемов эксплуатации подвластного земледельческого населения. Крупное землевладение знати городов было опорой царя при эксплуатации земледельческих общин»¹⁵. Соглашаясь с данной характеристикой в принципе, следует все-таки добавить, что градостроительная деятельность царей была вызвана также и многими другими причинами — например, военно-стратегическими, экономическими, административно-политическими. Кроме того, следует иметь в виду, что земельная собственность жителей полиса — это в значительной степени наделы рядовых граждан — мелких и средних собственников, а не крупных землевладельцев.

К. М. Колобова и Л. М. Глускина считали важной чертой экономики эллинистического времени активное развитие внешней торговли и товарно-денежных отношений, ориентированных на внешние рынки. Что касается внутренней торговли, то, по их мнению, она была развита слабо; внутри страны преобладал натуральный обмен, все налоги платились натурой, а не в денежной форме. С этим утверждением можно полемизировать; оно справедливо, прежде всего, применительно к сельскому населению, которое, очевидно, и подразумевается авторами. В отношении городов с данной характеристикой нельзя согласиться: хорошо известно, что в их экономической системе денежное обращение и товарные формы производства играли важную роль, города платили форос и дру-

¹⁴См.: *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в в Египте II—I веков до нашей эры. М., 1960. С. 303–313, 437–438.

¹⁵*Колобова К. М., Глускина Л. М.* Очерки ... С. 226

гие виды налогов в денежной форме. Что касается натуральных поставок городов царям, то они тоже существовали, но имели вспомогательное значение.

Большое внимание авторов пособия к вопросам социального и экономического развития эллинистического мира не случайно — в научных дискуссиях отечественного антиковедения к. 40-х — 60-х годов они заняли одно из важных мест. Именно этим аспектам развития эллинистического мира отведено значимое место в книге А. Б. Рановича, которая вышла в 1950 году и в известном смысле определила дальнейшие направления исследования и их общий научный тон. В те же десятилетия в журнале «Вестник древней истории» развернулась дискуссия о сущности эллинизма, о зависимых категориях населения, о формах эксплуатации в эпоху эллинизма. В дискуссии кроме А. Б. Рановича приняли активное участие Е. С. Голубцова, К. К. Зельин, И. С. Свенцицкая¹⁶. Таким образом, в пособии для учителей дана вполне традиционная для советской историографии пятидесятих годов двадцатого века картина развития эллинистического мира, построенная на основе концепции А. Б. Рановича, с явным акцентом на вопросы социального развития и эксплуатации сельского населения.

В дальнейшем Ксения Михайловна развила тему социального устройства эллинистического мира на конкретном материале Родоса в статье «К вопросу о метеках эллинистического Родоса». Эта небольшая по объему работа весьма содержательна и важна неко-

¹⁶ *Ранович А. Б.* Эллинизм и его социально-экономические основы // ВДИ. 1945. № 2. С. 99–116; Он же. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // ВДИ. 1947. № 2. С. 47–63; Он же. Основные проблемы эллинизма // ВДИ. 1949. № 1; *Голубцова Е. С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (Независимая сельская община). М., 1962; Она же. Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III–I вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 3. С. 46–63; *Зельин К. К.* Основные черты эллинизма (к обсуждению материалов «Всемирной истории») // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156; он же. О государстве в эллинистический период // ВДИ. 1959. № 1. С. 147–149; *Свенцицкая И. С.* Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1957. № 3. С. 91–103. Она же. Категория ПΑΡΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1959. № 2. С. 146–153; Она же. Эллинистическая Малая Азия в современной зарубежной литературе // ВДИ. 1960. № 2. С. 156–161; Она же. Земельные владения городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1960. № 3. С. 89–104; Она же. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963; Она же. К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2. С. 44–53.

торыми своими положениями, но, на наш взгляд не получила того внимания, которого заслуживает. Выбор темы Ксенией Михайловной был не случаен: прежде всего, как известно, К. М. Колобова занималась историей архаического Родоса. Кроме того, Родос в эллинистическое время пережил возвышение, стал крупным торговоремесленным центром, морской республикой, игравшей в некоторые моменты немалую политическую роль в истории Эгеиды и Восточного Средиземноморья. Многими исследованиями по эллинизму показано, что социальная система в эллинистическое время значительно усложнилась, в том числе за счет увеличения численности негражданского населения, одной из групп которого и были метеки. В этой связи К. М. Колобову заинтересовал вопрос о соотношении гражданского и негражданского населения, о формах контроля над негражданами со стороны государства, о том, как протекал процесс приобщения неграждан к некоторым формам полисной жизни и происходило вхождение метеков в состав гражданской общины.

Основу исследования данных процессов составили эпиграфические материалы Родоса, которые достаточно многочисленны и содержательны. К. М. отметила факт очень значительного увеличения негражданского населения на острове в эпоху эллинизма, что было для Родоса связано с ростом его торговой и политической активности, с присоединением Переи — части малоазийского (карийского) побережья. В сложной ситуации, когда численность неграждан стала во много раз превосходить число граждан, обществу пришлось менять формы управления этой значительной массой бесправного населения, которое играло заметную роль в сельскохозяйственном производстве и в торговле. В этой связи К. М. обратила внимание на интересный феномен, который состоял в том, что в эллинистическое время на смену частному индивидуальному контролю за ксенами и метеками со стороны авторитетных и влиятельных граждан-простатов стал приходиться институт частных союзов ксенов, метеков и даже рабов, которым покровительствовали и которых контролировали влиятельные граждане — евергеты союзов. Государство ввело специальных должностных лиц, ведавших негражданами, утверждало уставы союзов. Во главе союзов оказывались богатые метеки, основатели союзов и их первые жрецы. Интересно, что союзы фактически приобретали некоторые права юридических лиц — они имели возможность владения участком

земли на некрополе, домами в городе (возможно, для собраний союза) и земель. Видные члены союзов, прежде всего, верхушка — лидеры, приравнялись в правах к гражданам, получали права эпитамиастов, а их дети становились полноценными гражданами¹⁷. К. М. Колобова показала процесс социального возвышения неграждан, их включения в состав гражданских общин. Таким образом, на основе этой частной характеристики эллинизм предстает в истории Греции временем более высокой социальной мобильности, чем классический период. Интересно, что если в «Очерках истории древней Греции» К. М. Колобова и Л. М. Глускина категорично утверждают, что в эллинистическое время гражданские права покупались и продавались, что «... гражданином полиса мог стать любой человек, независимо от его происхождения»¹⁸, что представляется спорным, то в статье Ксении Михайловны о метеках подобных категоричных утверждений нет, процессы социальных перемен раскрываются более строго, весьма доказательно и убедительно.

Мимо исследовательского внимания К. М. не проходят некоторые своеобразные черты союзов эпохи эллинизма, например, участие в них женщин, для которых тем самым открывалась единственная возможность приобщения к общественным формам жизни. Рассмотренные К. М. Колобовой факты показали, что человек мог состоять в нескольких подобных общинах, в том числе в разных городах¹⁹. К. М. проводит параллель с раннехристианскими общинами, полагая, что их своего рода организационной предтечей могли служить культовые и другие союзы эллинистического времени²⁰.

Другую очень важную для эллинизма тему — о характере взаимоотношений полисов и монархии — К. М. раскрыла на материалах Боспорского царства в специальной статье и в небольшом дополнении к ней²¹. Характеризуя данную публикацию, важно обратить

¹⁷ Колобова К. М. К вопросу о метеках... С. 66–68.

¹⁸ Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки... С. 333.

¹⁹ Колобова К. М. К вопросу о метеках... С. 68, 70–71

²⁰ Эта преемственность была в дальнейшем исследована И. С. Свенцицкой на примере коллегий Малой Азии эллинистического и римского времени. См.: Свенцицкая И. С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 43–61.

²¹ Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953; Она же. ВДИ. 1954. №

внимание на то, что К. М. Колобова из многих проблем выделила очень перспективный исторический сюжет, который получил в отечественной науке значительную популярность позже — преимущественно в 70–90 годы²². В отечественной историографии именно К. М. Колобова первой приступила к разработке этой темы. В зарубежной науке проблема взаимоотношения полиса и эллинистической монархии вызвала интерес несколько раньше: на материалах эллинистических царств ее незадолго до К. М. Колобовой рассматривали Ч. Б. Уэллс, Э. Бикерман, Д. Мейджи, М. И. Ростовцев, А. Х. Джонс и другие ученые, но они исследовали ее, не выделяя из комплекса других проблем²³. Начало и конец статьи К. М., посвященной положению городов в Боспорском царстве, носят теоретический и идеологизированный характер, в духе своего времени, что конечно, несколько снижает к ней интерес современных исследователей. К. М. Колобова характеризует рабовладельческий полис и его классовые основы, указывает, что «... в рабовладельческих государствах эллинистического периода экономической основой существовавшей тогда противоположности между городом (πόλις) и деревней (χώρα) была эксплуатация деревни городом в форме экономического господства города над деревней...». По мнению К. М. Колобовой «... политическая организация городов ... была тем элементом надстройки, которая содействовала укреплению экономического господства городов в системе единого рабовладельческого государства»²⁴. Но не эти положения исторического материализма стали главными в статье, поэтому не станем делать акцент на них: обстановка начала 50-х годов — завершающего периода деятельности И. В. Сталина — неизбежно оказывала ощутимое влияние на воззрения ученых — историков и определяла манеру изложения

²² *Кржяшарян С. М.* Эллинистические города Малой Азии и Армении и их взаимоотношения с царями: Автореф. ... дисс. канд. исторических наук. Ереван, 1964; *Кошеленко Г. А.* Греческий город на эллинистическом Востоке. М., 1979; *Климов О. Ю.* Полис в системе эллинистической монархии (на материалах Пергамского царства). Диссертация... кандидата исторических наук. Л., 1983; *Новиков С. В.* Городской строй Суз — Селевкии на Эвлее по данным эпиграфики // Вестник МГУ. 1982. № 2, серия 8, история. С. 78–89.

²³ *Welles Ch. B.* The Royal Correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934; *Bickerman E.* Institutions des Seleucides. P., 1938; *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxford, 1941; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. 1–2. Princeton, 1950.

²⁴ *Колобова К. М.* Положение... С. 48, 49.

любой научной темы. Важнее в данном случае иное: как только К. М. Колобова переходит к рассмотрению материала источников и самостоятельному исследованию, ее работа приобретает строгий академический характер и наполняется множеством ценных сведений, выводов и наблюдений, не утративших своего значения по сей день.

Ксения Михайловна констатировала очень важное положение, что города, вошедшие в состав Боспорского государства, сохранили свои гражданские общины и полисное самоуправление; их вхождение в состав Боспорского царства не привело к исчезновению института полисного гражданства. К. М. Колобова также выразила мнение о сохранении в полисах, подчинявшихся боспорским царям, своего гражданского ополчения и специальных магистратов, ведавших военными вопросами, — стратегов²⁵. Исследуя материалы, показывающие эволюцию городского строя полисов Боспора, К. М. Колобова пришла к выводу о возвышении в городах знатных и богатых семей, в результате чего решающая роль в полисе перешла от народного собрания к совету и магистратам города²⁶. Источники убедительно свидетельствуют, что данный процесс носил весьма широкий характер и засвидетельствован в разных регионах эллинистического мира: факты о выделении в городах эллинистического мира слоя людей, которые обладали высоким имущественным положением, играли в общинах важную роль и вместе с тем отличались преданностью монархии, являлись опорой власти царей в греческих полисах, весьма многочисленны. Поэтому данный вывод К. М. Колобовой был сделан «в унисон» с наблюдениями таких ученых как У. Тарн, Д. Мейджи, М. И. Ростовцев²⁷.

Характеризуя политику Спартокидов по отношению к полисам, К. М. Колобова указала на стремление власти осуществлять контроль над городами с помощью разных средств, в том числе с

²⁵ Колобова К. М. Положение... С. 68.

²⁶ Колобова К. М. Положение... С. 70.

²⁷ Например, OGIS. 339; МАМА. VI, 173; IvP. 99–103, 108. См. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 78–79, 103–104, 115; Magie D. Roman Rule... Vol. 1. P. 257; Vol. 2. P. 1130–1131; Rostovtzeff M. The Social and Economic History... Vol. 2. P. 819 сл. Об аналогичных социальных процессах в Ольвии и других полисах Северного Причерноморья см. в исследованиях более позднего времени: Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 3, 148–149; Шелов Д. Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967. С. 223.

помощью введения царских культов. В статье К. М. Колобова выступила против тенденции ряда отечественных ученых принижать роль полисной автономии в тех городах, что находились под властью короны. Возражая А. И. Болтуновой, которая утверждала, что в Пантикапее «ни народное собрание, ни городские магистраты в политической жизни никакого значения не имели», К. М. Колобова пишет: «правильнее было бы сказать, что они имели значение, но другое, чем в автономных полисах классического периода»²⁸.

При этом Ксения Михайловна подметила весьма интересный факт, который не присутствует в эллинистических государствах, и поэтому его можно считать особенностью Боспорского царства: в источниках встречаются указания на то, что за пределами государства, когда идет речь о выходцах из городов Боспора, появляется демотикон «боспорец». Чем вызвано его появление, неясно. Возможно, он связан с более интенсивным процессом интеграции городов и меньшей ролью полисной автономии. Может быть, дело в том, что в греческом мире города Боспора по отдельности были мало известны, поэтому греки Балканской Греции и Малой Азии рассматривали и воспринимали их в комплексе, в их географическом и политическом единстве? Ответа на данный вопрос исследователь не предложила, но в этой связи обратила внимание на то, что жители Родоса обозначались за пределами своего государства как «родосцы», тогда как на самом острове — как жители конкретного города²⁹. Что касается эллинистических царств Селевкидов, Птолемеев или Атталидов, то в источниках не зафиксированы общегосударственные демотиконы, в самих этих государствах не сложился институт единого гражданства, и имелось лишь гражданство городское — полисное.

Подводя итог исследованию К. М. Колобовой темы взаимоотношений полиса и монархии, следует отдать должное К. М. как ученой в связи с тем, что небольшая статья, написанная в начале 50-х годов прошлого столетия, не по теме ее основных научных интересов, содержала весьма важные выводы и наблюдения, которые подкрепляются материалами истории эллинистических царств. Исследования более позднего времени, посвященные городам в царствах Селевкидов, Птолемеев, Атталидов, Понтийских царей, показыва-

²⁸Колобова К. М. Там же. С. 54. прим. 6.

²⁹Там же. С. 53.

ют в принципе сходную ситуацию, разумеется, с неизбежными местными вариациями и особенностями.

Вопросы политической истории эллинизма также интересовали К. М. Колобову: им она посвятила две статьи, которые при всех различиях между ними составляют некое тематическое единство: это работы о Фарнаке I Понтийском и Аттале III, последнем царе Пергамского государства³⁰. Оба исследования посвящены царствам, возникшим в Малой Азии, и сыгравшим немалую роль в системе отношений Рима с эллинистическими государствами. Статьи невелики по объему, но весьма содержательны и показывают, что тема распространения римской власти на Востоке привлекала внимание К. М. Колобовой. В этих далеких друг от друга, как кажется на первый взгляд, сюжетах К. М. выразила сложившееся у нее представление о том, что эллинистические царства избрали две модели отношений с Римом — союзнические отношения, ориентация внешней политика на Рим, как это сделали пергамские цари, и сопротивление римской экспансии, как правители Понтийского государства.

Основное содержание статьи о Фарнаке I составляет характеристика его внешней политики. Анализируя договор 179 г. до н. э. Фарнака I с Евменом II и Ариаратом (Polyb. XXV. 2, 3–15), а также херсонесскую надпись с текстом договора о дружбе с понтийским царем (IOSPE. I. 402) и некоторые другие источники, К. М. Колобова пришла к выводу, что политика союзов и договорных отношений с широким кругом партнеров в Причерноморском регионе свидетельствует о «... планах подчинения влиянию Понта всего черноморского побережья». Таким образом, политика Митридата VI Евпатора, направленная на создание обширного государства, включающего в свой состав Причерноморье, определилась уже при Фарнаке I³¹. При этом, как указывает К. М. Колобова, свою внешнюю политику понтийские цари проводили вопреки намерениям Рима и в противовес его интересам.

В противоположность Понтийским царям Атталиды, по мнению К. М. Колобовой, после битвы при Магнесии (190 г. до н. э.) и Апа-

³⁰ Колобова К. М. Фарнак I // ВДИ. 1949. № 3. С. 27–35; Она же. Аттал III и его завещание // Древний мир. Сб. статей. М., 1962. С. 545–554.

³¹ Колобова К. М. Фарнак I. С. 35. Подробнее о политике Фарнака I см.: Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 67–86.

мейского мира (188 г. до н. э.) «...потеряли свою самостоятельность, превращаясь все более в инструмент римской восточной дипломатии. Логическим концом этого явилось завещание Аттала III в 133 г. до н. э.»³². Едва ли возможно безоговорочно согласиться с подобной характеристикой внешней политики Атталидов середины II в. до н. э. Известно о ряде вполне самостоятельных внешнеполитических акций Евмена II и Аттала II, о недовольстве части римской политической элиты их деятельностью и о значительном охлаждении отношений между Римом и Пергамом, которое было вызвано именно определенной самостоятельностью пергамских царей³³.

Собственное видение методов римской внешней политики, направленной на территориальные захваты и уничтожение других государств, К. М. Колобова особенно ярко показала в известной статье, посвященной завещанию последнего пергамского царя Аттала III. Необычность данной работы в том, что Ксения Михайловна обратилась к весьма спорному и недостаточно обеспеченному надежными источниками сюжету. Как известно, события конца истории Пергамского царства, странное завещание Аттала III, мотивы, которыми он при этом руководствовался, наконец, содержание документа — любой из названных аспектов темы носит проблемный характер, служит темой продолжительной, не завершенной до сих пор научной дискуссии. Поэтому статья об Аттале III в немалой степени нетипична для творчества К. М. Колобовой, так как в данной работе, как ни в какой другой, строгий исследователь, каким, безусловно, К. М. всегда являлась, использует многочисленные допущения и предположения. К. М. Колобова обратила внимание на то, что в античных нарративных источниках личность Аттала III рисуется исключительно черными красками. По ее мнению это объясняется тем, что в римской публицистике и исторической науке существовала тенденция к крайне негативному изображению некоторых эллинистических царей, в частности, Атталидов. В этой связи К. М. Колобова обращается к данным эпиграфических источников времени царствования Аттала III, которые оставляют совершенно

³²Колобова К. М. Фарнак I. С.27.

³³Подробнее: *Климов О. Ю.* Царство Пергам. Очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 36–44; *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca, London. 1947. P. 92–133; *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. Munchen. 1977. S. 55–58, 68–70.

иное впечатление о нем, как о политическом деятеле. На это важное обстоятельство обращали внимание еще Дж. Кардинали, а затем П. Фукар, Э. Хансен и ряд других исследователей³⁴. Поэтому К. М. Колобова отказывается от достаточно распространенного восприятия личности Аттала III на основе лишь дошедшей нарративной традиции как убийцы, тирана, деспота и сумасшедшего. По ее мнению последний пергамский царь был вполне дееспособным политическим лидером, продолжавшим политику своих предшественников. Известно, что среди немногих деяний Аттала III какая-то не известная победа над внешним врагом (надпись, в которой победа упоминается, фрагментирована — OGIS. 332), в также вполне конструктивная политика в отношении местных храмов, жречества (ср. RC. 66–67, 69) и популярных в греческом мире технитов Диониса (Strab. XIV. 1, 29). В этой связи К. М. Колобова высказала предположение, что Аттал III пал жертвой римской политики, возможно, был отравлен³⁵.

Данная статья, как любая яркая и своеобразная научная работа, не утратила своего значения к настоящему времени. Несомненную ценность сохраняет ряд ее положений — о том, что Аттал III и, если рассматривать вопрос несколько шире, Пергамское царство, стали жертвами целенаправленной Римской политики. Признавая, что завещание Аттала III существовало, К. М. Колобова высказывает интересное предположение о том, что римляне подменили его содержание, так как, по ее мнению, последний пергамский царь завещал Риму не все царство, но свои царские владения. Причиной завещания К. М. Колобова считала нестабильную социально-политическую обстановку в государстве, опасения Аттала III, что

³⁴Колобова К. М. Аттал III и его завещание // Древний мир. Сб. статей. М., 1962. С. 548–549; Юлжина О. Н. Пергамский декрет 133 г. до н. э. // ВДИ. 1947. № 4. С. 165; Cardinali G. La morte di Attalo III e la rivolta di Aristonico // Saggi di Storia Antica e di Archaeologia offerti a G. Beloch. Roma. P. 269–320; Foucart P. La formation de la province Romaine d'Asie // Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1904. T. 37. P. 297–339; Hansen E. The Attalids... P. 142–143. В более позднее время эту идею выражали А. П. Беликов, Й. Хопп и Д. Энгстер: Беликов А. А. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 144–145; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte... S. 116; Engster D. Attalos III. Philometor — ein "Sonderling" auf dem Thron? // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. 2004. Vol. 86, Fasc. 1. S. 66–82. Подробнее см.: Климов О. Ю. Царство Пергам. С. 45–46.

³⁵Колобова К. М. Аттал III... С. 551, 554.

Рим осуществит экспансию³⁶. Наконец, К.М. подметила, что завещание Аттала III невозможно понять в отрыве от сложившейся политической обстановки и вне связи с целой серией других завещаний — Птолемея Киренского, Никомеда III, царя Вифинии³⁷. Следует признать, что некоторые из предложенных К.М. Колобовой утверждений выглядят спорно, но их достоинство в том, что они активизируют дальнейшее исследование.

Научное творчество К. М. Колобовой в современных условиях не утратило своего значения и по-прежнему воспринимается с большим интересом. Что касается методологии, которую использовала Ксения Михайловна, то она явилась результатом ее осознанного выбора, а не простым следованием требованиям времени. К. М. Колобова, как любой ученый, имела право на выбор методологии, и современный читатель ее работ должен уважать этот выбор, независимо от того, согласен он с ним или нет. Внимательный читатель отметит в работах К. М. Колобовой иную расстановку акцентов по сравнению с современными трудами, в некоторых случаях подчеркнет стремление к однозначной марксистской теоретизации в духе учения о классовой борьбе, но при этом также ощутит глубокое и тщательное самостоятельное исследование первичного исторического материала, отличное знание отечественной и зарубежной научной литературы, а также множество важных наблюдений, оценок и выводов, не утративших своего значения до настоящего времени.

³⁶ *Колобова К. М.* Аттал III... С. 553–554.

³⁷ *Колобова К. М.* Аттал III... С. 545.

Под началом Доватура

Летом 1968 года я получил диплом выпускника филологического факультета Ленинградского государственного университета, а осенью был приглашен на кафедру классической филологии в качестве ассистента. Я уже приступил к работе в медицинском институте. О преподавании в университете даже и не мечтал и потому сразу принял приглашение поработать по совместительству на вечернем отделении филфака.

Роль преподавателя давалась мне с трудом. Многому пришлось учиться заново. Обратиться за советом к старшим коллегам не решался: боялся показаться в их глазах недоучкой. Опять уселся за грамматику латинского языка, но — вот беда — как надо преподавать ее, в учебниках не написано. Оказалось, что знать и научить этому других — далеко не одно и то же. К довершению всего напомним о себе пробелы в моем университетском образовании, ведь латынь и древнегреческий язык за первый курс классического отделения я сдавал экстерном: до того я в течение года был студентом отделения русского языка и литературы.

Меня одолевали сомнения, появилась неуверенность... И вдруг неожиданно пришла помощь — и не от кого-нибудь, а от самого заведующего кафедрой, Аристиды Ивановича Доватура. Он предложил мне принять участие в коллективном переводе на русский язык древнегреческого историка Геродиана. Такое же предложение он сделал моему товарищу по студенческой группе Юре Поплинскому, а также А. К. Гаврилову, Н. В. Шебалину и двум выпускникам кафедры: М. В. Скржинской и Н. М. Ботвинник — в разные годы учившимся у него.

Доверие, оказанное мне заведующим, окрылило меня. Я почувствовал уверенность в своих силах.

Согласовав все вопросы, Аристид Иванович собрал нас и ввел в курс дела. «Перевод “Истории” Геродиана, — сообщил он, — заказан журналом “Вестник древней истории”; уже установлены сроки подачи готового материала». Потом он поделился своим переводческим опытом. В мою память запало его соображение об исторической перспективе, помнить о которой — обязанность каждого переводчика. А сказал он приблизительно следующее:

— Когда мы с Марией Ефимовной Сергеенко взялись за перевод «Писем» Плиния Младшего, в качестве стилистического ориентира мы выбрали Чехова, потому что в хронологическом ряду русских писателей он занимает место примерно такое же, какое в римской литературе занимает Плиний. Не годится переводить одинаково Геродота, жившего в V веке до н. э., и Плутарха, жившего во II веке н. э. От вас же требуется одно — предельная простота и точность перевода; об остальном я, как редактор, позабочусь сам.

Перед тем как нас распустить, он предложил нам регулярно отчитываться о проделанной работе. Меня это устраивало, и я каждый месяц приносил очередную порцию готового перевода. Мы располагались в свободной аудитории. Я читал переведенные главы. Аристид Иванович сверял их с текстом оригинала. Иногда он останавливал меня и просил что-нибудь поправить или переделать фразу полностью.

Казалось, время вернулось назад: я — снова студент и сдаю Аристиду Ивановичу домашнее чтение, с той лишь разницей, что он нет-нет да и заглянет в лежащий рядом немецкий или французский перевод, иногда соглашаясь с ним, иногда, смешно фыркнув, небрежно отдвигая книгу в сторону.

Я чувствовал себя опять учеником и не стеснялся задавать вопросы. Помнится, я спросил, кто такие упомянутые Геродианом серы, и был сильно удивлен, узнав, что это, по всей видимости, китайцы.

Работа над переводом оказалась для меня спасительной. Она отвлекала от тревожных мыслей о том, как я завтра войду в аудиторию и что буду говорить студентам.

Между тем с коллективным переводом не заладилось. О соблюдении установленного срока не могло быть и речи. Летом я получил от Доватура письмо. Оно было послано из Луги, где он проводил свой отпуск. «Некоторые из нас, — писал Аристид Иванович, — затянули перевод; издательство недовольно». Прозвучавшее в письме беспокойство было не напрасным: наше детище увидело свет лишь в 1972 году — с большим опозданием.

А когда работа была завершена, перепечатана машинисткой (все расходы взял на себя Доватур) и выстраданная бандероль ушла наконец в Москву, на открытом заседании кафедры состоялось наше коллективное выступление с чтением отрывков из перевода. Мы выходили один за другим в алфавитном порядке — в такой последо-

вательности были распределены между нами части геродиановской «Истории». Аристид Иванович не скрывал своей радости и называл наше выступление «хоровым пением». «А теперь, — объявлял он каждый раз ликующим голосом, — к числу участников хорового пения присоединяется...» — и торжественно называл имя очередного выступающего.

Тем временем жизнь на факультете шла своим чередом. Одна экзаменационная сессия сменялась другой, за зимними каникулами следовали летние, и вновь — занятия, занятия, занятия...

Отбыв положенные два года в медицинском институте, я работал уже только в университете, на филологическом и историческом факультетах. День мой был заполнен до отказа. Теперь на меня навалилась и общественная работа. Ведь я еще не вышел из комсомольского возраста. Происходившего на кафедре я не замечал. В памяти сохранились лишь отдельные, не связанные между собой, эпизоды кафедральной жизни.

Вот я помогаю Гаяне Галустовне Шаровой принимать экзамен по античной литературе у заочников. В те годы их было много: на каждом курсе человек семьдесят. Они очень разные: юные и уже не молодые, способные и не очень; многие приехали из российской глубинки.

Тусклый январский день. Мы сидим уже более пяти часов, а конца экзамену не видно. Вдруг отворяется дверь, и входит Доватур. Возможности помочь экзаменаторам он ни за что не упустит. Вот и сейчас, коротко переговорив с Шаровой, он устроился в сторонке и уже кого-то экзаменует.

Отовсюду слышны голоса отвечающих.

Передо мной — пожилой тщедушный субъект. Он рассказывает о Лукреции. Слова «материализм», «атомизм», «атеизм» так и сыплются из него. Они действуют на меня, как комариные укусы. Он говорит о Ленине, Энгельсе, Марксе. Видимо, по учебнику диалектического материализма. Он уверен в своей «пятерке». А я — в ужасе. Но остановить его не решаюсь, хотя единственное мое желание — поскорее избавиться от него.

Вдруг за спиной шепот: «Это вы экзаменуете своего дедушку». Меня аж в жар бросило. Пока я приходил в себя, Аристид Иванович (это, конечно, был он) уже как ни в чем не бывало продолжал экзаменовывать своего студента.

Разумеется, это — чистейшей воды озорство. Его склонность к

шуткам общеизвестна. Был и такой случай. Отмечался мой день рождения. Самый дорогой гость — Аристид Иванович, первое слово — ему. Начал он так:

— Лень, глупость, отсутствие способностей, заносчивость, — по мере того как он говорил, лица присутствующих вытягивались, — неумение ладить с людьми, неуважение к старшим... — казалось, он не замечал производимого им эффекта, — эти качества, — невозмутимо продолжал Доватур, — виновнику сегодняшнего торжества... не свойственны. — У гостей вырывается вздох облегчения. — А вот такие качества, как...

Дальше я не слушал, от пережитого шока мне было не по себе.

Спустя несколько лет я попытался повторить этот опасный трюк своего учителя — не тут-то было: на меня зашикали со всех сторон, я сбился и, промямлив что-то в свое оправдание, замолчал и весь вечер не открывал рта.

...Наше общение с Аристом Ивановичем ограничивалось по большей части короткими разговорами в факультетских коридорах. Он уже не опекал меня, как прежде, в бытность мою студентом. У него появились новые любимчики. Теперь они царили в его сердце. Им он дарил книги. Их водил в театр и выручал на экзаменах по социально-экономическим дисциплинам, на которых риск провалиться был особенно велик.

— Сегодня я был на экзамене у наших малюточек, — такими словами остановил меня Доватур. — Они сдавали политическую экономию социализма. Экзаменовал их небезызвестный вам... — и он произносит звучную фамилию экзаменатора — Ши-ро-ко-рад.

Сколько я его помню, он всегда коллекционировал необычные фамилии и доискивался до их происхождения.

— А вы знаете, откуда у поэта Фоякова такая фамилия? — спрашивает он и сам отвечает, — от немецких предков: Фояков — это не что иное, как фон Якоб.

В студенческой толпе я иногда принимал за Доватура профессора Мануйлова. Оба — невидные: маленькие, лысые; их легко спутать, особенно сзади — и тот и другой носили серые пиджаки.

Виктор Андроникович — личность известная: поэт, ученый, автор «Лермонтовской энциклопедии», участник гражданской войны. Однажды он организовал на факультете встречу с не менее интересным человеком — писателем и блистательным рассказчиком Ираклием Андрониковым.

Актный зал был заполнен до отказа. Андроников — импозантен и артистичен. У него хорошо поставленный голос, который легко узнавали, как узнавали голоса футбольных комментаторов — В. Набутова, К. Махарадзе, Н. Озерова. Ираклий Луарсарбович часто выступал по радио и телевидению с рассказами о своих исследованиях и находках. Он — автор книг о Пушкине и Лермонтове. Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко появились на экранах телевизоров значительно позже.

Свое выступление Андроников начал с шутки:

— С Мануйловым нас объединяет дружба, общее увлечение Лермонтовым и, конечно, то, что я — Андроников, а он — Андроникович.

Я не знаю, в каких отношениях между собой были Мануйлов и Доватур. Но когда они, стоя друг против друга, о чем-то оживленно беседовали, создавалось впечатление, что один — зеркальное отражение другого, правда, Доватур, в отличие от Мануйлова, носил очки, из-под которых на вас смотрели, как мне тогда казалось, смеющиеся лукавые глаза. Он обладал способностью улыбаться даже плотно сжатыми губами.

Его лицо несколько портило большое черное пятно на виске, но со временем он избавился от него.

От Аристиды Ивановича исходило постоянное тепло. Когда при встрече он с приветливой улыбкой протягивал вам свою мягкую теплую ладонь, вы тотчас попадали под его обаяние. «Какой приятный жизнерадостный человек», — думал каждый, поздоровавшись с ним.

Аристиды Ивановича любили. К нему тянулись самые разные люди. Один из них — Фима-гардеробщик. Он царил в гардеробе, в который мы попадали, спустившись по ступенькам из вестибюля факультета. Черная как смоль борода делала его похожим на раввина. Он не спеша прохаживался за гардеробной стойкой и, попыхивая трубкой, медленно ронял слова. Ему благоговейно внимали служившие в гардеробе старушки. О, сколько в нем было величия и понимания своей значительности!

Я невольно робел перед ним, подобно тому, как робел, завидев в факультетском коридоре Георгия Пантелеймоновича Макогоненко, возглавлявшего кафедру истории русской литературы. Когда высокий тучный Макогоненко, в роскошном костюме, с толстой сигарой

у рта, шествовал по коридору, казалось — в тесную гавань вплывает красавец-фрегат.

Но что ни говори, Макагоненко — небожитель, он — там, наверху, а здесь, в гардеробе — власть бородатого Вельзевула. Мне, тогда совсем еще юному преподавателю, хотелось завоевать его расположение, и я, зная, что он — страстный коллекционер, подарил ему китайские марки без зубчиков — в то время большую редкость. Фима марки взял, выпустил струйку табачного дыма — и этим все ограничилось. Высокой чести раздеваться у него я не удостоился и продолжал пользоваться услугами милых приветливых старушек.

Но стоило только появиться в гардеробе Аристиду Ивановичу, как Фима тут же кидался навстречу, предлагая свою помощь. И когда после непродолжительной заминки доватуровские пальто и шапка находили свое место на вешалке, а галоши под стойкой, между профессором и гардеробщиком начинался доверительный разговор. Фима был в курсе всего происходившего на факультете и делился новостями. Вдобавоку ко всему, он прекрасно переплетал книги, и Доватур часто пользовался его умением, щедро вознаграждая за труд.

Вечером все повторялось. Сначала — галоши, затем — шапка, наконец пальто, которое Фима бережно опускал на плечи Аристида Ивановича, а тот делал легкое движение рукой, и на стойке появлялась и тут же исчезала в круглой коробочке из-под монпансье заранее приготовленная монетка.

Но так будет вечером. А сейчас, выслушав Фиму, Доватур устремляется на кафедру. Пока он до нее доберется, пройдет немало времени. Он обязательно задержится у книжного киоска переговорить с продавщицей, сделать заказ или забрать отложенные для него книги.

Однажды я увидел, как он понес от киоска большую пачку книг. Узнав от продавщицы, что это стихотворения Горация с комментариями и статьей М. Л. Гаспарова, я тотчас бросился вдогонку: стоит только промедлить, и все книги окажутся у малюточек.

Горация я все-таки получил, несмотря на недовольство, выраженное Аристидом Ивановичем. Видимо, я расстроил его планы.

...Доватур — мой начальник. Но я не помню, чтобы он что-то приказывал или делал какие-то распоряжения. Он заседал в неведомых мне Ученых советах и дважды в месяц проводил заседания

кафедры, на которых по своему обыкновению много шутил, смеялся, иронизировал.

Иногда вдруг взрывался, причем без видимой причины. Вот характерный пример. Кто-то произнес слово «проблематика». «Ну что это такое! — возмущается Доватур. — Это все равно, что о нескольких стульях сказать “стулатика”».

«Опять чудит», — перешептываются кафедральные дамы. В действительности здесь правят они. Как только возникает какой-нибудь организационный вопрос, Аристид Иванович с кислой улыбкой объявляет: «Ну об этом нам скажет такая-то...»

Я не осуждаю его. Я еще не знаю, как должно быть на самом деле. В 1957 году через десять лет после десятилетнего заключения его, бывшего зека, жертву политических репрессий, сделали заведующим кафедрой, и с тех пор он послушно тянет лямку. Единственная его задача — не мешать партийной группе. Он принял это условие, которое его, человека, по всей видимости, неамбициозного, устраивает. Впрочем, не вполне. Он не смог оставить на кафедре своего любимого ученика Юру Поплинского.

Между тем в нашей жизни грядут важные перемены. Докторскую диссертацию защитил Ю. В. Откупщиков. Осенью 1971 года он должен сменить Доватуру на посту заведующего. Аристид Иванович перейдет работать в Институт истории.

А пока все как прежде. Аристид Иванович открывает очередное заседание кафедры. Он дает слово докладчику и снимает очки. Он снимает очки, и я вижу перед собой его глаза — близорукие, беспомощные, и совсем не веселые.

Роль кафедры истории древней Греции и Рима ЛГУ в становлении антиковедения в Нижегородском государственном университете

Антиковедение, как одно из приоритетных направлений научной и учебной работы в стенах Нижегородского университета, становится таковым на историческом факультете Нижегородского (тогда Горьковского) государственного университета в 70-е годы XX века. Определяющую роль в этом сыграло научно-педагогическое сотрудничество ННГУ с кафедрой истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского) университета. Начало этому сотрудничеству было положено приглашением для ведения курса античной истории в ННГУ в 1954 г. выпускника кафедры истории древней Греции и Рима ЛГУ 1947 г. *Владимира Григорьевича Боруховича*. Его учителями были выдающиеся российские ученые: академик Иван Иванович Толстой, профессора Сергей Иванович Ковалев, Соломон Яковлевич Лурье и другие. Владимир Григорьевич окончил университет с отличием и тогда же поступил в аспирантуру кафедры. Его научным руководителем здесь стал профессор Сергей Иванович Ковалев. После защиты 12 сентября 1950 г. кандидатской диссертации и до марта 1954 г., Владимир Григорьевич работал в Мурманском педагогическом институте, где приобрел опыт преподавательской работы. Таким образом, в Нижегородский университет он пришел уже достаточно подготовленным преподавателем и ученым-исследователем. Он и стал основателем первой школы антиковедческих исследований в ННГУ¹.

С приходом доцента В. Г. Боруховича изучение античной истории и литературы получило новый импульс в развитии не только «вширь» (расширилась тематика спецкурсов и спецсеминаров, курсовых и дипломных работ), но и, что еще более важно, «вглубь». Студенты, специализирующиеся по античной истории, впервые получили возможность по настоящему изучать и использовать источники на древнегреческом и латинском языках. Помимо чтения

¹Молев Е. А., Мазляк А. В. Антиковедение // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 36.

общих языковых курсов, он организует дополнительные занятия древними языками в кружке античной истории, организованном при кафедре, а с особенно интересующимися античной историей проводит занятия и у себя на дому. О качестве лингвистической подготовки им студентов свидетельствуют следующие примеры.

Вспоминая о годах учебы в аспирантуре, доцент Маргарита Сергеевна Садовская как-то сказала: «Греческому языку и латинской эпиграфике В. Г. Борухович нас научил за один семестр так, что потом с московскими светилами А. Ф. Лосевым и Я. А. Ленцманом мы, аспиранты, только повторяли “зады” и бесконечно переводили Фукидида и Диона Кассия»². Декан исторического факультета Нижегородского педагогического университета В. М. Меженин, вспоминая студенческие годы, отметил, что на защите его курсовой работы на 4 курсе, посвященной Сократу, профессор-медиевист Н. П. Соколов, в общем-то недолюбливавший В. Г. Боруховича, заявил: «Вот это первая настоящая курсовая работа!»³. Один из последних нижегородских учеников В. Г. Боруховича Е. А. Молев, впоследствии стал организатором и одним из авторов первых нижегородских учебных пособий по латинскому и древнегреческому языкам для студентов историков⁴.

В настоящее время студенты ННГУ, специализирующиеся по кафедре истории древнего мира и средних веков, изучают древние языки в течение всего периода их обучения на кафедре, а также при дальнейшем обучении в магистратуре и аспирантуре. Эта важная традиция Санкт-Петербургского антиковедения — обязательное глубокое изучение классических древних языков и использование их в научной и преподавательской деятельности, принесенная на факультет В. Г. Боруховичем, стала фактором, благо-

²Садовская Маргарита Сергеевна // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Н. Новгород, 2004. С. 41.

³Профессор Владимир Григорьевич Борухович (к 80-летию со дня рождения). Н. Новгород, 2000. С. 7.

⁴*Ващева И. Ю., Касаткина Н. А., Махляюк А. В., Молев Е. А.* Практический курс латинского языка. Н. Новгород, 2000; переиздание: *Ващева И. Ю., Касаткина Н. А., Махляюк А. В., Молев Е. А., Сивкина Н. Ю.* Практический курс латинского языка. Н. Новгород, 2002; *Молев Е. А., Махляюк А. В.* Практическое пособие по древнегреческому языку. Н. Новгород, 1998; Ими же подготовлено и опубликовано учебное пособие по древнегреческому языку для неисторических специальностей. См. *Молев Е. А., Махляюк А. В.* Введение в древнегреческий язык. Н. Новгород, 2005.

даря которому антиковедение в Нижегородском университете изначально развивалась как комплексная историко-филологическая дисциплина.

Кроме того, Владимир Григорьевич активно поддержал заложенную еще его предшественниками С. И. Архангельским и Н. И. Голубцовой⁵ традицию участия нижегородских студентов-античников в работах Боспорской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, а затем Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа. Эта традиция также продолжается до настоящего времени. В настоящее время ее активно развивает профессор Е. А. Молев и его ученики, работающие на кафедре и в ряде других вузов Нижнего Новгорода.

По инициативе В. Г. Боруховича было организовано и прохождение студентами ННГУ преддипломной практики в библиотеках Ленинграда. Во время ее им организовывались экскурсии по памятникам и музеям Ленинграда и его окрестностей, что существенно поднимало культурный уровень студентов, их заинтересованность в получении новых знаний.

Годы работы в Нижегородском университете были плодотворны и в научном, и в педагогическом творчестве Владимира Григорьевича. Он не только сам стал за 15 лет работы в Нижегородском университете доктором исторических наук, профессором, но и подготовил целый ряд учеников, некоторые из которых также выбрали тернистый путь науки и добились в ней признания. Особо следует упомянуть выпускницу 1961 года Маргариту Михайловну Елизарову (1937–1982 гг.), ставшую впоследствии крупным специалистом по древней истории Востока и, к сожалению, слишком рано ушедшую из жизни. Владимир Григорьевич первым заметил несомненные дарования своей ученицы, помог ей в изучении древних языков и не раз помогал в дальнейшем, когда Маргарита Михайловна уже работала в Ленинграде.

Под руководством Владимира Григорьевича прошел путь от студента до профессора выпускник ННГУ 1968 года Евгений Александрович Молев. В настоящее время он успешно продолжает на родном факультете научно-педагогические традиции своего учителя уже в качестве декана факультета.

⁵Илларионов В. Т. Историческая наука в Горьковском университете // ГАНУ. Ф. 6161. Оп. 4. Д. 4.

Некоторые из нижегородских учеников Владимира Григорьевича впоследствии избрали иные (неантичные или не чисто исторические) направления научных исследований, но все они с теплотой и благодарностью вспоминают своего первого учителя в науке и уверены, что заложенные им знания оказали существенную помощь в их творчестве. Среди них следует назвать выпускника 1966 года В. М. Меженина, ставшего известным специалистом в области истории средних веков, долгое время работавшим в качестве декана исторического факультета Нижегородского педагогического университета.

Кандидатом исторических наук по специальности «археология» и доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского университета стала выпускница 1969 года Н. В. Молева (Бузун). В настоящее время она является признанным специалистом в области сакральной истории античного Боспора.

После перехода в 1969 г. В. Г. Боруховича в Саратовский государственный университет плодотворные научные контакты и сотрудничество с кафедрой истории Древней Греции и Рима ЛГУ были продолжены. Эстафету антиковедения на кафедре всеобщей истории ННГУ принял другой выпускник кафедры истории Греции и Рима ЛГУ — Владимир Михайлович Строгоцкий. Проблематика и исследовательские подходы научной работы В. М. Строгоцкого определились еще в годы его учебы в Ленинградском университете. Здесь его учителями были такие крупнейшие специалисты, историки и филологи-классики, как К. М. Колобова, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, Л. М. Глускина, А. И. Зайцев, Ю. В. Андреев и Э. Д. Фролов. Окончив аспирантуру ЛГУ в 1969 г., В. М. Строгоцкий уже в годы работы в Горьком, в 1973 г., защитил кандидатскую диссертацию под руководством К. М. Колобовой и посвященную внешней политике Спарты во второй половине VI — первой половине V в. до н. э. Докторская диссертация им была подготовлена в докторантуре кафедры истории Греции и Рима Ленинградского университета под руководством профессора Э. Д. Фролова и успешно защищена в том же университете в 1987 г.

С 1971 по 1988 гг. В. М. Строгоцкий работал на историческом факультете ННГУ в качестве доцента, профессора и зав. кафедрой. Высокий уровень профессиональной подготовки нижегородских антиковедов того времени и дальнейшее расширение акаде-

мических связей, прежде всего с кафедрой истории Греции и Рима ЛГУ, обусловили основательность и весомость результатов их научно-исследовательской работы. Это в немалой степени способствовало реорганизации кафедры всеобщей истории ННГУ и выделению из ее состава в 1975 г. кафедры истории Древнего мира и Средних веков⁶. Неслучайно уже вскоре после ее создания кафедрой возглавил В. М. Строгецкий. Это способствовало дальнейшему расширению и углублению контактов между нижегородской и петербургской кафедрами. Как воспитанник ленинградской школы он также придавал особое значение филологической стороне антиковедения. Так, ему удалось восстановить прекращенное после ухода В. Г. Боруховича преподавание древнегреческого языка, причем не как факультатива, а как обязательного предмета для всего I курса.

Важнейшим и наиболее ярким проявлением сотрудничества с кафедрой истории Греции и Рима ЛГУ стало совместное издание межвузовского сборника научных работ «Из истории античного общества». Этот сборник стал первым специализированным антиковедческим изданием в Нижнем Новгороде. Его первым ответственным редактором был заведующий кафедрой истории Древней Греции и Рима ЛГУ профессор Эдуард Давидович Фролов⁷. Это в значительной степени обеспечило высокий уровень профессиональной подготовки статей, с одной стороны, а с другой — дало хороший опыт редакторской работы В. М. Строгецкому, впоследствии возглавившему редколлегияу сборника⁸.

Другим важным фактором сотрудничества стало проведение стажировок молодых нижегородских преподавателей на кафедре истории Греции и Рима Ленинградского университета и чтение лекций преподавателями Ленинградского университета для студентов историков Нижегородского университета. Судя по воспоминаниям

⁶ Молев Е. А. Антиковедение и медиевистика в Нижегородском университете // Проблемы антиковедения и медиевистики. Н. Новгород, 1999. С. 3.

⁷ См.: Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 1 / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Горький, 1975; Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 2 / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Горький, 1979; Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 3 / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Горький, 1983.

⁸ Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 4 / Отв. ред. В. М. Строгецкий. Горький, 1986; Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 5 / Отв. ред. В. М. Строгецкий. Горький, 1988.

выпускников, им особенно запомнились яркие и впечатляющие своей эрудицией лекции Э. Д. Фролова⁹.

Основным направлением в научных исследованиях В. М. Строгеецкого стало изучение широкого круга вопросов, относящихся к политической истории Эллады в эпоху ранней классики (V в. до н. э.), которым до этого уделялось явно недостаточное внимание в отечественной историографии советского периода с характерным для него приоритетом социально-экономической проблематики. Благодаря ему и В. Г. Боруховичу изучение истории позднеархаической и классической Греции и в настоящее время продолжает оставаться одним из исследовательских направлений на кафедре истории древнего мира и средних веков ННГУ. В частности, история афинских военно-земледельческих поселений и колоний VI–IV вв. до н. э. получила освещение в работах доцента Н. А. Касаткиной. Различные аспекты создания, устройства и эволюции Второго Афинского морского союза, взаимоотношения Афин и их союзников исследуются старшим преподавателем В. В. Антоновым. Отметим, что Н. А. Касаткина закончила аспирантуру ЛГУ и защитила кандидатскую диссертацию под руководством Э. Д. Фролова, а В. В. Антонов, будучи аспирантом, участвовал в научных конференциях на кафедре истории Греции и Рима ЛГУ и получил немало очень ценных консультаций по проблемам своей диссертации у Э. Д. Фролова.

С 1976 г. начался новый важный этап в развитии сотрудничества кафедр ННГУ и ЛГУ. Под научным руководством Э. Д. Фролова на кафедре истории Греции и Рима ЛГУ началась подготовка аспирантов из числа выпускников нижегородского университета. Первым среди них был Сергей Кузьмич Сизов. Позднее, уже будучи доктором наук и профессором он так оценил качество предыдущего сотрудничества нижегородской и питерской кафедр: «... мне выпала удача продолжить свою профессиональную подготовку в аспирантуре и докторантуре Ленинградского университета. В питерской аспирантуре 70-х годов обучались люди едва ли не со всего Союза. Они приезжали в Ленинград с совершенно разным уровнем знаний и умений. Некоторым приходилось тратить годы на то, что-

⁹ *Малева Е. А. Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 21.*

бы хотя бы приблизиться к уровню выпускников ЛГУ. Именно тогда я смог оценить, насколько высоким было качество подготовки специалистов на нашем горьковском истфиле»¹⁰.

С. К. Сизов работал на кафедре с 1980 по 1997 г. (в 1987–1997 гг. он был заведующим кафедрой). С его приходом утверждается еще одно важное направление антиковедческих исследований — изучение истории Греции эллинистического времени (III–II вв. до н. э.)¹¹. Высказанные и аргументированные С. К. Сизовым положения, равно как и большинство его конкретно-исторических реконструкций, основанных на тщательном анализе эмпирического материала, стали существенным вкладом в разработку одной из значимых тем современного антиковедения и получили признание в науке¹². Изучение политической истории эллинистической Греции и в настоящее время продолжается на кафедре истории древнего мира и средних веков. Это направление разрабатывается в исследованиях ученицы С. К. Сизова Н. Ю. Сивкиной, посвященных межполисным объединениям конца III в. до н. э. (Коринфской и Эллинской лигам),

¹⁰Сергей Кузьмич Сизов // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Н. Новгород, 2004. С. 207.

¹¹Кандидатская диссертация С. К. Сизова, подготовленная на кафедре истории Древней Греции и Рима ЛГУ и защищенная в 1979 г., была посвящена провинциальной политике Рима в Сицилии (см.: *Сизов С. К.* Сицилия в сфере римской провинциальной политики (по «Верринам» Цицерона): Автореф. дисс. ... к. и. н. Л., 1979). По этой теме им была опубликована серия статей, в сборниках Ленинградского университета: Политический строй городов римской Сицилии // Вестник ЛГУ. 1980. Серия: История, язык, литература. Вып. 2. № 1; Объединения городов римской Сицилии // Проблемы античной государственности: Межвуз. сб. Л., 1983; Аграрная ситуация в Сицилии в середине II в. до н. э. и восстания рабов // Западное Средиземноморье в I тысячелетии до н. э.: Межвуз. сб. Л., 1985.

Позднее, в качестве докторской диссертации им разрабатывалась тема федеративного движения III в. и причин расцвета федеративных государств в эллинистической Греции. Основные работы по этой теме: Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.). М., 1989; Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз: Учебное пособие. Н. Новгород, 1990; О причинах расцвета федеративных государств в эллинистической Греции // ВДИ. 1992. № 2. С. 72–86; Федеративные государства эллинистической Греции: Ахейский и Этолийский союзы: Автореф. дис. д. и. н. СПб., 1993; Военная организация и военная реформа в Ахейском и Беотийском союзах (III–II вв. до н. э.) // Античное общество IV: Власть и общество в античности. СПб., 2001. С. 94–101.

¹²См.: *Самохина Г. С.* Рецензия: *Сизов С. К.* Ахейский союз: История древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н. э.). М., 1989 // ВДИ. 1992. № 4. С. 167–171.

взаимоотношениям греческих государств с Македонией, событиям Союзнической войны 219–217 гг. до н. э. между Этолийским союзом и Эллинской лигой, личности и деятельности македонского царя Филиппа V¹³.

Завершая краткий очерк истории сотрудничества кафедр, стоит отметить, что научное руководство Э. Д. Фролова сыграло немалую роль и в становлении как ученого и руководителя нынешнего декана исторического факультета ННГУ Е. А. Молева. Эдуард Давидович был его первым оппонентом при защите в 1977 г. в ЛГУ кандидатской диссертации. В последующие годы все свои научные и учебные стажировки Е. А. Молев проходил при кафедре истории Греции и Рима ЛГУ. И потому, когда после ухода С. К. Сизова с кафедры истории Древнего мира и Средних веков ННГУ он принял руководство этой кафедрой, сотрудничество между кафедрами продолжилось и расширилось. Так, было возобновлено издание сборника «Из истории античного общества». По сравнению с прежними, новые издания стали не только существенно большими по объему и разнообразными по проблематике, но и приобрели новую структуру, включив такие разделы, как «Античная археология» и «Переводы»; также заметно расширился — прежде всего за счет ведущих отечественных и зарубежных специалистов — и круг авторов, публикующих свои исследования на страницах сборника.

Несомненным и очень важным достижением последнего времени стала реализация задуманного несколько лет назад проекта по изданию совместными усилиями ученых Казанского, Нижегородского и Саратовского университетов поволжского антиковедческого журнала «*Antiquitas Aeterna*»¹⁴, призванного стать координатором и посредником в развитии научных связей между лидерами российской науки о древности — Москвой и Санкт-Петербургом — и провинциальными центрами, а также служить упрочению контактов с исследователями из ближнего и дальнего зарубежья, представляя широкую панораму самых современных подходов и на-

¹³Некоторые итоги ее исследований подведены в монографии: *Сижкина Н. Ю.* Последний конфликт в независимой Греции. Союзническая война 220–217 гг. до н. э. Санкт-Петербург, 2007.

¹⁴*Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Казань-Нижний Новгород-Саратов, 2005; Вып. 2. Казань-Нижний Новгород-Саратов, 2007.

правлений в изучении античного мира. В составе редакционной коллегии этого журнала также сотрудничают кафедры СПбГУ и ННГУ.

В целом представляется несомненным, что успешная научная и учебная деятельность членов кафедры истории Древнего мира и Средних веков ННГУ, а также административная работа ее заведующих в значительной степени есть результат успешного сотрудничества нижегородцев с кафедрой истории Древней Греции и Рима ЛГУ. И мы смело можем констатировать, что становление антиковедческой науки в Нижнем Новгороде было связано, прежде всего, с петербургской (ленинградской) школой, причем особо стоит отметить в этом процессе роль Эдуарда Давидовича Фролова. А главное, что сотрудничество это продолжается и будет и дальше способствовать качественному росту антиковедческих исследований в России.